

Толіна Граф

КНИГА 3

18+

ІНДИВІДУМ

ЕКВІЛІБРИС

Полина Граф

КНИГА 3

18+

ИНДИВИДУУМ

ЭКВИЛИБРИС



Annotation

Мир «Эквилибриса» – мир вечной борьбы Света и Тьмы, и по иронии судьбы лишь это противостояние удерживает Вселенную от коллапса. Здесь сражения ведут звезды и планеты, а люди – лишь безвольные винтики в военной машине.

С возвращения Антареса на небеса прошло больше года, и за небесами зреет конфликт, каких не бывало целую эру. Но протекторы погрязли в рутине: Максимус постепенно учится жить в обличье полувезды, пока беспробудная Сара приходит ему во снах, прося о помощи. Фри в попытке понять свои новые силы вынуждена обратиться к забытому прошлому, а Стефан вспоминает, как работать в команде.

Казалось, хуже Антареса с Землей ничего не могло случиться. Но есть вещи, которых боятся по обе стороны эфира. С одной из таких протекторам и пришлось столкнуться.

И тогда Тьма протянула им руку помощи.

-
- [Полина Граф](#)
 -
 - [13 первородных меток](#)
 -
 - [Часть I](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)

- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Часть II](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Глава XXIX](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
 - [Глава XXXIII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXV](#)
 - [Глава XXXVI](#)
 - [Глава XXXVII](#)
 - [Глава XXXVIII](#)
 - [Глава XXXIX](#)
 - [Глава XXXX](#)
 - [Глава xxxxi](#)
- [Часть IV](#)
 - [Глава XXXXII](#)
 - [Глава XXXXIII](#)
 - [Глава XXXXIV](#)
 - [Глава XXXXV](#)
 - [Глава XXXXVI](#)

- [Глава XXXXVII](#)
 - [Глава XXXXVIII](#)
 - [Глава XXXXIX](#)
 - [Глава L](#)
 - [Глава LI](#)
 - [Глава LII](#)
 - [Термины](#)
 - [Временные единицы \(в пересчете на земные величины\)](#)
 - [Эры](#)
 - [Персонажи](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Полина Граф

Эквилибрис. Книга 3. Индивидуум

© Полина Граф, 2023

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

Cover art © by Sylvia Bi, 2023

13 первоначальных меток

Метка	Металл	Благо
 Свет	Серебро	Порядок
 Тьма	Золото	Познание
 Пространство	Цинк	Справедливость
 Время	Ртуть	Решительность
 Разрушение	Свинец	Надежда
 Созидание	Олово	Храбрость
 Трансмутация	Бронза	Смирение
 Стазис	Платина	Преданность
 Жизнь	Медь	Стойкость
 Смерть	Железо	Искренность
 Добро	Некрон	Терпение
 Зло	Витам	Ясность
 Судьба	Деворар	Вера

Nosce te ipsum^[1]

...И тогда, в самом конце всего, когда не осталось ни Тьмы, ни Света, ни звезд, ни дэларов, даже пространства и времени, совершенно ничего кругом, Вселенная застыла в последнем миге.

Душа спросила у Бесконечности:

– И только так возможен мир? И спокойствие?

Бесконечность тихо ответила ей, заполнив все, что сохранилось:

– Так возможна надежда.

– Но все пропало! – испугалась Душа. – Что теперь будет?!

– Будет конец. Будет начало. Будет новый Принципиум. А за ним вернусь и я...

История 21: «И вечна ходьба по кругу».
«Сказания о взрывах и пыли»

Ты все еще рядом, не так ли? Преданно падаешь за мной в глухую бездну. Хотя откуда здесь взяться иной душе? Это лишь моя тюрьма, мой дальнейший путь, тут никогда не было посторонних, иначе...

Но я чувствую тебя. Я верю, что ты есть, и хочу молиться всем подряд, только бы это оказалось правдой.

Пропадешь ли ты со мной? Мой конец близок, но что касается тебя... Ты часть моего мира? Своего? Или нашего общего?

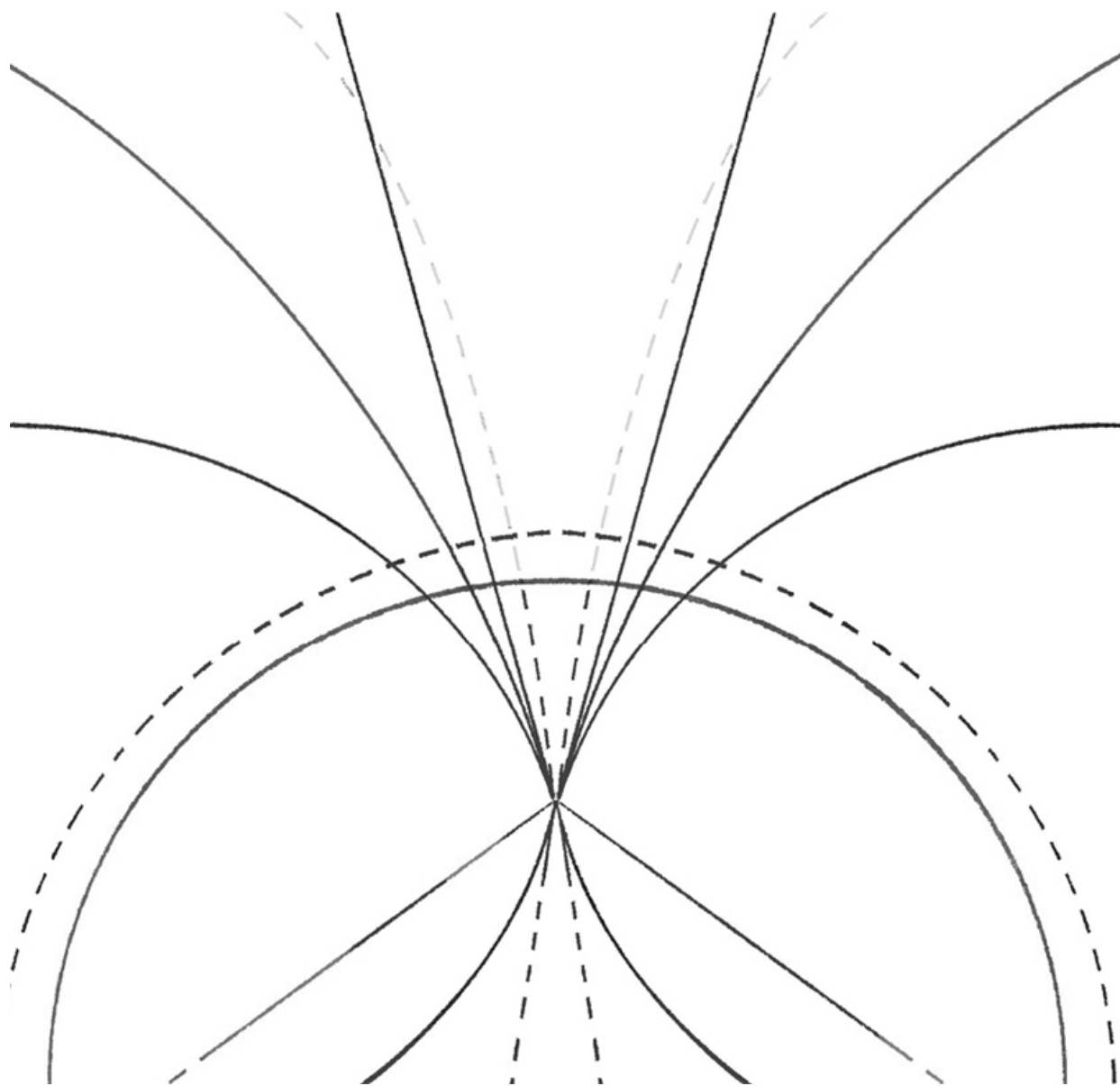
Замрут ли звезды в небесах, когда меня не станет?..

Мне бы хотелось поведать о героях, о подвигах, о смиренном альтруизме и дружбе. Обо всех идеалах, за которые мы так рьяно цеплялись. Но не в этот раз. Тебе уже известно обо мне больше, чем кому-либо в моей жизни, – не это ли истинное доверие? Я передам тебе всего себя, до последней секунды жизни. Создам свой образ и разрушу его до основания. Уничтожу на твоих глазах тех, в кого сам верил и на кого надеялся. Все мы пали, и каждый по-своему. Надеюсь, однажды ты сможешь простить хоть кого-то, ведь этого не вышло даже у меня.

Я расскажу, кто положил начало краху, выставлю напоказ грехи, которые любой хотел бы спрятать, и предам доверие, что ты возложил на нас.

Я расскажу тебе все.

Часть I
И мы растворимся в забвении



Глава I

Я слышу ее голос

Небо сотряслось под вспышкой, тяжелым, будто бы утробным гудением, от которого задрожала земля. Я не в первый раз открывал глаза здесь, но никогда не помнил правильной дороги, хотя она оставалась неизменной.

Руки касались ржаных колосьев, запах гари не отступал ни на секунду, лишь усиливаясь и сдавливая грудь. Глаза устремились к небосводу. Он был полон сияния, совсем не похожего на угольную земную ночь, так привычную нам. Здесь же будто пролили вёдра красок и звезд. Гигантские планеты белыми пятнами зависли на горизонте. Укутавшись в кольца, тела небесные в случайном горделивом порядке рассекали пространство, в котором паутиной вились тысячи и тысячи светящихся дорог. Столько возможностей и путей. Я мог бы уйти в бесконечность, навсегда раствориться в бессознательном. Обратиться в пыль. Но я упорно шел вперед сквозь ржаное поле, так идеально разместившееся в центре космической бездны.

Там высился маяк. Он казался намного больше и гротескнее, чем я помнил. Искривленный, как и все вокруг, затемненный на фоне ярчайшей Вселенной.

Я слышал всхлипы, хотя был еще недостаточно близко. Они дробили меня, отрывали от тела молекулы, будто ударной волной. Само мироздание резонировало с этими звуками, им вторили и небо, и моя душа.

Куски земли откалывались вместе с колосьями, падали в пустоту, истлевая за секунды. А я продолжал идти, ни капли не боясь, словно от этого зависела жизнь. Сознание рвалось вперед, к маяку. Быстрее и быстрее.

– *Помоги мне...* – гудело вокруг.

Внутри маяка обитал сумрак, свет почти не проходил сквозь окна. Ступени скрипели под ногами, готовые рухнуть. Что-то цокало, стрекотало, взбиралось по лестнице вслед за мной. А там, на самом верху, – дверь и всхлипы за ней. Единственное место, где можно

укрыться от неизвестных чудищ. И я врывался внутрь раз за разом и ощущал ледяной поток темноты. Она душила, поглощала. Затем дверь с грохотом закрывалась и стихали звуки. Я не мог сделать и вдоха, но отчаянно пытался. В этом холодном непроглядном мраке эхом разносился голос:

– *Помоги мне! Пожалуйста, поторопись!*

И так все время. Голос Сары. Надрывный, отчаянный. За последние полгода я видел этот сон не меньше десятка раз и никогда не мог отделаться от ощущения, что вокруг и вправду была ее душа: днем и ночью она преследовала меня, незримо окутывая дымом и золотыми колосьями. Чувство от попадания в чужой внутренний мир сложно с чем-то спутать. Сны не бывают настолько яркими и живыми и уж точно так хорошо не запоминаются.

– *Оно идет!*

И тогда я просыпался.

* * *

С тех пор как я впервые оказался в Соларуме, минуло уже почти два года. А в нынешнем состоянии полузвезды, после долгих месяцев метаморфоз, я пребывал год с лишним и так до сих пор и не решил для себя, считать ли изменения в режиме сна хорошей способностью или же мешающей нормально жить. С одной стороны, я мог бодрствовать до недели – это здорово, появилась куча свободного времени. Но взамен приходилось отсыпаться два-три дня, чтобы полностью восстановиться. У нормальных звезд активный режим вообще может длиться месяцами, но и спать им необходимо значительно дольше, чем людям, так что мне, возможно, еще и повезло.

Я лежал в теплых одеялах и чувствовал себя разбитым, но вновь уснуть так и не удалось. Грядущие сутки я уже запланировал как время на отоспаться, поэтому бодрствовать, а уж тем более идти на охоту особо не хотелось. Обычно протекторы работали каждый день хотя бы на одном задании, ведь за неделю им устанавливали норматив по устранению сплитов. Иначе – выговор. А если все совсем было плохо – наказание на выбор действующего Смотрителя. Ребятам из рабочих отделов было проще: например, количество полевых заданий у членов

техотдела сокращалось на треть, чтобы те успевали и на благо Соларума поработать. Я тоже думал вступить в какой-нибудь отдел ради легальных прогулов, да вот как-то не сложилось. Потому старался выполнить все отведенные мне задания заранее и оставить себе пару дней на отдых.

Полежав еще немного, я предпринял титаническое усилие и поднялся. Вялый, заторможенный. Интересно, у всех эквилибрумов такое состояние с недосыпа? Или это только моя человеческая половина, из-за которой я натянул толстовку капюшоном вперед? Как поглядишь на этих заоблачников, так они всегда свежи и идеальны, будто уже канистру кофе наворачнули. Я таким явно не был. Даже когда снимал с себя подвеску.

Достав из тумбы мемориум, который когда-то на день рождения подарил мне Антарес, я, недолго думая, вытянул из глаза воспоминание о сне, а затем, накинув на плечи одеяло, вышел из комнаты и спустился на несколько пролетов вниз.

Тук-тук-тук.

Ничего.

Тогда я постучал снова.

За тяжелой дверью раздалось шуршание, словно находящийся внутри спешно что-то убирал, затем удар и снова шелест, только в этот раз намного громче. За ним последовало ворчание. Все это показалось мне странным – на каждой двери в Соларуме стояла манипуляция тишины. Неужели не было времени даже восстановить ее, раз уж она развеялась?

– Да, что? – Дверь отворилась, и в проеме появилось смуглое лицо Ламии. Волосы распущены и спутаны в колтуны; она щурилась, пытаясь разглядеть меня в тусклом лунном свете, озарявшем лестничную площадку через небольшое окошко. – Макс? Что случилось?

Ламия надела очки, обычные, а не рабочие, и чуть шире приоткрыла дверь, на которой был начертан символ Блинецов.

– Прости, что разбудил, – глухо произнес я.

В Соларуме всегда была ночь, и угадывать распорядок дня товарищей для нас представлялось вечным развлечением. Одежда на ней оказалась не для сна: брюки, серая блуза, расстегнутый жилет. Но

выглядела Ламия помятой, уставшей. Кроме того, я почувствовал исходящую из ее души тревожность, но списал все на рабочий аврал.

– Снова? – догадалась она.

Я неуверенно переступил с ноги на ногу:

– Ты сама сказала заходить в случае чего.

Она отошла от двери, пропуская меня внутрь. Я медленно двинулся вперед, стараясь ничего не задеть. Шнурки кроссовок волочились по полу.

Ламия явно не спала в нормальном понимании: на кровати громоздились стопки папок с бумагами, документы из одной были раскиданы по всему полу – вероятно, именно ее падение я и слышал. Комнату окутывал полумрак, горела лишь настольная лампа, озаряя теплым светом книжные шкафы. Здесь, как и в вечно заваленной инструментами Манипуляционной, наблюдался рабочий кавардак: разложенные на полу инфоры, незаконченные уравнения с манипуляциями, приборы неизвестного мне назначения, – но во всем этом захламлении прослеживалась некая система. А вот стол абсолютно погряз в исписанных бумагах. Там, в углу, стояла большая желтая кружка с улыбающейся рожицей.

Задержав на ней взгляд, я приблизился к столу и коснулся бумаг.

– Что поделываешь?

Ламия подскочила ко мне, захлопнула пухлый черный блокнот с кучей закладок и, отложив его, начала раскидывать бумаги по стопкам.

– Да работа, как обычно, ты же знаешь, – с привычной торопливостью выдала она. – Может, сядешь?

– Не удивлюсь, если ты прямо тут и уснула. – Я кивнул на стол.

– По правде говоря, так оно и было, – усмехнулась Ламия, скидывая папки с кровати на пол, чтобы освободить мне место.

Я сел, продолжая оглядываться по сторонам. Когда только шел сюда, то дрожал как от озноба, но теперь внутри потеплело, снова клонило в сон.

– Я думала, ты ушел в спячку на пару дней, – сказала Ламия.

Она резво заваривала чай. Сам чайник к розетке не подключался, просто стоял в круге манипуляции и от нее же заряжался. В Соларуме электричество не предусматривалось, так что приходилось выкручиваться.

– Да... – Я потер веки пальцами. – Не спал дней пять-шесть...

– Ты себя хорошо чувствуешь? Приступы больше не возвращались? Тебе сахар класть?

– Две ложки. Спасибо. А приступов уже полгода как нет. Я бы сказал.

– И верно, – хмыкнула Ламия, наливая кипяток в кружку. Руки у нее заметно подрагивали. – Но мало ли. Мне интересно твое состояние, обязательно говори, если вдруг снова что произойдет!

Речь ее казалась сбивчивее, чем обычно.

– Собственно, поэтому я и пришел. Но... скажи, у тебя все в порядке?

– Что? Да, превосходно. Просто немного переработала. Ну, ты понимаешь. Ладно, давай не затягивай и излагай, зачем явился, звездный мальчик.

Ламия протянула мне красную кружку, я взял ее, не боясь обжечься – все равно бы не вышло, – и стал уныло помешивать ложкой чай. Близнецы наблюдали, не торопила. Она давно привыкла, что мне нужно некоторое время, чтобы собраться с мыслями для важной беседы.

Лишь после того как Ламия взяла энерггласс и стилус для записей, я заговорил:

– Я слышал ее голос. Она вновь просила меня помочь.

– Но ты не видел ее? – уточнила протекторша, чиркнув по стеклу.

Я покачал головой, нахмурился.

– Я никогда ее не вижу. Словно она прячется. Но почему? Если я так ей нужен.

– Сара сказала что-то новое?

– Она сказала... – Меня передернуло, рука дрогнула, и чай чуть пролился на ковер. – Сказала, что *оно* приближается.

– Оно? – удивилась Ламия и начала быстро делать заметки в энергглассе.

Я наконец отпил. Ламия клала корицу в любое питье, поэтому от чая шел пряный аромат.

– Сара сказала, что нечто приближается и времени почти не осталось.

Меня пробиравало отчаяние, руки тряслись. Ламия приблизилась ко мне и дружески похлопала по спине.

– Макс, ты же знаешь: мы все боимся за нее и работаем над решением проблемы.

– Но ты же веришь, что это не обычные сны? Не просто кошмар или...

– Разумеется, нет.

Она поправила очки и, взяв одну из папок, вытащила несколько исписанных листов.

– Я пытаюсь предположить, что за недуг поразил Сару. Но данные о ее состоянии разнятся. Оно необычно, это признают все – от Аданнаи до эквилибрумов. Наш мир необъясним и загадочен, каждый день мы обнаруживаем что-то новое, не вписывающееся в общую систему. Но все наши открытия лишь подтверждают, что мироздание прекрасно и гармонично. И даже эти сны – часть идеально отлаженного вселенского механизма, раз они к тебе приходят. Что-то грядет. Мы скоро со всем разберемся, так или иначе. Как и всегда.

– Я должен ей помочь. Раз она зовет меня, это ведь что-то да значит. Меня убивает сама мысль, что я ничего не могу поделать. И даже не понимаю, что с ней происходит.

Ламия задумалась, отводя взгляд.

– Это очень опасно – копаться в травмированной душе. Но давай я попробую проверить пару теорий. Возможно, Сара не может вернуться просто потому, что нечто мешает ей.

– Что, например?

– Пока не знаю. Ввиду всего произошедшего и того, с чем или кем вы столкнулись у темницы Антареса, вероятно, об особенностях ее травмы могут судить лишь эквилибрумы.

– А звезды молчат.

– Как и всегда.

Я понурил голову от усталости.

– Я должен ей. Жизнью обязан.

Я обещал ей.

Ламия с досадой улыбнулась.

– Несмотря на то что этот мир изменчив, я рада, что мы, протекторы, можем быть уверены друг в друге. Молюсь, чтобы подобным образом оно и осталось. – Она вздохнула. – Знаешь, когда я только попала в Соларум, все было настолько новым, незнакомым. Не знаю, сохранились ли у тебя воспоминания о тех первых ощущениях,

но мои были по-настоящему грандиозными. С трудом верилось во все происходящее, даже после вводных лекций и той презентации, с погружением в историю...

– Ее же не меняли уже тысячи лет, а все актуальна. – Я ухмыльнулся. – Помню, как испугался визуальных трюков, залезших в голову.

– Именно! – воодушевленно подхватила Ламия. – И ведь это был только кусочек этого мира! И мне так захотелось узнать о нем как можно больше! Чтобы ничто в нем меня не удивляло.

– Тебе не нравятся сюрпризы?

– Я не любитель неожиданностей, они могут принести что-то плохое. Мне хочется быть уверенной во всем. А когда я в чем-то не уверена, то не могу найти себе места. Потому исследовать тебя было чрезвычайно занятно. И с Сарой так же.

Ламия многое делала для меня уже немалое время. Вот и сейчас – смотрела своими темными глазами, ни капли сомнения, лишь волнение и горячий, неубиваемый интерес.

Из протекторов только Ламия и Стефан ведали о моем полужвездном состоянии. От Близнецов ничего не укрыть. Ламия, с ее знаниями и остротой ума, была просто незаменима в изучении моей новой природы. Пришлось все рассказать ей почти сразу. Раз уж она не выдала наш поход к падшим за транзитом, то и здесь я вполне мог ей довериться. Несмотря на ее дикий восторг и вечные вопросы, протекторша понимала, когда следует остановиться, и держала всё в строжайшем секрете. Благодаря ей я пережил год обращения в полужезду.

Сначала было ничего, даже удавалось вовремя выполнять пару заданий или прятаться при очередном приступе, когда из меня рвался Свет. В первые месяцы мы могли сдерживать боль. Но чем дальше, тем хуже. Меня в буквальном смысле ломало, я физически не мог выйти из комнаты. Перестраивалось всё, каждая клетка тела, от скелета до кончиков волос. Мышцы горели огнем, внутренности скручивало, меня без конца тошнило и выворачивало наизнанку. Создавалось ощущение, что оболочка отторгала собственные органы. Те видоизменились, и Ламия в поддержку дала мне почитать о внутренней анатомии заоблачников. Помню, на следующие сутки я ослеп на неделю, потому с чтением пришлось повременить. Зато после

увидел мир как никогда четко. Ничто из моего нынешнего состояния не далось мне легко. Метаморфозы заняли несколько месяцев, проведенных в койке, в непрерывной боли, в жаркой комнате, воздух которой раскалился от моего тела, ведь по моим венам не прекращал бежать горячий и сияющий голубым цветом светозарный огонь. Из-за термостойкости я не ощущал жара, но чувствовал, что задыхаюсь.

Фри и Дан постоянно пытались навестить меня, отвадить их было непросто. Ламия сочинила правдоподобную байку, что моя оболочка пыталась восстановиться после пребывания в ней осколков Антареса. Верховный Света в теле приземленного – как горящий уголек в бумажном пакете. Они этому поверили и оставили меня в покое. Протекторы и ассисты приносили для меня еду, хотя знали, что я к ней не притронусь. А вот Ламия находила препараты и создавала манипуляции, чтобы усмирить боль. Вне сомнений, она изучала меня из собственного любопытства, но вместе с тем испытывала искреннее сострадание.

– Все будет хорошо, – пообещала Ламия, когда я встал и поставил кружку на стол. – Правда. Я постараюсь в ближайшее время объединиться с Аданнаей и плотнее исследовать прецеденты состояний, схожих с травмой Сары.

Я заколебался. Мысли с трудом переворачивались в голове.

– Уже полтора года прошло, а она так и не очнулась. Я правда думаю, что это не просто сны.

– Вполне вероятно, что ты слышишь ее душу, – кивнула Ламия, – учитывая твои способности.

Оно-то меня и беспокоило. Я поежился, как от холода.

– Но раз так, значит, она в чудовищном отчаянии, если я смог услышать ее прямо из своей комнаты.

– Мы разберемся со всем.

Я благодарно кивнул и уже собрался уходить, но Ламия остановила меня в дверях:

– погоди!

Она схватила меня за руку, чтобы задержать, но тут же отпрянула. Наверное, вспомнила, что я могу видеть души при касании. И винить ее в такой реакции было трудно. Мне лишь мельком открылись облака и растущие из них фонари, мерцавшие синим. Но еще я почувствовал

стальной привкус волнения, жужжащей нервозности. Чувств, которые только сейчас проявились на лице Ламии.

Ее тревога гудела стаей гадких мух.

– Макс... скажи... – Она замялась на пару секунд, а затем решительно вскинула на меня глаза. – Не мог бы ты мне помочь? Нужно кое-что проверить. Одну вещь. С нашими охранными системами. Просто тест проведем.

– Сейчас? А это никак не может подождать еще... ну... день? Я просто правда уже с ног валюсь.

Ламия обдумывала мои слова лишь мгновение, а затем выдала смешок и отмахнулась.

– А, правда, иди лучше спи, тебе нужно быстрее это сделать, чтобы успеть выспаться и не привлечь внимания протекторов. Я сама разберусь.

– Но я действительно хочу помочь, – искренне заявил я. – Если дело важное, то...

– Да пустяк, не бери в голову! Просто думала, что ты можешь составить компанию, а то одной скучно. Потом расскажу обязательно, как все прошло.

Я прикинул немного и только затем кивнул.

– Ну ладно. Но если что – отправляй сообщения.

– Обязательно, – улыбнулась она. – Доброй ночи тебе, Макс.

Глава II

Девиация

– *Все, иди в место встречи. Ты барьеры закрепила?*

– Да, – ответила Фри, задирая голову, чтобы как следует разглядеть прозрачную световую стену и красивые мерцания фонаря сквозь нее. – Все надежно.

– *Супер! Тогда ничего не сломай себе по дороге.*

Она красноречиво закатила глаза, да вот только собеседник на другом конце связи увидеть того не мог. А жаль.

Сегодня был ее последний день в роли Смотрительницы. Этот год знатно вымотал Фри, но она успела отдать последние распоряжения и не затянула со сдачей документов в канцелярию, что было событием нечастым. Оставалось время на приятную, ни к чему не обязывающую охоту в обществе друга, который уже завтра должен был взять на себя роль Смотрителя и выстрадать весь грядущий срок.

Быстро двигаясь между старыми ангарами, вдыхая тяжелый промышленный воздух и запах сырого щебня, Фри смотрела на последние лучи заходящего солнца. Те огненными пиками возносились над крышами пухлых и ржавых строений, прорывая мрачные облака. Ее сапоги давно замазались грязью, она уверенно прыгала по лужам и скользкой земле, на которой даже захудалого одуванчика не росло. Привычное щекочущее волнение перед охотой металось в груди.

– А что еще успели сказать те адъюты, кроме того, что сплиты девиантны? – спросила Фри, заворачивая под тень шиферного настила между близстоящих зданий. – Перед тем как их... ну...

– *Превратили в то содержимое банки с тушенкой?* – без всякого зазрения совести уточнил Павел. – *Да ничего особенного. Времени же у них было с гулькин нос.*

– Сложно и непонятно.

– *Я думал, что тебе понравится задание,* – с насмешкой выдал он. – *Ты же любишь интересные случаи. Что может быть занимательнее, чем страшный-страшный враг?*

Фри натянула уголок рта в улыбке:

– Справедливо.

Она решила сократить путь. Перед ней образовалось жерло черного входа в здание. Бледные кирпичи могильного цвета потрескались, кое-где даже заплесневели. Грязные окна разбиты, заляпаны пылью и граффити. Строение высилось над Фри уродливой конструкцией с лестницами и дырами, покореженными трубами и ржавой крышей.

– *Сейчас начну подманивать их,* – сказал Павел, воодушевившись. – *Будет славно, если они окажутся хорошими мальчиками и появятся сразу, а не заставят нас ждать три часа. Скоро дождь. Такое себе удовольствие биться под ним.*

– Точно уверен, что нам не нужно было увеличить радиус? Хватит ли места для сражения? – с сомнением спросила Фри, натягивая очки на глаза.

Орфостекло помогало видеть в холодной темноте здания.

– *Все лучше, чем если они будут бегать по всей местности как ужаленные, так что загоним их внутрь барьера и добьем. Места хватит. Забыла, что ли, с кем работаешь?*

Он басовито и раскатисто рассмеялся. Так солнечно, обнадеживающе. Навевало теплые воспоминания, когда Фри еще была неопытной ученицей, взволнованно хватающей каждое его слово.

– Ну да, ну да, как я посмела, – фыркнула она, скользя мимо разбитых ящиков и стальных, прикрученных к полу станков.

– *Давай поднажми, иначе все только мне достанется!*

Этого Фри допустить не могла. Она спешила по огромному пространству, черному и пустому, полному льдистого воздуха. Когда-то здесь дребезжали машины, рабочие носили стальные конструкции и перемещали огромные тяжелые ящики заводским краном. Теперь же все состарилось, нахмурилось, покрылось слоями коррозии, раскрошившегося бетона и стекла. Фри видела всё в бледно-сером свете очков, как и голубые и оранжевые пятна. Последних было больше. Значит, тут творились темные дела. Кто знает, как давно объявились эти сплиты? Аналитики в Соларуме предполагали, что за последний десяток лет здесь пропало душ тридцать; все проверки не подтверждали, что причина в сплитах, а не в каком-нибудь новообразовавшемся маньяке. Пока тех несчастных адьютов не нашли в таком неприглядном виде, словно их перемололи огромные

шестерни. Фри вздрогнула от неприятных образов, возникших в памяти. Ей резко стало холодно. Она сощурилась, ища глазами выход. Где-то там, позади строения, за массивными красными воротами находился Павел. [2]

Что-то громко и с лязгом стукнулось об пол. Фри подскочила, эхо ударной волной пробежало по ее телу. Она оглянулась в ледяную пустоту, но ничего не увидела. Только усохшие оранжевые пятна Тьмы, будто разводы краски.

Фри замерла, притихло даже сердце. Напряженно вслушиваясь и не шевелясь, она смотрела на катившуюся по полу вдали стальную банку. Руки Фри медленно потянулись к одному из клинков. Лишь коснувшись гладкого верного эфеса, она почувствовала прилив уверенности.

«Я точно не могла задеть по пути», – подумалось ей.

Следом раздался пробирающий до костей рык. Словно кто-то завел бензопилу.

Ей не показалось. Ни черта не показалось.

Фри выхватила клинок и резко встала в оборонительную стойку, изо всех сил вглядываясь в открытое пространство.

«Да где же?!»

Сплитов должно быть видно через орфостекло! Где огромные оранжевые туши?!

– Они здесь! – сквозь зубы сообщила она Павлу. – Сплиты *уже* внутри нашего круга!

– *Чего?! Где ты? Сколько их?* – ошеломленно воскликнул он.

Шаги. Тяжелые, липкие. В пустоте.

– Количество не знаю, – выдохнула она, кося глаза в сторону, чувствуя, как по спине пробежала капля ледяного пота. – Я в...

Что-то грузное с размаху ударило в живот, выбив воздух из легких. Фри пролетела кубарем добрый десяток метров, больно стучаясь при каждом повороте. Ее потрянуло от столкновения со стеной, клинок и клипса связи потерялись по дороге. Перед глазами бились алые круги, Фри с трудом могла вдохнуть. Но было нужно действовать, немедленно. Стиснув челюсти, она приподнялась на дрожащих руках, подгоняемая долбящейся в голове паникой. Очки треснули, правый глаз видел размыто.

«Светлые звезды, неужели они невидимы?!»

Мысль вызывала дрожь в теле. Фри слышала байки о таких девиантных сплитах, но надеялась, что ей в жизни не попадутся столь изворотливые твари! По прошествии нескольких лет эти существа обретали странные и пакостные способности, отражающие мрачные стороны той личности, которой когда-то являлись. Покрытые броней – в прошлом нелюдимые или мизантропы, многоликие – гордые, лживые, эгоистичные. Ядовитые когда-то ранили других словами, манящие – страдали от одиночества. А что же до невидимых? Чем выделялись они, будучи людьми? Чем заслужили столь опасную для протектора девиацию?

Стоило рычанию вернуться, как сердце Фри снова застучало. Она не просто взяла – схватила себя в руки и бросила вперед световую бомбу.

Протекторша бежала прочь под яростный вой существ. Несомненно, свет их ранил и дал ей спасительные секунды. Вон он, выход. Сияет догорающим солнцем.

Ноги неслись так быстро, что она наверняка бы угодила в раскрытую пасть сплита, если бы не почувствовала гнилостное дыхание. Фри отскочила, наотмашь полоснув воздух вторым клинком. Существо завопило, на пол пролилась черная жижа.

Фри потянулась за другой бомбой и тут с ужасом поняла, что использовала единственную. Она попросту их забыла, хотя перед выходом прокручивала в голове список необходимого. Но что-то ее отвлекло. Опять.

«Глупая, глупая, бестолковая...»

Фри лихорадочно оборачивалась, твердой рукой сжимая оружие.

Что она вообще могла сделать в такой ситуации? Ослепленная, без манипуляций. Вечно полагающаяся лишь на холодное оружие. Она попробовала создать щит своей вживленной меткой, но и тот не сработал. Даже ее эфир не мог нормально действовать, когда надо!

Они окружили ее, Фри чувствовала это каждой клеткой тела, каждым волоском на затылке. Хрипели, сопели, рычали, подбирались. И испускали удушающую вонь, от которой слезились глаза.

Грудь Фри сжалась от отчаянной мысли. Она снова оказалась в беспомощном состоянии. Слабая и бесполезная.

Павла нет, вряд ли успеет. Хотя он смог бы помочь даже при таком раскладе... Фри терпеть не могла полагаться на кого-то другого. Но

собственное бессилие ненавидела еще больше.

За мгновения до удара произошло странное. Фри ощутила тепло внутри груди, рук, головы. Она сморгнула, уставившись распахнутыми от ужаса глазами в пустоту, и вдруг увидела образ, через силу пробивающийся в реальность. Хрупкий, точно из стекла. Но монструозный, большой.

Он прыгнул.

Сердце ударило прямо в горле, Фри отдернула голову в сторону, сжалась и выставила вперед левую руку, вызывая манипуляционный круг.

Она не думала о метках, которые хотела собрать в манипуляцию. Фри вообще ни о чем не думала, особенно о том, что ей всегда удавалось управлять эфиром лишь с четвертой или пятой попытки. Создавать манипуляцию без формулы в голове – просто безумие. Но сверкнул фиолетовый свет, и диск сам собой собрался в образы.

Сплит обратился горящим вихрем еще в полете, обдав Фри валом искр. Точно звезды в глухой ночи. Хлопок – и ни- чего.

Протекторша ошарашенно захлопала глазами, но передышка была недолгой: остальные сплиты возмущенно защелкали челюстями где-то за спиной. Она лишь крепче сжала клинок.

А затем все вокруг дрогнуло. Хорошо знакомая тяжесть проняла все тело Фри, в конечностях возникло покалывание и – легкий толчок, лишь случайно задевший протекторшу. Она потеряла равновесие и бухнулась на пол, в то время как пыль начала собираться в воздухе, заскрипело об пол железо, зазвенели переворачивающиеся ящики с деталями.

Последних двух сплитов примагнитило к стене с такой силой, что их склизкие тела сплющивались. Фри едва видела противников из-за их прозрачности, но знала по опыту, что с ними сейчас происходит. Перед ее глазами пронеслась голубая молния и широкой дугой со свистом рассекла воздух. Раз, два. Точные сильные удары по центрам эфира существ.

Все закончилось, когда пепел с шипением посыпался на серый пол. Фри дрожала, с тупой бессознательностью уставившись на остатки сплитов.

Она бы так и просидела, но друг одной рукой легко поставил ее на ноги.

Только тогда она вздрогнула, будто очнулась, и посмотрела на Павла. Протектора-Тельца.

Он был здоровый, как ангар – хоть и ниже Дана, – с широкими мощными плечами и нескладными большими руками, которые вместо перчаток перевязывал бинтами с оттисками целебных манипуляций – лечился от очередных ранений. Добродушное лицо совмещало в себе мягкость и угловатые черты. Павел был небритый, с выпирающими скулами и широким открытым лбом. Отросшие русые, практически мышинового цвета волосы он привычно завязывал в небольшой хвост на затылке. Еще одна примечательная деталь: у него был лишь один, правый, глаз, светло-карий, даже медовый. Под ним же – две небольшие родинки. Слева зияла впалая лунка, затянутая потемневшей кожей. Телец покалечил половину лица при несчастном случае со светозарным огнем. Щеку и ухо залечили, но восстановить глаз были не в силах даже эквилибрумы. Теперь же шрам молочно-кофейным пятном растекся от лба до подбородка, острыми линиями задевая уголок рта. Повязку для скрытия увечья Павел не носил – жаловался, что чешется.

Он казался крепким и сильным. А еще и вживленная метка внушительная – меняла силу и направление гравитации для любого предмета. Павла вполне можно было выставить как эталонного представителя их профессии, да вот только мнение о протекторах сложилось бы далеко не радужное.

– Черт бы их побрал! Едва-едва успел, да? – быстро выдал протектор, тревожно глядя на Фри единственным глазом.

Она рефлекторно кивнула, как в трансе. Руки все еще подрагивали.

Удостоверившись, что его бывшая ученица в порядке и даже имеет при себе все конечности, Павел выдохнул и растекся в привычной обнадеживающей усмешке.

– Ну ты дала, салага, как же тебя угораздило столкнуться с целой пачкой?

– Мы их не заметили, – Фри не узнала свой осипший голос, точно исходивший из ржавой трубы, – потому что их эфир был неразличим.

Павел вдумчиво приложил руку к подбородку.

– Насколько я помню, подобные редкие твари так могут недолгое время. Потянула бы еще, и они бы все как на подбор предстали.

Он держал свое оружие – алебарду из мерцающего серебра, больше напоминающую огромный скальпель с кучкой декоративных дырок в лезвии. Самым красивым в ней был острый и твердый голубой свет – продолжение острия, увеличивающее его в полтора раза.

Павел склонил голову к плечу и с сомнением нахмурился, рассматривая Фри. Девушка находилась в нетипичном для нее потрясении.

– Ты, похоже, смогла разобраться с одним. Я видел тот Свет. Наконец улучшаешь свои навыки в манипулировании? Успела сбить и заколоть?

Она снова кивнула, и тут протектор, развеяв оружие и погрузив их в полную тьму, подхватил Фри, словно плюшевую куклу, и несколько раз с радостным смехом покружил.

– Фантастика, Фри! – воскликнул он, выводя ее на улицу, к мигающему свету тусклых фонарей. – Я так рад за тебя! Ты же так долго об этом мечтала! Помню, мы трудились как проклятые – и ничего. А теперь? Теперь ты можешь отвлекать тварей всякий раз, когда этого захочешь! А не по случайности, как раньше. Да не бойся, я и тогда за подпаленную руку не злился.

Только она не отвлекала. Фри понимала, что уничтожила сплита одной лишь счастливой манипуляцией. Но сплиты редко от такого умирали. Эти мысли вызывали дрожь во всем ее теле.

Фри еще больше сникла. По лужам закапали первые капли мороси. Улыбка медленно гасла на губах восторженного Тельца, пока не превратилась в едва теплящийся огонек поддержки.

– Фри... – осторожно произнес он. – Если ты...

– Пойдем отсюда? – внезапной мольбой вырвалось у нее.

Павел замялся и почесал затылок.

– Я не уверен, что все сплиты уничтожены. Нужно проверить наверняка.

Павел заметил, что Фри очень уж остро переживала случившееся, а ведь ей доводилось выдерживать более страшные вещи – и хоть бы хны.

– Хотя! – поспешил ободрить он. – Я возьму это на себя. Мне всегда приятно работать с тобой, но сейчас тебе явно нужно

передохнуть. И срочно. Это не предложение, я настаиваю. Как почти что Смотритель.

Фри впервые оторвала глаза от лужи и даже заставила себя распрямить плечи. Поддрагивающими пальцами она опустила треснувшие очки на шею. Посмотрела на Павла – и ощутила желание выразить всю ту безмерную благодарность этому здоровяку, которой она была преисполнена с самого первого дня их знакомства. Если бы кто-то другой стал ее наставником, то каким же страшным оказалось бы ее будущее в мире Света и Тьмы. Павел заслуживал услышать хотя бы «спасибо». Но вместо этого Фри лишь покорно кивнула.

Дождь усиливался, капли стекали по ее лицу, сверкали в свете фонарей и окон. Фри торопливо пошла прочь от участка, огражденного забором. Оказавшись на безлюдной дороге меж старых жилых домов из темного кирпича, она наконец поняла, что осталась одна.

И ускорила шаг.

Протекторша обхватила себя за плечи, лихорадочно втягивая воздух. Ей было страшно, чертовски страшно, будто сплиты до сих пор кружили вокруг нее сжимающимся кольцом. Но все это глупости, ее тревожило другое. Последний год не твари превращали жизнь Фри в неясный кавардак. А нечто намного глубже и страшнее. Самое жуткое всегда то, чего не понимаешь, особенно если находится оно в тебе самой.

Фри остановилась посреди лужи, под шум усиливающегося дождя. Ее приковало к месту. Руки дрожали, протекторша выставила их перед собой, в отчаянии глядя на фиолетовые искры, брызгами срывающиеся с пальцев.

Фри ломало от страха перед Светом, которого в ее жизни никогда не было, но теперь с каждым месяцем становилось все больше.

Как же чертовски больно было видеть радость на лице Павла, когда он узнал о ее успехах с манипуляциями. Фри коробило от понимания, что правда заставит его и остальных разочароваться в ней больше, чем обычно.

Бестолковая сломанная девочка.

Ветер выл сильнее, искры разгорались. Энергия вновь проснулась.

Яростно стонал гнущийся металл столбов, трещали стекла в окнах домов, сыпался шифер с крыш. Сирены автомобилей выли, а

сами машины ходили ходуном. Некоторые из них начали ржаветь. Местами асфальт просыхал, а затем вновь заливался дождем. Зашумели желтеющие на глазах деревья, будто ход времени для них побежал иначе. Реки воды на земле превращались в волны.

Фри с затравленным ужасом глядела на сошедший с ума мир. Все вокруг металось из стороны в сторону, как и ее сознание.

Она побежала прочь, крепко сжав кулаки. Гул еще долго раздавался позади, и она не понимала, было ли то в действительности или только в голове.

* * *

Ввалившись в свою комнату и немедленно швырнув сырой мундир прямо на пол, Фри еще некоторое время прижималась спиной к двери и тяжело дышала, пытаясь собраться с мыслями. Только подняв глаза, она увидела у кровати ассиста. Бездумное существо было создано из Света и дыма и потому могло изменять плотность своего бледно-желтого тела. Ног не было, лишь обрывки мерцания; количество рук изменялось по необходимости. А вот вместо лица – сотни дрожащих граней, точно смотришь на расплывающиеся стороны бриллианта. Ассистов использовали для мелких черных работ: подготовки, подачи еды, уборки. Существа молча поддерживали в порядке Соларум, а когда не были нужны, обитали в коридорах в форме шаров света, вокруг которых витали зеркальные осколки с их лиц.

Ассист как раз заканчивал заправлять постель Фри и даже не обернулся к ней. Девушка хмуро отворила дверь.

– Уходи.

Дух распрямился, испарил руки и рваным облаком покинул помещение. Фри гулко выдохнула.

Раньше она любила ставить на окно комнаты эфирную завесу заката, видимого из деревенского дома. Глядя на поле диких цветов, нежащихся в теплом угасающем свете, она понемногу забывала, что по ту сторону – лишь ночь и синий лес Соларума.

Но теперь Фри редко возвращала тот вид. Ей и так хватало иллюзий в последнее время, а реальность отрезвляла. Хотя бы немного.

Она сидела, прислонившись спиной к кровати, посреди гор мягких подушек. Со стен смотрели маски, собранные с разных уголков света: глиняные, фарфоровые, деревянные. Улыбающиеся, корчащиеся, злящиеся. В углу – кресло и мешки с пряжей, много бессистемно связанных кусков, которые в целом даже не планировались как что-то завершенное и конкретное. Суккуленты были бережно расставлены на книжных полках, где подпитывались светом от специальных ламп. Гирлянда мигала над плазмой, которую Фри притащила сюда когда-то, чтобы играть в игры или смотреть фильмы. Редкие протекторы так себя развлекали, но ей нравилось идти в ногу со временем приземленных.

Фри переделалась в домашнюю толстовку и штаны, чуть пообсохла и уселась в обнимку с полосатой подушкой, отрешенно уставившись в окно. Она не замечала ни леса, ни звезд.

Только черно-белый образ, раз за разом возвращающийся к ней.

Уже больше года Фри задавалась вопросом, почему ее эфир был все так же неуправляем, но теперь он смог проявить себя даже вопреки желанию. И стал настолько сильным, что ломал все кругом и даже убивал сплитов.

Фри крепко зажмурилась, уперлась лбом в подушку. В темноте она пыталась выловить ускользающее дымом воспоминание, все больше сокрушаясь о случившемся. Когда-то она уже так убила сплита. Но когда? Откуда этот образ, если вся ее жизнь до протекторства была стерта из памяти?

Друзья рассказывали, что однажды, много лет назад, сплиты нашли Фри раньше протекторов. И тогда она в попытке спастись выпустила из себя весь Свет, убила тварей, но вместе с резервами эфира уничтожила и воспоминания. Фри всегда в это верила, никогда не сомневалась. Но после тюрьмы Антареса все изменилось.

Протекторша потянулась к ящику комода, выудив оттуда перевязанный бечевкой блокнот. Она смотрела на него с давящей пустотой на душе, опустив плечи и потеряв всякое понимание, кто же она такая на самом деле.

После возвращения Антареса на небеса Фри с удивлением обнаружила, что кое-что вспомнила. Это казалось невероятным. Почему спустя столько лет? Может, не так проста ее история? Вдруг в

прошлом спряталось что-то большее, чем этот вновь и вновь возвращающийся образ?

Фри открыла блокнот с записями, но рука предательски дрогнула, отчего все вложенные листы посыпались на ковер. С них смотрели десятки черно-белых глаз.

Сердце Фри трепетно сжималось всякий раз, когда она вспоминала эти странные, похожие и зеркально отраженные лица. Хранители, так они себя называли, да?

Она всегда помнила о них, но держала в самом дальнем уголке души, считая лишь страшным наваждением и кошмарным сном. Но вот ужасы ворвались в реальность. Фри окончательно вспомнила улыбки и пронзающий смех после событий с Антаресом и больше никогда не забывала. Хранители остались тем мостом, что связывал ее с прошлой жизнью. Они и были объяснением всего происходящего.

Хранители что-то с ней сделали, Фри была уверена в этом на все сто процентов, хоть и не знала, кем эти странные, вгоняющие в трепет сущности являлись. Подавшись вперед, она начала перебирать рисунки с лицами и образами. Она рисовала их всем подряд: углем, восковыми мелками, акрилом, который надолго застывал на пальцах. Фри пыталась запечатлеть воспоминания, страшась, что они могли вновь исчезнуть и забрать вместе с собой шанс получить ответы.

Хранители связаны с исчезновением ее памяти и со странными силами, которые теперь так яростно ее изводили. Откладывать их поиск больше нельзя. Могло стать слишком поздно. Сегодня она разнесла половину улицы. А завтра?..

Фри должна была найти этих чертовых черно-белых существ, где бы они ни были, кем бы ни являлись. И потребовать от них ответы на все. Видит Вселенная, это произойдет. Иного выхода Фри для себя не могла представить.

Только бы другие не узнали.

Фри заползла под кровать, прямо на кучу спрятанных от чужих глаз одеял. Там было безопасно... Она долго вслушивалась в тишину за дверью. Ее не покидал страх, что другие могли ее услышать. Те, ради кого Фри каждый день старалась, кого поддерживала. Друзья, и так наверняка считающие ее бестолковой. Девушка день за днем изо всех сил пыталась доказать им, что достойна быть протектором. Что

она на равных с ними. Но теперь ее силы несли разрушения, а Фри по-прежнему не могла ими управлять.

Еще более бесполезная.

Еще более сломанная.

Вредящая и мешающая всем девочка.

Выждав достаточно долго, чтобы поверить в отсутствие кого-либо за дверью, Фри на всякий случай закрыла рот рукой. Она позволила всему внутри себя оборваться и наконец зарыдала. Яростно и некрасиво, в полном одиночестве. Так, чтобы никто не видел и никогда не предположил, что Фри на такое способна.

Глава III

Пора за работу

Стефана раздражало многое. Даже слишком многое. Но больше всего он терпеть не мог лес. Особенно если тот был не уютным и солнечно-зеленым, как на дешевых открытках, а мрачным, непроходимым и кривым в каждой своей ветке, что-то вполне в духе позднего Гойи, когда тот решительно заимел проблемы с головой. Протектор совершенно не разделял людских восторгов по поводу единения с природой. Не просто же так человечество ушло из этой самой природы и закатало себя в бетонные коробки? Значит, тому была веская причина, и Стефан видел ее в каждом торчащем корне и паутине, раскинувшейся на уровне лица. Он уже изгваздал обувь и недовольно ежился от мерзкой, холодной утренней погоды. Ночью тут прошел дождь, так что в чаще было даже гаже, чем обычно.

Стеф докуривал последние сигареты, только это еще хоть как-то помогало с испытаниями, которые он в данный момент терпел ради неведомо чего. Выбравшись на высокий холм, протектор шумно вздохнул и огляделся. Ладно, может, вид отдаленной чащобы под серым небом и долины, укутанной туманом, был слегка красивым. Именно что слегка. Тем более уже виднелась небольшая деревянная постройка в подлеске, что не могло не радовать.

Тут над самым ухом Стефана закаркала ворона. Он посмотрел на нее со всем возможным презрением.

– Да иди ты на хер, – процедил протектор, сунув руки в карманы куртки, и посеменял вниз.

Охотничий домик был все таким же, каким Стеф его и запомнил, – старый, облезлый, покрытый лишайником и мхом. Стены, окна и двери покосились, но тем не менее сооружение уверенно стояло на своем месте, вызывая чувство смутного родства.

Несколько раз постучав в дверь и не услышав ответа, Стефан раздраженно подергал ручку и попытался разглядеть хоть что-нибудь в темном, пыльном окне.

Он уже зажал в зубах новую сигарету, понимая, что ждать тут можно до посинения, как вдруг позади захрустели ветки.

– А ты не торопился, – не оборачиваясь, сказал Водолей, щелкнув зажигалкой.

Коул остановился в десятке метров от него, прямо посреди осин. Вид у протектора был паршивый и усталый. Он помолчал пару мгновений, после чего мрачно спросил:

– Опять?

На Змееносце были старая потертая темная куртка, стоптанные сапоги и прочая теплая одежда, в которой он ходил на охоту. На плече ружье, в руке Коул держал перевязанный комок перьев. Какие-то куропатки или иная живность, Стефан плохо в этом разбирался. Зато он прекрасно понимал, когда Коул недоволен, и сейчас был ровно тот самый редкий момент. Темные круги под его глазами поражали насыщенным цветом, весь неопрятный вид кричал об одном: Змееносцу требовался отпуск. И срочно.

Но заслуженные каникулы протекторам могли только сниться.

Стефан кивнул.

– Нам нужен Смотритель. Сам знаешь, когда законный главарь выпадает из строя, на его место встает самый старший из Тринадцати. Тисус, как всегда, ушел в отказ. Так что пакуй портки, и пошли.

– А что случилось с Павлом? – нахмурился Коул. – Сейчас очередь Тельца.

– Угадай.

– Опять в Лазарете?

– У него определенно есть талант по дурости ломать себе все кости на заданиях.

Змееносец крепко зажмурился и смиренно выдохнул. Возможно, даже считал до десяти, чтоб успокоиться. Стефа изумляло, как же старательно Коул пытался сохранить внутреннее равновесие. То медитации и увлечения всякой китайской белибердой, то вот эти специфичные выходы на охоту. Коул упорно раз в несколько месяцев совершал паломничество на свой родной Туманный Альбион, только чтоб неделю-полторы посидеть в гниющей хибаре и пострелять по местной фауне.

Но Стеф был последним, кто мог обвинять Змееносца хоть в чем-то. Он спокойно подождал, пока тот подойдет ближе.

– Ладно, – процедил Коул, свешивая с себя ружье. – Ладно.

Он достал ключ и повернул его в скважине. Как и обычно, на его правой руке была перчатка. Стефан за все годы так и не понял, на кой черт Змееносец ее носит. Ни разу без нее не появлялся. Многие затейливо шептались, что его кисть изуродована то ли в бою, то ли манипуляцией. В целом Стефа устраивало и неведение. Он прислонился к стене, а когда дверь открылась, поморщился от резкого смрада гниения.

– О Мадонна, кто тут у тебя сдох?!

Если бы не постоянные встречи с вонючими сплитами, Стефу было бы сложно даже глаза разомкнуть от запаха. Но он послушно проследовал вслед за Коулом в темное нутро домика.

– Дичь сгнила, – пожал плечами Змееносец, бросая птиц на стол и открывая окно, чтобы проветрить. – В прошлый раз я не успел ее забрать – меня выдернули в предпоследний день отпуска. Позавчера вернулся и сразу же всё убрал.

Стефану хотелось уточнить, какого исполинского медведя Коул завалил, чтоб воняло настолько сильно, но не успел.

– Местная котловина стала больше, – сообщил ему Змееносец, включая тусклую лампочку под потолком. – Продвинулась на километр к северо-западу.

– Пора бы ею уже заняться, – ответил Стефан, оглядывая пыльную деревянную мебель.

– Пока рано. Она спокойная.

– Ну как знаешь, ты у нас *Смотритель*.

Коул раздраженно сверкнул глазами. Стефан в ответ усмехнулся и подобрал банку, чтоб стряхивать в нее пепел. В конце концов Змееносец сам достал трубку – простые сигареты он считал баловством.

– Хочу заметить, что ты стал результативнее в охоте, – вдруг сказал Змееносец, поджигая табак. – Все еще отстаешь по графикам, но Тьму определенно вычищаешь лучше. Тому есть причина?

Стефан хмуро скосил глаза.

– Да в команде проще работать.

Он сам не верил, что говорил такое. Как и до сих пор не мог принять простого факта: теперь есть люди, которым на него не плевать и которые не против его присутствия. Это вызывало странные смешанные чувства. С одной стороны, теплые, но с другой... Стефан

знал, что не заслужил того. Но после дела с Антаресом искренне пытался убедить себя в обратном, пускай и выходило с переменным успехом.

Коул улыбнулся, сев за стол.

– Я рад, что ты вновь в строю. Тот случай на базе падших тебя знатно подкосил.

Рука Стефа дрогнула. В воспоминаниях прозвучали выстрелы, и густая черная вина вновь захлестнула протектора.

– Спасибо, что поддерживал все это время, – произнес Стефан после недолгого молчания. – Было действительно погано.

– Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

Коул сидел прямо и спокойно. Ни капли осуждения. Преисполненный благородства человек в мрачной, воняющей хибаре, которая не разваливалась по чистой случайности. Он был почти единственным, кто не презирал Стефана за преступление. Убийство десяти приземленных и двух протекторов. Все знали, что Стеф сделал это из паники и страха, оттого случившееся выглядело еще более омерзительным и ужасным, особенно для него самого. Тот момент, когда почти наступило пять минут седьмого... Ужас перед смертью сковал разум. Позволил падшим его обмануть. Им удалось убедить Стефа, что все те несчастные – сплиты. Вина и ненависть к собственной слабости пожирали его до сих пор.

Если бы не Коул, то Стефана уже давно бы казнили за убийство. Лишь Змееносец, который тогда и был Смотрителем, отбил его у протекторов и эквилибрумов. Стефан не хотел вспоминать черное время после суда, заполненное отчаянием и самоуничижением. Тогда он решил, что обязан понести наказание так или иначе. И если протекторы не довели дело до конца, то прекрасно справился бы сам.

– И все-таки... – вдруг сказал Стефан, помедлив. – Белый сплит там был. В первой комнате.

Он не возвращался к этой теме годами, поклялся никогда не вспоминать. Стеф полагал, что спустя столько времени Коул окажется куда более открытым к обсуждению, но тот решительно закачал головой:

– Мы уже много раз обсуждали и проверяли. Белых сплитов не бывает. Особенно тех, которые умирают от мрачного золота. То, что ты помнишь, вызвано помутнением рассудка. Эквилибрумы называют

такую память *фантасмеморией* – ложными воспоминаниями. И обследования в Соларуме подтвердили, что это она и есть. Лишь Тьма способна захватывать души людей, она – зло. Но не Свет. Поэтому существуют лишь люмен-протекторы, а не тенебра-протекторы.

– Но...

– Стефан, отпусти это! Ты не понимаешь, что, копаясь в прошлом, лишь вредишь самому себе? Произошедшее тогда – безусловная, ужасная трагедия. Но ты такая же жертва, как и те люди. Не вини себя, но и не ищи более сложного оправдания, чем обман падших.

Стеф потрясенно смотрел на Змееносца, тот серьезно глядел в ответ.

– Смирись и живи, – надавил протектор, выдыхая дым. – Как и все остальные. А мы поддержим. Только не погружайся обратно во мрак.

Водолею вдруг показалось, что подобный разговор у них уже был, еще до убийства невинных. Когда Стефан, еще новичок, не хотел мириться с ужасом протекторства и пытался сбежать к падшим. Тогда, дрожа от страха, он сидел на кладбище, где среди надгробий его семьи стояла плита с именем Стефа. Как же давно это было... и насколько же другим человеком он тогда являлся...

Коул каким-то образом выследил Стефа в тот день. И увел его назад в Соларум. Возможно, Змееносец догадывался, что тот замыслил бежать, но ни словом не обмолвился. Они тогда мало общались, поэтому Стефу было странно услышать от Коула предложение помощи. Он с самого начала казался ему важным расфуфыренным выскочкой, слишком занятым и холодным, чтобы разбираться с чужими мелкими проблемами. Но Коул всегда считал, что поддержка протекторами друг друга – обязанность ничуть не менее важная, чем спасение человеческих душ.

В итоге все вышло так, что Коул стал Стефу наставником даже большим, чем надоедливый Дан.

– А что помогло тебе? – спросил Водолей. – Когда твой сын умер. Или когда ты понял, что с семьей тебе больше не быть.

Стефан не хотел поддеть друга. Но он считал справедливым затронуть столь болезненную тему в ответ. Коул никак не отреагировал на вопрос. Лишь задумчиво смотрел в окно и дымил.

Стеф уже давно знал о прошлом Змееносца, хотя тот не спешил делиться пережитым с другими. В день рождения Стефана, когда ему стукнуло пятьдесят, Коул раскрыл ему эту часть своей жизни. После небольшого потрясения Коул предположил, что его «юному» другу надо выпить. Они сидели в баре, Стеф пытался надраться, лишь бы забыть все случившееся, и ныл невозмутимому Коулу про свою тупость. В конце концов тема зашла про «человеческие радости, недоступные протекторам». Тогда-то Змееносец и показал короткую запись отражения, сделанную на энергласе. Выглядело странно. Записи шестнадцатого века. Двойняшки – мальчик и девочка лет четырех. И их мать – жена Коула – улыбалась, глядя на детей. Невысокая девушка с темными волосами. На ее лице еще оставался отпечаток миловидности, все остальное погребла утомленность. Коулу было двадцать пять, когда он стал люмен-протектором. И примечательно не только то, что он уже был женат. Дети у протекторов – дело не просто редкое, а уникальное. Вполне милая семья, как казалось Стефану – до того момента, пока Коул без хоть какого-то выражения на лице не рассказал о судьбе сына. С тех пор его никогда не удивляло молчание Коула о семье – подробности и вправду знали лишь единицы в Соларуме. Стефану не хотелось представлять, каково это: так сильно пережить собственное потомство и быть повинным в смерти одного из него.

Вот и сейчас, столько лет спустя, Коула по-прежнему преследовали призраки прошлого. Стефан твердо знал это, ведь был таким же. Все они были такими. Сожалевшими об ошибках былого.

– Мне помогла вера, – наконец ответил Змееносец. – Я заставил себя поверить в то, что делаю этот мир лучше для них и для миллионов таких же, как они. Всеми силами.

Стеф кивнул.

– Значит, смотрим на будущее позитивнее, – кисло выдал он. – Отлично.

Коул начал сгружать пожитки в сумку. В отдельный мешок закинул и дичь. Куда она девалась потом – Стефан не ведал, но искренне надеялся, что в общей столовой ее не подавали.

– Хороший настрой нам необходим, – обронил Змееносец. – Особенно теперь. Что-то грядет.

– В плане? – Стеф вопросительно уставился на товарища, пока тот выходил обратно на улицу.

– Предчувствие. Слишком тихо и спокойно в последнее время.

Коул вздохнул и двинулся прочь, в сторону ближайшего транзитного круга. Он шел через белые полевые цветы. Лучи, продравшиеся сквозь облака, золотом омывали его и нити тумана.

– Одно точно можно предсказать. От небес ничего хорошего ждать нельзя.

Вот в этом Стефан был с ним полностью согласен.

Глава IV

Смирение с уродством

В ту ночь небо казалось спокойным, даже ярким. Облака только-только начали собираться. Через орфостекло окуляра я видел вверху множество голубых и оранжевых точек светлых и темных небесных тел. Где-то вдали золотом сияли фонари. На нашей же стороне было заметно темнее. Воздух был холоден и свеж, я дышал полной грудью. Стоящий рядом Дан не высовывался из тени дерева, для чего сильно согнулся при его внушительном росте.

Я многозначительно вздохнул раз эдак в десятый, но протектор упорно не замечал моего раздражения, потому пришлось намекать очевиднее.

– Напомни еще раз, почему мы не пошли туда все вместе и теперь в три часа ночи сидим в кустах?

– Потому что Желторотый проигрался, – невозмутимо ответил Дан, не отрывая взгляда от далекого мрачного проема между зданиями.

– А такое чувство, что наоборот. Вот на кой черт вы снова начали соревноваться? И так по пять вызовов на дню, но нет, надо же растянуть время. Мы бы уже со всем разобрались, если бы пошли с ними, вместо того чтобы прикидываться бомжами.

– Я не думаю, что приземленные видят нас как бездомных. – Дан выдал лукавую улыбку. – Может, им чудятся ночные птицы. Соловьи или козодои.

– Да, с последним у тебя бесспорное сходство.

Тот день выдался несказанно долгим. Часовой пояс был пересечен не меньше шести раз, я даже сомневался, что все еще тянутся те сутки, в которые мы вышли на зачистку по нескольким заданиям. Стоял конец мая, а протекторов и адъютов перед летом любили гонять по заданиям сверх меры. Нет, дело определено благое: выискивать новые области Тьмы, устранять сплитов, спасти человеческие души от челюстей темных монстров. Но нервы уже порядком сдавали.

Дан последние полдня не прекращал жевать капсулы, отбивающие сон. Мы в шутку звали их «кофеиновыми», но вряд ли там содержался хоть грамм чего-то натурального. Дан так и норовил задремать.

Думаю, он выработал к препарату иммунитет. На той неделе, когда у нас была более долгая и ужасная охота, протектор практически только им и питался, а его организм еще умудрялся выделять из этого углеводы для поддержания жизни. Дан сквозил привычной манерностью и аккуратностью, чего у него было не отнять, но все равно заметно поблек. На его фоне я и подавно хуже смотрелся.

Но на сегодня это было последним и самым тягомотным заданием. Мы часов пять таскались по окраинам Брюсселя, вне сомнений прекрасного города, на достопримечательности и завораживающую архитектуру которого нам всем оказалось глубоко плевать. Мы были злы с недосыпа, голодны и явно воняли как помойки и экстравагантные закутки, по которым лазали в поисках сплита. Эта тварь уже неделю попадала в поле зрения индикаторов, но не камер и весело и даже играючи сожрала уже троих приземленных. Именно из-за сложности поиска сюда послали сразу трех протекторов.

– Чего мы вообще ждем? – буркнул я.

– Сигнала.

Я уже хотел было вновь заворчать, как вдруг раздался шорох, сменившийся знакомым монструозным ревом. А затем из темного проема, издав громкое ругательство, пушечным ядром вылетело темно-синее пятно, на всей скорости рухнуло в соседние кусты.

– ... мать! – услышали мы окончание озлобленной фразы.

– Это можно считать за сигнал? – тактично осведомился я, беря лук наизготовку.

В Дане уже заиграл азарт битвы, он сотворил шпагу и грациозно выскочил на тротуар. Я же помог Стефану встать на ноги.

– Ты прав был, – сквозь зубы процедил он мне, стряхивая листья с волос. – Канализация, эта гнида там ползала.

– Долго же ты там бродил, – заметил Дан, – никак видами наслаждался?

– Да, зашел поздороваться с твоей...

– Да Света ради! – разозлился я. – Давайте закругляться.

Стеф фыркнул, и, словно ему в ответ, из темного проема донеслось рычание. По позвоночнику точно рой насекомых пробежал. Потянуло гнилью, и пахло вовсе не от нас. В бледном свете фонарей показалось уродливое склизкое тело сплита. Сначала передние лапы – с длинными узкими пальцами и острыми когтями, затем

непропорционально огромная голова с частоколом неровных тонких клыков. Все сплиты точно улыбались своей жертве, но маслянистые глаза горели злобой и голодом. Поджарое тело уродливо: шипы от макушки до кончика длинного хвоста, шесть гибких лап, длина в два с половиной метра – и всё из темной гнили.

Никто не хочет встретить подобное в ночном проулке. Будь я обычным человеком, вообще бы из дома не вылезал и принимал успокоительные до скончания дней своих, при этом не забывая оставлять свет на ночь. Но сплиты стали привычны, обыденны и давно не пугали так сильно. Хотя волноваться все равно стоило. Эту тварь манил Свет наших душ, и она явно настроилась разорвать хоть кого-то.

Я не дал ей такого шанса – быстро пустил разрывную стрелу. Тетива щелкнула, снаряд угодил прямо в лапу и взорвался мелкой серебряной шрапнелью, оставив тварь без передней конечности и доброго куска грудины. Монстр завизжал, да так, что даже у меня свело желудок. К этому звуку привыкнуть было труднее всего.

И тут сплит рванул назад. Я ожидал, что моя стрела серебром выжжет центр эфира в груди, и всё! Но сегодня явно был не мой день.

– У тебя руки из задницы растут?! – возмутился Стеф.

Он ринулся вперед, на ходу вставляя небольшую сферу с желтым светозарным огнем в пистолет.

Я и Дан побежали следом, в проход, который осветила яркая огненная вспышка. Сплит хотел шмыгнуть обратно под землю, но Стеф шамальнул настолько сильной концентрацией огня, что весь заряд мигом опустел. Плавающий желтый шар перебросил монстра через темный люк и впечатал в противоположную стену. Словно не почувствовав боли, тварь мигом поднялась и встала на дыбы, злобно рыча и разбрасывая искры. Так она выглядела особенно внушительно, точно лавина, готовая похоронить нас под собой. Воняло страшно, глаза заслезились. Гарь и гниль черными шматками спадали на землю и шипя сгорали, превращаясь в пепел.

Стефан выставил пистолет и всадил монстру три пули в грудь. Благодаря долгим годам практики он был невероятно метким, немногие протекторы пользовались огнестрелом как основным оружием – слишком маленькие снаряды и слишком огромные изворотливые враги с редкими уязвимыми местами на теле.

Визг тут же оборвался. Сплит пошатнулся на разваливающимся конечностях. Пламя трещало, дожирая его плоть. Пока монстр испарялся, мы с Даном встали рядом со Стефом, прямо возле темной дыры люка. Протектор обернулся и, указав на нас пальцем, прошипел сквозь зубы:

– Я не для того там мотался, чтобы эта дрянь вновь свалила в свои чертовы тоннели!

– Да брось, отлично же сработались. – Дан вздохнул так, словно именно он выполнил основную часть работы. – Если бы не я, мы бы...

– Что «мы бы»? – уточнил Стеф, едко прищурившись. – До сих пор таскались в австралийской пустыне после предыдущего задания, потому что ты якобы помнил путь?! Мы бы там с голоду начали кенгуру всырую жрать!

– Зато экзотичная кухня. – Я пожал плечами, убирая лук.

– Экзотичные здесь только твои навыки стрельбы! Это что вообще за хрень была?!

– Не кати на меня бочку, я попал! – обозлился я.

– Ты попал, если только целью было сделать сплита инвалидом на пару к Дану!

Тут даже Дан нахмурился.

– Смею не согласиться, что касается моих физических параметров...

– Физических? Ты инвалид умственный, смирись и замолкни.

От усталости Стефан закрыл лицо ладонями.

– Пусть этот день уже закончится. Мне нужны кофе и душ. – Он подумал секунду, а затем добавил: – Можно даже совместить.

Неожиданно из круглой дыры рядом с нами донесся глухой и далекий рык.

Мы резко обернулись, а затем тупо уставились друг на друга.

– Ну их к черту, я туда больше не полезу! – Стеф отступил, вскидывая руки.

– Эй, секунду, – возмутился я, указывая на дыру. – Это твой косяк, ты нашел только одного сплита, а там другие!

– Может, это аллигатор.

– В канализации?

– Тогда выхухоль подземная! Я вам, блин, не зоолог, сами спускайтесь и проверяйте.

– Зато национальность правильная! Прыгай в гребаный люк, Марио!

Дан отряхнул мундир и хмыкнул:

– Ладно, Макс, наша трепетная спутница слишком брезглива, чтобы признать поражение и еще раз замарать свои нежные бледные ручки.

– Сказал тот, кто себе маникюр делал, – с вкрадчивым раздражением напомнил Стеф.

– Смейся-смейся. Я не виноват, что гигиена у всех рожденных за последнюю сотню лет мужчин атрофировалась, – как ни в чем не бывало улыбнулся Дан и повернулся ко мне: – Времени не остается, они могут уйти. Нам пора решить, кто полезет в сырые и беспросветные тоннели, путем честного поединка.

Короче, я успешно продул им в «Камень, ножницы, бумага» и со страдальческим видом полез в люк. В ту минуту я абсолютно и полностью ненавидел всю свою жизнь.

– Действуй по обстановке! – Голос Дана эхом отражался в узком пространстве. – Выведи их наружу. Но желательно сам разберись с ними!

– Только попробуйте закрыть крышку, – проворчал я, спускаясь.

Стоило ли удивляться, когда та с тяжелым стальным звуком зашуршала над головой. К счастью, им хватило мозгов не ставить ее на место, а всего лишь подразнить мои нервы.

Поначалу я задерживал дыхание, но как только спрыгнул вниз, понял, что зря это делал: воздух хоть и казался застойным, но не изобиловал чем-то выдающимся. Тем не менее ползать по бельгийским коллекторам в воскресный день не было пределом мечтаний. Я зажег фонарь-солнце, который послушно следовал за мной по круглому тоннелю. Стены из кирпича, старые, покрытые плесенью. Я шел по сухой дорожке, рядом в ложбинке протекал тонкий мутный ручей. В руке все еще был лук. Оружие ближнего боя я так и не освоил, хотя со стрельбой меня натаскивали. Я и до этого неплохо луком владел, но протекторы сочли, что нет предела совершенству. Стоило мне отойти от болезни, как Фри, Дан, да даже Коул стали ежедневно пинать меня, не давая отдыха, пока мои навыки не начали напоминать выступления в цирке – от выпуска нескольких стрел за раз до выстрелов в прыжке. А еще бег, отжимания,

ушибы на тренировке с мечами и прочее. Они так меня выматывали, что я в тренировочном зале и засыпал, прямо на матах. Помимо этого, я не переставал много читать и изучать мир Эквилибриса, занимался манипулированием и в качестве досуга вникал в основы летной техники заоблачников. Уж очень меня эта тема манила.

Но ко всему прочему прилагались и иные тренировки, о причине которых знали лишь единицы. Давали они мало, по моему скромному мнению. Это были упражнения, в которых я пытался понять себя и свое звездное «я». Впрочем, оно и без тренировок сделало меня таким выносливым, непробиваемым, во много раз улучшило зрение, добавляя меткости.

Вероятно, по этой причине Стеф так легко отпустил меня одного в эти темные тоннели, ведь он практически единственный знал, *кто я* и что мне будет сложно умереть от каких-то сплитов. А может, он просто моральный урод, что отчасти тоже было верно. Дан вот до сих пор не знал обо мне. Как и Фри, и еще множество моих приятелей и знакомых. Я держал всё в секрете из-за инстинкта самосохранения. Что знает одна душа – могут узнать сотни других. Мало ли что произойдет, когда в недобрые руки попадет информация, что у Антареса Непогасимого есть сын.

Я шел с напыленным на глаз окуляром, пытаюсь вычислить правильный путь по оранжевым следам Тьмы. Вот только они тут были везде, на развилке мне пришлось выбирать случайную дорогу. Впереди темнело жерло тоннеля.

Стоило пройти еще немного, как из него раздался рев сплитов. Сердце подскочило к горлу, настолько это было резко и неожиданно. Орало несколько глоток, и в этом тоннеле, где каждый шорох эхом уходил в неведомые дали, их клич мог ужаснуть даже бывалого протектора. Я попятился, устанавливая разрывную стрелу. Рычание доносилось откуда-то из развилок, просматривающихся впереди, в тусклом свете, падающем из уличных сливов, решетки которых виднелись на потолке. Несмотря на стянутые узлом органы, я прытко двинулся вперед. Нельзя замирать надолго, чем дольше тянешь – тем труднее сделать шаг.

Вой тем временем не иссякал. Поняв, в какой из проходов двигаться, я ускорился. А затем все стихло, слышались лишь мои хлюпающие шаги. Фонарь отбрасывал длинную тень. Остановившись

и переведя дух, я осмотрелся. После увидел, как возле поворота вода подернулась рябью. Что-то заскрежетало о стены. Я взял лук покрепче и увидел гигантскую тварь. Мне думалось, что она будет черной и склизкой, но нет же. Это был монстр, покрытый тяжелыми костяными пластинами. Старый девиантный сплит. Таких мы звали «танками». Он заметил меня, но я немедля выпустил стрелу. Та взорвалась, грохот пронесся по круглому коридору. От заряда лишь потрескались несколько пластин брони да отвалился здоровый кусок стены. Кирпичи падали с громким стуком. Сплит даже не задумался – еще не сошла дымовая завеса, а монстр уже с ревом бросился на меня. Я отпрыгнул назад, уворачиваясь от капкана адских челюстей, отбросил лук. Мысли лихорадочно носились в голове. Пространство слишком узкое для маневров, под незащищенное пузо я вряд ли проползу, стрелы не наносят урона. Осталось одно.

Сплит вновь ринулся вперед, и я, скрепя сердце, вскинул руку, призывая вспышку светозарного огня. Она была короткой – перебарщивать нельзя. Голубые лучи рассекли пространство, запахло паленым. Костяные пластины прожигались, тварь подалась назад от боли. Сплит метался, разносил брызги, визжал, но мой огонь продолжал гореть, прожигая его, подбираясь к центрам эфира. Туша с каменным стуком упала на бок, продолжая тихо догорать.

Я смог вздохнуть, только когда меня дернули за локоть.

– Дрянь, я не думал, что их тут настолько много, – выпалил Стефан, внезапно образовавшийся рядом.

В голове продолжало гудеть. Я как следует встряхнулся, после чего вздрогнул от нового затянувшегося воя. Теперь он казался куда ближе.

Стеф тревожно глянул на один из проходов.

– Пошли отсюда, мы их в закрытом пространстве не прикончим.

Я побежал следом, брызги шумно разлетались из-под ног.

– А Дан где?

– Ушел.

– Что?! Прямо во время задания?!

– Да, сказал, что у него какие-то срочные дела! – озлобился он. –

А тут мы, мол, и сами с одним сплитом справимся!

Одним, как же...

Словно в ответ на это по стенам впереди скользнула тень. Нет, две. Мы резко затормозили, хотели броситься в другую сторону, но и оттуда на нас уже смотрели огромные черные глаза, обрамленные костяными масками бывших черепов. Темнота, острые образы и гадкая воняющая падаль.

– Я их всех не перестреляю, – вырвалось у Стефа, когда он отступил к стене за нами. – Твою мать, почему половина – танки?!

Я нервно обернулся: путь к побегу оказался отрезан. К нам подступали с трех сторон. Сердце долбило о ребра с бешеной силой.

– Я попробую...

Стеф резко сник.

– Макс, нет. Ты забыл, что было в прошлый раз?

– У тебя другой план есть?!

Он хотел было ответить, но один из сплитов заревел и прибавил шаг, решительно нацелившись на нас. Его пластины громко стучали о стены, лапы месили грязь. Это спровоцировало остальных. Их терпение закончилось, жажда Света оказалась сильнее.

– Пригнись! – крикнул я Стефу, искренне надеясь, что это ему хоть как-то поможет.

Я распалил эфир на полную. С кожи сорвался светозарный огонь, он заскользил по венам ярчайшим голубым светом. Прокрался на лицо, в глаза, мгновенно наполнил ладони до краев.

Внутри меня все гудело. Вдох-выдох.

Я наотмашь взмахнул рукой перед самой мордой твари. Голубой огонь вырвался неконтролируемой волной. Бесформенной, бездумной. Она не просто сожгла ближайшего монстра – расщепила в пыль. Энергия ревела, нещадно жарила, хотя я сам того и не ощущал и просто смотрел на стену Света, отгородившую все вокруг.

Пламя взорвало окружение. Мир задрожал, запах гари поглотил мысли. Все рушилось, грохотало и падало, вырывалось куда-то прочь, приобретая все более чудовищные виды.

Я в панике взирал на беснующееся пламя, отхватывающее от окружения все больше. Жадная бездумная сила, которой никто не был хозяином.

Хватит. Черт побери, пожалуйста, хватит! – мысленно молился я.

Возможно, мои внутренние вопли дошли до огня. А может, тому слегка помог идущий снаружи ливень. Так или иначе, пламя начало отступать. Сначала неохотно, постепенно, но в конце концов оно съежилось до небольших очагов и искр, упорно вгрызавшихся в сталь и камень.

Я с трудом вбирал в себя воздух, рассматривая разрушения. Светозарный огонь прожег пол, стены, потолок. Огромный участок пространства просто выгорел. В тоннель обрушились опаленные машины, деревья, из труб в выжженный кратер стекала грязная вода. Наверху мигал фонарь – жар опалил даже провода. Меня затошнило от гари, в ушах стоял барабанный бой.

Его прорвало лишь озлобленное шипение Стефана.

Меня-то огонь не трогал – ни одежду, ни волосы. Чего нельзя было сказать о других. Стеф как раз заканчивал тушить обгоревший рукав. Взглянув на его руку, я похолодел.

– Да чтоб вас черти жрали!.. – выдавал он, с болью морщась и отбиваясь от последних голубых искр.

Я старался удерживать жар и пламя как можно дальше от него. Но не смог.

Рана протянулась от локтя до ладони. Тыльная сторона руки покраснела, покрылась крупными волдырями, а местами и вовсе закоптилась до мышц.

– Черт... – выдавил я, слегка отступив. – Черт, черт... Прости...

– Заткнись, – прорычал он сквозь стиснутые зубы.

Я растерянно наблюдал, как протектор здоровой рукой выудил из пояса бутылек с обезболивающим и залпом его опрокинул. Трясти его стало меньше, но и расслабиться до конца он так и не смог.

– Спасибо, блин, что не спалил полностью. – Стеф с самым мрачным видом забинтовывал руку, чтоб хоть в какой-то сохранности донести ее до Лазарета. – Сгорать заживо вообще отвратительно.

Шутка это или серьезная благодарность – я не понял. Так и остался стоять, примерзнув к месту.

– Не думал, что будет настолько сильно...

– А чего ты ожидал?! Филигранной работы? Ты не умеешь этим пользоваться, гений гребаный!

Стеф глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

– Так. Хорошо. Мы живы. Уже плюс, наверное. И мне даже не нужно воскресать.

Я сдавленно кивнул. Протектор встал рядом, придерживая больную руку, и оглядел разрушения.

– Я, конечно, не специалист, но ты в жопе.

Сразу после его слов в кратер со скрежетом упал еще один автомобиль. Мы со Стефаном вздрогнули. Меня начало отпускать, мысли возвращались в голову, принося с собой полное понимание картины.

– Сириус меня прикончит, – обреченно выдал я, сникнув.

– Уж надеюсь, – буркнул Водолей.

* * *

Стефан уже давно не чувствовал себя таким побитым. От него удушливо несло паленым, форма покрылась сажей и местами была прожжена насквозь. Рука продолжала гудеть и гореть даже после болеутоляющего, отчего глаз нервно дергался. Ему отчаянно хотелось курить, но огня на сегодня было достаточно.

Он обернулся к Максy. Тот уныло тащился на шаг позади, как обычно забившись в недра мыслей и ничего вокруг не замечая. Стеф вообще удивлялся, как только Стрелец на столбы не налетал.

Они подошли к дозорному пункту. Здание находилось на пустыре и, как положено, ничем особым не выделялось, разве что черепица была новой и сверкающе-черной. Из окон вырывался яркий свет, падающий на кусты и разбитую дорожку. Стеф уже было шагнул на лестницу, но в итоге вновь оглянулся.

Макса за ним не было – остался сидеть на скамейке неподалеку. Под мелким дождем смотрелся он жалко.

– Да твою ж налево... – проворчал Стефан, направляясь к нему.

Стрелец даже внимания на него не обратил – впрочем, другого от него и не ожидалось. Абстрагироваться от мира этот чудаки умел лучше всех.

– Хочешь, сыграю тебе на самой маленькой скрипочке? – съязвил Стеф. – Я даже не знаю, кто будет вызывать больше жалости: ты или слепой котенок. Так и собрался киснуть, убогий?

Макс не ответил. Водолей хмуро отвернулся. Свое общество он никому не навязывал и давно научился понимать, что оно другим не нужно. Да и успокаивать он не умел. Стефан начал уходить, но тут Макс выронил:

– Я не знаю, что мне делать.

– Для начала – уйти с дождя, – намекнул Стеф, садясь рядом.

– Я вообще это контролировать не могу. Пока огонь появляется лишь по моему желанию – но что, если и это изменится?

– Ты нагнетаешь раньше времени.

– Я бы не нагнетал, если бы были хоть какие-то улучшения! – с нескрываемым отчаянием воскликнул он, посмотрев на Стефана. – Я уже давно в таком состоянии, а меня до сих пор не могут как следует обучить!

Стеф даже спрашивать не стал. По Сириусу – новому послу Магистра Света в Соларуме – и так было видно, что он не будет быстро продвигать Макса по лестнице знаний. В после засело комфортное восприятие времени эквилибрумов, и их чудовищные сроки жизни никак не сочетались с человеческими, оттого Сириус наверняка думал, что подолгу разжевывать с Максом безопасные темы – разумно. И вот к чему это привело.

– А Антарес? – Стеф откинулся на спинку скамейки. – Ты до сих пор с ним не связался? Мог бы у него все это спросить.

– Ты думаешь, я не пытался? Да я только и могу, что говорить с Сириусом, а тот – с Альдебараном, и только потом хоть что-то, возможно, дойдет до Антареса. Я не получаю ничего, кроме редких общих указов, никакого прямого общения!

Макс встал. Его продолжало трясти от самой канализации. Стефан тревожно на это косился, не зная, чего ожидать. И уж точно не следующей реплики Стрельца.

– Я урод. До сих пор непонятный фрик.

Он поколебался и внезапно снял с себя звезду-подвеску, скрывающую его полужвездный облик. Стеф мгновенно дернулся и стал озиаться.

– Эй, ты какого черта творишь?! А ну надень назад! Что, если кто увидит?

Макс посмотрел на него теперь уже серебряными глазами с одной-единственной синей трещиной в левом. Стефану стало не

по себе до мурашек. Кожа Стрельца побелела. Челка, виски и брови окрасились насыщенным голубым оттенком, как и у звезд подобного спектра.

– Я не думал, что будет так плохо, – сказал он. – Хотя уже прошло столько времени.

– Да обучишься ты управлять хреновым огнем! И другие звездные штуки поймешь! Успокойся уже.

– Я до сих пор не знаю, кто я.

Слова застряли у Стефа поперек горла. Он изумленно уставился на Макса. Тот же начал распалаться.

– Я так часто раскалывал свою душу, терял память, себя, затем что-то обретал заново. Но всё и всегда по-разному! – Он в растерянности схватился за волосы. – А потом еще и получил эту чертову силу! Я не хотел таким быть, а полноценно стать и вовсе не могу без посторонней помощи. Мне же запрещают тренировки со звездными способностями, контролируют каждое действие!

Макс оскалился в негодовании, глаза замерли.

– И я до сих пор не могу понять, кем являюсь. Ни физически, ни душой, ни мыслями. Я будто все еще расколот и никак не соберусь воедино. И Антарес меня оставил таким. Здесь, на Земле. Без ответа. Все потому, что я сломанный. Да, меня нужно держать от других как можно дальше! Кому вообще сдался такой урод, как я?

Стефа пробрало. Он никогда не смотрел на Макса с такой стороны, но вдруг увидел в нем свое отражение. Стрелец не совершал преступлений, но в то же время все равно ощущал себя изгоем. Заоблачный мир его полноценно принять не мог, игнорировал. А к человеческому Макс сам боялся подступиться, ограничившись лишь кругом доверенных. Он чувствовал себя ненужным и неприкаянным. Неправильным. Стефан тоже это испытывал. Многие и многие годы.

– Все мы уроды. Главное – принять это и научиться жить дальше, – в конце концов произнес Стефан, косясь в сторону. – Я вот смог.

Максимус остыл и молча глядел в ответ. Водолей не в первый раз замечал, насколько же пробирающий у Стрельца взгляд, словно рентген, видящий все до самых недр души.

– Время все порешает, – пообещал Стеф. – Однажды станет проще. Ты соберешься назад. Хочешь того или нет.

Похоже, Макс вылил всё накопившееся в душе и печально кивнул, сев обратно. Подвеску он так и не надел снова, лишь сидел сгорбившись.

– Спасибо, что выслушал. Я ценю это. Знаю, тебе чужое нытье в тягость.

Стеф не ответил и принял личный разговор как данность. Он не питал иллюзий насчет их приятельских отношений – у Макса просто никого лучше не было. Если бы кто-то еще знал про его звездную половину, то вряд ли бы Стрелец продолжал с ним общаться. Со своей собственной «уродливостью» Водолей смирился давным-давно.

– Пошли уже, – вздохнул он, поднимаясь с сырой скамьи. – А то у меня рука отвалится.

Глава V

Грезы о невозможном

Я проведаль Стефа в Лазарете, когда ему обрабатывали сожженные ткани. Он, как всегда, вел себя невыносимо, глушил что-то из фляжки. В общем, был жив-здоров, ничего ему не угрожало. Это слегка меня успокоило, поэтому я вышел из его палаты и отправился по своим делам.

В Лазарете, как обычно, находилось с пару десятков адьютов, которым сегодня не повезло на заданиях. У кого-то просто царапина, у другого рука свисала на сухожилиях. Кометы скользили между ширмами, иногда вспышкой света перетекая от одной к другой. Я быстро обошел пространство в поисках Аданнаи. Она чаще всего находилась возле самых тяжелобольных людей, но там ее найти не удалось.

Напротив Лазарета располагался десяток комнат-палат для затяжных болезней. Я уверенно подошел к самой дальней и чуть замешкался, увидев, что дверь приоткрыта.

Палату заливал солнечный свет. Многие жилые комнаты Соларума находились в его центральной части, без доступа к улице, и, чтобы их обитатели не чувствовали себя зажатыми в темной каменной коробке, там устанавливали окна, за которыми сменялись дни и ночи. Их даже можно было открыть, почувствовать свежий воздух, но не более. За окном этой палаты виднелся обрыв, под которым пенилось глубокое синее море, растянувшееся вдаль до самого горизонта. В небе летали чайки, их приглушенные крики доносились до нас.

В комнате была лишь одна кровать, стены окрашены голубой краской, а на темном деревянном полу пестрел коврик. Немного мебели вроде мягких кресел и тумбочек. Заглянешь внутрь – и словно Соларум покинул. Но нет, это все еще был он, и свидетельство тому лежало прямо на кровати.

Волосы Сары стали длиннее за прошедшее время. Они огненными потоками разметались по белой подушке. Когда бы я ни приходил, протекторша всегда встречала меня одинаково: укрытая одеялом, бледные руки сложены на животе. Лицо недвижимо. Оно

осунилось, и острые черты стали только заметнее. Словно мертвая, вот только грудь еле заметно вздымалась при каждом вдохе. Иногда, когда мне было особо не по себе от работы или из-за проблем с личным состоянием, я приходил к ней. Смотрел в окно и реже – на саму Сару. Мне было до боли совестно. Я ненавидел, просто терпеть не мог, когда другие попадали в беду по моей вине. Это изнуряло дух, и вот теперь, уже столько времени, Сара являлась символом этого стыда. Врачи говорили, что ей повезло, она была совсем на волосок от смерти. Даже непонятно, почему она осталась в живых, просто неопишное чудо. Возможно, из-за ее невероятной силы духа? Сказали, можно лишь накладывать укрепляющие манипуляции и ждать. По-другому никак не помочь. Сюда приходили не только кометы, но даже планетары и звезды, и все твердили одно: Сара обязана сама найти выход и вернуться к нам. Своими силами. Станный недуг, но непростым был и тот, кто нанес ей травму, на деле предназначавшуюся мне.

Рядом с Сарой стояла укрывшаяся узорчатой шалью протекторша, ходящая под созвездием Рака. Постарше меня года на четыре, кожа темная, на которой особо выделялись светлые шрамы в области рук. Хрупкая, я бы сказал – тощая, работа сильно ее изнуряла. Свои пышные волосы она убирала с лица при помощи красной банданы. Аданная Турай родом откуда-то из Эфиопии, оттого ее белые пряди смотрелись весьма необычно. И не просто белые – в полумраке от них исходило сияние.

Когда я вошел, она держала тонкие руки над животом Сары. Из ее ладоней брезжил фиолетово-белый свет. Протекторша что-то проговаривала, и я замер, не желая мешать. Еще одна попытка поддержать в Саре силы.

– Возвращайся к нам, – расслышал я. – Ты еще не прожила время, отпущенное тебе вечностью.

Ада делала свою работу медленно, стараясь задерживаться над центрами эфира подольше. Я не мог представить, какие последствия для нее могла принести подобная усидчивость, но понимал, что далеко не каждый пошел бы на такое ради простых больных.

И тут Аданная заметила меня. Повернувшись, она открыла мне левую часть своего лица. Третью покрывала каменная корка, глаз абсолютно белесый и чуть мерцающий. Протекторша поприветствовала меня изнеможенной улыбкой. Губы дрогнули, и,

покачнувшись, Ада просто рухнула в стоявшее рядом с кроватью кресло.

– Ты себя так в могилу загонишь раньше времени, – сказал я, присев на подоконник.

– Будет ли считаться самоубийством полная и сознательная отдача душевных сил ради других? – продолжала улыбаться Ада, подперев голову рукой.

Она любила носить множество украшений: кольца, ожерелья, браслеты. Последние постоянно позвякивали при любых ее движениях. И все было сделано из серебра, но обычного, а не мерцающего.

– Если за такое полагается Обливион, то эта Вселенная сломалась, – ответил я, разглядывая пальцы на ее левой кисти. Мизинец и безымянный также были покрыты камнем. – Ты себя нормально чувствуешь?

Честно, мне было боязно за нее. Когда-то, когда Ада лечила кого-то своими силами, ей приходилось восстанавливаться. Чем сильнее травма пациента, тем больше времени на отдых требовалось. Но в случае Сары...

– С каждым разом все хуже, – ответила Ада. Она покосилась на больную. – Такое чувство, что мне все сложнее и сложнее добираться до ее души. Будто бы она отдаляется.

Я отвернул голову к морю, тихо ворчащему внизу. Понятно, о чем говорила Ада. Каждый раз, когда я касался Сары, то попадал в хаос. Словно ее внутренний мир смешался и ничего не разглядеть, зато явственно ощущались холод и страх, вгрызавшиеся в кожу. Как Сара сможет найти путь в чем-то подобном? Ее присутствие ощущалось все призрачнее, точно она ускользала от нас, просачивалась, как песок сквозь пальцы. И мне было страшно думать: а что, если она совсем потерялась где-то там? В неизвестном?

Аданная устало потерла рукой лоб. Девушка-монструм. Последние десять лет Ада проводила бесконечный эксперимент над собой, вживляя внутрь эфира и эссенцию души кометы. Последняя как раз определяла свойство рас. Процесс введения звездного эфира в протекторов был давно отлажен Светлой армией, но вот для других рас все было намного сложнее. Доказано, что вживление чего угодно от представителя одной небесной расы в тело представителя другой

ничего хорошего повлечь за собой не могло, но Ада, Ханна и Ламия долго изучали старые записи Соларума, чтобы на собственном опыте проверить одну теорию: тела и души приземленных намного податливее эквilibрумов. Удивительное открытие, за Аданнаей даже наблюдали откуда-то сверху. Ей хотелось исцелять силой мысли, как могли все кометы. Ее оболочка потерпела некоторые изменения, а душа со временем так сроднилась с чужеродной эссенцией, что стала сама вырабатывать кометный эфир в некотором проценте. Уж я по личному опыту знал: такое проходило болезненно.

Получалось, что Ада являлась настоящим гибридом, нося в себе не только человеческое, но и крупички двух заоблачных рас. Это не могло окончиться ничем позитивным, но она терпела любую боль, чтобы помогать всем нам. Без всякой выгоды. Если кометы брали силы из своего хранилища – небесного тела, то протекторша имела при себе лишь запасы собственной души. Если бы не этот эксперимент, сейчас у Сары просто не было бы лекарей с заоблачными силами. С недавнего времени кометы поголовно отказались лечить ее. Они ощущали, как ухудшается недуг в теле Сары. К тому же их пугали причины ее травмы. Комет безудержно страшил Гортрас – лишь упоминание этого темного заставляло трепетать всякого светлого эквilibрума.

– Нам надо поторопиться, – произнес я, глядя в пол. Взгляд упал на ноги протекторши. В Соларуме Ада носила одни и те же побитые и разношенные сапоги. – Времени осталось всего ничего. Она в опасности.

Ада убрала руку от лица и внимательно посмотрела на меня. Взгляд ее оказался тверд, и мне под ним стало некомфортно.

– Сара сама тебе сказала? Она вновь приходила?

Я кивнул и коротко передал Аде подробности последнего сна. Услышав это, она глубоко задумалась, даже помрачнела. Когда Ада так делала, казалось, что в ее голове решались задачи, достойные вопросов спасения мира. Затем она встала и медленно приблизилась к окну, надолго задержав взгляд на голубом небе, по которому проплывали редкие облака.

– Ее травма чрезвычайно тяжела. И я не ведаю, почему душа полностью забаррикадировалась от нас. Словно она теряет связь с оболочкой. В любом другом схожем случае души шли за эфиром, которым лекари вытягивали их назад. Но здесь что-то мешает.

– Ламия сказала, что хочет исследовать новые теории, попробовав взглянуть на душу Сары.

Ада пожала костлявыми плечами. Все ее движения казались расслабленными, неторопливыми, как и манера речи – тихая и размеренная. Полная противоположность Ламии.

– Такое чувство, что у нее нашелся проект поважнее.

– С тех пор как месяц назад ей приказали уничтожить того сплита, она сама не своя.

Этой темы мы предпочитали не касаться в присутствии Ламии – та немедленно выходила из себя, становилась раздражительной и доказывала свою правоту в уже изжившей себя теме всякому подвернувшемуся. Приводить сплитов в Соларум разрешалось очень редко – при неправильном содержании местная охранная система сходила с ума. Поэтому обычно все изучения и опыты на чудющах проводились внизу, на Земле. Но в Соларуме имелось больше оборудования, поэтому Ламия буквально выгрызла себе дозволение на содержание сплита в Манипуляционной. Ей удалось продержат его пару недель, а потом всего одна ошибка с ее стороны – и охранная система поставила на уши весь Соларум, оповещая о Тьме. Вся работа Ламии пошла в утиль, сплита уничтожили. Она до сих пор шипела и ворчала, не признавая за собой ошибки в содержании чудюща.

– Ламия вроде как пытается восстановить свой уничтоженный эксперимент, сидит над кучей бумажек, – сказал я. – И недавно просила меня помочь с проверкой охранной системы. Все не может отпустить свою ошибку. Но если она обещала, то сделает. А какие у тебя мысли по поводу Сары? Что может ей мешать?

– Кто-то мог бы сделать манипуляцией заслон. Но мы в целом уже давным-давно смогли бы определить чуждое влияние на ее душу, – сказала Ада, задумчиво поднося пальцы к губам. – Да и мы полностью очистили ее тело от Тьмы еще в первые месяцы. Все кажется в порядке: ее эфирный уровень, связи с оболочкой, Свет в крови. Все струны души соединены с нужными каналами. Но чем больше я работаю с ней, тем больше чувствую тревогу и страх. Будто оно приходит с той стороны. И ее душа не пытается прорваться на мой Свет, а наоборот... Она тонет. Или что-то ее засасывает.

– Куда? – нахмурился я. – К смерти?

– Вероятно, что так. Но существует множество легенд эквилибрумов, рассказывающих о различных состояниях души за пределами оболочки. Даже между жизнью и смертью.

Я вскочил с подоконника и тревожно уставился на Сару, такую бледную и хрупкую. Не верилось, что именно ее называли Железной Девой.

– У нас нет времени изучать теологию. И тем более выискивать легенды. Нам нужно что-то здесь и сейчас.

– Тогда подсказать могут лишь сведущие эквилибрумы. Но кометы, как ты знаешь, оставили нас, а Нерман оказалась бессильна. У более высокопоставленных персон просить бесполезно. Они не будут тратить ресурсы и создавать опасные манипуляции ради спасения приземленной.

Меня пробрало от злобы и отчаяния. Этот мир порой казался таким всемогущим и несправедливым одновременно. Сначала убеждают, что каждый равен, каждый ценен, но кто-то вечно оказывался не у дел. Именно это и душило меня при спасении Антареса – когда буквально весь род человеческий мог погибнуть в жерновах бойни Света и Тьмы. Я всем нутром сопротивлялся такому мировоззрению. И вот теперь снова столкнулся с ним нос к носу.

– Тогда я найду способ. Даже если придется его с небес доставать.

Ада недоуменно уставилась на меня. Это было редкой победой – вызвать у нее такую реакцию.

– Хорошо, – вздохнула она, подходя обратно к Саре. – Держи меня в курсе своих затей.

Я кивнул и уже хотел было идти, как Рак окликнула меня:

– Кстати. Сириус тебя искал, и он не в добром расположении духа. Ты что-то натворил?

Сердце резко рухнуло к желудку. Я надеялся, что еще некоторое время смогу оттягивать момент встречи с ним.

– Да, – поник я. – Вероятно, теперь он хочет меня прикончить.

* * *

Я сидел в жестком кресле, скрестив руки на груди, и ждал. Мне казалось, что прошло уже не меньше часа. Я в очередной раз лениво

оглядел просторную залу, служившую всего лишь прихожей перед кабинетом посла Магистрата. Сириус, естественно, не жил здесь все время, но работать и затворничать ему где-то было нужно. Но кто ж знал, что для этого требуется отхватить покои, в прихожей которых можно балы устраивать? И лишь несколько диванчиков да кресел по углам. Словно приперся на прием к врачу, только стойки с секретарем не хватало. Тринадцатый этаж Соларума почти не использовался – лишь входы в башни протекторов да комнаты для редких эквилибрумов, ну и одна небольшая столовая имелась. В титаническом пространстве здания, которое не разваливалось под собственным весом лишь благодаря невероятно искусной архитектуре, инженерным умениям и манипуляциям, места хватало всем и на всё.

Когда дверь кабинета отворилась, я уже почти дремал. Эквилибрум неспешно выплыл в залу, не отвлекаясь от инфоры, развернутой в виде свитка. Могло подуматься, что Сириус даже не ведал о моем присутствии, вот только он знал. И вряд ли считал это значительным. Что ж, звезда был не слишком приятной личностью, но всяко лучше, чем его предшественник. Да кто угодно казался лучше, ведь до него здесь находился дэлэр, спрятавшийся в теле звезды.

По-прежнему не отрываясь от чтива, он коротко кивнул:

– Подойди.

Голос его казался низким, гулким, что вообще не соответствовало внешности. Сириуса нельзя было назвать слабым, но слишком уж он стройный и поджарый. Лицо острое, утонченное, с благородными мягкими чертами, словно принц из сказок. Тонкие губы порой морщились, как будто ему не нравилось написанное в инфоре. Резкий и четкий изгиб бровей, широкий лоб. У Сириуса не было правого уха – вместо него темный шрам, что небольшими блеклыми линиями тянулся к щеке. Сегодня заоблачник выбрал простую одежду – лишь синяя рубаха, расшитая узорами накидка и темные брюки.

Пышные голубые волосы, холодные серебряные глаза и белесая кожа навевали мысли о снегах и севере. Меня не отпускала мысль, что я сам мог выглядеть практически как он, будь во мне немного больше от отца. Хотя куда уж больше? Я и так был практически точной его копией.

Я неохотно посеменял к звезде.

– Что это? – требовательно спросил он, тыкая в меня текстом инфоры.

Это был мой отчет о проделанной работе с Даном и Стефаном. Мне было велено каждый раз писать отдельный, вне зависимости от того, кто являлся лидером группы. Для меня работали другие правила. Причем о финале с применением светозарного огня я умалчивать не стал – Сириус все равно бы узнал.

– Отчет, – страдальчески вздохнул я. Не думал, что еще когда-либо в жизни вновь почувствую себя ребенком, которого ругают взрослые.

Сириус прогудел что-то неразборчивое и понимающе кивнул. Не успел я расслабиться и отвести взгляд, как эквилибрум схватил меня за ухо, больно и резко потянув его вверх.

– О чем ты думал?! – набросился он, разом преобразившись.

Когда Сириус закатывал истерики, голос его повышался до фальцета.

Я ойкнул от боли.

– Да что я сделал?! Отвали!

Помимо этого, я увидел душу эквилибрума – строение из воды, созданное посреди зимнего леса. Каждая заснеженная ветка украшалась глиняными масками. Как ни странно, колышущаяся вода, из которой состояло строение, была теплой.

– Я чему тебя учил, ты, недоразумение вселенских масштабов? – зашипел Сириус, лишь после этого отпустив меня.

Отпрянув от него подальше и схватившись за горящее ухо, я поморщился.

– Да ты постоянно что-то...

– Урок первый!

Я снова вздохнул. Спорить с этим позером было просто бесполезно. Когда он только появился в Соларум, то проводил с каждым собеседование. Знакомясь со Стефом, Сириус обращался к нему по полной и правильной форме имени – Стефано Феррари, – которое Водолей терпеть не мог и попытался миролюбиво объяснить это послу. В ответ эквилибрум заявил, что раз имя записано в документах, значит, так оно звучит правильно, и точка, после чего назвал еще и его второе имя: Стефано Джеронимо Феррари. Тогда Стеф выдал нечто такое яркое и неповторимое, что Сириус отправил

его на три месяца в Африку, в одну диктаторскую страну, прямо в пекло военных действий. Вернулся протектор оттуда крайне злым и загорелым.

– Не снимать без надобности амулет, который скрывает от всех, что я – наполовину звезда.

– Второй? – надавил Сириус, свернув инфору. Он вытянулся, сложил руки за спиной и стал медленно, с изяществом в движениях обходить меня по кругу.

– Никому не говорить, что я наполовину звезда, – буркнул я.

– Третий?

– Не использовать при других светозарный огонь и иные звездные силы.

– Вот видишь! Ты их помнишь, на это тебе ума хватает! – Звезда замер и свел брови в угрожающей гримасе. – Так объясни же мне, Максимус. Почему ты применил огонь при посторонних?

– Не было других вариантов! Нас бы сожрали и...

– Нет-нет-нет-нет! – Он вытянул вперед тонкий указательный палец, заставляя меня заткнуться. – Никаких «я не знал», «я не понял», «я забыл»! У тебя нет на это права! Подставишься ты...

– ...может пострадать Антарес, – проворчал я, уже наизусть зная эти слова.

Сириус оглядел меня с ног до головы крайне подозрительным взором. Я же не отводил взгляда от него, очень надеясь, что доходчиво выражаю утомленность.

– Убери амулет.

Подумав пару секунд, я все же повиновался и снял подвеску-звезду, позволяя Сириусу наблюдать мое сходство с Антаресом, а также раскрыв миру свои звездные признаки.

– Доволен?

Заоблачник задумчиво потер рукой подбородок.

– Подумать только, и именно ты – маленькая копия лица Антареса Непогасимого.

– Ты, видно, не особо представляешь, что такое дети. – Я скептически вскинул брови.

– И не стремлюсь! – Он едва заметно и с отвращением подался назад. – Это же просто неправильно! Подумать только, разумные существа, которые появляются не из Света или, на худой конец...

из Тьмы! Но не мне судить светлейшего лица, каждое из его решений и... деяний, безусловно, верное. И мне следует быть благодарным за судьбу быть твоим наставником.

Я раздраженно вздохнул. Подробности назначения Сириуса на это место были мне неизвестны. Вероятно, Антарес доверился в выборе посла для Терры и моего наставника Альдебарану – префекту Кальцеона, которому Сириус и был подконтролен. Нам, протекторам, оставалось надеяться, что этот-то уж точно дэларом не является.

Вот так Сириус и получил должность посланника Магистрата на Земле. А у меня появился духовный тренажер: терпеть заоблачника было ой каким непростым делом.

– Ладно, все же ты не совсем виноват, – успокоившись, произнес Сириус. – Как можно тебя осуждать?

Я уже хотел ответить, как он с чувством выдал:

– Во всем виновата твоя приземленная часть! Именно из-за нее ты временами ведешь себя как примитивное существо, чьи мысли не могут связаться в единый поток. Я все понимаю, Максимус, не извиняйся. Ты просто не способен этому противиться, как можно уходить от своей природы? – Он проигнорировал мой полный раздражения взгляд и подбадривающе похлопал по плечу. – Но для тебя еще не все потеряно. Ведь внутри твоей души таится великая благодать, часть нас – звезд! И, более того, самого лица Антареса, что есть Свет карающий и есть Свет дарующий, да будет его путь легок и долог. А также в тебе кровь великого магно-генума Анимера! И я приложу все усилия, чтобы именно она стала в тебе доминирующей. И пускай это маловероятно, ведь приземленный дух в тебе силен, но ты должен верить в это всей душой и стараться! Мы сделаем из тебя прекрасное подобие эквилибрума!

Он наверняка ожидал моего восторга по поводу своей воодушевляющей речи. Я же указал на дверь.

– Можно я пойду?

Сириус pokrивился, видно, вновь разочаровавшись во мне. Даже со вздохом достал обратно небольшой энерггласс и сделал в нем пометку. Вряд ли поставил плюстик в моей подноготной.

– Нет. У нас с тобой занятие. Так что на твоём месте я бы преисполнился энтузиазмом от этого факта. Прошу в кабинет!

Глава VI

Цикличность жизни и времен

– Луц Зербраг, – осторожно шепнула Юферия над самым его ухом. – Кальбадден Пекло хочет вас видеть.

Зербраг даже не пошевелился, продолжив смотреть на представление с присущей ему бесстрастностью. С его ложи прекрасно виднелся каждый кусочек сцены, на которой, в такт громовому накату оркестра, метались вихри полотна-имаго. Дым обретал очертания и краски, создавал фигуры и архитектуру, показывая события со всех сторон. Однажды в чьей-то голове родились эти образы, и он создал их из осколков когда-либо увиденного и соткал в полотно. В этот раз Верховный театр Люксоруса показывал древнюю трагедию – легенду об охотнике за воспоминаниями, собиравшем память о своем почившем друге у всех знакомых с тем душ. В конце концов он спустился в один из мифических миров, представляющих загробную жизнь, где повстречал саму Смерть. Найдя товарища, охотник уже не помнил ни его, ни зачем пришел, ведь в своем поиске растратил весь эфир и уничтожил воспоминания о себе самом.

– Когда? – спросил Зербраг, не оборачиваясь.

– Он уже ждет вас на выходе, луц. Просит передать, что это срочно.

Грянули трубы. Врата мира мертвых закрылись за охотником.

Юферия послушно следовала за быстрым шагом Зербрага. Маленькая незаменимая планетарша. Как она и сказала, Пятый паладин ждал на широкой лестнице, под едва фиолетовым небом Люксоруса. Кальбадден обернулся. Приземистая мускулистая фигура, противоположность поджарому Зербрагу. Длинные красные пряди волнами струились по массивным плечам.

– Не хотел отрывать от культурного времяпрепровождения, – приветственно кивнул эквилибрум, – но твоего присутствия ожидают в Штабе Паладинов. Немедленно.

Зербраг ничего не ответил, только проследил за Кальбадденом, направившимся к малой ладье. Он сел напротив Пятого паладина,

рядом со своим фактотумом – Юферией, которая внимательно наблюдала за полисом через окна.

– Будут все? – сухо поинтересовался Зербраг, закидывая ногу на ногу.

– Нет, душ пять-шесть. – Кальбадден налил в кубок дурмана и предложил его Зербрагу. После отказа сделал глоток сам. – Остальные не успеют собраться в столь короткий срок, но вся информация им будет изложена.

– Народ уже оповещают. Но никакого заявления от Верховного или его секретарей по поводу случившегося.

Кальбадден лишь фыркнул:

– Будто это удивительно. Не помню, чтобы он был настолько скуп на публичность при своем прошлом правлении.

– Полагаю, ждать на собрании его тоже не стоит. Бетельгейзе?

– Разумеется.

Другие вопросы были излишни. Зербраг уже давно ждал, когда Первая полезет в его дела, и сейчас шанс вполне мог представиться. Юферия как-то требовательно глядела на него. Она, как и всегда, была строго одета, с едва заметным нимбом света над копной кудрявых голубых волос. Лицо того же цвета пересекали три белые линии. Зербраг кивнул, и только после этого фактотум сказала:

– Луц, вы имеете право отказаться от пребывания на встрече. По закону, требование Первого паладина приказом не является, если на собрании не будет присутствовать Верховный.

– Все так, – подтвердил Кальбадден. – Но, Зербраг, я, как твой старый товарищ и единственный из всех нынешних Паладинов знавший тебя еще при белом спектре, настоятельно рекомендую хотя бы в этот раз не пренебрегать общением с Бетельгейзе и появиться. Особенно учитывая случившуюся катастрофу – твое мнение важно. Не усугубляй свое положение.

– Ты добрая душа, Кальбадден. – Зербраг отвернулся к окну, рассматривая самую широкую реку Люксоруса – Феру, светящуюся бледными плазменными потоками. С одного ее берега едва ли можно было различить другой. По ней проплывали большие водные крейсера, отсюда казавшиеся черными пятнами грязи. – Но я стал неудобен. Нынешняя власть, захваченная Анимерой, меня отвергает. И все же устранить меня она не сможет, ведь я – Второй паладин.

– Просто извинись за то, что сделал, и назови это недоразумением.

– И что? Мне простят выпады на Оттану? Ту самую никчемную и слабохарактерную Верховную, которая позволила без боя префектурам Паргаса и Тес-Венца почти полностью отойти Тьме? Которая лишила нас ресурсов и Алмазного форта, построенного еще в...

Кальбадден усмехнулся. Из-за мощной заросшей челюсти оскал производил угрожающее впечатление. Он всегда напоминал Зербрагу какое-то свирепое животное, только прирученное.

– Нет, про Оттану они и не обмолвятся. А вот попытки устранить Антареса Непогасимого тебе припомнят. Да, о них не сказали всей Армии Света, но верха не забудут.

– Я делал что должно, – отрезал Зербраг.

Он не собирался оправдываться за это. Только не за попытки спасти Свет, когда была возможность.

Ладыя пришвартовалась в Белой крепости, где находились Зеркальный Шпиль и другие главные управленческие строения. Кальбадден первым спустился с трапа и направился в Штаб Паладинов через площадь Бравой, по центру которой стояло нагромождение изящных фонтанных чаш с синей водой. Зербраг отстал, с прищуром вглядываясь в белое здание с тринадцатью куполами: большие и малые, они источали свет.

– Когда-то отсюда начался геноцид генома Тамалекрон по приказу пять тысяч восемьсот шестого Верховного Зерина Пепла из династии Левераль, – сказала Юферия. – Пятьсот четырнадцать тысяч семьсот пятый Генезис. Так началась восемнадцатая эра Последних Императоров – эпохой Умерщвления. Когда по длинной лестнице Штаба влачили Паладина Тесавему Бравую ат Тамалекрон. Ее кровь прочертила след от той колоннады до самого центра площади.

– *И крик Тамалекрона, крик преданных светил, в горизонтах отразился и в вечности застыл,* – вдумчиво произнес Зербраг, задержавшись у фонтана.

Десять эр минуло, из сомниума еще возвращались эквилибрумы, ставшие свидетелями тех событий, но было их уже ничтожно мало. Здесь, по преданиям, космоинквизиторы раскололи душу Тесавемы и по приказу Верховного-Императора за ноги подвесили ее тело на глазах у толпы, оставили гнить, что было не просто неслыханно для

эквilibрум – порочно и грешно. Ужасная постыдная кара. А дальше гнев Верховного обратился на ее геном. Под предводительством тогдашнего Третьего паладина Йадесцила Искроликого ат Диарат воины уничтожили их души и небесные тела, таким образом сделав Тамалекрон одним из немногих магно-геномов, уничтоженных с самой эры Зарождения.

– *И память Света, память древнейших из времен, унес с собой в Обливион великий Тамалекрон.* – Юферия оглянулась на своего патрона. – Луц, вы все еще предаетесь различным древним строкам. За последний наом это уже третий раз.^[3]

– А тебе все еще нравятся числа, – бросил он, продолжив путь.

– Да. Они помогают структурировать все в голове. Ввиду особенностей моей метки концентрация очень важна, чтобы не потерять связь с реальностью.

– Пока ты запоминаешь все, что мне нужно, – делай что хочешь. – Зербраг ступил на белую лестницу. – К чему ты вообще завела речь о Тамалекроне и Тесавеме?

– Источники говорят, что Верховный-Император Зерин Пепел устроил Геноцид Тамалекрона, потому что Тесавема получила знание, способное оборвать династию Левераль. Из-за дара общей коллективной памяти устранить пришлось всех. В те времена Тесавему обвинили в предательстве Света, но через эпохи стали ясны меркантильные интересы Зерина, оболгавшего Тесавему.

– И? Я вижу, к чему ты клонишь, но не понимаю, почему ты беспокоишься.

– Вовсе нет, – встрепенулась планетарша. – Я просто предполагаю один из наиболее возможных вариантов. Мы готовились к нему. История, как вы знаете, циклична, Временной горизонт нам неоднократно это доказывал. Тесавема узнала что-то о своем Верховном и была готова его предать, за это он расколол семнадцать душ Тамалекрона. Вы знаете об Антаресе достаточно много. Он тоже способен обвинить вас в предательстве. Финал может быть схожим.

Широкий фасад отбросил на Зербрага тень. Проронив тихий раздраженный ответ, он вошел в тяжелые расписные ворота, распахнувшиеся еще при Кальбаддене:

– Знаний моих пока недостаточно. И он сам это понимает.

Собрание по обыкновению происходило под самым большим куполом, по размеру напоминавшим небосвод. Полукруглые окна открывали вид как на площадь Бравой, так и на великолепные мосты Первозвездной. Как Кальбадден и обещал, Паладинов было немного. Но достаточно, чтобы понять сразу: в одном месте они бы случайно не собрались. Серьезные мрачные лица, впрочем, также давали мало надежд на праздную беседу.

Юферию и всех нижестоящих в зал заседаний не пустили. Бетельгейзе, как всегда прекрасная и величественная, не стала оттягивать и первой присела за круглый стол. Она поблагодарила всех пришедших, пока Зербраг скучающе поглядывал за векторными часами и просто ждал, когда Бетельгейзе закончит с фарсом и перейдет к главному. Уже вскоре она бросила на него серьезный взор.

– Надеюсь, каждый из вас вникал в каждую строку последних отчетов. Произошла массивная атака на легионы Пиккарта Сереброликого, на деле оказавшаяся лишь диверсией.

– Это тема для Военного Совета, – встрял Зербраг. – А мы не имеем права проводить его без Верховного.

– Да. Но положение нас вынуждает, так что не будем откладывать, – с холодом ответила ему Бетельгейзе и продолжила: – Наом назад, пока двадцать пять легионов были стянуты к системно-планетарному кластеру Бронзового Крыла, отвлеченные всего семью темными легионами, в порт полиса Сцевилла прибыл светлый военный крейсер. Как выяснилось после, он был одним из десятка захваченных у Пиккарта при затяжных схватках в прошлом эллере.

– Вселенная и Материя, как кто-то мог допустить такое? – возмутилась Нейфомена Гремящая – Седьмой паладин, оранжевый спектр, мощная, как и ее голос. Грубые черты ее лица покрывали десятки серых имен на магнификуме. Она была из префектуры Юн-Каб, потому не только выбивала на себе память о погибших дорогих ей душах, но и носила множество черных колец и серег. – Это граничит с предательством!

– Этот полис – важный транзитный узел префектуры Баура, в которой уже давно идут ожесточенные военные действия, – напомнил ей Кальбадден, удрученно откидываясь на спинку кресла. Он вывел в центр стола световую проекцию префектуры со всеми отмеченными линиями продвижения врага и светлых войск, пока на фоне

продолжали поступать отчеты. – Сцевилла соединяла первый, второй и пятый транзитный потоки. Там огромная текучка, а из-за возросшего передвижения легионов и военных машин уследить за всем не удалось.

– На борту крейсера была заложена вакуумная воронка. – Тон Бетельгейзе становился тверже стали. – По оценкам специалистов из Юниверсариума, эфирная энергия, затраченная на такую мощь, составляла не меньше пятисот триллионов праетеров.

Повисло молчание, которое нарушил Десятый паладин. Единственный желтый спектр среди собравшихся, Гесцил Костолом ат Диарат.

– Сцевилла – огромный, прекрасный полис, – разочарованно вздохнул он, постукивая пальцами по столешнице. – Какая жалость. От него ничего не осталось, верно?

– То, что осталось, никак нам не поможет заделать брешь в обороне. И в транзите. Темные не дадут нам его восстановить.

Нейфомена уже с трудом сдерживала гнев. Зербраг с презрением заметил оранжевые искры в ее глазах. Импульсивность и тупая ярость – вот что губило лучших из лучших.

– Как они посмели применить такое сильное проявление Обливиона? – процедила она. – Это могло породить войдов и загубить обе Армии. Они пошли на такой риск? Инквизиторы уже проверили место поражения? Сколько миллионов душ растворились в Обливионе?

Бетельгейзе сухо качнула головой.

– Светлые космоинквизиторы сейчас туда не попадут. Наши транзитные потоки пали. Темные вызывают квантовые бури, чтобы не дать ладьям и крейсерам Пиккарта быстро добраться до места ближайших транзитных узлов. Потому мы не можем использовать манипуляции времени для ускоренного продвижения с серповидного фронта.

– Они продвигаются к Лучезарной крепости, – сказал Десятый, едва улыбнувшись, словно радовался собственной просвещенности. – Одной из старейших и мощнейших в той части Вселенной.

– Верно, – подтвердила Бетельгейзе. – По донесениям разведчиков, туда направляется пятнадцать темных легионов.

– Ради чего они стремятся к ней? – Гесцил удрученно качнул головой. – Естественно, чтобы прорваться в центральный кластер

префектур и к столицам. Но почему? Ради чего нарушать пакт не притягивать в центр военные легионы? Это ставит нас на грань новой Великой войны. Лучезарная крепость всегда являлась одним из предохраняющих факторов в пакте, не давая темным военным массивам оказаться у Люксоруса. А теперь она падет.

«Известно ради чего», – с отвращением отметил про себя Зербраг.

После возвращения Антареса затишье не могло длиться долго. Темные были обязаны отреагировать.

Они оказались вынуждены по законам Эквилибриса.

– Крепость выстоит, – уверенно заявил Кальбадден. – Она переживала нападения и намного больше, включая Гражданскую войну при эре Конфронтаций, коей я сам был свидетелем.

Зербраг холодно смотрел на старого товарища. События Гражданской войны оставили в его собственной душе мрачные шрамы, как и все пережитые эпохи той самой эры. Но Кальбадден не замечал главного.

– Крепость не продержится, если темные захватят ближайшие опорные пункты, которые не подготовлены к долгим осадам без поддержки. Лучезарная была выстроена на омниевом руднике, благодаря чему постоянно подпитывает манипуляции и создает плотную завесу от Тьмы. – Зербраг коротко указал на световую проекцию. В голове он уже просчитывал все возможные варианты сражения и исходы. – Сила крепости была в постоянном возобновлении ресурсов и протекции со стороны защищенной Сцевиллы – полиса, который никто и никогда не мог захватить. Теперь его нет. Ближайшие легионы, принадлежащие Пиккарту, сейчас на другом конце префектуры с разрушенным вторым транзитным потоком и квантовыми бурями. Следующий цебер они вряд ли куда-то сдвинутся. Если Темная армия захватит крепость, то не только заполучит огромный омниевый рудник, но и укрепит свое положение в префектуре Баура, в дальнейшем ослабив нашу защиту внутренней сферы префектур.^[4]

Зербраг ощущал: что-то идет не так. Слишком уж пристально Бетельгейзе наблюдала за ним, точно призывая прийти к дальнейшим выводам самому.

– Вам нужны мои легионы. Они сильнейшие и самые доступные.

– Да, – подтвердила Бетельгейзе. – Все пятнадцать. Когда-то у вас их было вчетверо больше, но то, что вы успели вернуть, уже блещет силой былой славы.

– Эта слава никогда и не уходила, а воины верны мне. – Зербраг надменно выпрямился. – Так вы хотите, чтобы я пресек нападение Тьмы на крепость и спас положение Света в префектуре?

– Нам требуются ваши легионы, но не вы, – заявила звезда, встав.

– Вы знаете, что я лучший полководец в этом зале. Магн-легат. Вы не имеете права отбирать легионы.

– Военное положение и приказ Верховного, – вступился Гесцил, улыбаясь все шире. Его полностью белые сияющие глаза буравили Зербрага. – И общее решение Паладинов. Легионы и без того нам требовались для улаживания изначально не настолько крупного конфликта в префектуре Баура, но теперь, когда агрессия темных из-за их чудовищной и гадкой природы перешла все допустимые границы, откладывать совершенно нельзя.

Ассист передал пластину. Документ, подписанный двенадцатью Паладинами и Верховным. Чрезвычайное требование, пойти против которого приравнивалось к предательству Света. Зербраг скрупулезно изучил строки и спокойно обратился к Бетельгейзе:

– Так вы решили передать это Гесцилу. А меня отправляете в префектуру Роштамма. В такой момент? Это бессмысленно.

– Луц Зербраг, – заговорил Десятый с тошной учтивостью – Понимаю, вы расстроены, но я...

– Я притворюсь, что последние пару секунд ты молчал и воспринимал все как послушная и прилежная душа, которая знает, когда влезать не стоит, – бросил ему Зербраг и вернулся к Бетельгейзе. – Я все еще считаю, что это неразумное распределение.

– Можете считать как угодно, но решать не вам, – сказала она, вставая у окна и сцепляя руки за спиной. – Это приказ Антареса. Как и ваш немедленный перевод. Обычно путь туда мог бы занять четыре долгих эллера, но вы воспользуетесь Дверьми пространственных струн. Антарес хочет, чтобы вы как можно быстрее приступили к работе и разобрались со всем там происходящим. Важные для Армии дела происходят не только на полях битв. Кто способен на это, если не магн-легат?^[5]

– Это запущенная предельная префектура, и любые ее проблемы по сравнению с Лучезарной крепостью ничтожны. Пусть Непогасимый лично прикажет мне отправляться в эту даль, а не передает через посредников.

– Он – Верховный Света, – строго напомнила Бетельгейзе. – Антарес не может все время быть в Зеркальном Шпиле и сейчас сам находится в предельных префектурах. Решает проблемы нашей великой Армии Всепроникающего Света.

«Он всегда находится где угодно, но не здесь».

И вновь тишина, на этот раз давящая. Зербраг медленно встал.

– Да будет так.

Он согласился настолько легко, что остальные не сдержали удивления. Бетельгейзе взяла себя в руки и, не став задавать лишних вопросов, продолжила вести собрание, которое Зербраг уже и не слушал.

– Все прошло, как и планировалось? – поинтересовалась Юферия, когда они вдвоем спустились на первый этаж.

Зербраг задержался в атриуме, напротив световых статуй.

– Да. Воспользовались новой вспышкой войны, чтобы лишить меня воинов. Боятся, что я соберу достаточно для атаки на них? Что за глупость. Теперь они полагают, что отобрали мою силу. И что в префектуре Роштамм я не смогу и шагу сделать без их ведома. Пустой предельный кусок космоса, бесполезный для чего-либо, где даже новых войск не найти. Все как и предсказывала Алеа. Теперь перейдем к дальнейшему этапу.

– Подождите, луц, так вы согласились? – оторопела Юферия. – Но вы же...

В этот самый момент его окликнули:

– Луц Зербраг! – Десятый оказался совсем рядом, уважительно коснулся своей грудины и протянул руку. Зербраг едва сдерживал раздражение от жизнерадостного тона Гесцила. – Я думаю, что собрание окончилось полным непониманием. Меня это гложет. Я только хотел объяснить, что не просил руководящую роль в сложившейся ситуации и никогда бы не посягнул на ваш авторитет!

Он все ждал, когда же Зербраг пожмет ему руку. Тот холодно ответил:

– Не имею привычки касаться кровнорожденных. Так безопаснее.

– Конечно, простите, я все понимаю! – Гесцил усмехнулся, видно, не обидевшись. – Зербраг, вы всю жизнь были мне примером для подражания. Вы отбивали префектуры, вы защищали это место при Битве за Люксорус. Я читал, как вас четвертовали темные Паладины прямо перед Верховным архивом. Вы родились в позапрошлую эру, так давно, прошли через нее, стали ветераном гражданской войны между Гедой, Джасавом и Баллахатом и были одним из тех, кто изничтожил последнего, когда тот обезумел и совершил Коллапс прямо в центре Стелларума. Я изучал побоище на Лазурном Пике, еще когда был мал! Как вы с Кетесом Ищущим...

– Ближе к делу, – резко оборвал его Зербраг.

– Я только хотел сказать, что восторгаюсь вами. Всеми вашими начинаниями и поисками утраченного наследия. Я верю, что однажды вы добьетесь успеха и раскроете секреты прошлого Света. И если когда-нибудь вам понадобится моя помощь в этом, то можете смело обращаться!

Зербраг со вздохом обернулся к четырем статуям.

– Скажи мне, что ты видишь, Десятый?

Тот помедлил.

– Родоначальники великих магно-генумов Света, от которых произошли все остальные. Светлейший Баэрдод Путеводный ат Прима, Малеанора Прозревшая ат Вермор, Тамиклан Строитель ат Энебалеа и Язетейя Двоящийся ат Хелесис.

– Первые Генумы. Прима, Вермор, Энебалеа и Хелесис – четыре ветви сил. Влияние на чужое тело и души, влияние на временной горизонт, изменение окружающего мира и способности, влияющие на собственную душу и тело. Сто восемьдесят один ныне существующий магно-генум Света относится к одной из четырех групп, неся в себе видоизмененный дар первородных. Вот и скажи мне, Гесцил ат Диарат, – память у меня совсем плоха в последнее время – к какой ветви принадлежит твой генум?

– Разумеется, мы восходим корнями к Приме.

– К Приме... – гулко повторил Зербраг, мрачней. – Самая большая группа. «Храним Свет» – таков ваш девиз, да? Вечно преданный Свету Диарат, почтенный, древний род, отделившийся одним из первых, всегда на ведущих ролях во всех великих событиях.

– Мы добивались этого в каждом поколении, – улыбнулся Гесцил.

– Я никогда не любил гenums. Я не считаю кровнорожденных ошибкой, как некоторые радикалы, и не думаю, что вы слабее и недостойнее эфиророжденных. Глупо было бы говорить о таком, когда вы владеете подобными силами с рождения. Вы намного способнее любого эквилибрума, созданного из Света, и эфир ваш крепнет от Генезиса к Генезису. И все же вы порочны. Диарат, Сивинити, Белзирак, Гиттерстрат, Джиззе, Анимера. Вы – нескончаемый источник потенциала, используемый на благо нашей Армии Света. Но лишь до той поры, пока кровные узы не заставят вас следовать приоритетам гenums. Я уверен в эфиророжденных, в их преданности и чести. В вас же... – Зербраг смерил Гесцила уничижительным взором. – Я уверен только в том, что помимо величия Света вы преследуете иные цели, потакая нуждам гenums. Кровнорожденных нужно контролировать, ведь, дорвавшись до власти, вы творите непредсказуемые вещи.

– Бросьте! – поразился Десятый. – Считаете, что я не предан Армии? Чем я такое заслужил?

– Нет, ты предан, – сказал Зербраг, отворачиваясь. – Но не только ей. А потому я никогда не буду просить у тебя помощи на равных. Только не у твоего гenums.

Он направился к площади Бравой, где журчали синие воды фонтана.

– История ведь может быть цикличной, верно?

Глава VII

Не все равно

День протектора редко начинался с кофе. А вот поход в Вавилон, или же главную канцелярию первого этажа, был делом почти ежедневным, обязательным и практически священным. Как обычно, там стоял шум десятков оживленных голосов, кучи адъютов обрабатывали информацию. Проекции показывали различные точки Земли, а посреди зала привычно крутился гигантский бронзовый глобус с сотнями точек света.

Когда позади раздались смешки, Стефан раздраженно напрягся.

– Эй, Стеф! – окликнул его протектор под знаком Персея. – Ты серьезно поджарил зад на своем же светозарном огне?

Водолей не оборачиваясь показал группке неприличный жест. Из-за бинтов на руке было неудобно, но соблазн пересилил. Сразу после этого вернулся к сдаче отчета. Протекторы продолжили тихо общаться, до Стефана выстрелом в спину долетело насмешливое «Палач».

– Тебе пора начать с ними конструктивный диалог, – решил просветить его Дан, заполняя какие-то документы.

– О да, внесу в свое расписание, – проворчал Стеф. – Где-нибудь в пять, сразу после тебя и «твоего хренова мнения никто не спрашивал».

– А «перестать быть грубым и неблагодарным» там есть?

– Нет, этот пункт вытеснило твое отождившееся эго.

– Ну, хотя бы не шутки про мам, уже прогресс, – заметил оказавшийся рядом Макс.

– Он сирота, у него иммунитет на шутки про мамаш. А ты паршиво смотришься.

– Ты тоже, – устало бросил он, переводя взгляд на Дана. – Ты куда с задания смотал?

– А? – протянул тот, не отвлекаясь от документов. – Я думал, вы и без меня отлично справлялись.

– Ну да, отлично! Еще немного, и Стефу пришлось бы сгоревшую до костей руку восстанавливать месяцами.

– Печально, что без моего присутствия вы так недееспособны, – вздохнул Дан. – Но я принимаю это и понимаю, не волнуйтесь.

Обещаю, в следующий раз прослежу за всем от и до, во избежание любых форс-мажоров. Простите, но у меня правда были дела, которые останутся между мной и Лазаретом.

Стефан даже недоверчиво покосился на него. Дан не был фанатом Лазарета и предпочитал лечение на месте. Вероятно, из-за того, кого именно он мог в Лазарете встретить.

Рука вновь засадила, и Стеф уныло потер ее.

– Ну хоть отпуск дали, и ладно.

Дан нагнулся и украдкой подсмотрел его текст.

– Судя по тому, как по-дилетантски ты покалечил себя огнем, то в отпуске для тебя и вправду есть смысл. А может, лучше больше тренировок? Я уже давно заметил, что ты потерял сноровку, совсем обленился. Если нужно подтянуть азы, то я всегда к твоим услугам, прямо как в старые добрые!

– Свали, блин!

Макс устало подал адъюту за приемной стойкой пластину с отчетом. Вместе со Стефом они заранее обсудили, что конкретно расскажут о задании, поэтому волноваться о расхождении версий не стоило. Разве что Стефан выставил себя в отчете полным деградантом, но это был уже другой вопрос.

– Дан, Дан! – воскликнула подоспевшая адъютка. – У тебя готовы документы? Давай обработаю.

– О, здравствуй, Марго. – Тот озарился лучезарной улыбкой, которая слепила всех, особенно юных девушек. – Да, спасибо огромное, так мило с твоей стороны! Как твои дела? Как экзамены?

Шатенка залилась краской, а Дан оперся о стойку и с непринужденным видом продолжил общение, не обращая внимания, что рядом материализовались еще несколько адъютов, жадно хватавших каждое его слово.

– Он реально не замечает? – нахмурился Макс.

– Что они пытаются его сцапать? – в лоб уточнил Стеф. – Не-а. Я тут уже почти век, адъютки меняются, а этот блаженный так и не осознал, что они на его смазливую рожу ведутся. Пара адъютов, кстати, тоже, но он тем более не понял.

Протекторы вообще часто вызывали у адъютов почтение или даже восхищение (хотя треть их люто ненавидела). Порой доходило до

смешного, как в случае с Даном, которого от суровой реальности спасала лишь его наивность.

– Ну, он человек другого времени, – неуверенно сказал Макс. – Восприятия. Порой кажется, что даже мира.

– Другого времени? Я рос в тридцатые годы при режиме Муссолини – и ничего, не отразилось же!

Повисла неловкая пауза, будто даже Вавилон впервые за сотни лет притих.

– Это та-ак многое объясняет, – с чувством протянул адъют за стойкой, не отрываясь от документов Макса.

Стоило Дану отпустить одну из своих плоских шуток, незамедлительно вызвавшую девичий смех, Стеф сунул адъюту отчет.

– Так, все, – бросил он Макс. – Вы тут опыляйтесь, а я пошел.

Но дойти до выхода Стеф не успел. Заметив возле массивной панели розоватые волосы Фри, он задержался.

– И какое поганое меню заданий они предлагают сегодня? – спросил Стеф, глядя на мельтешащие строки вызовов.

Фри растерянно уставилась на Стефа.

– Да как всегда, – вздохнула она. Лицо ее казалось опухшим – очевидно, отпуск требовался не только Стефану. – Средней паршивости тут, огромной паршивости там. Мне осталось на этой неделе выполнить еще пару маленьких, и всё.

Поглядев на экран с вызовами, Стефан с долей облегчения подумал, что все было не так уж и плохо. Множество белых заданий – проверки, на них выходили преимущественно адъюты. Желтые – установленный кандидат, протекторы требовались редко. Оранжевые – сплит, протектор очень желателен. Красные – необходимо несколько протекторов. Черные – дело труба, в основном котловины, поход в них без договора со Смотрителем запрещался почти всегда.

– Ох! – вдруг раздался голос Фри. – Стеф, твоя рука...

– Да я в норме, цел и жив. – В доказательство он помахал больной рукой. – Ткани будут постепенно наращивать, от светозарного огня травмы мерзкие. Зато я теперь свободный человек на пару дней.

Она сочувствующе улыбнулась, отчего внутри Стефа все потеплело. Он все еще к такому не привык.

– Все опять заняты. Ладно уж, одна схожу, все равно простое задание... – Тут Фри замялась, перебирая в руках ткань огромной

желтой толстовки. – Это... Стеф. Когда вернусь, можно с тобой кое-что обсудить? Это важно.

Он не успел подумать, а рот уже сам собой открылся:

– Могу, в принципе, с тобой на вызов сбегать, там и поговорим.

– У тебя же выходные из-за травмы. И у тебя травма!

– Ну да, могу тратить выходной как захочу. Один мелкий поход вряд ли мне жизнь испортит, – сказал Стефан, сам отказываясь верить, что несет подобное. – И рана, собственно, тоже.

– Не знаю даже...

– Да забей, давай, пошли туда-обратно.

На панели вспыхнуло новое желтое задание. Стефан указал на него.

– Вот, как раз. Тебе же этого хватит, чтобы от тебя отстали до следующей недели? Мелкое, тихое, ненапрягающее. Прямая противоположность Дану.

Несмотря на его беспечный тон, Фри не могла отпустить ситуацию. Она неуверенно свела брови.

– Точно с тобой все будет в порядке?

– Абсолютно, – бессовестно соврал Стеф.

На самом деле он мечтал о том, чтобы завалиться спать на целый день, возможно, загрузить новый холст или закончить уже доставшее его темперное полотно с базиликой. А лучше всего добить ту бутылку с егермейстером, надежно спрятанную внутри стенного тайника, оборудованного из опасений потенциального шмона. И просто пялиться в окно с пустой головой, не думая ни о чем. Стеф не хотел, чтобы к нему протискивались воспоминания – вместе с ними туда лезли и демоны былого. Они ощущались морскими глубинами, темными и ледяными. И Стефан тонул в них, наливаясь свинцом, не в силах пошевелиться. Оттуда, с самого дна, на него смотрели мертвые. Те самые, кошмары с которыми порой будили Стефа посреди ночи, оставляя без сна в холодном поту.

Проще было ни о чем не думать.

Но работа – тоже неплохой побег. Стеф хотел отдохнуть после метаний на нескольких заданиях с Даном и Максом, но теперь дрожащей от боли рукой застегивал пуговицы нового мундира и надеялся, что задание и вправду будет плевым. Стефан соврал Фри –

он чувствовал себя развалюхой. Словно реальный возраст давал о себе знать.

Протектор оперся лбом о холодную поверхность зеркала, надеясь не заснуть прямо так. Старый, доставший всех идиот. Зачем он навязался в напарники Фри? Точно бы надеялся на что-то. Хотя бы на понимание с ее стороны. Она терпела его лишь потому, что это в ее характере – никого не обижать, подбадривать. Жалеть. Он единолично разрушил всё давным-давно вместе с собой. Теперь же его действия выглядели жалкими попытками слепить из пепла бывшие крепкие мосты. Но от них остались лишь призраки – бесплотные и прозрачные, только в память о них Стефа еще выносили. Он знал это, конечно же, знал.

И все равно был готов и дальше притворяться, что не замечает этого, вопреки всем своим убеждениям и реалистичному отношению к вещам. Жалости он не заслужил, а уж жалеть себя и подавно не собирался.

– К хренам собачьим себя, – проворчал он, оглядывая свое вымученное, растрепанное отражение.

Дозорный пункт по какой-то одной Вселенной известной причине находился в двух километрах от городка. На выходе с участка сразу же обозначились стены сосен, которые Стефан немедля опалил всей доступной ненавистью. Он решил не бухтеть при Фри, потому заткнулся и молча посеменял за ней по вытоптанной дороге, радуясь, что хотя бы погода оказалась хорошей. Не жарко, не холодно, даже не сыро. Лишь свежий ветер в колючих ветвях.

Фри некоторое время шла чуть впереди, не оглядываясь. Тишина нарастала гигантским пузырем, готовым вот-вот лопнуть от напряжения. Стеф не думал, что ему стоило первому начинать, но, когда солнце скрылось за тучами, решился:

– Так о чем ты хотела поговорить? Ты сказала, это важно.

Сердце забило быстрее – почему-то ему было страшно узнать. Просто предчувствие. Фри никогда не выглядела такой серьезной, не просила отдельного времени для разговора – она просто брала и говорила. Но сейчас протекторша остановилась, вновь нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Стеф заметил, что она волнуется: в такие моменты Фри всегда слишком заметно хмурила брови, округляла глаза,

словно в сомнении, и бегала зрачками по пространству, ища нечто способное ей помочь.

– Ты не знаешь, что со мной было до того, как я спалила все воспоминания?

Стефан остолбенел.

– Я думал, ты не хочешь касаться прошлой жизни.

– Это все еще так, – кивнула она, поворачиваясь к нему полностью. – Поэтому я и спрашиваю у тебя, ведь в личном деле ничего такого нет – вы все мне сами об этом говорили. Простая девочка из маленького городка. Увлечения, бывшие связи с людьми – все это не важно. Ведь это уже не я.

Она понурила взгляд и пнула камень.

– Если Вселенной было угодно, чтобы я уничтожила свою память и прошлую жизнь вместе с ней, то, значит, так надо. Я со смирением к этому отношусь. Но, может, там было что-то странное при начальных осмотрах, когда я только попала в Соларум? Слышал ли ты что-нибудь, а? До нашего знакомства.

В памяти Стефа мгновенно вспыхнули старые образы: огромные окна Соларума, выходящие к лесу, и Фри, одиноко сидящая на подоконнике. Столько вопросов на лице. Она только потеряла свой прошлый мир, а ее уже выбросили в новый. Стефан никому бы подобного не пожелал. Это ведь так невыносимо жутко – понять, что уничтожена не только привычная реальность, но и ты сам.

– Мы тогда хорошо ладили. И ты много помогал мне, – сказала Фри, будто бы оправдываясь за очевидную только ей глупость. – С освоением, со всем. До того как... ну, до того как мы разругались.

«Черт».

Они никогда не вспоминали обо всем, что было между ними до суда. Сначала годами не общались, а после событий с Антаресом, вынудивших их работать сообща и вновь помиливших, избегали того времени в разговорах как щекотливого табу. Несмотря на то что воспоминания отдавали виной, Стеф не мог не чувствовать тепло и свет, исходящие от них.

– И ты считаешь, что я мог навести справки о тебе в Лазарете или в Вавилоне?

– Да. Ты же беспокоился насчет этого. Я помню.

– А я нет.

Похоже, слова Стефа прозвучали слишком резко, и Фри стушеввалась:

– А. Да, правда, это ведь было так давно. Я просто подумала, что тебе... в общем... – Она вымученно усмехнулась. – А, не важно.

– Нет, ты не поняла, – поспешил оправдаться Стефан и поколебался, ведь заходил в серую зону своей жизни. – Мне не все равно или вроде того. Я не могу сказать уверенно – потому что в делах с памятью это трудно, – но, кажется, у меня забрали часть воспоминаний из того времени. Те, которые я отдал Поллуксу за Макса, Дана и Антареса.

– Да? – Фри вытаращицалась на него, все больше смущаясь. – А, ой. Прости. Я и не знала.

– Все нормально. Я пытался понять, что этот рыжий урод забрал. Да и плюс Смотрители несколько раз по мелочи выдергивали память в наказание. В паре мест, которые я, очевидно, вряд ли бы забыл, слишком темные пробелы. – Он даже не сдержался и усмехнулся. – Жаль, что самого поганого Поллукс с собой не унес. Стало бы проще.

Фри кивнула, но по ее опечаленному взгляду Стеф понял: ответ ее не удовлетворил.

– У всех нас пробелы в памяти, такова уж правда этой поганой работы, – произнес Водолей, шумно вздохнув, и направился вперед, увлекая Фри за собой. – Да и жизни в целом. Я тебе тут не советчик, по вышеозвученным причинам. И в дело твое не лез, потому что ты не хотела.

– Спасибо. Наверное.

– Опроси остальных. Там же не я один был. Дан и Павел тоже с тобой общались с самого начала. Или покопайся в своей душе. Вдруг там найдется то, на что ты в обычном состоянии не обращаешь внимания.

– В смысле?

– А это уже спроси у Ламии. Существуют определенные обряды или вроде того, которые позволяют заглянуть внутрь себя, – понимаешь, о чем я?

– Не особо, – уклончиво и честно ответила Фри.

– Просто обратись к тем, кто разбирается в этом получше. Они тебе всё объяснят намного конкретнее. Но память не вернется, если

она уничтожена. Кстати, а почему ты вообще заинтересовалась этим спустя столько лет?

– Я... – Казалось, она на полуслове передумала, что скажет дальше. – Тебе об этом волноваться не обязательно.

– Конечно. – Стеф понимающе кивнул, лишь едва огорчившись. Он привык.

Замешкавшись, Стефан сунул руки в карманы и отстал на пару шагов от Фри. Только затем добавил:

– Скажи, если тебе понадобится помощь. В этот раз я не подведу.

Он чувствовал себя глупо. У нее не было причины верить ему, Стеф уже предавал ее однажды. И все же он считал важным, чтобы Фри понимала, что ему не все равно.

– Я знаю, – легко улыбнулась она в ответ.

Прежде чем Стеф ухмыльнулся, его взгляд замер позади девушки. Протектора пробрало до дрожи.

Атмосфера изменилась резко, как по щелчку. Стефан не понимал, на что смотрит, хуже того – ему это тяжело давалось, будто бы мозг отказывался воспринимать реальность. Все начало двоиться. Каждое дерево, камень или куст обрели фантомов, отслаивающихся от оригинала. Дышать стало труднее, а думать – тем более.

Стеф покачнулся, но заставил себя стоять.

– Что это? – опешила Фри, подавшись назад.

– Отлично, значит, мы оба это видим, – выдохнул Стефан, берясь за пистолет. – Задание ведь было желтым, разве нет?..

Его тряхнуло, словно бы от удара током. Воздух утекал из легких, а вдыхать становилось все тяжелее. Стефа начала бить дрожь, да так, что он едва мог удержать пистолет в руках. Оружие казалось чугунным по весу. И страх. Он неконтролируемой вспышкой зародился где-то в груди, заставляя озираться, раздирал мысли на части. И не оставлял ничего, кроме немого ужаса перед увиденным.

И Стеф нашел его – источник паники, от которой хотелось бежать на каком-то инстинктивном уровне: животном, духовном, совершенно любом. Все об этом кричало. Водолей заметил вдалеке силуэт, стоящий меж сосен и елей. Тот казался человеческим, но размытым, как и все вокруг. Ускользящим с глаз, заметным лишь на периферии, а не под прямым взглядом. В фигуре не было красок, только

пронзительные белые и черные цвета, смешивающиеся в единое месиво.

Стефан глядел на него всего пару секунд и был уверен, что обладатель силуэта смотрит прямо на них.

А затем раздался грохот. Дикий, рвущий перепонки. Ударная волна с силой отбросила протекторов на землю. Мир гудел так долго, что Стефан ждал очередной смерти. Только сердце бешено билось где-то внутри. А затем ветер с адским свистом подался назад, продолжая терзать все кругом. В теле странно покалывало, и ничего больше не чувствовалось. Глаза заволокло пеленой, а уши заложило. Страх уверенно нарастал, как будто стрелки часов приближались к пяти минутам седьмого. Но нет, Стефан проверял еще в дозорном пункте – на его родине далеко до этого времени. Тогда почему так страшно умереть сейчас?

Словно бы все закончится на этот раз?

Вместе с грохотом.

Вместе с миром и даже Тьмой и Светом.

И воздуха так мало...

Полностью раствориться в шуме и стать ничем.

Вернувшись к самому началу.

Истошной тишине.

Стать единым с пустотой.

«*Странные мысли*», – с трудом подумал Стеф.

– Стефан!

Он разлепил глаза. Страх отступал. Дышать было так же трудно, Стефан продолжал через силу, со свистом вбирать в легкие воздух, который словно обратился в жидкость.

– Где ты? – кричала откуда-то Фри.

Стеф поднялся на ноги, но, естественно, упал обратно. Теперь уже плыло исключительно перед глазами. Где-то впереди серебром блестел пистолет, и Стеф думал, что этот свет слишком ярок. Такой белый и чистый на фоне грязной опавшей хвои. Так далеко... и так близко. Он протянул руку, но взяться не смог. Все-таки слишком далеко. Травмированная кисть налилась огненной болью – протектор слишком неуклюже оперся о нее. С головы на землю крупными каплями лилась кровь. Стеф тупо смотрел на красные кляксы, пытаясь переварить и принять, что удар о землю был не мягким.

Взгляд остановился на небе. Его захватило дребезжащее марево с зеленоватыми бликами. Такое странное зрелище. Пугающее и красивое.

«Там, за лесом, город...»

Стеф понял сразу, что все плохо, но теперь это чувство засело еще глубже. Все было не просто плохо, а невыразимо ужасно.

– Стеф!

Он встряхнулся и осознал, что все заволок туман. Ни черта не видно. Что-то было не в порядке с этим туманом, и даже не скорость, с которой он возник. Тягучий, переливчатый и темный. С белыми... тенями.

– Фри! – позвал он в ответ.

– Сюда!

Ее образ просвечивал неподалеку, сквозь вихри нагрнувшей серо-зеленой мглы.

– Я тут... – выпалил Стефан, оказавшись совсем рядом, и едва не упал.

Фри успела оттащить его от особо плотных языков тумана.

– Не трогай! – выдохнула она, обхватив Стефа руками и оттягивая назад. – Он странный. Пойдем в Соларум.

– А получится? – ответил он, разглядывая частицы реальности, откалывающиеся и искажающиеся на границах тумана.

Марево затягивало внутрь себя свет, изгибая пространство до неузнаваемости. От вихрей бросало в дрожь. Стеф не сразу понял, как сильно дрожит Фри. Она продолжала крепко прижимать к себе протектора, но теперь уже не потому, что пыталась его спасти, а в панике.

Туман приковывал к себе их взгляды, тихо выползая со стороны городка. Он казался таким неправильным, неестественным. От вида всех изломов материи, которые тот вызывал, в ушах с удвоенной силой пульсировала кровь. Засмотревшись, Стефан не сразу заметил, что у Фри кожа пошла красными пятнами, на ней появились ссадины. Алые бусинки кластерами скапливались на коже. На его собственных руках обнаружилось то же самое. Кровь сочилась сквозь поры.

– Уходим, – пролепетала Фри, едва справляясь с нагнущим ужасом. – Пожалуйста, давай.

Противоестественный густой туман засасывал их внимание сильнейшим магнитом. Он пожирал даже мысли. Стефан с трудом пришел в себя.

– Идем. Да.

Стоило ему сказать это, как туман, медленно плывущий в их сторону, всколыхнулся. Стеф несколько раз моргнул, и ему удалось разглядеть посреди хмари нечто движущееся прямо на них.

У него пересохло во рту, а голова взорвалась от боли

Это можно было назвать человеком лишь отдаленно. Настолько отдаленно, как Плутон от Солнца. Зрение никак не желало фокусироваться на нем, мозг буквально пылал и кипел в тщетных попытках. Сознание улавливало лишь искаженные черты создания, разлетевшегося на множество осколков. Среди них угадывались разломанные кости и образы нескольких рук. Зеленый отблеск где-то на месте грудины. Как и туман, существо было темным, с белыми светящимися тенями. Точно эффект негатива.

– Мерзость, – едва слышно донеслось от Фри.

Стеф почти не разобрал ее речи. Все поглотил настойчивый звон, заполнивший голову при взгляде на богомерзкую тварь. Это было хуже сплита. Хуже чего угодно. Она распадалась, была полупрозрачной. Но продолжала свой путь к ним.

Протектора тошнило, атмосфера давила вниз. Он терял последнюю внятную мысль от приближения монстра. Но все же выхватил кинжал.

Стефан оттолкнул Фри подальше и вонзил лезвие в тварь – та даже не заметила. Стефа потрянуло. Нагрянувшая боль усиливалась, выжигала нутро. Поглядев вниз, он увидел, что скрепленные зелеными нитями пыльные частицы вонзились в его правый бок, прошли насквозь. Плоть не разорвали, и все же Стефан поперхнулся кровью.

Он рухнул на землю, утратив последние силы – они просто выскользнули прочь, оставив пустую оболочку. И жуткую боль под ребрами.

А затем – мешанина образов.

Взрыв Света и чьи-то крики. Ярко-оранжевые огни, стремительно кружащие повсюду.

Стефан наблюдал за происходящим без мыслей, ощущая лицом холодную хвою. Она пахла тленом. Как и Стеф. Тленом вонял целый

мир.

И даже та темнота, в которую он в конце концов соскользнул.

Может, это была смерть. Или просто потеря сознания. Стефан порой с трудом различал эти состояния. Оба липкие, отвратительные. Потому что терял себя полностью. Ни мыслей, ни ощущений.

Это ли и есть Обливион?

Но каждый раз Стефан всплывал на поверхность – тяжело и неохотно. Его выбрасывало на берег живых с залатанными ранами.

И, как всегда, он открыл глаза, едва понимая, что происходит вокруг.

Фри была совсем близко, сидела вплотную. И говорила с кем-то за пределами видимости. Повернуть голову оказалось титанически трудно.

Новый человек был совершенно один. Кто же справился с той тварью? Никто бы не сделал этого в одиночку, ведь...

Наконец Стефан заметил синюю форму и символ созвездия Круга Тринадцати. Он ее знал. Многие слышали об этой протекторше, но лишь редкие были с ней знакомы.

И Стефану сегодня крупно повезло. Ее так давно не было в Соларуме.

Сильнейшая протекторша.

– Похоже, ты все еще с нами, дорогой, – улыбнулась Рыбы, заметив, что Водолей очнулся.

Стеф вновь провалился в беспамятство. Бок продолжал болеть.

Глава VIII

Аннигиляция

Протекторы быстро разбили небольшой палаточный пункт, где оказались исследовательская аппаратура и руководство в лице Паскаля, Ханны и Дана, который хоть и не был одним из Тринадцати, но возрастом выигрывал у всех остальных.

– Пять тысяч восемьсот семьдесят один житель, – сказал Паскаль. – И это только примерное число.

– Значит, продолжаем поиски, – серьезно ответил Дан, кивая. – Пока не найдем хоть что-то.

– Ты здесь не начальник. – Скорпион холодно прищурился.

– Ты тоже, потому давай не вступать в конфронтацию и будем работать как профессионалы.

Паскалю, видно, не очень нравилась идея работать с Даном на равных, но через силу он кивнул. Благодаря ему в пункте царил спартанский порядок, все работало как часы. Скорпион напряженно взирал на обновляющиеся документы с данными, упершись руками в стол.

– Утройте исследовательские группы за счет всех прохлаждающихся в Соларуме адьютов и ускорьте спуск вниз, – приказал он стоящему неподалеку Лебедю. – Установите причину случившегося в кратчайшие сроки.

Паскаль удалился, а я как можно незаметнее покинул пункт следом. И смотрел по сторонам с потерянным видом. Остальные работали над чем-то важным: на площадке бурлило броуновское движение, адьютам и протекторам не требовалось даже командование, все знали, что им следует делать, – настолько хорошо были отточены системы при работе в чрезвычайных ситуациях. Коул пока не появился – сказал Дану, что придет позднее. Но что могло быть важнее... *такого?*

Адьюты в большом количестве прочесывали местный лес – густой и хвойный, пугающе тихий. Я ждал прохладного воздуха, но тут так тяжело дышалось, словно через забитый нос. И атмосфера – легкая и ледяная. У меня мурашки от нее бежали. Тревога не уходила,

настолько неправильным чувствовалось все вокруг. Остальные это тоже ощущали, я-то знал наверняка. Пугающе и неотвратно, и главное – никто не понимал, что же такого случилось, чтобы вызывать такой трепет. Что-то совершенно неуловимое, как пыль кошмаров под веками. И в то же время реальное, разверзшееся передо мной огромным каньоном.

Километры почвы исчезли. Я видел дно – гладкое и отполированное почти что до зеркального блеска, – но противоположный край трещины терялся далеко впереди. Мой взгляд блуждал от разлома к лесу, к покрытым голубоватой дымкой горам и затем – к ясному небу. Такому оскорбительно чистому и солнечному, будто оно и не заметило смерти всех этих людей.

Асфальтированная дорога обрывалась, как ножом отсекали. На заржавевших цепях тоскливо покачивался дорожный знак, обозначавший въезд в городок. Его название уже не имело никакого смысла – Соларум все равно сотрет его из памяти человечества. Я повернул голову к почти единственному свидетельству того, что в этом месте жили люди. Невысокая каменная ограда и часть сохранившегося двора. Сам дом исчез, как и все вокруг, а вот этот кусок каким-то чудом спасся, выстоял. Застрял во времени. Там даже был лакированный стол с раскрытой книгой на нем. Возможно, некто читал здесь, но забыл что-то в доме, удалился всего на минуту. Если бы человек находился чуть ближе к дороге...

– Ты новенький, верно?

Я взглянул в лицо незнакомки, стоявшей на самом краю разлома чуть в стороне. Она принялась стряхивать с плеча еловые иглы, и оружие за ее спиной слегка загремело – меч и небольшое копье. Форма протекторши с самого начала показалась мне странной. Похоже, одна из прежних версий. Подол сюртука длиннее, на поясе перевязь из серой ткани, к ней прикреплены все нужные сумки и загнутые клинки. На голове капюшон, край которого венчался острым серебряным ромбом. Шея укрыта темным платком, которым протекторша, судя по всему, обычно закрывала нижнюю часть лица. Рукава с узорчатыми вставками, сапоги так вообще с заостренными стальными носами.

На этой форме погон с созвездиями не имелось, а вот знак заставил меня поразиться.

– Чего молчишь? Или язык проглотил? – усмехнулась она.

Рыбы. Круг Тринадцати.

Рамона.

Та, о силе которой травили байки. Говорили, ее квинтэссенция была даже внушительнее, чем способности Сары.

– Так это ты спасла Стефа и Фри?

Фри второпях успела мне рассказать обо всем, пока Стефана волокли в Лазарет. То, с чем они были не в силах справиться вдвоем, Рыбы одолела в одиночку.

Кожа Рамоны была цвета светлой карамели. Густые каштановые волосы и необычайно длинные черные ресницы. Острые губы, подбородок с ямкой и пробуждающий в памяти образы римских статуй нос. А глаза – бледно-серые, холодные цветом, но горячие душой. Она была ровесницей Коула – не младше двадцати пяти, невысокая и крепко сбитая. Лицо покрывали мелкие шрамы.

– А! – оживилась она. – Да, вовремя я, правда? Водолея, конечно, помотало, но вроде жив-здоров. А ты все-таки кто? – Тут ее острый взгляд скользнул к моим погонам, она охнула. – Так ты новый Стрелец?

– Э, да...

– Приятно познакомиться! – Рыбы схватила мою руку и начала трясти ее с утроенной силой. – Как давно ты с нами? Долго же меня в Соларуме не было, столько пропустила! Ох, пустая старая голова, совсем забыла представиться!

Ее душа беспощадно жарила мою кожу. Повсюду темнели скалы и ревела лава. С черного неба дождем сыпали мелкие монеты. Из ярких оранжевых потоков вырывались огромные каменные руки, испещренные огненными трещинами. На камнях нацарапаны рисунки, едва разборчивые, они покрывали все видимые стены и пол. Центр души – наполовину скрытая под магмой голова женщины. Ее оставшийся на поверхности сапфировый глаз смотрел прямо на меня.

Рыбы пафосно положила руку себе на грудь. Было в этом жесте что-то подозрительно знакомое.

– Рамона Мария Ласерда да Коста, – лаконично назвалась она. – Можно просто Рамона. А ты у нас?..

– Максимус Луцем. Лучше, конечно, Макс.

– Максимус! – воскликнула Рамона, и я тут же пожалел, что так просто выдал ей полное имя. – Да еще и Луцем. Странное имя. Откуда

ты родом? – И прежде чем мне удалось ответить, она взмахнула рукой, словно открывая мне прекрасную картину. – Я сама из города Порту, что на северо-западном побережье Португалии. Неподалеку от Лиссабона. Ну, в масштабах Земли уж точно недалеко. Прекрасный город, такой солнечный, яркий! Море всегда отличное. Но в тысяча пятисотых там было не столь вдохновляюще, не рекомендую, особенно не в правление Жуана Третьего, этот дипломат никогда не интересовался, что творится в его собственных владениях!

Рамона рассмеялась и хлопнула по моему плечу, словно мы были старыми друзьями.

– Ты знаешь, что произошло тут? – Я кивнул в сторону кратера, стараясь сменить тему. – Это могла быть вакуумная воронка?

– Совершенно нет. Воронка оставляет специфические следы. А здесь – вообще ничего. Даже Света или Тьмы.

Верхушки деревьев зашумели под напором нагрянувшего ветра. Я вдохнул поглубже принесенный им чистый воздух. С веток обильно сыпалась жухлая хвоя.

– Они умирают, – заключил я, глядя на растения. – Эфиры ушли. Их забрали, да?

– Тут будет мертвая зона. Придется восстанавливать.

– И следов никаких, верно? Ни заоблачников, ни чего-то другого.

Ну а чего я ожидал? Что мы найдем сохранившиеся зеркала для изучения отражений? Место у черта на рогах, адъютам и так пришлось пару километров топтать от ближайшего транзитного круга, чтобы донести сюда новый, взамен уничтоженного.

Погибло несколько тысяч человек. Я впервые столкнулся с таким на работе. Да, полтора года назад из-за прибывших за Антаресом эквilibрумов умерли десятки тысяч приземленных, но я не стоял прямо перед мертвым местом. Не ощущал этой давящей пустоты, отчаянно пытаюсь найти глазами хоть что-то, что было обьязано оставаться на твердой земле. Но в итоге обнаруживал лишь пропасть.

– Будем работать, – заверила меня Рамона.

И пошла в сторону палатки. Я последовал за ней.

Мы вернулись к остальным как раз вовремя. Пока Дан склонился над объемной проекцией местности, Рамона как ни в чем не бывало подступилась к протекторам.

– Итак, ничего, – возвестила она, встав на самом видном месте и уверенно положив руки на пояс. – Надеюсь, в этот раз вы проявили больше инициативы и труда, чем обычно, и удивите меня хорошими новостями и вашими возросшими способностями. И кто-нибудь здесь делает чай? Буду по гроб ему благодарна. Зеленый, с долькой лимона, если найдете.

Все изумленно вытаращились. Дан поднял голову, замерев.

– Ты?..

– Кого я вижу! – влез Паскаль.

Уж кого-кого, а наблюдать его в добром расположении духа было непривычно. Рамона широко улыбнулась Скорпиону.

– Паскаль! До сих пор живой!

– Думала, что я так просто помру? Не дожدهшься.

Он крепко обнял ее в приветствии. Рыбы только и смогла выдавить:

– Когда это ты стал таким широким и крепким?.. Ты же был мелкий, как тумбочка!

– Нет! – воскликнул Дан.

Все оторопели с его злобы, сгустилась тишина. Рамона удивленно уставилась на Дана, а затем внезапно повеселела. Она чрезвычайно обрадовалась ему, быстро оказалась возле протектора и стиснула его в объятиях. Сам же Дан стоял столбом.

– Как жизнь, дружок? – спросила она, отстраняясь и хлопнув его по ребрам. – Так здорово видеть, что ты в порядке! Все-таки смог усвоить кое-что, раз выжил! Не видела тебя с самого конца Первой мировой!

– Ты тогда еще снисходила до нас. Зачем вернулась?

– Ты о чем? Как я могла не прийти? Тут же такое...

– А что ты делала все эти годы? Скажешь, что охотилась, да? Твои появления в Соларуме за последние лет пятьдесят по пальцам одной травмированной руки пересчитать можно. И даже историю с Антаресом пропустила.

– Ты делаешь из мухи слона. Опять разнылся, что ж такое. Ты же сам знаешь, что мне удобнее работать подобным образом!

– В отрыве от товарищей? Просто очаровательно. Ты и сейчас своей дорогой пойдешь?

– Ну, раз я встретила вас, то почему бы и не зайти на огонек? – Рамона широко улыбнулась, стоя почти вплотную к нему. – Хочу увидеть всех! Тисуса, Маркуса...

Тут Дан грубо оттолкнул ее, на лице возникло отвращение, точно коснулся грязи.

– Маркус мертв. Ты не пришла на его похороны, хотя появлялась после. И ты бы знала об этом, если бы интересовалась хоть чем-нибудь, кроме себя самой. Ты вообще пропустила множество отпеваний. Иди в Соларум, поинтересуйся, кто из них уже давно в урне. Уверен, ты откроешь для себя много нового.

Рамона обомлела, но, собравшись, серьезно произнесла:

– Прекращай винить меня во всем. Это тебя недостойно.

– И все-таки расскажи, что здесь случилось, – сухо напомнила Ханна, заодно меняя тему. – Ты появилась очень вовремя, явно знала, что должно произойти. И где ты была раньше?

– Дела, всё дела. Никак не могла выбраться к вам в Соларум. А тут так знатно бахнуло, что я не могла пройти мимо, не посмотрев. К тому же опасность переросла в такие масштабы, что одна я в жизни не управлюсь. Тебя я, кстати, тоже рада видеть, дорогая. Приятно знать, что столько из вас еще в живых. Здорово, что вы тут, потому что у нас назревают нешуточные проблемы. То, что вы видите, эта аннигиляция – не первая. Были и другие.

– Тогда я бы хотел послушать, с вашего позволения. – Коул прибыл как нельзя кстати, мы немедленно расступились, чтобы пропустить его в образовавшийся кружок.

Он показался мне бледнее обычного. От Змееносца веяло холодом – не таким, как местная погода, а настоящим, крепким, способным заморозить самые жаркие источники. Но все же при виде Рамоны он встал как вкопанный. Я даже не мог разобрать сложную комбинацию эмоций, отразившуюся на его лице, но зато прекрасно ощутил то, что буквально лилось из его души. Трепет. Почему он так беспокойился?..

– Коул!

Рамона легким шагом приблизилась к нему, но Змееносец резко отгородился от нее ладонью.

– Попрошу без нежностей, – процедил он. Не дав Рамоне слова, он оглянулся к расселине. – Не станем отвлекаться. Так были другие места? Где и когда? Почему ты не сказала нам?

Рамона развела руками:

– До этого не случалось человеческих жертв. Никакой информации получить не удалось, а зачем отвлекать вас лишний раз от работы?

– Погибли люди! – ожесточился он. – О чем ты только думала?! Ты была обязана сказать нам, чтобы мы расследовали каждое дело!

– Какой смысл? Я работаю лучше, чем вы все вместе взятые, и ты сам это знаешь, милый. Если я ничего не нашла, то вы бы и подавно не справились. Вы даже аномалий не заметили! А толпой вы могли спугнуть это нечто.

– О да, потрясающе! – озлобился Дан. – Не спугнули настолько, что умерли тысячи людей. Блестящая стратегия! Здесь ты просто превзошла саму себя.

– На самом деле я почти поймала его.

– Его? – хмуро переспросил Коул, направляясь к карте-проекции.

Рамона закивала и отстранила его. Она свернула проекцию в глобус.

– Да, были и другие места. – Рыбы щелкнула по Японии, Индонезии, Мексике, Сахаре и лесам Амазонки. – Но это было далеко от людей. Просто мертвая земля. Первую точку я нашла случайно при частичной зачистке мерзкой котловины сплитов в так называемом японском Лесу самоубийц. К тому моменту эфиры отсутствовали порядка пяти дней, да и яма была не такая большая, как здешняя. Я обратилась к местному дозорному пункту, чтобы узнать, не засекали ли они чего-то подобного рядом. Оказалось, что поблизости ничего не нашлось, зато в другой точке земного шара как раз назревала схожая аномалия. Вы сами не замечали этого, потому что Тьма не перевешивала Свет, а для Соларума это значит порядок. Оба эфира просто умирали вместе. Я пришла в первое место вскоре после случившегося. С тех пор каждые полторы недели происходила аннигиляция пространства. И я подбиралась ближе к этому существу раз за разом.

– И как же оно выглядело? – спросила Ханна, глядя на глобус.

– Как человек, милая, как же еще? Сегодня он был в Мельбурне. Впервые приблизился к людям. Из-за этого я совершила ошибку – полезла к нему раньше запланированного, чтобы не допустить жертв. А он исчез, забрав с собой лишь кусок стены здания.

– Ты его разглядела? – подал голос Паскаль.

– Нет, он казался размытым из-за своей энергии. Она его распирает, это видно. И в конце концов происходит выброс.

Коул поднес руку к подбородку.

– Что насчет его эфиров?

– Сегодня я их просматривала, – ответила Рамона. – И их просто нет. Они исчезли отовсюду на километры. Ни в земле, ни в воздухе, вообще нигде.

– С мощной, как ты заявляешь, энергией? Невозможно. – Коул указал в сторону расселины. – Такое может создать только манипуляция, а от них всегда остается эфирный след. Иначе от чего она работала?

– А все-таки это правда. Ни Света, ни Тьмы. Ничего после взрыва. Понятия не имею, что это было, но я его спугнула. Существо уже в Мельбурне готовилось высвободить энергию рядом с людьми. И что-то подсказало мне, что оно не остановится, найдет новое людное место. Так все и оказалось. Оно переместилось сюда.

– Что ты хочешь сказать? – прищурился Змееносец.

Рамона мягко улыбнулась:

– Ты правда настолько недогадливый? У нас осталось полторы недели до нового появления.

– И чем бы эта чертовщина ни была, она уже принялась за людей, – произнес я и с сомнением обернулся к Коулу, по-прежнему пребывающему в глубокой задумчивости. – Есть хоть какие-то идеи? Встречались ли прецеденты за небесами?

– У эквилибрумов встречалось что угодно, – тихо прогудел он. – Нужно спросить у них. Но первым делом я пошлю людей проверить все отмеченные Рамоной места.

– Зачем? – Она удивленно заморгала. – Там уже нет следов.

– За это тебе отдельное спасибо. Но они пойдут и проверят правдивость твоих слов.

– Да что вообще с тобой происходит? Когда ты успел стать такой недоверчивой недотрогой?

– Как раз за эти десятки лет, пока тебя не было с нами, – грубо отрезал Змееносец, повернувшись к остальным. – Вы – продолжайте изучать местность. Ханна, отправляйся в Соларум, передай адъютантам, чтобы исследовали планету на предмет отклонений, обнаруженных

Рамоной, которые она тебе в точности опишет в мельчайших подробностях. Раз уж она смогла находить нужные места, то следы есть, верно? Как и схема выявления новых. Когда мы выясним, что искать и как, эта тварь не должна пройти мимо нас. На Земле уже был Антарес; не хватало еще одного эквилибра, способного принести с собой апокалипсис.

Паскаль, уже что-то записывающий в энергласс, сказал:

– Мы обязаны найти существо и уничтожить, прежде чем оно навредит Земле и нашей репутации.

– Тебя серьезно волнует репутация? – удивилась Рамона.

– Звезды могут перестать нам доверять, – ответила за него Ханна, на что Паскаль великодушно кивнул. – Отобрать свободы, увеличить слежку. Я согласна. С подобным следует разобраться, и быстро.

– За полторы недели, – добавил Скорпион, постукивая пером по стеклу энергласса. – Меня не волнует, как мы это сделаем. Результат обязан быть. Это наша работа.

– А еще нужно как-то доложить об этом Сириусу, – вздохнул я. – Только... мягко. Может, он посоветует, что делать дальше.

Я постарался как можно скорее скрыться в лесу, чтобы переварить случившееся и, возможно, обнаружить что-нибудь полезное. Но вместо этого через какое-то время я вышел напрямик к Ламии. Она стояла перед огромной мертвой сосной, запрокинув голову. Рядом в хвое валялась ее рабочая сумка, но протекторша о ней позабыла. Так странно было видеть ее просто созерцающей, а не погруженной в работу с головой.

– Есть что-нибудь? – спросил я, привлекая внимание.

– В том-то и дело, что нет, – спокойно сказала Ламия, не отрывая взгляда от неба. – Ни эфиров, ни животных.

– Мне казалось, что отсутствие чего-либо – это уже находка для тебя. Где еще ты можешь наблюдать такое?

Она не ответила, и я подошел ближе.

– Что-то не так?

– Все вокруг нынче... такое необъяснимо странное.

– Но это ведь хорошо? – уточнил я и тут же осекся. – В смысле для тебя как для ученой. Не для тех тысяч людей.

Ламия покачала головой.

– Да, но я не уверена, что должна с этим делать. Честно говоря, я уже ни в чем не уверена.

– Это как-то связано с тем, что ты просила у меня помощи?

– А? Да нет, выбрось из головы, – отмахнулась она, бодро подхватывая на плечо сумку. – Посмотри-ка лучше сюда, это интересно.

Странная смена тона, но я, в принципе, привык. Ламия обошла ствол дерева, открывая мне другую его сторону. Там кора практически полностью облезла, древесину испещряли большие кольцеобразные отметины – от корней до верхушки.

– А напротив – место происхождения. – Ламия указала в сторону расселины, скрытую деревьями. – Эти борозды новые. Я обнаружила подобные еще в нескольких местах, даже на камнях.

– Последствия аннигиляции?

– Похоже. Но я в жизни такого не видела. Почему они разбросаны точечно, а не по всему вокруг?

– Я тоже задавала себе этот вопрос, – донесся голос Рамоны.

Оказавшись рядом с нами, она незамедлительно пожала Ламии руку. Я облегчением отметил, что смущала она не только меня одного.

– Ты ведь наш новый ученый? – с интересом спросила Рамона.

– Новый? – поперхнулась Ламия. – Я тут с двадцатого века!

– Вот и я о чем. Так у тебя уже есть какие-то мысли по этому поводу?

– Только то, что отметины оставляет энергия, высвобождаемая субъектом.

– Да, но каким образом? Что это за сила? Если не Свет и не Тьма.

– Думаю, больше я смогу сказать, оказавшись в Манипуляционной.

Рамону не очень-то устроил ее ответ, но она ухмыльнулась.

– Раньше с кольцами было иначе, – сообщила она. – На всех остальных объектах я наблюдала их лишь внутри ям. Маленькие совсем. А здесь их разметало по всей площади.

– Должно быть, тварь становится сильнее или агрессивнее, – предположил я.

– Как вариант. Верю, что Манипуляционному отделу будет проще простого разобраться во всех загадках, которые мы здесь нашли.

Особенно раз там работают такие свежие, обучающиеся и пытливые умы.

Рамона с воодушевляющей улыбкой похлопала нас по плечам и удалилась, скрывшись в лесу.

– Звезды, какая же она болтливая, – буркнула Ламия.

Я с усмешкой покосился на нее.

– И это ты говоришь?

– А что я? Я довольно милая и лаконичная, разве нет? – Она шумно вздохнула. – Пожалуй, нужно продолжить работу. Слушай, будь другом, принеси капсулы для исследования грунта. Их уже должны были доставить.

– Это те, которые взрываются через раз? – уточнил я, уходя.

– Ну всего дважды было!

Ее запал освежил голову, я даже смог начать обдумывать ситуацию и ее дальнейшее развитие. Мне казалось, что правильным вариантом было бы задать вопросы Сириусу, а также провести собственное расследование. Естественно, в Архиве. А если там не нашлось бы нужных сведений, то имелась возможность отправиться в Универсариум Аргентиона – в поселении заоблачников наверняка имеется более актуальная информация.

Я остановился в небольшой низине, чтобы перевести дух и оглядеться. Лес стремительно желтел, будто не начало лета, а глубокий октябрь, промозглый и мрачный. Тишина продолжала напрягать.

И тут сквозь нее раздался свист. Он вспорол застойное молчание, заставив меня обернуться. Никаких протекторов. Да и никакого движения тоже. Пока вдруг вдали, среди стволов, что-то не дернулось.

Прежде чем обдумать все как следует, я бросился в погоню. Конечно, я поступил безрассудно – но как можно было упустить хоть что-то при такой катастрофе? Мы могли бы получить сведения!

Я скатился со склона, цепляясь за ветки и спотыкаясь о булыжники. Силуэт, который до этого я не упускал из виду, вдруг пропал, оставив меня стоять на пятачке чистого от деревьев пространства меж крупных валунов. Сучки хрустели под ногами, ветер шумел в кронах, а я стоял, пытаюсь уловить хоть единое движение.

Внезапно из-за особо большого и покрытого мхом валуна показался человек.

– Я же говорил, что явится!

Меня переклинило от изумления. Этот мелкий падший, застрявший в подростковом возрасте. Йорген. Бывший протектор под созвездием Кота. Полтора года назад он вместе с Греем и остальными пытался меня прикончить.

В следующий миг кто-то уже приставил лезвие к моему горлу.

– Давай только тихо, – спокойно, но твердо произнес женский голос прямо над ухом. – Нам не нужно, чтобы ты пострадал.

– Так это были вы?! – со злобой прошипел я, чувствуя, как мерцающее серебро вдавливается в кожу. – Это же так логично.

– Поспешно выводы строишь. – Йорген зашаркал по хвое. – Думаешь, самый умный тут?

– А теперь ты нас спокойно выслушаешь, – приказала падшая, второй рукой стискивая мое плечо. Краем глаза я мог разглядеть лишь ее загорелую кожу и черные перчатки. – Хочешь верь, а хочешь нет...

Резким движением я отбил клинок, схватил падшую за запястье и со всей силы перекинул через себя, спасибо тренировкам. Ее душа разлилась перед глазами. Я словно оказался под толщей воды, на дне моря, куда с трудом доходил свет. Вокруг проплывали мелкие серебристые рыбешки, они ловко огибали мечи, воткнутые в илистое песчаное дно. Тысячи ржавых лезвий. А в центре всего этого – кости огромного неведомого существа со множеством рогов. Его череп казался больше деревенского дома. Скелет призрачно сиял голубым светом.

Падшая ударилась так, что кинжал вылетел из рук. Она зашипела от боли, а я сделал быстрый шаг назад, уже решая, что пора поджигать светозарный огонь.

– Даже не пытайся оружие сделать, – предостерег Йорген. – Нуль-поле.

– Снова, – выплюнул я. – Как и тогда, на реке, да? Вы по-другому и не умеете.

– Да, не умеем! – злобно воскликнула падшая, потирая ушибленную голову. Ее невероятно густые каштановые волосы оказались заплетены в толстую, достигающую до поясницы косу. Сама девица была в кожаной куртке и темных джинсах. Она щурилась от боли. – И в последний раз ее используем, потому что запустить больше ее никто не сможет!

– Истратили все ресурсы? – Я все обдумывал, как подать сигнал своим, и не понимал, почему падшие не держат меня на мушке, а просто ведут беседу. Неужели где-то здесь еще одна ловушка?..

– Нет, – фыркнул Йорген. – Обновлять поле умела лишь Шакара. А она сейчас не то чтобы в состоянии.

Тут я даже о побеге забыл и уставился на падшего во все глаза.

– Что с ней?

Падшая встала, вся в пыли и мелком мусоре, подобрала кинжал и посмотрела на меня, на этот раз без злобы. Глаза – черные, как две дыры, – пожирали полностью все, включая свет. Я узнал ее, давно уже изучил всю их свору. Она была Прометеем. Карла Эстебан, сбежавшая к предателям вместе с Греем.

– Если пойдешь с нами, то увидишь, – заявила она со всей серьезностью.

Я выждал секунду, пять – и прыснул со смеху, настолько нелепым казалось это предложение. Но Карла не расценила это как шутку. Не дожидаясь моего ответа, она продолжила:

– Не усложняй дело, Максимус, это в наших общих интересах. Даю слово, тебе не навредят.

– Слово? – Я поперхнулся. – Чтобы я доверился вам, падшим? Вы совсем рехнулись? После того как вы, твари, только что убили пять тысяч человек...

– Это были не мы, – резко отрезал Йорген, хмурясь. – А Грей.

– Тогда вы тоже в этом виноваты! – рявкнул я. – Он один из вашего серпентария!

– Больше нет, – покачала головой Карла. – Грей ушел от нас.

– Предатель в квадрате.

– Который вздумал нарушить весь баланс на планете! И мы в полном дерьме, так же как и вы, протекторы! Нет времени на сопли, Максимус, пойми, мы тебя не тащим силой только потому, что хотим показать мирные намерения. В этот раз всё по-другому.

– И что же я получу с этого?

– Информацию о Грее, – ответила Карла. – Ты же хочешь поквитаться с ним? Мы тоже. И мы одни не справимся.

Меня пробрало. Это так по-идиотски – просто ни с того ни с сего довериться им? Падшие творили зверства над протекторами и

приземленными. И с чего я должен был поверить, что та аннигиляция – не их провалившаяся операция?

И все же в прошлые разы, когда я был им необходим, падшие действовали агрессивно. А теперь попытка в мирный разговор.

Узнать, где Грей, и добиться от него ответов... Но такой риск...

– Какие гарантии, что я не окажусь на столе у Шакары в очередной раз или не буду просто вами прирезан?

– Хотели бы мы тебя зарезать – уже бы сделали, – пояснил Йорген. – Ты сам охотно к нам в руки идешь, ноль проблем. А что до Шакары... она тебя не тронет.

– К тому же, – произнесла Карла, – она сама сказала, что только тебе и доверит все наработки.

Словно молния пробила меня насквозь. Шакара. Ее лицо вновь появилось передо мной. Холодное, недвижимое, точно маска. Вытаскивающее из сознания самые мрачные воспоминания.

– Чего она хочет? – Я едва узнал свой голос, настолько он был тих.

– Просто поговорить, и всё, – заверила меня падшая. – Почему-то она уверена, что ты единственный сможешь помочь.

– Она не говорила почему?

Йорген неразборчиво выругался и сказал:

– Да какая, блин, разница? Сама пояснит тебе. Мы и так несколько месяцев потратили, этот выродок уже мог сотворить что-нибудь еще. И чем дальше, тем сложнее его будет отловить. Он не остановится. Нам нужна твоя помощь, святоша, а тебе – наша. Ты идешь с нами или нет?

Глава IX

Чудища внутри нас

Я просто сошел с ума, иного и быть не могло. Возможно, моя звездная половина окончательно отключила в голове извилину, отвечающую за здравомыслие и самосохранение. Определенно.

После перестроения тела я больше не потел, у эквилибрумов терморегуляция протекала по-другому, но если бы еще мог, то уже давно обливался бы ледяным потом в напряжении.

Падшие при помощи транзита перенесли меня в другое место, так же окруженное горами, только здесь было намного больше травы, да и погода заметно теплее. Они провели меня через высокий забор в огромную виллу, в одиночестве стоящую на бугре. В саду росли заоблачные растения, те самые, что можно было найти в лесу Соларума, – синие кусты с призрачными цветами. В доме имелось множество окон, и изнутри его строгое убранство заливал солнечный свет. Было странно видеть такое, ведь я привык, что падшие постоянно прятались в каких-то подземных базах. А тут они будто и не скрывались. Внутри виллы ничто не напоминало о мире Эквилибриса, все смотрелось исключительно по-человечески.

– А где остальные ваши? – поинтересовался я, оглядывая ряды книжных стеллажей.

– Кто где, – буркнул Йорген, ковыряясь в своем энергласе. – Одни сбежали, другие ищут седого уroda.

– Сбежали? Куда? От кого? Вы же тут все заодно.

Никто мне не ответил, поэтому пришлось сменить тактику.

– Что вообще с ним случилось? – На этот раз я обратился к Карле, потому как из двух зол она проявляла ко мне меньше пренебрежения.

Карла напряглась. Ее душу терзали опасения. От этого взволновался и я. Но падшие вели меня не по подземному коридору в какую-нибудь темницу или операционную, тыкая в спину лезвием. Уже какой-никакой прогресс в нашем с ними общении.

– Предупреждаю, – внезапно сказала Карла, когда мы подошли к дверям. – Веди себя с ней спокойно. Не перечь. Ни в коем случае.

Она открыла проход, впуская меня в светлую комнату, оказавшуюся большой спальней с красивым видом на сад. Тут имелись камин, кровать с красным балдахином на резных столбиках, несколько ярких гобеленов на стенах. Шакару я увидел возле окна и встал как вкопанный. Йорген даже пихнул меня в спину, заставляя идти дальше.

– Шакара? – с подозрительной осторожностью спросила Карла. – Мы привели его. Стрелец здесь.

Их предводительница дернулась.

– Он тут? – сбивчиво спросила она. – Прямо здесь? Максимус? Стрелец?

Тогда она повернулась, и я совершенно потерял дар речи.

В ее облике ничего не поменялось – высокая, тонкая и смуглая, с черными волосами-каре, в строгой, но практичной одежде. Разве что без очков. Но я не мог поверить, что передо мной тот самый человек, которого мы все так опасались. Холодный томный взор стал рассеянным и блуждающим, она постоянно потирала одну руку о другую, время от времени заламывая пальцы, сутулилась. Шакара глядела на меня, но не прямо в глаза, а куда-то мимо.

– Пришел, – выдавила она, сглотнув. – Пришел.

Ее лицо покрывали бисеринки пота. Она подступила на шаг ближе. Раньше я бы подался назад, но сейчас просто прирос к месту, настолько диковинным было зрелище. Нет, Шакара не могла быть такой, это просто неправильно. Она должна была внушать страх своим видом, пугать остротой ума и гениальностью страшных решений, но это... это...

– Что с тобой? – выдавил я.

– Теперь, надеюсь, ты понял, что у нас проблемы? – поинтересовался Йорген, присаживаясь в кресло.

– Я ждала тебя! – с жаром заявила Шакара, продолжая удивлять меня эмоциями, которые, казалось, никогда не были ей доступны. – Ты... ты pomoжешь, так ведь? Ты знаешь, что делать, ты силен Максимус. Сильнее этих бесполезных протекторов и... и...

Она вздрогнула и в панике обернулась, точно позади нее грохнул взрыв. Я никогда не думал, что увижу на ее лице страх. Шакара сжалась, и Карла быстро подалась к ней.

– Все хорошо, успокойся, – заворковала она, поглаживая падшую по спине, медленно подводя к кровати. – При- сядь.

– Скажите им, чтобы перестали рычать, скажите, чтобы отошли от меня, – иступленно шептала Шакара, вцепившись в Карлу.

– Что с ней происходит? – спросил я чуть громче, чтобы на меня наконец-то обратили внимание.

– Это Грей с ней сделал. – Йорген закинул ноги на круглый столик. – Как – понятия не имеем. Но надо было очень постараться, чтобы сотворить подобное с такой, как она.

– Я просто хотела... хотела... – давилась Шакара, словно задыхаясь. – Он просил о помощи, я... я не могла отказать, как я могла отказать?

– Она проводила опыт. – Карла посмотрела на меня. – Вероятно, он пошел не по плану.

– Над Греем? – поразился я.

– У него выбора не было. Он был с вами, в тюрьме Антареса. Вернулся оттуда едва живой.

– Да его там пальцем никто не тронул! Он исчез до того, как начался ад.

– Думаешь? – скептически отозвалась Карла. – Тем не менее он чуть не умер от Тьмы. Если бы не Шакара, Грей бы и пары дней не прожил.

Я поразился. Грей испарился сразу после того, как нас выбросило из тюрьмы Антареса, с тех пор о нем ничего не было слышно. Но... Гортрас уже тогда вернул себе силы, покрывая Тьмой целый мир. Он покалечил Сару. Мог ли и Грей пострадать прямо перед транзитом?

Шакара схватила Карлу за плечо.

– Все было идеально, даже слишком, никогда не может быть настолько правильно...

– Так что она с ним сделала?

– Спасала его от смерти... каким-то извращенным методом. – Карла отцепила от себя падшую и направилась к полке возле камина. – Шакара не любит распространяться о своих делах. Все, что мы знаем, – имя этого проекта. «Индивидуум».

– Индивидуум! – истошно повторила Шакара.

Она так быстро бросилась ко мне, что я даже среагировать не успел. Падшая схватила меня за форму, встряхнула и впервые за все это время посмотрела в глаза. Честно, я так жутко себя не чувствовал, даже когда она ставила на мне опыты. Ее зрачки сузились, лицо обезобразилось ужасом.

– Ты должен остановить его. Никто кроме тебя не сможет, он слаб из-за своих контактов с другими, сомневается. Вы с ним похожи, связаны, он об этом знает и ищет ответы... Так похожи... Понимаешь? Тогда это была случайность, нелепая оплошность, ты же помнишь? Он помог тебе, определенно помог. – Шакара подалась еще ближе. Ее взгляд застыл. Лицо утратило эмоции, из глаза по щеке быстро скатилась слеза. – Ты должен помнить. Он вышел из-под контроля. Я... я не могла ничего поделать, впервые не смогла и... и... так слепы люди, слеп весь наш род, как я смогу спасти хоть кого-то? Я никогда не могла уберечь примкнувших ко мне от полного обмана небес, я не могу вернуть им то, что у нас отняли. Они питаются нами, Стрелец, питаются нашими душами, ты слышишь? Кругом обман, и все бессмысленно! А мы думали, что это благословение!

Вторая слеза, третья. Никаких рыданий. Я пересилил себя и коснулся ее дрожащей руки.

Мне и не думалось, что найдется что-то полезное. Надломленные души почти недоступны, оттого что наполнены хаосом. Пустыня и город смешались, как краски в палитре, но среди них чернели несколько пятен. Они бежали, растворяя пространство, рычали. Черные звери. Это не были сплиты, но отчего-то казались намного страшнее.

– Грей пошел по опасному пути, – сказала мне Карла, вновь отводя Шакару. – Уничтоженный городок – только начало. Он и сам свихнулся, похоже, от этого эксперимента. Тот сделал с Греем что-то странное, как будто его с цепи спустили.

– И только из-за Грея Шакара слетела с катушек?! – воскликнул я, пребывая в полнейшем шоке от происходящего.

– Да, он отнял у нас единственную защиту от вас, – проворчал Йорген. – Мы ничего без нее не сможем, только прятаться остается. Она теперь абсолютно бесполезна.

Я стиснул челюсти. Происходящее выходило за любые рамки. В другое время я был бы рад, что Шакара вышла из строя, это же праздник! Но нет. Причина ее беспомощности представляла огромную проблему.

Вне сомнений, Шакара – адское создание. Тогда насколько страшным мог быть тот, кто одолел ее разум?

– У вас есть идеи, что сейчас делает Грей?

– Да Обливион только разберет. Грей копит силы. В последнюю нашу встречу просто заявил, что все закончится скоро. Но Грей опасен, так *он* сказал, – произнесла Карла и протянула мне папку, взятую с полки.

Внутри оказались кипа бумаг, тетради с записями, блокнот. Все было помечено грифом «Индивидуум».

– Грей вам сказал? – поинтересовался я, внимательно разглядывая документы.

– Нет. – Карла скрестила руки. – Ранорий Незабвенный.

Этот день, казалось, не переставал приносить сюрпризы.

– Вас об этом просветил лично посол темного Магистра? Дэлэр, следящий за Землей? – Я скептически изогнул бровь.

– Он давно поощрял все начинания Шакары. Откуда, по-твоему, она вообще находила редкие заоблачные ресурсы для своих операций? Технологию нуль-поля нам подарил, вакуумные воронки предоставил. Вряд ли бы Магистрат Тьмы сам снизошел до Шакары, но вот Ранорий... он в ней что-то разглядел. И приказал нам найти Индивидуума. Для него.

– Он знал об опыте над Греем? Что такого необычного в нем? – поразился я.

– Как выяснишь, тогда и узнаем.

– Так вот что вы от меня хотите? Чтобы я разобрался, во что Шакара превратила Грея?

– Ранорий пообещал нам расправу, если мы не выдадим ему Индивидуума. У нас нет той техники и ресурсов, чтобы найти его. Мы пытались.

– То есть вы кашу заварили, а мы должны расхлебывать, так получается, да? – заворчал я, переворачивая страницы. Все нечитаемые. Шакара, видно, разработала свой язык, да еще и манипуляциями сдобрила, чтобы заблокировать понимание души. Хитрая штука, я про такую читал.

– И лучше как можно скорее, – вставил Йорген. – Мы натурально в одно лицо не справимся с тем, чем он стал. Спасение человечества – это по вашей светлой части. Так что бери эти записи и исследуй с остальными святошами состояние Грея. Наверняка даже поймете, где у него слабые места.

Карла вытащила из кучи бумаг небольшую тетрадку.

– Мы пытались расшифровать, и тут некоторые ключи. Шакара говорила, что ты умник. Так что уж постарайся вместе со своими друзьями из Соларума.

– А вы что в это время будете делать?

– Мы поищем его по своим каналам. Поглядим еще что-нибудь в других записях Шакары.

Карла обернулась к падшей – та сидела на кровати, абстрагировавшись от всего, бесцельно разглядывая пол.

– Мне тоже не нравится эта ситуация, но работать надо сообща, иначе не выживем. Что с нами сделает Ранорий, какая финальная цель у Грея – вопросы, на которые я не хочу знать ответа. Ты уже сам видел ту расселину. И, судя по остальным местам, где Грей прошелся, – урон будет только увеличиваться. Так что, возьмешься за дело?

Пока я думал над ответом, комнату наполнил шепот Шакары:

– Он не ведает, что творит, и не верит, что это он сам, он пойдет на что угодно, чтобы найти себя, монстр, монстр, монстр...

– Я попробую, – через силу выговорил я. – И только потому, что не хочу дать Грею бесчинствовать и дальше. А не из-за того, что надо спасти вас от дэара. Вы заслужили самую худшую кару.

Улыбка у Карлы казалась кривоватой. Она усмехнулась со страдальческим видом.

– Поверь, заслужили. Если мы что-то откопаем, то напишем тебе. Линию связи мы найдем.

– А если мне что-то от вас понадобится?

– Мы узнаем об этом. И придем.

На том я и ушел, до конца не веря, что произошедшее – правда. Но бумаги и были доказательством реальности того факта, что я договорился с падшими об общем деле. Просто неслыханно. А еще Шакара, которая, похоже, больше не была в состоянии нам навредить. Остальные наверняка будут в восторге от этой информации, но я не был. Меня пробирала дрожь от представлений, каким образом Грей свел ее с ума.

«Монстр... монстр...» – ее сбивчивый голос еще долго не покидал головы.

Глава X

Лучшая версия протектора

Фри нервно постукивала ногтями по чашке. Она сидела по одну сторону от кровати, а Макс по другую – хмурый, скрестив руки на груди. Казалось, опять утоп где-то в раздумьях, но все же оторвал взгляд от пустоты и перевел его на Стефа.

– Долго тебе тут торчать?

– Сказал уже хреналлион раз, что со мной все в порядке, – кисло отозвался Водолей, лежа в койке. – Хоть сейчас могу идти.

Ему не выделили отдельной палаты, оставили в Лазарете за ширмами, под постоянным надзором комет и Ханны. Руку, с новой раной, и без того уже травмированную, замотали сильнее. Теперь кометы могли залатать ее полностью не раньше, чем через три дня. Нет, Стеф, конечно же, мог попросить скорейшего исцеления, но тогда остались бы шрамы. Прямо как у Макса – тонкая паутина бледных линий испещряла его руки с тех самых пор, как их разорвало в Лунном доме. Потому Водолей лежал по приказу не только Лазарета, но и Коула. Ему и Фри залечили те странные ссадины, нанесенные туманом, и протекторша в физическом плане чувствовала себя отлично. Но ее тревожило состояние Стефа. Он мог говорить что угодно, преуменьшая любую из своих проблем до размеров мельче атома. И все же его ранила неизвестная тварь. В какой-то момент Фри даже поверила, что протектор умер. В тот миг она могла только смотреть на него, покрываясь льдом от ужаса.

Почему ее странные силы не проявились, когда это было так необходимо? Она могла бы допустить смерть друга. Если бы не Рамона...

– Слушай, ты с какой-то радости пошел на новое задание с раненой рукой и после марафона по куче вызовов, – веско отметил Макс. – Может, хоть сейчас не будешь ворчать, шуметь и просто выполнишь рекомендации врачей и отдохнешь?

– Ты тут самый умный, что ли? Какой отдых вообще может быть в Лазарете?

– Нет, ну он бухтит и возмущается, – вздохнула Фри, подбирая под себя ноги. – Значит, все правда не так плохо, как могло бы быть.

Максимус устало потер лицо рукой. Было видно, что он нуждался в отдыхе гораздо больше Стефа. Фри даже и предположить не могла, как давно он спал. В последнее время она постоянно видела его на ногах или слышала, что Макс пошел в очередную вылазку. Совсем себя не берег. Еще один безмозглый трудоголик, не щадящий себя. Сидел теперь тут бледный и осунувшийся, с покрасневшими от недосыпа глазами.

– Как только разберемся с лечением всех и каждого, у меня будет что вам рассказать. И дело ждать не может. Там в лесу...

Штора с шумом отъехала и так же быстро задвинулась. Перед ними стояла Ханна, рассматривая что-то на проекционном листе. Дева казалась измученной – буквально, как и каждый протектор, задействованный в случившемся. Ее длинные светлые волосы были завязаны в хвост, а форму до конца Ханна сменить не успела – сняла лишь сюртук и, закатав рукава рубахи, принялась за работу в Лазарете.

– Что ж, твоя задница вне опасности, – сухо сообщила она, проводя пальцами по строкам. – Так что можешь выметаться через пару часов после последних проверок.

Дева свернула лист в маленькую пластину и сунула ее в карман. Пододвинув стул, она поставила его спинкой вперед и села.

– Вам двоим повезло, что Рамона оказалась рядом, вы же это понимаете? – спросила она, требовательно оглядывая Стефа и Фри. – Судя по всему, если бы вы оказались под воздействием тех сил чуть дольше, то все сложилось бы далеко не так радужно.

– Разве? – нахмурилась Фри. – Я ничего такого и не почувствовала.

– Вас привели с дырами в одежде и ссадинами. Совсем мелкие ранки, но они расширились. Та аномалия, которая вас окружила, расщепляла древесину и камни – думаете, с плотью ей было бы сложнее? Тисус уже проводит тесты по собранным Ламией материалам и считает, что у объектов сперва ослаблялись атомные связи, а уже вследствие этого они были частично или полностью аннигилированы. Вы бы просто развалились в кровавую пыль, а потом и она бы исчезла.

От услышанного Фри покрылась мурашками. Она рефлекторно почесала место на локте, где недавно была самая большая язва. Ханна это заметила и качнула головой.

– Сейчас уже все в порядке. Процесс остановился почти сразу, как вас привели в Соларум, а после лечения никаких следов не осталось.

– Но звучит чертовски жутко, – заметил Макс.

– Погодите! – оторопела Фри, указывая на Стефана. – Но ведь его проткнули насквозь! И рана несерьезная?

– Похоже, что так. – Дева пожалала плечами. – Да, разошлась кожа, и повредились некоторые органы вроде печени. Но Стефу не впервой, да? – При этих словах она смерила его пренебрежительным взглядом. – Кометы смогли восстановить это без особых усилий. Но несколько дней покоя обязательны.

– Отлично. – Водолей бодро закивал. – То есть я могу идти?

– Идти-то ты можешь. Вот только оба будете проверяться в Лазарете каждый день ближайшую неделю. Это приказ.

– Но...

Ханна мгновенно ожесточилась, на подступах обрывая его ворчание:

– Никаких «но». Мне тут не нужна мясная каша из двух мертвых протекторов. Мы в первый раз с таким столкнулись, вдруг начнется рецидив? Ты этого хочешь, а, нытик? – Она лишь удовлетворенно хмыкнула, когда Стеф, не найдя, что сказать, надулся и скатился по подушке еще ниже. – Вот-вот. Нам нужно скорее обсудить с Сириусом случившееся и узнать, где в заоблачном мире такое еще наблюдалось.

– Та тварь... – мрачно выронил Макс, почесывая затылок. – Вы сказали, что ее было сложно разглядеть. Она находилась далеко?

– Да нет же! – ответила Фри. – В том-то и дело, что близко. Она смазывалась при взгляде, да и смотреть на нее было больно. Я видела только, что внутри нее – зеленые искры.

– Это нити, – тихо поправил Стефан. – Я видел подобие костей. Искаженные, как и всё. Существо само было раздроблено на частицы. Как будто рассыпалось от нахождения здесь, но не могло распасться до конца. – Он смутился. – Не знаю, почему так решил. Просто такое ощущение. Тварь вообще была словно не от мира сего. И держалась на зеленых нитях толщиной с паутину.

– Спасибо за экскурс в мир непонятных хтоней, – равнодушно отметила Ханна, сделав заметку в энергласе. – Нам определенно стало проще жить.

– Ты-то чего язвишь?

– А что еще остается? Мы вновь вляпались в какую-то заоблачную чертовщину и, помяни мое слово, скоро поплатимся за это. Как и всегда.

Повисло тяжелое молчание, нарушаемое лишь неразборчивыми разговорами по ту сторону ширмы. Оно ощущалось плотным черным облаком, от которого было не продохнуть.

– По крайней мере, Рамона вернулась, – брякнула Фри, пытаясь сменить тему.

Но вышло неудачно: Ханна резко похолодела.

– Это никогда не бывает к добру. – Увидев вопрошающие взгляды Фри и Макса, она вздохнула и добавила: – Рамона появляется, лишь когда происходит что-то из ряда вон выходящее. Настолько, что нам, скорее всего, без заоблачной помощи не обойтись.

– Тебя не это волнует, – вдруг заявил Стефан, потянувшись к тумбочке за стаканом. – А Дан. Как обычно, будет истерить как ребенок от любого ее слова. И капать на мозги в первую очередь прибежит к тебе.

– Это меня никак не касается, – бросила она.

– Ну да, ну да, повтори еще раз, и я тебе поверю. Вы же никак разлепиться не можете. Все фигней какой-то страдаете.

Дева помрачнела.

– Если ты хотел убраться из Лазарета, то лучше сделай это побыстрее.

На этой ноте Ханна вышла прочь, даже не задернув ширму. Фри возмущенно обернулась к Стефу и пнула его в голень с такой силой, что он пролил на себя воду.

– Да что с тобой не так?! – возмутилась она.

– Я просто констатирую факты, – отмахнулся он. – Кто-то же, блин, должен. Лучше бы это делал психолог, но у нас его почему-то до сих пор нет!

Каждая новая ступенька казалась Фри непреодолимым препятствием, полным сомнений и страхов. Она с трудом заставляла себя подниматься, а затем замялась, не решаясь постучать в дверь. Но только протекторша поднесла кулак, как вдруг обнаружила, что та едва приоткрыта – совсем немного, но манипуляция тишины уже не работала. Фри услышала звуки скрипки и замерла.

Скрипка и Дан – это плохо. Нет, он играл превосходно, у него имелись изумительный слух и добрая сотня лет практики, но об этом инструменте протектор вспоминал, лишь когда ему было плохо. Словно бы персонаж трагедии, он начинал наигрывать возле балкона с открытой дверью, вынуждая всех прочих ругаться и закрывать окна, ведь музыка могла не прерываться долгое время.

За свое пребывание в Соларуме Фри слышала игру Дана на скрипке меньше десятка раз и твердо усекла: в такие моменты его не нужно трогать. Дан-Не-В-Духе – тот, с кем уж точно не хочешь встречаться, ведь тогда придется признать, что Дан – не только оптимистичный, полный энергии и задора протектор, а еще обычный человек со своими тенями в душе.

Пронзительная мелодичная река, протекавшая плавно, но иногда уходившая в порожистый бег. Фри стало не по себе от музыки, слишком уж меланхоличной, на ее взгляд.

Так бы Фри и стояла, утопая в тяжелой скорбной мелодии, с необъятной силой резонирующей с ее душой. Да вот только ее угораздило громко чихнуть – и звуки тут же прервались. Фри мгновенно отпрянула, но Дан молниеносно распахнул дверь и уставился на нее. Фри даже смутилась от того, насколько он был растрепанный: рубашка не заправлена, волосы разметались. А взгляд ошалелый, дерганный, как и сами движения. Протекторша тут же подумала, что застала его в неудачное время.

– Ты что тут делаешь? – спросил он, хмурясь и открывая дверь пошире. Так, что Фри могла видеть комнату.

Она привыкла к постоянному свету в жилище Дана, но сейчас лампы были выключены, отчего повсюду висел мрак, с трудом отгоняемый лишь мерцанием синих крон деревьев за окном. Все оказалось на своих местах и в чистоте: круглый стол с книгами, сидя за которым Волк больше дремал, чем читал; пианино – на нем стоял аквариум с рыбками. Комната была заполнена множеством старых,

практически антикварных штук: от резных книжных подставок и музыкальных инструментов, средневекового щита, листа с неким текстом на стене (Фри всегда подозревала, что он был вырван из какого-то важного и утраченного документа) до аккуратно развешанных фотографий, на которых Дан был запечатлен на фоне громких исторических событий или же со знаменитыми личностями – впрочем, последним не суждено было его запомнить. Все было тепло, уютно, знакомо, но сам Дан сейчас плохо с этим сочетался.

Протектор все еще сверлил Фри неммым вопросом. Ей стало некомфортно.

– Если я тебя отвлекла...

– Немного.

– Я... – Она сама была поражена тому, насколько вид Дана сбил ее с толку, потому поспешила взять себя в руки. – Я знаю, что у нас проблемы и все немного на взводе, но ты можешь отвести меня к Нерман?

Тут словно что-то щелкнуло и Дан встряхнулся. С него скатился лед.

– Подозреваю, что могу, – произнес он. – А с какой целью, позволь спросить?

Фри стиснула челюсти, запаниковав.

«Что ответить? Рассказать? А он поймет? А если нет? А если посмеется и скажет, что все это – лишь выдумки? Тогда... Тогда...»

– Пожалуйста, всего раз, прошу, не спрашивай об этом, – быстро выдала она и продолжила с такой же скоростью, жестикулируя руками под недоуменным взглядом Дана: – Мне необходима твоя помощь. Я бы... Я бы сама к ней пошла, но она же не слушает меня без тебя, Нерман такая своенравная, а я... Дан, пожалуйста...

– Эй, эй! – Он растерянно положил руки ей на плечи. – Успокойся. Если это так важно, то хорошо. Только пообещай, что расскажешь, когда будешь готова, договорились?

Она яростно закивала, и протектор нагнулся, чтобы обнять ее. Еще никогда Фри не была настолько благодарна Вселенной, что имела таких друзей.

– Отправимся прямо сейчас, – сказал он. – Нерман должна пребывать на Земле в этом месяце. Главное, чтобы не ушла в спячку, а то нам с тобой несдобровать, если разбудим. – Дан отстранился и

тяжело выдохнул: – Дай мне только привести себя в порядок. А то я тут... День плохой, в общем.

Фри хотела спросить, что же такого приключилось с ним, но отчего-то не решилась. К тому же Дан закрыл дверь прямо перед ее носом, оставив ждать на ступенях. Только когда она заставила себя успокоиться, то посмотрела на дверной проем и нарощие слои инея, которые друг, слава звездам, не заметил.

* * *

Фри часто думала о том, что же с ней не так. Не только в эти месяцы, но и в целом. Всю сознательную жизнь, о которой помнила. Она работала бок о бок с товарищами и понимала, что отличается. Являясь протектором без способностей к звездному Свету, собственному эфиру и будучи при этом «одной из сильнейших», нельзя было просто забыть о собственной неполноценности, особенно учитывая, какие мощные воины ее окружали. Фри чувствовала себя крохотной и незначительной в сравнении с ними.

Дан – наиталантливейший протектор, ловкий, изобретательный и сообразительный, а главное – проявляющий себя в каждом удобном моменте. Паскаль – душа, абсолютно преданная Свету: несмотря на свой сложный характер, он был полон чести и высоких идеалов. Коул – вечный лидер, логичный, рассудительный, ничто его не могло выбить из колеи, лучший стрелок среди них всех. Он так долго прожил, а значит, в его силе нельзя было сомневаться. Сара – мощнейшая квинтэссенция, Железная дева, Фри бы побоялась столкнуться с ней в бою, даже нечестном. Рамона – просто невероятная, такая осязаемая связь со звездным эфиром; высочайшие показатели по устранению сплитов даже без посещения Соларума. Ханна – лучший лекарь среди протекторов, негибкая и прямолинейная. Павел – выносливый и самый трудолюбивый из всех, с добрейшей, полной эфира душой. Ламия и Тисус столько знали о заоблачном мире и его законах, вкладывали в изучение манипуляций свой Свет и помогали всему Соларуму. Ада вообще сознательно делала из себя монструма, чтобы спасти остальных. Стефан всегда был одним из самых искусных манипуляторов и выживал на заданиях, когда это казалось

невозможным. Даже Макс успел проявить себя как пытливый ум, жадный до знаний, искренне и честно верящий в Свет. Многообещающий протектор, который смог ужиться с Антаресом и вернуть того на небеса. А еще множество других потрясающих, неопишуемых людей.

И Фри. Протекторша без сил, ничем не выделяющаяся. Выполняющая работу теми немногими средствами, которые ей даны. Просто человек. Она знала, что не заслуживала быть здесь, и понимала, что многие наверняка думают так же. Все-таки неспроста Фри так плохо управляла Светом. Тут явно какая-то ошибка. Протекторша изо дня в день пыталась доказать другим, что не являлась лишней и бесполезной. Но страшнее всего было признать: она доказывала это себе самой.

Монсис – одно из поселений светлых эквилибрумов – казался столь непривычным при свете солнца, что Фри смутно его узнавала. Поселение было далеко не таким огромным, как Аргентион. Здания не могли тягаться с ним по высоте. Но даже сравнительно низкие стеклянные башни отбрасывали длинные тени и янтарными искрами переливались в дневных лучах. Птицы скакали по каменным заборам, люминосы впитывали свет на самых нагретых и светлых местах площади.

Протекторы прошли через кованую арку во двор, заполненный душистыми фиолетовыми цветами, ближайшие из которых обращали свои лепестки к прибывшим, точно наблюдая. Дан отряхнулся, вытянулся и затем коротко, но громко постучал изящным и отточенным движением. Он только и успел, что натянуть свою самую медовую улыбку под подозрительным взглядом Фри, как дверь открылась.

Нерман стояла на пороге, одетая в длинный и мягкий халат из темной ткани, расшитой пышными узорами. Серые волосы распущены, глаза оторопело забегали от Дана к похолодевшей Фри.

– Доброго утра, Нерман! – радостно поприветствовал ее протектор.

Лицо планетарши вмиг перестало быть растерянным, она с отчаянием закатила к небу глаза.

– Да чтоб всех вас Обливион пожрал... Ну чего тебе опять от меня надо?

– Сущий пустяк! – отозвался Дан.

Он с резвостью и удивительной грацией нагло протиснулся в помещение, пока Нерман зло пялилась на него. Фри осторожно зашла следом, надеясь, что планетарша не смотрит на нее так же.

– Что за необходимость вламываться без предупреждения?! – раздраженно спросила Нерман, захлопывая дверь.

– Но я же постучал, – недоуменно отметил Дан.

Протектор, чувствуя себя максимально вольготно, уселся на диван и деловито закинул ногу на ногу.

– Я люблю сюрпризы, – улыбаясь, отозвался он. – А ты разве нет? И ты же все равно не спала.

– Я собиралась! – огрызнулась она.

– Тогда хорошо, что мы успели.

– Света ради, скажи, что тебе надо, и проваливай.

Дан указал на Фри, и той показалось, что он ее таким образом жестко подставил.

– Моя милейшая спутница хотела с тобой кое-что обсудить. Только посмотри в ее глаза, неужели ты способна ей отказать?

Фри сжалась под взором Нерман, им легко можно было гнуть сталь.

– Н-да? – кисло выдала та, требовательно упирая руку в бок. – И какой вопрос?

Фри нервно мяла ткань своей безразмерной желтой толстовки, чувствуя напряжение. Отступить некуда. Она в мольбе подняла глаза на Нерман.

– Мне надо кое-что вспомнить. Но от тех воспоминаний остались только клочки. Можешь мне помочь вывести наружу остатки?

Планетарша утомленно вскинула брови:

– И все?

– Ну... да... – неуверенно отозвалась Фри, волнуясь все больше и чувствуя себя последней дурой. – А это так сложно?

– Да нет, просто это настолько элементарная процедура, – со вздохом ответила она, пожимая плечами. – Мы сами постоянно теряем целые мерионы и талидоны памяти. Все хотят уловить то, что осталось, структурировать. Странно, что у вас в Соларуме такие манипуляции не проводят.

Говоря последнее, Нерман обернулась к Дану – тот с сомнением косился на Фри.

– Пожалуйста! – взмолилась протекторша, подступаясь к ней. – Мне необходима твоя помощь!

Возможно, ее отчаяние повлияло на Нерман, или же та просто хотела поскорее избавиться от навязчивых гостей. Но в конечном итоге планетарша расслабилась и с недовольством выдохнула:

– Ладно. Иди за мной. Разберемся с этим быстро.

Она повела Фри по коридору и на секунду обернулась, бросая Дану:

– А ты ничего здесь не трогай! И не прыгай с места на место. Впрочем, ладно, ты вообще в последнее время мало используешь транзит, давно этого не чувствовала. Надоело?

– Да нет, что ты, твоя метка – чудо! Просто в моем возрасте полезно больше ходить.

Фри не могла выразить, какие облегчение и благодарность к Нерман она испытала. То, что происходило с ней в последнее время, пугало. Чем бы это ни было, оно воспринималось ею как огромная, давящая со всех сторон проблема или же болезнь. Но теперь решение медленно, со скрежетом начало двигаться с мертвой точки.

Фри ожидала, что ее поведут в ту же самую мрачную комнату, в которой когда-то Нерман осматривала Макса. Как же давно это было, а казалось, что не более пары месяцев назад. Но планетарша двинулась мимо, направляя Фри к темной узкой лестнице, ведущей вниз. Босые ноги Нерман изящно ступали по чистым, слегка потрескавшимся белым ступеням. Веяло холодом, который резонировал с нарастающей жарой скорого лета.

Быстро оглядев помещение, находящееся как минимум в десятке метров под землей, Фри удивленно спросила:

– А почему же все-таки ты не собираешься проверять мою душу через ту машину?

– Потому что это разные процедуры и цели, – резко ответила Нерман, проходя к дальним шкафам.

Фри ступила на гладкую каменную кладку пола. Зал казался не слишком большим, но довольно высоким. Под потолком висело несколько сферичных огненных фонарей – совсем как огромные светильники. А вот внизу все выглядело гораздо интереснее: маленький

круглый бассейн с ярко светящейся голубовато-белой массой. То ли жидкость, то ли газ, а может, и что-то среднее. Фри уже видела такое в Лунном доме. Это было так похоже на Центр хранения эквилибрума, что девушка поспешила спросить об этом.

– Нет, конечно, – фыркнула Нерман, роясь в различных склянках. – Еще бы у меня имелся доступ к чужому Центру. Ха! Но душа эквилибрума и его небесное тело пронизаны эссенцией, так что я действительно заряжаю этот бассейн от Терры. Совсем немного, это законно. Впрочем, не думаю, что тебе стоит нагружать свою душу этими понятиями. Для тебя же главное – итог, верно?

Она пристально уставилась на Фри. Протекторша закивала.

– Хорошо. – Планетарша подала ей небольшой сосуд с мерцающей жидкостью. – Выпей-ка. Затем начнем.

Вода обожгла горло Фри, ее едва не стошнило. Но она со всей силы сжала челюсти и надавила дрожащей рукой на рот. Дыхание затруднилось, сердце барабанило об ушные перепонки. Фри вдруг стало нестерпимо жарко, словно по венам струились потоки лавы.

Заоблачница мрачно взирала на Фри и покачала головой.

– Да уж, с вами, приземленными, надо быть поаккуратнее. Какое-то вы все нежные. Каждый раз поражаюсь. Потерпи немного, скоро полегчает.

– Что это вообще такое? – гнусаво прохрипела Фри.

– Раствор раскрывает эфирные каналы, – отмахнулась Нерман. – Поможет тебе в исследовании себя. Так, а теперь скажи: как давно были утрачены твои воспоминания?

– Мне было лет семнадцать, когда это случилось, так что уже много времени прошло. Когда-то вся моя жизнь была уничтожена. И я хочу знать почему.

– А раньше ты не хотела этими вопросами задаться?

– Тогда не было причины. Думала, что я прошлая не нужна в этом мире.

Нерман, похоже, считала, что любые безумства Фри – лишь ее личное дело, потому упрекать не стала. Заоблачница подошла к бассейну, и перед ней возникли круглые световые панели.

– Но почему ты не спросила у своих друзей, а пошла ко мне? – поинтересовалась Нерман, работая с настройками. – Разве у вас не собирают всю информацию о жизни протектора?

– Да, но они не знают. Ребята бы мне давно сказали о любой странности.

Поэтому Фри и не думала лезть в старые отчеты. Что они могли дать? Протекторы не знали ничего существенного, кроме информации о ее семье. Об этом ей говорил каждый: и Дан, и Павел, и Коул. Даже Стефан в свое время... Фри доверяла друзьям, потому ответы требовалось искать иначе.

Планетарша вздохнула:

– Если воспоминания были уничтожены так давно, то дело может оказаться сложным. Ты ведь что-то вспомнила, не так ли?

– Да. Одна деталь.

– Похоже, очень важная деталь.

– Надеюсь, она станет ключом к остальному чудом сохраненному.

– Прекрасно, – кивнула Нерман. – А теперь раздевайся.

Фри изумленно вытаращилась на планетаршу, которая лишь сухо взирала в ответ.

– Ну? Так и будешь стоять? – уточнила та.

– Полностью? – недовольно буркнула Фри, чувствуя себя максимально неловко.

Нерман в очередной раз закатила глаза, словно вопрошая у высших сил, за что ей все это.

– Какие вы, приземленные, зажатые, – проворчала она. – Хотя бы большую часть. Ты же не хочешь идти обратно в насквозь промокшей и светящейся одежде?

Фри еще немного поколебалась, после чего рассудила, что ее комплексы – просто какой-то детский сад. Она скинула с себя кеды, толстовку и штаны, оставшись только в нижнем белье и майке. Стоя босой на каменном полу, она потирала покрытые шрамами руки, тело мгновенно усыпалось гусиной кожей от холода. Да уж, Фри и не думалось, что этот день обернется вот так.

По приказу Нерман протекторша ступила в бассейн и тут же содрогнулась. Ледяная волна прокатилась по телу, словно вокруг были арктические воды или жидкий азот. Но вместе с тем в этой волне имелась дребезжащая сила, крепко обосновавшаяся внутри. Фри вмиг ощутила себя полной энергии. Шаг за шагом, стискивая стучащие зубы, она зашла в жидкость по талию и легла на спину. Плотность вещества не давала ей тонуть и уверенно держала на поверхности. Все

тело дрожало, но Фри заставляла себя терпеть. Она упорно смотрела перед собой, на мечущиеся в воздухе шары света, и пыталась отвлечься от неприятных ощущений.

– А на что это будет похоже? – спросила Фри, кося глаза в сторону Нерман.

– М-м-м, – вдумчиво протянула та. – Сложно объяснить. И... поехали.

Глава XI

Кластеры душевных травм

Фри ничего не почувствовала, лишь смотрела, как сгущаются на потолке темные облака, как возникает глубокое ночное небо, полное вспышек и звезд. Оно казалось столь всеобъемлющим и огромным, что у нее захватило дух. Она вдруг почувствовала себя такой воздушной, невесомой, словно гравитация отступила.

– И как же мне это сделать? – спросила Фри.

Она повернула голову, но Нерман на своем месте не оказалось. А когда Фри вернула взгляд обратно, то пораженно сникла. Моргнув всего один раз, она увидела вокруг себя сотни свечей с фиолетовым огнем. С тех пор как Макс показывал ей эти виды, Фри больше никогда не видела своей души.

Но восторг быстро сменился холодом. Фри стояла меж внушительных свечных гор и, затаив дыхание, смотрела на мрачную растущую тень прямо перед собой. Сияние свечей в ней, вопреки всему, казалось менее ярким.

Эти темные ворота. Сначала не такие большие, но они росли, высились, захватывали все пространство, пока не нависли над Фри устрашающим исполином. Все тело содрогнулось. Если эти закрытые врата – часть ее, то почему она так их боялась? Что это за надписи и узоры? словно бы осколки какой-то огромной манипуляции.

В ответ на эти мысли душа срезонировала. Нарастало гудение, проходящее сквозь плоть.

Фри сидела на подоконнике одного из множества незастекленных окон, выстроившихся друг за другом на первом этаже Соларума. Позади нее в кустах пели птицы и шуршали люминосы. В задумчивости Фри не заметила, как мимо нее прошел человек в форме, аккуратный и высокий, походка пружинила, будто у него сегодня вышел неплохой день. Он остановился, вернулся на два шага назад и уставился на девушку.

– *Могу ошибаться, но ты ведь наша новенькая?* – поинтересовался он.

Фри резко вскинула голову и рассеянно захлопала глазами. Юноша усмехнулся. Как-то неуверенно, хотя, может, ей и показалось.

Они разговорились. Он спросил, как ей здесь, не напугана ли она. Фри честно не знала, что ответить. Как она вообще могла хоть что-то теперь понимать? Что для людского мира обычно, а что чуждо? Где грань? Ее мысли до сих пор путались от образовавшейся в голове бездны. И ничего кроме этой пустоты не волновало.

Когда Фри слезла с подоконника, протектор спохватился и протянул ей руку:

– *Меня зовут Стефан. Водолей.*

– *И ты что, можешь управлять водой или типа того?* – заинтересовалась она.

– *Нет,* – протянул он. – *Единственная вода, которой я способен управлять, – это куча причин в объяснительных, почему я не могу идти на скучное задание.*

Шутка была такой нескладной, что Фри рассмеялась. Кем бы ни был этот юноша, но он казался приятным. Похоже, честно хотел подружиться.

– *Я Фри,* – улыбнулась она, пожимая его руку.

– *Подожди,* – Стеф недоверчиво ухмыльнулся. – *Как картошка, что ли?*

– *Почему как картошка?! – возмутилась она, всплеснув руками. – Как свобода!*

– *А, ну да... люди же об этом в первую очередь подумают.*

Фри покривилась на его ехидную улыбку, от которой на щеках Водолея появлялись ямки. Протектор качнул головой и спросил:

– *Это тебя так родители назвали?*

– *Нет,* – смутилась она. – *Я не знаю, как меня звали раньше. А имя выбрать необходимо.*

– *Так... ты совсем ничего не помнишь? Ну ладно. Печально, конечно. Я слышал, что с тобой стряслось, слухи быстро расходятся. Просто надеялся, что все не так серьезно. А то случившееся... ну... неправильно, в общем.*

– *Возможно. Но я о той жизни не помню, потому и не жалею. Наверное, это к лучшему. Как считаешь?*

– *Я всегда за то, что если жизнь зашла куда-то не туда, то лучше начинать все с чистого листа. Так что если тебе понадобится*

помощь – обращайся сразу. Знаю, как может быть погано, когда делаешь первые шаги. И только не говори с той двухметровой шпалой. Не смотри ему в глаза. Не провоцируй.

– Он агрессивный? – встревожилась Фри, вспоминая похожего по описанию блондина, которого видела пару часов назад.

– Хуже! – с чувством нагнетал Стефан. *– Он гиперактивный и тупой.*

В следующие пару месяцев они много общались, хоть Фри и пренебрегла советом Стефа, познакомившись с Даном. Тот мигом подхватил хрупкую новенькую под свое крыло и начал вдохновенно учить. Стеф продолжал иногда расспрашивать Фри о ее прошлом, надеясь помочь ей восстановить хоть что-то. Ее наставник Павел оказался прекрасным учителем, но часто пропадал в Лазарете с травмами, которые получал по элементарной глупости и самоуверенности. Поэтому в какой-то момент Стефан предложил Фри помощь с манипуляциями. Она помнила, как они садились на пол в отделении Манипуляционной, как Стеф четко и ясно указывал ей, на что ориентироваться, о чем думать. Он сам был потрясающим манипулятором, потому знал, о чем говорит. По его советам Фри представляла все потоки эфира внутри себя, смешивала их с избранными образами, следила за связями, не допускала ни единой лишней мысли в голове. Процесс давался так трудно, что мозг кипел от напряжения. Фри хваталась за волосы и жмурилась, а Стефан раз за разом спокойно заверял, что все нормально. Он поразительно хорошо умел успокаивать, рядом с ним любая катастрофа показалась бы решаемым пустяком.

И они начинали заново.

– Почему мы не можем использовать Первородные метки? – недовольно фыркнула она однажды. *– Они же даже называются проще. Ну, там, «разрушение», «трансмутация»...*

– Потому что они опасные и прибегать к ним просто так не стоит, – хмуро ответил Стефан. *– Чем большие конкретики в манипуляции, тем лучше. А у первородных слишком обширный спектр эффектов; нужны наилучшая концентрация и понимание итога. Да, «смерть» или «свет» звучат понятно и заманчиво, но поверь: ты с ними так просто не совладаешь. Дай им один только шанс, и эти метки перепишут всё под себя.*

В какой-то момент Стеф нарисовал на указательном пальце ее правой руки точку и попросил концентрировать выход эфира в ней. Еще через десяток попыток манипуляция из трех меток наконец-то сработала, и вода покрылась коркой льда. Стефан смеялся, пока Фри радостно прыгала и победно проклинала всех звезд.

Тогда она поверила, что не совсем сломана. У нее еще был шанс. И Стеф помог ей в этом убедиться. Возможно, он бы приложил все усилия, чтобы она продвинулась еще дальше. Если бы не та трагедия с убийством протекторов. После Фри и Стефан общаться перестали, словно никогда и не поддерживали друг друга. Но она не могла притворяться, что не знает его, ведь даже многие годы спустя рисовала у себя на пальце точку.

Фри невольно улыбнулась от мысли, что теперь все вернулось в норму. По-другому, но все же в норму. Они снова наладили контакт, стремились к тому с обеих сторон. Как раз перед тем, как вся ее жизнь вновь начала ломаться.

Она помнила, что вся чертовщина началась где-то год с лишним назад. Все уже успели отойти от случая с Антаресом, занялись своими делами. Охоты, тренировки, важные даты. Служба в горячих точках. Очищение души каждые полгода: ослабление плохих и травмирующих воспоминаний, заделывание ментальных травм, медосмотр. За протекторами следили как за часовыми механизмами: каждый винтик в голове был обязан работать без сбоя, иначе проблем не сосчитать.

Макс продолжал болеть, иногда вылезал из своей комнаты – весь бледный, слабый. Усталый как собака, о стену опирался. Фри его таким не видела, даже когда тот делил душу с Антаресом. Ламия настаивала, что Максу нужно дать время на восстановление. Фри не пререкалась, хоть и волновалась. Вместо этого она углубилась в работу. Ничего интересного не происходило, особенно в сравнении-то с Верховным. Один раз, правда, кластер сплитов образовался прямо на одной из центральных улиц Токио. Операция по вычищению заняла несколько дней, а замена памяти у приземленных – и того дольше. В остальном полная рутина.

А потом произошел первый случай. Манипуляция слишком хорошо сработала. Настолько, что, пытаясь проделать дыру в толстой стене, Фри буквально обрушила ее. Стоя в пыли посреди разбитых

камней и железа, она в шоке списала все на случайность. Фри даже не замечала, как крепили ее силы.

Она часто выходила на охоту с другими протекторами: с Даном, Павлом, даже со Стефом. Странно, но после всего пережитого оставаться один на один с Водолеем ей первое время было неловко. Да, она больше не держала на него обиды за старое, и все же они не общались кучу лет, хотя до этого... до этого он был другим. И Фри понимала это, помнила их шуточные беседы. Они же тогда успели подружиться, она была уверена в нем на сто процентов. А затем все в одночасье рухнуло. Вместе с человеком. Теперь Фри заново пыталась привыкнуть к Стефану. Она радовалась, когда в группе все хорошо, ведь это влияло на качество работы. Оттого ей было приятно, что и Стеф выбирался из скорлупы, в которой пробыл целую декаду. Фри хотела ему помочь. Он уже несколько раз вытаскивал ее из опасных ситуаций, и она не собиралась давать ему фору. Дан редко с ними охотился, ведь видно его не было месяцами – за последний год он умудрялся по какой-то невразумительной глупости попадать в ссылки чаще, чем бывал в Соларуме. Поэтому Фри и Стеф ходили на охоты вдвоем, вновь привыкая друг к другу, даже вспомнив, как ладить. Потом к ним наконец прибавился и Макс, которого было еще учить и учить. Но он справлялся, старательно улучшал навыки. Дан вылез из своих бесконечных ссылок. Они вчетвером многое сделали. Помогали вычищать котловины, снова ругались с местным «Белым лучом», восстанавливали Эквилибрис в восточной Австралии, когда Свет на десятки километров был уничтожен из-за особого типа сплитов, названных «собирающими».

Как-то компания выбралась вместе на долгожданный отдых. Стеф и Дан долго спорили, куда податься: один ненавидел жару, другой – холод. Макс было все равно. Потому выбирала Фри. Тогда уже началась осень, тепло отступало, а они оказались на берегу Балтийского моря. Серый пляж, пустынный и огромный. И плотный хвойный лес, нерушимой стеной смотревший на волны. Те с силой накатывали и шипели; вода никогда не бывала в спокойствии. Фри с радостью наблюдала за морем каждый день по несколько часов – сидя на песке или на складном стуле. Просто глядела, как по утрам золотые лучи солнца прорывали тучи и скользили по морской глади. И этот соляной запах холодного моря, вьедшийся в мир. Макс часто бывал

рядом, с восторгом ходил по кромке воды, не боясь до колен намочить штаны. Он признался Фри, что никогда не отдыхал в таком месте, оттого был действительно счастлив. Девушка так и не решилась рассказать ему, что в первые месяцы протекторства он уже брал отпуск ради отдыха неподалеку отсюда. Макс просто не помнил о том.

Стеф пару раз ворчал, что здесь совершенно нечего делать, и даже находил в местном городке людей, чтобы сыграть в карты на деньги, и в итоге все промотал. Но на деле активный отдых он не любил, потому просто дремал на веранде их гостевого домика, выходящего прямо к берегу. Или рисовал. Редко пейзажи, чаще архитектуру. Что до Дана, то Фри и не ждала, что он будет проводить с ними много времени, и все же была рада его видеть – из-за кучи ссылок она успела по нему соскучиться. Дан много гулял по лесу, как обычно, перебаривал какие-то собственные мысли. А к вечеру возвращался, когда они уже разводили костер. Протекторы травили ужасные анекдоты, которые все равно были смешными. Высмеивали Паскаля, Сириуса, даже Верховного. Совсем как простые люди. Фри хотелось в это верить. Хотя бы раз притвориться, что они всего лишь студенты, друзья, выбравшиеся на каникулы. И нет никаких чудищ или эквилибрумов, долга и охоты. А небо над ними – всего лишь недостижимое бархатное полотно, глядящее на них тысячами звездных глаз, а не место войны и разрушений.

Но реальность ворвалась в грезы стремительно. Когда наступил последний день отпуска, Фри встала раньше других. Она ждала восхода солнца, смотрела на светлевшее небо и вдыхала пробирающий морской воздух. Зайдя в ледяную воду по щиколотку, девушка почти сразу ощутила то самое гудение, которое впоследствии стало ее постоянным спутником. Вода замерла, волны успокоились. Так быстро, словно по команде. Фри во все глаза смотрела на ровную гладь, ничего не понимая. Даже ветер стих. А гудело все сильнее. Ей стало ясно: дело не в чем-то ином, а только в ней самой. Она лихорадочно глядела на всплывающих мертвых рыб. Затем погода вернулась в норму, а море всё вымывало к ногам Фри серебристые трупы.

Сначала это были лишь успешные манипуляции: они пока еще срабатывали не каждый раз, зато какой сильный эффект давали! Фри смогла использовать оружие вроде пистолетов, но с непривычки не

прибегала к ним. А реальность вокруг нее начала меняться, и все сложнее получалось скрываться. Цветы вяли, стены трескались, столбы могли согнуться, а пожухлая листва – вновь зазеленеть. Вода в лужах кипела, зал с открытыми окнами поглощала беспросветная слепая темнота, а однажды иней покрыл всю комнату Фри при пробуждении.

Вот так она жила в последнее время: в постоянном страхе, что кто-то заметит эти странные силы. Глупая неумелая девочка, которая так и не научилась манипулировать Вселенной – и теперь меняла ее против своей воли. Фри даже не чувствовала, что тратит на это эфир. Другие могли ослабеть от запуска больших манипуляций, выпасть из строя на день-два. Но не она. И это пугало Фри еще больше.

Она страшилась своих сил. В ее голове все еще скользили мертвые рыбы. Кто знает, ограничатся ли ее способности лишь этим? Фри ничего не ведала о них и никак не могла совладать с ними. Девушка волновалась за всех, кто ее окружал, а не только за себя.

– *Да уж, да уж...* – услышала она разочарованные вздохи Павла. – *С этим нам придется поработать...*

Он в замешательстве смотрел на нарисованную Фри манипуляцию и тер затылок, раздумывая над возникшей перед ним проблемой.

А она была проста: его ученица, избранный протектор, не могла манипулировать Вселенной.

Фри наблюдала за этим словно со стороны: она видела вечерний пустой пирс, волны рокочущей реки и лес, шумевший по ту сторону. Павел совсем недавно лишился второго глаза, хотя уже смирился, был, как всегда, весел и снисходителен ко всему. А вот Фри – та, из прошлого, стриженная под каре – сидела на низкой каменной ограде и с убийственным непониманием глядела на идеально начертанную манипуляцию. Уже тогда она начала понимать, что с ней не совсем всё в порядке. Фри раз за разом призывала Свет, приказывала ему войти в реакцию с кровью в надписях, обращала все свои мысли на искажение материи, но ничего. Никогда не получалось.

Павел шумно выдохнул и покачал головой, пытаясь показать ободряющую улыбку.

– *Что ж, неплохая попытка, а?* – неуверенно усмехнулся он и тут же напрягся, заметив слезы обиды на глазах Фри. – *Эй, а ну не вешай*

нос!

– В чем моя проблема? Я же стараюсь! Я делаю все правильно!
Павел потрепал ее по плечу.

– Приходится признать, что иногда, даже когда мы вкладываем тонны сил во что-то, ничего не выходит. Это просто зависит не от нас, и корить себя ни в коем случае не надо. Понимаешь? Ты делаешь такие огромные успехи с оружием, один твой самоубийственный финт с тем кандидатом вообще казался безумием, а ты так ловко с ним расправилась! Но ты не виновата, что твой эфир перенес такую травму. Это не твои ошибки, Фри. Поверь мне, я много ошибался и знаю, как личные проколы выглядят на самом деле. Я в этом непревзойденный мастер.

Фри шмыгнула носом и старательно утерла лицо рукавом.

– Они смотрят на меня как на уродца. Думают, что я бесполезная.

– С этим я бы поспорил.

– Но так и есть! Может, я всегда была такой, а? Когда вглядываюсь в зеркало, я не знаю, кто я такая, – призналась она и тут же прикусила язык. Сболтнула лишнего. Но Фри не смогла удержаться, настолько доверяла Павлу. – Я вижу незнакомку, себя из прошлого. Ту, которую Вселенная захотела стереть, понимаешь? А я не хочу быть слабой и ненужной, как она. Не хочу иметь с ней ничего общего.

Павел хмуро склонил голову набок.

– Если тебе это так важно, то поменяй в себе что-нибудь. Стиль одежды, например. Не знаю, волосы отрежь? Или покрась. Ты здесь среди своих, чувствуй себя свободно! И будь кем хочешь. – Он рассмеялся. – Тебе бы пошел фиолетовый.

На это Фри неуверенно улыбнулась. Какое странное предложение.

– Но если я никогда не смогу манипулировать? Или призывать оружие? Что я смогу сделать для общего дела?

– Ты сможешь сделать всё, на что способна. И даже больше и лучше остальных. Просто своим путем. Не убивайся так. Мы найдем для тебя другой способ.

Фри смотрела на эту сцену, и в груди разливалась теплота. Павел очень поддерживал ее на первых порах. Заставил тренироваться в ближнем бою, спуску не давал. Возможно, только благодаря его урокам она до сих пор жива. И, вопреки его прогнозам, Фри все же начала манипулировать. Непостоянно, тяжело, но она смогла.

Но эта травма, о которой говорил Павел, – та самая, уничтожившая ее память подчистую. Фри сконцентрировалась на ней изо всех сил. Цеплялась за ощущения и образы, ведь именно они вели к той самой заросшей трещине в ее душе.

– *Фри...* – вдруг зашелестело в мыслях. Прямо как при пробуждении после потери памяти. Странное глупое имя свободы, за которое она зацепилась, как за якорь. – *Фри...*

Хранители. Фри давно помнила их черно-белый образ, хоть и не могла связать его ни с чем увиденным. Но он ее пугал и вгонял в оцепенение. Почему? Этот вопрос она задавала себе так часто, что уже перестала обращать на него внимание. Пока эти два абсолютно одинаковых лица не вышли из тумана памяти, не собрались в четкий образ, хищно улыбающийся и пожирающий. Фри помнила ворота, старые образы черно-белых цепей, которые перекрывали темные каменные створки, не давая им открыться. И вот теперь ворота свободны, но всё еще закрыты. Фри же видела цепи в прошлое пребывание здесь, так куда они делись? И когда? Было ли их исчезновение причиной всех странных вещей, которые теперь с ней творились?

Она догадывалась об ответе. И вглядывалась в черно-белые глаза. Единственный осколок уничтоженной жизни.

Они смеялись

– *Пока что тебе лучше не привлекать к себе внимание, правда?* – спросил один из них.

– *Так будет безопаснее. Для тебя же. Ты ведь ничего еще не умеешь, не понимаешь,* – весело промурлыкал второй.

Что они сделали с ней? Зачем? Фри пыталась стать меньше, еще незаметнее, скрыться от всепроникающего взора. Каким же тяжелым он был!

– *Ты даже не представляешь, какие свершения тебя ждут.*

– *Мы проследим за этим.*

– *Мы проследим за всем,* – говорили они оба тогда в далеком прошлом. В обстановке, которую Фри никак не могла вспомнить.

Она крепко зажмурилась и закрыла уши руками, лишь бы отбиться от настойчивого звона. Но он превратился в их голос, насильно вдолбленный в голову.

– *А когда ты будешь готова – найди нас.*

- По ту сторону жизни.
- По ту сторону смерти.
- Мы будем посреди.
- Если осмелишься.
- Мы поможем.
- Вопросом.
- Ответом.
- Советом.

Хранители хохотали и проникали в темноту опущенных век. Их смех сотрясал мысли, само бытие, делая Фри еще крохотнее, мелкой пылинкой на их жизненном пути.

Все громче, громче.

Фри испуганно распахнула глаза, чувствуя, что ее сердце вот-вот треснет от напряжения, и с удивлением уставилась на шары света под потолком. Она тяжело вбирала в себя воздух, стараясь успокоиться, дергано переводила глаза с места на место, пока не увидела Нерман.

– А ты быстро, – констатировала та. – Нашла что искала?

Фри не хватило сил ей ответить. Девушка погребла к краю, быстро оделась, все еще путаясь в мыслях.

– Спасибо, – просипела она планетарше.

Нерман устало закрыла глаза и махнула рукой.

– Обращайся. Только предупреждай заранее. А теперь проваливайте оба.

Фри поспешила к выходу, с ее волос слетали светящиеся капли вещества. Она схватила задремавшего на диване Дана и потащила того к выходу. Он попрощался через плечо с Нерман и изумленно уставился на Фри. Оказавшись за воротами ограды, они остановились, и протекторша перевела дух. Мозги начали вставать на место, она обрабатывала новую информацию.

– Фри, прости, но мне нужно спросить, – произнес Дан, осторожно глядя на нее. – Ты пытаешься узнать про свое прошлое до протекторов?

– Да, – выдохнула она. – Да, именно.

– О! Думаешь, это полезно? Я не против, но мне так странно, ведь ты всегда заявляла, что не хочешь связываться с собой из той жизни.

– А я и не хочу.

Она хотела встретиться с кем-то другим, задать им вопросы. Теперь Фри была уверена в этом. Она не сошла с ума. Хранители существовали. И они ее ждали.

Глава XII

В глубинах горизонта

Зербраг уже десяток наомов вспоминал последнюю встречу с Алеей Памятной ат Рух. Да, он не любил магно-генумы. Но к Рух испытывал некое подобие уважения и даже почтения. Алеа – невысокая эквilibriumша, но изящная и статная, строгая в каждом своем проявлении, с завязанными в аккуратный пучок белыми волосами. На лбу запечатлен черный глаз, от которого отходили две линии, тянущиеся вниз через настоящие глаза. Рух были главным генумом в префектуре Шталь, основателями учения Горизонтных путей об изучении вариаций времени и судьбы, адептами которого являлись многие жители префектуры.

Этот генум давал самые ясные сведения о неизменном, но таком расплывчатом будущем.

– Временной горизонт – это не инфора, которую можно прочитать, – твердо напоминала Алеа каждый раз, когда Зербраг просил большего. – Это бурная река, по которой тебя несет. Жизнь в целом – неупорядоченный хаос, и ты имеешь глупость требовать иного от будущего?

Если бы хоть кто-то мог слаженно ведать о будущем, возможно, Войну удалось бы закончить еще десяток эр назад.

– Атлас Горизонтов было возможно прочесть, – парировал Зербраг.

– Атлас Горизонтов растворился в вечности, как и всякое древнее наследие, став легендой. Но ты можешь попробовать отыскать его в одном из своих следующих безумных походов.

В тот раз, как и всякий до этого, Алеа раскладывала армиллярные карты из толстой колоды. Сами по себе карты не предсказывали будущее, просто были одним из многочисленных способов концентрации для сказителей временного горизонта. Впрочем, ничего не могло быть предсказано точно. Разглядеть конкретные события в слоях мелких вероятностей не мог никто. Образы, отголоски, секунды ясности – ничего более. Чем лучше сказитель, тем точнее и объемнее его интерпретация увиденного. Да, горизонт будущего был един,

будущее – фаталистично предрешиено, но лишь по той причине, что в нем обитали малые и большие вероятности. Время шло, мчалось вперед разрушительной стихией, и развернуть его в другом направлении могли лишь те самые малые вероятности на изломах судьбы. Зербраг полагал, что знание о них порой меняло ход истории. Только сильные души могли отбирать право на волю у фатума. А в генуме Рух рождались одни из лучших сказителей, способные рассказать ему о самых незаметных из троп грядущего.

Зербраг вытягивал карты с плавно двигающимися иллюстрациями, а Юферия стояла в тени, запоминая каждое изреченное Алеей слово. Последней картой, упавшей на стол, был «Щит» – центурион вскидывал его к пылающему небу.

Как и всегда, Алеа сообщила немного. Зербраг не знал, правда ли ее видения были столь скудны, или же Рух имели правило не разглашать судьбоносные события, которые можно изменить, заведомо зная о них. Алеа сказала, что Антарес его ослабит, сошлет как можно дальше от Люксоруса. Но сопротивляться этому не стоит. Если он проведет там достаточно долго времени, то найдет ключ к своим вопросам.

– Вы всегда столь трепетно относитесь к предсказаниям, – сказала ему Юферия, когда они вернулись в дом Зербрага после собрания Паладинов. – Но ведь сами всегда говорите, что временной горизонт – опасная вещь.

– Опасная в руках дураков и дилетантов, которые неправильно трактуют увиденное. Но не Рух.

– Это все равно скорее смотрится как способ успокоения.

– Даже если и так. Свою судьбу я по-прежнему вершу сам.

Они спустились в подвал поместья. Путь туда шел через транзитный круг, спрятанный манипуляциями. На другой стороне они услышали крики, градом отражавшиеся от каменных стен.

Зербраг медленно прошествовал в отдаленное мрачное помещение, с ровным сердцем осматривая залитый серебром пол.

– Сколько это уже длится?

– Четыре зома, луц^[6], – отозвался сидящий на стуле Шелтур Надлом ат Белзирак. Оранжевый спектр, одетый в темную робу, с недовольством глядящий на скованную звезду. – Прошу прощения, мы не думали, что все так затянется.

– Может, нам использовать зеркальную темницу? – спросил Тэт, белая комета. – Все-таки это действеннее. И чище.

– Нет, – отрезал Зербраг, подходя ближе, пачкая длинную накидку в крови. – Темница страшнее, но вы не сможете ее контролировать.

В помещении было холодно, стены покрывал иней. Пусто и тихо, лишь тягостное дыхание плененной звезды желтого спектра. Возможно, она была красивой. Когда-то. Но не после того, как над ней поработал Шелтур. Не после того, как Тэт быстро восстановил ее ткани, из-за чего они срастались неправильно и уродливо.

Шелтур щелкнул пальцами. Правое запястье взорвалось, кровь и ошметки мелкой пылью разлетелись во все стороны. Звезда снова надрывно закричала, голос ее уже заметно охрип. Пока она стонала, пытаясь прийти в себя, Тэт призывал все свои кометные способности, вновь создавая руку. Для правильного восстановления требовалось несколько цеберов, но никак не пара секунд. Вперед тянулись кости, увлекая за собой мышцы и кожу. Кисть была пятнистой, изуродованной, с неправильным количеством и расположением пальцев, длинными изогнутыми суставами, словно бы переломанными в куче мест. Остальные конечности звезды смотрелись не лучше.

– Поразительно, – промолвил Зербраг, наклоняясь к ней. – Шелтур – образцовый воин пыточного отряда восьмого легиона. Он быстрее склонял к сотрудничеству грязь намного сильнее тебя. – Она подняла единственный незаплавленный глаз, полный ненависти, на что Паладин холодно прищурился. – У меня нет к тебе сантиментов, ты сама избрала свой путь, раз стала главным комендантом «Белого луча» на Терре. Я милостив к душам, преданным Армии Света, если они исполняют свой долг как надо. Тараре Дикая Пропась, может, ты хотя бы сейчас ей послужишь? Попытаешься искупить свои грехи перед всеми нами? Мне нужны лишь подробности произошедшего с Антаресом на Терре.

– Даже Обливиону от тебя нечего будет взять, – прохрипела она, сплевывая кровь прямо ему в лицо. – Души в тебе давно не осталось...

Спокойно утерев рукавом серебряные брызги, он отошел. Шелтур на всякий случай взорвал ей предплечье.

– Луц, я так понимаю, вам надо поскорее? – уклончиво спросил он под яростные вопли. – Мы тут, похоже, можем до следующего праздника Этерниады сидеть. Не знаю, как их закаляет «Белый луч»,

но прошлый выходец оттуда предпочитал откусывать себе язык раз за разом. Похоже, Мастерица Душ действительно пугает их больше, чем мы!

Зербраг помрачнел. Тараре продолжала сверлить его глазом, словно могла убить лишь этим. В тишине он слышал, как кровь капала в лужу, напоминая бой военного марша.

– Тогда зеркальная темница.

– Ну наконец-то, – облегченно выдохнул Тэт, запрокидывая голову к потолку.

Зербраг отвернулся и направился к выходу.

– Мне не так важен срок. Я отбываю в предельную префектуру и, когда вернусь, не имею представления. Возможно, это займет эллары, может, целые талидоны, кто знает? А может, и вообще не вернусь^[7] – в сложившихся обстоятельствах. Пока что держите ее там. Надеюсь, это не сломает ее до конца.

– Стой, нет! – иступленно воскликнула Тараре. – Не надо!

Снова хлопок разорванной плоти и ее крик.

– Протектор! Он жив!

Зербраг замер.

– Официальное заявление Антареса Непогасимого гласило: приземленный монструм умер после разделения душ.

– Нет... – простонала Тараре, едва сдерживая слезы. Ее трясло. Тэт старательно залечивал ступню. – Люм-мен-про-про-протектор. Его зовут Максимус Луцем. Он жив. Поллукс говорил мне об этом.

– С чего я должен тебе верить?

– Это правда! Спросите у Поллукса! Он б-был там! Это он хранил осколок Антареса! Он вам все рас-скажет!

– Луц? – прервала недолгую тишину Юферия.

Зербраг продолжал напряженно думать.

– Избавьтесь от нее, – бросил он, уходя. – Отправьте по дальнейшему пути. Она послужила Свету.

Шелтур только пожал плечами, вынимая кинжал из мрачного золота и иглу для отсечения эфирного сердца.

Глава XIII

Посредственный и неполноценный

– Слушай, звездный мальчик, – вкрадчиво начала Ламия. – Правильно ли я понимаю, что ты утратил последнюю клетку головного мозга, решив пойти к падшим?

– Но ведь без этого мы бы не получили сведений, – парировал я. – Да и когда это ты стала голосом разума?

– Туше.

Она копалась в записях, нахмутив лоб. Мы находились в ее комнате вместе с Даном и Стефаном, которого сутки назад выпустили из Лазарета. И если Волк терпеливо восседал в кресле, потягивая чай, то Стеф нервно ходил туда-сюда, с трудом минуя завалы бумаг. Он достал пачку сигарет.

– Здесь курить нельзя, – буркнула Ламия, даже не оборачиваясь.

Он нехотя ее послушался, и ворчания переросли в вопрос:

– Так ты сможешь эту фиговину перевести?

– А у меня есть выбор? – Она наконец посмотрела на него с явным вызовом. – Конечно же, нет, поэтому придется.

– Быстро?

– Охлади пыл, – посоветовал ему Дан, вальяжно отпивая из чашки. – Если Шакара захотела что-то утаить, то так просто шифр мы не взломаем. С одной стороны, может, оно и к лучшему? Хотим ли мы этого касаться?

– Ты совсем наглухо отбитый? – резко ответил Стеф. – У нас тут, как выяснилось, бегают падший со свистящей флягой и крошит людей. Расщепляет гребаное пространство! И ты не хочешь искать информацию о том, что с ним происходит?

– Я просто считаю, что к любому взаимодействию с падшими необходимо относиться с максимальной настороженностью. Она вообще никогда не помешает.

Я оперся рукой о рабочий стол Ламии и со скепсисом сказал:

– Дан, помнишь, как ты вломился к ним без всякого плана, просто так, на чистом энтузиазме, – и застрял?

– Но ведь с максимальной настороженностью!

– Кстати да, было дело, – сказал Стефан, кивая. – Так что завались. На тебя наложен мораторий по решению проблем с падшими после того случая.

– Почему это?

– Потому что рожу твою оттуда доставали с адским геморроем!

– Будьте добры заткнуться! – воскликнула Ламия, хлопнув рукой по бумагам. – Или выйдите с глаз долой, во имя всего светлого! Отвлекаете!

– Прошу прощения, – ответил Дан. – Я просто и вел к тому, что добра от падших ждать никогда не стоит. Скорее всего, Шакара и сейчас пытается нами манипулировать и...

Меня пробрало до мурашек.

«Монстр, монстр...»

– Нет, – решительно заявил я, отходя к окну. Из приоткрытой двери едва надувало свежим воздухом. – Ты ее не видел. Похоже... С ней полностью покончено.

– С чего ты решил? Она чрезвычайно умна, и, возможно, в ней даже присутствуют театральные таланты. Кто знает, что на этот раз ей...

– Дан, у нее крыша поехала! Грей ей душу выпотрошил, понимаешь? Чертовой Шакаре. Той самой, которая тут всех столетиями запугивала. Самой умной избраннице звезд. Даже она не смогла себя уберечь от него, а теперь этот монстр ходит по Земле и уничтожает людей! Не знаю, как ты, а я хочу понять, что с ним происходит. И как его убить.

Я глубоко вздохнул, вспомнив, что остальные протекторы сейчас рыли вообще не в том направлении. Мы так решили – не говорить им о падших и Грее, пока не обнаружим в документах полезной информации. Паскаль... да даже Коул могли среагировать на контакт с предателями остро, а лишние разбирательства тратили наше и без того малое время.

– А что остальные? Нашли что-нибудь?

– Отряды проверили все отмеченные Рамоной места. – Дан раздраженно свел брови и постукивал пальцами по подлокотнику. – Она не врала. Везде аннигилированные кратеры.

– Тебя это не радует, – отметил Стефан. – Хотел, чтобы всё оказалось враками?

– Я просто не слишком ей доверяю. Но это мое право, к делу никак не относящееся. – Он помолчал. – Протекторы сейчас собирают данные со всех установленных Рамоной мест. Саму ее не пригласили подключиться к расследованию. Коул тоже ей не слишком доверяет, да она и не расстроилась. А еще они... как бы это сказать... Думают, как всё преподнести Сириусу.

– А в чем затруднение? – удивилась Ламия. – Просто идем и говорим как есть.

Тут я и Дан нервно рассмеялись.

– Нет, – закачал головой я.

– Совершенно нет, – подтвердил он.

– Он на говно изойдет, если хоть что-то выйдет за пределы его идеальной картины мира, – кивнул Стеф. – На такое недетское говно, скажем прямо. Если идти к Сириусу с паршивыми новостями, то нужны железобетонные факты, чтобы он начал с нами сотрудничать. А то скажет, что мы и сами в этом можем разобраться без великой и священной помощи со стороны звезд. И это так он воспринимает свои чертовы подсказки.

– Короче, все выйдет как год назад. – Я сложил руки на груди, подпирая спиной стенку. – Когда на нас свалилась пара темных планетаров, собиравших души для манипуляций, а Сириус был уверен, что мы плохо работаем, и мы позволили сплитам совсем распоясаться.

– А, ну если так, – неуверенно протянула она. – Да, не хотелось бы, чтобы, как тогда, погибли десятков адъютантов...

– У нас уже пять тысяч человеческих душ отошли в мир иной, а то и хуже. Потому давайте решать проблемы, пока их не стало больше. Что ты в итоге можешь сказать по бумагам?

– Смогу перевести. Падшие достали верные ключи к расшифровке, мне лишь нужен словарь с языком префектуры Саргара, Шакара частично использовала его.

– Успеешь за две недели?

– Две? Макс, тут работы – целый поезд и тележка.

– Но ты мне смогла за пару часов душу переселить в другое тело и обратно, а с переводом не выйдет даже за такое время?

– Душу я пересаживала, основываясь на теориях эквилибрумов, у них эти операции описаны! А здесь нечто совершенно новое, работа с огромными объемами информации! Практики у меня мало. Спрошу

помощи у Козерога, вдруг она со своим техотделом сможет что-то придумать...

– Не нужно тревожить Кимико. – Дан поднялся с места и поправил пиджак. – Я помогу. Мне уже доводилось иметь дело с кучей переводов еще при земной жизни. Иностранные языки, тем более заоблачные, – та еще скука и морока, но кто сделает эту работу лучше меня?

– Да кто угодно, – пренебрежительно буркнул Стефан, оказавшись рядом со мной.

– Не будь таким скептиком, Стефано, – улыбнулся ему Волк. – Мне не нравится мысль работать с информацией от падших, но хоть пригляжу за происходящим. Потому что в случае провала нам без эквилибрумов разобраться не удастся. А заоблачное панство вряд ли будет в восторге от того, что мы опять заставляем их вмешиваться в наши дела. Еще сочтут нас проблемными, кому это надо? То Антарес, то уничтожающий пространство фрик.

– Ладно, оставайся и помогай, только хватит помпезничать, – покривилась Ламия и махнула мне. – Я через пару дней приду к тебе с первыми отрывками перевода. А пока проваливайте.

Спускаясь по лестнице, Стефан задержался.

– Ты видел ее душу? Шакары.

Я неуверенно кивнул пару раз.

– Она вдребезги. Чем бы Грей ни стал, он свел ее с ума основательно.

Неожиданно Стефан усмехнулся.

– Ну хоть одной проблемой меньше. Она была их главарем, защищала, создала базы. Без Шакары остальные падшие – ничто. Они переругаются, разбегутся и попадутся нам. Их вместе больше ничего не удержит. Понимаешь это? Черт побери, да это же конец эпохи. Нам больше не нужно думать о падших! Никаких подлянок от них! Надо отпраздновать.

Падшие убивали протекторов – из самозащиты или по одним им ведомым гнусным причинам. Долго укрываться в одиночку они не могли и лишь вместе с остальными были реальной силой и угрозой нам, пускай и в таком смехотворном количестве. И всем заправляла она – Шакара. Та, чье упоминание вызывало озноб не только у меня, но и у всякого иного протектора. Ученая, давно потерявшая берега в

своих опытах над Светом и Тьмой. Ее процедуры вышли за грани человечности. Она являлась гением, сомнений нет. По сути, остальные падшие не были ей так жизненно необходимы, как она им. Для нее другие представлялись рабочими пчелами, они выполняли ее поручения, она же своим умом и навыками обеспечивала им защиту от нас. Так и работал симбиоз падших. Не думаю, что протекторы были страшны самой Шакаре, и вряд ли она видела нас иначе, кроме как подопытных кроликах. Я и сам оказался таким же для нее, воспоминание не из лучших, до сих пор внутренности скручивало. Если бы не Дан, эта ведьма из меня все соки б выжала. Он пришел вовремя, спас, за что я был ему по гроб жизни благодарен.

Я осознал, что Стеф был прав. Все закончилось. По крайней мере, будет не так страшно.

И все же...

– Думаешь это хорошее время для такого?

– Конечно. Мир горит в огне. Когда, если не сейчас?

– Но ведь это все как-то... – Я все не мог подобрать подходящего слова, чтобы выразить свои сомнения.

– Что?

– Слишком просто. Шакара. Она выбыла из строя так легко, хотя была протекторам страшнейшим врагом тысячелетиями. Такое чувство, что и разделаться с ней обязаны были мы. А она просто... исчезла.

Стефан, казалось, понял, о чем я, и даже помрачнел.

– Возможно. Но если Шакара пала так легко, то лучше озаботиться тем, что оказалось сильнее нее.

* * *

Ржаное поле. Я уверенно шел по нему, даже не обращая внимания на трещины под ногами. Они паутиной испещряли землю, откалывая от нее мелкие куски, унося их прочь в ярчайшую бесконечность.

Впереди маяк. Он еще не начал разваливаться, лишь мелкие части пылью утекали в небо. Черная клякса на фоне полных света небес. В этот раз – никакого плача или криков о помощи.

Зато наконец появился ее образ.

Нечеткий, мерцающий и будто ускользающий во все стороны разом. Но это была Сара. У меня перехватило дыхание, я остановился. Вокруг стоял гул.

Она смотрела на меня абсолютно пустыми глазами.

– Оно идет, – сказала она. – Совсем близко, я чувствую.

– Я помогу, – в сердцах пообещал я. – Продержись еще немного, я найду путь к тебе!

– Поторопись... Пожалуйста, времени так мало. Оно здесь. Оно ищет.

И тогда бесконечность уставилась на меня огромным зеленым глазом, кажущимся планетой, застилавшей половину небес. Моя душа сотрясалась и была готова треснуть на части. Безотрывный и пристальный взгляд самого мироздания. И Сара. Совсем одна под ним.

– Максимум! – донесся до меня ее угасающий крик.

Он перерос в громкие щелчки.

– *Максимум!*

Сириус строго глядел на меня со своего места. Я снова отвлекся.

На редких уроках, которые он сам назначал, когда ему вздумается, я должен был полностью сосредотачиваться на его словах. Потому что эквилибрум скорчил недовольную гримасу, заметив, что я ушел в свои мысли, и в который раз позерски щелкнул пальцами.

– Побольше вовлеченности, – приказал он.

Выносить его самодовольную рожу было делом непростым, но я промолчал и угрюмо уставился в ответ. После очередного задания поспал немного – всего сутки. Оттого снова чувствовал себя помятым и жаждущим закинуться десятком кружек кофе. Последний сон с Сарой не давал покоя. Мне требовалось его обдумать и как можно скорее решить, что делать, а не сидеть тут, на очередном бесполезном занятии.

Мы встречались в кабинете посла, под блеском и тиком всяких заоблачных инструментов, громоздившихся на полках вместе с инфорами. И расположились на двух мягких кушетках друг напротив друга. Сириус избавился от плаща, сидел по-турецки с настолько прямой спиной, что мой позвоночник болел при взгляде на него. Я был вынужден принять почти то же положение, только более искривленное, подперев голову кулаком. А еще по правилам нужно

было снять звезду-подвеску. Я обязался быть настоящим на встречах с ним, без всяких сокрытий.

Сириус смиренно вздохнул, оглядывая меня, и будто только ради галочки спросил:

– Тебя что-то беспокоит?

Я хотел отмахнуться, но помедлил.

– Есть ли мир... какая-то часть реальности, в которой души могут застрять?

– Ты о дальнейшем пути? Это сложный вопрос, ведь существует одна главенствующая теория, что дальнейший путь – место неопределенное и полностью сокрытое от нас. Даже величайшие умы Анимериума, как, например, светлейшие Белерик Ясноликий или Гвимаэра Одухотворенная, не могли постичь...

– Нет, я не про смерть. – Я поспешил оборвать его вдохновенные рассказы на корню. – Скорее, про ситуацию, когда тело все еще живо, но душа отдаляется от него просто так. Как будто ее где-то удерживают.

Сириус пытливо уставился на меня, склоняя голову к плечу.

– Ты ведь не просто так интересуешься? Тебя беспокоит та протекторша. Сира?

– Сара.

– Точно? Возможно, ты ошибаешься? Я был уверен, что...

– Точно, – бросил я.

– Что ж... В таком случае что же я могу тебе сказать? Ее обследовали даже лекари-эквивилбрумы, которые постоянно имеют дело с духовными недугами. И все равно ничего не нашли. Так что не в этом проблема. Возможно, ей просто нужно восстановить силы.

– Нет. Она их теряет. Просто уходит куда-то. Я... я видел это, Сириус. Она зовет меня на помощь.

– Зовет? – с неверием усмехнулся он. – И как же?

– Во сне. Я слышу ее душу.

– Думаю, тебя просто терзают кошмары от беспокойства за подругу. И тебе кажется, что ты можешь помочь. Но ей поможет только время. Я уверен в этом. В конце концов, Си... – заоблачник наткнулся на мой предостерегающий взгляд, – Сара не первая и не последняя, кто впадает в долгий сон от различных травм.

– И многим из них травмы наносил Гортрас? Сверхопасный, едва ли не темный бог.

Сириуса резко перекосило. Он натянул кислую улыбку.

– Не будем о нем, если ты не против. Ты же не против? И снова: даже Тьма не может выбросить душу за пределы реальности. Не волнуйся.

Я дернулся от его слов. Сириус только что косвенно признал, что эти самые «пределы» существовали. Он что-то недоговаривал.

– Там хаос, – продолжил давить я. – Полное месиво света в небесах. И тысячи путей. Космос залит красками, и ее душа потеряна там. Она разрушается, это не ее мир...

– Довольно! – сердито оборвал он, удивив меня. Его глаза слегка озарились. – Хватит говорить о глупостях. Доверься лекарям и не смей строить даже предположений.

– А что? Это запрещено?

– Нет. Это глупо и неосмотрительно. – Обождав несколько секунд, Сириус все же закрыл глаза и смягчился. – Я передам твои догадки куда следует. Возможно, с этими сведениями лекари взглянут на ее случай по-другому.

Я стиснул зубы. Этого все равно было мало. Так чертовски мало.

– А теперь оставим это, – миролюбиво улыбнулся Сириус. – И продолжим урок.

Мои попытки задать другие вопросы он проигнорировал.

– Итак, – вымолвил заоблачник, смерив меня надменным взглядом. – Вернемся к теории. Ты уже знаешь о главных потоках эфира в телах звезд и протекторов и чем они различаются. Главные точки высвобождения Света мы тоже изучили...

– Да, – буркнул я, оборвав его, – и состояния, и отличие звезд от людей, и связь крови с эфиром, и все в таком духе. Когда мы уже дойдем до хоть какой-то практики?

– Ты всегда спешишь вперед, не понимая, что до цели не добраться, пока верное время само не снизойдет до тебя.

– У меня нет времени.

– О, странно, а наш рабочий план говорит, что есть, – сказал Сириус, указывая на свой энерглас. – Тут все расписано на целые эллы вперед.

– Да в Обливион план. Уже полтора года я в таком состоянии. И до сих пор не умею управлять своими силами.

– Именно для этого мы теорию и учим.

– Я и без тебя ее знаю! Это же самые основы! В чем смысл прогонять их раз за разом, когда я не могу создать ни оружия, ни квинтэссенции?

– Мне кажется, ты сам ответил на свой вопрос. Раз ты такой умный и знаешь всю теорию, то почему до сих пор не смог создать квинтэссенции? – Сириус сделал глубокий вдох. – Позволь мне напомнить тебе, что это такое.

– Не надо... – вздрогнул я, но было уже поздно.

– Душа – пустой сосуд, пока ты не начнешь заполнять ее воспоминаниями, – заговорил он гордым менторским тоном. – Образы, запахи, звуки, эмоции. Чем ярче, тем они сильнее. Собираясь в душе, воспоминания создают эфир. Каждое воспоминание производит разное количество энергии, потому так важно быть в духовном равновесии с собой и искать мощные чувства в реальности. Ведь это сделает тебя более сильным и полезным для самого Света. Когда ты подобрал в себя достаточно памяти об окружающем мире, то можешь на него влиять, искажать саму Вселенную манипуляциями или другими способами. При квинтэссенции душа прорывается в зримый мир. Естественно, слабые души не могут влиять на Вселенную. Воспоминания создают эфир, а он преобразует реальность. И чем сильнее ты духовно, тем больше твоя квинтэссенция и тем более огромны и влиятельны твои манипуляции.

Меня корежило от его трепки, ведь я всё уже знал. А Сириус принимал меня за дурачка. Но все же один вопрос мне захотелось задать.

– Тогда почему те же звезды не равны по силе? Ведь порой белый спектр может быть сильнее красного.

– Спектр – личная шкала силы. У каждого резерв свой. Души ограничены по количеству созидания энергии. Иначе – Коллапс. О нем мы поговорим однажды. Как и об искусственных способах укрепления души, чтобы она могла дольше копить объемные воспоминания. Сейчас я не хочу слишком глубоко уходить в анималогию и стэллогию, тебе еще рано.

Я ничего не ответил, только задумчиво водил пальцем по ворсу кушетки. Сириус что-то вдохновенно щебетал на фоне, а меня вновь начали душить старые вопросы.

– Тогда Антарес – это отклонение или исключение? – спросил я, перебивая заоблачника.

Тот запнулся и уставился на меня, даже не сразу подобрал слова.

– Что, прости? Как так можно рассуждать о светлейшем лице...

– Говорят, что его силы нетипичные. Что даже душа звезды не может выдерживать столько вырабатываемого эфира. Ее должно было разорвать. Антарес давным-давно был обязан пройти через Коллапс и перестать контролировать силы.

– Ты слишком юн, чтобы рассуждать о таком, – ответил он, проигнорировав мое недовольство от замечания. – Враги лица Антареса могут говорить и придумывать всё что угодно, дискредитирующее его образ. Но он – наш светоч и спаситель. Раньше бывали герои, наиболее близкие к Свету, которые приближались к Антаресу в силе, – те же светлейшие Верховные прошлого. Но сейчас – никого. Да, его душа воистину уникальна, на данный момент никто не способен создавать столько Света и влиять на Вселенную так заметно, как он. Антарес отстоял Люксорус, вернул Армии уверенность после того, как Верховный Нест Хрупкий едва не довел нас до нового Раскола Света. Мы верим в Антареса. У Вселенной для каждого имеется план.

– А по-вашему, ставить сильнейшего во главе целого Света – верное решение? Личные качества кандидата редко учитываются.

И снова Сириус посмотрел на меня как на наивного, недалекого ребенка.

– Это лучший гарант правителя. В конце концов каждая форма правления приходит к этому. Армии избрали такую судьбу путем проб и ошибок, прошедших через целые Генезисы и магнориумы.

– И некоторые Верховные своей силой вели Армии к краху, – заметил я. – Как, например, темный Верховный Касланум Палач, перерезавший своих же Паладинов из недоверия.

– А чего еще ждать от темных? Они ужасны и настоящие варвары!

– А как же Тарт Расколота, Верховная Света?

– Ни одна система не идеальна, – парировал Сириус. – Сила, духовная сила – самый правильный путь. Душа, повидавшая так много

от мира и прочувствовавшая его всем своим нутром. В самом начале, при эре Зарождения и эре Рабства, Свет жил монархией, где титул правителя передавался по генуму Прима – прямым потомкам Баэрдоды Путеводного. Она выдержала всего девяносто шесть Верховных, пока династия не измельчала душой, подведя нас к первому Великому Расколу Света, наступившему сразу после эры Рабства. Когда Заэстус Алый Ветер ат Прима героически погиб в сражении с темными, только-только обретшими свободу, он оставил лишь юного наследника. Первый паладин Байро Разящий устроил переворот и стал Верховным. Он был сильнейшим на тот момент, а еще оказался великолепным воином и политиком. Именно ему пришлось держать всю систему стальной хваткой, отсекая конкурентов. Первый Великий Раскол было уже не остановить, но кровью и серебром он сохранил ядро Света среди разобщенных, расколотых префектур.

– Но это же тирания, – нахмурился я.

– Да, и это плохо. Но после бунта темных и их освобождения Свет раскололся на множество мелких областей со своими правительствами. Кому-то нужно было исправить это любыми способами. А потом Армия распадалась еще семь раз за всю историю, и каждый из них приносил хаос и Тьму. Баланс процветания и упадка. Армия Света крошилась и после правления Тарт Расколотой, когда ее дети дрались за власть, и после гибели всех Паладинов при эре Золота и Серебра. Монархия возвращалась при династиях генумов Левераль, Вермор, Орманстрад, Беульто, Джиззе, Хетедендис и Эш. Верховные отменялись на некоторое время, выдвигалась система общего Совета паладинов или даже целого Магистрата. И в конце концов решением всех проблем в самые критичные моменты оказывалась сильнейшая звезда. Символ, сплочающий Армию. История циклична, поэтому мы всегда возвращаемся к Верховным, меняющим мир вокруг себя по желанию, от силы которых дрожит сама материя Вселенной. Префекты и Имперумы вместе со своим Советом следят за их префектурами. Паладины – главные заместители Верховного, в основном властвующие над сражениями, но и в других сферах их мнение будет важнее слов простых магиструмов. А Магистрат выносит законодательные решения и может блокировать указы Верховного, если большая их часть окажется против. Мы учимся на ошибках и имеем подстраховку даже в таких моментах. Но все равно Верховный

– избранный Светом. Он – начало и конец, рассекающий Тьму луч, светоч каждого из наших путей. Мы обязаны идти за ним.

Я непонимающе закачал головой.

– Все говорит о том, что Свет приводит всех на те места, где мы будем наиболее ему полезны.

– Это так, – согласился Сириус.

– А что, если Верховный начнет вредить своей же Армии? Даже убивать? Это ведь случилось с Антаресом, когда он при Апогее сгубил свое войско. Из-за этого о нем пошли споры. Но что, если все происходит не случайно, как при Антаресе, а специально? Даже подстраховка в виде Магистрата не панацея. Такое ведь уже случилось и с другими Верховными.

Улыбка звезды стала холоднее.

– Тогда это значит, что Свет от них отвернулся.

Сразу за этим Сириус наконец обратил внимание, в каком скверном расположении духа я находился, и сделал из этого свои выводы.

– Всепроникающий Свет, я снова абсолютно бестактен, – выдал он, прикрывая глаза ладонью. – Максимус, надеюсь, ты понимаешь, что хоть эфир и передается по наследству, но быть столь же великим и сильным, как луц Антарес, ты никогда не сможешь. Скажу честно, и тебе нужно принять это: твоя полуприземленная природа делает тебя посредственным по способностям. Ты даже не имеешь полноценного эфирного сердца для порождения хоть сколько-то весомых запасов светозарного огня...

– Что? – Я отстранился, ушам не веря. – Ты что вообще несешь?

– Ты никогда не будешь полноценным. И не станешь частью нашего мира. Хотя признаюсь, частью приземленного всецело тебе тоже не быть. И тебе сразу нужно это осознать. Лишь приняв свою природу, ты сможешь хоть сколько-то сосуществовать в мире с собой.

Уши заложило, остался настойчивый звон. Я глядел сквозь Сириуса, при этом чувствуя, как внутри что-то рвется. Я сам рвался и раскалывался. Как и всякий раз с тех пор, как очнулся в подворотне с Антаресом в душе.

Неполноценный. Больше никогда.

Не человек и не звезда. Просто никто. Уродство. У меня даже не было шанса найти свое место, стать кем-то, – зачем я вообще

волновался? Все было предрешено еще при моем рождении. А возможно, и задолго до. Я чувствовал себя многократно перетертым огромными жерновами и выплюнутым куда-то подальше, довольствующимся тем фактом, что меня вообще оставили в живых.

Я не мог открыться протекторам. Не мог получить одобрения от звезд, натываясь лишь на их ледяной серебряный взор. В конце концов, даже Антарес – даже он, тот, кто сделал меня таким, – скрылся. Был где-то там, в своем мире, поручив меня здесь на попечение мелким подданным. Слово я никак с ним не связан.

Бросил меня. Снова.

Совершенно один и ни на кого не похожий в целой чертовой Вселенной. Я не мог помочь Саре и другим. Ведь не был способен помочь даже себе.

– Максимус, – натянуто донеслось от Сириуса.

Вздвогнув, я только сейчас заметил, что вены в сжатых от злобы кулаках светились. Казалось, что еще немного – и с них сорвутся мелкие искры и даже пламя.

– Успокойся, – приказал заоблачник и помрачнел. – Иначе...

Внутри меня раздался треск.

– А иначе что? – сорвался я. – Накажешь меня? Отправишь в ссылку?

Я вскочил, продолжая распалиться. Впервые не хотелось успокаиваться, мне нравилось это чувство: как огонь бежит по венам, наполняя мышцы и кровь, иглами продирая сознание, обостряя каждое чувство.

– Это я, такой, какой есть! Ты пытаешься закрыть глаза на это, но я хренов заоблачник на целых пятьдесят процентов! И мне с этим нужно как-то жить. Я не могу запихнуть это подальше просто потому, что тебе так хочется, мать твою! Оно рвется из меня. Каждый день! Я не могу это скрывать, потому что ты не учишь *как!* Ты вообще ничего не делаешь, только треплешься и треплешься! И никак не можешь услышать, что с меня хватит! Я не могу так больше! Я...

– Прекращай! В последний раз предупреждаю.

– Нет! Ты...

Я получил удар под дых, едва договорив последнее слово. Казалось, легкие прилипли к позвоночнику, выбив весь кислород и душу. Меня отбросило к стене, где я и сполз на пол, натужно силясь

сделать вдох и кашляя. Сквозь пелену виднелись голубые вихри светозарного огня, окружившие руки эквилибрума.

– Практики хочешь, значит? – угрожающе произнес он.

Сириус вышвырнул меня в помещение перед кабинетом, и, прежде чем я успел встать, он схватил меня за куртку и притянул лицом к себе. Никогда не видел его таким, с ледяной яростью в глазах.

– Будет тебе практика.

В голове загудело от удара, а от его огня зашипало скулу. Я откинулся назад, тотально дезориентированный, и с трудом встал на ноги. Из носа серебряными каплями на пол лилась кровь.

– Мне дали полную свободу в твоём обучении, – спокойно сказал заоблачник. – И успехов ты как не показывал, так и не показываешь. А таких сцен я не потерплю!

Где-то в глубине сознания я понимал, что не должен был так поступать – кричать и истерить, – но злоба захлестнула меня яркими потоками.

Я бросился на него, поджигая на руке пламя, но эквилибрум оказался быстрее. Он больно выкрутил мою руку до хруста и опрокинул меня обратно на пол. Я кое-как вырвался и недолго думая метнул в Сириуса снап светозарного огня, настолько здоровый, что сияние закрыло противника. Энергия с ревом бросилась к нему, но тут же была прорвана его атакой. Я не успел увернуться и отлетел от удара квинтэссенции Сириуса – выросшими из пола глыбами льда.

Только я хотел подняться, как он поставил ногу мне на грудь, а к горлу прижалось лезвие – изогнутое как серп и покрытое инеем.

– Ты не уподобишься своему отцу, – повторил он, продолжая прижимать ко мне меч. – Он больше тебя, больше нас всех. Он символ величия Армии, Свет карающий и Свет дарующий. А потому твоя задача – сидеть тихо. Научиться жить с новообретенными силами на этой планете, но не пользоваться ими. Я поставлен сюда учить тебя не сражаться, Максимус, а быть незаметным. И даже с этим ты справляешься отвратительно.

– Пошел ты! – сквозь зубы зашипел я. – Это мои силы, и не тебе указывать, как мне ими пользоваться!

– Как раз мне, пока ты не принял своего положения. Тебя убьют или используют против Антареса Непогасимого. Не смей выдавать себя! Вот она, вся твоя приземленность! Индивидуализм! Это против

всех наших устоев. Ты не думаешь об общем благе, о благе Света и всех, кто носит его в себе. Ты – опасное звено в цепи. Потому что слабое. Стоит хоть кому-то узнать о тебе, и нам всем конец!

Он испарил оружие и снова притянул меня ближе, шипя сквозь стиснутые челюсти:

– Так что будь добр, прекращай плакаться и выполняй то, что от тебя требуется, юный примум. Живи и делай все ради Армии. Найди свое место, будь там, где ты полезнее всего Свету. Будь кроток и тих. И тогда тебе воздастся.

Я затравленно глядел на него.

– Свету было бы полезнее, если бы меня не существовало.

Сириус вдруг притих и лишь тяжело смотрел на меня, но не отвечал. В помещении стало холодно.

В дверь постучали. Только тогда звезда отвлекся.

– Надевай подвеску. Живо.

Я рухнул обратно на пол, с трудом глотая воздух. Сириус терпеливо подождал, пока я натяну подвеску, и только затем, пригладив волосы, сказал:

– Войдите.

– Прошу прощения, что отвлекаю, – начал показавшийся в проеме Дан, – но вас вызывают на обзо... Вот черт, Макс, что с тобой случилось?

Он изумленно оглядывал меня, и только теперь я вспомнил, что у меня из носа хлестала кровь. Слава Свету, теперь она выглядела красной.

– Разошлись во мнениях, – сухо ответил ему Сириус. – Так что ты говорил? Протекторы хотят меня видеть? По какому поводу?

– По очень важному, – лаконично сообщил Дан. – Вас ждут на обзорной площадке одиннадцатого этажа.

Сириус вскинул подбородок и надменно фыркнул:

– Ждут, значит? Что ж. Пускай. Передай, что я скоро прибуду. А пока забери с собой Стрельца, ему нужно многое обдумать.

Как только дверь за нами закрылась, Дан подал мне белый платок. Я даже не стал задаваться вопросом, почему он вообще его носит – в наше-то время. Ответ на всё один: это же Дан.

– Спасибо, – промычал я, зажимая нос.

Сил вообще не осталось, я чувствовал себя полностью убитым. И дрожал как после долгого марафона. Друг это, конечно же, заметил.

– Поделиться не желаешь?

– Я выразил недовольство его манерой вести учет всего. Сириус очень обиделся. Крайне чувствителен к критике.

– И всего-то? За это тебе прилетело?

– Это же чертов заоблачник, что ты от него хочешь? – Я шмыгнул. – Так, а что происходит? Мы собрались рассказать ему обо всем?

– Да! Приглашены лишь Тринадцать, что я, естественно, считаю огромной несправедливостью и плевок в мою сторону, но что поделать. Зато ты можешь пойти. Перевода документов у нас пока почти нет, Коул будет говорить только то, что выznали другие. Надеюсь, этого хватит, чтобы Сириус зашевелился.

Глава XIV

И разверзлись небеса

Зная расторопность Сириуса, я считал, что времени до собрания у меня было еще достаточно. Потому первым же делом направился в Манипуляционную, потеряв Дана где-то по дороге.

Уже на подходе я услышал крики. Кто-то яростно ругался, переходя на личности каждого в семейном древе оппонента. Финальным аккордом нечто громко расколотилось, и стоило надеяться, что не о чью-то голову.

В коридор, чуть не сорвав двери с петель, вырвалась низкорослая протекторша, держа под мышкой ворох скрученных чертежей и толстую папку.

– Да и подавись своими расчетами! – прокричала она на прощание.

– Когда твой пепел закатают в урну, я его отправлю в слив! – рассерженно отозвался Тисус.

Козерог вовремя отскочила в сторону от меня, хотя вполне могла протаранить, изувечить и даже не заметить.

– Там... – начал было я, но Кимико даже не остановилась.

– Я тебе глаза выжгу, – змеей прошипела она, тыкая мне в лицо двумя пальцами.

Я растерянно смотрел ей вслед, еще слыша едкие ругательства дальше по коридору. Что ж, вышло даже мило. По сути, она так и здоровалась.

Учитывая столь яркий перформанс, я не сразу решился заглянуть в Манипуляционную, но, не уловив оттуда ни звука, толкнул скрипучую резную створку.

Стоило зайти в просторное помещение, как тут же до меня донеслось тихое бормотание Ламии. Она стояла у стены, часть которой была обращена в черную доску, и выводила на ней круги светом. Пунктирные линии, кольца со спиральями и стрелками казались орбитами, космическими картами. Чуть в стороне в беспорядке сияли манипуляционные уравнения.

– Не так, – тихо бормотала себе под нос Близнецы. – Лазарь, лазарь...

– Опять у вас тут драки ученых, а никого на них не приглашают? – спросил я, продолжая затыкать нос платком.

Ламия подскочила и изумленно уставилась на меня.

– Я чуть инфаркт не схватила! – воскликнула она, выдыхая. – Хоть бы постучался.

– Я стучал. И дверь скрипела. Вы ее, кстати, когда исправите? Вроде Манипуляционный отдел, работаете над изменениями реальности, а петли смазать не можете.

– Стучал? А... я снова заработалась.

– Тебя даже очередная потасовка между Кимико и Тисусом не отвлекла? – удивленно посмеялся я.

Ламия только отмахнулась:

– Они получают от этого свое специфическое удовольствие, я уже привыкла не замечать. Думаю, если бы они не выпускали друг на друга пар, с техотделом Кимико у нас было бы еще больше проблем.

– А чего она приходила?

– Я хотела передать ей кое-какие бумаги, но сказала, что сама зайду в техотдел. А она решила явиться в Манипуляционную лично, поговорить о новых разработках тех оборонительных полей от сплитов, про которые я рассказывала. И, разумеется, вышел Тисус, не мог же он сидеть у себя в закутке и молчать, – проворчала она. – Судя по всему, оба получили массу приятнейших эмоций.

Я покивал и посмотрел на ее записи.

– Давно ты эти круги тут рисуешь?

Она неловко закатала рукава рубашки и поглядела на доску.

– Эти каракули помогают думать, – пояснила Ламия мне. – Перевод... идет тяжело. Ты про это хотел узнать? И что у тебя с носом?

– Споткнулся. – Я быстро подошел ближе. – Сириус признал, что душа Сары могла попасть куда-то. Только подтвердил это косвенно.

Информация заметно оживила Ламию. Она даже спустила очки с макушки обратно на глаза.

– Ого. Ого! А вот это уже что-то. Разные теологические источники заоблачников говорят об иных слоях реальности. Похоже, стоит снова к ним обратиться.

– Сможешь сделать это побыстрее?

– Вечно тебе нужно всё да поскорее, – фыркнула она и тут же замялась, махнув на ту часть доски, где были выписаны кучи слов, половина из которых зачеркнута. – Я попробую, конечно, но сейчас вся голова занята этим. Все-таки ты сам четко пояснил, что вопрос с падшими острый. Но я сделаю что смогу, обещаю.

– Верю, – закивал я и оглядел ее укрытый бумагами стол. Одну из стопок прижимал толстый блокнот Ламии. – Столько всего навалилось, черт побери. Сны становятся всё мрачнее, Саре явно нужна помощь прямо сейчас. А Сириус только мешает. Как нам самим разобраться, я не понимаю. И перевод этот... Хоть что-то есть?

Ламия немедленно оказалась возле стола, вытащила из какой-то кучи проекционный лист, попутно уронив пару инфор, и сунула его мне.

– Здесь всё, что мы перевели. Пока выходит кусками из-за сложности диалекта и языка, который Шакара использовала для шифровки. Но уже что-то интересное удалось найти.

– И даже Дан помогает?

– Дан?.. – Она отчего-то смутилась. – Он... очень вовлечен в процесс. Мы хорошо продвинулись благодаря ему.

Я пролистал все содержащееся в листе и разочарованно закусил щеку. Текста было меньше, чем хотелось бы, но уже что-то. Оторвавшись от чтения, я вдруг заметил на Ламии подвеску, выскочившую из-под ворота рубашки. На ней были арабские письмена.

– Я бы в последнюю очередь подумал, что ты религиозна.

Близнецы в непонимании заморгала, но затем сообразила и посмотрела на украшение, бережно взяв его пальцами, словно верный талисман.

– Да не то чтобы, – устало ответила Ламия. – Просто когда твое детство проходит в Ливии второй половины двадцатого века, вера представляется неплохой альтернативой «Зеленой книге», от которой меня тошнило, но деться от нее было некуда. А потом, когда я стала протектором, поняла, что мир выходит за пределы и книги, и веры. Мне было сложно переключиться с человеческих понятий на космические, если понимаешь, о чем я. Ты знал, что я попала в Соларум в двенадцать лет? Большая редкость, просто повезло стать

свидетельницей охоты на кандидата, и всё завертелось, Свет проснулся раньше времени. Если бы в первый же месяц меня не занесло сюда, к Тисусу, не знаю, где я была бы сейчас. Наверное, умерла бы от страха и непонимания! Он все пытался меня выставить, а я возвращалась и возвращалась, пока он не устал и просто молча терпел мое присутствие. Происходящее здесь, все трансмутации реальности потрясли сознание. А потом Тисус предложил мне почитать пару книг по основам манипулирования. Я даже не думала, что мне позволительно самой прикасаться к таким знаниям. Оказалось, теперь все они стали мне доступны, никаких границ! Никаких запретов. И это потрясло еще сильнее. После того как мысль о вседозволенности в знаниях накрепко засела в моем мозгу, Тисусу не оставалось ничего, кроме как наставлять меня и дальше. Он, по сути, присматривал за мной, пока не наступил момент для Апогей-посвящения. Я была возвращена для Манипуляционной, забавно даже. Знаешь, когда я еще была просто человеком, то мне казалось, что вся Вселенная – она там, в границах страны. И вдруг все расширилось до бесконечности. Поэтому вера, простая, людская, обернулась ложью. Отказаться было сложно – но а как иначе, столкнувшись с Эквилибрисом? Я ударились в изучение всего и вся, раз в десять усерднее, чем ты. Да, это возможно. Пыталась восполнить все прожитые впустую годы. И в конце пришла к выводу, что была неправа. Человеческие религии имеют право на жизнь и плюс-минус учат одному и тому же. Просто по-разному. Не нужно было отрекаться от веры совсем.

– С чего такие выводы?

– Почти все создатели религий были озабочены тем, что ждет их после смерти. Почти не думали о том, как попали в этот мир, но зато выстраивали целый свод правил, как вести себя, чтобы душа была принята на дальнейшем пути. В него они тоже верили. И полагали, что наша жизнь – простая, земная – лишь период перед чем-то огромным.

Я неуверенно кивнул, а Ламия внезапно вновь увлеченно затараторила, разгоняясь с каждой секундой:

– Они верили в какой-то высший замысел и разум. Но ведь и эквилибрумы тоже верят! Понимаешь? Все они: звезды, планетары, небулы, дэлары, все – верят во Вселенную. И подчиняются ее законам.

Я тоже в нее искренне верю. Ведь она дала нам столь много. Такая прекрасная и так логично устроенная. Часть нас. А мы – часть ее.

Ламия подошла к доске, принялась вновь чертить горящие шары звезд и пунктиры траекторий вокруг.

– Наши тела стары, как сама Вселенная. Их атомы буквально взяты взаймы на время, чтобы однажды распасться, разлететься по космосу и вновь стать чем-то новым. Даже новыми звездами. Только представь: ты и я созданы из частиц, видевших Большой взрыв. Эти частицы перемалывались и перерождались внутри звезд при термоядерных реакциях, при слиянии нейтронных звезд и взрывах сверхновых. Так Вселенная рождает элементы – незыблемый конструктор, пропитанный эфиром. Из него она строит все видимое и невидимое, все свое наполнение. И, манипулируя, мы просим ее собрать элементы на наших условиях, тратя ровно столько эфира, сколько этой энергии было бы затрачено в естественных условиях. Это прекрасно, ведь это – простой и понятный баланс, четкая система. Уловил суть? Улавливай дальше.

Один из шаров на ее рисунке разорвался.

– Звезды взрываются, порождая небул и глобул с их роями, планеты, кометы, всех нас. А затем все снова обращается в них. Мы – вселенский круговорот жизни и материи. – Она замерла. – Мы – эхо Большого взрыва. Собираемся и разрушаемся, миллиарды лет складываемся в новые и новые комбинации. Так Вселенная познает себя через нас, методом различных проб. Внутри наших душ тоже идут создающие энергию реакции, прямо как в ядрах звезд. Впечатления от мира и воспоминания рождают эфир. Что-то там есть, Максимум. Во Вселенной. И в нас самих. Одни и те же процессы на макро- и микроуровнях. Эквилибрумы верят в правила, в высший разум, в непреодолимую судьбу, в дальнейший путь, даже в недоказанный Утопиум, в который, как некоторые считают, попадает каждая душа. И верят в Принципиум, своеобразное второе пришествие Христа в христианстве, приход Даджала в исламе или Рагнарёк у викингов. Они все искренне верят. И в своих исследованиях я пока не нашла поводов сомневаться в их убеждениях.

После нескольких секунд молчания я ощутил ее напряжение. Оно усиливалось.

– С тех пор я не сомневалась в своей вере, – тихо донеслось от нее.

– Что тебя беспокоит?

Ламия медленно начертила еще один круг.

– Знаешь, когда мысль так назойливо вертится и в голове, и на языке, а выразить ее словами не можешь. И до конца постичь – тоже. А оно все давит и давит, чувствуешь какую-то незамеченную деталь...

Я промолчал, ожидая, пока она вдумчиво рассмотрит свои рисунки.

– Я что-то упускаю, – вымолвила Близнецы.

– Нам нужно идти на встречу с Сириусом.

– Не пойду. У меня еще здесь дела. Мне кажется, я почти нашла кое-что.

На этом она вернулась к записям и начала выписывать новые слова, сверяясь с энергласом.

Я не хотел ее отвлекать, потому уже направился к выходу, когда Ламия вдруг меня окликнула.

– Мы должны кое-что проверить, – сказала она, твердо глядя мне в глаза. – Я сомневалась до последнего кое в чем, но теперь... Макс, я не знаю, могу ли дальше закрывать глаза. Мы должны проверить всё, и откладывать нельзя.

– Говорить с Сириусом мы будем не больше получаса. Давай посмотрим, как с ним дело пройдет, а затем я готов с тобой хоть на край света идти.

– Но...

Казалось, мое решение ее огорчило, потому я быстро выдал:

– Это недолго, обещаю.

Она тяжело вздохнула и отвернулась, вернувшись к своим записям.

– Ладно, ты прав. Иди, возможно, сможешь на него как-то повлиять.

И вновь, как тогда, на лестнице перед ее комнатой, тревога Ламии жужжала роем мух, закладывая уши, даже когда я покинул Манипуляционную.

Обзорная площадка выходила прямиком на лес Соларума – просторная и полукруглая. Несмотря на красивый вид, ее посещали редко. Не знаю почему. Может, нам всем было не до созерцания? Так или иначе, здесь собрались многие из круга Тринадцати.

Естественно, прибыл Коул. Он обязан посещать собрания, наш мрачный негласный лидер. Павел, который сейчас вообще-то технически являлся Смотрителем, отсутствовал. Ему в очередной раз что-то откусили, и, хотя прошло уже достаточно времени, из Лазарета его пока не выпускали чисто на всякий случай.

Еще собрались Паскаль, Ханна, внезапно, но все же логично – Тисус и Стефан. А вот Фри, к моему удивлению, отсутствовала. Как и Ламия с Рамоной. У меня закрались подозрения, что Дан и Коул просто не посчитали нужным приглашать Рыб.

Ни Рака, ни Козерога. Впрочем, ходили слухи, что Аде вновь нездоровилось – такое время от времени происходило из-за ее состояния монструма. А Кимико... ну, она была еще более нелюдистой, чем Стефан. Люди, как правило, отвечали ей тем же.

Значит, сообщать решили кругом избранных. Вероятно, меня в него тоже включили, но лишь потому, что я, как обычно, оказался не в том месте и не в то время, столкнувшись с Даном.

– Я все еще считаю, что идея отвратительная, – высказался Стефан, стоя у парапета, скрестив руки. – Он не станет помогать. Рано собрались.

– Мы выяснили достаточно, а тянуть нельзя, – сухо ответил ему Коул. Тот не поворачивался, наблюдая за далеким и тонким лучом транзита, бьющим в небо. – Если верить Рамоне, нам осталось чуть больше недели до новой аннигиляции. Нужно подготовиться и задействовать все доступные силы.

– Я думал, ты Рамоне не доверяешь, – отметил я.

Он оглянулся – все с таким же болезненным видом, как и прежде.

– Ты слишком мало знаешь о наших отношениях, чтобы судить.

Я на его справедливое замечание ничего не ответил и подошел ближе к парапету.

– Нам нужно растрясти заоблачников насчет состояния Сары.

– Зачем? Они и так осматривали ее и не смогли помочь.

– Да, но, похоже, они смотрели не в ту сторону. Там все намного серьезнее, и Сириус наотрез отказался это подтверждать. Ее не

вытащить без их помощи.

– Даже если и так. Сейчас у нас другие проблемы. Я не хочу лишний раз портить отношения с эквилибрами. Может быть, когда мы разберемся с этими аннигиляциями, я взгляну, что можно сделать.

– Нельзя откладывать! Черт, Коул, она умрет! – зашипел я, чтобы не привлекать внимания. – Она же одна из нас, наш друг!

– Макс, Сара – хороший воин. Но торопить события сейчас не стоит. Она уже полтора года в таком состоянии, подождет еще немного.

Я остолбенел, впитывая его слова и наконец поняв, что ни его, ни других судьба Сары не беспокоила.

«Хороший воин». Это все, кем она была для них. Замкнутая, прямолинейная и вечно в работе, Сара ведь никогда не пыталась наладить отношения с другими протекторами. Ей было все равно на эмоциональные связи.

– Тебе вообще есть до нее дело? – севшим голосом спросил я.

Коул снова помедлил. Он собирался что-то сказать, но в коридоре раздались быстрые шаги.

Сириус впорхнул на обзорную площадку. За ним развевался белый плащ с богатой синей вышивкой, который он, разумеется, не забыл накинуть даже ради столь небольшого собрания. Судя по кислым лицам некоторых протекторов, не я один счел это претенциозным и чутка выпендренным.

– Волк сообщил, что вы хотели меня видеть, – быстро заговорил он. – Так давайте. Излагайте, протекторы. Надеюсь, вы затребовали моего внимания не ради приземленных пустяков.

Паскаль раздраженно поморщился, а Коул откашлялся.

– Дело беспрецедентное, – заявил Змееносец. – И без вашего мудрого взгляда на случившееся мы вряд ли справимся.

Я одобрительно качнул головой. Он сразу же надавил на правильные струны души Сириуса, отчего тот озарился белозубой улыбкой.

– Это само собой, протектор. Но я рад, что ты это отметил.

– Дело касается недавней смерти более пяти тысяч людей, – резко вмешался Паскаль, явно не желавший стелиться перед Сириусом.

В том, как он обращался к послу, не было и толики уважения, которой он в свое время награждал Мемору. Назидательное

недовольство, явное, как бьющий в глаз прожектор. Сириус Паскалю не нравился, впрочем, как и многим из нас, но у него хватало духу этого не скрывать.

Эквилибрум переменялся в лице:

– Всего-то? Вы позвали меня из-за подобной мелочи?

– Это не мелочь. Это души.

– Вы позволили пяти тысячам душам отправиться по дальнейшему пути? Получается, это не моя проблема, а прокол в вашей работе!

– Они не отправились по дальнейшему пути, – твердо заявил я, глядя прямо ему глаза. – Всех их поглотил Обливион.

Подул легчайший ветер, шум нарушил лишь внезапный смешок Сириуса, которого никто не ожидал:

– Обливион? Всех разом и здесь? Вряд ли.

Коул снова хотел взять слово, но Сириус помешал, с вызовом подступившись к нему.

– Лучше бы вы как следует выполняли свою работу и не придумывали всякие нелепые байки ради траты моего времени, Смотритель, – поморщился он, как от мерзкого запаха. – Как же мы, эквилибрумы, сможем помочь приземленным, когда вы и не пытаетесь справиться сами? Ждете, что кто-то сверху придет и разгребет все за вас? Зря! – Сириус ожесточенно оглянулся на нас. – Мы никак не поможем с тем, что вы позволили этим душам отправиться по дальнейшему пути. Учитесь на своих ошибках. И в следующий раз будьте более ответственны. В конце концов, это ваша единственная работа! На этом все. Надеюсь, больше мое время столь бездарно вы тратить не станете.

Повисла тишина, лишь шелест плаща Сириуса. Он уже дошел до арки, когда скрипучим карканьем раздался голос Тисуса:

– Живые существа аннигилировались. Атомы распались. И не только они, понимаешь, а, эквилибрум? Древесина, земляные породы, сталь – просто и ни с чего испарились. Еще отметины в форме колец.

Сириус резко замер, будто врезался в стену. Плечи его напряглись.

– Ты сказал – кольца?

– Тысячи подобных следов, – закивала Ханна. – Они были во всех местах...

– Я так не думаю! – взвился звезда, резко поворачиваясь к ней.

Не по себе стало всем, настолько неожиданным оказался гнев Сириуса. А это был именно он – как и при нашей с ним схватке.

– Таких мест много! – подтвердил Стефан, на шаг приблизившись к помрачневшему заоблачнику. – Мы что, врать тебе, что ли, станем?

– Вы всего лишь приземленные! Доверять столь простым организмам в подобных делах? Просто неразумно. – Он стал мерить площадку размашистыми шагами. – Вне сомнений, это вам лишь показалось. Всё перепутали. Нельзя вас из железной хватки выпускать, сразу начнете нести ужасную ересь.

Ханна возмущенно вытянулась:

– Это какую? Об аннигилированном пространстве и отметилах в виде колец?

– Замолчи! – огрызнулся на нее Сириус.

Я стоял в полном непонимании, не отрывая взгляда от посла Магистрата. Его истинные эмоции лились мощнейшими водопадами, затапливали пол и выплескивались сквозь парпет прочь, к земле.

– Ты боишься, – обомлев, вымолвил я.

Иступленный взгляд Сириуса врезался в меня, будто груженная фура на полном ходу. Злоба усилилась. Он не мог поверить, что я использовал дар Анимеры, чтобы его сдать.

– Это тебя пугает. – Мне не оставалось ничего, кроме как давить. – Невероятно сильно.

– Вздор.

– Несколько аннигилированных местностей, отметины-кольца, разрывающаяся атомная связь. Свет и Тьма исчезли. Ноль эфиров. Мертвая зона. Ты же видел это раньше. Или слышал. Не отнекивайся, черт тебя дерит, я чувствую.

Остальные удивленно следили за моим смелым выпадом и не смели прерывать.

– А еще там был туман, – не отступал я. – С неправильными тенями.

– Нет, – уперто и сердито гнул свое Сириус, уже свирепея настолько, что в глазах проступили искры.

– И существо. Полное зеленых...

Он схватил меня за ворот толстовки и натянул ткань так, что едва не сломал шею. Сириус навис надо мной, полнясь Света и силы

настолько, что духовно вырос до размеров колосса.

– Закрой поганый рот, приземленный! – рявкнул он, сделав особый акцент на последнем слове. – И не смей больше даже думать о подобном! Вы все! Слышите меня, вы, тартские бестолковые выродки! Я посол Магистрата Света, и я вам приказываю! Вы даже права не имеете говорить про такое! Хотите снова обратить на себя внимание всех эквилибрумов? Вам нужны очередные разбирательства?!

Он сильнее потянул за толстовку, почти перекрыв мне кислород. От ткани запахло паленым. Сердитое лицо заоблачника, по венам которого скользил Свет, оказалось пугающе близко, опалая меня огненным дыханием. Я на самом деле испугался, что в этот раз целым мне не уйти.

– Только не на Терре, – шипел он, медленно повышая тон. – Только не при моей службе здесь. Вы даже заикаться не будете ни об аннигиляции, ни о тумане, ни о тварях с зелеными нитями! Хватит с меня! На Терре нет ничего, что могло бы привлечь внимание инквизиторов!

В тот же самый миг Соларум сотряс мощнейший гул.

Мы оба вздрогнули. Свет Сириуса померк, он отпустил меня.

Будто начиналась буря. Кроны деревьев метались, оторванная листва стремилась ввысь. Я никогда подобного не видел, обычно барьер Соларума блокировал все сильные воздушные потоки извне. Но не сегодня. Сегодня пылали небеса.

В отдалении фиолетовый луч портала горел новым солнцем. Он освещал половину леса, отбрасывая на землю мрачные тени. А небо застелили вспышки настолько яркие, что они перебивали звезды. С каждой новой мир поглощало гудение, напомнившее мне орган на самой низкой ноте. Но намного громче.

Мы все потрясенно глядели вперед, на портал. Так продолжалось с минуту. Атмосфера накалялась, пробирала, будто воздух наэлектризовался. Наконец он ярко вспыхнул, а потом – тишина, даже лес смолк. Я уставился на нечто, закрывшее половину неба.

Я много читал о них в инфорах, потому сразу узнал. Крейсер Темной армии. Он казался больше плиты Соларума. Тихая и величественная машина. Но он был малым – настоящие гиганты никогда не смогли бы подойти близко к настолько крохотной планете,

как Земля. И все же я глядел на него отчасти восхищенно, как всегда, впечатленный даже подобием авиации.

Обсидиановые полукруглые паруса были главным украшением крейсера. Они совершенно не отражали свет и ловили струны Тьмы из материи, за счет которых корабль и передвигался. Черные вихри развевались позади него на многие десятки метров, оставляя за собой след, напоминающий разводы чернил. Корпус покрывали наслоения толстых стальных пластин, похожие на чешую. Они украшались изящной золотой резьбой. По бокам крейсера размещались еще три пары тонких парусов – будто крылья или весла. Под его носом, скорее служившим обзорной площадкой, был установлен витиевато изображенный символ Тьмы. Крейсер создавал впечатление живого существа из стали, целого левиафана – настолько он был устрашающ и прекрасен.

И в то же время он прилетел сюда не воевать. Эквилибрумы редко использовали крейсера и другие воздушные суда для боя – это считалось дурным тоном. Сражение на земле, вооружившись сталью, квинтэссенцией и манипуляциями, – единственно верный способ для них, ведь баталии вживую приносили куда больше сильных эмоций в души воинов. А на крейсерах эквилибрумы добирались до отдаленных мест Вселенной, перевозили грузы или же могли привезти важную особу вместе со всем ее добром, если она решила где-то задержаться.

Крейсер молчаливо, тяжело и отчасти величественно начал опускаться – к земле. Воздушные потоки вновь захлестнули лес Соларума.

– Он прибыл... – сказала Ханна, вцепившись руками в заграждение. – Это темный крейсер! Там знамя гильдии инженеров Универсариума!

– Ранорий Незабвенный... – вымолвил побледневший Коул.

Я похолодел от этого имени. Посол Магистрата Тьмы. Но падшие не предупреждали меня о таком! Они ясно дали понять, что Индивидуум требовался Ранорию, но чтоб он лично вернулся на Землю?..

– Бездна Обливиона! – выругался Сириус, с неверием вытаращившись на крейсер. – Он не подавал заявления на прибытие!

– Заявление может не требоваться. – Тисус поравнялся с ним. – Как раз в том случае, когда Терре угрожает опасность. И проблему

нужно решать. Верно, *посол*?

Сириус ожесточенно повернулся к нему, но едкие слова все же проглотил. Возможно, он и хотел высказать все, что думал о нас, но от греха подальше развернулся и стремительно скрылся в коридоре.

А крейсер продолжал спуск.

Коул закашлялся так, что навалился на перила. Ханна трепетно положила руку ему на спину, но он отмахнулся.

– Хватит, – сквозь зубы протянул он. – Мне нужен отдых. Не могу больше.

– Нельзя! – заявил Паскаль. – Теперь здесь темный, которого мы просто так выгнать не можем!

Тисус громко фыркнул, чем привлек всеобщее внимание. Небольшой хилый протектор в заляпанной старой одежде – единственный голос разума.

– Да не он наша главная проблема! Вы что, не понимаете? Здесь теперь оба посла Магистратов. Дело дрянь. Чем бы ни была та аномалия, ею обеспокоены обе Армии! По другой причине он бы сюда не явился!

– И что же нам делать? – нахмурился я.

Коул крепко сжал руками парашют.

– Теперь уже ничего. Лишь наблюдать.

Глава XV

Среди звезд

Я вернулся в Манипуляционную, чтобы найти Ламию и сходить с ней, куда она хотела, но протекторши не было на месте. Потому, не став терять времени, отправился в Лазарет, где с бешено бьющимся в груди сердцем огляделся и без труда выцепил яркие волосы Аданнай.

– Куда так спешишь, Максимус? – спокойно спросила она, внося записи в документы.

– Ты видела, что произошло?

– Ты о том эффектном появлении посла темного Магистрата? Его мог не услышать только мертвый. – Ада слегка поморщилась и потеряла лоб, как от головной боли. – Жаль, что пропустила собрание, задремала. Сил уже совсем не осталось. Возможно, придется взять больничный...

Я кивнул и подавленно уставился в пол.

– Пойдем к ней?

Ада все поняла без объяснений. Пока мы шли, я изложил ей все то же, что и Ламии. Сириус дал намек, хотел того или нет.

– Но теперь им всем совершенно плевать! – выпалил я, открывая дверь палаты. – С появлением темного посла у всех другие дела и проблемы. И я даже не вправе торопить Ламию, потому что нам жизненно важно расшифровать документы Шакары!

Протекторша прошла внутрь, а я задержался, почуяв запах гари, и похолодел, увидев, что от злобы опалил дверную ручку.

– И что же ты хочешь предпринять? – устало осведомилась она, тут же начав проверять Сару.

– Сколько у нас осталось времени?

Ада сначала посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на Сару. Желудок резко свернулся комом от ее вида. Кожа больной посерела, проступили синюшные вены. Она казалась такой хрупкой, прямо как фарфор. Никогда не думал, что увижу ее в подобном состоянии.

– Немного, – честно ответила Аданная.

– Что... мы хоть что-то можем сделать? – спросил я, сглатывая комок в горле.

Из приоткрытого окна надувало морским бризом, и чайки кружились под закатным небом. Ада, сложив руки на груди, встала возле него.

– Своими силами и за столь малое время? Вряд ли хоть что-то. Мы можем лишь оттягивать, но итог будет один.

– Значит, нужен эквilibrium. Который сможет все решить.

– И где же взять нужного? Того, кто разбирается в душах и иных видах реальности. От нас уже отказались все, присланные Сириусом.

– Не знаю! – вспыхнул я. – Из-под земли достану, но найду!

Я крепко сжал кулаки, лишь бы не дать им разгореться. Ада вздохнула, утомленно устраиваясь в кресле:

– Тогда тебе лучше поторопиться. Ты можешь и должен бороться, это правильно. И в этом сама жизнь. Но помни о девятом законе Вселенной. Все, что она запланировала для нас, сбудется, и тебе не обмануть ее, как ни старайся. Наши судьбы прописаны среди звезд. И если нам суждено раствориться в забвении, то так и будет.

– Нет. – Я яростно затряс головой. – Я не согласен.

– Тогда старайся. Найди выход.

Я в последний раз бросил взгляд на Сару и уже на выходе услышал тихие слова Ады:

– Так или иначе, все мы растворимся в нем. В забвении. Это то, чего страшится Волк. Никому этого не избежать.

Я должен был что-то сделать. И быстро. Пока не стало слишком поздно.

– Черт, – выругался я, стискивая челюсти.

Огонь метался в груди, прямо как при Антаресе. Только теперь я контролировал его намного хуже и боялся, что от любой сильной эмоции он выплеснется наружу.

Нам нужна была помощь.

Абсолютно любая.

Плевать, чего это будет стоить, – я должен был вытащить Сару как можно скорее.

С этими мыслями я ввалился в комнату и, пошарив по дубовым ящикам, нашел спрятанное там стальное перо. В свое время оно спасло наши шкуры, вызвало Бетельгейзе и Поллукса; должно было помочь и в этот раз. Зарядов хватит еще на несколько призывов.

Но уже в коридоре я замешкался. Сомнения цвели и крепили, мне казалось абсолютно неправильным идти в одиночку. Все могло обернуться чистым самоубийством.

Сначала я хотел взять с собой Дана, но тот запропастился куда-то, что на самом деле за ним наблюдалось часто – он не любил сидеть в комнате без дела. Фри звать сомнительно – она вряд ли одобрила бы подобное. Так что недолго думая я добежал до комнаты Стефа, которому всегда было плевать на моральную сторону происходящего. Но когда я постучал, то и тут не услышал ответа. Хотя он вполне мог быть внутри и просто притворился, что его нет, как и обычно.

Дверь была не заперта, потому я толкнул ее и тут же оказался в привычном беспорядке. Но даже не это привлекло мое внимание, а растянувшийся на полу Стефан, который, похоже, только-только приходил в себя. Первое, что бросилось в глаза, – кровь на виске и углу комода. Протектор со стоном зажмурился и стал тереть ушибленное место.

– Ты серьезно тут помер? – поразился я.

– Могу себе позволить, – огрызнулся Стеф, с кряхтением садясь. Послышалось обиденное грязное ругательство. – Притворимся, что ты этого не видел.

Он отрыл под кроватью стеклянную бутылку, на дне которой еще что-то болталось.

– Так, на этом я и навернулся, – проворчал он. – Как раз искал. А ты зачем приперся?

– Помощь нужна. Сейчас.

Стеф зубами выдрал пробку из бутылки и выплюнул ее куда-то в сторону балкона.

– Я занят, – пренебрежительно ответил он, делая глоток.

– Чем? Страдаешь херней?

– Это культурное наследие моего народа.

Я заметил разводы синей краски на его руках и со вздохом огляделся.

Пахло табаком и ацетоном. Стефан никогда не умел поддерживать порядок: кровать не заправлена, пепельница переполнена, а стол, казалось, не разгребался с начала века. Пол, как всегда, напоминал минное поле, за исключением одного угла: там, как мне думалось, Стефан и рисовал. Его неожиданное хобби, сохранившееся еще с

земной жизни. В том месте протектор соорудил себе подобие гнезда: вокруг прибранного пространства были разложены краски, кисти, палитры, тряпки и прочие творческие штуки. Неподалеку находился грязный мольберт. В проеме между комодом и шкафом сложены холсты. Ума не приложу, куда они потом девались. На одной из стен висели листы с рисунками, в основном архитектурой или же образами, что Стефан видел в мире Света и Тьмы.

В общем, либо сюда не запускались ассисты для чистки, либо Стеф умудрялся загадать все в кратчайшие сроки между их визитами.

– Мне некогда тебя уламывать, – ожесточился я. – Нужна твоя поддержка.

– С какой радости я вообще должен тебе в чем-то помогать?

– Потому что мы друзья?

– Сильное заявление.

Стефан задержал на мне недовольный взгляд, точно я убил весь его вечер, но вышел следом, попутно закуривая и оттирая кровь с виска.

– Так, ну и что там случилось такого важного?

– Сара.

Он тут же переменялся в лице. И за это я оказался ему благодарен. Стефу было до нее дело. Про мои сны о Саре ему было известно и про их ухудшения тоже. До самого первого этажа я рассказывал ему последние новости, как мы с Ламией пытались найти хоть какой-то способ помочь протекторше. И вместе с тем сама Сара угасала. И вот теперь мы оказались близки к разгадке – осталось совсем немного, но помощи было неоткуда ждать. Я старался не думать о том, чем все могло обернуться в случае промедления.

– Ты чувствуешь себя виноватым за то, что с ней происходит.

– Да. – От этого признания на душе моментально полегчало, будто мне дали вдохнуть свежего воздуха. – Она меня спасла. А я так и не успел ей ничем отплатить.

Стефан понимающе кивнул:

– Я помню, какой она была до того, как смерть наставника ее сломала. Сделала сухарем.

– Она вовсе не такая. Сара все еще та же, как и прежде. Но глубоко внутри.

– Тебе виднее, звезданутый, ты у нас по душам шарисься.

– Нет, это не метафора. Она сама себя ограничила и отняла все эмоции.

– Зачем? – удивился он.

– Спросим у Сары, когда вернем.

Только когда мы вошли под защиту широких, мерцающих синевой крон, я спросил:

– А ты видишь там что-нибудь, когда умираешь?

Перед тем как ответить, Стефан выудил из кармана брюк золотые часы на цепочке – никогда с ними не расставался. Он посмотрел на них с усталостью.

– По ту сторону нет чего-либо, кроме гребаной темноты. Даже ничего не чувствуешь, так что можешь выкинуть из головы тот бред про некий холод или свет в конце тоннеля. Ни хрена там нет.

Мы зашли в лес достаточно далеко, чтобы нас точно никто не увидел. Стеф сел на большой валун, я же стал расчищать пространство на каменной дорожке.

– Слушай, а на кой черт тебе мое присутствие? – поинтересовался он, глуша уже вторую сигарету. – Ты бы один справился с... А что ты вообще делаешь, кстати?

– Ты мне нужен для моральной поддержки, – сообщил я, доставая стальное перо с полупустым зарядом.

– Ах да, я же самый лучший человек для этого. Шикарный план, десять из десяти. – Тут он увидел, что я приготовился сделать надпись на дорожке, и нахмурился. – Эй, ты собрался кого-то призывать? Это точно хорошая мысль?

Я задержал взгляд на устройстве, которое когда-то нам передал Альдебаран.

– У тебя есть идеи, как выпросить помощи у Сириуса? Нет? Ну тогда это отличная мысль. Потому что единственная.

– Нам надо уже беспокоиться из-за такого дефицита. Ты же не хочешь вызвать Антареса, правильно?

Я все решал, кого же призвать. Знакомых заоблачников было не так много. Естественно, рука сама собой тянулась к тому, чтобы выписать желанное имя. Мне очень хотелось увидеть Антареса, задать ему пару насущных вопросов. Он был мертв для меня много лет, затем ожил в лице Верховного Света и последние годы существовал в моем мире лишь в образе далекого и незримого правителя и ярко горящей на

небосводе звезды. Никакой связи. Только редкие указы через Альдебарана. Я даже не знал, что думать об этом – злиться или обижаться, как ребенок. В Соларуме куча протекторов так и осталась великовозрастными детьми, так что смысл в этом определенно был.

Еще в знакомых был сам Альдебаран, предводитель целого сектора Кальцеона. Имелась и Нерман – планетарша и приятельница Дана, военный медик, – но она уже обследовала Сару.

Стефан вытянул шею, чтобы увидеть, что я там пишу светом, и мерзко рассмеялся, удобнее усаживаясь на камне.

– Черт, это будет интересно.

Закончив, я быстро отошел, опасаясь последствий, но поначалу ничего не происходило.

А затем в атмосфере повеяло озоном, кожу покалывало. Подул ветер, воздух завибрировал, помутнел, и тут прямо перед нами материализовался старый знакомый.

Поллукс Опаленный.

Вышло не совсем удачно: появился он в полуметре над землей, да и, судя по всему, за минуту до этого безмятежно читал инфору, так что в сидячей позе он и грохнулся прямо на дорожку, хорошо приложившись затылком. Мне тут же захотелось отступить еще дальше, а Стеф наблюдал за происходящим с видом, что это лучшее зрелище в его жизни.

Поллукс всего секунд пять резко переводил глаза с места на место, чтобы оценить обстановку, и только затем уставился на меня.

– Ты! – зашипел рыжий заоблачник.

Он поднялся. Одет Поллукс был намного проще, чем я привык, даже не потрудился рубашу у горла застегнуть. Видно, мы застали его не в рабочей обстановке. В остальном наш бледный собеседник выглядел так же, разве что под метающими молнии глазами появились темные круги, а такое я вообще у заоблачников видел впервые.

– Так, – угрожающе протянул он, убирая инфору в карман тканевого пояса, – сейчас я буду бить кому-то лица.

– Постой-постой! – попытался я усмирить его. Поллукс же в это время неумолимо закатывал рукава. – У меня для тебя сделка!

– Неужели? – ответил он без всякого интереса, не отвлекаясь от своего занятия.

– Серьезно? – удивился Стефан.

– Да! – уверенно заявил я.

– И что же ты хочешь предложить? – Поллукс разрезал меня острым взором.

Я замялся. На самом деле у меня не имелось никаких идей. Надо было все-таки подумать над этой частью плана подольше.

– Ну... для начала... ты должен мне.

– Что?! – поразился такой наглости Поллукс и подступился.

Я заставил себя остаться на месте.

– Ты похищал меня, избивал. В конце концов, несмотря на все твои выходки, ты остался на свободе, и мы тебя никому не сдали.

– Ну и наглец же ты. Все, чем я мог вам отплатить, я выполнил, когда из-за вашей виртуозности на свободу выбрался Гортрас. Вы и тогда меня призвали. А я не оказываю услуг по вызову, ты мелкий...

– Пожалуйста, это в последний раз! – взмолился я. – Это вопрос жизни и смерти! Ты же один из Мастеров «Белого луча», ты наверняка знаешь, что делать. Ты способен найти выход в любой ситуации!

– Я за спасибо не работаю, – отрезал он.

– Чего ты хочешь? Я сделаю что угодно.

Стефан, который так и продолжал сидеть на камне, обеспокоился:

– Эй, Макс, тебе не следует так...

– Что угодно, говоришь? – задумчиво протянул Поллукс, чуть успокоившись.

Тут и я понял, как сглупил. Мало ли чего он затребует.

– Ладно, – гордо сказал он, сложив руки на груди и выпрямившись, приняв при этом самый надменный вид. – Отлично. Что ж, сейчас я понятия не имею, что мне может понадобиться от... м... такого приземленного, но в будущем ты мне будешь должен услугу. Видно, у вас там очередной конец света, если отважились вновь вызывать меня. Учти, затребую я много.

– Макс, нет, – настоял Стефан.

– Хорошо.

– Идиот... – проворчал он, пока я пожимал руку Поллукса.

Огненные потоки горели в его душе как никогда ярко. Я надеялся узнать, что же такого он хочет мне подкинуть, но не удалось.

– А, и еще одно, – спохватился заоблачник. – Отдай мне это проклятое перо.

– Неужели ты со своими ресурсами не смог найти такого же? – удивился я.

– Я просто хочу быть уверенным, что вы, тартские дети, больше меня не выдернете на вашу тартскую Терру! – разозлился он. – Как же я ее ненавижу! Этот запах, эти виды! Отвратительнее, чем Нааштахские болота!

– Эй! – с обидой воскликнул Стефан.

Я с тяжелым сердцем протянул Поллуксу перо. Только отняв его, он расслабился, хотя продолжил ворчать себе под нос, как ненавидел нашу планету.

– Что ж, вам повезло, что я альтруист и помогаю всем немощным и обделенным в пределах пары сотен префектур, – важно сказал он, присаживаясь на соседний валун. – Хобби такое.

Он похлопал по карманам и выудил небольшую трубку. Стефан молча протянул ему зажигалку, предлагая огня, но Поллукс отмахнулся и поджег курительную смесь, щелкнув пальцами. Из трубки повалил густой синий дым – намного гуще, чем от сигарет Стефа. Пахло чем-то сладким.

– Давайте, излагайте проблему, – поторопил нас Поллукс, закидывая ногу на ногу. – Только побыстрее.

Слушал он лениво, откинувшись на булыжник, и скорее безучастно смотрел на небо, чем на меня, периодически выпуская дым и не перебивая. Я выдал ему все: про кому Сары, про свои сны, про разговор с Сириусом. Рассказ завершился, а Поллукс молчал, рассматривая звезды над головой.

– Так что? – не вытерпел я.

– Ну, не удивительно, что трепетный и нежный помощник моего тупого брата струсил при упоминании души вне реальности, – заявил он, садясь прямо и потягиваясь. – У меня, возможно, имеются кое-какие мысли на этот счет. И, опять же возможно, я даже не забуду обратиться к нужной душе. Но справитесь ли вы с этим походом? Знаешь, сколько таких мечтателей ходило на ту сторону?

Поллукс выдохнул плотную струю дыма.

– Слышали про культ Утопиума?

– Культ Утопиума? – переспросил я.

– Я о чем-то таком читал, – нахмурился Стеф.

– Странно, что вообще слышали, – пожал плечами Поллукс. – Тема табуированная, вряд ли сюда могла просочиться какая-то стоящая информация о ней.

– Нам доставляют все сведения о мире Эквилибриса, – заявил я.

На это Поллукс надменно рассмеялся:

– А ты забавный, ты мне даже нравишься. Иногда. Ладно, шкет, я не буду разрушать твой чудесный и уютный мирок, полный таких прекрасных земных вещей, как голубое небо, улитки, красные фрукты, и где Светлая армия хочет, чтоб все и обо всем знали. Но вот те радикалы из Утопиума не особо в такое верят и остро интересуются тем самым «дальнейшим путем». Потому всячески пробовали выйти за пределы собственного тела. Только вот оба Магистрата признали их эксперименты аморальными и постановили их вне закона. Остались редкие организации, которые имеют на такое право, но простой любопытствующий сразу отправится под суд.

– Так все-таки есть что-то между жизнью и смертью, – выдохнул я, чувствуя, как земля уходит из-под ног от волнения.

Я не спятил. Все было правдой.

– Конечно, есть. Только разбираются в этом, скажем так, узконаправленные специалисты.

– И ты можешь привести нам такого?

– Ну разумеется. – Поллукс снова рассмеялся. – Не наглей. Да и отсюда это просто невозможно.

– А ты говорил с теми, кто был на той стороне? – с подозрением спросил Стефан. – Есть там что-то?

– Нет, не доводилось, – прямо ответил Поллукс. – Только трупы видел. Если эквилибрумы умирали там, то их душа не возвращалась. Что ж, думаю, они добились своего, нашли «дальнейший путь». Возможно, он им так понравился, что эти фантазеры буквально умерли от счастья. – Я ожидал, что он вновь рассмеется, но заоблачник помрачнел. – *«Оно приближается»*, – задумчиво сказал он, смотря куда-то вдаль. – Так же она говорила? Интересно.

– Чем же?

– Есть чего бояться даже после смерти. Что-то там обитает, ребятки, то, что вам вряд ли понравится.

Такое себе напутствие. Холодок пронесся по спине, я оглянулся на цветущие кусты. Думалось, что нечто наблюдает за мной из той самой

теневого стороны. Затем я еще раз посмотрел на Поллукса. Тот хмурился больше обычного, подперев голову кулаком. На его правой руке, чуть ниже локтевого сгиба, виднелась точка горизонта. Я читал о подобном, но так близко видел впервые. Крохотная песчинка, вживленная в кожу и окруженная темными символами эквилибрумов.

Поллукс внезапно хмыкнул.

– М-да, вообще, будь при тебе Антарес, идти туда было бы проще.

Я покрылся гусиной кожей от его упоминания.

– Кстати, как он там? – поинтересовался Стефан. – До нас редко что доходит.

– О, великолепно, – сказал Поллукс, пренебрежительно взмахнув рукой. – Не знаю ровным счетом ничего. Я не интересуюсь политикой. Но, если честно, создается впечатление, что Антарес не очень-то и выходит в народ. Хотя странно это, особенно после столь громкого и триумфального возвращения.

Он курил, а я покрывался льдом. Антарес – последнее, чего мне хотелось касаться в данный момент.

– Так как ты сможешь нам помочь с Сарой? – спросил я, чтобы скорее переменить тему.

– Переговорю кое с кем. Он выйдет на вас и скажет, что делать дальше. Но сначала его надо отыскать, а это может занять очень много времени.

– Нам нельзя тянуть!

– Это я уже слышал, – проворчал он, поднимаясь и недовольно оглядывая деревья, словно они ему персонально в душу нагадили. – Но что поделывать, жизнь – это тебе не радужные льды Мароса. Как только – так сразу.

– Главное, чтобы за это время Земля не взорвалась от стычки Ранория с Сириусом, – фыркнул Стеф.

Поллукс резко повернулся и серьезно произнес:

– Ранорий Незабвенный? Этот ублюдок здесь?

– Да. Знаешь его?

– А то. Один из главных инженеров темного Юниверсариума. Иногда торгуем с ним. Тот еще гад. Никогда ничего без выгоды для себя не делает.

– Кого-то он мне напоминает, – процедил я, вставая под тень дерева.

– Я чрезвычайно обходительный, добрый и вообще душа компании по сравнению с ним! Вы просто этого еще не поняли ввиду скудного приземленного ума. Так, а зачем Незабвенный явился? Опять послы делят процент влияния на населенную планету?

– Тут какая-то пакость завелась. – Стеф отвернулся в сторону. – Уничтожает пространства подчистую. Там еще туманы непонятные, отметины-кольца и...

– И твари, которых не разглядеть?

Его голос сел. Я удивился.

– Да. Ты знаешь, что это?

– Тер Баш! – выругался он.

Под кожей забегали всполохи света, рука разгорелась, и трубка распалась пеплом, точно бумага.

– Эй, эй, спокойнее! – заволновался Стефан и, вскочив, встал рядом со мной. – Что случилось?

– Почему вы не сказали об этом сразу?! Вызвали меня сюда!

Он постарался сделать вздох, сияние слегка спало.

– Тут уже были Паладины? – требовательно спросил Поллукс. – Инквизиторы?

– Инквизиторы? – Я пораженно заморгал, чувствуя исходивший от него жар. – Нет!

Заоблачник снова чертыхнулся и отвернул голову.

– Я убираюсь отсюда, сейчас же. Не смейте меня больше вызывать. На Терре ничего хорошего не случается. Сделка заключена, я найду нужную душу, хотя теперь это бессмысленно. Вам уже ничего не поможет.

Вокруг него закрутились огненные вихри. Поллукс бросил на меня прощальный взгляд.

– Удачи вам. Она пригодится.

И исчез. Остался лишь пятак выжженной травы и почвы да запах горелого.

Мы стояли, во все глаза уставившись на место, где только что стоял Опаленный.

– Какого хрена это было? – изумленно спросил Стеф.

Я ощутил, как вязкий страх охватывает душу. Поллукс повел себя как Сириус. Он испытывал буквально то же самое.

– Он испугался. Черт подери, он испугался...

Стефан судорожно выдохнул. Он бледнел с каждой секундой.

– Значит, мы в дерьме. Если даже этот урод струсил. А Сириус все еще отрицает.

– Нам нужно срочно найти Ламию. Рассказать.

Мы не проронили ни слова до самой Манипуляционной. Ламии там, как и прежде, не оказалось. Я нервно проверил каждый закуток и только потом медленно подошел к доске: целая стена перечеркнутых неразборчивых записей, над которыми усердно трудилась Ламия. И лишь в самом конце – два слова, обведенные в жирный круг.

«Трэтмар сервас».

Явно что-то на заоблачном языке.

Дверь скрипнула. Дан сделал всего один шаг в Манипуляционную и тут же замер, заведя нас.

– О! – выдохнул он. – И вы... здесь.

На нем лица не было, бледный, точно кровь отхлынула от волнений. И, очевидно, Дан понял, что мы это заметили, потому что смущенно потер затылок.

– Выудил кое-что неприятное в переводе. Как раз хотел с Ламией это обсудить... Думал, она поймет, что с этим делать. Как всегда.

– А ты не знаешь, где она? – уточнил я.

– В последний раз, когда я ее видел, она неслась на склады. Может, все еще там?

Дан даже не пошевелился, когда мы выходили. Он все бесцельно смотрел куда-то вперед, пока от души отслаивался холод.

– Чего это с ним? – озадачился Стеф, оглядываясь.

– Если переведенное даже Дана потрясло, то это делает реакцию Поллукса еще более тревожащей.

Склад находился в дальней части шестого этажа и занимал целую его треть. Ему предшествовала длинная галерея, на стенах которой были развешаны части лат и оружия эквилибрумов. Внушительное, сверкающее зрелище. А вот двери склада были простыми и гладкими. И приоткрытыми.

Мне показалось, что оттуда надувал какой-то мерзкий холодок. Он стелился по полу у моих ног, разливался по всему залу.

– Ты чего встал? – нахмурился Стеф, толкая створку двери.

– Да так... – выдохнул я, стараясь унять застучавшее сердце. – Предчувствие какое-то неприятное.

– Опять твои звездные закидоны?

Внутри склада все выстраивалось строго и по полкам. Дальние концы стеллажей терялись в полумраке. Какие-то предметы хранились за стеклом и под защитой, например люминарные клинки или искрящая молниями сфера. Но большей частью вещей можно было пользоваться, просто оформив заявку. Манипуляционный отдел приходил сюда за элементами с других планет, протекторы могли брать особое оружие, камни и огонь для создания метеороида, кометную пыль в бочках и прочие бесчисленные блага заоблачного мира.

Я как раз засмотрелся на синюю маску, как вдруг под ногой хрустнул осколок стекла.

– Так ведь не должно быть, верно? – с сомнением обратился я к Стефу, кивая вниз.

– Ассисты бы почистили давно, – мрачно ответил тот, натужно поднимая на меня глаза.

Теперь даже он что-то почувствовал.

Мы пошли дальше по следам осколков. Через некоторое время я увидел пятна, разросшиеся по ковру маковыми цветками.

Капли крови.

Вздрагнув, я ринулся вперед, чтобы глянуть за поворот, развеять страхи. И резко отступил, с трудом заставляя себя дышать. Стефан же потрясенно уставился на кровавую лужу, тянущуюся извилистой рекой.

– Твою мать... – только и смог выдать он.

Ламия лежала у основания стеллажа. Очки валялись рядом, разбитые вдребезги. Я нагнулся и оледеневшими, трясущимися руками повернул к себе ее лицо. И немедля отдернулся.

Я с изумлением разглядывал собственные руки. Ничего. Совсем-совсем ничего. Я мог коснуться барьера в душе Бетельгейзе, проваливался в хаос душ сплитов. Но, тронув Ламию, я впервые в жизни ничего не увидел и не почувствовал, словно не человека касался... Меня затошнило. Вот как живут обычные люди? Для них все будто мертвые при касании?

Я нервно сглотнул и затрясся от страшного понимания случившегося.

Почему я сразу не пошел с ней?..

Еще теплая, даже горячая. Но никакой души и в помине уже не было. Вязаный жилет пропитался кровью, удар лезвия был нанесен точно в солнечное сплетение.

– Макс! – окликнул меня Стефан, выводя из ступора. Он потрясенно смотрел на разбитый стеклянный ящик. – Похитили оружие!

Я отчаянно пытался связать все факты в опустевшей голове. Ламия застала вора? Но кто это был?

Внезапно в руке протекторши что-то блеснуло. Я потянул за порванный шнурок, и с него соскользнула подвеска. Она, звякая, откатилась на метр и в прямом смысле уставилась на меня. Плоским зеленым глазом.

* * *

Маяк рассыпáлся. Его останки растворялись в космосе, вместо того чтобы стать новыми звездами.

В этот раз я не шел, а бежал так быстро, что, казалось, вот-вот оторвусь от земли. Маяк не приближался, но мне было плевать. Сара находилась где-то здесь, я чувствовал. Но не слышал.

Только гром мироздания.

И тут колосья расступились, выставляя фигуру под светом гигантской планеты, смотрящей на меня зеленым глазом. Человек стоял ко мне спиной, укутанный в темный плащ.

– Тебе быть тут не следует, – прогудел он, сотрясая мир.

От меня отвалилось несколько частиц. Я напряженно смотрел на силуэт, не в силах сдвинуться с места.

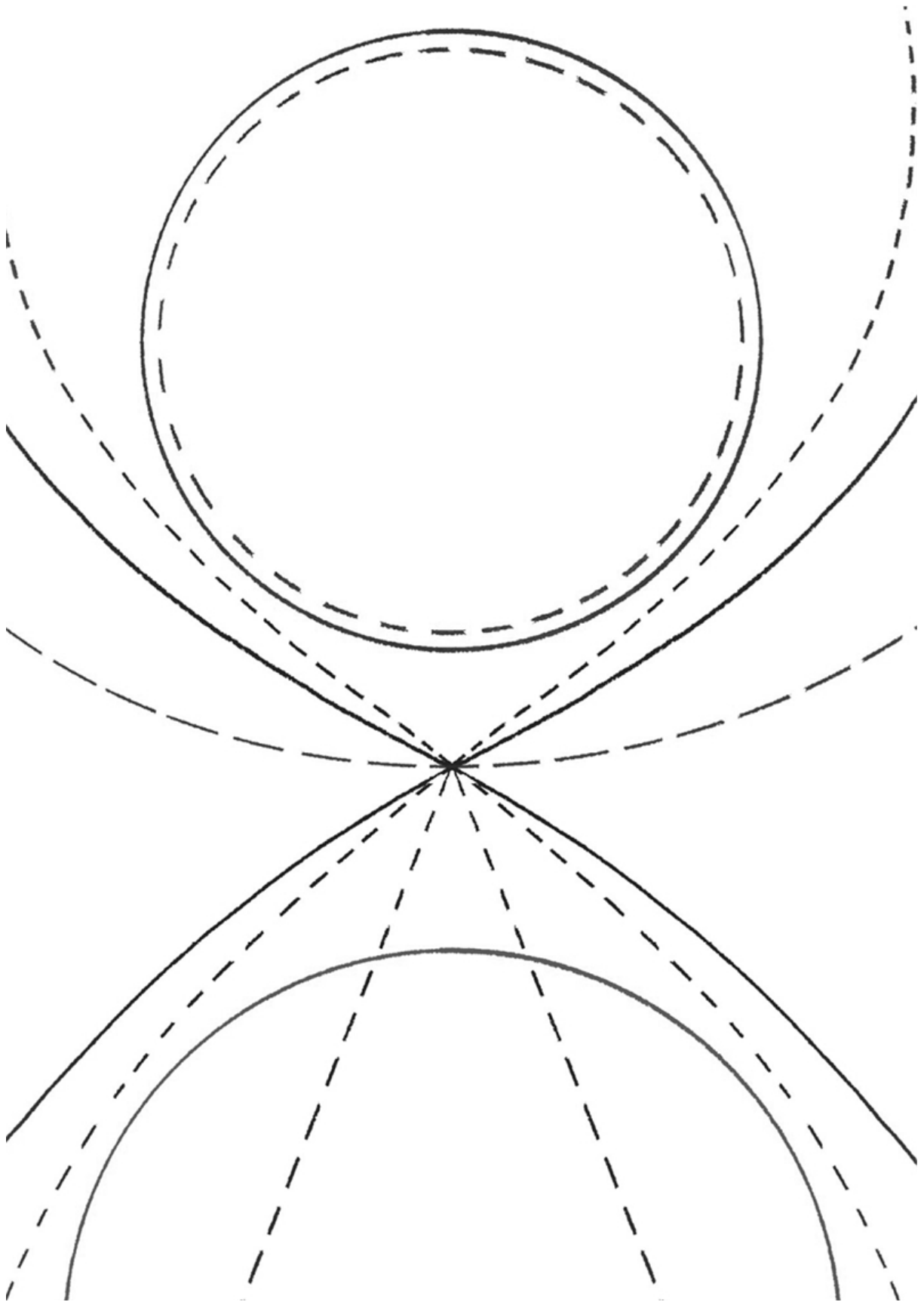
– Максимус... – прошипел человек, и образ его налился тенями. – Хочешь взглянуть в нее? Хочешь заглянуть в бездну?

Сердце замерло, остановились планеты в небесах. И в этой полной тишине он повернулся.

Я смотрел в лицо Грея.

Ужас захлестнул меня при виде его глаз. Сплошные ядовито-зеленые зрачки, никакого белка. И этими уродливыми глазами он спокойно и непоколебимо взирал на меня в ответ. Мое тело распадалось быстрее.

– Скоро ты сможешь это сделать. – Грей выпрямился. – Как и каждый из нас. Обливион примет всех. Мы будем едины.
Мир рухнул под его зеленым взором.



Часть II
И звезды как пыль

Глава XVI

Равные бесконечности

Полторы недели. Уже прошло полторы недели со смерти Ламии. Ее прах теперь покоился в усыпальнице рядом с предыдущими носителями знака Близнецов.

Протекторы обязаны записывать последние слова заранее, на случай гибели. Таких сообщений были тысячи. Небольшие зеркала, что занимали весь огромный коридор перед Усыпальницей, всегда источали призрачную реку шепота. От этого по коже неизменно пробегали мурашки. В каждом зеркале находился покойный люмен-протектор – он что-то говорил, невнятно роптал, донося до нас последнюю волю. Дорога Постскриптума, так некоторые называли коридор. Мы шли по этому пути, всегда держа в голове, что в определенный день наш собственный голос станет частью вечного, еле слышного потока. Все как один, никто не различим, пока сам того не захочешь. И я слушал ее голос. Много-много раз. Поэтому даже сейчас продолжал прокручивать запись в собственной душе.

– *Так, уже можно говорить?* – спросила Ламия, усаживаясь за стол. Она, как обычно, поправила свои очки. – *О, и вправду!* – Близнецы откашлялась и нервно посмеялась: – *Ну что ж... Смерть, да? Что я оставлю после себя – горстку слов? Так, получается? Мне как-то не думается, что многие станут слушать это, но, может, кому-то будет интересно, что там хотела под конец сказать эта чудачка.*

Ламия снова посмеялась, но уже не так громко. Она растерянно опустила глаза.

– *Мне бы не хотелось об этом говорить, на самом деле мысли о собственной смерти по понятным причинам несколько удручают, но таков обычай, верно? Один из законов Вселенной гласит, что каждая душа обязана покидать ее. Никому не избежать этой участи, правда? А если бы кто-то и мог? Возможно, это было бы даже страшнее, чем уход. Стазис, стояние на месте. Словно в вакууме. Все должно стремиться дальше, развиваться. Таков уклад жизни и закон Вселенной. Но знаете, – Ламия потерла подбородок, отрешенно глядя*

в сторону, – меня не очень интересует, что там, по ту сторону гибели. Великий «дальнейший путь», о котором слагают легенды Тьма и Свет. Занимает другое: каждый обеспокоен лишь тем, куда его душа попадет после смерти оболочки, но никто не хочет знать, откуда та попала в наш мир. Это ли не загадка, достойная настолько же подробного разбора? Почему прошлое считается менее важным, чем будущее? Без одного нет другого, и, чтобы понять природу настоящего, понять это великое «здесь и сейчас», мы обязаны знать одинаково много про все стороны сущего. Я хочу знать. А вы? – Ламия улыбнулась. – Прошлое и будущее – равные бесконечности, между ними – лишь мгновение. Потому они не такие разные и не так уж далеки друг от друга. И, естественно, оба имеют право на существование и уважение. Мне бы хотелось понять, для чего я существую, кто или что создало меня. Зачем взяло именно эти атомы со всей бесконечности и сложило их именно в такую вариацию. Я искренне верю, что все мы здесь ради какой-то цели – возможно, она слишком масштабна и невообразима для наших умов, но... Вселенная ведь на всех имеет свои планы, не так ли? Для чего-то мы были рождены, для чего-то и умрем. Причина есть всему. И я надеюсь, что причина, по которой я скончаюсь, будет достойной. Возможно, только это и окупит все пережитое. В любом случае, не делайте из моей смерти трагедию. Лучше попытайтесь почерпнуть из этого немного лишнего опыта. И никогда не переставайте его набирать. Все остальное попросту не имеет значения. Удачи вам.

Вот и все. Это и было тем немногим, что она оставила нам. И никаких ответов. Я был бы искренне рад, если бы Ламия поведала, почему ее убили, как это вообще произошло и ради чего.

Всю память о ней я надежно сохранил в подаренный Антаресом мемориум, боясь упустить хоть что-то. Нельзя забывать. Ничего и никогда. На самом деле «жертвование» памяти мемориуму уже стало для меня ежедневным обрядом. Только пока воспоминания были яркими и свежими, они имели какой-то смысл. Возможно, я боялся, что однажды моя душа вновь расколется, как было при Антаресе, и половина воспоминаний просто испарится, обратив меня в новую личность. В прошлый раз это спасло меня от участи быть той еще сволочью, но терять себя еще раз я не хотел.

Потому был обязан сохранять себя, даже ослабляя силу воспоминаний – а значит, и собственный эфир, – отдавая половину их мощи мемориуму. Да и, в конце концов, не слишком много сил я терял.

Я молча наблюдал за очередной склокой Коула и Паскаля, которая с каждым разом становилась горячее. Все были на взводе.

– Что мы можем предпринять?

– Сначалаждемся отчета из Лазарета.

– К черту твой Лазарет! Это был один из нас? Или проникновение?

– Один из нас? Ты настолько не доверяешь своим же товарищам, Паскаль?

– Мое доверие основывается на железных фактах. Пока их нет, я готов подозревать каждого.

Они так ничего и не нашли. Совершенно. Кто-то вычистил все эфиры со складов, забрал их из зеркал. Мы понятия не имели, кто убил Ламию.

Когда ее забрали, я еще некоторое время сидел там, слушал, как взволнованно разговаривали остальные. Возились пчелиным роем. Под толстым слоем мерзкого тлена и холода. Мы не могли поверить в случившееся. Никто из нас. Убийство внутри Соларума – случай из ряда вон. Соларум – наша крепость. Наша защита.

Впервые никто не чувствовал себя здесь в безопасности.

Новая аннигиляция задерживалась, и мы были наготове – Вавилон внимательно отслеживал описанные Рамоной признаки появления Грея. Но теперь все это казалось таким неважным. Даже если бы он заявился в Берлин, Рим, Москву, Рио – плевать. Ламию бы не удалось вернуть.

И документы тоже.

Мы все обыскали, а я продолжал рыскать в самых затаенных уголках. У Ламии было так много рабочих мест и так мало порядка. Но я верил, что нечто столь важное она бы не закинула в самую дальнюю стопку бумаг.

Все, что у нас осталось, – те несколько абзацев, которые она успела мне передать.

– Это называется эфирным стеклом, – сказал мне Стефан, когда мы сидели на скамье перед Лазаретом. Он подал мне небольшой темно-фиолетовый нож со светлыми прожилками, похожий на стекло с

грубыми мутными сколами. Неровные острые края, но гладкая рукоять. – Этот я нашел под стеллажом. Второй стащили.

– Эфирное стекло... Что оно делает?

– Понятия не имею, очередная заоблачная штука. Знаю только, что давным-давно два ножа нашли в месте, где погибла звезда. Тело испарилось, а вещи остались.

Я устало кивнул и убрал нож, решив разузнать о его природе как-нибудь потом.

– Тисус никого не видел в Манипуляционной, – отметил Стеф.

– И в ее комнате ничего. Совсем, – сказал я, ссутулившись. На спину будто давил десяток булыжников. – Кто бы это ни был, он забрал и документы.

– А Дан? Он же переводил вместе с ней. У него должна быть копия.

– Я его все эти дни не видел.

Стефан тихо выругался.

– Он всегда так себя ведет, когда кто-то умирает. Замыкается. И лучше его вообще в такие моменты не трогать, поверь, сам переживет – это единственно верный способ. Но сейчас нет времени на страдания. Нужно его растрясать.

Я кивнул. По правде сказать, у меня имелись мысли, где его искать.

У Дана была одна привычка. Странная и пугающая до чертиков. Однажды застав его за таким после провальной охоты, я серьезно испугался за друга. Но если это ему помогало, то... почему бы и нет?

Снаружи оказалось непривычно ветрено, но озеро позади Соларума почти не покрывалось рябью. До гибели Ламии в голове было так много мыслей и беспокойств, что она разрывалась. А теперь совсем ничего не осталось, лишь пыль на дне высохшего океана. Я мог только ждать. Ждать, когда Грей вновь себя покажет, когда Ранорий пошлет сигнал, когда Сириус осознает происходящее и расскажет нам, что, черт побери, происходит. Ждать, когда кто-то спустится с небес и объяснит, как спасти умирающую Сару.

И я ждал.

И смотрел перед собой. На самый край обрыва, позади рядов каменных стел, подсвеченных изнутри. Возле обрыва стоял Дан. Как всегда, аккуратный, в начищенной обуви, брюках и белой рубашке.

Разве что пиджак где-то забыл. Галстук трепался на ветру. Над Даном – черная бездна космоса, а внизу – бледный хрупкий свет. И клочки облаков. Он внимательно глядел вниз. А затем сделал спокойный шаг в пустоту.

И сорвался.

Мое сердце рухнуло вместе с ним, я знал, что произойдет, но не мог не испытывать ужаса. Сколько раз он так делал хотя бы за сегодня? Дан как-то сказал мне, что это очищало мысли. Свободное падение в никуда.

Он вернулся через полминуты. Мне показалось, что в этот раз вышло дольше, обычно ему хватало и десяти секунд. Оказавшись на твердой земле, Дан едва не оступился и сделал назад пару неверных шагов.

– Не боишься оказаться слишком далеко от Соларума? – спросил я, привлекая его внимание. – Однажды ведь можешь и не достать.

– Что ж... значит таковы планы Вселенной.

Серьезный и полностью опустошенный. Под его убитым взглядом я непроизвольно вздрогнул. Апатия Дана была просто неправильной... Кто угодно мог так выглядеть, но только не он.

– Зачем ты здесь? – глухо спросил Волк.

Я кивнул в сторону озера, надеясь, что он отвлечется на меня и бросит свои игры с пустотой. Ему потребовалось некоторое время, чтобы принять решение и согласно пойти следом.

– Ты куда пропал? – поинтересовался я, когда мы оказались на достаточном расстоянии от края.

– Думал.

– Как и мы все. Нужно поговорить насчет Ламии. У тебя сохранилась копия перевода?

– Нет. Нет, она давала мне только отрывки, я их и переводил. Полной копии нет, Ламия была осторожной. Но я тоже заметил, что документы пропали.

– И ты искал их?

– А что мне еще делать? У нее должны были остаться записи в тайном месте.

Словно удар под ребра.

– Ты и правда думаешь, что она что-то могла спрятать?

– А ты – нет? – Он многозначительно вскинул брови. – Она была как ты. Все записывала. Ламия как-то говорила, что ее мысли скачут, точно блохи, и она не всегда может их отловить. Потому каждую блоху нужно архивировать, а затем препарировать и досконально изучить. Она что-то узнала про Грея, я уверен. И не могла не сделать записи, чтобы во всем разобраться. Мы должны найти их.

Я посмотрел на озеро. Мы оба отражались в нем как в зеркале. Как и тысячи звезд на небе, и целый Млечный Путь.

– Главное, чтобы мы себя в этом не потеряли.

Дан ответил без красок в голосе:

– Мы уже давно потеряли себя. И даже не единожды. Но так ни разу и не вернулись обратно.

– Дан, я вижу, что с тобой не все ладно, если тебе нужна какая-то помощь...

– Лучше позаботься о себе. Я всегда как-то сам справлялся, так что не надо мне в душу лезть.

Пробежала шальная мысль, что он неведомо как узнал о моей способности, но Дан снова вздохнул.

– Прости, не стоило мне так. Но правда, все будет хорошо. Дай мне немного времени, и я вернусь в форму. Обещаю.

После недолгой тишины он произнес:

– Я рассказывал тебе, как меня в наказание заперли под домом, когда я был ребенком?

– Я видел это в темнице Антареса, – колеблясь, напомнил я.

– А. Точно. Знаешь, тогда, за все дни, что я провел без еды и света, мне думалось, что тьма живая. Что она моя тюрьма, а не каменные стены. И что я уже растворился в ней навсегда. В темноте я видел сны, ужасные грезы. Мне до сих пор кажется, что это одна из них. Я просто стал с тьмой единым целым и вынужден вечно проживать иллюзорную жизнь. Позабытый всеми в подвале. И чернота – единственное правдивое, оставшееся со мной. Возможно, что я выдумываю судьбу, которой не удостоился. Может, так оно и есть, и вся моя жизнь – лишь блуждание во мраке в поисках выхода, которого на самом деле не существует. – Дан крепко зажмурился. – Макс, я все хотел сказать...

– Я понимаю, – перебил я. – Правда. Я утратил треть жизни, и я до сих пор спрашиваю себя, что вообще реально. Кто и что я есть. И порой это чертовски гнетет, остается один только мрак.

Он вдумчиво слушал, ожидая продолжения. Я перевел дух и добавил:

– Но нужно помнить, что мы не одни. И всегда поможем друг другу.

– Ей мы не помогли.

Дан печально улыбнулся и достал из кармана небольшую фотографию.

– Ламия... была трудоголиком. Ей всегда нужно было докопаться до истины. Без этого себя не видела. До самой смерти... – Я взглянул на фото, а друг начал объяснять: – Она никогда не отдыхала. Однажды я решил ее вытащить, когда пара адьютов играла свадьбу. Они пригласили с Соларума своих товарищей, и протекторы могли прийти, если захотят. Я лично был рад веселому вечеру, не похожему на охоту, а вот Ламия... – Он по-доброму хмыкнул. – Она все ворчала.

На изображении Дан разоделся в один из своих лучших черных фраков, улыбался во всю ширь для фото и прятал за спиной какую-то еду. Он чуть согнулся, чтобы обнять за плечо недовольную Ламию. Видеть ее в платье было более чем непривычно – наверное, Дан уломал ее ради торжества. И все равно даже там она работала и сжимала в руках энерггласс.

Вокруг них – праздник, позади стояли молодожены. Невеста что-то шептала жениху, а тот смеялся. Я пригляделся к ним и поразился.

– Это же мои родители.

– Да? – Дан взглянул на задний план. – Действительно. Я и не знал. Подумать только, тебя тогда еще на свете не было...

– Можно я оставлю фотографию себе?

Он запнулся на полуслове и после недолгого обдумывания кивнул. Дан протянул мне фото, и я коснулся его руки, проскользнув в душу. Внутренний мир протектора – бирюзовое море, волны которого лизали черную гальку; скалистые бугры, вырывающиеся из воды, и серое небо. Почему-то я никогда не мог хорошо читать Дана. Он так профессионально научился прятать за улыбкой свои тяготы, что, сам того не подозревая, делал то же самое и на душевном уровне. Я путался в его чувствах, с трудом выхватывал мысли и образы. Чтобы добраться до них, требовалась большая концентрация и уходило много сил. Да и заглядывать в чужие тайны мне не нравилось. Если человек запечатывает себя год за годом, значит, на то есть причины, и это не

моего ума дело. Но я видел пространство его души, глядел прямо на разломанный черный камень, из которого рос куст оранжевых роз. Они были нежными, слегка сияющими и так сильно выделялись из окружения, точно огонь, поддерживающий в Данае тепло. И они казались единственным ярким пятном, особенно теперь, когда даже солнце за облаками утратило прежнюю яркость. Все стало таким мрачным, холодным, галька покрылась изморозью, а на языке, помимо соли, стоял горький и пыльный привкус апатии.

Лед и одиночество. И бесконечно темное море. Дан определенно был не в порядке.

Я почти успел спросить его, но нас окликнули. Услышав голос Рамона, Дан резко помрачнел.

– Эй вы! – Она подросла к нам.

Рамона наконец оставила форму. Простые брюки, белая рубашка и плащ. В одной руке протекторши была кружка с чаем, а другую она держала в кармане.

Озарившись приветливой улыбкой, Рамона сказала:

– Никак не могу найти ни единой души, а вроде как местный центр Света. Почему не позвали меня на обсуждение дел с занудой послом?

– Как-то мы все это время и без тебя обходились, – пренебрежительно бросил ей Дан. – Ты сама нас к этому приучила, так что, пожалуй, мы просто забыли.

– Дорогой, ты что, все дуешься? – искренне удивилась она. – Так и остался нюней?

– Нюней? – Лицо Дана угрожающе окаменело.

– И мямлей.

Рамона была полностью довольна собой и уверена в сказанном.

– Ты бросила нас, – зашипел он.

– Бросила? Я всегда была в работе, милый. Выполняла свой долг...

– Ага. Без выхода на связь. Ты приходила, когда нас настигали катастрофы, но где тебя черти носили при смертях товарищей?!

Я взволнованно смотрел на эту сцену, чувствуя, что не должен тут быть. Рамона обомлела. Но всего на миг. Она спокойно отпила чая.

– И ты спрашиваешь еще, почему я называю тебя нюней? Дан, тебе сколько лет? А ведешь себя так инфантильно. Эх, не выбила я

этого из тебя...

– Где тебя носило, когда умерла Ламия?! – рявкнул Дан.

Все стихло. Рыбы округлила глаза.

– Ла... Погоди, что?

– Хочешь сказать, что тебя опять не было здесь? Что ты опять ни черта не знаешь, чем мы тут живем?!

– Я исследовала аннигиляции! – воскликнула она. – Вы меня не пригласили в свой закрытый кружок, так что...

– Да мне плевать, где ты была! Главное, что не здесь. Тебя не было, когда мы хоронили Пабло, Спенсера, Линь. Тебя не было, когда мы кремировали Маркуса, а он тоже был твоим учеником!

Его разрывало от невысказанных слов. Дан не мог надышаться и отчаянно выплевывал эти слова скорее в пустоту, а не в остолбеневшую Рамону. Он глубоко вобрал в грудь воздух и с ядом выдал:

– И катись себе дальше, Рамона. Катись в Обливион.

Дан быстрым шагом направился к Соларуму, почти сбив Рамону по пути. Мы же во все глаза смотрели ему в спину, боясь проронить хоть слово.

И все же Рамона отошла от изумления первой:

– Во дела.

– Да уж... – досадливо выдохнул я.

Она медленно повернулась ко мне, смотря куда-то вдаль.

– Он всегда таким был. С тонким устройством души. Не думала, что мое отсутствие так его заденет.

Приблизившись, Рамона качнула головой и снова сделала глоток из кружки.

– Сложное место этот ваш Соларум.

– Он и твой, – вскользь напомнил я.

– Нет, – ответила она, выждав пару секунд. – Уже давно нет.

Я не понимал, почему она не могла относиться к этому месту так же, как и мы. Да, не всякий был готов назвать Соларум домом с большой буквы, но все же здесь имелось что-то... наше. Общее. Пропитавшее и стены, и землю, каждый чертов серый камень и зеркало.

– Я не знала, что бедняжка Близнецы скончалась, – проговорила Рамона, прищурившись. – Только что вернулась.

– И долго ты еще тут будешь?

– Кто знает? Пока не разберемся. Если я предпочитаю существовать обособленно, то это вовсе не значит, что мне все равно на нашу планету. Сначала сделаем дело, а потом пойду. Но все же, милый Стрелец... как она умерла?

Комок черноты свернулся под сердцем. Я был вынужден повторить это вновь. Как уже говорил протекторам много-много раз.

– Украли оружие, верно? Выяснили какое?

– Эфирное стекло.

– О, то самое, которое мы нашли во второй половине тысяча семисотых? Занятно. Предыдущий посол сказал нам, что это очень опасная игрушка, но бесполезная для протекторов. Максимум сможем затыкать им друг друга до смерти, но не сплитов или эквилибрумов. Это что-то вроде обрядового оружия, как я поняла.

Я кивнул. Про документы я ей не сказал, равно как и остальным, не знающим о договоре с падшими. Это нам еще предстояло утрясти.

«Трэтмар сервас...»

Слова, так усердно выделенные Ламией из перевода. Мне был необходим оригинал.

Пока Рамона тихо гадала о возможных причинах убийства Ламии, я решил показать ей улику, которую почему-то оставил у себя, хотя Коул требовал сдать ее Тисусу на осмотр. Все эти дни я рассматривал ее, и каждый раз в голове начинало гудеть, как будто в черепе билась стая мух. Протекторша осеклась, увидев мою протянутую руку. В ее ладонь упала подвеска с зеленым глазом.

Рамона охнула, ошарашенно разглядывая украшение.

– Откуда... Дорогой, откуда это у тебя?

– Это было у Ламии. Когда она уже умерла.

– Вот черт...

Она с тоской водила пальцами по стеклянной поверхности подвески.

– Я когда-то подобрала ее как небольшой трофей с одной охоты в Перу. Любила, знаешь, собирать безделушки. А эта казалась смешной такой. – Рамона тяжело вздохнула, запрокинув голову к звездному небу. – Потом подарила ее ученику на память. Он тогда едва не умер.

– Подожди... – Я оторопел. – Дану?

Но она покачала головой и положила глаз в карман. Я был не против. Даже полегчало. Никакого больше гудения в ушах.

– Нет. У меня было три ученика. Каждый бестолковый в той или иной мере. Дан Вуйцик, Маркус Айхенвальд ...и Грей Фарадей. Да, я отдала эту штучку Грею перед тем... В общем, перед тем как отправиться в долгую-долгую ссылку. А он без меня распустился и устроил полный кавардак. И, судя по всему, продолжает делать это до сих пор. Мне жаль Ламию. Правда.

* * *

Это было так чертовски логично. Почему, почему я сразу не подумал, что к нам вломился Грей?!

Я ходил по своей комнате, хватался за голову, раздираемую мыслями.

Грей. Это был он. Везде и во всем.

О падших не было слышно столь долгое время, что все расслабились. Я сам забыл, что их следует остерегаться, ненавидеть. Возможно, именно это пренебрежение и стоило Ламии жизни. Я пренебрег всем. Особенно ею.

Получалось, что Грей знал о документах, знал о договоре с остальными падшими. И если он забрал не только оружие, но и записи, значит, там и правда содержалось нечто способное ему навредить. Или даже убить. Чем бы этот ублюдок теперь ни был.

Я заставил себя сесть и прочитать перевод. Текста было крайне мало. Как Ламия и говорила, они с Даном успели перевести лишь несколько отрывков.

Там говорилось об особенностях проекта «Индивидуум». Даже об исключительности. Шакара возлагала большие надежды на этот опыт, называла его своим *opus magnum* и ставила даже выше, чем создание сплитов. Она верила: Индивидуум откроет ей некую главную правду, о которой эквилибрумы либо не знают, либо не говорят приземленным. Но Шакара в то же время упоминала, что эксперимент – несомненно опасный. Даже не для самого испытуемого, а для всех окружающих. Ее беспокоило психическое состояние Индивидуума, что он мог

просто сломаться от своей новой сути. И тогда управлять им стало бы невозможно.

Я прикинул все, что мне рассказывали падшие. Все говорили, что у Грея чердак полетел сильнее обычного. И в его руках находились силы, которых испугались даже гребаные всемогущие звезды.

– Все-таки твой эксперимент вышел из-под контроля, – проворчал я воображаемой Шакаре. – И наконец уничтожил тебя.

Она писала о нервозности Индивидуума. Он был не в согласии с самим собой, но покорно проходил осмотры. Раз Шакара дала ему эту силу, то лишь она и могла помочь с ней справиться.

«Стартом всему послужила операция “Вознесение”, — писала падшая. — При работе над ней эксперимент пошел в радикально ином направлении, перейдя в стадию “Индивидуум”...»

«Подопытный Индивидуум стал проявлять агрессию. Снова пытался узнать, как вернуть душу в норму. Странно, что он еще не осознал: теперь это и есть его норма».

Так она все-таки провела тот опыт. Когда-то испытуемым «Вознесения» едва не стал я, но был спасен Даном. Получается, этой чести в итоге удостоился умирающий Грей, так удачно попавший Шакаре под руку.

Дальше шло несколько абзацев наблюдений. В основном они касались лишь психологических изменений: как Индивидуум спокойно всё выдерживал, как начинал злиться, как просто не отвечал на ее вопросы, замыкаясь в себе.

«Слишком мощное проявление квинтэссенции. Примечание: не выходить за защитный барьер при ее высвобождении. Требуется дополнительное наблюдение».

«Силы растут. С каждым новым тестом наблюдаются увеличивающиеся всплески эфира, которые не свойственны душе протектора, коими мы все изначально и являлись...»

«От работы меня отвлекают несколько параллельных опытов. Вероятно, их придется приостановить, а материал – уничтожить. Важнее Индивидуума ничего нет. Последний “Лазарь” меня совершенно не впечатлил».

«Ранорий внезапно заинтересовался опытом. Те несколько вопросов, что он задал, уже чрезмерны для него. Вероятно, в Индивидууме имеется потенциал, который может быть реализован

инженерами Темной армии. Информации пока недостаточно, я должна составить отчеты о проделанной работе. Если Ранорий придет за Индивидуумом, я не смогу предоставить ему нестабильный образец. Мне бы не хотелось уничтожать собственное творение, но заставлять ждать темный Юниверсариум нельзя. Я верю в этот проект. Здесь заключен ответ. И я вижу его в смиренных глазах Индивидуума. И пусть теперь они часто меняются».

«“Ослеп от яркости светил”, – слова Индивидуума перед самым началом работы. Ему это удалось через силу».

«Если бы он умер от всех физических и духовных изменений, это могло бы отбросить меня в исследования на годы назад. Но подопытный оказался достаточно крепким. Психологическое состояние нормализовалось, но я продолжаю осматривать его душу на предмет раскола. Если разум повредится, остальные испытания потеряют всякий смысл. И мне придется начинать сначала».

Все. Больше ничего не было. Я перечитал текст раз десять, не меньше, все время подмечая новые и новые детали. И все равно никакой полезной информации. Полный ноль. Отчаяние уже начало захлестывать.

И все-таки...

И все-таки имелся еще Дан, который как раз заходил в Манипуляционную прямо перед смертью Ламии, сказав, что нашел в переводе что-то тревожное. Его отрывка еще не было на листе. Там могло крыться хоть что-то.

Глава XVII

Пустота на границе Вселенной

Когда-то давно, еще до Средних эр, префектура Роштамма была полна жизни. Она являлась важным торговым узлом, именно здесь первые инженерные гильдии возводили свои главные корпуса, сооружали военные машины невиданной для тех эпох мощи. Времена первых войн, одних из самых яростных и горячих, сотрясали местную материю, дробили и крошили ее, шинковали в частицы столь мелкие, что об их существовании долгое время никто не ведал. И все же именно из них всемогущая сила созидания творила новые звезды и планеты, облака небул и кольца астероидов. В роштамской колыбели родился великий герой Света – Целавирал Колосс, который мог крушить темный Апогей, не активизируя собственный, и отдавший жизнь в борьбе с Агатовым монстром, созданным темными для уничтожения Светлой армады. Во времена эпохи Дремлющих Орудий, в девятую Эру Затишья, именно здесь каждые тринадцать Генезисов праздновали Аргентур. Сохранившиеся сведения о душах, прибывающих на событие со всех концов обозримой Вселенной, говорили о непостижимых цифрах. Там эквилибрумы проливали кровь в великом церемониальном Турнире Люминарного Клинка, пили багровые воды из источников пылающих скал, жертвовали свои воспоминания на алтарях памяти.

Много, много чего здесь происходило в древности. Но временной горизонт не щадит никого. Все больше войдовых разрывов расширяли Вселенную, и вот границы префектуры сместились к самому Пустотному пределу, на грани полного уничтожения. Забыты великие битвы и герои прошлого, громкие речи местных Имперумов и полисы, стерты в пыль так давно, что мир успел состариться несколько раз. Теперь, запрокинув голову к небу, можно было увидеть не больше сотни тусклых звезд, едва различимых и блекло сияющих. Дэларов чуть больше, но и они смотрелись жалко посреди пустынной бесконечности на краю всего.

Теперь здесь обитали искатели древностей и предельные охотники, шныряющие в поисках аномалий или монструмов,

появившихся из-за близости Пустотного предела. Так он влиял на души: изламывал и менял, создавая из них что-то ужасное и диковинное в достаточной степени, чтобы заинтересовать Юниверсариумы или зажиточных эквилибрумов в далеких центральных префектурах.

Материи в Роштамме осталось мало. Нет материи – нет созидания. Зербраг не мог не признать, что чувствовал здесь отражение общего тоскливого будущего. При взгляде в черное пустое небо так легко представлялась судьба целой Вселенной, которая через многие эры должна была стать именно такой. Полностью поглощенной Обливионом за Великим Пределом. Все говорили, что космос бесконечен, и были в этом правы. Предел никогда не был границей, просто за этой стеной Обливиона уже не было материи. А пустота – не конец, не начало и не край всего. Это ничто.

– Бесплезный отшиб, – тихо сказал Зербраг, идя на встречу с примус-легатом.

Несколько прошедших наомов он пробыл в обществе эквилибрумов из Совета Роштамма, выяснял ситуацию и игнорировал их заискивающие вопросы. Каждый мечтал о переводе куда-нибудь подальше отсюда, Зербраг чувствовал это в воздухе, он смердил едва живым карьеризмом. Жалости к членам Совета Паладин не испытывал, каждая душа была обязана служить и делать все возможное именно там, где ей судьбой нарек Свет.

И только теперь Паладин добрался до Медных плит и единственного легиона, приставленного к префектуре. Среди пыльной каменистой местности, лишенной растительности и яркого неба, вместо которого чернел беззвездный космос, был установлен небольшой военный лагерь. Над головой спутниками едва светились огромные и далекие осколки плиты – она оказалась раздробленной на множество массивных частей, зависших рядом друг с другом.

Зербраг властно шествовал меж просторных палаток, оглядывая их с долей неодобрения. Все выглядело так неправильно, бессистемно, без должной педантичности.

– Сколько душ в легионе Роштамма? – сухо спросил он, направляясь к возвышению.

– Пятьсот тысяч. Все мобилизованы ввиду происходящего, – вещал примус-легат, гремя латами. – Основная часть сейчас

на Ливевии, здесь же всего две центурии.

Зербраг осуждающе качнул головой. Мало. Конечно, чего еще ждать от захолустной военной единицы? Они не были элитным войском: в предельные префектуры ссылались бездари, дебоширы или не подающие надежд юнцы-рекруты, от которых требовалось лишь дослужить отведенный им срок. Словом, сплошной мусор.

– Мы благодарны, что вы прибыли, луц, – добавил эквилибрум, когда они остановились на самом верху. – Это большая честь для всех нас! Сам Зербраг Прож...

Примус-легат споткнулся об острый взор Зербрага и замолчал. Он наконец снял шлем. Его облик оказался первой вещью, которая удивила Паладина после прибытия в Роштамм.

– Редко встречаю планетаров в войсках, – бросил он, доставая подзорную трубу. – Особенно на таких высоких постах, как примус-легат. Это звание дается за очень, очень значимые заслуги.

Основной движущей силой легиона всегда были звезды. Просто потому что дэлары могли убить представителей остальных рас без особых усилий. Эквилибрумы слабее звезд обычно выступали во вспомогательных отрядах снабжения, поддержки, диверсии, инженерных войсках, разведке, логистике. Но не участвовали в прямых столкновениях, не в пехоте или кавалерии. В лучшем случае контролировали метеороидов. Они не обладали ни кровным оружием, ни броней. Лишь редкие орнега и планетары, чьи метки и квинтэссенции были полезны в бою, могли встать в один ряд со звездами.

– О да, спасибо, луц! – Планетар раздулся от гордости. Это ясно читалось на его темно-коричневом мягком лице. – Всей душой служу Свету!

– Это не похвала. – Зербраг стал настраивать резкость линз. – Еще раз, как тебя зовут, примум?

– Виттарискат ад Мехалим.

– Ты фактотум Мехалима Тяжелорубящего, одного из главных мастеров торговой гильдии?

– Да! – вновь воодушевился примус-легат.

– У него грязная душа, – процедил Зербраг, пристально оглядывая долину. – Однажды его привлекут по закону за попытки избежать налогов.

Перед ними предстала гигантская воронка давно заброшенного омниевского рудника. Казалось, что Зербраг и планетар стояли на обрыве целого мира. Еще одно из забытых наследий Роштамма. Когда-то здесь находилось несколько месторождений омния – почти что священного материала, заменяющего эфир. Он позволял создавать сильные манипуляции, не расходуя душевной энергии. Естественно, ни одной из Армий не хотелось ослаблять себя, жертвуя воспоминаниями, потому за омний война иногда шла так же яростно, как за территорию или убеждения. И вот теперь это грандиозное пространство, раскинувшееся на целые километры и покинутое еще десяток эр назад, вновь наполнилось жизнью. И чем дальше Зербраг вглядывался туда, тем суровее становилось его лицо.

– Совет сказал, что темные здесь уже четверть эллера. И их все больше.

– Так точно, луц, – подтвердил Виттарискат. – Постепенно прибывают все новые и новые. Но они не выказывают никакой агрессии, даже не выходят за границы рудника.

– Они знают, что это светлая территория. Вы пробовали с ними связаться?

– Все наши сообщения были проигнорированы.

– А гонец?

– Как мы можем вести переговоры с этими чудовищами, луц? – нахмурился планетар. – Слепо верить, что они не разорвут светлую душу еще на подходе?

Зербраг только вздохнул и с хлопком сложил трубу. Их обдало волной пыли, принесенной ветром.

– Это не военные. По крайней мере, не все из них.

– Любой из дэларов обучен военному делу. И опасен, как сам Обливион. То, что они разбили здесь лагерь, – уже акт открытой провокации.

Паладин с неохотой признавал, что и сам был в легком замешательстве. Он увидел не солдат, а простых темных самых разных рас, не меньше полсотни тысяч душ. Они заняли всю воронку вместе с широкой спиралевидной дорогой, тянущейся от самого края до дна, заставили ее просторными палатками, будто пережидая что-то. Или ожидая. Темные просто так собрались в подобном количестве на

светлой земле? Пускай даже столь бесполезной, хотя это еще больше лишало происходящее смысла.

– И вы их не трогали, – подвел итог Зербраг.

– Они не нападали на поселения и в целом вели себя мирно. Мы в растерянности, Совет и префект не знают, что делать с подобной ситуацией. – Виттарискат мрачно обернулся к воронке. – Если это повлечет за собой открытые военные действия, какие сейчас гремят в префектуре Баура, то мы не выстоим. Наши ресурсы не такие обширные, у нас просто нет места для войны. Это спокойная префектура, уже как две эры Роштамм не переходил в стадию массового сражения ни в одной из своих провинций, даже в секторах всё лишь в стадии холодной войны.

– Что насчет того строения? – Зербраг указал трубой в самый низ.

Там едва сверкал плотный темный купол, несомненно старый. Он казался вытянутым и большим, именно к нему стекались темные, но держались на заметном расстоянии. Будто в почтении. Только подумав об этом, Зербраг обратил внимание, какая же гнетущая тишина стояла вокруг. Такая толпа не могла вести себя тихо. Поэтому казалось, что изнутри воронки доносился почти неразличимый гул. Он льдом оседал где-то внутри. И все-таки Зербраг заинтересовался. Древние постройки могли хранить немало тайн.

Виттарискат вновь надел шлем.

– Этого тут раньше не было. Мы предполагаем, что сооружение установили дэлари. Его назначение выясняется.

– Не нужно, – ответил Паладин, вновь направившись к лагерю. Он увидел достаточно. – Вы зря волновались, примус-легат. Это все еще территория Света, а эти темные – агрессоры, вне зависимости от того, как они себя ведут на нашей земле. Пакт всем хорошо известен, и мы имеем право на защиту своих территорий. Ваш легион легко с ними разберется.

– Будем выносить предупреждение?

– У них было достаточно времени для осознания своих ошибок.

Зербраг зашел в главную палату управления, намного более просторную, чем казалось снаружи. На почтенном месте хранился штандарт со знаменем Света и сияющей звездой на верхушке. Внизу обозначался символ самого легиона Роштамма, но Зербраг не

собирался уделять его изучению ни секунды своего времени, потому сразу обратился к картам местности.

– Ближайшее темное поселение всего в трех системах отсюда, – говорил он, очерчивая линии на светящейся поверхности. – Здесь плохие транзитные потоки, это хорошо для нас. Войска Тьмы не смогут быстро отреагировать. Потому нам требуется разобраться с рудником как можно скорее.

– Как скажете, луц, – кивнул планетар. – Вы будете наблюдать за зачисткой?

– Я намереваюсь лично участвовать.

– Но это небольшое столкновение. Паладину не следует...

– Не вам указывать, как мне следует поступить. Главнокомандующий не должен отсиживаться в стороне, – строго отрезал Зербраг. – Если он сам отдал приказ о кровопролитии, то обязан рисковать ровно так же, как и его подчиненные.

– Но какой смысл, если такую ценную душу, как вы, убьют?

– Если меня убьют, то я не заслуживаю звания Паладина.

Глаза Витгариската наполнились глубочайшим уважением.

– Тогда выступаем немедленно?

Ответить Зербрагу помешала Юферия. Она как раз вошла внутрь и почтительно скрестила ладони на груди, приветствуя примус-легата.

– Юферия ад Зербраг, – почтительно представилась она вышестоящему и обратилась к своему патрону: – Луц, я только что из столицы. Пришел гонец, принес приглашение от генума Ятджой. Они желают видеть вас у себя.

– У меня нет на это времени, – холодно отозвался Зербраг.

– Луц, это непочтительно, – настаивала Юферия. – Они – правящий префектурой генум. К тому же времени у вас предостаточно, Бетельгейзе не уточняла, как надолго вы отправлены в Роштамм. Ваше пребывание здесь не ограничивается решением проблемы с рудником.

Зербраг едва заметно поморщился. Меньше всего ему хотелось встречаться с правящими низшими генумами.

– В приглашении также значилось, что на встречу с вами надеется и Имперум.

А вот это уже серьезно.

– Они все рады появлению Паладина Света в такой далекой префектуре, – спокойно продолжала Юферия. – Это внушает им надежду.

Зербраг с презрением сузил глаза.

– Отложим наступление до моего возвращения, примум. Продолжайте следить за темными.

Как только они оказались на ладье, Юферия села рядом с ним и, положив руки на колени, тихо сказала:

– Мы связались с «Белым лучом». Они согласны вести переговоры на выдвинутых нами условиях.

Паладин молча кивнул, не отрывая вдумчивого взгляда от скудного вида за окном.

Глава XVIII

Хороший человек, ждущий человек

Я быстро метнулся к первой башне протекторов, на четвертом этаже которой Дан и жил. Но на втором мой шаг замедлился: дверь в комнату Ханна была слегка приоткрыта. Буквально небольшая полоска света, прорезавшая мрак. Душистый цветочный запах доходил даже сюда, но, что еще важнее, долетали и голоса.

– Я решительно не понимаю, что ты хочешь от меня, – сухо сказала Ханна.

– Да брось, неужели ты сама этого не видишь?

Я узнал возмущенный голос Дана. Они явно спорили. Но больше всего меня поразило, что эти двое в принципе разговаривали один на один. За все то время, что я провел в Соларуме, Дан и Ханна обменивались лишь редкими репликами, сопровождающимися то неправдоподобной любезностью, то холодом. Избегали друг друга как могли. Я поднялся повыше, тихо сел на ступеньку и начал подслушивать. Естественно, я себя осуждал, но раздражительный голос Дана вызывал у меня опасения и интерес.

– Я никогда не прощу Рамону за то, что она нас бросила и десятками лет не появлялась в Соларуме. Ни один из нас не способен существовать в одиночку. Ни один!

– Но Рыбы продолжает активно выполнять все нормы по вычищению Тьмы, пусть и без связи с нами, – ответила Ханна. – Может, она просто не хотела нас видеть. И ты лучше других знаешь, что она способна прожить без протекторов.

– Мы ей ничего не сделали! Она сама столько всего натворила, ты же помнишь!

– Что, если она просто сожалела о случившемся и потому не возвращалась?

Тут Дан заворчал что-то себе под нос. Послышались шаги – вероятно, протектор, как обычно, начал нарезать круги в задумчивости.

– Ты думаешь, что какая-то совесть не давала ей вести нормальную жизнь на протяжении стольких лет?

– Что ты подразумеваешь под «нормальной жизнью»? – Ханна горько усмехнулась. – Все это? Да открой глаза! Пытаясь обвинить Рамону, ты просто ищешь козла отпущения, лишь бы справиться с тем, что происходит с тобой каждый день! Каждый. День. Может, и она так пыталась смириться со всем. Мы все это делаем!

После короткого молчания он произнес:

– Я не могу простить ей этого. Не могу, понимаешь? Она была моим учителем. И другом. Я всегда знал, что могу довериться ей в чем угодно, обратиться за помощью. А потом Рамона просто ушла и не выходила на контакт ни с кем, кроме канцелярии и тех редких появлений в Соларуме.

– И что, это делает из нее врага протекторов? Не строй из себя нежный цветок лотоса, которого обделили больше других. Чего ты хочешь?

– Я... я не знаю... просто... – выдавил он, и раздался скрип пружин: наверное, Дан сел в кресло. – Я никогда не поверю, что она сломалась и так отдалилась. Ее ничто не сломит, никогда. Я только хочу понять причину. Узнать ответ – почему?

Ханна громко выдохнула. Вновь тишина, которая в этот раз затянулась.

– Ты юлишь, – наконец сказала она.

– Вовсе нет.

– Да. Ты удивлен, что я все еще отлично тебя понимаю. Ты не ради Рамоны сюда пришел, а за поддержкой. Но мне интересно: почему ты не пошел за этим к Фри, Стефану, Максиму или еще кому?

– Поддержка от Стефана? Скорее Соларум на землю опустится. Фри на все смотрит с пристрастием. Позитивным, но все же. А Макс... он так тем более не осознаёт всего происходящего. Совсем еще зеленый.

– Так зачем ты пришел ко мне? Мы уже давно вот так не говорили, и всё по твоей прихоти.

Он поколебался, но задал вопрос:

– Скажи, Ханна, по-твоему, я хороший человек?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что ты меня знаешь лучше других. – Дан помедлил и виновато добавил: – Я устал, что все меня покидают. Умирают или

меняются, а я остаюсь здесь. И они не замечают, что со мной происходит, их всех занимают лишь собственные проблемы. Никто ничего не видит. Никогда.

– Это типичное поведение людей. Неужели ты до сих пор не привык? Мы все похожи.

– Ханна, я ведь стар. Действительно стар. По людским меркам, естественно. Мало кто задумывается об этом, глядя на меня, не так ли? Но даже я не могу привыкнуть к этим чувствам. Вряд ли может и Коул, да и Тисус, как бы тот ни брюзжал. Не могут и звезды. И это так меня гнетет. Осознание всеобщего одиночества. Все мы нуждаемся друг в друге, но боимся пораниться, отстраняясь от других все дальше и дальше.

– Кажется, что-то именно такое ты говорил, когда ушел от меня, – с легким холодом заметила Ханна.

– Может, я и сожалею об этом.

– И это ты тоже говорил.

– Ты тогда чуть не умерла. Пошла за мной, а я не смог тебя остановить.

– Вся наша работа – опасность! Мы каждый день можем погибнуть – какая, к черту, разница, как и когда это произойдет?! Уж лучше так, чем годами вести себя как ты! Это глупо!

– Я знаю, но тогда струсил. Как и всегда. Возможно, я надеялся, что наши эмоции не такие постоянные, как у эквилибрумов. У людей все быстро перекипает, со временем им становится все равно. Я эгоист. Да ты и так это знаешь. Меня пугала мысль, что ты погибнешь и это вконец сломит меня. Я так надеялся, что смогу перегореть к тебе.

– Опыт не удался, верно?

– В какой-то степени я даже рад, что и ты это понимаешь.

– Ты идиот, – зло выдала Ханна.

Дан печально усмехнулся:

– Я осознаю, насколько пустыми и жалкими могут показаться тебе мои слова спустя столько времени, и мне нет оправдания. Но лишь ты можешь мне помочь. Я устал идти в этой темноте совсем один. Мне кажется, еще немного, и я сорвусь вниз, в еще больший мрак. Боюсь представить, что тогда будет. Единственное, что я сейчас твердо понимаю: это произойдет без тебя. Прости меня. Прости за все, что я

натворил и сказал. Я не могу найти сил простить себя, но, может, у тебя они найдутся?

Судя по звукам, Дан поднялся с места, на что я незамедлительно среагировал. И так услышал много того, чего не должен был. Выдохнув, я постучал и заглянул внутрь.

В комнате Ханны было не просто много растений – они буквально были везде, отлично себя чувствуя под солнечными лампами. Некоторые даже не с Земли. Особо толстый и постоянно шевелящий листьями вьюнок опутал всю стену, с потолка свисали неведомые мне белые соцветия, а на балконе красовалось множество больших вазонов с цветами самых разных и невообразимых красок. Пахло густым травянистым ароматом. Сама Ханна стояла возле комода. Она глянула на меня и резко отвернулась.

– Макс? – сипло спросила она, быстро утирая рукой глаза. – Что тебе нужно?

Дан смерил меня мрачным взглядом. И все-таки я зашел не вовремя. Пришлось говорить быстро, с серьезным видом, лишь бы не растягивать неловкий момент вторжения:

– Я по поводу Ламии. Дан, ты же перевел какой-то кусок из документов, который она не видела? Что там было?

– Ты хочешь узнать об этом сейчас? – спросил он, явно не веря, что у меня наглости хватило прерывать их разговор ради этого.

– Да, сейчас! – заявил я, взмахнув руками для эффекта. – Ее убил Грей. Он как-то пробрался сюда, чтобы добыть оружие. Ламия его засекла. Потому что она погибла, понимаешь? И он же забрал документы, потому что знает: мы его ищем. Все сходится!

Ханна медленно повернулась и посмотрела на меня.

– Грей? Но как он проник в Соларум? И про какие документы вы говорите?

– Я тебе расскажу после, – выдохнул Дан. Негодование покидало его, сменяясь тревогой. – Теперь про перевод, похоже, можно рассказать всем. Черт... Это правда серьезно.

Протектор достал энергглас.

– Это совсем небольшой отрывок. – Он провел пальцами по стеклу и стал зачитывать: – *«Одна из особенностей Индивидуума состоит в том, что он цепляется за жизнь изо всех сил. Я подарила ему эту способность. Теперь сомневаюсь, что хоть что-то в*

обозримой Вселенной сможет его убить. К счастью, сам он пока о своих силах не догадывается.

Помимо этого, Индивидуум продолжает крепнуть, хотя в его смиренных глазах я различаю страх».

По спине пробежали мурашки.

– Звучит плохо, – выдавил я.

– Очень, – уклончиво ответил он.

– Но это все равно нам ничего не дает! Мне еще нужно выяснить, что значит «трэтмар сервас». Ламия особо выделила это на доске...

– «Смиренные глаза». Мы как раз спорили из-за перевода этой части. У слова «глаза» были альтернативные варианты, потому что в той вариации по невероятной причине это еще могло значить «слова». А «трэтмар» – это вообще «покой», «повиновение»...

– Странно. Отрывок вообще ни о чем. Зачем Ламия так это расписы...

Я завис, схватившись за мысль. Причем настолько, что Дан и Ханна неуверенно переглянулись.

– Макс? – осторожно окликнула меня Ханна.

– Ты говорил, что она как я. Дан, у нее был блокнот! Она все важное в нем записывала! И перевод тоже! Ламия, как и я, всегда пыталась сохранить каждую мысль!

Дан оживился.

– Тогда он нам нужен! Там могло что-то остаться!

– Именно!

Я не успел даже этого слова договорить, а протектор уже сунул Ханне свой энерглас и сломя голову выбежал в коридор.

Ханна смиренно вздохнула:

– И вот так всегда с ним. Надеюсь, вы совсем скоро разберетесь и расскажете нам, что нашли.

Прежде чем отдать энерглас Дана мне, она тяжело на него посмотрела.

– И все же проследи за Даном, хорошо? Он... не умеет вовремя останавливаться.

Мне стало немного совестно перед ней. Но Ханна расправила плечи и передала устройство, касаясь моих пальцев. Я увидел центр ее души – увитое плющом старое потертое пианино с облупившейся черной краской, – прежде чем соскользнул в одно из воспоминаний.

Иногда люди так сильно были увлечены какой-то мыслью, что моментально утаскивали меня за собой в просторы разума, и их воспоминания, как кляксы чернил, расширялись перед глазами.

Холодный дождь моросил о зонт, и редкие фонари освещали каждую каплю. Ханна медленно шла по брусчатой дороге, залитой лужами, кутаясь в пальто и мысленно проклиная все на свете. Вместе с тем она беспокоилась, что опоздала и как бы чего не случилось. Протекторшу сопровождал высокий и тощий человек, одетый в плащ. Когда они завернули в узкий проулок – который молодая девушка в темное время суток обошла бы за километр, не имея при себе оружия или хотя бы верного спутника, – адъют указал Ханне на приземистое здание в два этажа. Из открытой входной двери лился свет.

– Он там. Вы уверены, что хотите идти одна? – учтиво осведомился он. – Мне совсем не составит труда...

– Нет, – быстро перебила его Ханна. – Не стоит. Я все-таки люмен-протектор. Пару пьяниц как-нибудь переживу, раз уж могу и сплитов. Спасибо, что отследили его и сообщили в Соларум.

Мужчина кивнул и удалился, оставив Ханну под дождем.

Месяц. Он пропал чертов месяц назад и только сейчас попал в поле зрения местного дозорного пункта.

Внутри было душно и шумно. Первое, что она увидела, – компанию солдат в углу за большим столом. Те смеялись и просили принести им еще пива. Некоторые обнимали за талию вызывающе одетых женщин. Ханна непроизвольно поморщилась при виде повязок на руках военных. Ей в принципе было тошно и даже мерзко находиться не только в этом месте, но и в самом городе. Да, протекторы должны заталкивать любое свое мнение о приземленных куда подальше, но в ядре своем оставались всего лишь людьми, потому про себя оценивали ситуацию как нам угодно. Порой Дева жалела о невмешательстве протекторов в политику стран и жизнь людей. Возможно, не будь этого закона, многих жертв удалось бы избежать.

Бар ломился от приземленных. Уборщик, подметающий дощатый пол, обогнул Ханну, не обращая никакого внимания, словно она была всего лишь столбом. Вокруг барной стойки толпился народ. Люди громко говорили и посмеивались, внимательно наблюдая за происходящим. Ханна не торопясь стала протискиваться к стойке, но

вдруг раздался вскрик боли, а народ радостно заулюлюкал, Ханна активнее заработала локтями.

– Да ладно тебе, успокойся! – донесся знакомый голос. – Все не так плохо.

Ханна оттолкнула увесистого господина и уставилась на солдата, прижимающего к себе руку. Один из пальцев кровоточил. На стойке лежал острый нож, точно такой же был в руках Дана, сидящего напротив молодого бойца. Протектор лениво водил лезвием по деревянному покрытию.

– Пятнадцать-три в мою пользу, – подытожил он, улыбаясь.

– Пошел ты! – прошипел от боли солдат.

– Ну-ну, Уве, держи лучше, я же к тебе со всей душой! – рассмеялся Дан и подал ему бутылек с пылью, а затем обернулся к сутулому бармену. Тот словно не замечал толпы и переставлял бутылки у стены. – Уважаемый! Еще по одной! Всем! Я обещал угощать этих господ при каждом юбилейном числе, так пусть же это продолжается!

Толпа одобрительно загудела. Как только алкоголь начали разливать по кружкам, Ханну едва не оттеснили. Протекторша поражено уставилась на Дана. Вне сомнений, он уже был пьян. Одет протектор был, как всегда, со вкусом, но костюм был пыльным, местами заляпанным. Рукав пальто слегка надорван, белый шарф и расстегнутый воротник рубашки усеивали грязные разводы. А еще эти опасные игры. На стойке виднелись выемки от ножа и пятна крови. Но больше всего ее повергло в шок то, что солдат засыпал рану кометной пылью, которую ему отдал Дан.

– Зажило? – удовлетворенно осведомился тот.

– Ты так и не сказал, что это за дрянь такая, – нахмурился солдат.

В ответ на это Дан сунул ему в руки кружку с пивом, расплескав немного на собственный рукав.

– Новые разработки, мой друг, скоро вы обо всем узнаете. Только тс-с. А пока наслаждаемся игрой, верно, Уве? – Он ободряюще потрепал его по щеке. – Мы всегда будем ею наслаждаться. Опасной и болезненной. И будем играть для того, чтобы другим было хорошо! Уж поверь, я этим занимаюсь всю свою жизнь.

Не дожидаясь новых вопросов, Дан схватил свою кружку и резво, но при этом покачиваясь, вскочил на стул, почти упершись головой в

потолок, а потому чуть сгорбился.

– Я хочу сказать слово! – воскликнул он. – А ну тихо! Мои дорогие друзья, сегодня воистину прекрасная ночь, я думаю, вы рады, что смогли дожить до нее в такое-то злое время. Вам, несомненно, повезло, я думаю. Но сегодня с нами нет одного очень хорошего человека. – Тут Дан замешкался, оглядывая притихших людей. – И мне больно говорить об этом, ведь он умер и за вас тоже.

– Он воевал? – спросил кто-то.

– Да! Разумеется! Он воевал как никто... Вы ведь тоже потеряли своих родственников, друзей, знакомых? – Некоторые еле заметно кивнули, а Дан продолжил: – Тот человек очень любил это место. И подобной смерти он явно не заслужил. И я бы хотел, чтобы вы подняли за него свои кружки, можете оказать мне такую услугу? За тех, кого сегодня нет с нами!

Когда люди воодушевленно повторили за ним этот тост, Дан спустился, едва не упав.

– Ну что, продолжим? – спросил он у Уве, вновь берясь за нож.

– Да что с тобой не так?! – воскликнула Ханна, выйдя из ступора.

Дан вздрогнул и, глядя на нее, испуганно захлопал глазами. Но уже через секунду обрел былое спокойствие и нехотя обернулся к Уве.

– Ладно, потом закончим. Сейчас иди. И вы все тоже расходитесь!

Стоило ему приказать, надавить на души приземленных, как те разошлись по углам, не забыв прихватить с собой бесплатную выпивку.

– Ханна, – после недолгой паузы рассеянно обронил протектор, поворачиваясь к стойке. – Не ждал тебя.

Ее трясло от злобы и страха.

– Вы что, пытались себе пальцы на спор отрубить?!

– Это называется игра в ножички, – отмахнулся Дан.

– Ты дал ему кометную пыль!

– Было бы неловко, если бы бедный Уве потерял палец из-за заражения.

Дан не оборачивался к Ханне, поэтому, чтобы не говорить со спиной, она села рядом, пытаясь поймать его взгляд. Но Дан угрюмо смотрел перед собой со всем упорством. Еще минуту назад он был весел, а теперь будто рухнул в бездну мрака и горя.

Пока он пил, Ханна оглядывала протектора. Весь помятый, потрепанный, скулу украшал огромный темный синяк. На костяшках пальцев краснели ссадины, словно Дан подрался с кем-то.

Они молчали, пока вокруг гудели голоса. Но казалось, что все остальные были далеко-далеко, за тысячи километров, а здесь и сейчас находились лишь они вдвоем.

– Он правда любил это место, – пробормотал Дан. – Хотел быть поближе к корням, хотя свою человеческую жизнь и семью ненавидел. Меня всегда забавляла мысль: что, если наши соседи по столам наконец прозреют и услышат, на каком языке я говорю? Было бы интересно понаблюдать за судьбой поляка в нацистской Германии.

Пока Дан раздраженно постукивал пальцами по стакану, Ханна решилась вновь заговорить:

– Мы волновались.

Дан едко усмехнулся:

– Ну да. Тебя послал Коул? А может, Стефано без меня от рук отбился? Хотя о чем я, он все равно поганый протектор. Всем я вечно нужен.

– Нет, Дан, я...

Ей хотелось сказать, что именно *ее* беспокоило его столь долгое отсутствие. Остальные говорили ей, что Дан сам вернется, что ему нужно прийти в себя, пережить горе так, как он умеет. Только вот Ханна знала, что протектор чертовски плохо с этим справлялся. И ее опасения подтвердились.

– Я просто хотела удостовериться, что с тобой не стряслось ничего плохого.

– Все плохое уже стряслось, – огрызнулся он. – Но не со мной.

– С Маркусом. – Ханна почувствовала вину только за одно упоминание имени покойного друга.

– Не начинай. – Дан поморщился. – Я не хочу снова это обсуждать.

– Все уже было сказано еще несколько недель назад, на его похоронах. Нет смысла трогать прошлое. Но, Дан, пожалуйста. Нам нужно смотреть в будущее.

– В будущее?! – обжег словами он, но Ханна была готова. – О каком будущем ты говоришь?! Каким будущим мы можем стать?! Он обратился в прах. Пепел. Воспоминание. А когда и мы умрем, Маркус

станет ничем. Никто о нем не вспомнит. Человек без прошлого и будущего, пустое место в истории мира. И это участь всех протекторов!

– Так тебя это беспокоит? – удивилась Ханна.

– Меня многое беспокоит. Мыслей слишком много. Хочу их заглушить, но не выходит. Хочу... хочу, чтобы все мы что-то значили для этого мира.

Дан казался не просто скорбным, а убитым, сгорбившимся под тяжестью собственной жизни.

– Я так устал от всего. Выворачивает уже. Каждый день просыпаюсь по утрам в страхе за других, в страхе за себя. Пытаюсь вспомнить тех, кто ушел, чтобы их существование все еще было полно смысла. Я не хочу, чтобы кто-либо умер, и не хочу умирать сам. Каждый раз пытаюсь что-то сделать! Всегда! А получается только хуже. Когда Лайла спасла Сару, но не себя, мы с Маркусом еле уберегли Грея, чтоб он не наложил на себя руки. Но если бы я знал... Скажи мне, что я делаю не так? И что вообще должен делать? Уже ничего не понимаю.

– Ты не мог знать, что Грей так отреагирует, – твердо заговорила Ханна. – Ты не виноват в том, что он убил Маркуса.

– Да, не виноват. Но кто-то все равно умирает, как бы я ни старался. Мой лучший друг погиб. Я понимал, что однажды это произойдет, но все равно к такому нельзя быть готовым. Это больно. И я боюсь, что если и ты умрешь, то будет еще больнее.

– Идем. Пожалуйста. Нам пора домой.

Дан пошатнулся, Ханна позволила ему облокотиться на себя.

– Домой, – ядовито повторил он, пока она вела его к выходу. – Это не дом. Тюрьма, где мы ожидаем гибели. Черт подери. Ненавижу!

Они вышли на улицу, прямо под дождь. Я медленно брел следом, смущенный и пораженный увиденным. Мне не стоило сюда лезть, вообще не стоило. Но и вырваться не выходило – Ханна слишком углубилась в воспоминание.

И тут Дан остановился. Его расплывающийся маревом взгляд вдруг прояснился и собрался, мрачно сосредоточился на Ханне, придавливая ее к земле гранитной плитой.

Какое-то время звучал только дождь.

– Почему оно всегда так, Ханна? Почему именно я? Какого черта я должен терпеть подобное, вновь и вновь, боясь за всех, помогая другим? Ты всегда говоришь, что это следует отпустить, идти вперед... Херня! В чем гребаный смысл, если все равно возвращаешься в исходную точку? Пытаюсь защитить одних, а страдают другие. «Ты должен быть сильнее!» «Ты должен взять себя в руки!» Но знаешь что? Я абсолютно ни хрена никому не должен! И никогда не был!

Последние слова он сплюнул, они были полны желчи и презрения, адресованных исключительно ей. Ханна во все глаза смотрела на Дана, чувствуя жжение в горле. Она вслушивалась, как капли отбивали дробь по земле и крыше, ярко сверкая в тусклом свете ламп. Ей казалось: еще немного – и что-то в ней снова надломится. Ханна не могла вынести ненависти от Дана. Только не от него. Это больнее всего.

Протектор увидел, как исказилось ее лицо, оттого мгновенно остыл.

– О, звезды. – Он быстро приблизился и обнял Ханну. После недель блужданий пахло от Дана не лучшим образом. – Прости, я не хотел. Я просто...

Он осторожно провел пальцами по ее шраму – кривому и уродливому. Напоминание о порванной щеке. Остальные шрамы, что Ханна получила в тот день, были намного страшнее и скрывались под одеждой.

– Это моя вина, – скорбно произнес Дан. – Я не должен был идти туда.

– Но это я решила идти следом. Это был мой выбор. А затем, когда все случилось, ты сделал свой. И вот тогда была действительно твоя вина.

Ханна дрожала от холода и обиды и не заметила, как Дан наклонился к ее лицу. Всего секунда – и она тут же отстранила его.

– Нет. Так нельзя. Во-первых, от тебя несет. Во-вторых...

– Я ошибся.

– Не сейчас. Просто не сейчас, понимаешь? Я... не знаю. Ты хочешь попробовать сначала? Но ведь ты всё и разрушил.

– Я знаю, прости меня...

– Ты сейчас не соображаешь. Ты пьян.

– Это ничего не меняет.

– Послушай! – Ханна положила руки на его плечи, встряхнув, и с мольбой посмотрела в бирюзовые глаза. – Пожалуйста. Тебе нужно отдохнуть, прийти в себя. И уже после принять это решение. Понимаешь? Лишь тогда я смогу в него поверить. Один раз ты уже совершил выбор от избытка чувств, и новое поспешное решение я простить тебе не смогу.

Дан медленно переваривал все ею сказанное.

– Ты подождешь?

– Я всегда буду тебя ждать. Это звездная природа. Нам от нее не деться.

Подумав еще немного, Дан наконец утомленно кивнул.

– Хорошо. Мне нужно поспать. А затем я по-настоящему извинюсь перед тобой, и тогда мы начнем все заново.

Они вернулись в Соларум, и казалось, теперь все будет по-новому. Ханне хотелось на это надеяться. На следующий день она искала Дана, чтобы поговорить с ним. Ей думалось, что он снова сбежал, но потом Волк обнаружился в окружении протекторов. Он весело с ними общался, словно позабыв о вчерашнем горе, сиял непринужденностью, а затем заметил Ханну, стоящую вдальке. И вновь остались лишь они вдвоем. Напряжение натянулось стальным канатом. Они смотрели друг на друга, прекрасно всё осознавая.

И тогда Ханна пошла прочь, а Дан обернулся к протекторам. Оба вернулись к своим жизням, существуя в тени друг друга.

Внезапно новый звук накрыл Соларум, да так резко, что я содрогнулся и, слава звездам и всему Всепроницающему Свету, наконец вырвался из дискомфортного воспоминания.

Соларум пронизывали колокола. Они звучали, только когда происходило что-то невыразимо плохое.

Сигнал не остался без внимания: перед лестницей атриума уже начали сходить протекторы. Не успел я спросить хоть что-нибудь у них, как нашу небольшую толпу стремительно прорезал Коул.

– Собираемся. Все. Живо.

– Из-за темного посла? – удивился Стеф. – Он же... вряд ли прилетел нас бомбить. Сириус сказал, что с ним все должно быть мирно.

– Нет, – резко отрезал Коул. – Это не из-за него. Произошла аннигиляция. Опоздала на несколько дней. Похоже, сроки не

фиксированные, как мы думали раньше.

Я только сейчас заметил, что руки Змееносца подрагивали, как от напряжения. Плюс болезненный вид. В последние месяцы я его почти не видел, но знал: Коул по уши увяз в работе Смотрителя. Сначала пришлось подменить травмировавшегося Павла – Тельца, а теперь погибшую Ламию – Блинецов. Коул слишком часто принимал обязанности Смотрителя. И, кажется, эта ноша давала о себе знать чересчур явно. Ничего хорошего не предвещало и ухудшившееся на прошлой неделе состояние Ады – Коул уже ясно дал понять, что в такое ответственное и страшное время будет управлять Соларумом и вместо Рака.

Змееносец тряхнул головой.

– Это Монсис. Сигнал пришел оттуда. Срочно собирайтесь.

– Это произошло в поселении эквилибрумов? – выдавила Ханна. –

Мы же только их не отслеживали по признакам...

Она опасливо косилась на Дана. Тот стоял как громом пораженный, ничего не видя и не слыша. В Монсисе жила Нерман...

– Ты что-то почувствовал? – тихо спросила Дева, касаясь его локтя.

Но он не ответил, продолжая смотреть в пустоту.

Глава XIX

Познавший хаос и свободу

Когда мы небольшим отрядом прибыли в Монсис, то первым делом увидели плотный зеленовато-белый туман. Как Фри и рассказывала, у него были неправильные, белые тени. Он поглотил узкие улицы и аккуратные каменные постройки, просачивался в каждую выемку. На языке осел мерзкий стальной привкус.

К моменту нашего появления туман уже рассеивался, оставляя за собой рытвины и отметины, напоминавшие скорее круги на воде. Дышалось все еще с трудом.

Повсюду чувствовалось волнение, эквилибрумы вышли посмотреть на происходящее, многие наблюдали с крыш и балконов. Я пребывал в некой прострации подобно Дану, пока Коул и Паскаль просили местных стражей-планетаров дать нам осмотреться. Пока они говорили, я глядел вперед – на вихри пара, исходящего от земли и заволочшего все вокруг. Он источал дикий холод, словно таял сухой лед.

А потом мы просто вошли – под рык пятиметровых метеороидов и звук катящихся в пропасть камней. И оказались перед разверзшейся пустотой огромного кратера.

– Снова... – прогудел Паскаль и обернулся к одному из стражей. – Кто-нибудь видел душу, которая могла это сделать?

Желтолицый орнега качнул головой.

– За последние двенадцать зомов ни одна новая душа не входила в поселение.

Я слушал вполуха, глядя на своих друзей. Никто до сих пор не проронил ни слова: с потрясением или злобой они рассматривали масштабы разрушений. Лишь Дан отвернулся.

– Это... конец? – спросил я у него.

Он нахмурился и скосил взгляд в сторону. Я прекрасно чувствовал гадкую волну мрака от его души. Прямо как когда Ламия умерла, если не хуже. Что-то в нем оборвалось. И мне не хотелось знать, насколько значимым оно было.

– Метка пропала, – сипло ответил он, после чего побрел вдоль края.

Ханна проследила за ним взглядом.

– Я надеялась, что Нерман смогла уйти, – вымолвила Дева. – Но теперь она растворилась в Обливионе.

– Как и еще с полсотни заоблачников, – ответил Стеф, закуривая. – Эта атака – та еще заявочка. И редкость для таких мирных регионов, как наш.

– Но кто? И какая мотивация? – подала голос Фри.

– Чтобы Волк больше не смог надоедливо скакать в пространстве, доставая всех? – предположил вернувшийся Паскаль.

– Это слишком! – одернула его Ханна.

Скорпион пожал плечами.

– Поговорил с более сговорчивой стражей. Уничтожено восемь с половиной строений. В основном жилые.

Половина девятого дома сохранилась – просторное здание с высокой каменной башней, также наполовину срезанной.

– Тут находились какие-то важные объекты? – спросил я. – Или особые эквилибрумы?

– Нет. А про эквилибрумов нам бы никто не сказал. Нужно ждать дальнейшей информации. Сами мы тут бессильны.

И верно. Неприятный факт. Осознание собственного бессилия перед случившимся. Теракт в поселении эквилибрумов – их дело, протекторам бы его никто не доверил. Но теперь они не могли закрывать на это глаза.

– Подумать только, – глухо выдал Стефан, – Дан больше не будет прыгать с места на место и вытаскивать наши задницы из опасностей. Ушла эпоха.

– Пропустите! Сейчас же!

Минуя стражей, к нам в спешке вышел Сириус. Поразительно: он даже бросил все свои дела и теперь с подавленным ужасом смотрел перед собой.

– Всепроникающий Свет... Это... Я не... – Сириус все не мог найти подходящих слов, чтобы описать увиденное.

– Ты!

Скорпион в злобе вцепился послу в лацкан, повергнув всех протекторов в оторопь. Он напал на звезду!

– Доволен?! Теперь, когда пострадали души твоего народа. Что на это скажешь, а?! Будешь и дальше закрывать глаза, винить нас в некомпетентности?! Отвечай!

– Вы не понимаете... – Сириус казался едва живым.

– Чего мы не понимаем?! Что ты струсил? Поздравляю, твои предубеждения стоили жизни эквилибрумам, а не только приземленным!

Наконец звезда взял себя в руки. Он выпрямился, оттолкнул от себя Паскаля и иступленно воскликнул:

– Вы не понимаете! Я надеялся, что это лишь ваши домыслы, потому что теперь все кончено! Для вас!

Его тон... Сириус говорил с сожалением. Прямо как Поллукс под конец.

– Что «всё»? – с тихой яростью прошипел Паскаль.

Только теперь мы заметили реку тревожного гудения, витавшую над головами эквилибрумов. Все они говорили лишь об одном.

С опаской. Паникой и неверием.

Первым слова разобрал Коул.

– Зеленый мор... – выдохнул он.

Сказанное им ветром пронеслось меж нашими рядами.

– Зеленый мор, – скорбно повторил Сириус. – Теперь судьбу вашу будут решать те, кто стоит на много ступеней выше меня.

Я сделал шаг к нему, расталкивая Фри и Ханну.

– Что это значит?

Но посол уже развернулся и бросил мне через плечо:

– Я обязан доложить луцу Альдебарану о случившемся. Вас всех оповестят.

Как только он скрылся, живая стена эквилибрумов сомкнулась и все о нас позабыли. Мы не понимали, что происходит, но твердо знали: всё очень плохо. Настолько плохо, что смятение скользило по лицам планетаров и орнега. Они боялись. Коул тоже. У него едва не подкосились ноги, он успел опереться на стенку и с трудом дышал. Было ли тому причиной его болезненное состояние или узnanное – загадка.

– Коул? – требовательно надавил на него Паскаль, складывая руки за спиной. – Не просветишь нас?

– Мы в дерьме, – просипел тот. – Что ты еще хочешь знать?

Скорпион смутился, не ожидая от Коула такого фатализма.

– Зеленый мор. Ты знаешь, что это, верно?

– Я...

– Ничего хорошего, – вмешалась Рамона.

Она как раз продралась сквозь небул и подошла к нам, попутно оглядывая разрушения.

– Чтоб им всем пусто было, а, – раздосадованно сказала она и переключилась на Паскаля. – Так это правда? Они подтвердили, что это Мор?

Ханна закивала.

– И мы будем благодарны, если расскажешь нам, что это.

– Я не знаю, дорогая, – развела руками протекторша. – И Коул тоже. Мы лишь слышали когда-то давно об этом от старого посла Магистрата. И в наших архивах о нем ничего, но...

– Ближе к делу, – поторопил Паскаль.

– Посол говорил о Море как о силе, с которой даже эквilibрумы справиться не могут. Ни Магистрат, ни Паладины, ни Верховный. *Магнум морбус*. Великая болезнь. *«И скорбен тот день, когда споры Зеленого мора падут на поверхность планеты»* – так он сказал.

Мне стало не по себе. Я встревоженно спросил:

– И что это для нас тогда значит? Какие маркеры Мора, какие этапы развития? Что звезды предпримут?

Рамона качнула головой.

– Я не знаю.

– Нам всё расскажут, – подал голос Коул. – Теперь на нас точно обратят внимание. Вот почему прибыл Ранорий. Тьму это тоже касается. Земля как населенная планета делится между Армиями, хоть и в большую сторону Света. Тьма все равно имеет тридцать процентов вмешательства. И такая вещь, как Мор, – их проблема тоже.

– Мерзость. – Паскаль поморщился.

– Да, но это мир, в котором мы живем. Пока что.

Настрой Коула вообще никого подбодрить не мог.

В ушах колотилась кровь. Я молча оставил протекторов и пошел осмотреться. Так и брел сквозь туман примерно в ту же сторону, куда ушел Дан. Мне хотелось сделать хоть что-то. Но что я мог? Даже имея силу звезды. От этого отчаяние накатывало все сильнее.

Я проталкивался через сгустившуюся толпу эквилибрумов. Звезд мало, в основном более слабые расы. Встревоженные, перешептывающиеся. Наверное, живя на этом вселенском отшибе, они и представить не могли, что подобная катастрофа развернется у них прямо под боком. Я смотрел на дрожащую пыль небул, решительные красные глаза пятнистых планетаров и вглядывался в бледноту редких звезд. Никто меня не замечал, хотя отчасти я принадлежал к ним. А если бы я раскрылся? Снял бы подвеску, показал свой истинный облик прямо перед всеми? Тогда бы эквилибрумы на меня по-другому посмотрели? Отнесли бы как к своему или как к уродцу? Или испугались бы, не понимая, кто я на самом деле?

Вскинув голову к заволоченному облаками небу, я глубоко вдохнул тяжелый, отдающий металлом воздух, на секунду абстрагировавшись от суеты вокруг. Я оказался в собственной душе, и ноги понесли меня по зеркальному лабиринту. Центр все еще сиял ужасающе далеко. Думалось, что вот он, путь к нему. Но дорога вечно сворачивала не туда, выводя к различным образам меня в зеркалах. Здесь я – человек, а вот – наполовину эквилибрум. Одно навсегда ушло, другое я не мог принять всецело. Что-то не давало покоя, упорно грызло изнутри трупным червем. Точно в бесконечности вариаций я утратил себя настоящего.

Я вновь вернулся в реальность. Показалась граница поселения. Дальше только провал с огромными соснами. Так странно было видеть знакомый пейзаж днем. В прошлый раз я падал в эту бездну ночью, а на земле лежал снег.

Дан стоял с самого края. Он сторбился, облокотившись о каменное ограждение, и тоскливо глядел перед собой. Я тихо приблизился и встал рядом. Поднялся ветер. Сосны громко шумели под его натиском.

– И ее тоже никто теперь не вспомнит, – тихо донеслось от него.

– Ты помнишь о Нерман, – настоял я. – Это главное.

– Да, но что с того? Я не проживу долго. У нее были друзья, свой легион и даже фамилия, но кто будет помнить об орнега-медике, жившей на отдаленной Терре? – Он закачал головой. – Все мы слишком маленькие и незаметные. В бесконечности от нас не останется даже эха.

– Почему ты вообще на этом так повернут? Ты боишься забвения. Да, мы будем забыты. Все. Века и Генезисы хранят память лишь о жалком проценте душ.

– Я хочу знать, что был важен! – в сердцах воскликнул Дан, оборачиваясь ко мне. – Я хочу, чтобы мы все что-то значили! Мне нужно подтверждение, что наши жизни, все, через что мы проходим и за что боремся, – не пустая трата времени!

– А какая у тебя альтернатива? – удивился я. – Жизнь и есть трата собственного времени! Родись, пострадай, умри. Между жизнью и смертью есть лишь воспоминания. Дан, иного варианта же нет. Ни для нас, ни для эквилибрумов. Что у всех может быть, кроме служения Свету?

Протектор помрачнел и с тяжестью произнес:

– Ничего. Мне просто требуется знать, что это оправданно.

– Каждая наша смерть оправданна. Мы переживаем смерти друзей, но вынуждены идти дальше...

– Но каждый из нас важен, черт тебя дери!

Дан отозвался так резко и вспыльчиво, что я похолодел:

– Ты думаешь, что героическая гибель хоть сколько-то меняет суть? Это смерть! Я устал терпеть, что все уходят. Один за другим. И я вынужден хранить всех вас в памяти, ведь только это удерживает вас от забвения. Теперь и Нерман стала лишь воспоминанием, которое мне необходимо беречь! Но кто сбережет ее, когда я уйду? Кто сбережет память обо мне?

Я словно наяву видел образ Дана, подсмотренный в памяти Ханны, – разбитый человек, стоящий под дождем и ненавидящий мир вместе с его законами. Похоже, где-то глубоко внутри Дан таковым и оставался, удачно скрываясь за фасадом улыбок и самодовольства.

Он с горем вымолвил:

– Вселенная хочет сказать нам, что мы не важны. Что все наши жизни обесцениваются и забываются на фоне космического хаоса пространства-времени. Мы все исчезнем, наши судьбы не будут иметь ни малейшего значения для всего оставшегося после. Но я не хочу в это верить. Если мы не важны для Вселенной, то какой тогда смысл жить?

Вопрос дымкой повис в воздухе. Я понимал весь мрак им сказанного, резонировал с ним, но не мог ничего ответить. Каждое

слово казалось бессмысленным.

Внезапно позади раздался голос:

– Здарова, чудилки.

За нами стояла Карла. Падшая скрестила руки на груди.

– Чего тебе нужно? – встревожился я. – Или ты тут с Греем?

– Я? С ним? Макс, подбери с пола последние мозги, ты уже забыл, что мы с ним, мягко скажем, не в ладах? – фыркнула она. – Я не ради этого поехавшего пришла. Думаешь, мне приятно быть рядом с кучей агрессивных и фанатичных протекторов?

– Как ты вообще тут очутилась? – на удивление спокойно спросил Дан. – Паскаль здесь, он с тебя шкуру заживо спустит.

Карла на миг сникла.

– И Паскаль пришел? – переспросила она, понутив взгляд. – Что ж. Тогда задерживаться правда нельзя. Максимум, топ-топ, давай, уходим. Дан, будь другом – отойди и не усложняй жизнь.

Как только она вытащила из куртки трансфер, я пораженно округлил глаза.

– Чего? Ты в своем уме? У нас тут катастрофа! Из-за твоего дружка, между прочим! Мне некогда снова обсуждать, как вы превратили его в какого-то монстра!

– Да, но Грея обсудить все же придется. Но только не с нами. Тебя хотят видеть души рангом повыше. И я не могу провалить их задание по твоей доставке, уж прости.

Вокруг загорелся белый круг трансфера. Я едва отскочил, но падшая стремительно швырнула меня на землю, перед этим оттолкнув Дана подальше. А после еще и села мне на спину, чтоб уж точно задержать на несколько секунд.

Белая вспышка прорвала все барьеры, и в следующий миг меня окружило иное пространство – более темное, в теплых насыщенных тонах.

Я свалил с себя Карлу, она покатилась по полу. Как ни странно, Дан оказался рядом. Реакции ему было не занимать даже с потерей метки.

– Да чтоб тебя! – рассердился я, вставая. – Тащи нас обратно!

– Дружище, ты не знаешь, что трансфер разряжается? – спокойно ответила Карла, массируя ушибленное плечо. – Расслабься. У тебя появилось время поговорить.

Я вздрогнул и наконец осмотрелся. Круглый холл с различными коридорами, в стенах большие квадратные блоки-лампы, заполненные желто-оранжевой светящейся жидкостью. Пол – черный камень с серыми прожилками. Капители небольших колонн украшены спокойными лицами.

– Где мы? – требовательно спросил Дан.

– Опаздываем, – проворчала Карла, встав на ноги и глянув на часы. – Так, поторапливаемся.

Она прошла вперед по одному из коридоров и обернулась к нам.

– Вас никто не убьет. И не покалечит. Наверное. Но это точно в планы не входило. Короткая беседа. Без нее вы все равно отсюда не свалите, это я вам обещаю.

Мы с другом неуверенно переглянулись.

– Что думаешь? – спросил я.

– Надо смотреть в оба, – вздохнул он. – Попробуем. В прошлый же раз все прошло хорошо, как она и обещала. А в случае чего у меня есть транзит, сможем недалеко переместиться.

Последнее его явно огорчило. Дан редко пользовался транзитом, всегда прыгал в пространстве самостоятельно. Но теперь эту часть его навсегда отсекли.

Первая догадка касательно происходящего возникла при виде труб на потолке: бронзовые и толстые, они тянулись в самые разные стороны. И стук в застенках, будто механизмы. Оформление коридоров сделано со вкусом, но в то же время было в нем нечто промышленное. Ни одного окна на пути или живого существа. Промелькнул лишь ассист, причем сотканый из Тьмы, а не Света.

Карла отворила двери, откуда нам в лицо ударила пряная волна свежего воздуха. Черные стены и неяркий, теплый медовый свет. Богатая, но строгая отделка просторной комнаты. Все мое внимание тут же устремилось к дальней стене.

Там стоял массивный рабочий стол. Эквilibrium с идеальной гордой выправкой сидел спиной к нам и рассматривал лист теневой проекции.

– Тан Ранорий, – обратилась к нему Карла.

Я изумленно замер. *Ранорий?*

В давящей, гудящей пчелиным роем тишине дэлар медленно оглянулся вполоборота, демонстрируя маску, скрывающую лицо, и

холодно взирая на нас из-под полуопущенных век.

Меня пронзило. Я его уже видел. Не сам, но в чужих воспоминаниях. Память услужливо подкинула образ из души Лэстрады, что некогда притворялась послом Магистрата Света. Та же маска, те же черты. Это был Мастер, о котором твердила дэларша. Тот, кто поставлял падшим технологии и ресурсы, тот, кто поощрял Шакару в ее зверствах. Тот, кто заранее знал обо мне и Антаресе и был причастен к смерти предыдущей Верховной. Он стоял за многими вещами, но я никогда не думал, что увижу *его* собственными глазами. Мастера. Инженера темного Универсариума, посла Магистрата Тьмы на Терре.

Того, кто пытался убить меня чужими руками множество раз.

Ранория Незабвенного.

Он поднялся, зашуршала каскадная золотая накидка. Стоя прямо, он внушал еще больше опасений. Хищность ощущалась во всем, пускай дэлар и выглядел спокойно. Тонкий, длинноногий и изящный. И главное – высокий. Лишь немного ниже Дана. Его телосложение и маска сразу натолкнули меня на мысль, что Ранорий родился в секторе Мавры. До меня доходили слухи о нем, и я знал, что тамошние эквилибрумы из-за особенностей веры скрывали лица и даже голоса. Они считали, что внешние признаки способны исказить мнение об их душах, потому старались спрятать как можно больше тела. Несмотря на это, прорези в маске были крупными, да и волосы Ранорий не прятал.

Он был одет как знатный темный: помимо яркой накидки, почти все остальное было черным и сдержанно богатым. Верх был похож на мундир с длинными полами, через плечо перекинута золотистая ткань: она пересекала торс и поясом обматывалась вокруг талии. На руках перчатки. Волосы – угольные и пышные, зачесанные назад и кажущиеся неопрятными, с единственной седой прядью в челке. Это выдавало в нем первичный монохром – почти сильнейший уровень дэларов. И, наконец, маска – черно-золотая, как и весь облик Ранория. Прекрасная, искусно сделанная, с редкими плавными узорами. На лбу – символ в виде повернутого вертикально глаза.

Дэлар сделал в нашу сторону несколько медленных шагов, будто подкрадывающаяся акула. Каждое его движение было плавным и элегантным, словно двигалась сама тень, и вряд ли он прикладывал к

этому усилия. Ранорий остановился напротив нас, все еще находясь вдалеке. Мне истошно хотелось отступить, оказаться как можно дальше от него, но я терпел и слушал, что он скажет.

– Я ждал вас слишком долго.

Его голос был звучным, басовитым. Густой, слегка хрип- лый тембр вызывал дрожь властными нотками. Да, маска искажала настоящее звучание, но я не верил, что этому заоблачнику могло подойти что-то иное.

– Прошу прощения, тан, – вежливо обратилась к нему Карла. – Привести Стрельца было делом сложным. Вы же знаете, что с протекторами одни проблемы.

Внезапно со стороны раздался смешок. В комнате находилась дэларша – она расслабленно сидела на софе, подпирая голову рукой, и курила что-то отдаленно напоминающее кальян. Эквilibriumша выпустила струю багряного пряного дыма, взирая на нас с коварным любопытством, словно ожидая представления. При каждой затяжке ее зрачки загорались слабым фиолетовым блеском, порой мерцали и вены.

– И я извиняюсь, что их больше, чем требовалось, – продолжила Карла, пренебрежительно указывая на Дана. – Но мы всегда можем сбросить его за борт.

Дан только хотел ответить ей, но резко сник, как только Ранорий повернул к нему голову.

Он смерил протектора оценивающим взором. Дан побледнел, стал совсем крошечным. От этого занервничал и я, ведь уже ощутил, что дэлар был чрезвычайно силен духовно и обволакивал комнату душными грозowymi тучами своего эфира.

– Нет, – ответил он. – Пусть остается.

Дэлар обернулся к заоблачнице, не сводящей с нас глаз, и кивнул на Карлу.

– Пригляди за ней.

– Я не с вами? – удивилась падшая.

– Останешься здесь. – Дэлар бросил в мою сторону взгляд. Почудилось, что на меня рухнули тонны камней. – И после задания вернешь трансфер. А вы идите за мной.

Он спокойно вышел в коридор. Только тогда я понял, что не дышу уже с полминуты, и нервно выдохнул. По ошарашенному взору Дана я

догадался, что и на него давила душа дэлар. Порой такое происходило рядом с сильными заоблачниками. Их души заставляли других осознать и принять, насколько ты маленький и незначительный, способный лишь раболепно трепетать. Нити космического ужаса пробирались прямо в сознание, оплетали мысли, сдавливали дыхание, напоминая, откуда прибыли столь необъятно мощные существа. Мы и рядом с ними не стояли. Но все же эти чувства заоблачники внушали нам неосознанно. И если оказать наваждению сопротивление, всегда становилось проще.

Я стиснул челюсти и подтолкнул Дана. Мы не имели права показывать страх перед этой темной тварью. Сплит или дэлар – все одинаковы. Порождения Тьмы. Заклятые враги.

– Не дай ему себя обмануть, – решительно шептал я Дану, когда мы следовали за Ранорием. – Вряд ли он убьет нас. Слишком тупо и изощренно.

– Надо все как следует запомнить, – выдохнул он. – На всякий случай. Мало ли что пригодится в будущем. Но он пытался убить всех нас, погубил Верховную Оттану! Зачем ему общаться с какими-то протекторами?

– Он ищет Грея.

Тем временем дэлар уже поднимался по лестнице, в конце нас ждала дверь. По другую ее сторону дул ветер и гремели натянутые тросы.

На секунду я и забыл, что нахожусь на вражеской территории, и восхищенно окинул глазами смотровую площадку и огромный черный парус, высившийся позади. Настоящий крейсер эквilibрумов. У меня захватило дух. Так сильно хотелось узнать подробности строения и навигации! В Соларуме на эту тему инфор было не много, разные тонкости в них ускользали – ведь зачем протекторам знать о подобном?

Теперь уже Дан толкнул меня вперед, выводя из мечтательного ступора.

Ранорий стоял на самом краю, взирая на землю. Крейсер замер над безмятежными лоскутными полями с редкими деревьями и домишками. Наверняка люди видели его большой тучей благодаря мороку. Вдали высились подернутые голубой дымкой горы.

Мы не приближались к дэлару, ждали, когда же он к нам наконец обернется. Я понял один неприятный факт: Ранорий знал об Антаресе уже давно, из воспоминаний покойной Меморы. Ему изначально было известно, что я монструм. Он сдавливал свой кулак на моей шее медленно и уверенно, пускай за него это выполняла Лэстрада. Она говорила, что ее Мастер все предсказывал, водил загадками, отдавал приказы. И позволил ей так глупо умереть в борьбе с Антаресом. А потом он отдал падшим технологию, блокирующую выход эфира из тела. Страшная штука. И Ранорий просто передал ее приземленным без всяких наставлений? Он так сильно и пристально следил за каждым шагом Лэстрады, но позволил падшим устроить самоуправление, хотя все еще гнался за Антаресом?

Это совершенно не укладывалось у меня в голове, особенно вкупе со стальной личностью, которую я видел перед собой. Чтобы он мог хоть что-то пустить на самотек... Вряд ли, очень вряд ли. Тогда чего же дэлар все это время добивался? Почему никак не выказывал, что знает, кто я такой? И, что еще страшнее, знал ли он обо мне *нынешнем*?

Бред, как он может знать, что Антарес – мой отец? Дэлар же не всевидящий!

– Вы будете слушать и запоминать, от этого зависят ваши жизни, – сказал Ранорий.

– Решил начать с угроз? – нахмурился я.

– Это не угрозы. Лишь предупреждение.

Тут в его руке появился шарик Тьмы с редкими бледными пятнами. Ее нити тянулись ввысь. Ранорий лениво отстранил руку, а мы с Даном напряглись в ожидании атаки.

– У меня есть для вас поручение, от которого вы не имеете права отказаться.

– На тебя мы работать не собираемся, – сердито ответил Дан.

Заоблачник с силой сжал пальцы, и шарик разлетелся черными каплями.

– Это не работа. Это спасение вашей планеты.

Мы немедленно наострились при этих словах.

– Спасать? – удивился Дан. – От чего? И какое тебе дело до Терры?

– Вы мыслите категориями абсолютного добра и зла. Но Терра на тридцать процентов принадлежит Тьме, а я на ней посол Магистра. Это моя территория на какую-то часть. Я полностью заинтересован сохранить ее.

Его территория. Меня пробрало от омерзения.

– Это ведь касается Индивидуума?

Он кивнул.

– Вам передали информацию о нем. Так мне сказали.

– Предположим.

– Приведите его ко мне.

– Мы тебе не служим.

– Либо так, либо он больше не сможет себя сдерживать. И сотворит ужасные вещи.

– Но он уже творит! Светлые говорят о Зеленом море. Это Индивидуум его распространяет?

– Не могу вам сказать.

– Тогда как хочешь помочь?! Как мы можем тебе верить?

– А у вас есть выбор?

Мы промолчали. От меня не укрылось, что Дан вновь напрягся в волнении. Грей уже убил Ламию и, скорее всего, Нерман. Кто знает, как на Дана могли отразиться другие зверства падшего.

– Мы стараемся, – вдруг ответил Дан, сжав кулаки. – Но если бы все было так просто... Мы не знаем, где и как его найти.

– Плохо стараетесь, – сухо ответил Ранорий, проходя к другому краю палубы, там, где восходило солнце. – Индивидуум ходит на самом виду. Запертый в самом себе. И уже давно принял всё, кем он теперь является.

– Раз его найти так просто, почему ты сам его не заберешь?

– Я не имею права вмешиваться в дела протекторов. Таков закон.

И тем не менее постоянно поддерживаешь контакт с падшими, – зло подумал я.

– Что Шакара с ним сделала? Я его видел, это... выглядело странно.

– Этого вам знать не обязательно.

– Но ты же просишь нас его поймать!

– И эта информация вам никак не поможет. Индивидуум – последнее творение Шакары, и он мне нужен. Не для изучения, не для

казни. Мне нужно увидеть, на что он способен.

Я хмыкнул:

– Решил держать психа при себе?

– Он не является психом лишь потому, что постиг хаос.

Индивидуум смирился со свободой.

– Свободой? – непонимающе переспросил Дан.

– Да. Я знаю, что он сейчас чувствует. Злоба. Одиночество. Думает, почему мир так несправедливо к нему отнесся, и пытается найти выход радикальными методами. Но Индивидуум уже осознал, что назад дороги нет. Он страдает, несмотря на внешнее спокойствие. И ему известно, что его могут уничтожить без всякого суда. Тиски, в которые он сам себя загнал, сжимаются. Потому в ваших же интересах привести его ко мне. Пока не стало слишком поздно. Для протекторов и для него.

– А если нет? – поинтересовался я. – Если мы не станем искать?

– Тогда он погубит многих. Пока Терра не распалась, я продолжаю быть на ней послом. Я ответственен за нее. Но если вы сами не хотите помогать себе, то не следует ждать помощи от меня в решающий миг.

Внутри закипала ярость. Опять заоблачники выбрали любимый рычаг давления: человеческий геноцид.

Ранорий оказался совсем рядом.

– Не допустите его гибели. Это будет потеря для всех. Индивидуум – ценный материал, намного ценнее, чем предполагала Шакара. Я помогу вам спасти Терру, когда это потребуется. Даже разберусь с падшими. Но взамен Индивидуум должен пойти со мной. Я не стану его принуждать. Это будет полностью его выбор. Раз он познал свободу, я не собираюсь ее отнимать.

– Ты правда думаешь, что этот сумасшедший так легко пойдет с тобой? – оскалился я. – Да ему плевать на всё!

– И потому он вызывает у меня интерес. Здесь его больше ничего не ждет, никакого будущего. Терры ему будет мало, я же дам ему простор. Ничто больше не ограничит Индивидуума. Душа, желающая брать от жизни все, проживать каждый миг на пике своих возможностей, прекрасно осознавая свое превосходство над другими и жертвуя ими во имя собственных целей. Именно такие и нужны этому миру. Те, кто изменят его историю навсегда.

– Подобные должны пропасть в Обливионе и никогда не возвращаться!

Я заскрежетал зубами, ожидая хоть какой-то поддержки от Дана, но близость души Ранория полностью подавила его. Волк и без того пришел сюда расшатанным, а теперь и вовсе на себя не походил.

– А что же с Мором? – сдавленно спросил он.

– Это проблема, – кивнул Ранорий. – Насколько сильная – вам уже скоро доложат. И попытаются уверить, что выхода нет. Но он есть. Они станут говорить о законах Вселенной и плане для каждого. Но все можно будет исправить. Наша гильдия инженеров на вашей стороне. Мы поможем залатать то, чего не восстановит Свет. Они импульсивны. Мы же предпочитаем возрождать и сохранять, а не разрушать до основания ради нового и безукоризненного. Но сначала Индивидуум. После этого Зеленый мор остановится. Терра уже рушится. Желаете смотреть, как далеко это пойдет?

В голове напряженно стучало. Я не должен был ему верить. Не должен. Свет нас не оставит.

Антарес не оставит нас...

– Ладно, – сердито бросил я, отводя глаза. – Если сможешь его сдержать. Мы доберемся до твоего Индивидуума, только убери его к черту с планеты. Как тебе передать о поимке?

– Я все узнаю сам, – холодно ответил Ранорий. – Убедите его, что я – его последний шанс. Иначе он потеряет абсолютно все.

– Если сможем поговорить. Беседы вести он решительно не желает.

– Тогда буду ждать от вас информации на нашей встрече с посланцем Магистрата Света. К тому времени вы обязаны его поймать.

Не думаю, что я смог бы вынести еще хоть немного с этим напыщенным ублюдком, потому еле сдержал облегчение, когда мы вновь вернулись в коридоры.

Отдать Индивидуума ему... мне крайне не хотелось работать с Тьмой, но Ранорий – единственный, кто видел картину целиком. Он знал об Индивидууме больше нашего. Пусть заберет Грея с Земли, лишь бы тот перестал причинять людям вред.

Карла нетерпеливо мерила шагами комнату, дэларша больше не курила, а привалилась спиной к стене. Стоило Ранорию войти, как она оживленно вскинула голову.

– Проводи их, – приказал он подчиненной и обернулся к нам. – Скоро произойдет коллапс. И если вы не приложите усилий для выполнения моего требования, я не предоставлю вам помощь в решающий момент. Думайте об этом.

Я сдержал едкие слова и обернулся к дэларше. Та как раз встала рядом, сложив руки за спиной, и деловито оглядывала меня.

Поджарая и грациозная – из нее сочилась энергия. Лицо запоминалось лишь выпирающими скулами и миндалевидными глазами. Волосы пышные и длинные, забранные в хвост. Заоблачица, как и Ранорий, принадлежала к первичному монохromу, и бледная челка была зализана назад.

– Идем? – хмыкнула она.

Я обернулся к Дану. Тот вроде начал приходить в себя, но все еще казался подавленным.

– Настолько сильно придавил душой? – поинтересовался я, когда мы отошли на достаточное расстояние от комнаты.

– Мне всегда не по себе рядом с такими темными, – тихо ответил он. – Есть в них что-то...

– Что он вообще вам сказал? – вмешалась Карла. – Просил усерднее искать Грея?

– Хочет его с собой забрать. – Я пожал плечами. – Сказал, что грянет какой-то коллапс, разрушительная беда и что если мы не будем искать психа, то он нам не поможет. Но я думаю, что все брехня. Зачем нам вообще его помощь сдалась?

– Нет, – серьезно ответила падшая. – Он никогда не врет. Ранорий редко выходил с нами на связь, но время от времени давал некие предупреждения. И они всегда были верными.

– Например?

– Ну, знаешь о том налете протекторов, при котором Стефан угробил людей? Ранорий нас предупредил. Так что нападение на нашу базу не вышло таким уж непредсказуемым. Если Ранорий считает, что вам понадобится его подмога, то без нее будет не обойтись.

– Ты права! – с довольством заявила дэларша. – Если Ранорий в чем-то уверен, то оно обязательно сбывается. Он лучше кого бы то ни было понимает, что будущее во многом фиксировано.

– Тем не менее предсказать его трудно, – мрачно фыркнул Дан. – Если бы все было так просто, мы бы всегда оказывались ко всему

готовы. Для этого нужны жертвы. И немалые.

Она лишь рассмеялась:

– И все же он знает. Мастер знает все. Поэтому он великий.

Оставалась еще минута до полной зарядки трансфера. Карла выводила координаты, а я обратился к Дану:

– Ладно, посмотрим, что можно сделать. Пусть уж лучше он унесет Индивидуума на другой конец космоса.

– Вот уж да, – вяло усмехнулся друг. – Все зашло слишком далеко.

Меня беспокоило, что Ранорий никак не обмолвился о произошедшем с Антаресом. Это же было такое большое и важное дело, я думал, что дэлар поэтому решил поговорить именно со мной. А оказалось, что лишь из-за доверия падших ко мне.

Дэларша стояла рядом сложив руки. Поймав мой взгляд, она холодно улыбнулась.

– Вечность все еще дает тебе время, Максимус. Все, как и раньше. Планы Вселенной на нас воистину загадочны, но ты хотя бы сможешь оказать Мастеру услугу.

Я нахмурился. Что-то в дэларше вдруг показалось мне странным.

– Ты... меня знаешь?

Она улыбнулась шире. Вокруг нее закружилась квинтэссенция – пара черных длинных тварей, напоминающих рыб из глубин океана.

– Не думал, что мою родную оболочку сохранят, чтобы душа могла вернуться в нее?

Сразу за этим под ногами зажегся свет. Я в потрясении вытаращился на дэларшу.

– Пусть Тьма тебя направит и хранит, – сказала на прощание Лэстрада.

Глава XX

Константа пустоты

Через несколько дней после аннигиляции Монсиса Фри пришла к Стефану. Он откликнулся из ванной комнаты, где громко шипела вода, слышались стук и скрип отмываемой посуды. Стеф сказал ей заходить и что он сейчас выйдет, чем смутил Фри. Она-то хотела просто быстро переговорить, не переступая порога комнаты.

Протекторша медленно прошла по полу, скорее казавшемуся минным полем. Вонь ацетона, которым Стефан оттирал краски от поверхностей, была едва выносима.

«Странно, что он не задохнулся насмерть», – отметила про себя Фри, оглядывая место для рисования.

За все годы знакомства ей так и не удалось связать Стефа с его увлечением. Это просто не укладывалось в голове. Рука скользнула по блокнотам с набросками, расставленным на полках шкафа. Все были датированы, цифры уходили на десятки лет в прошлое, даже когда Фри еще на свете не было. Она почти решилась вытащить один, но тут в ванной раздались громкий треск и ругань. Протекторша дрогнула и ограничилась изучением угольных зарисовок, прикрепленных к пробковой доске. Дома, раздутые купола, шпили, повторение барельефов, будто Стеф пытался отточить мастерство или запомнить орнамент. Архитектура в его исполнении обретала характер. Но отчего-то Фри ощутила тоску, глядя на резкие, жирные черные линии и плотно закрашенные пятна.

Она заглядывала в эту комнату всего раз в жизни. И тогда же все пошло наперекосяк. Потому само пребывание здесь казалось неправильным, стены словно бы ее отторгали. Фри посмотрела на ту, где раньше был нарисован храм. Она хорошо запомнила его и ясное голубое небо. Фри на секунду вновь вернулась в тот день, когда в полной темноте увидела в дверном проеме Стефа, старательно, как в помешательстве замазывавшего свою работу унылой серой краской из ведра. Она до сих пор покрывала стену.

Наконец Фри открыла стеклянную дверь балкона, решив проветрить комнату, и обнаружила по ту сторону другой мольберт,

поменьше. На одном из стульев, прямо на засохшей палитре, стояли пепельница и недопитая бутылка какой-то бурды. Пустые скрученные тюбики валялись по полу.

На холсте Стеф изобразил кусок крыши Соларума и одну из соседних башен на фоне луны. Рисовал он быстрыми мазками, даже слегка грубоватыми и неаккуратными. Но издали создавался цельный великолепный образ, острые формы архитектуры казались точными, с резкой светотенью, которой в жизни не наблюдалось. Как и той мрачности, запечатленной Стефом на картине. И лишь в одном окне башни горел теплый огонек, казавшийся чуть светлее приглушенного небесного тела. Гнетущее чувство усиливалось. Фри никогда не интересовалась живописью и искусством в целом, не знала, как рассуждать о нем и как понимать, но не могла отделаться от липкого уныния, такого мрачного и душасщего. Даже злого. Виной тому была не эта картина Стефа в отдельности, а то, что все его работы, собранные в одной комнате, давили на девушку.

Когда Стефан появился на балконе с парой стеклянных банок для кистей, то смущенно замер, переводя глаза с Фри на картину. Словно его застали за чем-то непотребным.

– Прости, наверное, не стоило без разрешения смотреть, – смутилась протекторша.

Стеф поставил банки на столик. На нем была старая толстовка в пятнах, видно, рабочая.

– Все в норме.

Фри снова покосилась на полотно.

– Почему архитектура? Ты всегда рисуешь в основном ее.

– С ней проще. – Он явно подыскивал слова. – Она честнее.

Понятнее. Мне нравится эта прямота.

И все-таки Стефан растерялся. Фри виновато потупилась:

– Если хочешь, я больше об этом говорить не буду, можем выйти и...

– Да нет, я просто не привык, что кому-то интересно. И демонстрировать тоже не привык.

– Тогда зачем ты рисуешь, если не для того, чтобы высказаться и показать другим?

– Потому что творчество не всегда работает как попытка обратить на себя внимание, мол, смотрите, какой я крутой и весь из себя особый

творец-снежинка с тонким мироустройством души. – Последнее он договорил с явной издевкой и, сохраняя эту интонацию, продолжил: – Все немедленно меня любите! Ой, а чего это так мало внимания? Ну-ка дайте мне внимания, я же такой охеренный, а то ударюсь в драму и брошусь под поезд!

– Ладно, ты не снежинка, – с кислой улыбкой согласилась Фри. – У тебя тогда какая цель? Рефлексия?

Стефан пожал плечами, тряпкой вытирая руки от воды.

– Ну что-то вроде. Надо куда-то все выливать. Особенно если оно само прорывается. Не люблю кому-то показывать, словно в душе копаются.

– Но у тебя талант! – отметила Фри, указывая на картину. – Стеф, это же красиво!

– Таланта тут мало. Задатки – возможно. Есть навык, труд. И запал. Мне просто нужно было найти хоть какое-то занятие, чтоб скоротать время и не спиться, сначала – из-за семьи, потом – из-за работы и всего прилегающего к ней. Короче, не талант это и не призвание, а просто то единственное, что у меня получается делать относительно нормально в моей жизни.

Протектор сел перед мольбертом, хмуро глядя на незавершенный холст с башней.

– Столько лет, а я все не могу правильно отразить, что хочу. Вроде почти смог. Этот вариант тоже мимо.

Фри вопросительно смотрела то на изображение, то на соседнюю башню.

– Это не первая такая картина? Ты куда вообще их деваешь? Выбрасываешь?

– Половину. Другую в подвал утаскиваю, пусть пылятся.

– Стеф... – огорчилась Фри.

– Ну а что мне, тут их коллекционировать? Малоимущим отдать? Или продавать? Ага, сейчас.

– Можешь мне, например, одну подарить. Раз девать некуда.

Стеф удивленно уставился на нее.

– Признаюсь: я в этом не разбираюсь. Но ведь и не нужно быть критиком, чтобы что-то нравилось. – Она мягко улыбнулась. – Я правда считаю, что ты прекрасно рисуешь. Делаеть это честно. Это все часть тебя. Я рада, что ее увидела.

Казалось, еще немного – и Стефан зальется краской от внезапной похвалы. Но ему удалось собраться и вернуться в комнату.

– Ладно, кое-что я не выкидываю, – признался он, вытаскивая из-под кровати полотно среднего размера. – Бери что хочешь.

Фри только было обрадовалась, начав перебирать картины, но тут же с холодом отметила, что половина из них – все тот же вид на башню. Все депрессивное и тоскливое, огонь в окне едва виден, луна – лишь кофейный развод в черноте неба. Копий было не меньше дюжины.

– Стефан, почему ты это переделываешь?

Он присел рядом с ней.

– Сказал же, не могу отразить.

В ответ на ее молчаливый вопрос Стеф взял одну копию и указал на огонь:

– Ты отлично знаешь ту историю, из-за которой я попал на трибунал.

Фри сникла. Ей не хотелось касаться этой темы и видеть, как Стефан снова захандрит, глядя на картину, но на самом деле – в пустоту.

– А ты знаешь, что я дружил с теми ребятами? С погибшими протекторами.

Это она слышала впервые и поразилась:

– Я думала, они тебе были мало знакомы.

«*Ведь так было бы проще все сделать*», – едва не слетело у нее с языка.

– Просто в те пару месяцев, когда ты их застала, я то брал отпуск, то в Лазарете валялся, то натаскивал тебя, с ними совсем время не проводил. А они же предлагали идти на охоту в тот день, когда их схватили падшие. Мне было лень, последние сутки отдыха. Все думаю: вдруг я бы смог им помочь? Или хотя бы не ошибиться после.

– Ты не...

– Я струсил, Фри. Когда спускал курок. С ними не успели сотворить ничего ужасного. Шакара не переделала их. У всех них было будущее. А я его отнял. Доверия к себе тоже не осталось. Какую ответственность я вообще могу брать после такого? Как могу выполнять роль Смотрителя? Если страх так легко отбил у меня трезвое мышление, то как я могу быть уверен, что не допущу

подобного вновь? Не сегодня, не через год, но повторю ту же катастрофу, ценой которой будет десяток человеческих жизней и жизни моих товарищей. – Он горько хмыкнул: – Потому одному было проще. Но я все хотел отразить, поймать момент из прошлого. Мы собирались на третьем этаже у Луки, прямо в той башне. Думали над планом действий на охоте, разрабатывали тактики, просто травили шутки. Я, Лука и Клавдия. Очередной вечер после охоты. Я пытаюсь представить, как это выглядело со стороны. Воссоздать место, которое еще существует в какой-то точке горизонта. Они где-то там. И я, возможно, тоже. Где все в порядке, ничего не случилось. Где все были бы живы, а я не стал Палачом для собственных друзей. Но, как видишь, все время мимо.

Фри видела. В каждом темном мазке. Светлые тона Стефу, вероятно, не позволяла наносить совесть. Слишком правдиво и честно перед самим собой.

Она правда не знала о том, кем были ему убитые протекторы. Фри столько лет вместе с другими винила Стефа в импульсивном решении, хотя в душе понимала, что ситуация, которая ставит человека перед таким выбором, не может быть легкой и вариативной. Но ненавидеть Стефа со всеми было проще. Особенно в свете того, как он с ней поступил после суда.

Теперь все исказилось и выглядело в сотни раз тяжелее и страшнее.

Стефан ушел в себя, невидящим взором уставившись в полотна. Его картины были рефлексией, только и всего. Отчаянным криком в глухую бездну, в которой он находил свое отражение многие годы.

Фри накрыла ладонью его руку, чтобы поддержать, а Стефан, выждав пару секунд, сжал ее в ответ.

Они молчали какое-то время, словно дань памяти по усопшим временам, пока протекторша не вытащила из кучи полотен небольшую картину – поместилась бы даже на книжную полку. На ней были крытый мост с парой лодок под ним и солнце в рассвете. Такая яркая работа, самое сочное пятно во всей подборке.

– Возьму вот эту, если можно.

– Эту? – Стеф нахмурился. – Она же древняя. Я тогда из себя особенную снежинку еще строил.

– Если не нравится, то зачем хранишь?

– Напоминала о доме. Но бери, не жалко.

Фри покрутила картину и увидела дату. Стефан рисовал ее еще до протекторства. Даже тогда уже был способным.

– Спасибо огромное, – с искренней теплотой поблагодарила Фри. Она уже решала, куда повесит рисунок.

Стеф довольно усмехнулся, а потом вспомнил:

– Кстати, а зачем ты пришла?

* * *

Мороз щипал Фри за щеки, ноги уже начали коченеть, но она продолжала решительно взирать на широкие ворота, возле которых, словно для красоты, сидели два голубых метеороида. Каждый был размером с небольшой грузовик и не уступал ему по тяжести. За ними во дворе вырисовывался круг брусчатки. Там, в самом центре, – световая статуя древней Верховной Света из династии Прима, потомков Баэрдоды. Девронис Странница. Она не выглядела сильным бойцом, скорее хрупкой, но при этом такой уверенной. На лбу очки-гогглы, а квинтэссенция-крылья за ее спиной, похожая на мерцающее полотно, иногда трепыхалась, как от ветра. Сама Верховная прижимала к глазу подобие подзорной трубы и смотрела прямоком в небо, в неизведанные и бесконечные дали космоса, которые она постигала всю свою жизнь. Под ногами статуи – планета Гариазид с ее восьмью золотыми кольцами, где звезда в свое время провела не один Генезис, изучая все самые малые проявления трансмутации материи. Говорили, что она могла раскладывать на молекулы растения и свет, копать голыми руками в грязи и погружаться на самое дно ледяных океанов, только бы узнать ответы на поставленные вопросы. Многие над ней смеялись, говорили, что бессмысленно изучать столь простые и незначительные вещи. Но Девронис не верила, что хоть что-то в нашей Вселенной существует случайно. Постамент украшала выгравированная на магнификуме цитата Верховной:

«Мы смотрим в грязь, а постигаем космос».

Благодаря такому подходу, гласящему, что все напрямую взаимосвязано и малое порой куда важнее огромного, Девронис совершила множество открытий. Манипуляции на атомном уровне, новые знания по созданию пропитания для эквилибрумов, улучшенияковки оружия и укрепления металлов, изобретение струнного манипулирования, где не требовались метки. В конце концов именно благодаря Девронис заблачники смогли поднять в космос ладьи и крейсера, скользящие на струнах Света и Тьмы, рожденных от небесных сфер, чтобы добраться до таких затаенных уголков Вселенной, куда ни один транзитный поток не дотягивался. А на Гариазиде до сих пор располагался первый Юниверсариум Света, созданный Девронис. На каждом кольце планеты была установлена обсерватория, чтобы отслеживать все стороны окружающего мира.

В отличие от Анимериума, Юниверсариум меньше углублялся в теологию и духовные познания Вселенной, концентрируясь на практической научной части и законах мироздания. Дотошнее, внимательнее, трудолюбивее, скепичнее. Все по заветам, которые оставила Девронис, в конечном итоге погибшая при взрыве хранилища ядовитого пламени, которое Юниверсариум Света и разрабатывал.

Стефан неуверенно смотрел на обширное здание позади статуи. Внушительная и выпуклая стеклянная крыша, точно для оранжереи, сверкала под лунным светом, а заставленный колоннами фасад оставался в тени.

– Точно уверена, что в нашем Архиве нет этой информации?

Фри отрицательно замотала головой. Если бы в Архиве Соларума отыскались нужные сведения, то она и не подумала бы лезть в Юниверсариум Аргентиона – самого большого заоблачного поселения Земли.

Деваться было некуда.

Стеф смиренно вздохнул, засовывая руки в карманы формы. Фри была рада, что он пошел с ней, – в одиночку страшно соваться в такое место.

Фри знала о правилах нахождения в Юниверсариуме, но все равно старательно подавляла растущее напряжение. Заоблачники протекторов не любили и пускали в «свои» места сквозь стиснутые зубы и кислые мины. Так произошло и сегодня.

Анимусы переходили из Анимериума в Юниверсариум лишь для того, чтобы следить за местными архивами. Такой был вечный уговор между двумя организациями. Один из постулатов Анимериума говорил о сохранении знаний и памяти для будущих поколений, поэтому кому как не их служителям – анимусам – было наблюдать за архивами Юниверсариумов? И местный анимус, возможно, и была максимально прилежной и трудолюбивой, но Фри сразу распознала в ней ту еще надменную гадину. Это была звезда с бронзовым отливом волос, как и у всех отрешившихся от светозарного огня. Они были так прилизаны к ее голове, что форма черепа угадывалась идеально. Просторные коричневые одежды с перевязями на руках, ногах, шее и талии, и светящийся пурпурный символ Вселенной на лбу. Звезда принадлежала к младшему седьмому рангу – линии от лба еще не поползли по телу и даже не ослепили ее.

Анимус немедленно приняла вытянутую, леденящую своей прямолинейностью стойку, стоило протекторам попасть в ее поле зрения.

Через пять минут препирательств со Стефом анимусу пришлось смириться, что приземленные все-таки не настолько отсталые, а протекторам к тому же по всем законам позволялось ходить в архивы Юниверсариумов. Правда, не во все его части.

Фри восторженно оглядывала залы, думая, насколько же Макс был бы восхищен этим местом. Ну и поделом ему, сам отказался идти, зарылся в свои переводы. А инфор, проекционных свитков и накопителей здесь хранилось великое множество. Пускай Юниверсариум Аргентиона и был крошечным в сравнении с иными, но даже Архив Соларума он переплывал знатно: тысячи стальных стеллажей, толстенные колонны с полками и спиралевидными лестницами вокруг них. Повсюду перемещались ассисты, фиолетовыми облаками раскладывающие инфоры по нужным местам. Были там и «коридоры отражений» – гигантские мутные зеркала, хранившие скопированную память. И все под грандиозным стеклянным куполом.

Но свободно странствовать по архиву им никто, естественно, не позволил. Фри с самым недовольным лицом уселась за столик в узкой темной нише, пока анимус отдавала ассисту указания. Тот внимательно слушал, отражая строгое лицо звезды осколками своего.

А приказ был прост: выдать информацию, разрешенную приземленным.

– Ну и пожалуйста, ну и не надо, – фыркнула Фри, как только анимус удалилась.

– Какая удивительная стерва, – так же ворчливо отозвался Стефан и вздохнул. – Ладно, давай копать.

Девушка кивнула и повернулась к ожидавшему ее ассисту. Получив указания, он немедленно удалился.

– Я так и не понял, на кой черт тебе сдался призыв душ, – хмуро отметил Стеф, уперевшись щекой о кулак. – Поделиться с аудиторией не желаешь?

– Мы же ищем Грея, верно? Я думаю, не будет лишним опробовать этот вариант.

Говоря, она внимательно следила за ассистом. Он набирал кучу инфор из одного места.

– Считаешь, что это поможет делу?

– Уж точно ему не помешает.

На самом деле Грей, который в мыслях нависал над ней устрашающей тенью, не полностью занимал голову Фри. Ее не отпускало с тех самых пор, как она вернулась от Нерман. Хранители были там, глубоко в памяти. Они существуют. Более того, они намекали, что Фри должна их найти.

И если они не хотели сами начать разговор, то она их заставит.

Стеф, уже заранее утомленный работой, сказал:

– Мы могли бы посмотреть, что тут полезного по этому проклятому Зеленому морю. Но вряд ли нам дадут хоть что-то. Макс и Тисус неделю наш Архив перерывают, ничего не нашли.

– Но эквилибрумы дают нам всю информацию о своем мире!

– Что-то я теперь в этом сомневаюсь. Будем ждать. Сириус, чтоб его, намекал на скорое прибытие кого-то с небес. Так что в курс дела введут. Главное, чтобы ничего тут не разнесли и решили все проблемы. Подумать только, как же Шакара умудрилась нам нагадить напоследок...

Ассист вернулся с тремя огромными стопками инфор, которые отгородили протекторов друг от друга.

– Блеск! – Стефан наклонился вбок и едко натянул губы. – Всегда мечтал вернуться в школу.

Фри тоже неуверенно поглядывала на стеклянные пластины, понимая, что нужная ей информация могла быть лишь смежной с абсолютно бессмысленным, упоминаться вскользь, – но какой еще у нее вариант имелся? Только досконально изучить все подряд.

– Ладно, – выдохнула она, завязывая в хвост волосы, недавно перекрашенные из розового в синий. – Чем раньше начнем, тем быстрее выйдем. Кто последний закончит копаться в первых пяти инфорах, тот не получит хвалебного печенья.

– Но ты и так его постоянно ешь, оно же твое.

– Тогда тем более принимайся за работу!

Им выдали исключительно тексты, переведенные на земные языки. Протекторы могли воспринимать даже мертвые, особо не задумываясь над незнакомыми буквами – смыслы сами оседали в голове. С языками эквилибрумов все было совсем иначе: там уже приходилось напрягать мозг для понимания, да и не все постигалось до конца.

Прошел час. Фри утомленно прихлебывала кофе из термоса, вчитываясь в тексты. Каждую новую инфору она разламывала пополам, превращая ее в свиток – между двумя частями стекла образовывался проекционный лист со скользящей по нему информацией. Фри читала заголовки, пролистывала и жалела, что в этих штуках не было функции поиска по словам. А даже когда ей выпадала удача найти нужные заметки, то сама информация никуда не годилась. То эфирная связь душ, то создание метеороида, то особенности кровного оружия. Все не то, все слишком просто и давно известно. Еще через минут тридцать, когда Фри наконец оторвалась от чтения, чтобы помассировать уставшие глаза, она увидела, что Стеф морщится. И вряд ли от текста.

– С тобой все хорошо?

– М? – протянул он, отвлекаясь от инфоры. – А, да вроде. Бок все болит.

Стеф заметил смятение на лице протекторши и даже растерялся немного.

– Не волнуйся. Правда. Это же не такая сильная травма, буду жить. Лучше б мне ногу оторвало, хоть бы отдохнул. И то больше пользы.

Фри не сдержалась и рассмеялась вместе с ним. Ее всегда поражало стремление Стефа шутить над всем мрачным и ужасным в их жизнях. Он правильно делал. Только такой взгляд на происходящее многих и спасал. Тут либо юмор, либо удавиться. Но сама Фри не могла острить на страшные темы. Ей оставалось только улыбаться. Мягко, успокаивающе. Чтобы подбодрить других, даже через силу. Но хотя бы сейчас это давалось легко. Со Стефом всегда было проще. Он не волновался ни о чем, и Фри нехотя заражалась этим. А еще ей было тепло на душе, потому что он и сам снова улыбался. Не так, как обычно – натянуто и с сарказмом, – а честно, светло. Прямо как раньше. Ему это шло.

– Макс или Дан бы тебе больше бы помогли, – заметил Стефан. – Звезданутый лучше кого угодно информацию ищет.

– Возможно, но Макс все носится в поисках блокнота Ламии и старается нарывать информацию о Море. А Дан...

Девушка только вздохнула, а вот Стеф пододвинул к себе стопку инфор, сложил на нее ладони и примостил поверх голову, лениво произнеся:

– А вот у него крыша поехала конкретно и со свистом.

– Опять.

– Да опять-то опять. Но это редко когда настолько затягивалось. Обычно он быстро брал себя в руки. Самый страшный раз был, когда Маркус помер, но сейчас явно не такие масштабы. Ламия хоть и была отличной протекторшей и человеком, но все же не его лучшей подругой. Нерман – тоже.

– Мне кажется или ты волнуешься за него? – Фри не сдержалась и иронично вскинула бровь. – Ты. О Дане.

– О да, давайте меня чмырить за то, что я человечный, валяй.

– Нет. Просто это на тебя не похоже.

– Вы даете мне мало шансов, – ухмыльнулся Стеф. – Обычно уверяете меня в том, что человечество себя как вид не оправдало.

– И все же как считаешь, что с Даном?

Он потупил взгляд, задумавшись о чем-то неприятном.

– Помимо смертей друзей? Рамона. Только она могла его так расшатать.

Фри даже инфору отложила, ожидая продолжения.

– Ты же вроде с ней не общалась, верно? – уточнил Стефан, нехотя начав пояснять.

– Я слышала, что ее отстранили от Соларума за проступок.

– Да, на семь лет. Но она с тех пор почти не возвращалась, лишь на отдалении выполняет задания и с нами никаких контактов не держит. Рамона... хорошая. Действительно хорошая, ничего против нее сказать не могу. Но только Дан вряд ли ее такой считает, как-никак она его бывшая наставница. И уж ее ученикам можно соболезнавать больше, чем мертвым. Он сам мало распространялся о своих ранних годах среди протекторов, но другие говорят, что Рамона своим ученикам устраивала настоящий ад. Ну, типа закинуть в котловину с одним ножом – это еще считалось за передышку.

– А отстранили-то ее почему?

– Она случайно ранила и чуть не убила Грея. Он был ее последним учеником.

Фри напряженно тарасилась на него.

– За то ранение Грей зла не держал, – заметил Стефан. – Конечно, лучше б она вообще его прикончила, но он выкарабкался. Поседел, правда, и оскотинился, душа травмировалась. Это как мне рассказывали. А Дан до сих пор на Рамону злится за ее отсутствие. Но думаю, что ведет он себя как нытик. Хотя какая разница, что я думаю, верно?

Он даже невесело усмехнулся.

– Здорово, что Дан снова начал общаться с Ханной, – вздохнула Фри, вновь беря в руки инфору. – Она хорошо на него влияет. Кто ж знал, что они сойдутся вновь?

То было полнейшей неожиданностью вообще для всех. Фри привыкла, что Ханна и Дан скорее на военные поля полезут, чем начнут общаться друг с другом, а тут вдруг на глазах у изумленной публики сели вместе в общей столовой. Напряжение между этой парой всегда казалось слоном в комнате, которого никто не хотел замечать. Но о нем знал почти каждый в Соларуме, даже адъюты байки травили (а они были теми еще сплетниками!). Смотрелось все, конечно, дико, но... по-странному правильно? Они просто общались, пока все заинтересованно косили на них глаза. И было видно, насколько умиротворенным выглядел Дан впервые за последнее время. Даже скованность между ними почти не ощущалась. Фри глазела на них с

наглым интересом, не прекращая выдавливать глупую ухмылку, пока где-то позади Стефан довольно шипел Максусу:

– Сколько ты там ставил? Тридцать праэтеров? Торчишь мне теперь.

Общее внимание к Ханне и Дану стихло лишь через день, да и то не сильно. Спрашивать их о чем-либо боялись все. Словно тронешь – и Дан обратно превратится в мрачную тыкву.

– Я вообще в них никогда не сомневался. – Стеф пожал плечами, устало вчитываясь в строки инфоры.

Фри изумленно уставилась на него.

– Сначала волнуешься за других, теперь веришь в романтику? Кто ты такой и куда дел Стефана? Не возвращай его подольше.

– Ха-ха! А если серьезно, то почему я должен был думать иначе? У них же проявилась эта звездная муть. Предрасположение. Родственные души, все дела. Это было только вопросом времени, когда они сдадутся.

– Считаешь, что это плохо?

– Нет, – ответил он, загораживаясь инфорой и откидываясь на спинку кушетки. – Это стабильность. Они никогда не смогут разбежаться, как бы ни хотели, будут возвращаться друг к другу. И еще у них очень вряд ли появится кто-то другой. С этим Вселенная удобно провернула. Но я слышал, что изредка предрасположенность может быть только с одной стороны, без отклика второй души. Думаю, вот такое уже паршиво и жестоко.

На этом они закончили, продолжив читать, и лишь изредка перебрасывались короткими фразами. Часы шли, стопки становились все меньше. Фри в отчаянии запутала волосы пальцами, пока проматывала очередной текст. Если здесь ей не найти информации, то тогда где?! Протекторша даже не выдержала и подозвала ассиста, спросив, все ли это доступные для них данные. Создание еле заметно кивнуло и уплыло работать, а Фри уткнулась лбом в стол.

– Скоты, – буркнул Стеф, у которого уже глаза слипались. – Все прячут от нас чего-то. На что спорим, что нужная тебе манипуляция где-то там? – Он указал на огромный архив.

Фри положила голову на стол, прижавшись ухом, и мрачно взирала на архив.

– А насколько нам вообще пофиг?

Стефан усмехнулся, мигом поняв ее мысли.

– Ну лично мне – сильно. – Тут он внезапно встал, оглядываясь. – Торчишь мне свое хвалебное печенье.

Он неспешно прошел вперед, за стеллаж, внимательно все оглядывая. Фри с затаенным дыханием смотрела, как Стеф, дождавшись появления анимуса, толкнул локтем одну из гор инфор. Стекла были крепкими и почти не разбились, но грохот, который они подняли, прокатился по всему помещению.

– Ай, зараза! – воскликнул Стеф, когда на него накинута звезда. – Да-да, какой я неуклюжий и тупой, вот беда! Да, мы, приземленные, вообще черт знает зачем существуем, как же вы правы. И мозга у нас нет. Сдалась вам эта трещина, я все заклею! У вас тут скотч есть или все же разрешите мне манипуляцию провести?

Фри рванула вперед, пригибаясь и прячась за столами. Она обогнула зал и нацеленно устремилась к той полке, где ассист набирал инфоры. Руки дрожали от волнения, пока Стефан и анимус ругались за стеллажом (*Сколько я вам должен?! Да лучше прежнего будет! А ну не трогайте меня, или я послу расскажу, какие моральные травмы вы мне нанесли!*). Фри едва не засек один из ассистов, но она успела прочитать заглавия на боках пластин, потому выдернула несколько и побежала с ними к нише за стеной.

Лишь завернув за угол, Фри позволила себе выдохнуть. К ее удивлению, вниз вела лестница, настолько длинная, что терялась в глухой темноте. Фри решила не испытывать удачу, потому спустилась на несколько ступенек и принялась листать новые тексты. Почти все они были на языках эквилибрумов, а потому приходилось отчаянно и долго вглядываться в каждую строку, прежде чем ее душа из какого-то милосердия потрудились бы дать Фри понимание написанного.

Вскоре ее сердце сжалось. Она впиалась в пластину пальцами и глазами, все больше уверяясь, что нашла нужный способ. В первой же инфоре! Чертовы заоблачники, не могли сразу выдать необходимое!

Связь с другими душами... Сама инфора называлась «Сквозь время и материю», и это название не обещало Фри ничего хорошего. Отчасти она даже понимала, почему информация об этом обряде была нежелательной для протекторов.

«...высок шанс заблудиться...»

«...всего одной ошибки достаточно...»

«...необходимо количество праэтеров эфира, равное...»

Фри стиснула зубы от накотившей дрожи. Столько эфира у нее не было, так что вопрос по запуску манипуляции оставался открытым. Но она верила, что перед ней – самый лучший способ. Он не требовал конкретного имени призываемого, лишь образ в памяти. А она сомневалась, что Хранителей на самом деле звали именно так, как она запомнила. Фри принялась быстро делать копии на энергласс.

Закончив, она отложила инфоры и поднялась, осторожно выглянула за угол и уже хотела выйти из укрытия, как вдруг оступилась. Энергласс зацокал по лестнице, проглоченный темнотой.

Фри выругалась, сразу подумав, что общение со Стефом на нее пагубно влияет. Она еще раз посмотрела на зал и, удостоверившись, что протектор под чутким надзором звезды все еще склеивал разбитые инфоры, со вздохом посеменила вниз. Света не было, Фри пришлось зажечь фонарик-солнце. Лестница постепенно расширялась, но заканчиваться вовсе не собиралась. Протекторша дошла до ровной площадки, когда портал арки, от которого она начала спуск, превратился в маленькую сияющую точку. Энергласс валялся под ногами, даже не треснувший, но поцарапаться успел. Фри с досадой поглядела на побитое стекло, а убрав его в сумку пояса, внезапно для себя обнаружила огромную картину на стене. Угловатые изображения, будто с витража, были выполнены в приглушенных оттенках. Происходящее описывало одну из битв между Тьмой и Светом на какой-то планете под десятком лун.

Фри медленно двинулась дальше по лестнице, встречая новые полотна на обеих стенах. Некоторые она узнавала. Вот Верховный Ганистан Мирный, казненный темным Паладином Нивет Белоокой, а на их фоне – черное небо с кроваво-алым серпом звезды в затмении. Темный рок и плач Реревны Милосердной. Она была одним из высших анимусов – Прима-окулум – и отдала весь накопленный Свет через слезы, впитавшиеся в землю, только бы спасти один из старейших анимериумов Света. Говорили, что местность, где она плакала и умерла, до сих пор накрывал Купол Реревны из золотистого сияния.

Разрушение Струнных Башен, великое путешествие по Магнитному океану, геноцид генума Тамалекрон. Фри шла и шла, смотрела, пока не увидела Бунт Золотых знамен и битву при Грозовой планетарной системе. Бойня, благодаря которой Тьма отвоевала себе

свободу, вырвавшись из-под гнета Света, начав впоследствии мстительную Бесконечную Войну. Там, на картине, один из лидеров повстанцев Релегар Восставший и Верховный Света Заэстус Алый Ветер закалывали друг друга насмерть в решающем поединке. Фри глядела на прорисованную серебряную и золотую кровь, на яростные лица и развевающиеся знамена Тьмы, впервые так гордо поднятые, и даже не заметила, что уже как с минуту вглядывалась в кого-то на фоне. Там, среди бушующего сражения, стояли два черно-белых образа, хранивших полное спокойствие. Они казались настолько невозмутимыми, что ощущались предельно естественно в хаосе и разрушении.

Фри отступила, в ледяном потрясении уставившись на Хранителей. Ее сковала паника, она с трудом и рывками вбирала воздух.

– Как же... – выдавила Фри. – Быть не может...

Они были там? Они наблюдали? Как Хранители могли быть там?!

Это же было так давно, в самом начале всего...

Протекторша обернулась к другому изображению – свержению Тарт Расколотой. И с ужасом увидела Хранителей и там, прямо среди стеклянных глыб с душами, которые собирала опальная Верховная. Дрожь прокатилась по телу Фри, она едва не упала. Что-то в ней надломилось, нечто важное и несущее. Она не хотела в это верить, но ясно видела перед собой черно-белые глаза. И чувствовала пугающую хтоническую сущность, вцепившуюся в ее душу из недр безмолвия ледяного космоса.

Фри бросилась вниз по лестнице – и на каждой картине встречались они. Хранители. Возведение Люксоруса, убийство Баэрдоды, раскол светлых префектур, Тройственная гражданская война... Даже Битва за Люксорус!

А затем Фри едва замедлила шаг, точно время пошло по-иному, растягивая секунды. Сердце упало в пропасть и там же схоронилось во льдах. На новой картине она увидела ворота. Те самые проклятые ворота, которые были в ее же душе, когда Макс показывал ей устройство внутренних миров. Огромные и темные, пугающие своей неприступной массивностью. Створки закрыты. Хранителей нет. Но зато по воротам ползло нечто уродливое и мерзкое, созданное из дыма и костей. Поглощающее все вокруг одним лишь присутствием. Смесь

серости и кислотной зелени с монструозным расколотым птичьим черепом. Зубы Фри застучали от страха, она в отчаянии глядела в многочисленные жерла глазниц. Голова очистилась от мыслей, только первородный ужас и холод. Гул становился все громче, он рокотал и гудел мощной волной. И тогда Фри обернулась назад, туда, откуда пришла, и тьму озарил резкий зеленый свет.

Чудовищно огромный череп птицы предстал перед ней в реальности. Он напирал, гудением разрывая голову на части. Эта тварь хотела поглотить Фри без остатка – это было единственное его желание, и оно оказалось настолько сильным, что пропитало все мироздание. Череп, вспыхнув зеленью, дернулся к ней, и Фри истошно закричала.

Раздался грохот, пыль ворвалась в легкие. Она раскашлялась и упала, кто-то схватил ее за плечи. Фри пыталась отбиваться, пока ее не встряхнули.

– Да прекрати ты! – воскликнул Стеф.

Тогда протекторша наконец смогла открыть заслезившиеся глаза и заметила, на что тарасился Водолей.

– Какого черта ты сделала? – едва дыша вымолвил он. – Как?..

Фри затрясло сильнее. Булыжники катились по лестнице, а коридор в небольшом радиусе от них оказался перекрыт острыми и большими кольями из камня и стекла. Словно кто-то переплавил стены, устроил взрыв в получившейся массе и снова заморозил, трансмутацией обратив их во что-то новое. Трещины в каменных блоках коридора дымились и тлели. Картины с воротами больше не существовало. Нет, она не оказалась разрушена, ее в принципе никогда и не было. Как и Хранителей ни на одном из изображений.

Стефан продолжал требовательно взирать на Фри.

– Это манипуляции без меток, – произнес он. – Никто из нас так не может.

Она хотела ему ответить, даже рот уже раскрыла, но не смогла выдать ни звука. Вместо этого из ее глаз покатались слезы. Без всякого хрипа или всхлипа. Фри просто сидела и в безысходности смотрела в побледневшее лицо протектора.

– Пойдем, – выдохнул Стеф, потянув ее вверх. – Все будет хорошо, идем.

Встать у Фри не получилось. Ноги казались деревянными, негнибыаемыми, они тряслись, как и все тело. Протекторша почти сразу рухнула обратно. Стефан без всяких предупреждений разбил манипуляцию и то ли себя усилил, то ли Фри облегчил и подхватил ее, чтобы помочь добраться хотя бы до выхода из этого треклятого места. Фри не понимала, что происходит. Все смешалось, оставив в ней одну лишь пропасть с горьким привкусом обреченности. Бездна взглянула на протекторшу в ответ и осела на душе толстым слоем. Она искала правду, а нашла константу пустоты – ту самую, из которой мы все появились и к которой вернемся вновь. От воспоминаний о ней Фри не могла остановить слезы, настырно катящиеся по лицу крупными каплями. Уткнувшись в плечо Стефа, она вдыхала ядреный запах красок, пытаясь напомнить самой себе о мире за пределами темного коридора.

Глава XXI

Завтра нет

Тот день, или ночь, или что бы там ни было начался резко и со стука в дверь.

Я с трудом отлепил лицо от стола, встал, попутно споткнувшись обо что-то, и с руганью уронил стул.

В дверь продолжали барабанить.

– Да сейчас! – разозлился я.

По ту сторону обнаружился Стефан. Он заметил заваленный стол и презрительно сузил глаза:

– Так, заканчивай с этим.

– Нам нужно узнать, что за Зеленый мор притащил Грей. – Я зевнул, приваливаясь к дверному проему. – А значит, надо копаться в Архиве, изучать информацию...

– Этот день пропустишь. Один страдает херней, второй просто страдает. Сегодня другие планы.

– Это какие же?

– На ноги будем ставить раскисшую шпалу.

Не став продолжать, Стеф поднял с пола коробку и, оттолкнув меня, ввалился внутрь. Что-то позвякивало.

Он поставил ношу на кровать и ушел, бросив, что вернется через пять минут. Я безысходно смотрел на коробку, интуитивно чувствуя, что ничего хорошего сегодня не случится.

Вернулся Стефан вместе с Даном. Тот был в плохом расположении духа, впрочем, как и весь прошедший месяц. Дан пытался возмущаться, что его привели сюда силой, но Стефан втолкнул его в комнату.

– Заткнись и сядь.

Дан раздраженно плюхнулся в кресло.

– Меня задрало это, – тактично начал Стефан, закрыв дверь. – Снова эта ваша безысходность, нытье. Достали!

– И ты решил провести нам групповую психотерапию? – кисло уточнил я, вскидывая брови. – У меня нет на это...

– У тебя есть время завалить хлебало.

Подойдя к коробке, он наконец снял с нее крышку, открыв взору десяток бутылок с алкоголем.

– Ты все это здесь держишь? – уточнил я, все больше предчувствуя недоброе. – Нам запрещено.

– Если тихо, то можно. Да и ты думаешь, хоть кому-то не насрать? Вот сколько я лет в Соларуме, столько они до моих тайников и не добрались.

Выудив одну бутылку и оценивающе покрутив в руках, Стеф обернулся к Дану.

– Ну что, с днем рождения тебя, мудила.

Я оторопел, лихорадочно пытаюсь вспомнить, какое сегодня число. Последние недели превратились в кашу. Даже не заметил, что уже третье июля.

– И сколько тебе сегодня? – спросил я.

– Двести девяносто пять, – мрачно буркнул Дан, все ниже скатываясь в кресле.

– Блин, у этого блаженного еще и юбилей, – фыркнул Стефан. – Ну все, работы никакой сегодня у нас не будет.

– Мне это не нужно.

– А мне плевать. Вы тут ходите все как нежные снежинки, переживаете горе. Так давайте надеремся, чтоб уже отпустить это гребаное горе и забыть его к чертям собачьим. У нас тут, может быть, последние дни на Земле. А вы так и будете с постными рожами ходить, словно говна наворачнули. Ну хватит.

Он протянул Дану бутылку. Волк не мигая взирал на Стефа.

– Сегодня у тебя день рождения. Забей на протекторов, заоблачников и всех остальных деградантов. И на Рамону тоже. Собери себя в ведро.

Не знаю, почему Дану эти доводы показались исчерпывающими, но он выхватил у Стефана алкоголь и с недовольством посмотрел на этикетку.

– Один день, – тихо произнес Дан, пока Стеф откупоривал зеленую бутылку и делал глоток.

Он бросил в меня еще одной. Я от неожиданности едва не проворонил снаряд.

– Тебе особое приглашение нужно, звезданутый?

Открутив крышку, я принялся к терпкому сладкому аромату и неуверенно сказал:

– Не думаю, что это хорошая идея.

Прошлая попойка происходила на день рождения Стефа, и основную часть я, спасибо Свету, пропустил. Приоткрыв дверь, я застал некое постмодернистское представление: Стефан и Паскаль – люди, которые, казалось бы, должны были находиться максимально далеко от искусства, но на самом деле лучше других в нем понимали, – наклюканные, стояли по разные стороны от стола и крыли друг друга матом в адском надрывном споре насчет авангардного искусства и старой школы. И пока Стефан уже перемахивал через препятствие в готовности откусить лицо Паскалю, защищая супрематизм с футуризмом, а тот уже сделал розочку из бутылки, я тихо и с ужасом слинял. Потом за погром на этаже с них содрали по году памяти.

– Да у нас не бывает хороших идей! – говорил он мне теперь. – Не бы-ва-ет. Какая уже разница, что мы сейчас делаем, если на днях может нагрянуть очередной конец света? Так что сегодня отмечаем.

– Но это время можно потратить на...

– О, и кстати! – воскликнул Стефан, глотнув еще раз. Глаза коварно загорелись. – У меня давно уже вопрос был. Про тот период, когда ты получил от Антареса способность видеть души. Ты же только тогда этим занимался, ага, да? Ну вот и скажи, сколько мерзкого и неловкого успел за это небольшое время увидеть? Извращенные фантазии? Вытирание козявок о диван? Поедание пиццы с ананасами?

Засранец, – сдавленно подумал я, замерев.

Он знал, что способность никуда не делась. И случилось – редко, но все же, – я нехотя становился свидетелем некоторого дерьма.

Под холодящим прессом этих воспоминаний я опрокинул бутылку, чем вызвал хохот Стефа. Усмехнулся даже Дан.

Препирательства стихли довольно быстро, мы вошли во вкус. И несли всякую чушь. Высмеивали других, иногда оскорбляли друг друга, но в итоге смеялись так, что мне становилось плохо. Так прошел час, может, два. В какой-то момент Стеф добрался до патефона, подаренного Даном на мои девятнадцать лет. Перерыв все пластинки, он заключил, что я «мрачный задрот». В основном там был рок и хеви-метал. Стеф некоторое время выбирал между System of a Down

и Metallica, а остановившись на вторых, врубил на всю комнату «Ride the Lightning».

– Это ужасно! Как будто кошке хвост выкручивают! – восклицал Дан, хватаясь за голову, как только раздался первый куплет. – Как такое вообще слушать можно?!

Вместо ответа я, давясь от смеха, начал подпевать. В меня полетела книга, но уклониться было легко, поэтому она исчезла за балконом.

– Будущее наступило, старик! – отвечал Стефан, тыкая в него пальцем.

– Если эта музыка для тебя – будущее, то у меня для тебя плохие новости, динозавр, – сообщил я, глядя за перила в жалкой попытке рассмотреть книгу на далекой земле.

– Да плевать! Дан уже был стар как палеозой, когда я в протекторы подался. И почему-то до сих пор не сдох!

– Сам не сдох! – огрызнулся тот, непонятно на что оскорбившись: то ли на сравнение с палеозоем, то ли на намек, что он действительно в этом мире задержался.

– Да-да, я тоже удивлен!

А затем Дан дернулся к выходу из моей комнаты, зовя нас за собой.

– Паршивая идея, очень, – говорил я. – Засекут же.

– Ой, а кому не плевать! – прыснул Стефан.

Его даже не остановило то, что Дан, добравшись до основания башни, забрался на подоконник и слез куда-то вниз.

Скорее всего, я бы заявил им, что идея не просто дурацкая, а самоубийственная. Это в нормальном состоянии. А так я счел все веселым приключением, к тому же Стеф уверенно подтолкнул меня вперед.

Выглянув в окно башни, я тут же подставил голову под потоки свежего ветра и недолго думая перемахнул прямо на скат крыши тринадцатого этажа. Просто чудо, что мне удалось не свернуть себе шею. Стефан мерзко смеялся над тем, как я неуклюже придерживался за выступы каменных украшений, правильные архитектурные названия которым знал один он. Дан с раздражающим изяществом спустился по скату на крышу Соларума и немедля оказался между нескольких колонн, совсем рядом с краем. Я же добрался туда с

меньшей ловкостью, скорее, как мешок картошки. Внизу шумели синие кроны, всегда внушающие спокойствие. Воздух, как и обычно, был чист, прохладен и свеж. Запахом лес напоминал вечную весну. Его ветви высились над входом в Соларум океаническим валом, а там, за ними, раскинулся космический купол. Хрупкий и темный, вечно безответный.

Где-то сзади тяжело рухнул Стефан. Пойло он, кстати, взял с собой, и Дан, на странность, тоже.

– Если мы тут сдохнем, это будет эпично, – заметил я, глядя через край.

– Да какая разница? – Дан лукаво глянул на Стефа. – Завтра нет, правильно?

– Не-а, – с мудрым видом подтвердил тот, продолжая пить. – Больше никогда.

Дан задержал на нем долгий взгляд, точно решая что-то про себя, а затем засмеялся: громко, во весь голос. Он встал на самый край, раскинув руки, отдавшись нахлынувшему ветру, продолжая хохотать как умалишенный. Дан едва заметно пошатывался, но я твердо знал: он не свалится.

А между тем Дан привлек чье-то внимание, протекторы любопытно глядели на нас с нескольких балконов. Один даже спросил что-то, и Стеф, который даже в смысл не вдавался, крикнул:

– Че вылупился, дурачок? На хер иди! Гуляй, Гаскон!

– Да! – с жаром поддержал я.

Пегаса я и так плохо знал, так что какая разница.

Уже через секунду Стеф переключился на звездное небо, тыкая в него пальцем.

– И вы на хер идите!

– Да! – кричал Дан.

– Пошли вы! – не отставал я.

Волк продолжал давиться смехом:

– Чтоб вас всех Обливион поглотил! Вы мне жизнь сломали, а я все вам отдал!

– Думаете, лучше нас?! Ублюдки!

– Сюда ссыте спускаться, да?!

Мы истошно и счастливо орали на весь Соларум, скакали по крыше и хохотали. Гнева звездного мира я не боялся. Какое им дело,

куда я полезу? Какое дело даже той красной звезде из сердца Скорпиона, вспарывающей лучами небесную ткань? А Антаресу это вряд ли бы понравилось. Я вообще от него ни разу весточки не получил за эти месяцы. Мне было совестно признавать обиду. Я напоминал себе, через что каждый день проходит Антарес и сколько ему нужно сделать. Но все равно не мог не думать, что за эти полтора года он мог бы обратиться ко мне хоть раз. Хоть одним словом. Но вместо этого он бросил меня здесь самостоятельно разбираться с новообретенными силами.

– Дали нам паршивую жизнь! Память отбираете! Так забирайте все, твари!

– Да зачем им еще твоей бесполезной памяти?! – заливался Стеф.

– Качественнее твоей, Стефано. У меня хотя бы мозг не отмер!

– Пафосный, зазнавшийся говнюк!

– Зато не ноющий мудака, как ты!

– Слабак!

– Кретин!

Мы ни разу не ушли с веселого тона, но все равно скатились в драку. Стефан нанес удар первым. От резко заболевшей челюсти я на миг пришел в себя. Помог тому и мороз его души. Водолей скалился в азартном драйве и перебросил свою бутылку Дану. Я отшатнулся, едва устояв на ногах. А затем, почувствовав будоражащий огонь в венах, бросился на друга. Он не ожидал, что у меня будет столько силы, потому мы с ним покатались по плоской крыше, вопя что-то оскорбительное и набивая друг другу бока. Ему удалось перенять инициативу и пнуть меня так, что я отлетел на целый метр брошенным снарядом. Стеф надвигался. Увернувшись, я нанес очередной удар куда-то в лоб, заставив его отойти на шаг. Но он был устойчивее, чем казался, потому быстро пришел в себя, и уже я пропустил его выпад по ребрам.

Следующий удар прилетел мне в скулу. Раздался звучный хруст. Водолей охнул от боли и зашатался, держась за трясущуюся руку.

– Твою мать! – шипел он.

При этом моя скула почти не болела, но палец у Стефа все равно был сломан.

Дан раскидал нас по разные стороны так сильно, что я упал на задницу.

– А ну завязывайте, чтоб вас! Светлые звезды, Макс, у тебя лицо из стали, что ли?

Я пожал плечами, не чувствуя особой вины. Скорее радость от саднящих ушибов. Звезды крепче людей. Особенно костями.

Волк покачал головой и подал Стефу платок, чтоб тот хоть как-то зафиксировал пальцы.

– А ты хорош, – жмурясь, бросил мне Водолей, как только прекратил ругаться. – Ладно, черт с ним, не впервой ломать кости.

– Будете так срывать, до моих лет не доживете, – хмыкнул Дан, прикладываясь к горлу бутылки.

Странно, я всегда думал, что если он и пьет, то как-то эстетично, с изящным бокалом и скорее всего какое-то дорогущее вино, и не будет просто так глушить ром из горла, потеряв где-то пиджак и закатав рукава.

– Ну и на хрен мне так долго жить с подобной жизнью? – хохотал Стеф. – Какая разница, если все, что от нас останется, все равно окажется в подвале? И кто-то будет в этом рыться! Найдет потайные ящики...

– Н-да? И какую мерзость ты в них хранишь?

– Ты вот мне и скажи, трехсотлетний мужик, который за собой следит лучше, чем за...

Тут весь мир перевернулся.

– Ящики! – вдруг воскликнул я.

Оба обернулись ко мне. Стефан отмахнулся.

– О, все, он поплыл.

– Нет, нет, погоди! – Я вскочил на ноги так резко, что голова закружилась. – Проклятье... Я не думал об этом. А что... что, если... у Ламии были какие-то тайники? Как ты прятал свое бухло.

– Думаешь, Ламия держала бухло? – нахмурился он. – Ну, с такой работой...

– Да не его! Звезды, включи мозг. Документы. Работы. – Я уже с трудом мог связывать больше пары слов в одно предложение. – Драный черный блокнот!

– Мы же все проверили, – напомнил Дан, присев на выступ и сгорбившись.

Он уже растрепался и разленился и, видно, не хотел особо думать над проблемами Соларума. Но теперь я мог говорить лишь об этом.

– Но мы не искали тайники! – Я бросился к подъему. – Все, пошли!

Самое поразительное не то, что они мне не перечили, а то, что мы вообще поднялись обратно и дошли. Стеф и Дан были относительно нормальны, только продолжали препираться и громко смеяться, а вот меня шатало. Стефан даже едва успел удержать меня от падения с лестницы, обозвав «оленом слепошарым». У него, кстати, после драки были здоровенный фингал и синяк в центре лба, а у меня продолжала побаливать челюсть. В Лазарет никто не захотел бы идти даже с переломом.

Помимо тринадцати этажей и башен в Соларуме имелся подвал: огромный, вместительный, вырытый прямо в плите, на которой держалась вся махина. Расположенный под лесом. Он отводился под запасные складские помещения, и самым большим из них было место хранения вещей усопших протекторов.

Мы вышли к грудам старого хлама. Казалось, света стало еще меньше, тусклые лампы встроены лишь в далекий потолок. Это необъятное пространство оказалось битком забито: где-то пожитки были аккуратно сложены, в других местах собраны в метровые кучи. Даже непонятно, как все архивировано. Этим должен был заниматься небольшой отряд адъютантов, которых мы здесь не нашли. Я не осуждал их, сам бы свалил из такого унылого места.

– Я все понимаю... но почему ничего не выбрасывается? – произнес Стефан, оглядывая завалы.

– Это когда-то было дорого душам, – ответил ему Дан. Он уже начал качаться. – Своего рода дань уважения.

– Тогда пообещай, что если я откинусь, то ты спалишь все мое барахло. Желательно даже из комнаты не вынося. Вот такое уважение я оценю.

– Так... – Я шумно выдохнул, пытаюсь сообразить план. – Нам надо разделиться...

– Вы тут какого черта устроили? – воскликнул кто-то.

– Разведка! Тихо! – ответил я, не задумавшись, и только затем понял, что голос женский.

Позади стояла Ханна – с распущенными волосами, в свитере и длинной юбке. Она не была возмущена или зла, скорее огорошенно оглядывала нас.

– А, ой... – только и смог сказать Стефан, облокотившись на чей-то комод.

– Я все думала, куда идет ваша громкая и разношерстная толпа, – прищурилась она, подходя. – А вы тут нажраться решили по-тихому? В подвале?

Она угрожающе подступилась к Дану.

– Ты опять за свое? Тебе прошлых раз мало?!

– Да мы же просто отмечаем...

– Вы о чем вообще думаете, идиоты? – зашипела она, глядя на меня и Дана, видно, даже отдаленно не считая Стефа интеллектуальной единицей. – Это что за синяки? Подрались?! А если вас засекут?

– Ты засекала, – заметил я, пересиливая желание опереться о что-нибудь. – Ну и что, ну и как? Успехи есть?

– Ты знаешь, о чем я!

– Ну и пусть Коул выдергивает память! В наказание. У всех! Насрать. Что мне, впервой, что ли?

Они все удивленно покосились на меня, наверное, потому, с каким спокойствием я это сказал.

– Я хочу найти блокнот Ламии. На этом все. Ханна, если волнуешься, то можешь проследить, чтоб я не навернулся откуда-нибудь. Буду даже благодарен. А так не уведешь отсюда.

– Это место никому даром не сдалось, – кивнул ей Дан. – Так что давай закроем на это глаза.

Поджав губы, Ханна сердито вырвала бутылку из его рук.

– Ладно. Но завязывай. Продолжишь спиваться за закрытыми дверьми, но не тут.

– Да, капитан, – виновато усмехнулся он. – Поздравить меня с днем рождения не хочешь, кстати?

– Нет, пока не протрезвеешь.

– Вредина.

Подойдя к нужному сектору, где все вещи лежали по ровным квадратам, я разделил нас на две группы. Судя по записям, вещи Ламии находилось в пятой и десятой ячейке. Мы с Ханной направились к ближайшей, довольно крупной, и копались там в течение минут пятнадцати. Какого добра тут только не было: мебель, одежда, книги, канцелярия, украшения, антиквариат – и все

вперемешку. В ячейках лежали вещи разных людей, так что приходилось прилагать усилия, чтобы найти хоть что-то. Мое состояние затрудняло поиски раза в три, особенно потому что мне постоянно надо было облакачиваться о что-нибудь и переводить дух. Поразительно, но полувзвездность от опьянения не спасала. Хороший ли знак?

– Только глянь, – усмехнулся я, доставая коробку, полную золотых колец. – Да протекторы тратили время с пользой.

– И я даже не хочу знать на что, – ответила мне Ханна, с отвращением отбрасывая чучело головы медведя. – Ну и свинарник.

– Это же памятник.

Я наконец-то отрыл стол Ламии и стал искать в нем черный блокнот. Ханна потянула за рукав, торчащий из шкафа. Оттуда выпал старомодный зеленый камзол, расшитый бронзой. Она едва заметно улыбнулась, оглядывая его.

– Ого. Надо подарить его Дану. Это прямо из его времени. Вычурно, бессмысленно, безвкусно. Все как он любит.

Я посмотрел на нее и рассмеялся.

– Чего? – сконфузилась Ханна.

– Да просто... здорово, что у вас налаживается. Ему это на пользу. Ну, знаешь... с тех пор, как он ходит и страдает по всему. Нам всем от этого хуже. А ты его можешь вытащить.

– Макс, пьянство тебе вообще не идет, переносишь его ужасно.

В этот самый момент я оступился и остался на ногах лишь благодаря тому, что зацепился за край стола.

– Я... вообще согласен. Ох, черт...

Последние пару минут было дурно. Я надеялся, что меня не стошнит. Хотя вроде звездный организм такого вообще не позволял...

– Лучше посиди и отдохни, – посоветовала Дева. Похоже, она волновалась, хоть и пыталась скрыть все за маской строгости.

– Надо работать. Теперь все на ушах.

– С тех пор как вы рассказали о падших и Грее? О да. Ну а чего ты еще ожидал?

– Только этого. Потому и молчали.

Мы наконец поведали остальным о переводе и состоянии Грея. Скажем так, нам повезло, что общая проблема перевешивала наше молчание: даже Паскаль недолго на нас орал. Коул мгновенно принял

новую информацию и стал лихорадочно думать. Но так ни до чего не додумался. Его сейчас вообще было мало видно, заперся у себя в комнате.

Я обшарил весь стол нетвердыми руками. Это заняло некоторое время, все ящики были вытряхнуты, но никакого двойного дна.

Внезапно нас окликнул Стефан:

– Ну как?

– Ничего! – сообщил я. – А вы что-нибудь нашли?

– Охрененные вещи!

Когда мы подошли к их куче, Стефан встретил нас при параде. Водолей напялил на себя расшитый золотом бордовый халат и рыцарский шлем.

– Я хочу это с собой взять, – выпалил он, поднимая забрало. – Ты смотри, шикарно же!

– Вы тут блокнот Ламии ищете или выходной наряд? – раздраженно проворчала Ханна, захлопывая Стефа обратно.

– Надо же и для себя приятное в работе находить, – приглушенно донеслось из шлема.

– Одну книжку нашли, черную, как Макс и описал! – ответил за него Дан.

Он вышел из-за кучи мусора, и вид его заставил Ханну закрыть лицо ладонью.

– Дан, всего светлого ради, ну ты-то куда?

– Что? – не понял он, разводя руками.

На нем была темная бархатная накидка с соболиным мехом, вокруг шеи повязан розовый шарф из перьев, а на голове – черный прусский шлем с орлом и пикой.

– Всепроникающий Свет, – утомленно вздохнул я. – Вы расскажете, что там с книгой?

– Пустая и не ее, – признался Дан. – Фридриха Шульца. Ох, ну и занятный паренек был, как сейчас помню. Оказывается, марки собирал. Чего только люди не творят, когда никто не смотрит...

Он покрутил в руках свой головной убор и выбросил обратно, где он с лязгом затерялся в мусоре и вечности.

– Шлем, похоже, тоже его.

– Мы отсюда не уйдем, пока не отыщем блокнот, – заявил я.

– Макс, а ты вообще уверен, что она здесь? – Стеф вновь убрал перегородку с глаз. – Может, записная книжка при Ламии была, и Грей ее утащил. А если она и тут, то мы рыть годами будем, серьезно.

– А мне хочется верить, что блокнот здесь, – с жаром заявил Дан. – Это знатно воодушевляет, знаете ли! О, а еще!

Он снова скрылся за кучей мусора. Оттуда заиграла музыка.

– Вот! Вот как надо! А не эти ваши крики!

Это было что-то с переливчатой джазовой мелодией и женским вокалом.

– Ты смешон, – сообщила ему Ханна.

А Дан, улыбнувшись, протянул ей руку. Протекторша снова опешила, в который раз за день.

– Давай! Как раньше.

– Ни за что.

– Ну брось. В честь дня рождения. Разок. У меня, между прочим, юбилей!

Все, что я мог делать к тому моменту, – сидеть на огромном чемодане и тупо глядеть на них с пустой головой. Но даже тогда я почувствовал облегчение: Дан показался мне прежним.

Ханна все колебалась, подозрительно глядя в нашу сторону, но все же, после недолгих раздумий, подала Дану руку. Это была странная танцующая пара. Они совершенно не попадали в ритм, словно слыша спокойную музыку, в то время как на фоне играло что-то бодрое. А еще Дан выглядел как клоун, но это никого не смущало. Сначала движения были неуклюжими, и не из-за нетрезвости протектора, а из-за стеснения и скованности. Но уже вскоре неловкость исчезла, пришла уверенность. Шаги идеально совпадали. Ханна, будучи высокой, прекрасно подходила Дану по росту, дотягиваясь макушкой ему до шеи. В конце концов они стали безмятежно кружиться, отчего Дан в который раз за сегодня рассмеялся. Но теперь искренне.

– Ох, а вот если б это был чарльстон...

– Ты его и раньше с трудом исполнял, сейчас точно бы рухнул, – подтрунивала Ханна.

– Что? Да я был лучшим!

– Никогда не хотела тебя огорчать, но ты вырос и готов заглянуть в глаза страшной правде. Ты всегда был в нем ужасен.

– И ты все это время держала информацию в заложниках? Ты само зло!

От его напускной обиды теперь уже Ханна расхохоталась в ответ.

Не знаю почему, но я чувствовал себя таким умиротворенным, глядя на них. Сидел, упершись подбородком в ладони. Даже Стефан в кои-то веки решил заткнуться и, кажется, задремал, привалившись к шкафу.

Идиллия прервалась резко:

– Какого дьявола тут происходит?!

Коул метал молнии, глядя на нас. Рядом с равнодушной гримасой стоял и Тисус.

– А что, уже запрещено ходить в подвал? – лениво осведомился Стефан.

– Нет, но прыгать по крыше, орать вдрызг пьяными и беспокоить людей – да!

– Всех перебудили, черти. – Тисус недовольно зевнул.

– Мы празднуем, – добродушно развел руками Дан, словно это могло все объяснить.

Коул хотел что-то ответить, но запнулся. Ему будто стало хуже, он затряс головой и потер висок, как при головной боли. Затем мрачно зыркнул на Дана.

– К чему такой идиотский вид?

– Я постоянно у него это спрашиваю, – встрял Стефан. – Внятного ответа так и не добился.

– А сюда зачем полезли? – кисло поинтересовался Тисус. – В поисках нового стиля?

Я устало изложил им свои идеи насчет блокнота Ламии. В ответ Весы нахмурился.

– Считаешь, что Ламия оставила там записи о переводе?

– Да! Она и Дан были близки к какому-то ключу! Ламия что-то поняла.

– Если Грей утащил документы, то и блокнот тоже.

– А если нет?

– Да какая уже разница?! – резко вспыхнул он, чем ввел в ступор всех. – Она мертва!

Я с трудом подобрал слова. Не только потому, что выпил полбутылки какой-то бурды.

– Но нельзя бросать все. Нельзя... перестать сражаться.

– Думать надо было раньше! – Тисус обернулся к изумленному Коулу. – Это все ваша вина! Вы недосмотрели за ней!

– Что ты несешь? – строго отозвался тот. – Вы работали с ней рука об руку! И после этого винишь нас?

– Безопасность Соларума – не моя забота! Ты допустил сюда этого ублюдка, а вы, – тут он ожесточенно уставился на меня и Стефа, – молчали о происходящем! Вы дали ей умереть! Никого не было с ней рядом! А теперь руетесь в ее вещах, думаете, что сможете хоть что-то исправить?! Да ничего подобного!

Дан издал какой-то невнятный гортанный звук. Он пытался выдавить из себя хоть слово, но не мог и выглядел при этом не просто ошарашенным, как мы. Подавленным.

– А ты чего смотришь?! – напал на него Тисус. Никогда бы не подумал, что этот хилый, едва ли весящий сорок кило протектор мог выглядеть таким угрожающим. – Чего мямлишь?! Вы не сказали нам! Ничего не сказали! И допустили, чтобы она несла это на своих плечах в одиночку!

– Тисус... – выдохнул я.

Он не дал мне продолжить, только выпалив:

– Чтоб тебя Обливион поглотил. Тебя и всех остальных.

Только когда он ушел, мы позволили себе выдохнуть.

– Вот это у него рвануло! – тонко подметил Стефан, снимая с себя громоздкий шлем. Под ним он весь пропотел. – Никогда дохляка таким не видел.

– Он переживает куда хуже, чем я мог предположить. – Коул продолжал глядеть Тисусу вслед. – До этого он вообще не высказывался о ее смерти, даже на похоронах не был...

– Я... я его понимаю... – тихо произнес Дан, который продолжал потерянно смотреть в пол и выглядел так, словно ему дали затрещину. – Все, что произошло... чертовски ужасно.

Коул продолжительно выдохнул, оглядывая каждого из нас и будто бы решая, что же делать дальше. Его раздумья прервала Ханна, мягко взявшая Дана под руку.

– Давайте просто разойдемся по комнатам. А праздновать, если что, продолжим через пару часов. Многие как раз вернутся с заданий.

– Да, – согласно кивнул Змееносец, устало глядя на то, как Стефан потирал сломанный палец. – Убирайтесь с глаз долой. И в Лазарет загляните, кому надо. Светлые звезды, ну вы и дебилы, конечно...

– Но блокнот... – не унимался я.

– Макс, если ты сейчас же не заткнешься и не пойдешь наверх вместе с веселой компанией, клянусь, я оштрафую всех троих на десять процентов памяти. Хочешь проверить?

Я нервно сглотнул. Проверять не хотелось, уже наблюдал, как по приказу Коула отняли пять процентов. Человек тогда свое имя даже забыл.

– Вернешься потом, – смягчился Змееносец уже на выходе. – И найдешь что тебе надо. А пока придите в себя, недоумки.

– Тоталитаризм! – негодовал Стефан, который все же взял с собой дурацкий шлем.

Ханна и Коул проследили, чтобы мы зашли именно в свои комнаты, а не куда-то еще.

– С днем рождения, – сказал я Дану, перед тем как подняться к себе.

Тот улыбнулся в ответ, но скорее машинально. С тревожащим оттенком печали. В себя он так и не пришел.

Я упал спиной на кровать, отчего в оставленной Стефом коробке звякнули бутылки.

Позволил втянуть себя в это безумие, ну что за идиот.

Хорошенько протерев уставшие глаза, я подумал, что было бы неплохо поспать, и раскинул руки. Тогда-то позади донесся едва слышимый стук балконных дверей.

Я немедленно сел и с бьющимся сердцем уставился на темную фигуру.

– Хороший слух, – довольно похвалил он. – Впрочем, если бы я хотел, ты бы и не заметил. Так что не обольщайся.

Это был звезда. В темной потертой шинели, грязных сапогах и бордовом шарфе, скрывававшем половину лица. Узкие хитрые глаза оценивающе глядели на меня из-под красных бровей. От его появления комната наполнилась почти неуловимым запахом дыма и свежего ветра.

– Мастер Опаленный сказал, что мне предстоит скучная работа, – хмыкнул эквилибрум, не дав мне и слова сказать. – Ну, поглядим.

– Поллукс? – Я изумленно вскочил. – Тебя послал Поллукс?

Меня все еще шатало, я едва не упал – на подкосившихся ногах врезался в дверцу шкафа.

Незнакомец усмехнулся. Хрипло, но добродушно, без всякой издевки.

– Ого! Малой, ты что, дурмана нахлебался?

Дождавшись, когда я наконец приму почти гордое вертикальное положение, он деловито зацокал языком:

– Ну-ну, так не пойдет.

– Ты ведь должен помочь мне с Сарой, так? – спросил я.

Эквилибрум быстрым движением сунул мне бутылек. В том плескалась прозрачная жидкость с осадком порошка.

– На. Глотай залпом. Времени мало, а мне нужна вся твоя сосредоточенность.

– Что это?

– Правило первое! Делай что я скажу. Иначе либо умрешь по глупости, либо я уйду. Второго шанса не будет в обоих случаях. Понял?

Желания глотать что-то неизвестное было мало. Но терять возможность спасти Сару – еще меньше. Я выпил все без остатка и тут же согнулся в приступе кашля. По каждой мышце пробежал мандраж. Следующие два выдоха изо рта вываливались легкие облака пара. Заслезившимися глазами я уставился на звезду. Тот удовлетворенно кивнул.

– Отлично, очистку ты пережить смог, уже на что-то, видно, способен, малой.

Как только я разогнулся, то понял, что мысли прояснились, голова очистилась. Даже усталость как рукой сняло.

– Правило второе: меньше лишних вопросов. Нам нельзя тормозить.

– Но как...

– Малой, ты глухой? Мастер Опаленный, конечно, предупредил, что ты не очень сообразителен, но про отклонения со слухом умолчал.

Я недовольно замолк, а он продолжил:

– Правило третье: шевели мозгами побыстрее. И ногами тоже. Не поспеешь за мной или за ходом мысли – сам виноват.

– Но куда мы пойдём?

– Туда, где тебе лучше не появляться в таком виде, – сообщил эквилибрум, пристально глядя на мои брюки и рубаху. – Там не поймут. У тебя есть что-то другое? Не так привлекающее внимание к тому, что ты родился на брэнной планетарной почве?

Я пожал плечами:

– Форма протектора.

Он смиренно закатил глаза, но все же кивнул:

– Ладно. На таком голяке и щепка – меч. Переодевайся. Побыстрее.

Я удалился в ванную, где надел форму как никогда быстро. Даже пуговицы на мундире не до конца застегнул, а уже вывалился назад. В это время эквилибрум скучающе пролистывал одну из моих инфор.

– Ты так и не сказал, как тебя зовут, – намекнул я.

– Думаешь, что уже достоин знать мое имя? Я-то твое не спрашивал. Не потому, что не достоин. Мне просто без надобности. Ладно-ладно, не будь таким хмурым. Я Габиум Тихий Луч.

– И работаешь на Поллукса.

– Я внештатный ценный сотрудник, – поправил Габиум. – И не только в «Белом луче». В разных местах, так скажем.

– И ты сможешь мне спасти Сару?

– Возможно. Если не будешь глупить.

– Тогда идем к ней! – заволновался я и дернулся к выходу, но тут же остановился от его кряхтения.

– Малой, ты уже глупишь.

– Куда же?

В ответ он указал пальцем на черное ночное небо:

– В мир, конечно же.

– Погоди... – оторопел я. – За небеса?..

– Разумеется.

– Но... ведь...

– Всепроникающий Свет, ты нарушаешь все три правила разом и осложняешь мне работу! – возмутился он, глядя на похожий на часы предмет.

Габиум нажал на него, раздался отчетливый тик. Он протянул мне спрятанную под перчаткой руку.

– Сейчас или никогда, малой.

Сердце долбилось в груди, выбивая воздух из легких. Глупо. Как глупо. Не продуманно.

Отпихнув все эти мысли как можно дальше, я схватился за его ладонь и уже через секунду ощутил, как тело рассыпалось на атомы. Под бледным лунным светом и в отблесках зеркал их уносило прочь. К звездам.

Глава XXII

Ты, герой ушедших эпох

Столица префектуры Роштамм не раз переносилась за все минувшие эры. Планетары умирали, их планеты со временем рушились от звездных коллапсов, войн или просто от древности. Теперь главный полис Вивру располагался в Третфоновой системе и покрывал лишь десятую часть небольшой планеты Шет, второй от алого светила. Столица была пустынна, как и все в префектуре. Строения разбросаны далеко друг от друга, едва ли можно было отыскать плотно заселенные области больше пары сотен квадратных километров. Один ржавый песок и хребты высоких белых гор под шапками облаков, сплошное уныние. Оттого до странности вычурно смотрелась светлая и чистая крепость генума Ятджой. Зербраг был озадачен их решением встретиться в столичном полисе, а не на родовой планете. Ему оставалось лишь предположить, что Роштамм так растерял материю, что и планеты были в дефиците.

И все-таки вокруг крепости формировалось подобие полиса, с мощеными улицами, площадями и мостами, а в воздухе потоками скользили не только люминосы, но и ладьи.

Зербрага проводили внутрь вместе с Юферией и несколькими стражниками, которым он являлся Доминумом.

– Имперума Всепроникающего Света зовут Эстесса ат Ятджой, – тихо чеканила Юферия, напоминая подробности Зербрагу. – Она удостоилась этой чести пять Генезисов назад. Дочь Кестегема Угольного и Луврии Яснозенитной...

Она перечисляла множество ненужных деталей из их жизни, но Зербраг не обрывал и даже вполуха слушал, как и всегда. Все-таки Юферия была огромным источником и хранилищем знаний, а такое иногда нужно освобождать.

В мрачный и пустой зал Имперума их ввели под скрип каменной двери. Лишь с центра далекого купола бил тонкий одинокий луч. Под ним находилась Эстесса, лишенная спектрального имени, как и всякий Имперум. Она полулежала на плотных клубках искрящегося синего дыма, от тела тянулись длинные ветвистые лучи золотисто-белого

света. Рядом расположилась пара анимусов в своих фиолетовых балахонах. Они что-то бормотали себе под нос, сплетая клубки из светящихся нитей, медленно вытягивая их из грудины Эстессы. Зербраг едва поморщился. Он видел залы Имперумов намного, намного обширнее и богаче, где заседал едва ли не весь местный анимериум, а сам Имперум возводился до состояния священного и практически потустороннего существа. Здесь же Зербраг ничего подобного не видел. Рядом даже не обнаружили рыцари крови – преданные защитники каждого Имперума. Перед Зербрагом предстало полное отражение умирающей префектуры.

Нити отцепились от грудины. Только тогда анимусы заметили Паладина и, склонив головы, отступили. Эстесса медленно встала, продолжая исторгать развевающееся свечение, она была самим Светом. Лучи окружали ее голову как обширная корона. Зербраг припал на одно колено, скрестив руки на ключицах. Спутники последовали его примеру.

– Магна Эстесса, – с почтением сказал он, поднимая взгляд на ее невидимое за завесой света лицо. – Пусть Свет вечно озаряет ваш путь.

– Встаньте, Зербраг, – мягко попросила Эстесса. – Вы – Второй паладин. Прошу, вы не должны выказывать почестей.

– И все же я настаиваю, так принято, – произнес он, поднявшись. – Вы – осколок первозданного Света, пускай, как я вижу, вам в Роштамме об этом не часто напоминают.

Свечение начало спадать, как и маска могущества. Прорезался облик тонкой, тщедушной звезды. Миловидные черты лица осунулись, взгляд больших глаз – настолько усталый, словно бы Эстесса прошла долгое сражение. За спиной развевалась река белых волос. Последние искры мигнули в воздухе, оставляя Зербрага и Эстессу в тени. Он выпрямился, возвышаясь над ней на полторы головы.

– Добрый был сбор?

– Достаточный.

Мимо них проскользнули анимусы, унося несколько клубков люминарной нити. Зербраг колко вцепился в них глазами. Имперумы – избранники, исключительно выходцы из генумов. И добровольные жертвы Света. Его сосредоточение в префектуре. Зачастую от благополучия имперумов зависел перевес сил Света и Тьмы на

обозначенной территории: умрет один – и сторона ослабнет, Эквилибрис пошатнется. Появляясь на полях битв, они одним присутствием вдыхали силу в солдат. Входя в транс, имперумы могли получать видения о происходящем в префектуре и душой собирать рассеянный в пространстве светлый эфир невиданной мощи. А анимусы сплетали из него нити. Имперумы изживали себя ради этого. Ради Армии и благодати будущих поколений.

Эстесса познакомила Зербрага с представителями ее генума. Родители и сестра – еще совсем ребенок, не больше четверти Генезиса. Луврия – мать, сухощавая звезда, слишком активная и дерганая. Ее сопряженный Кестегем Угольный, глава генума, был невысок, но крепок, с заросшим улыбчивым лицом. Свою рыжую бороду он украшал синими камнями.

– Зачем вам стража? – обеспокоился тот, глядя на подчиненных Зербрага, оставшихся возле входа. – Они выглядят... довольно мрачно.

– Лишь формальность, – сообщил ему Зербраг. – Ни Едзуш, ни Гонбор никак не помешают.

Стражники мельком и без всякого интереса оглядывали всех, когда его усадили за низкий стол – прямо на подушки, лежащие на полу. Так здесь было принято. Никто из тех, кто сидел рядом с ним, не был воином. Явно прошли лишь рекрутство, а из-за мирного состояния пустой префектуры на войну не призывались. Кестегем без умолку басовито смеялся и рассказывал о перспективах, которые, по его мнению, ждали Роштамм, но Зербраг не придавал им значения. Он чувствовал отторжение к окружающим, прямо в душе, и подавить это был не в силах. Опасные кровные узы, отвлекающие от долга перед Светом и Армией. И хорошо, если бы они передавали дар, его можно было использовать во служение общему благу, но это был простой генум, появившийся спустя много лет после эры Зарождения. Редкие из них обретали дар, Ятджой, как и большинство из них, оставался бесполезным. Но у каждой префектуры должен быть генум-хранитель по обе стороны Эквилибриса и должен быть свой Имперум. Даже бездарный.

Хотя бы так они помогали другим стать сильнее.

– Луц Зербраг? – окликнула его Луврия. Голос ее казался Зербрагу неприятным и напоминал звон на высокой ноте.

Он отвлекся от глубин размышлений. Все трепетно смотрели на него, кроме Эстессы, отрывающей сверкающие сферы белой амброзии от грозди.

– Так что вы думаете о возвращении Антареса? – повторила свой вопрос Луврия.

– На все воля Вселенной, – лаконично ответил Зербраг.

– Верно, верно! Она так благосклонна ко всем нам, чем это может быть, кроме благодати свыше? Сильнейший Верховный вернулся в такой тягостный момент. Наша Армия обретет былое могущество! – Тут она будто бы опомнилась. – Конечно, великое чудо, что и вы, луц, вернулись спустя столько магнориумов! Мне жаль, что вам пришлось пробыть в сомниуме столь долго. Не могу представить, какими мучительными и серьезными были травмы, что нанесли вам темные Паладины при Битве за Люксорус! Но воистину Свет сейчас ведут лучшие из лучших. Хотя несколько тревожно, что Антарес до сих пор не высказался по поводу Лучезарной крепости и не велел перевести к ней куда больше легионов. Но он, вне сомнений, справится с кризисом, как и в былые времена, когда его победы были столь грандиозны, что они заревом засияли на полотне истории.

Паладин тактично промолчал, позволив другим и дальше восхищаться Антаресом.

– Так или иначе, жаль, что вы и в этот раз не смогли стать Верховным, – с искренней поддержкой отметил Кестегем. – В споре с Бетельгейзе я был на вашей стороне.

– Посмотрим, как сложится горизонт будущего.

– Да. И все же всем известно, насколько вы не в ладах с Антаресом. Но, как мне известно, вы были дружны с его отцом – Вестусом Ярым Глазом? А теперь являетесь его главным политическим противником. Воистину у судьбы странное чувство юмора.

– Я не был с ним дружен, – осадил его Зербраг, смотря на свой кубок с нектаром цвета топленого золота, как кровь дэлаара. Единственная еда, которую он принял. – Вестус был Паладином, а в тягостные времена заката эры Конфронтаций нам приходилось работать вместе. Но Вестус был талантлив, этого не отнять.

Луврия понимающе закивала, подперев голову рукой и жадно впитывая каждое слово Паладина.

– Скажите, а как вышло, что он на время оставил службу в армии и место Паладина? Неслыханно!

– Верховная была недовольна, – подтвердил он. – Как и все. Подобную вольность могли себе позволить немногие за всю историю. Подался в Люминарную стражу и милитерию в столице префектуры Кальцеон, доставал информацию из преступников при помощи дара генума. Бестолковая трата способностей для такого, как он.

– Я слышала, – никак не унималась Луврия, – что Вестус захотел мирной жизни, после того как сломался. Его ведь схватили темные Паладины? И пытали? Я слышала, что ему срезали веки, чтобы он безотрывно смотрел в глаза надломленных душ и странствовал по ним!

– Очередная байка. Его способность Анимеры работала не за счет прямого зрительного контакта, так действовал дар его отца. Вестус проникал в чужие души, когда чувствовал боль. То, что касается надломленных эквилибрумов, – правда. Темные вынуждали Вестуса постоянно смотреть в изуродованные и расколотые души. Это травматичный опыт, особенно если длится долго и под постоянными пытками. Дэллары изуродовали его лицо и кометной пылью закрепили шрамы. Им показалось забавным создать на нем подобие герба Анимеры.

– Мне думается, что он бы до сих пор остался жив, если бы не вернулся к паладинству, – тихо вставила Эстесса, до этого вдумчиво слушавшая разговор.

– Вестус поступил правильно, как истинный воин, преданный Свету. Нет ничего важнее долга и Армии, – жестко ответил ей Зербраг. – Генум и личные желания не должны перевешивать Свет.

Сидящие перед ним коротко переглянулись. Разумеется, у них на это имелась своя точка зрения, но выразить ее было недопустимой ересью.

– И в итоге Вестус погиб ужасной смертью, – добавила Эстесса. – И Антарес остался совсем без родителей. Он ведь вырос слабым из-за этого, верно? Вы стали его полководцем. Каким Антарес был тогда?

Зербраг провел большим пальцем по краю кубка, отбрасывая закипающее раздражение.

– На него было жалко смотреть. Абсолютная трата ресурсов. В малом возрасте он должен был целый мерион впитывать Свет

родителей, пока не начал бы вырабатывать свой. Но они погибли, а Антарес остался неполноценной звездой, духовно хилой и немощной. Это проклятие и слабость геномов.

– Просто удивительно, что благодаря вживленным в душу люминарным нитям он смог оправиться от своего недуга. – Луврия восторженно улыбнулась. – И смог открыть в себе огромный потенциал!

Зербраг покривился и произнес:

– Давайте оставим тему Антареса.

Кестегем немедленно подкинул новую:

– А что насчет тех темных на руднике? Вы же уже видели их, так?

– Трата времени.

– Это ведь не повлечет за собой открытой войны? – обеспокоился Кестегем. – У нас мирная префектура...

– Да, я слышал. И от вашего примус-легата, и от префекта. Не волнуйтесь, темные не станут разжигать войну здесь ради того сброда на руднике. Сейчас они больше заняты массированными атаками на префектуру Баура и десятков близлежащих.

– О да, великий Центр Войны. Как там излагал Униман Сталь в своих речах? Бездна Обливиона, совсем забыл...

Позади Зербрага раздался ровный тон Юферии:

– Катится Центр колесом по планетам, по дальним галактикам, по плитам, мирам. Центр смещается, бойня ревет, но где-то вдали покой настает. Лишь передышка, лишь радостный миг, сменится эра и колесо повернется, вновь война в спокойные земли придет, небо обрушит и кровь там прольет...

Она умолкла, а Кестегем усмехнулся.

– Да, это оно! Постоянное смещение Бесконечной войны. Всегда пугающе яростна где-то, но, слава Свету, у нас сейчас уже как две эры холодная стадия.

– Война обнажает души, – произнес Зербраг. Он разглядывал стену и каменные блоки с острыми узорами роштаммской росписи. Мастера уже давно умерли, никто этим искусством не обладал, так что куски явно были принесены сюда из древних построек. – Она выпячивает чувства, показывает истинное лицо каждого.

– Да, и богатый внутренний мир, вместе с кровью и органами, – усмехнулась Луврия.

Зербраг поморщился как от мерзкого привкуса.

– В этом рождаются сила и воля. Мирное время развращает.

– И чем же?

– Всем. Души забывают, зачем родились. В боине мы ищем надежду. А в мирное время душа теряет себя, обрастает лишними понятиями и ценностями.

– Вы как будто восторгаетесь войной, – нахмурилась младшая дочь.

– Я вижу в ней ужасающую красоту, – холодно ответил Зербраг. – Красоту душ, горящих ярче коллапсирующих звезд. Так обретаются сила и знание. Подлинная отдача Свету.

– Как по мне, то служить Свету можно по-разному, – неуверенно отозвался Кестегем, почесывая бороду. – Вот мы, например...

– Поддерживаете уже мертвую префектуру в мирное время, что более пугающе, чем война, – бросил Зербраг, отпивая нектара. – Роштамм в стазисе на этапе не просто умирания, а догнивания. Истинное служение Свету – делать свою душу сильнее ради него же. Вы же просто медленно истлеваете здесь на прежнем уровне, продолжая свой геном, такой же застойный, как вода в ваших обмелевших реках.

Повисло молчание, большая часть стола смятенно сникла. Эстесса шумно вздохнула:

– Простите, луц Зербраг, нам правда трудно сравниться с вами. Да, мы не странники, мы не воины, мы тихие души. Но вы – Второй паладин. Вы – герой ушедших эпох. Вы всегда пребывали на самом острие жизни, так?

– Так говорят.

– Ваши сомниумы были долгими, вы застали множество Верховных, жили в трех эрах, считая эту, всегда слыли ярим сторонником войны. Так скажите, почему вы сейчас говорите одно, но после смерти предыдущей Верховной так настойчиво твердили о завершении сражений и полном порабощении Тьмы?

Зербраг повернулся к ней. Эстесса спокойно выдержала его взгляд. Глаза ее сияли.

– Эра Рабства была наивысшей точкой могущества Света, – сказал он. – Как истинный его воин, я должен прикладывать все усилия к

возвеличиванию нашей Армии. Даже если чем-то придется и пожертвовать. В данном случае – войной.

– И делать вы это хотели за счет обнаружения Аларонема, первого полиса Света? – вновь спросила младшая дочь, даже не скрывая восторга.

– Почему вы вообще верите, что он до сих пор существует? – Луврия взмахнула рукой к стеклянному потолку, над которым в закате горело оранжевое небо. – В нашем мире потерялось столько древнего наследия, что на его обнаружение надеются лишь мечтатели или фанатики!

– И кто же я, по-вашему? – Зербраг сузил глаза. – Мечтатель? Фанатик?

– Вы один из самых рациональных и преданных предводителей, которых только видел Свет, – пояснила за мать Эстесса. – Потому ваши поиски вызывают интерес и вопросы. И веру. Я надеюсь, успеха вы добьетесь. Ваша преданность идеям Кетеса Ищущего даже спустя столько эпох поражает.

Рука Зербрага дрогнула.

– Вы же были его учеником, – продолжала она. – Еще до вступления в армию. И это, похоже, оставило на вас след? Даже когда вы прошли Гражданскую войну и убили коллапсирующего Баллахата Знамя, когда принимали участие в побоище на Серпе вместе с Вестусом Ярым Глазом, когда отражали атаку темных на Люксорус. Вы всегда были в поисках. Скажите, Зербраг, какой Кетес был душой? О нем до сих пор ходит столько легенд! Великий разведчик. Какие сведения он вам оставил, что говорил о нашем прошлом?

Зербраг заметил, что уже некоторое время никто не издавал ни звука. Он сам едва дышал. Эстесса почуяла неладное и удивленно спросила:

– Или вы не помните?

– Прошу, давайте оставим эту тему.

– А правда, что он был вашим магнетамом? – спросила младшая дочь.

– Лувана! – резко отдернула ее мать, смешивая на лице злобу и ужас. В конце остался только страх, с которым она обратилась к обомлевшему Зербрагу: – Луц, простите, дитя не знает, о чем говорит, и...

– Но!.. – попыталась воспротивиться та.

– Хватит! – вспыхнула Луврия. – Зербраг, еще раз прошу...

Всего секунду ему хотелось сжечь девчонку до черного пятна на полу. Но хладнокровие, как обычно, моментально взяло верх.

– Оставим это, – глухо ответил он, стараясь смотреть куда угодно, лишь бы не на эти мерзкие ему души. – И забудем.

Давящая и тихая атмосфера мрака не спадала весь последующий зом, она преследовала Зербрага, даже когда он вышел прочь из крепости Ятджой.

Эстесса окликнула его у ворот. Она спешила и даже запыхалась, вид у нее был довольно болезненный.

– Вы проглотили эфирное сердце вашего предшественника всего пять Генезисов назад, а уже так себя износили, – с легким осуждением отметил Зербраг. – Такими темпами вас скоро потребуется сменить.

– На то воля Света. – Эстесса стала серьезнее. – Зербраг, я хочу извиниться, видимо, любопытство моего генума вас задело.

– Я прошел через многое, как вы правильно отметили. И какие-то вопросы меня не пошатнут.

– Тогда мне показалось?

– Более чем.

Она понимающе кивнула и отвела взгляд.

– Я не стала говорить перед генумом, но хотела предупредить вас насчет рудника. Имперум получает видения о своей префектуре, когда собирает Свет...

– Я знаю, – кивнул Зербраг. – Пожалуйста, будьте кратки.

– Я пыталась заглянуть в рудник, – тихо говорила Эстесса севшим голосом. – И внутрь того строения. Оно древнее, чем кажется издали, я никогда такого не видела. И не чувствовала. Это место не защищено барьером, но оно отвергает меня и отбрасывает. Гудение разрывало голову. Я даже не помню, когда в последний раз мне было так страшно.

– Вы об этом хотели меня предупредить? О ваших чувствах?

– Да. А что с этим делать – уже решать вам.

Она вернулась обратно в крепость, ни разу не оглянувшись. Зербраг же все стоял, провожая ее глазами, а светило тем временем ушло за горизонт, оставляя на небе пару светящихся крошек.

– Луц, это звучало тревожно, – отметила Юферия. – Что вы будете делать?

– Все, как и прежде. Открывать новые горизонты.

Глава XXIII

Нашедшие в тиши покоя

Я понял, что вывалился из зеркала, только когда распластался на каменном полу. Пока кашлял, пытаюсь вновь наполнить легкие воздухом, рядом изящно спрыгнул Габиум.

– Какой-то ты хилый, – констатировал он.

– Мы же... как мы оказались в зеркале?

– А! Особый доступ к этому транзитному узлу. И привязка к отражению. Не забивай голову.

Я встал на негнущихся ногах и затравленно окинул взглядом окружение. Огромные зеркала были выставлены кругом. Но Габиум не дал мне рассмотреть массивную заоблачную архитектуру и немедля вытащил наружу. У меня захватило дух.

– Дышать ты можешь, потому что был умницей и проглотил все нужные вещества, – сообщил мне эквилибрум, двигаясь вперед по световому мосту. – Как и не распадаешься под действием различных внешних факторов. Очень занудных, но смертельно опасных для таких нежных созданий, как приземленные. Ты там, что ли, в стазис впал?

Я вспомнил, что нужно закрыть рот, но в остальном тело не слушалось, точно бы сказало: «Ого! Ну, дружок, приятно было иметь с тобой дело, но дальше сам». Меня полностью захватил вид космоса, раскинувшегося куда хватало глаз. Черный и глубокий, его пересекал рукав синеватой галактики и множество мелких туманностей. И звезды как пыль. Они мигали, превращаясь в чуждые созвездия.

– Где мы? – выдавил я, срываясь в хрип и писк одновременно.

– Префектура Эходон. – Габиум обернулся ко мне, деловито сунув руки в карманы шинели. – Провинция Олеастеррия, Первый транзитный поток, ветвь Хем-Отра, галактика Вечных облаков.

Он кивнул на наиболее яркую алую звезду, размером с четверть нашей луны.

– Планетарная система Лармы.

– И как далеко мы от Терры?..

Габиум хмуро задумался и уставился вверх.

– Ну, смотри. Во-он там Кальцеон и твоя галактика Седьмого луча. – Он ткнул пальцем в неопределенное для меня место, но затем спохватился и указал куда-то вниз. – А нет, вон там. Да, все правильно. Где-то в том направлении. За префектурами Вивхалора, Банбат и Зорестрам. В целом не очень-то и далеко, буквально шаговая доступность.

Наверняка он ждал моего восхищения, но его я мог выразить лишь крайне многообещающей мыслью «*Меня сейчас стошнит...*». Даже в опьянении я не был настолько близок к этому. Потому уперся руками в колени, чтобы прийти в себя и отдышаться, и с каждым вдохом чувствовал, как ледяной и полностью *невозможный* воздух до боли распирает легкие.

Габиум поспешил прервать мою едва начавшуюся панику:

– Малой, это только транзитный узел, выдохни, мы тут не останемся.

Сцепив зубы, я заставил себя двинуться за ним, стараясь держаться как можно дальше от края. И только затем увидел, что к мосту причалены ладьи. Значительно меньше крейсера Ранория, но я все равно приободрился. Это же настоящие ладьи Светлой армии! Глаза жадно поедали их стальной облик, изящество стеклянных парусов – многослойных и ярких.

Габиум пошел к самой дальней, с частично бронзовой обшивкой. Трап был спущен, он состоял из зависших в воздухе пластин света.

– Забирайся, – приказал заоблачник, чересчур резво перемахнув на палубу. – Нас ждет прогулка.

– Она твоя? – уточнил я, продолжая восхищенно оглядываться.

– Конечно, нет, – фыркнул он. – Зачем мне ладья? Она «Белого луча».

Габиум скрылся где-то внутри судна. Обождав пару мгновений и коротко кинув полный ужаса взгляд в пустоту над головой, я осторожно последовал за ним. И оказался на капитанском мостике.

Там все было из стекла и света. Посреди темного помещения имелась карта, полная сияния и сменяющихся координат. Габиум тихо разговаривал с мужчиной-небулой. Он и его короткие дымные волосы отдавали багровыми оттенками, а глаза были полностью желтыми и сияющими. Небулы, по сути созданные из пыли и Света, были единственными, кто мог так легко видоизменять свою оболочку, так

что мне показался странным выбор эквilibрума быть широкоплечим и большим – по ладье ходить с такими габаритами явно неудобно.

– Никаких квантовых ветров, – гудел он. – Звездных тоже. Буря утихла полтора зомы назад, струны Света уже распутались.

– Тогда хорошо, – кивнул Габиум, глядя в широкие окна. – Берем курс на Храм Силентиума.

– Паршивое место, – процедил небула, прикладывая руки к картам. – Ты вроде зарекался больше туда не соваться.

– Начальство затребовало, а кто я такой, чтобы им отказывать?

– Не знал, что ты воспринимаешь их всерьез.

Вдруг небула напрягся и обернулся ко мне, словно почувствовал чужое присутствие. Под суровым взором его пустых глаз я подался назад и вывалился обратно на палубу.

– Не стоит просто так бродить где вздумается, малой, – просветил меня Габиум, поднимаясь следом. – Любопытство, как говорится, тихохватку сгубило.

– Кого?

Он жестом пригласил меня дальше, в отдаленную нишу, защищенную стеклянным потолком и окнами. Стоило нам сесть, как ладья плавно тронулась.

Я знал основы навигационной механики кораблей заоблачников: как сингулярные паруса захватывали лучи от космических объектов или же «струны» Тьмы и Света, как скользили по ним в любом направлении. Специально обученные эквilibрумы приводили в действие сложные манипуляции времени, почти мгновенно перемещаясь от одной координаты струны к другой, преодолевая целые световые годы за какие-то часы или даже секунды. Вверх, вниз, вправо, влево – куда угодно, если туда была устремлена энергия светил. Практически как кабинка на канатной дороге. А так как объектов во Вселенной было много, струн от них еще больше, и некоторые их потоки не всегда оказывались стабильны и прямы, на кораблях имелся штурман – лучший знаток струнной навигации, помогающий также выбирать безопасные места, чтобы перепрыгнуть с луча на луч без всяких катастроф с выпадением судна за точку горизонта.

Паруса загорелись, зацепившись за нужные струны Света. Ладья не гудела, а создавала постоянный легкий перезвон, под который мы

устремилась в пустоту. От перегрузок из-за скорости, на которой мы двигались, тело должно было раскататься на молекулы еще в самом начале. Но манипуляции уберегали. Даже ветра не было. Откуда ему вообще взяться в космосе? Лишь длинные вспышки света, размазанные по материи звезды.

Тут Габиум стукнул себя ладонью по лбу.

– Тарт! Совсем забыл. Ладно, это ты виноват, отвлек меня своей болтовней. Давай сюда правую руку.

Он достал небольшую коробку.

– Зачем? – забеспокоился я.

– Затем, что ты с вероятностью девяносто восемь и восемь вывалишься за точку горизонта в течение пары сивигот. С вероятностью один и два – прямо сейчас. Так что закатывай рукав.

Я нервно выдохнул и повиновался. «Выпадать за точку горизонта» звучало неприятно. Несмотря на то что эквилибрумы могли управлять реальностью на самых невообразимых уровнях, они все равно были вынуждены подчиняться многим законам физики, а про теорию относительности им особо забывать не стоило. У всего был общий таймлайн – временной горизонт. Он делился на горизонт прошлого и будущего, а также на точку горизонта – здесь и сейчас. Я слышал, конкретно вывалиться за ее пределы в иное время – верная смерть. Доказательств обратному не было. Потому эквилибрумы привязывали себя и даже целые полисы к точке горизонта относительно Временных Армилярных плит, чтобы случайно не провалиться куда-нибудь в процессе обычного путешествия. Как плиты выглядят, чем конкретно являются и где находятся, я не знал. Но от них эквилибрумы отмеряли время по всей Вселенной.

Габиум взял меня за запястье. Был он в перчатках, а потому души я не видел. Заоблачник пинцетом вытащил из коробки крошечный черный камушек и положил его мне под сгиб локтя. Рука тут же дрогнула, все мышцы сократились, как от припадка. Я стиснул челюсти, зная, что лучше не возникать. Терпел болезненное жжение, с которым песчинка вживлялась в плоть. Когда все закончилось, она совершенно не чувствовалась, лишь оставила вокруг себя кружок неразборчивых символов на коже, да и те были столь бледны, что едва различались

– Да, малой, было бы неловко, вылети ты на пару Генезисов назад или вообще в межгоризонтное пространство, – хмыкнул Габиум, хлопнув меня по плечу. – Я бы сказал, что тебя в глаза не видел. Но хоть врать не придется. Пока что.

– Спасибо, – буркнул я.

– Пожалуйста. Надеюсь, что промедление никак не отразится на твоей связи с временным горизонтом Терры.

– Что? – похолодел я.

– Что?

Я недовольно нахмурился и отвернулся, застегивая рукав обратно.

– Как мы вернем назад Сару?

– На месте посмотрим, что там с твоей подругой, – сказал Габиум, пожимая плечами. – Да и ты сам с этим разбираться будешь, я лишь доставлю тебя куда надо. Понимаешь?

Габиум откинулся на спинку кушетки и вальяжно положил ногу на ногу. Он все щурился и улыбался, смотрел куда-то вперед. Странная звезда, я так и не понял, что о нем думать. Потому решил молчать до самого приезда, сколько бы дорога ни заняла, но Габиум вдруг задал вопрос:

– Так это ты, значит, таскал в душе великого луца Антареса?

– Возможно, – проворчал я, недовольный новой темой.

– И что, и как?

– Погано.

– Ну разумеется. Знаешь, как про него говорят: он же был легендой, великим мертвым Верховным, который вывел Свет из упадка. Свет дарующий и Свет карающий – это все про Антареса. Многие души жили с ним в одно время, но даже при жизни он уже стал мифом. Никогда не понимал, что же тогда в нем настоящего. Знаешь, а ведь мы с луцем Альдебараном неплохо так забегались, чтобы вытащить его с Терры и доставить к Бетельгейзе.

– Ты же работаешь на Поллукса.

– Да! Временами. А временами помогаю луцу Альдебарану. И еще паре интересных личностей. Скучно, знаешь, быть все время на одном комфортном месте.

– Но ты ведь преступник!

– Кто так сказал? Я просто душа по найму, только и всего. Делаю всякое.

– И видишь всякое?

Он наклонил голову к плечу, пытливо разглядывая меня.

– Зависит от дальнейшего вопроса.

– Ты знаешь... – я помедлил, пытаюсь собраться с мыслями, – что такое Зеленый мор?

– Ого. Да уж, мастер Опаленный меня предупреждал, что у вас на Терре чрезвычайная ситуация.

Ни одна мышца на его лице не напряглась, да и душой он остался спокоен как камень.

– Возможно, и знаю.

– Так расскажи.

– А в чем смысл? Ты и так обо всем скоро узнаешь, разве нет? Какое я право имею лишать тебя удовольствия в собственном познании происходящего?

– Мои друзья сейчас в опасности, – процедил я, напрягшись. – Нам нужна информация...

– О, так они в опасности, а ты отправился в глубины Вселенной? Как интересно.

На мой раздраженный взгляд он лишь оскалился.

– Зеленый мор – ужасная штука. Не хотел бы я быть на планете, где он распространяется. Малой, скажу так: вы попали.

– Оно полностью аннигилирует пространство. Уничтожает не только атомную связь, но и сами атомы. Сжирает Тьму и Свет, не оставляя ничего. По законам Вселенной это невозможно – все куда-то должно деваться. И всегда должен быть эфир. – Я задумчиво согнулся и сцепил руки замком, продолжив рассуждать: – Мора боятся светлые. И темные, думаю, тоже, раз Ранорий подался на Терру как посол Магистрата.

– Так, какие выводы? – кивал Габиум.

– Он пугает обе Армии. Выходит за грани законов Вселенной. Получается, это что-то, в чем нарушился Эквilibрис.

– А было ли оно хоть когда-то его частью?

Я изумленно вскинул на него глаза. Габиум буравил меня в ответ, словно подначивая.

– Туман и существа, которые с трудом выносят эту реальность, но в саморазрушении поглощают все вокруг, – сказал он.

– Обливион? Зеленый мор – проявление Обливиона?

– И все-таки не все нейронные процессы в твоей голове заглохли, малой. Радует.

– Погоди, но как Обливион может быть частью нашей реальности? – поразился я. – Это же... образ. Пустота. Как «ничто» может существовать?

– Это всё твои приземленные предубеждения. – Габиум поднялся и оперся о проем, за которым начиналась палуба. – Разве ты еще не понял? Главную константу Вселенной. *Все возможно*. – Он направил взгляд к вихрям света, выпускаемым парусами. – Обливион так же реален, как и все в мире. Его следы можно найти повсюду в малых или больших количествах. Он силен, понимаешь? Обливион не просто очень злое и плохое место, куда попадают души неосторожных идиотов. Нет, он всегда рядом. Здесь. Смотрит на нас, пока Свет и Тьма воюют. И жаждет забрать свое.

– Тогда что же нам делать?

– Сохранять неоправданный оптимизм и ждать, что вам скажут инквизиторы. Возможно, шансы еще есть. Но я бы не надеялся сильно.

Я замолк, Габиум тоже. Он так и стоял, пялясь на Вселенную, пока я дырявил взглядом пол, в мыслях пытаюсь взвесить положение Земли. Звучало плачевно. Но выход должен был найтись. Я попытался перебрать возможные пути действий, но вскоре Габиум меня окликнул.

Даже не заметил, как мы подобрались к планете. Я медленно встал и завороченно уставился ввысь. Огромный газовый исполин, закрывавший половину обзора. На самой его кромке блеском сияло скрытое им солнце. Планета оказалась серовато-белого цвета, с пепельными вихрями. У нее было два астероидных кольца, перекрещивающихся в одном месте. Как раз к нему мы и приближались.

– Чтоб меня... – невольно выдохнул я.

– Не привык к путешествиям? – спросил Габиум.

– Даже в пределах одной планеты это сложно дается.

– Всепроницающий Свет, как же скучно вы там живете, раз такая небольшая поездка для тебя переворачивает целый мир?

Ладья медленно и осторожно скользила между гигантских булыжников размером со здоровую многоэтажку, а затем, когда пара астероидов тяжело разошлась в стороны, нам открылась плита. На ней обосновалось сооружение – большое, с три Соларума минимум.

Никакой привычной архитектуры Светлой армии, что не отнимало монументальности. Здание – а это было именно оно – состояло из больших темно-серых кубов и прямоугольников. Полностью симметричное, с бледно сияющими трещинами. Вперед выходила дорога, украшенная тяжеленными исписанными арками и статуями из камней и пыли – они едва двигались и витали в воздухе, изображая эквилибрумов, овеянных дымом. Мне требовалось как следует запрокинуть голову, чтобы хоть как-то увидеть их лица.

Сооружение угрожающе надвигалось, давяще и молчаливо нависало над нами. Ничего кроме опаски я перед ним не чувствовал. Как только ладья причалила, в животе похолодело.

– Вываливаемся, – оповестил меня Габиум, спрыгивая на каменный помост.

Я нервно сглотнул. Вот оно. Прodelал весь этот путь ради спасения Сары. Оказался в недрах Вселенной, там, где никогда не было ни одного человека или даже протектора. Ходил и дышал в открытом космосе. Теперь отступить точно было поздно.

– Что это за место? – тихо спросил я, во все глаза пялясь на гладкие стены здания и вездесущие многометровые ограды, лабиринтом испещрявшие плиту.

– Храм Силентиума. Говорит тебе это о чем-то?

– Не особо.

– А про культы Первородных слышал?

Про это читал.

– Это сообщества между Анимериумом и Юниверсариумом, – выдохнул я, чтобы успокоиться, пока шел за Габиумом к широким воротам, так неприветливо открытым. – Вокруг каждой из Тринадцати Первородных меток появился свой культ, изучающий ее влияние на Вселенную во всех проявлениях. Большинство эквилибрумов так или иначе выбирают одну из Первородных меток и делают в ее храмах подношения, чтобы расположить к себе. Я читал, что адепты проводят секретные манипуляции, приобретают невероятные способности и...

– Бла-бла-бла. – Габиум закатил глаза. – Но в целом ты прав, да.

– Но чем нам тут могут помочь? – не унимался я. – Да и почему этого нельзя было сделать на Терре?

– Потому что невежливо, мой юный и необразованный малой, просить адептов прибывать на какую-то мелкую Вселенной забытую

планету. Да и раз у тебя серьезная проблема со смертью, не логичнее ли ее решать в храме самой Смерти?

Он хитро подмигнул мне, на что я нервно вымолвил:

– В храме какой-нибудь Жизни было бы спокойнее.

– Было бы. Но нам доступна только Смерть. Замолкни и радуйся тому, что имеешь.

– Почему они вообще должны нам помогать?

– Думаешь, Опаленный меня просто так попросил ввязаться в эту авантюру? Я умею договариваться и убеждать. Разными способами. Обычно мирными, но смотря как пойдет дело. К каждому можно подобрать ключ.

Ворота никто не охранял. Сюда мог войти буквально кто угодно, даже такие проходимцы, как мы. Вход был гигантским, как и все вокруг. Сразу же в стенах встретились ниши со скелетами – золотыми с одной стороны и серебряными с другой. Вполне человеческие, даже по размерам, да вот только от костей тянулись наросты, оплетающие металлом стены, как плесень.

Я задержался возле них. Глядел в провалы глазниц.

– Никогда не видел останков звезд и дэларов? – спросил Габиум над самым ухом.

– Не знал, что вы такие внутри. Думал, телесные оболочки растворяются.

– При последней смерти – нет.

– А что за наросты? Они были больны?

На это заоблачник таинственно покачал головой.

– Это нормальное состояние. Откуда, по-твоему, берутся залежи мрачного золота и мерцающего серебра, которыми пополняют запасы оружия для обеих Армий?

Я изумленно уставился на него, а Габиум шел дальше. В самый мрак едва освещаемого зала.

Стены сузились, в проходе меж двух дымных статуй нас встретил ассист. Здесь он был не привычного для Соларума бирюзового оттенка, а бледно-сиреневый. Создание требовательно преградило нам дорогу.

– Я – Габиум, – сообщил мой спутник в расколотое зеркало ассиста. – Найди меня в гранях своего лица. Желательно побыстрее. Я ищу Обервезу. Сможешь нас к ней доставить?

Осколки ассиста начали вспыхивать, когда он перебирал информацию, после чего дух кивнул и повел нас вглубь.

Исполинские пустые залы и колонны, десятки ответвлений. Свет от входа уже превратился в далекую точку. Пока я спешил за Габиумом, то не сразу заметил, что в тенях появились человеческие образы. Их глаза сияли фиолетовым блеском.

Существ становилось все больше за каждым поворотом.

Следуя за ассистом, Габиум взошел на просторную лестницу, минуя ползущие по ней тени: те пытались коснуться наших ног, но я на всякий случай предпочел держаться от них подальше. На возвышенности мне открылся небольшой круглый водоем в камне, полный серой жидкости, из которой трещинами прорывался пурпурный свет. На стенах выдолблены метки Смерти, контуром напоминающие заполненный кубок. Вокруг сидели эквилибрумы, больше похожие на те же самые тени. Они даже не шевелились.

Я почувствовал запах пепла и пыли, хотя грязи видно не было.

В стене от одного из скелетов оторвалось темное и обширное облако пыли.

– В этот раз как-то быстро, – отметил эквилибрум, глядя, как вихри кружатся под потолком. – Наверное, свободное время выдалось. Повезло тебе, малой.

Сделав еще пару кругов, пыль устремилась вниз, формируя перед нами фигуру женщины. Она была одета в слои плотной серой ткани, голые руки оплетены черными нитями. Голова полностью скрыта, кроме прекрасного, словно выточенного из черного мрамора лица, разрисованного плавными узорами. Когда же она открыла глаза, то они засветились точно так же, как и у эквилибрумов, которых я увидел в тенях.

Незнакомка подступила на шаг, потянув за собой рваные ткани, волочащиеся по полу, и оглядела Габиума.

– Магна Обервеза. – Он почтительно склонил голову. – Рад видеть тебя в это светлейшее время.

– Габиум, – сдержанно поздоровалась она. Голос больше походил на шелест листвы. – Опальный Рыцарь Тишины.

Он отмахнулся:

– Это давно в вечности, как ты знаешь. Сейчас я сменил род деятельности.

– Выход из ордена лишь один – смерть.

– Да, вы тут в этом разбираетесь, совсем забыл. Но, как видишь, Обервеза, я оказался жизнелюбив и потому все еще тут.

Эквилибрумша качнула головой.

– Не мне судить, примум. Ради чего ты отвлек нас?

– Я подумал, что раз у меня остался допуск к храмам Силентиума, то могу попросить об услуге. И не в первом храме. Мне не нравится их пафос, там меньше жизни. Так что выбрал родной третий. К тому же здесь твое приятное общество, которое всегда вселяет в меня радость и неутолимое желание жить. А еще ты вряд ли выставишь меня. Вам ведь несложно помочь вывести душу, застрявшую в Параорбисе?

– Требуется тот, кто связан с пропавшей душой.

– А вот он есть! – возвестил Габиум, указывая на меня.

Глаза Обервезы вспыхнули ярче. Она прищурилась, пытливо оглядывая мое лицо.

– Приземленный?

– Это проблема? – спросил он.

– Нет, но я никогда ранее не видела приземленных в храме. Он же понимает, о чем мы говорим?

– Полностью, – серьезно ответил я. – И буду благодарен за...

Тело Обервезы местами растворилось темной пылью. Я не успел отступить – мое лицо было сжато меж длинных тонких пальцев. Души я не увидел из-за тончайших перчаток. Я не смог понять, к какой расе принадлежала эквилибрумша. Больше всего она была похожа на небулу или глобулу. Она возвысилась надо мной, материальным осталось лишь тело выше пояса. Лицо оказалось так близко к моему. Недвижимое и холодное. А затем на щеках и лбу Обервезы разверзлись две новые пары глаз – такие же сияющие и словно устремленные в самую душу. Я почувствовал, как коченеют руки, будто из меня высасывали жизненно важную энергию.

– Ты прибыл с Терры, – тихо вымолвила Обервеза, оглядывая меня со всех сторон. Она отодрала от меня пальцы и призраком закружила вокруг, продолжая оценивать. – Люмен-протектор, избранник звезд. Что произошло в твоей жизни, что ты покинул далекий дом, проделал весь этот путь и прибыл сюда – в Силентиум, – дабы просить помощи у Смерти?

– Моя подруга не может проснуться уже долгое время, – ответил я. – Она зовет меня во снах, говорит, как что-то приближается.

– Ты видел ее?

– Она прячется. Вместо этого я вижу яркий космос, белые небесные тела и постоянное разрушение. И дороги. Сотни дорог в небесах.

– Параорбис... – выдохнула Обервеза мне в лицо. – Неоспоримо он.

– Что это за место? Оттуда есть выход?

– И да, и нет. Параорбис – небольшая граница между «здесь» и «там». Еще не дальнейший путь, но уже и не жизнь. Такое строение мира проповедует Анимериум. В главном «Учении о цикле путей» излагается об уровнях пространства. Ты его читал?

– В нашем Архиве нет книг Анимериума, – признался я.

– Странно. Но логично. Я бы тоже не стала обременять приземленных лишними гранями мироздания. Центральным уровнем считается наша Вселенная – материальная, созданная для обретения душой опыта. Следом идет Параорбис – небольшая прослойка между жизнью и смертью. После него находился Пургаториум. Так говорят. Существует еще множество уровней, наложенных на наш, но в большинстве своем души все равно в итоге уверены лишь в двух – нашей Вселенной и Обливионе.

– Но Параорбис же существует, так? Туда есть возможность попасть?

– Да, в этом нет ничего сложного, примум. Один шаг туда – легко. Назад – намного сложнее. Но здесь мы совершаем паломничество в его пучины. Прыжок веры. Дань Первородной Смерти. Если ты так желаешь, то можешь рискнуть душой, хотя у меня нет веры, что для тебя все закончится хорошо.

Я взволнованно подступился.

– Что я должен делать? И как вывести Сару назад?

Обервеза задержалась передо мной, заглянув прямо в глаза.

– Помни о том, кто ты есть, и не сходи с тропы. Ты должен провести заплутавшую душу через свою и вернуть в реальность. Ты будешь одинок в своем пути, ведь никто более не найдет дороги. Параорбис – изменчивое, лживое место. Не дай ему себя обмануть.

– Если вы оба знаете об этом месте, почему о нем не хотят говорить звезды?

– О, примум, они боятся всего, чего не понимают, – мягко улыбнулась она. – Это же простая истина. Параорбис – на грани жизни и смерти. А смерть пугает пустотой и неминуемостью. Попасть в Параорбис страшно. И сложно без нашей помощи. Как же душа приземленной могла отправиться прямо туда, в недра межреальностей, еще при живой оболочке?

– Ее ранил Гортрас. Знаете такого?

На этих словах ее образ с хлопком взорвался, меня окинуло волной тревоги и смятения. Дрожащая, она застыла в воздухе, а через пару секунд собралась обратно – в твердый полноценный облик. Обервеза больше не была такой спокойной и нервно глянула на Габиума.

– Это правда?

– Наверное. Меня там не было, я не видел. Но Гортрас вернулся, это знают все. Тьма словно окрепла в каждом клочке пространства по всей Вселенной. И вернулся он с Терры.

– Ты, протектор, светлая душа... столкнулся с ним и выжил? – не веря спросила она.

– Не только я.

– Не думай, что справились они своими протекторскими силами, – хмыкнул Габиум. – Антарес также там присутствовал.

– Но даже с ним подобное – чудо, провидение Судьбы. Чтобы светлое создание никак не пострадало после встречи с ним...

Неприятный, гадкий холодок змеей закрался за воротник. Нескрываемая тревога Обервезы распространялась вокруг миазмами, сбивая меня с толку и пугая. Столкновение с тем темным я просто пережил и старался много о нем не думать, ведь он перестал быть моей заботой. Но видеть, как реагировали на него эквилибрумы, – совсем иное дело. Это заставляло вновь вспоминать о том сражении, когда мы оказались между просыпающимся Гортрасом и Апогеем Бетельгейзе. И спасение наше до сих пор смотрелось невероятным чудом.

– Темный только приходил в себя, – выдохнул я, стараясь затолкать в самый дальний угол памяти черные дыры немигающих

глаз. – Там был Антарес, а еще Бетельгейзе. Но не все ушли оттуда целыми. Сара пострадала.

Обервеза туманно кивнула, глядя шестью глазами в пол.

– Да, это определенно могло нанести душе подобный вред, хотя удивительно, что после встречи с ним она осталась жива. Впрочем, как и все, кто там находился. Твоей подруге повезло, что она смогла зацепиться за тебя.

– Но почему именно я?

– Вы связаны. Клятвой, вероятно.

– Но я не один могу ее видеть, так? – уклончиво спросил я, вспоминая о Грее. – Может ли кто-то притянутый творить зло над ней?

Но Обервеза покачала головой:

– Обращение даже к находящейся в Параорбисе душе из мира живых затрачивает огромные эфирные ресурсы, так что это почти невозможно. Но Параорбис сталкивает оказавшиеся в нем души в своем хаосе, если при жизни они были связаны. Чем сильнее связь, тем четче они друг на друга влияют.

Но Грей не мертв, в этом я был уверен на сто процентов. Он продолжал разрушать весь наш мир и, к сожалению, сдохнуть никак не мог. Но кто знает, что Шакара сделала с его телом? Вдруг теперь он был способен обмануть всю местную эзотерику?

– Я открою тебе дорогу, – сказала мне Обервеза. – Это несложно. Для меня. Для тебя... Советую трижды подумать.

– Тебе вообще лучше раз десять прикинуть, – посоветовал Габиум.

Сердце заколотилось. Я не думал, что договориться будет так просто.

– Я готов на все. Абсолютно.

Я не знал почему. Но чувствовал, что обязан вернуть Саре долг. Она заслужила второй шанс.

– Тогда следуй за мной.

Обервеза вновь обратилась пылью и скользнула в просторный коридор.

– Хорошая работа, малой, – похвалил меня Габиум. – Я бы сказал, отличная. Тебя могли бы пинками выставить наружу. А ты был честен.

– Замечательно, – хмыкнул я, уже чувствуя себя усталым. – А что у нее с глазами?

– Ты про то, что их шесть, или про свет? Если про последнее, то это ее обличие – имаго. Копия реальной Обервезы со своей почти самостоятельной волей. Лично она к нам бы не вышла – сейчас, наверное, пребывает в трансе и общается с душами в сомниуме.

Обервеза вывела нас в новый большой зал, где обнаружился еще один круглый водоем, только намного больше предыдущего. И свет от него не исходил – сплошная серая масса. Рядом с ним стояли другие адепты культа.

Эквилибрумша уже стала материальной и обходила пруд по краю, сообщая остальным информацию. Они понимающе качали головами и рассаживались вокруг водоема. Над ним темнели ниши, кто-то молча наблюдал за нами оттуда. Тихая сакральная торжественность.

– Ты сам доберешься до необходимой тебе души. Она тебя притянет, – говорила Обервеза, расплетая руками сияющие пурпурные нити. – Я лишь дам проход. И хоть как-то уберегу.

– Спасибо и на этом.

Она приблизилась и обвязала нити вокруг моих щиколоток, пояса и запястий.

– Что меня там ждет? – спросил я.

– Все то же, что ты видел, но теперь ты сам непосредственно окажешься лицом к лицу с Параорбисом. Миром за гранью жизни и смерти. И будешь ему подвластен. Не задерживайся там. Иначе...

– Смерть?

– Верно.

Ну, разумеется.

Я кивнул. Обервеза вскинула брови.

– Тебя это не тревожит?

– Я уже привык, если честно, быть почти убитым. И отступить все равно уже поздно. Так зачем бояться?

– Хорошая философия, – кивнула она.

– Больше никаких наставлений не будет? – на всякий случай уточнил я.

– Всего пара. Торопись. И доверяй своей душе. Времени у тебя мало.

Я шумно выдохнул, готовясь к чему угодно. Обервеза указала мне на водоем, а сама присела рядом с ним, переплетая руки концами нитей, которые повязала на меня.

– Иди. Пусть планы Вселенной окажутся благосклонными.

Когда я сделал первый шаг в воду, в голове яростно задолбило.

Что я делаю? Что я, черт побери, делаю? Ради чего? Я же могу не вернуться!

Но каждое новое движение приносило все больше уверенности. Сириус говорил, что мне нужно было быть тише воды ниже травы. Не привлекать внимания и сидеть смирно. Но у меня был собственный путь, хотел он того или нет. В отрыве от Антареса и других эквилибрумов. Раз они все признали, что я один и сам по себе, тогда и вершить свою судьбу могу самостоятельно. Без оглядки на них. Помня лишь о тех, кто мне дорог и важен.

Пол уходил вниз, ледяная жидкость казалась слегка газообразной и в то же время липкой. Я погружался ниже, оглядывался на адептов и видел исключительно их спокойные сияющие глаза. Ноги уже едва касались пола, пока не оторвались от него совсем. Я заглянул под жидкость и тут же потрясенно вынырнул обратно.

Нет!

Нити отяжелели, как железобетонные плиты, и дернули вниз.

Глава XXIV

Лестница в небо

Вода сомкнулась над головой. Внизу простиралось космическое пространство. Лишь раз мне удалось всплыть обратно и краем глаза увидеть зал храма, но тело камнем шло на дно.

Я медленно тонул в полной невесомости, пораженно глядя в недра вечной черноты. А она смотрела на меня в ответ сотнями звездных глаз и разводами ярких туманностей. Падение в никуда, с задержанным от трепета дыханием. Ни вкусов, ни запахов, ни звуков. Только холод и стук крови в ушах.

Совсем один на всю бесконечность.

Что-то исказило звездный свет. Напоминало волны. Я следил за ними, а затем неуклюже повернулся как мог. И тогда темнота бесшумно разверзлась, исступленно уставившись на меня гигантским фиолетовым глазом. Так я и завис, совсем крохотный, перед ним. Перед взглядом самого мира. Маленькая соринка. А глаз требовательно взирал, будто ждал ответа на вопрос настолько простой, что озвучивать его не было смысла. Зрачок резко сузился, и сердце мое заколотилось быстрее. Вокруг начали открываться новые глаза – меньше первого, но все еще огромные.

Глаз медленно поплыл ко мне, и тогда в черни его зрачка я увидел собственное отражение: правильное, полужвездное и слегка зашуганное. Грань приближалась. Под ее гул я на всякий случай зажмурился и отгородился руками. Кожу обдало жаром, гравитация потянула вниз, наконец вернув органы в привычное положение.

Подошвы сапог коснулись земли. Вокруг простиралась моя душа из камня и зеркальных коридоров. Возле стен росли небольшие кусты травы, под ногами хрустела галька, а небо отражало всю цветастость космоса.

Как обычно, я чувствовал себя здесь потерянно, не в силах добраться до Центра. Вглядывался в бесконечные зеркальные коридоры, брел мимо собственных образов – правильных и неправильных, в итоге запутавшись, кто из них кто.

Человек или полукровка?

Ответа не было до сих пор. В гранях отражений мелькали и другие. Протекторы, друзья, мама и, естественно, он. Антарес. Красный призрак, оценивающе взиравший на меня серебряными глазами. Как всегда, безмолвный.

Я отвернулся от него и только тогда увидел, что по небосводу растеклись белые пятна. Прямо передо мной появилась дорога из света – прямая, местами расколотая и плоская, уводящая ввысь. Один путь из тысячи.

Сара была там. Я в этом не сомневался.

И тут совсем рядом раздалось:

– Надо же...

– Он добрался!

Синхронные смешки.

– И все же любопытно посмотреть, как он справится с грядущим.

– В конце концов, от этого зависит все.

Смех сотряс воздух, рассыпая его, будто разрушенный песочный замок. Единственное, что осталось цельным, – две пары глаз. Две черно-белые пары любопытных глаз, глядящие из зеркального коридора. У меня скрутило желудок. Я не видел их со времен возвращения Антареса на небеса.

Они резко переместились, и я оторопело уставился на Черно-Белых, стоящих в начале светящейся дороги.

– Вы-то за каким чертом здесь оказались? – прямо спросил я.

Те переглянулись.

– Он так и не понял, – улыбнулся Левый.

– Значит, пусть гадает дальше, – пожал плечами Правый.

Затем они повернулись ко мне и выдали:

– Мы всегда будем рядом, куда бы ты ни шел. Где бы все ни оказались. О чем бы кто ни подумал.

– Некогда с вами трепаться. Не мешайте мне!

Я нагло протиснулся сквозь них и ступил на тропу.

– О, а это было грубо! – заявил один, возникнув у меня на пути.

– Он по-другому и не умеет!

– Да и мы не собирались мешать. Наоборот! Подтолкнуть.

Я старался не замечать отражений их горящих интересом глаз, пока они поочередно мелькали в зеркалах вдоль коридора.

– Только посмотри, какое самопожертвование, – вздохнул Правый.

– А время уже на исходе. Параорбис поглощает его. Тик-так!

– Да заткнитесь вы! – зашипел я, остановившись.

Они оказались вплотную ко мне. Только в голове проскочила шальная мысль столкнуть кого-нибудь из них в пропасть, как Правый оскалился:

– Не будь столь глуп, Максимус.

– Неужели ты думаешь, что это сработает?

Я нервно выдохнул, хотя удивляться их проницательности не стоило. Пришлось взять себя в руки.

– Я не знаю, что против вас сработает, а что нет. Я понимаю лишь, что, когда вы рядом, ничего хорошего ждать не стоит.

Правый надменно фыркнул и отвел взгляд.

– И это после всего того, что мы для тебя сделали?

– После всех наших подсказок, нашей помощи?

– Неблагодарный!

– Помощи?! – озлобился я. – Да из-за вас я выпустил на свободу страшнейшего из всех темных!

Один из них ехидно улыбнулся:

– И вернул отца.

– И еще очень-очень много чего сделал благодаря нам!

– А что насчет Гортраса, то не волнуйся.

– Можно сказать, что ты был лишь инструментом. Так должно было произойти.

Я выругался и продолжил идти. Чем дальше взбирался, тем светлее становилось небо. Краски заполняли его – сочные и кричащие. От них гудела материя, прямо как в тех снах. Я чувствовал себя как-то непривычно – более эфемерно, даже стук сердца исчез, будто моего тела не стало – лишь бесплотный дух.

Когда появились зеркала, я уже догадался, что в них смотреть не стоило. Осколки моей жизни, исключительно хорошие и счастливые моменты. Они манили, пытались задержать, выстраивались в целые стены вдоль каждой из дорог, что ответвлялась от моей. Но я шел вперед – упорно и не совсем понимая, куда именно.

Один из спутников заволновался и затряс другого за руку:

– О, о! Он теряет уверенность! Опасно!

– Может, тот путь? – предложил Левый.

– Или вон тот? – спросил Правый, указывая в противоположном направлении.

– И все же забавно наблюдать, когда они подбираются к ключевому моменту.

– Каждый раз как в первый!

– Да что вам от меня надо?! – не выдержал я.

– Мы следим, чтобы все прошло как должно.

– Чтобы ты не вышел за грань своей роли.

– Что? – не понял я. – Какой роли?

– Той, что была запланирована для каждого, разумеется! – отозвались они вдвоем.

– И подробнее об этом вы, конечно, мне не расскажете?

– Очевидно же! Но мы будем наблюдать за тобой в этом бессмысленном походе.

Мне только и осталось, что поморщиться от их белиберды. Лишь загадки, спирали домыслов и предположений. Если Черно-Белые знали нечто обо мне, даже о моем будущем, смысла спрашивать не было.

Но внутри что-то треснуло.

– Бессмысленном? – озлобился я. – Да какое вы вообще понятие имеете обо всем?!

– Мы знаем, что тебя гложет чувство вины. И ты пытаешься от него избавиться.

– Да! – Левый кивнул. – Беспомощность и одиночество. Тебе кажется, что все тебя бросили, и ты хочешь вернуть хоть кого-то. Антарес молчит, эквилибрумы ни во что не ставят, а Терра рушится вместе с новоприобретенным миром!

– Ничего для тебя не осталось.

– Маленький Максимус, пыль на ветру.

– Пошли вы. Я верну ее. Потому что она не заслужила смерти, ей требуется еще один шанс!

– Но почему именно ты? – уточнил Правый.

– Потому что остальным на нее плевать! Кто-то должен хоть раз в жизни ей помочь! Так пусть это буду я!

Они хитро улыбнулись, глядя мне за спину.

«Максимус...»

Дорога вела к маяку и остаткам ржаного поля. Каждая его часть казалась нетвердой и зыбкой, крохами осыпающейся в пропасть.

Я судорожно уставился вперед. Тогда же нить, оплетенная вокруг руки, оборвалась. Черно-белые исчезли, стоило мне рвануть вперед – сквозь острые колосья и дым костров. Под ногами все рушилось. Времени почти не осталось.

Оказавшись у разлома маяка, я протиснулся в щель, в темное пространство, где лестница вела наверх. Ступени скрипели, кричали. А затем – дверь. Из-за нее доносилось приглушенное отчаяние, такое сильное, что его невозможно было спутать ни с чем. Я решительно выдохнул и надавил. В темное пространство ворвались лучи света, они упали в самый дальний угол.

– Сара! – взволнованно окликнул я, бросившись к ней.

Она не отрывала головы от колен. Сара была одета в форму, как и в день сражения с Гортрасом. Я стал ее трясти, а она отказывалась убрать ладони от лица, словно ооченела. Тогда мне не осталось ничего, кроме как силком дернуть ее вверх.

– Нам нужно уходить!

Сара вздрогнула. Ее застывшие глаза наконец зашевелились, она точно искала что-то в пространстве, а потом пораженно уставилась на меня. Так непривычно эмоционально.

– Макс?.. – не веря, прошептала она. – Что... что ты тут делаешь? Ты тоже?..

Ее ноги подкосились. Даже тело показалось мне каким-то прозрачным, я продолжал держать ее за руку и буквально мог видеть свои пальцы сквозь нее.

– Нет, я не умер, – сообщил я, помогая ей подняться. – И ты еще нет. Нам срочно нужно убираться. Времени не осталось.

– Но как?.. – продолжала лепетать она, пытаясь осознать происходящее.

Ее рыжая коса тяжким грузом соскользнула с плеча за спину.

– Потом, – настоял я, выводя Сару наружу. – Мы выкарабкаемся.

– Снаружи опасно! Он все еще там! – Она в испуге попыталась отпрянуть, но не нашла сил.

– Там никого! Идем же!

Я вел ее по лестнице к полю. Обошел костер, а затем раздался звук, как от оборванной струны. У меня осталось лишь три нити.

Я видел, как от нас с Сарой отрываються частицы. Мы сотрясались вместе с рожью и звездами.

– Макс... – едва слышно выдавила Сара, таращась в небо. – Он здесь... здесь...

Огромная белая планета преобразилась. Множество глазных провалов горели зеленым, в центре прорезалась трещина. И мерзкий клюв, как у птицы. У меня оборвалось дыхание при взгляде на монструозную тварь. Это был череп из души Грея, но намного, намного страшнее. Весь остальной огромный скелет скрывался в тумане и тенях. Существо пылало ядовито-зелеными вихрями, тяжело нагибаясь над нами всем своим узловатым неказистым телом, полным нитей и костей.

Уродливый колосс, подпирающий небо.

У Сары подогнулись ноги.

– Он пришел за мной...

Существо занесло костлявые руки.

– Бежим! – крикнул я и потащил Сару к дороге – под грохот земли и звон обрывающейся нити.

Я подхватил протекторшу. Она весила буквально ничего. Только растворяющееся тело. Я бежал не оглядываясь, но чувствовал напряжение за спиной и слышал пробирающий утробный вой существа. Нити указывали верный путь, но тропа оглушительно трещала, раскалываясь на части. Гул позади становился все громче, а я не останавливался, понимая, что в этот раз за мной действительно гонится сама смерть.

Треснула предпоследняя нить.

Я ворвался в зеркальный лабиринт, пронесся меж образов прошлого: поиски Сары, разговоры с Луной, преобразования в звезду, встреча с Антаресом, долгие дни на охоте. Ничего из этого сейчас не имело смысла. Я молился лишь о том, чтобы вовремя добраться до места.

Нужное зеркало уже сияло впереди. Туда вела последняя нить.

Серый плотный туман подкрался со спины, захлестнув нас и все вокруг.

– Просыпайся, – яростно зашептал я протекторше. – Сара, это важно!

Она с трудом разомкнула глаза.

– Макс?..

– Да! Скорее иди туда!

Сара уронила голову набок и тяжело перевела взгляд на гладкую светящуюся поверхность.

– Транзит?..

– Что-то вроде. Давай же.

Я поставил ее на ноги и слегка подтолкнул, уже с трудом различая свои руки в тумане. Сара благополучно прошла сквозь барьер.

Треск.

Стоило мне сделать шаг, как я подавился от боли, первой за пребывание в Параорбисе. Все померкло. Даже зеркало исчезло, вихри тумана зажали меня в тиски. Будто что-то отдирали заживо. Я поперхнулся и с ужасом уставился в пустоту.

В голове – полнейший вакуум.

– Нет... нет, нет-нет-нет-нет... – в полнейшем ужасе затараторил я в отчаянии, пытаюсь найти хоть что-то от своей души. – Нет!

Но осталась лишь удушающая серость. Меня пробила дрожь, и я схватился за голову.

Я не успел.

Я умер.

Действительно и по правде. Умер.

Глава XXV

Да наступит смертный час

Я судорожно вбирал в себя воздух, так сильно, словно хотел взорваться от его переизбытка. Мне нельзя умирать!

Но так оно и было.

– И каково это? – вдруг раздалось сбоку.

Черно-Белые, естественно, кому же еще быть здесь. Взирали на меня с мерзкой радостью, от которой становилось тошно, пока окружающий мир погружался в серость.

– Холодно? – спросил один.

– Пусто? – уточнил другой.

– Ты видишь свет в конце тоннеля?

– Заткнитесь! – закричал я, дернувшись к ним.

Они одновременно вздохнули, кивая.

– И это после того, как мы тебе помогли?

– После того как Сара вернулась к жизни?

– Ты же этого хотел. Это была твоя главная цель.

– А не выжить самому.

– Верните меня, – дрожащим от ярости и отчаяния голосом сказал я.

Правый прищурился:

– Интересная просьба.

– Вы же можете. – Я сжал кулаки. – Обливион вас поглотит, вы на это способны.

– Ты так уверен?

– Ты так хорошо о нас думаешь?

– Нам приятно! – воскликнули они вдвоем.

– Интересно, и зачем нам это делать?

Я чертыхнулся:

– Потому что у вас есть на меня планы! Вы сами говорили об этом!

– Может быть, может быть, – отозвался Левый. – Но, видишь ли, может быть, планы у нас на тебя и имелись, но...

– Судьба распорядилась вот так, – заявил Правый, натянув на себя поганую улыбку. – Несправедливо, неприятно, неправильно. Но смерть – она ведь всегда такая, понимаешь?

– И пускай мы много на что способны, но здесь, как бы выразиться, не наша территория.

– Не наша власть.

– Не наши законы.

– Не наша правда.

Внезапно дым, вплотную обступивший нас, дрогнул и резко подался назад. Отовсюду разнесся голос:

– Это моя территория.

Черно-Белые засмеялись, прямо как дети. А из дыма показалась объемная, но бесформенная тень, сбрасывавшая с себя слои пара.

– Уходите. Сейчас же, – строго сказала она им. Мощный голос резонировал в пространстве. – Вы здесь не властны.

– Но наше место рядом с любой душой, – усмехнулись Черно-Белые, взмахнув руками.

– Потому твое замечание не совсем справедливое, Райзенклайн.

Силуэт забурился, агрессивно и внушительно. Разросся до невиданных высот.

– Прочь.

Черно-Белые фыркнули:

– Вечно нам никто не рад. То Гортрас...

– То Ктон...

– То Райзенклайн...

– Мы чувствуем себя обделенными!

Но образ не успокоился, продолжил бесноваться – бурлил, извергал плотный дым, – и Черно-Белые испарились во мгле, оставив меня один на один с устрашающим серым вихрем. Который, кстати, начал успокаиваться и уменьшаться, пока не достиг двух с лишним метров. Образ поплыл ко мне, в нем стал заметен резкий ритм шагов, руки, струящиеся кудрявые волосы – пышные, как грозовая туча. Дым постепенно развеялся, стало понятно, что исходит он откуда-то из области лопаток, теперь он струился из них, будто ткань или крылья, сливаясь с вихрями вокруг – теми самыми, что обступили нас стенами, были единственной частью мира. Кожа серая, словно пепел. Струящееся одеяние напоминало римскую тогу, подпоясанную темной

тканью, в области талии. В конце концов я осознал, что передо мной стояла высокая женщина, ростом не уступавшая Альдебарану, а то и чуть выше. Великолепная и гордая. Ее черные губы были сомкнуты, а глаза замотаны платком. Она уперла руку в бок и подняла голову, точно осматривая меня. Затем хмыкнула и отвела в сторону руку. В ладони возникла длинная курительная трубка, более походившая на палку с кучей дыр, откуда валил дым – такой же мрачно-серый, как и все вокруг. Женщина затянулась и выдохнула мне прямо в лицо. Запаха я не почувствовал. Зато увидел черный символ на ключицах – заполненная чаша. Первородная Метка Смерти. Я похолодел, а незнакомка спросила:

– Так это ты пробрался сюда без требуемых обрядов?

Я заставил себя вспомнить, как говорить. Присутствие этой женщины выбивало из колеи. Прямо как с Черно-Белыми. Неистовая, сносящая с ног сила.

– Меня просто впустили...

– Никто не смеет приходить сюда, не заплатив цену! – резко сказала она.

Женщина развернулась и двинулась в сторону вихрей. Полы платья следовали за ней завитками густого темного тумана. Из стены дыма возникло кресло, незнакомка разместилась на нем, продолжая раздраженно курить.

– Вы... Вас зовут Райзенклайн?

– Предположим.

Я пригляделся к черным татуировкам на ее руках: везде линии с точками, но на левой они явно изображали завитки Тьмы, а на правой – прямые изломы Света.

– И вы – Смерть.

То, как я спокойно сказал это, встревожило даже меня самого.

Райзенклайн задумчиво выдохнула очередную струю дыма и произнесла:

– В каком-то смысле да, в каком-то смысле нет. Смотря что ты понимаешь под этим словом.

– Но это же ваша территория. Вы сами об этом заявили.

– Да. – Женщина гордо вскинула голову. – Это мой Предельный Корпус, здесь я успокаиваю души хорошими воспоминаниями, свожу вместе погибших, знакомых друг с другом, чтобы им было проще

принять неизбежное в ожидании моего появления или моих помощников. Но сюда редко врываются настолько вероломно. С глупой надеждой возвратиться обратно.

– Я пришел сюда, чтобы спасти подругу, еще не мертвую...

– Не ты первый! Если кто-то попал сюда, значит, он – часть этого места. Я ненавижу, когда порядок нарушается. Все должно быть подчинено правилам. Из одного места во второе, затем в третье и так далее. И никогда наоборот. Кто ты такой, чтобы нарушать работу отлаженного механизма душ? Кто позволил тебе возвращать душу той приземленной?

– Но мы вернули ее домой. Это главное.

– И потеряли по пути тебя, – желчно усмехнулась она.

Я затих. Райзенклайн была этим определенно довольна.

– Но если вы Смерть... – глухо донеслось от меня. – ...то кто они?

Она скривила губы от неприязни.

– Олрат и Тарло? Чудовища с огромным самомнением.

– Вы их не любите.

– Их никто не любит. Но, по крайней мере, я свободна от них. А ты – нет.

– А та тварь с клювом?

Райзенклайн помедлила, словно рассматривала меня сквозь ткань на глазах.

– Надеюсь, оно уберется отсюда в скором времени. И перестанет отравлять мне существование. Тебе повезло, что смог спастись от него. Тогда судьба твоя была бы намного печальнее той, которую обеспечу я.

Прошла, наверное, минута. Я стоял, не зная, что еще добавить. А что можно? Умолять саму Смерть? Меня поражало одно лишь ее присутствие. Хтоническое существо, уводящее души по дальнейшему пути. Она забирала лучших, сильнейших, умнейших...

– Вот именно, – проворчала Райзенклайн, держа мундштук в зубах. – Лучших, сильнейших, умнейших, храбрейших, добрейших, честнейших и так далее и в том же духе. – Тут она указала трубкой на меня. – Так по какой причине я должна тратить на тебя свое личное время? Что понадобилось этим двум надоедам от такого, как ты?

Я изумленно вытянулся. Райзенклайн снова встала и манерно приблизилась ко мне, приговаривая:

– Нет, только подумать, какой-то приземленный, которых немерено. Да, полукровка, да, сын Верховного, которому уже пора бы показаться передо мной. Но какую роль тебе отвели черно-белые выскочки?

Она явно ожидала моего ответа, надменно наклонив голову.

Я стушевался:

– Не знаю... но они постоянно говорят о разных ролях и что я инструмент.

– Ха! Всего-то? Они постоянно об этом всем твердят, удивил.

– Но я правда понятия не имею. – Я развел руками. – Они же не объясняют.

Чтобы нарушить вновь образовавшуюся и давящую тишину, я решил задать вопрос:

– Почему вы завязали глаза?

– А ты уверен, что они у меня вообще есть? – натянуто пророкотала она и, удовлетворившись моим нервным молчанием, добавила: – Потому что мне все равно, как вы все выглядите. Высокие или низкие, красивые или уродливые, толстые или тонкие. Как вы представляли свои оболочки – все это меня не волнует. Я воспринимаю лишь то, что было внутри каждого из вас. И твой внутренний мир меня крайне не впечатляет, примум.

Не знаю, можно ли было расстраиваться от такой критики, но меня она почти не смутила. Низкая самооценка здорово помогает в подобных случаях.

– Так чем ты важен? – резко спросила Райзенклайн. – Для того мира.

Я вздрогнул от вопроса.

– Я спасаю людей, – выпалил я, пытаюсь вспомнить хоть что-то хорошее о себе. – Я помогаю другим, я убиваю Тьму...

Райзенклайн презрительно фыркнула:

– Да половина Вселенной убивает Тьму! А другая – Свет! Тоже мне уникальность. И еще хвастаются этим! Повторю еще раз, постарайся вникнуть в поставленный вопрос: чем ты такой ценный и особенный? Почему именно твоя гибель что-то изменит? Почему другие не продолжают жить как жили, а полностью переменятся, скорбя о мелком и незаметном Максимусе Луцеме? Чем *ты* важен для Вселенной?

Я лихорадочно соображал. Райзенклайн ждала, похожая на ледяную скалу в море серости. Шестерни в моей голове вертелись и дымились. Кто вообще с серьезным лицом может заявлять, что он так необходим Вселенной, что без него она не справится? Все мы заменяемы, и все мы тленны. И обо всех из нас рано или поздно забудут. Забвение – единственная константа нашего мира. Падальщик, который однажды поглотит все без остатка и останется сторожить в пустоте. Как я мог сказать хоть что-то, будучи в его неминуемой тени? Чем я важен для Вселенной?

– Я важен тем, что я ее часть. Как и мы все. По-настоящему никто не важен, так говорил Антарес. Но это в отрыве от всего. Да, нас забудут, нас вычеркнут из памяти мира. Я абсолютно не важен как личность. И другие. Возможно, вы тоже. Но все мы важны как инструменты в четком и отлаженном плане кого-то свыше. И я свою задачу еще не выполнил. И если у каждого свой заранее предопределенный путь, то за меня работу никто не выполнит, верно? У грядущего нет вариаций. Горизонт будущего колеблется, но не сильно. Правильно? Может, я мелкий и незаметный, но Черно-Белым зачем-то нужен. А это значит, что я, хотя бы в их понимании, важен и необходим. И все это делает разговор бессмысленным, ведь будущее уже предопределило, что вы меня либо отправили по дальнейшему пути, либо, что более вероятно, вернули к жизни.

Ее молчание давило. Рваные всполохи дергались. В конце концов она раздраженно цыкнула:

– Думаешь, ты такой умный?

– Я просто изложил простые истины, – пожал плечами я. – Так... вы меня вернете?

Женщина крепко зажала в зубах трубку.

– Я бы тебя уже давно отправила по дальнейшему пути, если бы не те двое. Вечно лезут в мою работу. Словно мне и так мало забот.

Я затрепетал от услышанного, готовый взорваться от облегчения, но Райзенклайн быстро поставила меня на место:

– Если Олрат и Тарло нашли в тебе что-то для себя полезное, то, возможно, и мне стоит последовать их примеру. Но на твоём месте я бы не радовалась таким покровителям. Честно, это прискорбно. Условимся на сделке. Однажды тебе придется заплатить цену, примум.

И поверь, она будет высока. Иначе ты вновь окажешься здесь. На этот раз навсегда.

– Что я смогу сделать для Смерти? – удивился я.

– Еще не знаю. Сначала взгляну, по какому пути отправят тебя Орлат и Тарло, а там уже решу, как все разыграть. Потому моя задача в будущем тебе вряд ли понравится.

Райзенклайн вновь выдула на меня дым, на этот раз намного плотнее и гуще. Я потерял опору под ногами и провалился в него.

* * *

Нечем дышать. Я задыхался, чувствовал ледяную жидкость. Вскинув руку, распорол поверхность воды и с громким вдохом вырвался наверх. Это отдалось в мышцах и легких тупой, но сильной болью. Как будто внутри что-то вот-вот лопнет. Серая масса мешала видеть, но я из последних сил выгреб к берегу и упал лицом на камень, жадно вбирая обжигающий воздух. Все болело, каждая клетка тела. К тому же дрожь добавляла страданий. Мысли ускользали, хотелось просто закрыть глаза и провалиться во тьму.

Щеки коснулся вихрь густой пыли. Я в полной прострации наблюдал, как ее потоки оттащили меня от водоема, словно мусорный мешок, и мягко уложили на спину чуть в стороне. Когда в поле зрения появилась Обервеза, я едва мог ее различить и все щурился на тусклый свет, казавшийся мне ярким до пульсации в голове.

– Ты вернулся, – спокойно сказала она, просто констатируя факт. – Даже с оборванными жилами. Мы сочли тебя мертвым.

– Где... – Я даже собственный голос не узнал, настолько он был хриплым и звучал как из крана. – Где Сара? Она тут?

– Нет, примум. Если ты вывел ее из Параорбиса, то она вернулась в свое тело. – Эквilibрумша вздохнула. – Мы называем души, оторвавшиеся от живой оболочки и заплутавшие в Параорбисе, потерянными. Она никогда не смогла бы вырваться оттуда без проводника. Ты молодец. Я не ждала такого от приземленного, пускай и не исключала. Сильные души попадают в любом теле.

Обервеза села рядом, собрав под себя ноги и положив руки на колени.

– Ты ведь видел ее, верно? Олицетворение Смерти. Иначе бы не смог вернуться после оборванных жил.

– Галлюцинация.

– Это великая честь! Не всякий ее удостоивается, и не всякому даже из нас она позволяла вернуться назад. Смерть никому не прощает ошибок. Даже себе.

– Не существует носителей Первородных меток!

– О, примум, – с жалостью проворковала Обервеза, убирая прядь, налипшую мне на лоб. – Однажды, я надеюсь, ты поймешь, что иногда метка – это не символ, наделяющий силой. Иногда мощь идет из более глубоких и скрытых недр.

– Почему она меня отпустила? – Я ладонью закрыл налившиеся болью глаза. По щекам пробежали слезы. – Это же так... глупо! Несвойственно Смерти!

– Потому что она не столь беспощадна, как принято думать среди нас, смертных. Смерть – это не жестокое прерывание жизни, за которым нет ничего. Смерть – это перерождение. Новое начало. Новый путь. Постоянные метаморфозы. Даже в пределах самой жизни. Поэтому метка Смерти сложная для манипуляций, ведь так много способов для ее трактовки. Понимаешь, о чем я?

– Не совсем...

– Возможно, ее благословение заключалось в том, что она предоставила тебе еще один шанс? Шанс, благодаря которому тебе открылись новые пути.

Я до сих пор не мог до конца осознать, что же произошло, и, казалось, был в шаге от срыва. Меня мутило и знобило, беспрерывно трясло от боли. И каждый раз, прикрывая веки, я видел ее – темный серый образ. Обрывки фраз, намеки, заявления. Дымные вихри и сделка. Инструмент и роль, отведенная каждому. Райзенклайн говорила об отлаженном механизме, и все это вместе начало приобретать для меня странный сюрреалистический смысл. Все мы – винтики в чьей-то огромной машине, и этот кто-то внимательно следит, чтобы наша работа выполнялась в идеальном порядке. Теперь я был повязан с одним из тех, кто, похоже, знает, как на самом деле эта машина выглядит со стороны.

– Тебя это тревожит? – участливо спросила Обервеза.

– Это все так выходит за границы того, с чем протекторам дозволено соприкасаться в мире Света и Тьмы.

– Понимаю. Скажу тебе со всей искренностью: иные эквилибрумы тоже не касаются этой стороны мироздания. Это удел небольших групп, которые откликаются на помощь, когда ждать ее уже неоткуда, и изучают иные грани Вселенной.

Я лишь скрипнул зубами. Но даже это действие отозвалось покалыванием в челюсти.

– А что... что, если она затребовала от меня ответную услугу?

– Тогда пусть смилостивятся Вселенная и Материя, чтобы ее просьба была легкой для твоей души.

Она со вздохом взяла мою ладонь в свои и, опустив веки, прошептала:

– Храни это в себе до самой смерти, примум. Никогда не забывай об увиденном и о чести, которой удостоился.

Наконец ее образ собрался в цельную картину, и я понял: в ее облике что-то переменялось. Глаз все еще было шесть, но теперь они не сияли. Белок – темно-серый, с бледной радужкой.

Пока я изумленно рассматривал ее, рядом промелькнул ассист. Обервеза подозвала его взмахом руки.

– Попроси примума Габиума вернуться, пока тот нас не покинул. Думаю, он будет счастлив узнать, что его спутник выжил.

Как только дух удалился, Обервеза обернулась к водоему и все так же тихо спросила:

– Если это не тайна, можешь мне поведать, как ты оказался вместе с бывшим Рыцарем Тишины?

– Его наняли меня провожать, – выдавил я.

– Так вот чем он теперь занят. – Она потупила взор. – Теперь без протекции свыше, со своими способностями... И былыми грехами. Да простит и хранит его Вселенная. Один в целом мире, Габиум Тихий Луч...

– Звали? – донеслось со стороны.

Габиум с привычной грацией подошел к нам.

– Малой. И живой. А я думал, как объяснить прискорбную смерть чем-то, кроме твоей глупости. Но я верил в тебя с самого начала! Ладно, не с самого.

Я протестующе захрипел, когда он без предупреждения дернул меня за локоть. Габиум с легкостью позволил мне повиснуть на нем, как какой-то тряпке, и с прищуром посмотрел на исходящий от моей одежды пар.

– Отлично, скоро вся жижа с тебя испарится. Спас свою подружку?

– Надеюсь... Я сделал все, что мог.

– Вот и отлично. Тогда нам пора. – Он поклонился, насколько мог, обремененный мной, и сделал почтительный жест рукой. – Магна Обервеза. Еще раз благодарю. Всегда рад нашим встречам.

– Габиум, – вымолвила она, вставая на ноги. – Если потребуется помощь с твоим положением...

– Все замечательно. Я жив, осторожен и умнее многих. Моя сильная сторона в том, что мне это известно. Но да, я благодарен. И буду иметь в виду.

Эквилибрумша простилась с нами, проведя раскрытой ладонью по воздуху.

Как только он вывел меня в коридор, сразу стало ясно, что у нас большая проблема.

– Я не дойду, – прошипел я сквозь зубы, давясь от боли в суставах и где-то в районе желудка.

– Ну конечно, не дойдешь, малой, ты был мертв какое-то время, – хмыкнул он, продолжая упорно волочь меня вперед. – С оболочкой после смерти ничего хорошего не происходит, а с мозгом особенно, но у тебя и так его мало, так что не беспокойся. Впрочем, меня затем и наняли, чтобы возиться с тобой. Так что ты там видел?

Пока он с удивительной легкостью тащил мою тушу обратно к ладье, я как в тумане рассказал ему обрывки. Мне показалось, будет правильным не упоминать про Черно-Белых и Смерть. Свое счастливое всплытие обратно я объяснил ему сильной волей и смекалкой. А вот что касается чудища...

– Как думаешь, что это могло быть?

Габиум задумчиво запрокинул голову к далеким сводам арок.

– Я мало знаю о Параорбисе, хотя раньше работа моя и была с ним частично связана. А мир Эквилибриса – он, знаешь, непредсказуемый? Про тварей в Параорбисе никогда не слышал. Он же

всего лишь перевалочный пункт между жизнью и смертью. Так что кто знает, какая дрянь там могла застрять.

– То есть потеряться там может все, у чего есть душа? И ее образы будут отражены в Параорбисе?

Мысли взволнованно забегали в голове. Ранее я видел в Параорбисе Грея, а теперь и ужасный, разросшийся кусок его души. Райзенклайн и Обервеза говорили, что там сталкиваются связанные друг с другом сознания. Все указывало на то, что Грей, что бы с ним сейчас ни происходило, тоже там застрял. И при этом оставался здесь, живой.

Мне требовалось подумать насчет этого плотнее сразу по возвращении на Землю. А пока меня скинули на кушетку, так грубо, что по позвоночнику словно заряд тока прошел. Пока я шипел и ругался, Габиум крикнул что-то штурману, и уже вскоре мы скользили прочь от Храма Силентиума.

Я все приходил в себя, Габиум гулял по палубе, перемещался и перепрыгивал с места на место, словно никак не мог выбрать, где же удобнее. Или у него было слишком много энергии. В конце концов через полчаса он упер ногу в низкий борт и так замер со скрещенными руками, созерцая проносящиеся виды.

– Обервеза сказала, что ты опальный Рыцарь Тишины, – выдохнул я, держась за гудящий бок. – Почему?

– М-м? – протянул он, оглянувшись. – Потому что я вне милости и ушел. Очевидно же.

– Почему? И кто такие Рыцари Тишины?

– Любопытство до добра не доводит, малой.

– Но ты и сам такой.

– Я хитрый и находчивый. Так что я исключение.

Он глубоко вздохнул.

– Но ты мне нравишься. Я тебе не очень доверяю, но вряд ли детали, которыми я могу поделиться, как-то на мне отразятся. На тебе – тем более.

Габиум оторвался от своего места и подошел ближе, пребывая в глубоких раздумьях.

– Рыцари Тишины – один из великих орденов, существующих в обеих Армиях. Служба в них пожизненная. Закрытые элитные сообщества, если тебе так понятнее. Входящие в него воины навсегда

отдают свою душу во служение Вселенной. Во всех смыслах. Туда могут вступить лишь сильные и умные, так что у меня неплохие рекомендации. Иначе бы погиб еще на посвящении.

– И зачем ты подался в такую службу? – поразился я.

– Кто-то вступает ради почестей, другие – ради силы. Кто-то – ради знаний. А у меня были свои мотивы, оставим их вне контекста. Рыцари Тишины подконтрольны культам Смерти, Зла и Добра. Больше никому, даже Магистратам. Они были отсечены от приказов самой верхушки еще в стародавние времена указом Верховной Оледонии Белой Искры ат Прима.

– Почему?

– Чтобы в самом критическом случае иметь управу даже на Магистрат, конечно же, – довольно улыбнулся он, отчего я похолодел. – Знаешь ведь про одиннадцатый закон Вселенной?

– Губя чужие души, наносишь вред своей.

Габиум кивнул и уцепился за один из тросов.

– Именно. Марать души убийством никому не хочется. Нет, убить темного – благое дело. А что насчет светлых? Вот тут сложнее.

– Этим вы и занимались? – Я изумленно вытянулся. – Рыцари Тишины – убийцы?

– Около того. Знаешь, не все души хорошие. Есть злые, есть жестокие. Есть даже глупые! И они тянут Свет на дно. Нарушают законы Вселенной, убивают, не подчиняются Армии. Не хотят быть частью отлаженного механизма. И тогда приходят Рыцари Тишины, с которых указом Анимериума и Магистрата снято бремя одиннадцатого закона.

– Но как вы можете решать, кто достоин смерти? Кто вообще вправе на такое?

Ладья дрогнула. Мы снова оказались у транзитного узла. Габиум красноречиво вскинул брови.

– Это история как-нибудь на другой раз.

Он помог мне выбраться. Идти стало легче, но поддержка все еще требовалась, потому я цеплялся за плечо Габиума и ковылял к входу, стараясь не глядеть за край светового моста. Уже успокаивал себя мыслями о Соларуме, друзьях и Саре. Но они мгновенно испарились, стоило зайти внутрь корпуса.

В центре залы, меж зеркал, стоял Поллукс в темных, плотно застегнутых одеждах. Звезда, сложив руки за спиной, оглянулся на нас.

– Да вы не торопились, – проворчал он.

– Все прошло успешно, если вам интересно, – оповестил Габиум.

– Это, конечно, чудесно, но не очень. Хорошо, что часть сделки с моей стороны выполнена! Не люблю плохую репутацию.

– Ты чего здесь забыл? – заволновался я, отрываясь от Габиума.

– Выглядишь так себе. – Поллукс оценивающе обвел меня глазами. – Только не делись со мной своими приключениями, хорошо? Я здесь по поводу Зеленого моря, который так тревожит ваши несчастные приземленные души. Вам ведь нужна помощь?

Сердце замерло, я взволнованно затряс головой:

– Обливион тебя поглоти, разумеется!

– Вот только не надо мне тут Обливиона.

– Мы же можем обсудить это на Терре? Чтобы и остальные услышали?

– Нет, сам передашь. Пока вы эту дрянь не выведете, я к вам ни ногой. Но я кое-что раскопал. Понимаешь ли, вы в такой непроглядной темени, что не позавидуешь. Звезды и дэлары не станут рисковать и искать варианты. А я – да.

– Ты же всегда говорил, что ненавидишь Терру.

– Да, мерзейшая планета! Но у меня там из-за Антареса отделение, знаешь, сколько нервных затрат потребуется на постройку нового? Плюс переправить все товары в другое место за короткий срок. К тому же я...

– Альтруист, – устало буркнул я. – Да-да. Ты собираешься рассказать, что нам делать?

– Не только рассказать, мелкий, но и показать. Ты даже не представляешь, как удивительно много ты будешь мне за это должен, но, думаю, оно того стоит, верно? Спасение-то целой планеты. – С этими словами он указал на одно из зеркал. – Прошу.

И не став ждать меня, отправился первым. Я же колебался.

– Не бойся, – подбодрил Габиум, кутаясь в платок. – Мастер к тебе благосклонен.

Кивнув, я последовал за Поллуксом прямо в свое отражение.

Глава XXVI

То, что нам не одолеть

Стефан до сих пор так и не понял, на кой черт Коул попросил его приглядывать за Рамоной. К тому же вместе с такой сомнительной личностью, как Паскаль. Протекторша не была узницей, но тем не менее они составляли ее личный эскорт. Видимо, чисто на всякий случай.

– Ого, я и не знала, что вы тут настолько с Антаресом в отрыв ушли! – восхищалась Рамона, идя между протекторами по коридору Соларума. – Эх, жаль, не смогла поучаствовать, я тогда в Непале находилась.

– Да, твои силы нам быгодились, – отметил Скорпион.

– Хорошо, что здесь было кому геройствовать. Звезды, Паскаль, ты был тощей селедкой, а теперь так вымахал! И шрамы тебе очень идут. Еще и людей теперь вперед ведешь, так разобрался с тем кризисом!

Стеф лишь закатил глаза. Он устал отмечать серпантин неточностей в рассказе Паскаля, особенно там, где протектор пытался выставить себя как освободителя и яркого защитника Света. Скорпион постеснялся вспомнить, что чуть не обнул и не угробил целый осколок Антареса, потому как из-за ненависти к Тьме снизил свой интеллект до уровня репки.

Тут Рамона обернулась к Стефу:

– Вы все так поменялись. Те, кто дожил. Стефано, тебя я вообще лишь пару раз видела, что с тобой случилось? Такой скромный был, милый. Теперь совсем угрюмый.

– Жизнь произошла, – буркнул он. – Как и со всеми нами.

– О, разумеется. Дан вообще... – Она смущенно почесала затылок. – Не думала, что мое отсутствие так на него повлияет.

– Волк много принимает на личный счет, – фыркнул Скорпион, сворачивая к Манипуляционной. – Думает, что Вселенная вокруг него одного вертится. Не бери в голову.

– Он даже все отделы покинул. – Рамона неприязненно поморщилась, будто бы Дан предал все ее мечты и надежды. – Был в

техотделе, в отделе связей, в Манипуляционной... Эти места при нем становились лучше! И все. Закапывает талант.

Стефан, по правде, и сам думал об этом. Дан был занозой в заднице, но не дурак. Далеко не дурак. Настолько далеко, что даже Армии стояли ближе к перемирию, чем он к глупости. Перепрыгивая из отдела в отдел, он повышал их эффективность своими идеями и свежим взглядом. Стеф не застал те времена, но по различным слухам мог предположить, что тогда у Дана имелось больше... интереса, что ли. Инициативы. К работе и общему делу. Он же вообще раньше был более спокойным и менее надоедливым, не лез в чужие дела – в последнее Стефан уже верил с трудом. Но все же Водолей застал того Дана, лишь немного. Того, который существовал до смерти Маркуса-Ориона, а вот после – Волку все словно бы наскучило, и он покинул Манипуляционную, где тогда служил, настолько сомнительным методом, что оскорбился даже Тисус (хотя Дан там до сих пор значился по документам, но не по факту). Тогда же у него начался этот странный веселый период с поиском приключений и непрекращаемых попыток влезть в чужие жизни, который Стефан нарек «кризисом трехсотлетнего возраста».

– Да, он неженка, – подтвердил Стеф и хмыкнул. – Фигово ты его воспитала.

– И не говори, Дан с самого начала был не сахар! Так билась с ним, ох. Самое обидное, что он даже не смог дотянуть до зодиакального созвездия, датой рождения идеально подходил под пустующее место Близнецов. Так нет! Все потому что ленился, не раскрыл собственного потенциала, как бы я ни пыталась.

Стеф слегка похолодел, вспомнив рассказы Дана о тех зверских испытаниях, на которые его толкала Рамона ради высвобождения бóльших сил.

«Светлые звезды, спасибо, что ему мозгов хватило не отправлять и меня в подобные приключения», – с благодарностью подумал Стеф.

И все же он понимал, что тот единственный раз, когда Дан выгнал его в самое пекло бойни между человеческими армиями, был веянием экстравагантной методики Рамоны. Но Стефан не злился, пускай впервые осознанно умер там. Все-таки он был паршивым учеником, а у Волка просто сдали нервы.

– А ты, получается, мой пра-ученик? – Рамона толкнула его в бок и заговорщицки улыбнулась. – Думаю, из тебя вышло что-то более толковое, раз даже звезды отметили и сделали одним из Тринадцати. Посмотрим потом, как хорошо Дан передал тебе мои наставления.

Они вошли в Манипуляционную. Стеф тоскливо оглядел притихшее пространство, погрузившееся во мрак. Горели лишь фонари у дальних стен. Ассисты и раньше мало здесь убирались – Тисус ворчал, если они хоть немного передвигали вещи. Потому он и Ламия хорошо уживались вместе, видя в адском бардаке свою логику. Да уж, лишь Близнецы могла его терпеть. Без нее Манипуляционная и вправду потеряла остатки уюта и приветливости, теперь это был просто ледяной зал, полный искажений Вселенной.

– Тисус! – резко воскликнула Рамона, отчего протекторы вздрогнули. – Эй, Тисус, выходи! Я вернулась! И знаю, что ты здесь, хватит от меня скрываться!

Она грациозно поспешила вперед, минуя разбитые накопители и мерцающие механизмы. Она неделями говорила о желании встретить Тисуса, а тот будто растворился в тенях Соларума. Он был одним из немногих, кого Рамона знала с самого начала протекторства.

Она заглядывала в ниши и комнаты в поисках Весов. Водолей вдумчиво озирался, пока не дошел до широких письменных столов. Тут Тисус и Ламия делали заметки и чертежи. Он начал разгребать их от скуки, замечая даты и понимая, что за работу уже давно никто не садился. Тут его внимание привлек краешек темной обложки, выглядывающий из-под бумаг. Стефан нахмурился, поднял лист и увидел пухлый черный блокнот.

– Ты какого черта свои грабли сюда тычешь?! – накинулся на Стефа Тисус, да так громко и яростно, что у Водолея заложило ухо.

Весы возник словно из-под земли и показался Стефану куда дохлее, чем обычно, точно готовый раствориться от одного лишь тычка. Тисус схватил бумаги вместе с блокнотом тощими цепкими пальцами и притянул к себе.

– Вы тут чего забыли? – враждебно прохрипел он.

Стефан нахмурился сильнее.

– Давай полегче, мы...

– Тисус! – рассмеялась Рамона, отгалкивая Стефа. – Давно не виделись!

– Рамона, – сухо поприветствовал тот. – Все-таки вернулась.

Она положила руки на его узкие плечи.

– Да, уже две недели как, хотела поздороваться, – заулыбалась Рыбы. – Скучала по твоей ворчливой физиономии, знаешь ли. Все такой же мрачный и пыльный. Как твои дела, чем занят?

Он скинул ее руки, пятясь.

– Работаю. И сейчас тоже.

– Брось, неужели и минуты не найдешь?

– Нет. Это важно. Для нас всех.

Тисус закачал головой, уже повернулся, чтобы уйти, но все же выдал:

– Я рад, что ты здесь. Ты нам понадобишься.

Паскаль проводил его суровым взглядом.

– Окончательно рехнулся после смерти Ламии, – буркнул он.

Стеф полностью разделял его мнение, но блокнот волновал его намного больше. Максимум наверняка будет интересно узнать об этом. И он бы обязательно ему рассказал, если б звезданутый не пропал где-то уже долгое время.

* * *

Стефан не помнил, когда в последний раз в тренировочном зале собиралось больше десяти протекторов за раз. Многие, прознав о Рамоне, не смогли сдержать любопытства и пришли на нее поглазеть как на чудо света. Адьюты, Телец, Дева, Большая Медведица, Компас и другие – все предвкушали шоу. А заключалось оно в том, что Рамона и Паскаль дошутились до поединка. И теперь Стефан, полностью довольный собой, организовал тотализатор и потряхивал мешком со звякающими ценсумами.

Фри вяло прислонилась к ограде секции для сражений, никак не реагируя на происходящее. Стеф не ожидал ее увидеть, она уже долгое время не показывалась на люди. Ему не нравилось, что Фри замкнулась после случившегося в Универсариуме. Хотелось расспросить ее о том взрыве, ведь Стеф видел все: девушка не применяла манипуляций. Ни телесных, ни заточенных в накопителе.

Это было чересчур странно и невозможно, но Стефан одергивал себя каждый раз. С какой стати ей откровенничать с ним?

И все же он спросил:

– Ты как?

– А где Макс с Даном? – тихо выронила Фри, пока Рамона разминалась на площадке.

– Я им не мамаша, понятия не имею. Они большие мальчики, разберутся сами, – ответил Стефан, подсчитывая в блокноте ставки. – Три против двадцати пяти. Паскаль просто унижен.

– Но Макса давно видно не было. С ним ничего не стряслось? Вдруг он столкнулся с Греем?

Стеф наконец оторвался от записей. Она смотрела на него огромными грустными глазами, и от ее взгляда Стефан невольно вздохнул.

– Я правда уверен, что с ним все нормально. Его не смогли убить ни дэллары, ни Антарес. А тут какой-то Грей.

Фри сложила руки на ограде и опустила на них голову. Синие волосы разметались по плечам.

– Как считаешь, зачем Грей все это делает?

– Кто знает? Он безумен. И мы упустили любую возможность понять, что Шакара с ним сделала.

– Я тут все думаю... А что, если это не он сам?

– В смысле?

– Что, если он делает все это не по своей воле? Вдруг что-то ведет его? И Зеленый мор, которого так испугался Сириус, – Грей связан с ним, поэтому, мне кажется, это не может быть просто очередной попыткой напакостить нам. Тут словно бы что-то большее.

– Ну, пока что мы можем лишь предполагать. И ждать, когда что-то произойдет. Рамона говорила, что сначала между его аннигиляциями проходило больше недели. Теперь Грей притих. Хоть бы он уже сдох, а.

Но Фри закачала головой:

– Нет. Нет, он не мог. И скоро вернется.

Стефан хотел добавить что-то ободряющее, как позади них возник Павел. Он оперся о плечо Стефа, чуть не обрушив того на пол своим весом, и устался прямо на Паскаля.

– Ха! Вот недоумок. Он серьезно решил с ней биться?

Стеф пошатнулся и едва сдержал волну презрения к Павлу. Он патологически не переваривал этого вечно счастливого кретина.

– Паскаль силен, – отметила Фри. – Он может что-то сделать.

– Продержаться с ней пару минут? Возможно, – заявил подоспевший Дан.

Он раздраженно сверлил глазами Рамону. Стеф не хотел отвлекать его от такого важного действия, но все же тихо сказал:

– Слушай, блокнот Ламии... Я, кажется, видел его. Но Тисус с криками выдрал его прямо у меня из рук.

– Ты уверен? – удивился Дан и тут же понимающе нахмурился. – Похоже, мы подкинули ему идею, когда начали поиски в подвале. Он либо нашел его там... либо...

– Либо что?

– А почему он скрыл это от нас?

– Может, не доверяет? Ты же видел, какую он истерику закатил нам.

– Истерику? – с любопытством влез Павел. – Что вы опять затеяли?

– Ой, да отвали, не твое дело! – огрызнулся Стеф, отпихивая Тельца, и вернулся к Дану. – Короче. Все это мутно. Ты прав. Сначала Тисус заявляет, что все бессмысленно, теперь прячет блокнот. Надо все разузнать, как будет время.

Тут Фри выудила из кармана два слабо светящихся желтизной ценсума и подала их Стефу.

– Один на Рамону, второй на Паскаля.

– Чего? Ты ж сказала, что ему каюк.

– Чисто логически – да. Все говорит против Паскаля. Но знаешь, хочу верить в неожиданности.

– Хорошо, тогда поставим на неожиданность, – произнес он, делая пометку.

Паскаль подслушал их разговор, прислонился к ограде со своей стороны и сказал:

– Ценю, что ты решила не ставить на мне крест так быстро.

– Слышь, троглодит, – Стеф нагло сунул блокнот ему в лицо, – хватит красоваться, на тебя только из жалости ставят.

– Ты-то чего голос подал? – Паскаль убийственно зыркнул на него. – Из жалости тут имеют дело только с тобой. – Он отошел от

ограды. – Вижу, Стефан, ты стал все чаще выбираться в люди. В команде работаешь. Уверился, что тебе рады, прямо как раньше. Пожалуй, так даже лучше, ведь ты стал хоть немного выполнять работу. Но это и вправду смело с твоей стороны: забыть о содеянном и верить, что остальные сделали то же самое.

Стефана пробрало холодом, он сконфуженно потупил взгляд. Неприятные мысли вновь закрались в голову.

– Да вали ты уже! – огрызнулась Фри в спину Скорпиону. Затем тихо шепнула Стефу: – Я передумала. Ставлю на то, что ему надерут зад так, что он на нем неделю сидеть не сможет.

– А ты жестока, – с ухмылкой отметил он.

Фри боднула его локтем.

– Надеюсь, что ты не принимаешь его треп близко к сердцу. Я рада, что ты снова с нами.

Стефан неловко улыбнулся на такое откровение.

Рамона легко потянулась. Задорно оглядев собравшихся, она усмехнулась Паскалю:

– Как-то несолидно. Поднимем ставки, чтоб уравновесить шансы?

– Сомневаешься во мне?

– Во все нет, милый. Но всегда можно сделать интереснее. Давай два против одного?

– Чего? – поразились Фри под гудение толпы.

Рамона обернулась к ним и с хитростью прищурилась, ища подходящего кандидата.

– Ты! – ткнула она на Тельца. – Пойдешь?

Павел удивился и даже указал на себя:

– Я?

– Конечно ты, дорогой, а кто еще? – Рамона рассмеялась. – Павел, верно? Мы вроде не встречались до этого, так что приятно познакомиться. Ты еще более здоровый, чем Паскаль. Проверим, насколько сильна твоя душа? Давай, полезай сюда!

Павел озарился счастливой азартной улыбкой, от которой Стефу захотелось съязвить. Он не сомневался, что последнюю мозговую клетку Телец отбил себе еще лет десять назад, а теперь работал на чистом энтузиазме. Правая рука Павла была перебинтована, но он, как обычно, плевал на раны, если те не мешали ему двигаться, потому перепрыгнул через забор.

– Да они ж все разнесут! – Фри схватилась за голову и сникла.

– Не думаю, что они будут сражаться во всю силу, – качнул головой Дан.

– Один хочет доказать всем свою силу, вторая не умеет давать пощады, третий просто слабоумный, – отметил Стефан, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Конечно, они будут! И это охренительно.

Стена барьера отгородила толпу от просторной арены, на площади которой могло уместиться несколько частных домов, – она была самой большой из бойцовских секций. Троице было где разгуляться, и Стеф не сомневался: они этим воспользуются. Полностью уравновешенным никого из них он назвать не мог.

Скорпион, Рыбы и Телец. Противники встали вдали друг от друга, образовав треугольник и тут же создав кровное оружие. У Паскаля – наполовину стеклянные кинжалы, у Павла – рубящее копье с острейшей кромкой Света. Рамона с легким превосходством призвала свой меч. Широкий и двуручный, лезвие с две трети хозяйки. Острие у него было точно косо срубленная плоскость. По долу скользили пламенные потоки, напоминающие растопленную лаву. Меч смотрелся тяжелым, Стеф бы не решился выходить с таким в бой, но Рамона легко придерживала его, закинув лезвие на плечо. Кровное оружие всегда чувствовалось максимально комфортно для хозяина.

Кто-то подал сигнал, и схватка началась. Все произошло настолько стремительно, что Стефан не сразу смог осознать происходящее. С первой же секунды Паскаль решил не давать слабину, и на арене взметнулась его квинтэссенция – осколки стекла в окружении серой ауры. Острые шипы, звеня, ураганом носились по воздуху за Рамоной, и лишь искусные умения Скорпиона позволяли им не ранить Павла. Но за Рыбами так просто не угнаться. Она высвобождала под своими ногами то Свет, то части алой квинтэссенции, отталкиваясь от них и отпрыгивая вверх на целые метры.

Образы метались друг к другу, гремело железо, ревел стеклянный вихрь. Остальные с затаенным дыханием взирали на бой. Протекторы нападали на Рамону с оголтелым фанатизмом, но ей не составляло труда парировать и хитро обращать их атаки друг против друга. Телец принялся яростно оттеснять Рыб, легко и матеро отбивающую каждый его удар. Ее квинтэссенция отражала стеклянные атаки. Вряд ли

Скорпион верил, что Рамона не заметит хотя бы один осколок, зато уже через две минуты всем стало очевидно: Паскаль долго призывать их не сможет. Запаса эфира не хватит. Он уже потратил больше, чем за неделю работы.

Павел замахнулся, Рамона выставила меч для блокировки удара, но тут он наконец использовал метку, и гравитация для протекторши заработала иначе. Ее отбросило назад сильнейшим ударом, прямо к Паскалю. Тот сгруппировался для выпада, ожидая ударить Рамону при столкновении. Но та рубанула мечом по полу, тормозя падение. Цепляясь за эфес, она смогла извернуться таким образом, чтобы с размаху пнуть Паскаля в грудь. Тот кряхтя отлетел кувырком, а Рамона рухнула на пол, более не подчиняясь метке Павла.

В этот самый момент пол покрыла квинтэссенция Тельца – с первого взгляда походило на колья, но это были огромные острые клыки, светящиеся болотисто-зеленоватой аурой. Подобный фокус не произвел на Рамону впечатления, она приземлилась на алый каменный блок своей квинтэссенции и отпрыгнула подальше, столкнувшись с быстрым Паскалем.

– Почему-то немногие догадываются использовать квинтэссенцию как опору в бою, – заметила Фри.

– Большинство вообще думает, что с ее помощью можно лишь атаковать да в редких случаях защищаться, – сказал Стефан. – Не до всех доходит, что квинтэссенцией можно влиять на окружающее в самых разных вариациях.

– Они ее не победят, – уверенно произнес Дан, с неодобрением глядя на арену. – Она лишь играет с ними.

Стефан едко усмехнулся.

– Конечно, не победят, Свет Паскаля на исходе. Он считает, что побеждать надо в первые минуты, потому использует все ресурсы сразу. Но сейчас эта тактика ущербна. Мы наблюдаем избиение младенцев.

А тем временем Павел вновь применил метку, только в этот раз притянув Рамону к себе. Клыки и стекла скрыли пол под острым ковром, не позволяя мечу в него вонзиться. Но Рыбы даже не попыталась идти старым путем. Вместо этого за несколько метров от Павла она создала в воздухе алый каменный блок, приземлилась на

него ногами и швырнула в Тельца оружие. От давящей гравитации полет лезвия ускорился, Павел даже не успел увернуться.

Все напряглись при виде крови на рубашке Павла. Она широким пятном распространялась во все стороны, а Телец словно и не заметил. Даже не осмотрел себя. Лезвие скользнуло по правому боку, не задев ничего жизненно важного.

Дан качнул головой.

– Ей уже надоедает. Дальше смысла биться с ними нет.

Стоило Павлу отпустить Рамону, как она прыгнула на другой камень, оглянулась на противников и вскинула руку. Похоже, больше сдерживать свою квинтэссенцию Рыбы не хотела. Та вырвалась из пола огненно-красной волной, уничтожив все стекла и клыки в одно мгновение. Образ напоминал гигантскую каменную статую,двигающуюся на шарнирах. Над ареной нависла лишь половина, глаза-сапфиры бездумно уставились на врагов. Стефан иступленно вытаращился на эту громадину. Он прекрасно знал, что создать из эфира нечто настолько исполинское и мощное могли только эквилибрумы, но никак не люди. Слишком значительная потеря эфира.

Статуя Рамоны вскинула руки – не прошло и пары секунд, как Скорпион и Телец оказались прижаты к земле. Никаких клинков у горла, никаких незавершенных смертельных выпадов. Их просто-напросто обездвжили.

Рамона победно усмехнулась, и все исчезло. Лишь три человека и местами разрушенный пол.

– Быстро, – с легким удивлением констатировала Фри под общий ропот и редкие хлопки.

– А ты чего ждала? – ответил Стеф. – Все с самого начала было ясно. Рамона выше всех нас на три головы, она могла сразу раскидать их своими статуями как детей.

– Но они могли бы... – начала было Фри.

– Хватит! – разнеслось по залу.

Коул бурей ворвался в толпу.

– Вырубай это, – рявкнул он на адьюта. Барьер был немедленно отключен. Змееносец, не сдерживая гнева, обратился к Рамоне: – Что ты себе позволяешь?!

Ее меч исчез. Рыбы даже не запыхалась, а поверженные, едва держась на ногах, встали и прислонились к ограде.

– Разве поединки теперь запрещены? – искренне удивилась Рамона.

– Ты сейчас не в том положении, чтобы калечить других протекторов!

– Снова, – тихо дополнил Дан, но из-за общего молчания его услышали все.

– Снова... – Рамона ожесточилась. – И какие обвинения вы выдвигаете мне на этот раз, друзья? И по какому поводу?

– Мы бы не выдвигали их, веди ты себя как часть команды!

– Команды?! О какой команде может идти речь, Коул?

Она спрыгнула с поля и подошла к нему вплотную, с яростью произнося:

– Ты обо всем нашем сброде, который хоть как-то держится вместе лишь потому, что нас выбрали звезды? Или о тех сбившихся кучках, которые называют друг друга друзьями, так как способны терпеть друг друга чуть больше? О какой команде может идти речь, когда ни в кого верить нельзя? Никто здесь не искренен, и каждый сам за себя. Мы не команда, мы не можем ею быть. Тут каждый – чертова индивидуальность со своими секретами!

Тот мрачнел все сильнее, но следующий его вопрос был тих:

– Так вот почему тебя не было с нами?

– Нельзя же мне давать вновь калечить протекторов, да?

Змееносец внезапно потупил взгляд. Он уже было вобрал в рот воздуха для ответа, но его сотряс кашель. Гадкий и явно нездоровый.

Стоило ногам Коула подкоситься, как Рамона подалась вперед, придерживая его, и взволнованно оглянулась на всех собравшихся:

– Отойдите! Вы все, прочь!

– Что с ним? – встревожилась Ханна. – Ему нужно в Лазарет!

Она попыталась подойти, чтобы помочь, но Рамона жестко ее отпихнула.

– Ему... – Ее трепетный взгляд устремился к Коулу, который продолжал с трудом вбирать воздух с пугающим булькающим звуком, словно захлебываясь. – Ему нужно побыть в спокойной обстановке. Только и всего.

Сам же Змееносец судорожно глядел прямо перед собой, держась за Рамону что есть сил.

– Ты переработал, – причитала она, пытаясь увести его. – Пойдем. Идем, ну же! Все будет хорошо, тебе просто надо отдохнуть.

Кое-как она заставила его повиноваться, и было видно, что с каждым шагом он совершал невероятное усилие. Ему требовалось как можно скорее заканчивать с обязанностями, но на него столько свалилось: расследование убийства, возвращение Рамоны, прибытие Ранория...

– Совсем себя загонял, – поникла Фри, провожая их глазами. – С ним такое когда-то бывало?

– Не видел, – заявил Паскаль, потирая синяк на щеке. – Всегда как кремень был.

– А это не может быть связано... ну... с Зеленым мором?

– Не говори глупостей, Мор не вирус.

– Тогда почему Коул заболел?

– Потому что он трудоголик и идиот. – Ханна скрестила руки. – И давно не проверялся в Лазарете. Там уже месяц не было его росписей в журнале.

– Месяц? Настолько времени не было?

– Так! В Лазарет. – Дева со всей серьезностью обернулась к Паскалю и Павлу, которые как раз хотели ускользнуть. – Живо, инвалиды!

– Но у меня ничего не болит! – возмутился Павел, рубаха которого предательски алела спелым томатом.

– Я рада, что ты когда-то умудрился наманипулировать себе невосприимчивость к боли, но от смерти она тебя не спасет! Так что заткнись и шагай.

Толпа начала расходиться, Стеф принялся раздавать ценсумы сделавшим выигравшие ставки, а когда закончил, то увидел у выхода Фри.

– Пойдем проверим их всех, – предложила она. – Хотя бы узнаем, что стряслось с Коулом.

Они молча шагали в сторону транзитного круга, в голове Стефа никак не укладывалось только что произошедшее. Оно казалось таким сумбурным и странным, как какой-то кошмарный сон. Сон, затянувшийся на десятилетия.

– Ты так и не хочешь со мной поговорить об Аргентионе? – выпалил он, моментально пожалев, что не смог удержать язык за

зубами.

Фри помрачнела.

– Нет. Пока нет.

Спустя пару шагов она все же со всей искренностью сказала:

– Спасибо, Стеф.

Возле Лазарета Ханна и Паскаль что-то бурно обсуждали, но внезапно оба смолкли, бросив взгляды куда-то за спину Фри и Стефа. По коридору быстро шагал Сириус.

С тех пор как произошла аннигиляция в Монсисе, он редко высовывал нос из кабинета посла и Аргентиона, а как только появлялся на краткие мгновения, то был как на иголках, ничего не объяснял и не желал говорить. Короче, вел себя как последняя скотина. То есть как всегда. Вот и сейчас был нервный и бледнее обычного.

Но все же в этот раз он шел напрямик к протекторам и с праведным осуждением указал на Паскаля.

– Это что еще такое?! Приведите себя в порядок! Немедленно!

– А я говорила, – шикнула на Скорпиона Ханна, уперев руки в бока.

– Это вас всех касается! Почему вы до сих пор не в форме?

– С какой радости нам в свободное время таскаться в этом? – процедил Стефан.

Сириус чуть не задохнулся от возмущения.

– В ваших же интересах выглядеть подобающе при делегации Света! Что они подумают о ваших земных обносках?! Светлейшие луцы...

– Стой-стой-стой. Какая делегация? Ты чего несешь?

– Делегация во главе со светлейшим луцем Альдебараном, прибывающая в связи с проблемой Зеленого моря! Встреча темных и светлых на нейтральной территории! Я вам сообщал!

– Э, нет, – заявил Стеф.

– Вы все прослушали! – вспыхнул Сириус, пролистывая свой энерглас. – Вы хоть представляете, какую честь вам оказывает префект одним лишь своим появлением?! Для вас так маловероятно встретиться с ним, да даже стоять подле Альдебарана для приземленных уже...

– Я с ним пару лет назад общался, – сообщил Стефан. – Ничего такой. С Антаресом я, кстати, тоже говорил. А вот он тот еще...

– О, Всепроникающий Свет, Вселенная и Материя, они будут через десять зомов!

Сириус терял над собой контроль прямо на глазах – капля за каплей.

– Зеленый мор – это вам не шутка, а вы так и не поняли!

– Так ты же нам ничего...

– Соберите всех! Будьте готовы. Мне необходим Смотритель, он обязан говорить с луцем Альдебараном.

И, не став слушать ничего более, Сириус ушел.

– Так... – первым нарушил молчание Стефан. – Коул, похоже, как Смотритель отвалился. Ваши кандидаты на замену?

Глава XXVII

Маленький треснувший мир

Фри старалась никому не попадаться на глаза. Ее тревожило буквально все, отчего стены и окна покрывались трещинами, испариной или инеем. Один раз ступенька начала разрастаться сиреневыми кристаллами, и девушка спряталась в своей комнате на целые сутки. Только там ничего не происходило, словно это было единственное место, где не действовали новые законы перевернувшейся реальности.

Так она там и затаилась, лежа под кроватью на одеяле и подушках, молча глядя в темноту. Переваривала все, что узнала в Аргентионе. Особенно подсказку, обнаруженную в инфоре. Фри все перечитывала правила обряда, долго концентрируясь на заоблачном языке, точно вновь училась читать по слогам. Она радовалась, что манипуляцию можно было создать телесным способом, без долгого и муторного черчения на полу. Главное – правильные слова и настрой.

А еще – конская порция энергии, которой у Фри не было. Как и времени.

После поединка Рамоны все были на ушах. Прошло уже несколько дней, которые Фри провела взаперти. Дан пару раз стучал, хотел о чем-то поговорить, но она не откликнулась, боялась находиться с друзьями. По той же причине не ответила и Павлу со Стефом – те приходили в разное время и всего один раз. Ей до смерти хотелось поговорить с кем-то, но она никак не могла решиться.

Фри твердо решила сперва разобраться со своим состоянием. Отыскать Черно-Белых. И только затем поднимать панику. Сегодня как раз был удобный случай. В Соларум прибывал Альдебаран Стойкий, префект Кальцеона, все были на взводе. Еще бы, визит такой высокопоставленной шишки не мог обернуться ничем хорошим.

Фри шла по коридорам к Манипуляционной, практически кралась в надежде, что все будут отвлечены на Альдебарана.

Она замерла на углу, когда услышала голоса Ханны и Дана, спешивших мимо.

– И что, она взяла все руководство на себя? – поражался тот. – Но Паскаль же...

– Паскаль – хороший Смотритель и всегда заменял Коула при случае, но Рамона старше него. Она имела полное право занять эту должность по собственному желанию. Пока Коул не встанет на ноги, тебе придется терпеть такое положение вещей.

– Светлые звезды, дайте сил... Она испортит абсолютно все.

– Брось. Альдебаран всего лишь будет проверять, можно ли устраивать встречу светлых и темных в Соларуме. Где в этом можно напортачить?

Они скрылись в конце коридора, а Фри напряженно застыла, крепко сжав кулаки, и тут же ощутила запах гари. Отлипнув от стены, она с замершим сердцем увидела на ней копоть.

Придя в Манипуляционную, Фри быстро прошла между узкими столами, в нерешительности оглядываясь и перебирая меж пальцев цветную прядь волос. Со стороны донесся шум. Папки падали с нагруженного стола. Рядом с ним возник Тисус, и Фри облегченно выдохнула.

– Чего тебе надо? – бросил он. Хрипло и резко, как обычно.

– Мне нужен твой совет.

Весы промямлил что-то неразборчивое и поковылял к стойке с кувшинами.

– Да... всем нужен совет от меня, конечно...

Говоря это, Тисус впечатался в край столешницы, словно не заметил, попутно расколотив стакан, и выругался. После налил себе какой-то бурды и выпил. Руки его дрожали. Фри наблюдала за этим с немым вопросом.

– Кто тебя послал? – внезапно спросил он. – Коул? Это он? Пусть катится в Обливион, у меня ничего нет для него.

– Нет, я сама по себе.

– Врешь, ты у меня советов никогда не просила.

Тисус зло скривил потрескавшиеся губы. Ноги подкашивались, отчего он оперся о стол. Теперь Фри заметила тяжелое дыхание и запотевшее лицо. Казалось, что у него была температура под сорок.

Фри собралась с мыслями, а затем пересказала ему процедуру обряда. Она знала, что Тисусу плевать на то, чем занимались другие

протекторы. Он всегда мог поделиться подсказкой, не выдав другим разговора, каким бы странным и пугающим тот ни являлся.

Потому протекторша пришла именно к нему.

– Откуда ты вообще узнала про этот способ? – выдавил он, приваливаясь к полкам с накопителями. Кто бы мог подумать, что Тисус способен выглядеть еще хуже, чем обычно. – Межпространственный призыв душ – это тебе не прогулка на цветущем лугу.

– Поэтому я и здесь, – настояла Фри, подходя ближе, даже несмотря на весь отталкивающий вид Весов. – Ты ведь слышал о нем и...

– И что с того? – огрызнулся он сквозь зубы. – Кого ты собралась вызывать, девочка? Тебе земных душ мало? Ты что вообще о себе возомнила?

Последние его слова задела Фри, она с раздражением сжала кулаки.

– Мне все равно, что ты об этом думаешь. За меня не волнуйся, я сама о себе позабочусь. Тебе все равно нет дела до этого.

Тисус лишь фыркнул в ответ.

– Никому и никогда нет ни до кого дела. И в этом наш главный грех. Потом становится слишком поздно.

Он выдохнул, приблизился к столу и уперся в него руками, при этом сгорбив спину, словно под многотонной тяжестью.

– Если я помогу... то ты поможешь мне. И в твои дела я не сунусь.

Фри удивленно уставилась на старого протектора. Она еще никогда не слышала, чтобы он просил об ответной услуге. Обычно ему попросту ничего от других не было нужно.

– Да... да, хорошо. Какой совет можешь дать?

– Ты ведь наткнулась на сложность с поиском внушительного количества энергии, требуемого для изменения реальности? Только попробуй сказать, что ступор нашел на тебя еще на этапе запоминания закрепляющих слов, не заставляй меня думать, что ты еще глупее, чем есть.

– С энергией проблемы, – скрипнула зубами Фри. – Выгорание эфира огромное, это примерно тысяча праетеров в минуту.

– Сгоришь как хворост.

– Сгорит моя душа. У людей столько не бывает, мы за всю жизнь, даже протекторскую, просто не способны накопить столько ярких воспоминаний, чтобы вырабатывать эфир хотя бы на одну восьмую часть от этой манипуляции. Я уничтожу себя за несколько минут, манипуляция высосет весь эфир. Есть ли у нас какие-то резервные батареи?

Тисус пошатнулся.

– С чем? С душами? – съехидничал он. – Или с омнием, за который заоблачники глотки друг другу режут? Никто тебе не предоставит подобного. То, о чем ты говоришь, в Соларуме не обитает. Нам не дают таких ресурсов. Это опасные количества, особенно для протекторов.

– Но... тогда как же мне быть?

– Тебе это так необходимо?

Она медленно закивала и призналась:

– От этого зависит моя жизнь.

– Жизнь, – проворчал Тисус, отворачивая голову. – Все время жизнь зависит. Подумай о планетарной энергии.

– Земли? – удивилась Фри. – И как мне ее использовать?

– Пропусти через себя, напруги последнюю извилину!

Протекторша зажмурилась от резких слов. И все-таки... Она вспомнила тот бассейн у Нерман. Планетарша сказала, что он заряжался от Земли. И еще раньше – в Лунном доме – она видела Центр Луны, в который протекторы окунали орнега.

В недрах планет имелись огромные запасы эфира, протекторы не могли о таких и помыслить. Возможно, она правда могла воспользоваться этими резервами?

Добраться до Центра Земли? Но путь туда непрост, в одиночку точно никак не осилить.

Тисус, похоже, заметил ее задумчивость и тряхнул головой.

– Вот видишь, как иногда полезно включить мозг. С остальным справишься сама, если тебе это безумство необходимо. Только потом не приходи ко мне жаловаться.

Фри сдержала едкие слова и холодно спросила:

– А чего тебе нужно?

– Правда.

Он сделал несколько слабых шагов.

– Я докопался до всего, – просипел Тисус. – Чего даже чертов Коул не заметил. А она видела. Ламия знала все уже давно...

– Ламия? – Фри пробрало. – Ты что-то узнал о ее смерти?

Внезапно Тисус закашлялся булькающим мерзким кашлем, словно его легкие забились влагой.

– Она все поняла... и я понял... Ламия должна была сказать раньше... Особенно после тех ее провалившихся опытов... Тот опыт со сплитом... она не ошиблась, слишком ответственная для такого. Но она боялась. А я нет.

Он едва не упал. Фри подалась вперед, чтобы поддержать его. Но Тисус рывкнул не своим голосом:

– Нет!

Фри застыла и с ужасом ощутила запах гниения. Такой привычный и тошный, автоматически приводящий в боевую готовность. Девушка отскочила, а на пол уже падали черные вязкие капли. Отвратительный хлюпающий звук.

Тисуса тряхнуло.

«У меня нет оружия», – подумала Фри, похолодев.

Весы согнулся и вскрикнул, как от боли. Гниль захватывала его тело. Очки свалились и со стуком отлетели прочь. Он смотрел на Фри. Лицо уродливо исказилось, рот разорвался, из отслаивающихся щек торчали зубы. Маска проступала сквозь кожу, а глаза заливались черным. Но это был он. Тисус.

Тогда же наконец по Соларуму глухо прокатился звон колоколов, возвещавших об обнаруженной Тьме.

– Держись подальше, – тихо, но твердо предупредила Фри, стоило Весам подступить.

Он больше не слушал.

«Звезды, почему это произошло?!»

Тисус бросился на нее. Фри не успела даже подумать, как внутри нее грянул взрыв, вырвавшийся наружу дробящей волной. Импульс никак не контролировался, от него звенело в ушах и трясло пространство. Грохот стоял страшный. Все в Манипуляционной тряхнуло и разбросало. Столы разлетелись, окна с дребезжанием и лязгом выбило наружу.

Тисуса же почти не задело, лишь отбросило на десяток метров назад. Он быстро опомнился и рванул обратно.

Двери Манипуляционной громко отворились. Тисус замер и отвлекся на потрясенные возгласы.

– Какого черта?! – опешил Стефан.

– Ты... – булькнул Тисус. – Ты...

Шаг, два. Куски гнили спали на пол. Он шаркал к Стефу.

– Ты... – шипел он.

Тисус сорвался. Всего одно резкое движение с его стороны, и раздался грохот. Пуля прошла сквозь горло, во все стороны с хлопком брызнула чернь, окатившая Фри. Весы хрипнул и упал.

Пистолет, который Дан выхватил у Стефана, выпал из его рук, громко стукнувшись об пол.

– Твою... мать... – Стефан ошарашенно уставился на друга.

Дан стоял с затравленным видом и пялился на тело Тисуса.

Фри пробрало едва ли не до тошноты.

Когда прибыли остальные, она полностью отключилась от общего хаоса и чувствовала себя мухой, попавшей в липкий густой мед. Паскаль допрашивал Фри, и она отвечала на автомате. Протекторша не помнила, как вышла из Манипуляционной и спустя сколько времени. Слышала лишь, как кто-то негодовал, что сообщение о Тьме сработало с задержкой.

Где-то в стороне Ханна сидела рядом с Даном. Тот продолжал тарашиться в никуда, никак не отвечая и не реагируя.

Когда Фри моргнула, то с удивлением обнаружила, что стоит в кабинете посла, залитая черной жижей. Все как обычно: простор и яркость, а еще световая статуя Антареса Непогасимого. Такая же стояла и в кабинете Смотрителя. Фри пренебрежительно глянула на вытянутую фигуру широкоплечего Верховного. Выглядел он то ли суровым, то ли слишком гордым, девушка никак не могла понять, но образ ее отталкивал. Подумать только, и с этим явно надменным типом Макс делил душу.

За столом восседал Альдебаран. Фри было не по себе от одного вида звезды. Такая массивная устрашающая фигура. Статная, закаленная в боях. Протекторша на подсознательном уровне чувствовала подавленность от мощи его души и внутренне сжималась всякий раз, когда его ясный прямой взгляд падал на нее. Истерзанное шрамами лицо тем не менее не выражало ничего, кроме стального спокойствия.

Альдебаран сцепил руки замком и положил их на стол.

– Светлейший луц, – тараторил Сириус. – Клянусь, это чрезвычайная ситуация! Уникальный случай, крайне непредсказуемый! Если бы я знал...

– Вы выяснили, почему один из люмен-протекторов, охотник на сплитов, обратился в этого самого сплита? – строго пробасил Альдебаран.

– Никак нет! У нас еще не было...

– У Тисуса уже давно была сломана душа, – вмешалась Рамона, скрестив руки. – Наверное, последние волнения совсем расшатали бедолагу.

– И вы все это время позволяли душе на грани раскола пребывать среди вас?

– При всем уважении, луц, Тисус – старейший протектор из первого поколения. Он невероятно ценен знаниями. И вообще милейший человек.

– Хочу уточнить. Вы здесь собраны за такие качества, как «милый»? Или все же за тем, чтобы противостоять Тьме?

– Ну, одно другому не противоречит. Вам, знаете ли, такое тоже не помешало бы.

Это был тот самый момент, когда всем хочется как можно скорее покинуть помещение, чтобы случайно не попасть под горячую руку кого угодно, что бы дальше ни случилось. Все вытаращились на нее. Рамона с присущей ей уверенностьюгнула свою линию:

– Несчастья случаются. Бывает.

Альдебаран холодно прищурился.

– И ты, примум, сейчас Смотритель? Во время такой страшной катастрофы, как Зеленый мор?

– Нет-нет! – Сириус поспешил отгородить Рамону от Альдебарана, точно бы префект мог забыть о ней, потеряв из поля зрения. – Разумеется нет, луц, она...

– Да! – нагло заявила та, отпихивая посла. – Смотритель. Третья по старшинству, между прочим. Возможно, уже вторая. Сильнейший протектор, скажу вам без скромности. У вас есть какие-то проблемы с этим?

– Как ни странно, есть. Дело важное, а ты, кажется, не до конца это понимаешь. Нам требуется вся собранность, а не шутки и

заявления наперекор вышестоящим. К моменту прибытия инквизиторов Смотритель должен быть сменен.

– Но вы не имеете права! У вас здесь нет...

– Власть у меня есть, я префект Кальцеона. – В зрачках Альдебарана мигнула алая искра. – Если вы хотите пережить этот кризис, то все должно быть идеально. Ни одного шага в сторону. Смена Смотрителя. Осторожность и почтительность.

Говоря это, он тыкал указательным пальцем в стол при каждом пункте. Звук был едва различим, но Фри он казался оглушительным. Она глядела на свое отражение в стеклянном глобусе – искаженное и смешное. Оно точно вздрагивало с каждым стуком.

– Мы будем менять место встречи, – донеслось до Фри как сквозь воду. – Срочно. После произошедшего рисковать я не намерен. Вам здесь необходимо все вычистить.

– Что насчет Центрума Терры?

Только спустя пару секунд Фри поняла, что именно она сказала эти слова, чем обратила всеобщее внимание на себя. Потупив взгляд, протекторша добавила:

– Это нейтральное место. Темные не станут его рушить. Там же располагается главный ресурс, обеспечивающий пригодные для жизни условия. Дэларам это тоже важно.

Альдебаран задумчиво кивнул:

– Да. Ты права, идея хорошая. Нужно будет оповестить Ранория и инквизиторов.

Фри даже воспрянула духом, хотя совсем немного. После случившегося все казалось беспросветным и тяжелым.

Сириус неуверенно закачал головой.

– Так инквизиторы все же будут?..

– Будут, – процедил Альдебаран. – Мы могли бы обойтись без них, но из-за того, что ты промедлил с оповещением, все дела с Террой уйдут им в руки. И тогда я ничем не смогу помочь.

– Луц, я...

– Довольно, Сириус. Твои оправдания я послушаю как-нибудь после.

– И что же тогда вы будете обсуждать? – с подозрением спросил Паскаль. – Вы до сих пор держите нас в неведении!

– На то есть свои причины.

– Это какие же? – Стеф возмущенно положил руки на пояс. – Мы тут корячимся, защищаем население этой гребаной планеты, которое вообще-то спасения в любом случае не заслуживает, а тут приходите вы – и все? Теперь вопрос стоит – все тут уничтожить или что-то оставить?

Увидев, как предостерегающе исказилось лицо Альдебарана, Стефан сник.

Только теперь до всех дошло.

– Всепроникающий Свет. – Рамона побледнела. – Что? Вы серьезно?!

– Решать не мне, – хмуро ответил Альдебаран. – За проблему Зеленого моря префекты не отвечают. Но – да, серьезно. Более чем. Нельзя выпускать заразу во Вселенную, мы уже научены гигантскими потерями со стороны обеих Армий. На такой случай существует пакт. Сначала инквизиторы взвешают все доводы, изучат положение, а затем...

– Что – затем? – озлобился Паскаль. – Аннигилируют всю планету?

– Возможно.

Фри показалось, что ей вlepили затрещину. Она больше ничего не понимала.

– И что? И всех нас в утиль тоже? – сердился Стеф. – И несколько миллиардов душ?

– Это малая жертва в сравнении с тем, что может случиться. Ранее Светлой армии уже приходилось идти на столь сложный шаг.

В руке Альдебарана появился небольшой энергглас. Прочитав сообщение, префект заметно помрачнел, после чего сжал губы в плоскую линию.

– Что значит «ранее»?! – не отставал Стефан. – Эй!

– Все это мы обсудим совсем скоро, протекторы. А пока у меня дела. Я должен подготовиться к встрече с инквизиторами. Обещаю, что буду на вашей стороне до последнего.

Оправив плащ, скрепленный фибулой с гербом Белзирака, звезда быстро удалился под возмущенные возгласы собравшихся. Вскоре они переросли в открытую ругань и гомон.

Фри, чувствуя нехватку воздуха, вывалилась наружу. И снова ее захватил вихрь протекторов. После осмотра в Лазарете ей позволили

переодеться за ширмой в чистое, которое ассист принес из ее комнаты, и отпустили.

Тисус не умер. Помогла ли этому быстрая реакция сотрудников Лазарета с их стазисными манипуляциями или же уникальное состояние самого протектора – не знал никто. Но он был жив. Даже в состоянии полусплита. Даже с разорванной глоткой.

Где-то рядом переругивались протекторы. Паскаль требовал немедленного уничтожения Весов.

– Черт вас всех побери, это переходит любые границы! – рявкнул он, ударив кулаком по столу. – Мы не можем допускать Тьму внутрь своих рядов! Поверить не могу, что это произошло во время прибытия префекта. Это тотальная катастрофа!

– Сейчас не ты Смотритель, милый, – устало напомнила ему Рамона. – Не тебе решать.

– Это касается нас всех! Мы не можем рисковать! К тому же ты тоже больше не Смотритель, тебя отстранили!

– Скоро очередь Ады, но кометы забрали ее для осмотра и процедур, – вмешалась Ханна. – Это затянется на месяц. Так что Рак выпадает. Пора поднимать Коула.

– Не трогайте его! – Рамона внезапно ожесточилась. – Ему плохо, дайте бедняге перерыв.

– В гробу отдохнет, – проворчал Паскаль. – Он лучше всех нас знает, как вести себя при встречах темных и светлых эквилибрумов. Один неверный чих, и нам конец. Нет, тут нужен его опыт.

– Послушай...

– Рамона, я тебя ценю. Как и мы все. Но это дела Соларума, верно? Ты сейчас пытаешься помочь Коулу, ты даже взяла на себя звание Смотрителя. Но делаешь только хуже. Тебя слишком долго тут не было.

– Эй, – раздалось совсем рядом с Фри.

Она вздрогнула и увидела Стефа. Он с кислой миной глядел на протекторов.

– Пойдем отсюда, – предложил Водолей. – Пройдемся.

Она заторможенно кивнула, чувствуя прилив благодарности. Стоило им покинуть Лазарет, как Стефан шумно выдохнул и сказал:

– Вот это охренеть, конечно, утро понедельника...

– Они же должны разобраться, что произошло, верно? – взволновалась Фри. – Это же не могла быть случайность, не могла быть...

«Я...»

– Вот сейчас сами и проверим. Пошли.

Пока они спускались все ниже, Фри не переставала прокручивать в мыслях самые пугающие догадки. Что, если это из-за нее Тисус стал таким? Ее силы выходили из-под контроля, совершали невозможное. Вероятно, они и протектора довели до состояния сплита. Девушку затрясло. Ей хотелось забиться в самую темную нору, завалить вход и никогда оттуда не вылезать.

– Что ты вообще там делала? – наконец спросил Водолей.

– Я... – Она осеклась, не зная, можно ли выдавать все подробности. – Хотела посоветоваться по поводу манипуляции. И всё.

По лицу друга Фри не могла понять, поверил ли он или просто решил не тревожить ее расспросами.

– Как вы догадались, что нужно идти в Манипуляционную? – прошелестела она.

Если бы они не прибыли так быстро, все могло развернуться куда плачевнее.

– Дан торопил с блокнотом. Почему-то ему захотелось разобраться с ним именно сегодня. А потом мы все и услышали.

«Я была зла на Тисуса, – лихорадочно думала Фри. – Он, как всегда, был невыносим. Это ведь правда могло произойти из-за меня...»

– Ты не виновата в произошедшем, – вдруг сказал Стефан.

Фри потрясенно уставилась на него, пытаясь понять, откуда он узнал о ее страхах и способностях. Стеф остановился возле ворот, ведущих в лес Соларума, и с сочувствием посмотрел на протекторшу.

– Это просто чертовски странный случай, к которому никто из нас не причастен. Ты не могла разозлить его до точки невозврата. Если Тисус обернулся гребаным сплитом, то оно уже в нем сидело. А ты просто оказалась не в то время и не в том месте.

Она нервно выдохнула. Нет, Стефан не знал. Просто думал о схожем.

– Спасибо...

Он кивнул и шагнул в сторону леса. Тогда Фри не сдержалась и спросила:

– Что ты думаешь насчет заявлений Альдебарана?

– Думаю, что он напыщенный мудак. Если они правда решат снести Землю, я кому-нибудь из них откушу лицо напоследок. Но если серьезно, то остается только ждать. Мы же люди. А потому бессильны против воли чертовых небес.

Фри понурила взгляд и поспешила сменить тему:

– Вы нашли блокнот, который хотели взять у Тисуса?

– Нет, – проворчал Стефан. – Все перерыли, когда его уволокли. В комнате тоже на всякий случай посмотрим, но мне думается, что этодохлый номер. Снова.

Она поняла, куда они идут, когда Стеф свернул на еле видимую тропку меж деревьев.

– Что-то поганое произошло с его душой, – проговорил Водолей, убирая ветки от лица. – Кто-то думает, что Тисус напортачил с манипуляцией. Я в это не верю. Старый ублюдок никогда не ошибается в метках.

– И наружу он бы не смог выбраться, чтобы отдалиться от дерева, своей души, и стать кандидатом, – кивнула Фри, семена вслед за другом. – Это должно было случиться...

– Здесь.

Они оказались у круга почерневшей травы. По центру находилось дерево, в которое давным-давно, еще на заре своего земного протекторства, Шакара поместила душу Тисуса. Полностью голое и без листьев, обычно оно сияло нежным сиреневым светом, скользющим по жилам. Но сейчас... Сейчас кто-то прорубил в стволе трещину. Фри с ужасом закрыла рот ладонью.

Из разруба, дымясь, сочилась чернота, она скользила по ветвям, взбухала волдырями под тонкой пленкой коры. И поглощала Свет.

Стефан приблизился, разглядывая дымные черные нити. Он попытался коснуться их, но тут же с болью отдернул руку.

– Зараза, – шикнул он. – Тут носитель, полный Тьмы.

И вправду: оказавшись рядом, Фри увидела черный острый кристалл, вонзенный в древесину. Он поразил растение и душу Тисуса.

– Мы должны его вытащить, – забеспокоилась она, схватив Стефа за локоть. – Тисуса еще можно спасти!

– Сперли записи Шакары, сперли блокнот, теперь это. Это правда был Грей. Заметают свои вшивые следы, чтобы мы не поняли, что с ним происходит.

– Но если это Грей, зачем ему делать такое с Тисусом? Почему просто не убить?

– Тело Тисуса нельзя убить просто так. Насколько мне известно. Ведь душа – здесь. А теперь она в хаосе, никто не сможет даже проникнуть в нее до исцеления... – Стефан остолбенел. – Но что такого Тисус сделал Грею?

Фри встрепенулась и решительно взглянула на друга.

– Он знал, Стеф. Тисус почти успел сказать мне. Что-то насчет смерти Ламии. Тисус же нашел ее записи, так? И он докопался до сути Грея.

Стеф отстранился и тяжело посмотрел на ветви.

– Что? – спросила Фри. – О чем ты думаешь?

– Как он так быстро реагирует на все, что у нас происходит? Как проникает в Соларум незамеченным?

Он повернулся к ней.

– Возможно, у нас шпион.

– Шпион? – Фри нервно усмехнулась. – Это нелепо! Никто бы Грею помогать не стал.

– А как еще это объяснить? – Стефан всплеснул руками, указывая на пораженное дерево. – Фри, он второй раз к нам влезает! И снова защита и сигнал тревоги не работают как надо. Грею известно о наших делах! О переводах, даже о том, что гребаный блокнот был у Тисуса! Он отбирает у нас ключи к себе!

– И все же... это не в его характере – бояться нас настолько, чтобы отбирать ключи к себе... – осторожно вставила Фри. – Ему должно быть все равно.

– Да какая разница, боится Грей нас или нет?! Кто-то сливает ему информацию! И только Свету известно, что еще произошло в Соларуме без нашего ведома. – Тут он стиснул челюсти и гневно оскалился. – Дерьмо!

Протекторша, сникнув, смотрела как Стеф уходит, бросив ей через плечо:

– Надо рассказать остальным, чтобы вытащили эту хрень из дерева и искали крысу. Плевать мне на скорую кару заоблачников. На

куски тварь порву!

Он скрылся, а Фри так и осталась стоять. Ей казалось, что от дерева раздается едва слышное биение сердца. Легкое и трепетное, готовое вот-вот оборваться.

Оказавшись на тринадцатом этаже, Фри так погрузилась в мрачные мысли, что не заметила, как на нее вылетела Ханна. Та запыхалась и торопилась к транзиту.

– Ты слышала? – взволнованно спросила она. – Скорее к палатам!

– Тисус умер? – ужаснулась Фри.

– Нет! Нет, не это. Сара! – Ханна едва перевела дух. – Она пришла в себя.

Глава XXVIII

Кровь от крови

– Ну и где мы? – не вытерпел я, особенно потому, что от каждого нового шага тело болело все сильнее.

– Да погоди ты, – шикнул на меня Поллукс. – Всепроникающий Свет! Какой же нетерпеливый.

За просторными окнами стоял день, бледно-оранжевое светило высилось над сверкающими куполами зданий. Я то и дело посматривал туда, на охристый, покрытый зеленью полис, ожидая увидеть на площади эквилибрумов, живущих своей бурной жизнью. Но полис был абсолютно пуст и заброшен, хоть и не казался обветшалым от времени. Будто все отложили свои дела совсем недавно и просто ушли с погружившихся в сон улиц. Ветер уныло вальсировал по дорогам пыль и мелкий мусор.

– Префектура Домагалеод, – заговорщицки шепнул мне Габиум вопреки отмашкам Поллукса. – Провинция Зестрашь, Ветвь Мермера Разрушителя, двадцать пятый транзитный поток, галактика Теплых линий, Евалерова планетарная система.

– Спасибо, – кисло ответил я. – Вот теперь сразу стало понятнее!

– Ты же не уточнял, что конкретно тебе нужно. Так что получай и радуйся. А еще не думай о том, что домой попадешь несколько позднее, чем рассчитывал.

– Чего? Мы же мгновенно переместились!

– Это ты так думаешь. На «мгновенно» для такой дали у тебя бы эфира не хватило. Но не волнуйся, вряд ли на вашей планете сменилось больше десятка суток.

Просторный, залитый солнцем коридор заканчивался дверьми – тяжелыми и темными. Возле них дежурили два стража в серебряных латах и красных плащах. Когда я проходил мимо, то заметил сквозь прорези шлемов, что глаза обоих вояк подернуты сияющей дымкой.

– Зачем тут стража? – напрягся я. – Ты же хотел рассказать мне о Зеленом море и...

Я ощутил давление – духовное, мощное и беспрепятственно пронизывающее тело, будто нейтрино. Оно шло из-за двери, гудело в

голове. Я не хотел идти, пытаясь лихорадочно вспомнить, где и когда ощущал подобное, но Габиум незатейливо подтолкнул меня вперед.

Оказавшись на большущем выпуклом балконе, полностью застекленном и светлом, я хотел было вновь возмутиться, но тут среди цветущих вазонов появилась высокая сухощавая фигура.

Эквилибрум красного спектра, весь острый и поджарый. Лицо выражало ровно ничего, будто столкнулся с ожившим искусственным интеллектом. На лбу шрам, схожий по форме с кленовым листом, двумя лучами пересекающий правый глаз. Звезда был одет в строгую накидку и военную форму идеального покроя с высокими сапогами и блестящими поножами на них.

Энергия шла именно от него, такая сильная, что от нее все вокруг должно было дребезжать, действовать по законам, установленным ею. Но пространство замерло в тишине. Тогда же я вспомнил, что действительно ощущал подобное, и не в присутствии Антареса – нет, он принадлежал к совсем иной категории и, видимо, жалел меня, не позволяя мощи своей души обрушиться на мое приземленное восприятие.

Схожее я испытывал рядом с Бетельгейзе.

Неизвестный приблизился медленно, но столь величественно, надменно глядя сверху вниз, что я на мгновение растерялся.

– Итак? – спросил стоящий в стороне Поллукс. – Доволен?

Незнакомец прищурился, обводя меня пристальным взором, под которым каждый почувствовал бы себя мелким и униженным.

– Это действительно тот самый приземленный?

– О да. Думаешь, я бы стал обманывать тебя в таком деле? Именно этот протектор делил тело с Антаресом.

Меня пробрало до дрожи.

– Что? – прошипел я, иступленно оборачиваясь к Поллуксу.

Тот развел руками, словно все происходящее зависело не от него.

– Прости, Максимус. Но таковы тонкости торговли. Помнишь, я говорил, что за помощь с твоей подружкой ты будешь мне должен? Так вот. Пора возвращать должок. Удели время Второму паладину.

Сердце пропустило удар. Зербраг Прожигающий. Он стремился дорваться до звания Верховного. Его подручные пытались убить меня и Антареса.

– Ублюдок! – яростно выплюнул я на Поллукса. – Ты продал меня?!

Не знаю, что бы я с ним сделал. Возможно, сразу бы применил огонь и попытался спалить лицо. Но меня быстро скрутили – набросили серебряную сеть, опутавшую все тело. Откуда-то появилась новая стража.

– Убью! – кричал я, пока меня под ледяным взглядом Зербрага отгаскивали от Поллукса. – Ради чего?!

Мне с силой заткнули рот.

– Я правда – правда! – не хотел доводить до такого, – заявил Поллукс, даже не пытаясь извиниться искренне. – Я бы никогда не торговался с ним и послал бы в Обли-вион.

– Но ты алчен, – произнес Зербраг.

– Кстати об этом, тартский сын.

– Не искушай судьбу. – Паладин поморщился с отвращением.

Пока меня, связанного, укладывали у стены, Поллукс закатал рукава и протянул Зербрагу руки.

– Ты душой клялся, – процедил он. – Так что давай. Не стесняйся.

– Поверить не могу, что пал столь низко. За свои грехи перед Армией ты заслужил самой худшей кары, Чернолюб.

– И все-таки ты на таком дне, что торгуешь со мной и я не без удовольствия за этим наблюдаю. Вкус триумфа. Рекомендую как-нибудь попробовать для разнообразия.

Зербраг помрачнел. В его ладони вспыхнули алые символы меток. Тогда же на лбу Поллукса загорелся крест, а вокруг запястий – кольца. Они сияли все ярче и ярче, а затем вдруг лопнули, разлетевшись искрами. Под кожей Поллукса пробежали оранжевые вихри, местами пламенными языками вырываясь наружу. Глаза сверкнули как сверхновая, и заоблачник в благодушном состоянии запрокинул голову к потолку, точно прозрел. Напоследок по его правой руке протянулись сияющие нити, словно сплетение, а погаснув, остались там бледной татуировкой от ладони до локтя.

Перестав светиться, Поллукс громко с облегчением выдохнул и уставился на новые отметины, проводя по ним пальцами.

– Ну? – бросил Зербраг, каждое слово отлетало от него с омерзением. – Теперь доволен? Гало-пленение окончательно снято, как

и договаривались. Силы генума вернулись к тебе. Развитие спектра тоже. И сопряжение.

Его внимание обратилось к сплетению на руке.

– Ради этого все затевалось? Как убого.

– Ага. Теперь станет проще. И да! Все остальное тоже вернулось. Спасибо за этот приятный бонус.

Поллукс грациозно повернулся ко мне и, побегав глазами по стражникам, остановился на одном.

– Ты! – азартно оскалился он.

Я не понимал, почему все замолчали, пока не услышал, как один из стражей захрипел. На пол, где я валялся, брызнула серебряная кровь. Она лилась из-под шлема стража, мне было сложно понять, откуда именно, даже когда эквилибрум с лязгом рухнул на колени, дрожащими руками упершись в пол. Кряхтел и харкал, от чего у меня по спине пронеслась волна холода. Стража колотило, он искривился от боли и продолжал исходить кровью, пропитавшей и его плащ, и полы моего мундира.

– Хватит выпендриваться, – не вытерпел Зербраг, с раздражением цыкнув на Поллукса. – И этот талант ты зарыл. Сильнейшее проявление дара! Ты мог столько сделать для Армии!

– Да-да-да, – отмахнулся Поллукс. – Ох, силы Белзирака. Даже не думал, что так скучал по ним!

Стражник обмяк, как будто кукловод оборвал нити. Я искренне надеялся, что он не умер, а Опаленный просто сжалился.

Поллукс отряхнул руки, точно выполнил грязную работу, и оживленно сказал Зербрагу:

– Твоих болванок все равно не жалко. Заведешь новых. К слову! У них очень паршивое духовное сопротивление. Я этого сломал как ветку, наведи порядок в своих рядах. Бесплатный совет, пользуйся, пока я щедр.

Зербраг пренебрежительно отвернулся от него. Тогда же оставшаяся стража вновь подхватила меня и бросила к его ногам. И без того саднящее тело взвыло. Я не знал, что смогу сделать в таком плачевном состоянии. Один против толпы звезд. Такие себе перспективы.

Выдирать кляп они не собирались, потому мне осталось только зло взирать на Зербрага, лежа на полу, пока тот медленно обходил меня

по кругу.

– Приземленные – отсталая и не заслуживающая ни малейшего внимания раса. То, что ты являешься протектором, не делает тебя лучше. Наоборот, я считаю это грязью и расточительством: столь низменные существа, практически животные, недоэквивилбрумы, пользуются нашей силой. – Он фыркнул. – Потому ты должен понимать, какую честь я оказываю, просто разговаривая с тобой.

Не будь мой рот заткнут веревкой, я бы огрызнулся не хуже Стефа.

– У тебя есть шанс сделать хоть что-то по-настоящему полезное для Армии Света за всю твою никчемную жизнь.

Он резко замер.

– Ты расскажешь мне обо всем, что запомнил, пока делил с Антаресом душу.

Наконец-то мне позволили говорить, и прежде всего я выпалил:

– Катись в Обливион.

Зербраг не подавал никаких знаков. Сеть исчезла, а стража отточенными движениями пригвоздила меня к полу, растянув будто на дыбе, хотя я пытался вырваться изо всех сил. В конце концов они приставили к моей шее острое светящегося копья, при этом с силой удерживая за голени и запястья. Правая рука хрустнула на грани перелома.

Пока я шипел и сыпал проклятиями, Зербраг сказал:

– Я не люблю повторять дважды.

Один из бугаев наступил на мою левую руку и надавил на пальцы. Хруст. Я заорал от боли.

– И конечностей у тебя все еще много, – заметил паладин. – Не трать мое время. У вас с Антаресом выработалась такая какая-то духовная связь, что ты готов пострадать за него? Или настолько верен Верховному? Похвально, но никакого отношения к приземленным не имеет. Вас это не касается.

– Что тебе надо? – сквозь зубы прохрипел я.

– Все, что ты видел в разуме Антареса. О чем он думал и что его тревожило. Абсолютно каждая мысль, которая твоему скудному сознанию могла показаться незначительной. Ты каким-то образом выдержал в себе душу звезды. И, возможно, станешь моим ключом к его уязвимости.

– Хочешь сам занять место Верховного?! Властолюбивая дрянь!

Еще один палец хрустнул, раздался звук как от лопнувшего фрукта. Кровь потекла по полу. Я снова заорал.

– Мне не нужно, чтобы какая-то пыль меня судила. Твое дело – рассказать мне все, что ты узнал от Антареса.

Острие копья вонзилось в плечо. Я изогнулся и в этот раз уже истошно завопил. Все пульсировало, на глазах проступили слезы.

Хватит, хватит, – барабанило в голове.

– Я ничего не знаю!

Лезвие начало медленно поворачиваться, углубляясь и вырывая последние внятные мысли из головы. Пропитанная кровью одежда прилипла к коже.

– Хватит! – во всю глотку кричал я. – Правда! Не знаю! Он держал грань!

– Справедливости ради стоит отметить, что Антарес – из генума Анимера, – встрял Поллукс, который до этого стоял где-то позади.

– Я знаю об этом лучше тебя. – Зербраг холодно прищурился.

– Он видит души, знает их строение. Ему ничего не стоило отделить свой разум от слабого разума приземленного. Они же так до конца и не слились, верно?

– Мне не нужны советы Чернолюба.

Я провалился к себе в душу, лишь бы не чувствовать реальности, не видеть ее и не воспринимать. Все отражения в зеркалах исказились, словно в помехах. Я долго там сидел, забившись в угол, дрожа, зажав уши и зажмурившись, затравленно вдыхая ледяной воздух. По ощущениям, прошли часы. Мне впервые было страшно возвращаться назад. Но мир, в котором прошло не больше полуминуты, вырвал меня наружу.

Когда на руке было сломано уже четыре пальца, я был готов задохнуться от крика. Тело неистово горело. Окружение ускользало. Мне хотелось то ли заплакать от боли, то ли умереть прямо там.

– Вы тратите время, луц, – поделился своими мыслями Габиум. – Грань наверняка была. Тогда малой совершенно точно не помнит никакой лишней информации о Верховном. Но воспоминания Верховного по-прежнему могут быть частью его души. Смекаете?

Внезапно лезвие замерло. Зербраг хмуро повернулся к Габиуму.

– Осело внутри вне его ведома?

– Игнорируемые чужие воспоминания. Он же приземленный. Даже свою память отследить не может. Прекращайте попусту пытаться его, луц, лучше исследуйте все напрямую.

К моему частичному облегчению, Зербраг после непродолжительных раздумий кивнул.

– Да будет так. Хотя этот способ грязнее пыток. Не хотел до него доводить. Манипуляция запрещенная.

– Вы что, не хотите возвращать малого обратно?

– Об этом речи не шло при сделке. Он всего лишь приземленный.

– Жаль.

Страж подал Зербрагу пустую стеклянную сферу. Я уставился на нее с содроганием, вспоминая, как когда-то точно так же ко мне подбирался Грей.

– Оболочка в этом деле лишняя, – произнес Зербраг, подходя. – Слишком много возни.

– Не надо, – выдохнул я в ужасе.

Зербраг решительно вскинул руку, в той загорелся манипуляционный круг: большой и сложный, он ширился с каждым тихо произнесенным словом.

Меня потрянуло, легкие будто не могли раскрыться и яростно горели, пока в груди тупым ножом ковыряли невидимую дыру. Оттуда забрезжил слабый свет.

– Странный цвет, – услышал я слова Поллукса сквозь шум в ушах. – У приземленных же фиолетовый, а не голубой. Аномалия после Антареса?

Душу вытягивали по крупицам. Жар в груди нарастал, становился все сильнее с каждым ударом сердца.

– Нет... – продолжал я, как в помешательстве.

В глазах потемнело. Я снова упал в душу. Теперь боль ощущалась даже здесь, она просочилась внутрь вместе с оглушительным треском. Я только и мог наблюдать, как покрывались трещинами зеркала. Из них брызнула серебряная кровь.

– *Нет!*

Огня внутри стало слишком много, он не нашел себе места и ударной волной выплеснулся через край. Голубой свет озарил комнату с такой яркостью, что превратил дневное сияние в ночь. Вместе с этим раздались вопли боли от стражей.

В воздухе, среди голубого светозарного огня, кружились осколки стекла цвета индиго. Похоже на квинтэссенцию Паскаля, только у него были мелкие плоские куски, а здесь – многогранные, крупные и вытянутые. Они медленно вращались, отражая меня в каждой из своих зеркальных поверхностей.

Это... – пронеслось в мутной, гудящей голове, – *я?..*

Как только все улеглось, раздался ляг.

– Это же светозарный огонь, – выдохнул Поллукс.

Меня как тряпку рванули вверх, держа за воротник. Я не сопротивлялся, даже не думал об этом. И напоролся на дикое лицо Зербрага, глядящего на меня в исступлении. На скуле кровоточила ссадина, моя квинтэссенция его задела. Он притянул меня как можно ближе, схватил за подвеску, вывалившуюся из-под ворота, дернул со всей силы. Нить с треском порвалась.

И все вокруг прозрели.

Его глаза ширились. Глодали каждый сантиметр моего облика, а я затравленно сжался.

Сириус боялся, что про меня и Антареса узнают не те души. И они узнали. Без лишних слов. Все было и так очевиднее некуда.

– Мерзость... – в отвращении выдавил Зербраг сквозь сжатые зубы.

Паладин жадно изучал меня, явно пытаюсь найти больше различий между мной и Антаресом, когда гробовую тишину нарушил свист Габиума:

– Он настолько слился со звездным Светом? Протекторы на такое способны?

– Нет, все намного проще, – процедил Зербраг. – И понятнее. Посмотри на него. Это выродок Антареса. Его кровь.

Слова эхом кружились у меня в голове, я застыл в потрясении.

Они признали это.

Я грохнулся на пол и охнул от боли. Плечо и руку нестерпимо жгло, тело не слушалось. Теперь мне не нужны были стражи. Я бы и так никуда не делся.

– Это его... ребенок? – Поллукс в изумлении приблизился ко мне.

Зербраг пренебрежительно бросил ему под ноги подвеску. Та жалко цокнула об расцарапанный квинтэссенцией пол.

– Он скрывал свою суть с помощью амулета. Так похожи, подумать только. Просто отвратительно. Антарес уподобился животным, раз породил подобное. Вот до чего доводят гнилые низменные позывы продолжать геном. Полузвезда-полуприземленный. Жалкое, тошное зрелище.

Я попытался отвернуться, но Зербраг сапогом надавил мне на щеку, заставляя смотреть на него.

– Неполноценный урод, – с презрением сплюнул он, кривя тонкие губы. – Наверное, был оставлен на Терре, чтобы никто его не нашел и не использовал против Антареса.

– С приземленным, кто бы мог подумать, – с интересом отметил Габиум.

– Уж лучше бы с темным. – Зербраг поморщился. – Но упасть так низко...

– Закрой свой сраный рот, – едва слышно прошипел я.

– Он еще пытается дерзить. – Обернувшись к Поллуксу, он заявил: – Могу сказать, что наша сделка оказалась более удачной, чем я ожидал.

– Да, такого никто не ожидал.

– Осталось лишь верно расставить фигуры.

Двери шумно отворились. Я услышал громкие шаги, но головы так и не смог повернуть. Паладин негодуя уставился на вход.

– Зербраг!

Балкон сотрясся от гневного возгласа. Такой знакомый тон...

– Отойди от протектора. Сейчас же!

– Альдебаран, – сухо поприветствовал тот, сложив руки за спиной. – Не ждал тебя.

– Отойди, – угрожающе повторил он. – Пятьсот третий закон дробь пять Священного кодекса Армии Всепроникающего Света: похищение люмен-протекторов с родной планеты, а также их убийство карается! И ты сейчас в шаге от того, чтобы нарушить оба эти пункта.

– Протектор? Он не такой уж и простой протектор, Альдебаран! Я говорил тебе, что Антарес не заслуживает твоего доверия. Ты даже не знаешь...

На это префект раскатисто и с жаром ответил:

– Мне известно достаточно. Еще раз тронешь приземленного – и, клянусь, Антарес узнает об этом незамедлительно. И он найдет тебя.

– Хотел бы я посмотреть, что он тогда сделает, – сухо отозвался Зербраг. – Так выходит, ты знаешь, кто этот выродок?

– Это не выродок.

– Как эту мерзость ни называй, сути не меняет. – Он покорно отступил. – Пусть так. Я узнал даже больше, чем хотел.

Глава XXIX

Поглощенное солнце

Реальность никак не могла собраться в единое целое. Я даже не понимал толком, где находился, пришел ли в себя. Словно лежал на поверхности воды, пока речное течение уносило в темноту.

– Луц, это конец! – в панике причитал Сириус. – Он узнал о нем, что нам теперь делать?!

Соларум?

Нет. Меня вынесли куда-то. В лицо ударил свежий воздух, полный какой-то цветочной сладости.

С трудом разлепив веки, я увидел все тот же пустой полис, светлый и великолепный. Город-призрак. Альдебаран уносил меня на руках подальше от балкона. Он даже не замечал, что запачкался в моей серебряной крови.

Мы оказались на широкой каменной лестнице, ведущей к площади.

– Пока что нужно доставить Максимуса на Терру, – напряженно ответил Альдебаран. – Как он здесь оказался? Ты знал?

– Нет. Я уже говорил вам, что потерял его из поля зрения в связи с обострившейся проблемой Зеленого моря и...

Альдебаран остановился и сердито повернулся к нему. От толчка из-за резкой остановки раны засадили с новой силой.

– В Обливион Мор! – рявкнул префект. – Сын Антареса – вот какой была твоя главная задача! Он намного важнее Мора! А ты отдал его в руки Зербрагу. Позволил ему похитить Максимуса прямо из-под твоего носа! Ты разочаровал меня, Сириус.

– Простите, луц. Мне нет оправдания.

– Верно, нет.

– Он не похищал... – выдавил я.

– Что? – не расслышал Альдебаран.

– Не... похищал... Я сам...

– Эй вы!

Поллукс спешил к нам. Габиум чуть отставал, но не торопился: ему просто было интересно, чем все закончится. Завидев брата,

Альдебаран осторожно посадил меня на лестницу. Я привалился на ступени и смог даже держать голову, глядя на происходящее.

– Вот это вы быстрые! – выдохнул Поллукс. – А я...

В руке Альдебарана вспыхнул тяжелый двуручный меч. Он в злобе замахнулся и со всей дури обрушил его на Поллукса.

Громкий лязг прокатился по местности. Опаленный чудом отразил удар, скрестив над головой возникшие мгновенно парные клинки – широкие, с крючком на острие. Помимо синих трещин на них имелись другие, огненно-оранжевые, как лава. Клинки скреплялись между собой длинной и тонкой цепью из Света.

– Убить меня вздумал?!

– Ты бы отправился в сомниум, чтоб тебя. Подобные тебе никогда не умирают до конца. – Альдебаран ощерился. – Кровное оружие... Он снял гало-пленение?

– Полностью, – с натугой прохрипел Поллукс. – Я теперь снова вольный.

Он стремительно извернулся и, зажав лезвие меча между клинками, ухитрился вырвать его крюками и отбросить подальше. Альдебаран же, воспользовавшись секундой торжества брата, просто зарядил тому в лицо кулаком.

Поллукс громко выругался, согнувшись и зажимая нос руками. Его клинки испарились, а Альдебаран выпрямился.

– Ты за этим продал Максимуса? Как ты мог...

– Как я мог?! – возмущенно воскликнул Поллукс. – Как я мог?! И это спрашиваешь ты?! Я не мог поступить иначе!

– Ты...

– А теперь заткнись и послушай, ячейка системы! Если бы не твои жалкие попытки угодить Зербрагу, нас бы здесь и не было! Я не мог самостоятельно снять гало-пленение полностью, не мог вернуть ни спектр, ни сопряжение!

Он с такой злобой выплюнул это Альдебарану в лицо, что тот оторопел. Поллукс сердито утер кровь.

– Я должен был снять с себя эту дрянь. – Он помрачнел, взглянул на префекта с вскивающим гневом и тихо угрожающе пророкотал: – Я весь мир бы спалил ради этого.

– Луц, незачем так сердиться, – вальяжно обратился к Альдебарану Габиум. – С малым все в порядке. Да, Зербраг неожиданно оказался

старомоден и предпочел старые добрые грязные пытки вместо цивилизованных уговоров и устрашения зеркальной темницей. Но мы и не думали позволить Паладину забрать его с собой. Для этого и отправили вам сообщение заранее. Вы поспешили, спасли его. Все сработало как надо.

– Как надо? – Альдебаран взорвался. – Как надо?! Габиум, ты понимаешь, *что* вы, тартские ублюдки, натворили?!

– Справедливости ради, кое-что пошло не по плану. Но кто же мог предугадать?

– Вы подставили Антареса! Подставили всех нас! И ради чего?! – Он гневно обернулся к Поллукусу. – Ради поиска ушедшего прошлого?

– Надо было заткнуться и ничего не говорить тогда Бетельгейзе, – бросил Поллукс. – И позволить тебе сдохнуть.

Альдебаран отошел в сторону, видно, чтоб вновь не распускать руки. Поллукс же нервно тряхнул головой.

– Если тебе интересно, эта планета совсем скоро...

– Это хотя бы поможет тебе найти их?

Поллукс неоднозначно дернул плечом.

– Да. Теперь я что-то чувствую. Буду опираться на это. Жизнь по ту сторону есть, и это главное.

– Хотя бы что-то хорошее, Обливион вас поглотит. Вы хоть знаете, как долго я сюда добирался?

– И не особо торопился, – проворчал Поллукс.

– Три свегиды, луцы, – сообщил Габиум, глядя на часы.

Поллукс кивнул и впервые за все это время перевел на меня взгляд – тяжелый и усталый. Когда он присел рядом, я попытался отдернуться.

– Да тихо ты, – шикнул Поллукс и взял меня пальцами за подбородок, оглядывая лицо со всех сторон.

В его душе было все так же жарко от лавы, шумели и скрипели сломанные механизмы в расщелине. И пение стальной птицы над головой. С ее сломанной клетки, Центра души, исчез кубический узор. Перед глазами мелькали образы, которые Поллукс вытаскивал из недр памяти. Молодой эквилибрум с печальным взглядом. Его силуэты заполонили все вокруг. Казалось, что это был я, только полностью звезда голубого спектра, даже возраст совпадал. Но нет, это был Антарес. Затем Поллукс стал вспоминать другие его ипостаси: тонкого высокого мальчишку, обиженно сжимавшего кулаки; побитого жизнью

новобранца, коротко стриженного, с одним глазом и изуродованным в боях лицом. Я увидел все последующие спектры, рост и восхождение Антареса на алтарь сильнейших.

В каждом из его лиц Поллукс находил отражение моего.

– *Ты совершил ошибку*, – раздался голос Антареса из некоего воспоминания. – *Я никогда не пойму этого, оно вне нашей природы. Но не мне тебя судить...*

Звезда убрал руку и как-то одобрительно усмехнулся.

– Так все-таки понял... – Тут он толкнул меня в здоровое плечо, на что я стиснул зубы от боли. – Да ладно тебе, все хорошо закончилось. Ты отлично себя проявил! Орал как следует.

– Порву... – зло просипел я.

– О, с интересом бы на это взглянул. – Поллукс отвернулся к городу. – Шкет, не перестаешь удивлять. Мог бы и сразу рассказать, я бы понял и принял!

– Довериться преступнику?! – Сириус едва не задохнулся от негодования. До этого он держался в стороне, а тут решил выступить. – Ты своими действиями все разрушил!

– Расслабься, пушинка, еще ничего не случилось. Зербраг не пойдет сразу выполнять свой злодейский план, потому что его и нет. Пока. Но я подумаю над проблемой, обещаю.

– Луц, две свегиды, – лениво напомнил Габиум.

– В конце концов, Антарес и мне не чужой.

– Мы обсудим все это, когда выберемся отсюда, – бросил Альдебаран. – Вы создали гигантскую кучу проблем...

– Ага, с тебя размером, – отмахнулся Поллукс.

Он снова перевел внимание на меня, а конкретно – на раны.

– М-да, потрепали тебя. И рука мерзко опухла.

Я не пытался на нее даже смотреть. Один сплошной кусок боли. Я отрешенно скосил глаза на кровь, продолжающую серебром капать на мрамор. Она так блестела в солнечных лучах...

Габиум взял мою больную руку и осторожно, пока я хрипел и ругался, замотал в свой красный платок.

– На. Донеси до комет в целости.

– Ничего мне от тебя не надо, – огрызнулся я.

В ответ он непринужденно пожал плечами, мол, ну и ладно.

Подул прохладный ветер. Поллукс в то же время вытянул из кармана мою звезду-подвеску и связал порванные концы веревки.

– Ладно, мелкий Антарес, – хмыкнул он, надевая на меня защиту, – решим все.

– Одна свегида.

– Что вы всё считаете? – не вытерпел Альдебаран.

Поллукс вмиг поднялся и глянул на солнце.

– А! Это. Ты не изучил особенности планеты, когда несся сюда?

– Времени, знаешь, не было.

– Ну так она на краю войдового разрыва.

Альдебаран замер.

– Что?

– Да, а ты думал, почему Зербраг выбрал эту планету? Ей конец. Никто бы в здравом уме сюда не сунулся и не застал бы его за грязными делами.

Впечатление это произвело даже на меня. Я, едва дыша, глядел снизу вверх на Поллукса, а затем, заметив что-то темное в небе, повернулся к местному светилу вместе с остальными.

И ужаснулся.

– Какая... какая задержка света отсюда до звезды? – выдохнул Альдебаран.

– Четыре свегиды, луц, – сказал Габиум. – Войд уже закончил.

Войд...

Землю тряхнуло. Так сильно, что с крыш посыпались каменные блоки. Но я не слышал ни треска, ни грома, полностью поглощенный небом.

В отблеске горячей звезды появилось нечто длинное и струящееся, словно змея. Чертовски, невыразимо огромная. С такого расстояния разглядеть как следует было невозможно, но она стремительно опоясывала здешнее солнце, кружилась вокруг него, загораживая свет.

Светлые Звезды, этот колосс был больше солнца... больше звезды...

Я не мог в это поверить, не мог постичь. Оно было там, в космосе? Среди небесных сфер? Что может быть выше и сильнее них?

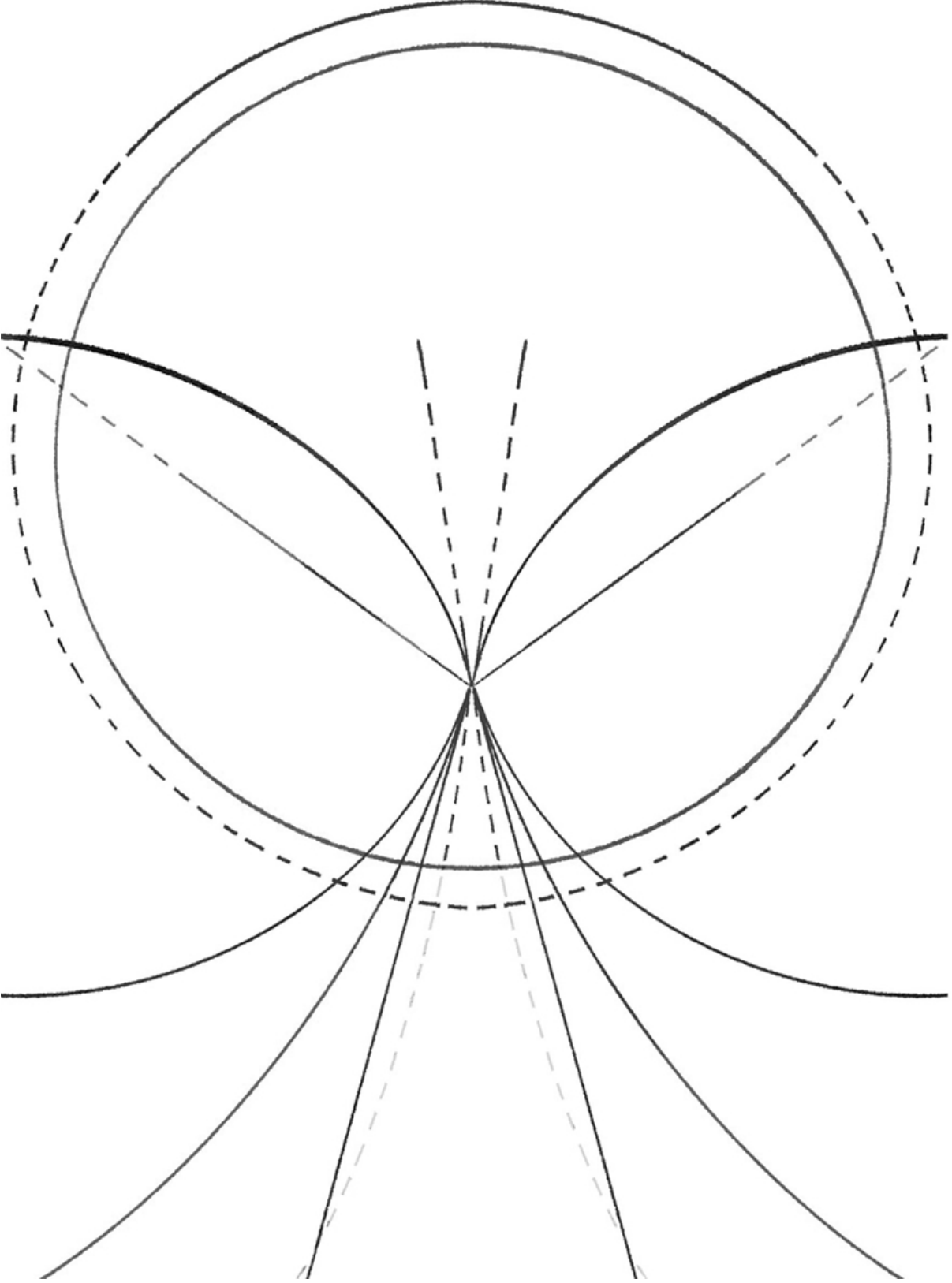
Такого не могло существовать! Это невозможно!

Земля дрожала все сильнее.

– Уходим! – воскликнул Альдебаран. – Живо!

Он снова подхватил меня, на этот раз без всякой осторожности. Пока префект спешил к транзитным кругам, я тарашился в небо. Наблюдал, как под грохот гибнущей планеты небеса разломались и наполнились звездами, как в предсмертном вопле билась сама материя, как монструозный исполин распахнул пасть и обрушился на светило, проглотив то целиком.

И мир погас.



Часть III

И бездна посмотрит в ответ

Глава XXX

Мы разделим память и мечты

Юферия застала Зербрага в рабочем кабинете предоставленного ему дома. Он услышал, как отъехала дверь, но даже не повернулся, оставшись сидеть на кушетке, позволив себе слегка сторбиться впервые за долгое время. Света было мало, он едва тянулся от мигающей огнем лампы. И воздух – тяжелый, как дно замерзших океанов.

Зербраг листал скрижаль. Способ хранить информацию, такой же древний, как и времена, когда Армия еще была Империей до пятой эры Грома и Войны. Куча пластин из тончайшего металла. Их кольцами скрепляли в один том, заполняли мифами и знаниями. Паладин осторожно проводил длинными пальцами по впадинам букв, словно боясь им навредить. Историй сохранилось лишь восемнадцать, остальные кто-то отколол.

– Вы всегда достаете «Сказания о взрывах и пыли», когда тревожитесь, – заметила Юферия. – За последний эллер уже одиннадцатый раз. Из тех, что я видела. Но все равно намного чаще, чем обычно.

– Я даже не заметил. – Зербраг вздохнул. – Коллеги Кетеса смеялись над ним за выбор материалов, – спокойно произнес он, перелистывая пластину. – «Искатель сказок», так они его называли. Прочие разведчики в поисках древнего наследия опирались на очерки давно покойных исследователей, Верховных, легатов, прочих странников и военных. А Кетес собирал легенды и сказки, дошедшие до наших времен. Это был один из его любимых томов.

Страницы позвякивали, это успокаивало Зербрага. Звук казался родным, он постоянно его слышал, когда работал в столичном Архиве разведчиков, хранившем множество подобных артефактов.

– В этих сказках правда что-то скрывалось.

– Он вам не сказал что?

– Говорил, конечно же. Но моя память неверна уже давно.

Юферия присела прямо за ним, спина к спине.

– Луц, вы всегда можете полагаться на мою память.

– Да. И за это я тебе благодарен. Но жаль, что твоя душа еще не прибыла в этот мир в те времена. Я бы хотел помнить о Кетесе больше.

Юферия вспорола повисшую тишину вопросом:

– Вы верите, что он еще жив?

– Эфирное сердце в небесном теле давно мертво.

– То, куда он мог направиться, те места – они вполне способны исказить душу.

– Пока я сам не увижу наследие, которое Кетес искал, не поверю. – Зербраг напрягся. – Я перенял его цели и мечту, как Имперум наследует место другого Имперума. Я дал обещание.

«Мы возвысим Свет, – говорил вечно вдохновленный Кетес глубоко в памяти Зербрага. – Мы пойдем, кто мы и откуда. Найдем нашу родину во что бы то ни стало! Зербраг, ты поможешь мне?»

Зербраг был совсем молод в те времена. И был так поражен запалом мастера. Это казалось ему величайшей целью. Чем-то намного важнее, чем война, чем жизнь каждого вокруг. Кетес был в этом уверен и убедил в том Зербрага. Его устремленности и вере оказалось трудно сопротивляться. Легенды о Маяках, о первородной Мысли, о колоссах, что предшествовали эквилибрамам и бродили по первозданному космосу в нулевую эру. Легенды об Аларонеме.

Глаза Кетеса всегда сияли. Это был блеск запала и искренней преданности своей цели. Зербраг всеми силами хотел помочь мастеру и разделить мечту, потому и вступил в армию, и это Кетеса не обрадовало. Он страшно разозлился, ведь отвергал все военное, ненавидел жестокость в любом проявлении. А Зербраг понимал, что сможет помочь с поисками наследия, если возвысится, займет высокий пост. Подавляющее количество правящих мест в Свете принадлежали военным. Это не предпочтение кого-то сверху, а лишь простой факт: души правда обнажались в войне, испытывали самые сильные эмоции на грани предела и становились мощнее. В награду за подвиги отличившимся солдатам даровался отрезок люминарной нити, и анимусы вшивали ее в душу, выводя сложные, филигранные узоры. Она позволяла расширить возможности и силы. Зербраг хотел добиться всего этого ради мечты Кетеса. Он пошел на все это только ради него одного. Но Кетес остался при своем, был зол, потому, возможно, и не сказал Зербрагу, куда отправляется в поход с целью найти первый Маяк, откуда он так и не вернулся.

С тех пор минуло две эры. Душа Зербрага была расшита люминарными нитями вдоль и поперек, каждый стежок придавал сил и не позволял осколкам отслоиться друг от друга под давлением чудовищного количества воспоминаний и эфира. Он добился своего и теперь мог заниматься поисками сколько пожелает, и никто не мог его остановить. И порой Зербраг жалел об этом. Кто знает, если бы он не вступил тогда в армию, Кетес бы взял его с собой, как и собирался. И все могло сложиться иначе.

– Мне кажется, что я предаю его мечту, – сказал Зербраг, закрывая том. – Я был так близок в прошлый раз, мы нашли дорогу.

– Не ваша вина в неожиданной смерти Отганы Устремленной. Но вы сделали свой выбор. Решили вернуться.

– Да, сделал. Тогда это было важнее.

Юферия трепетно постукивала пальцами по кушетке.

– Луц, я никогда не спрашивала, но ваше предложение о резкой смене вектора на порабощение темных. Оно ведь родилось не из обычной веры в превосходство Света над Тьмой, так?

– Допустим.

– Вы думаете, что такое положение вещей облегчит поиски древнего наследия.

Зербраг уважал Юферию за честность. И позволял ей единственной быть настолько честной в его жизни.

– Ты сама все понимаешь. Мы не сможем просто заключить с ними мир, это невозможно. Не спустя столько эр безостановочной войны. Темные – озверевшие существа, они не пойдут навстречу. Единственный шанс усмирить их – вернуть в то самое состояние, в котором они были полезнее всего Свету. Под его гнет. И тогда не останется границ. Мы не будем отвлекаться на лишнее.

– Половина Вселенной подконтрольна Тьме, мы не можем вести поиски на их территориях.

– Мы должны возвысить Свет. Чего бы это ни стоило. – Зербраг резко нахмурился. – Нужно лишь разобраться с Антаресом.

– Это становится все сложнее.

– После того как я узнал о его выроде, все стало несколько проще.

Лишь упомянув этого уroda, Зербраг испытал отвращение каждой клеткой тела. И именно святейший Антарес Непогасимый породил

что-то настолько мерзкое.

– Шантаж не пройдет, – вдумчиво продолжал он. – Антарес непостижимо силен. Я все еще не знаю, какие чувства он питает к своему вымеску, но, если что-то пойдет не так, он меня сотрет с лица Вселенной. Если Антарес оставил того в живых, то это уже говорит о чем-то.

– Может ли он его подлинно любить? – осторожно спросила Юферия.

Зербраг скрипнул зубами.

– Я даже не понимаю, как его можно выносить рядом с собой. Это оскорбляет саму звездную природу. Но это уже что-то. Главное – правильно разыграть.

– А вы не думали, – Юферия словно бы замялась, – что все это по вашей вине?

– Что? – удивился Паладин, сощурившись. – Я виноват в том, что Антарес так долго был рядом с животными, что уподобился им?

– Нет. Я про то, что он стал Верховным. Зербраг, это вы нашли его, когда Антарес был слаб и никому не нужен, вы пригласили его в свой легион из-за его дара.

Конечно же, он думал. Как и о многих других своих ошибках, представляя иные пути, которыми он мог пойти.

– В такие моменты проще действительно верить в фатализм и единый горизонт будущего, – мрачно ответил Зербраг. – Что сделано, то сделано. Я должен исправить свои же ошибки ради Света. Многие считают, что я ненавижу Антареса, и они правы. И дело не в том, что он обошел меня, а в том, как он это сделал.

Его родители погибли слишком рано. Антарес, как сирота с критически раннего возраста, остался хил и бесполезен. На первый взгляд. И все же в нем был мощнейший дар генума, отлично проявленный. Помимо того, Антарес был поразительно целеустремлен. Он словно не видел своей слабости, прогрызал путь зубами, прикладывал усилий втрое больше, чем все вокруг. Но Антарес все равно никогда не достиг бы каких-либо вершин, этот мир работал не так. Ему была уготована судьба незаметная и, скорее всего, короткая.

– Но он обрел силы, неподвластные никому другому, – добавила Юферия.

– Если бы не ты, я бы тоже был обманут, как и остальные.

Зербраг сердито стиснул челюсти. Все были уверены, что Антареса наградили за героические деяния в битве и люминарная нить пробудила в его душе истинную мощь. Но ни одна нить не способна на такую вспышку силы. И даже целая их сотня не смогла бы так расширить и удержать душу от Коллапса. При таком немыслимом количестве эфира ее давно должно было разорвать, свести Антареса с ума или подвести к Коллапсу. Это неправильно.

Это страшно.

Ужас. Вот что испытал Зербраг, когда увидел Антареса однажды в бою. Такое не должно было существовать, Вселенная не могла допустить подобных сил. Противоестественно и разрушительно, оно шло во вред самому Свету.

Свет хранил легенды о чудесах, Верховных, горящих как никогда ярко в темнейшие из времен. Каждого из них почитали за мощь и подвиги, невероятную силу духа. Они вершили историю. Возвышали Свет. Но каждый раз расплата для Армии, упоенной торжеством побед, оказывалась страшна, и предотвратить катастрофу не выходило ни разу.

Улеглись легенды о Тарт Расколотой, сильнейшей из Верховных до Антареса, потерявшей рассудок и губившей собственный народ. Редко вспоминали и о прочих. Сейчас сиял Антарес Непогасимый.

И Зербраг, давно поняв, что Антарес – действительно то самое чудо Всепроникающего Света, поклялся, что истратит весь эфир, всю душу, но не позволит ему в самый кошмарный из моментов утянуть за собой и Армию.

– Вы вернулись из похода, – сообщила Юферия. Очередная вещь, которую Зербраг не помнил сам. – Короткого, с малой системы в предельной префектуре Баустральт. Ничего обнаружено не было.

– Скорее всего, Антарес что-то нашел. – Он вздохнул. – Алеа ат Рух на одном из наших сеансов предупреждала меня. О том, что ждет всех нас, если он возвысится над всеми. А я не понял, о ком речь. Каков глупец. Я мог пресечь все на корню, а теперь борюсь не зная с чем в ожидании конца.

– Мы разберемся с этим, луц. Однажды. Мы все узнаем и спасем Свет. Чего бы то ни стоило.

Зербраг лишь кивнул и вновь уставился на обложку тома. Его украшала изящная гравюра раскрытых ладоней. За ней крылись сказки и легенды древнейших времен, которые кто-то слагал, чтобы увековечить великие события, места и деяния. Зербраг блуждал в них целыми эпохами, терялся в войне, как в тумане, но твердой поступью шел вперед, к своей цели. И каждый новый шаг ощущался все тяжелее.

– Юферия, – устало выронил Зербраг, – расскажи мне историю.

– Я знаю десять тысяч семьсот восемь, – с готовностью ответила она. – Про восьмиглавого монструма, охранявшего эфирное сердце планетара, про Страумира ат Хелесис, который вышел из своего тела и заблудился по ту сторону жизни...

– Расскажи о Мысли, – попросил Паладин.

– Хорошо! – Голос ее звучал тихо и, как всегда, прелестно. – Это древняя легенда, пришедшая к нам из времен, когда Вселенная была совсем юна и еще помнила гром последнего взрыва. Она гласит, что Вселенная родилась из Мысли...

Глава XXXI

Собирая осколки

Стефан пересекся с Ханной на лестнице атриума. Она была в форме, потому он спросил:

– Ты тоже собралась на эту встречу тысячелетия?

– Коул попросил, – кивнула она. – Он совсем нездоров. Нужен кто-то, кто присмотрит, раз уж Ада сейчас вне доступа. Кстати, тебя он там тоже хочет видеть. Следует переодеться. Ладья отходит через пару часов.

Стеф приуныл. Перспектива полета на заоблачном корыте его не прельщала. Для полета к Центруму Земли было отобрано не больше десяти человек, но каждый из них наверняка бы долго и беспощадно капал на мозги, если бы он опоздал. С такой перспективой очень уж хотелось пропустить рейс...

– Как там Сара? – спросил он, как только Ханна заторопилась вниз.

Стеф почти с ней не общался, лишь слышал разговоры среди протекторов и адъютов, что Сара чувствовала себя хорошо. При встрече с ним она, к огромному изумлению Стефана, даже слегка улыбнулась. Он до сих пор надеялся, что ему показалось, – для нее это выглядело скорее тревожным симптомом. И все же его наконец отпустило. Сара выжила, это главное.

– Выписали из Лазарета. Не вижу поводов беспокоиться за нее. Сара сильная. Но будем наблюдать и дальше.

Стефан задумчиво кивнул и уже стал подниматься, но тут его окликнули:

– Ты не проводывал Максимуса? Он не выходит из комнаты уже четвертые сутки.

– Что? Он вернулся? – удивился Водолей.

– А ты не слышал? Его привел Сириус. Не знаю, что с ним случилось, но Стрелец был не в себе. И раньше времени ушел из палаты.

Стеф поспешил к седьмой башне, а добравшись до нужной двери, постучал. Никакого звука. Он выждал пару секунд и, чертыхнувшись

на себя, повернул ручку.

– Эй, звезданутый, – окликнул он, осторожно заглядывая в комнату.

Раздражающая аккуратность, словно комната прилежного студента с фотографий университетских буклетов. У Стефа всегда руки чесались смять листок и швырнуть его Макс на стол или пол ради равновесия Вселенной.

Он медленно прошел вперед, оглядываясь, но Стрельца нигде не увидел. Дверь балкона приоткрыта, и штора надувалась от ветра. Просунув голову наружу, Стеф наконец нашел, что искал.

Макс даже не сидел на стуле или перилах, а забился в самый угол, обхватив колени руками. Голова тоскливо привалена к каменным столбикам. Он был без подвески, пестрел голубыми прядями. Стефу от вида Стрельца стало не по себе, он так и застыл в проходе. В оцепенении оглядел белую кожу товарища, покрытую ссадинами. Левая рука щедро забинтована, включая каждый палец. Они тряслись, как от боли.

«Кости срациваются», – сразу догадался Стеф. Процедура быстрая, но неприятная.

– Ты где был? – спросил Стеф, привлекая внимание. Не дождавшись ответа, он добавил: – Блин, ты в курсе, что тебя не было почти месяц? Уже начало августа. Мы тебя уже искать хотели, пока не...

Макс медленно обернулся, и Водолей уже пожалел о том, что пришел. От взгляда серебряных и полностью убитых глаз у него пробежали мурашки.

– Далеко был, – глухо просипел Макс.

Этот взор был Стефу отлично знаком: случилось какое-то несусветное, недетское дерьмо.

– Расскажешь? – спросил он, усевшись рядом. – Мне не очень интересно. Но выглядишь ты гаже некуда, так что валяй.

Макс молчал, уткнувшись ртом в сгиб локтя. Стеф вздохнул, решив закурить.

– Они теперь знают, кто я.

Стефан замер с сигаретой в зубах. Он мигом все понял.

И правда, дерьмо-то вселенских масштабов.

Поколебавшись, Стеф сунул Максу красно-белую пачку. Тот задержал на ней пустой взор, а затем вытянул сигарету. Даже здоровая рука у Макса дрожала, он чуть не рассыпал все курево по полу. Водолей ожидал, что Стрелец после первой затяжки начнет кашлять как чахоточный, но он как ни в чем не бывало свободно выдохнул дым на глазах удивленного Стефана.

– Ты че, смолил тут, пока мы не видели?

– Это, наверное, звездная природа, – произнес Макс. – Ничего не чувствую.

– Ах да, они же курят другую дрянь, ядреную как цианид. Опять твоя половинчатость сыграла.

– Уродство...

Максимус снова сник. Стеф вопросительно покосился на него, прикуривая.

– Так ты расскажешь, что произошло?

Стрелец затаился. А после наконец заговорил. Вяло и неохотно. Сначала про подручного Поллукса, потом про какой-то культ Смерти, о котором Стеф краем уха слышал, но никогда не интересовался. Дойдя до Параорбиса, Макс замолчал, а Водолей усиленно пытался переварить все услышанное.

– Хорошо, душа Грея там появляется. Теперь мы знаем о его состоянии больше, – хмыкнул он, а затем помедлил. – Молодец, что вернул Сару. Это довольно смело.

Но это было не все. Дальше была Смерть. Или некое ее проявление. На этом рассказе Стефан вытаращился на Макса.

– Как мы вообще можем сталкиваться с таким? – в отчаянии прошептал Стрелец. – Мы. Люди. Это невозможно, мы не заслужили.

– Если Вселенная лично считает нас самыми недостойными, то пусть сама так в лицо и скажет.

– Ты хоть веришь во все это?

Стефу очень не хотелось.

– Звучит слишком уж грандиозно, но я уже давно усвоил, что в этом чертовом мире возможно вообще все.

Теперь ему оказалось понятнее состояние Максимуса. Он прикоснулся к вещам, к которым его разум готов не был. Стефу стало его жаль. Макс был еще в самом начале пути протекторства, моложе многих, еще толком не окреп, а уже был вынужден встречаться с

такими вещами нос к носу. С содроганием Стефан вспоминал собственный путь, все тяжкие годы познания мира Эквилибриса, которые частенько раскатывали сознание и психику в пыль, и, если бы не ментальные чистки, ослабляющие травматичные воспоминания, все было бы совсем плачевно. Макс требовалось все это пережить, каждый слом, чтобы стать сильнее.

Стефу отчаянно хотелось расспросить про смерть подробнее, но он не стал. Выходило, что Макс умер и видел что-то по ту сторону. А Стеф – никогда и ничего, потому и никогда не сомневался в отсутствии «дальнейшего пути», о котором слагали легенды все кому не лень. И пускай он того целиком и не осознал, от души у него отлегло.

А потом рассказ перешел к Поллуксу и Зербрагу. К тому моменту, когда история дошла до Альдебарана, Стефу хотелось ругаться, материть всех. Но к самому финалу он мог лишь растерянно молчать.

– Они называли это войдом... – выронил Макс. – Он сожрал звезду. Целиком. Такое огромное...

– Войд. Это же пустота, да?

– Космические пустоты, материи в них мало. Самые огромные образования во Вселенной. И это я помню еще из школьной программы. Зато угадай, чего нет в нашем Архиве? Опять. Я все больше натываюсь на куски информации, о которой нет ни малейшей записи в Соларуме.

– Ты в таком депрессивном состоянии сперва поперся в Архив?

– Послал ассиста.

Стеф поворчал, но быстро сосредоточился.

– Пустота, что разрушает звезды. Даже войды живые. Есть хоть что-то в космосе, что не проявляет волю и не пытается убивать?

– Там все живое. – Макс поморщился. – Каждый гадский камень.

Он снова сжался, уткнув лицо в колени.

– Я не могу так. Всего слишком много. А я все еще один. Зербраг обо мне узнал. Использует это против Антареса. Я уничтожил все, даже ничего не делая. Он правильно сказал, что я выродок. Просто жалкий выродок.

– Хватит себя накручивать.

– Нет, все правильно. Ты бы видел, с каким отвращением он на меня смотрел. Словно я что-то мерзкое и сгнившее. С самого

рождения. А это сказал Второй паладин, верхушка Света.

Тяжело вздохнув, Максимус отчужденно произнес:

– Антарес меня избегает и стыдится. Я вынужден проходить через все это, ломаться и терять себя просто потому, что он когда-то совершил ошибку. Не понимаю мир: сложу его одной картиной, а он все раскалывается и раскалывается, и я вместе с ним. Я устал так жить, Стеф. Без уверенности в себе и в окружении. Быть чужой ошибкой без опоры под ногами.

– Да что ж я снова всем психолог, – проворчал Стефан, откидываясь затылком к стене. – Ладно, в космосе ничего понятного нет, а заоблачники – вселенские мудаки. Но – не верю, что говорю такое, – у тебя все еще есть Земля. Тут же все понятнее, разве нет? Соларум еще не слетел с орбиты и не рухнул в океан. Есть Фри, Дан, Ханна, Коул, Ада, вся остальная раздражающая толпа протекторов. Я тоже все еще тут. Разве такого количества человек мало, чтобы хоть из каких-то осколков огромного мира сделать свой собственный? На кой черт тебе он весь? Непонятно и вообще. Зачем ты ищешь признания эквилибрумов, когда все, что нужно, есть здесь?

Но Макс в отчаянии тряс головой.

– Как это может быть возможно, если я вынужден скрываться даже от друзей?

– Так а зачем? Кого ты вообще слушаешь, Сириуса, что ли? Мы тут сами по себе.

Стрелец замер – похоже, снова провалился в транс, раздумывая над услышанным. Посидев еще немного, Стеф спросил:

– А эти войды могут быть связаны с Зеленым мором?

Максимус ответил, что этого звезды ему не объяснили. Тогда Стеф пересказал собрание с Альдебараном.

– Будут решать, стоит ли нас стирать в порошок или нет. Так-то. Знаешь, если Мор может привести к той чертовщине, которую ты описал... В общем, теперь я больше понимаю их категоричность.

Макс напряженно уставился перед собой, в привычной задумчивости.

– Войды, Зеленый мор, Обливион, Параорбис... и Грей. Почему он посреди этого? Как он вообще с этим связан?

– Вот найдем, набьем ему морду и спросим.

Стрелец встал, словно подорвался прямо сейчас идти искать психопата.

– Мне нужно... нужно... – говорил он, едва волоча ноги обратно в комнату.

– Прийти в себя нужно, звезданутый. Тебя с месяц не было, ты в курсе?

– Мне вовремя не закрепили точку горизонта.

– Это не оправдание.

Доковыляв до кровати, Макс рухнул на нее.

– Я поеду с вами, – пробубнил он, уткнувшись лицом в одеяло. – Только оденусь.

– Ну это сам решай. Упадешь – таскать не буду, оставлю валяться на заоблачном корыте, так и знай.

Макс ответил что-то нечленораздельное. На выходе Стефан задержался и спросил:

– А Сару уже проверял?

– Еще нет.

– Она нам рассказала, что ты ее каким-то образом спас. Мы поняли, что тебя искать бессмысленно, оставалось только ждать. Сара уж точно ждала. Так что проверь.

* * *

Ее не было в палате. Постель аккуратно заправлена, окно закрыто. Запечатанная во времени комната. Я стоял в дверном проеме, впитывая обстановку с настойчивым жужжанием в голове. Мне нужно было чувствовать радость. Или облегчение. План-то сработал. Он сработал, верно? Но я ничего не чувствовал. Просто воспринял факт опустевшей палаты.

Руку дергало и покалывало. Кометы заявили, что кости будут срачиваться еще пару дней. Наверное, это хорошо. Мне думалось, что в обычном случае я бы остался калекой из-за раздробленных суставов. Плечо тоже заживало, хотя из-за него левую руку было больно скидывать. В остальном же ощущалась гадкая слабость, постоянно казалось, что я двигаюсь через желе. Мне было от самого себя

противно. Какая-то развалина. Я не знал, кого корить за это больше: человеческую сторону или звездную. Поэтому ненавидел обе.

«Неполноценный урод».

Так сказал Зербраг, примерно то же говорил и Сириус.

Я бы смог защититься, будь всецело звездой. Дал бы хоть какой-то отпор, а не спонтанный и неконтролируемый взрыв светозарного огня и квинтэссенции. А будь я человеком, никогда бы не влез в эту историю. Не знал бы ни о тайнах Верховного, ни о войдах, ни о Параорбисе, ни о Черно-Белых. Я понимал все меньше, тонул в этом и так сильно презирал. И мечтал лишь о том, чтобы поставить мир на паузу. Как можно дольше. Чтобы ничего не происходило, получить передышку. Закрыть глаза и больше не быть ни протектором, ни звездой, ни человеком.

Просто собой.

Я решил вернуться в комнату и заняться поиском информации до отхода ладьи. Среди книг мне удавалось прийти в себя и успокоиться, погрузившись в работу как в длительный заплыв. Потонуть между строк. И еще нужно было сохранить память в мемориуме. Правда, я не знал, хотел ли вспоминать хоть что-то о случившемся.

Поднялся на нужный этаж, дошел до поворота и врезался в коробки. Они грохнулись на пол, и если б не были перемотаны скотчем, то и все содержимое непременно бы разлетелось. Я едва не сшиб человека с ног.

– Твою ж налево, – выдохнул я, тут же подавшись за упавшим. Вышло рефлекторно, на самом деле с переломанной рукой помочь ему встать никак бы не смог. – Прости, не заметил.

– Все хорошо.

Я замер от знакомого голоса. Сара попыталась выдать ухмылку, но вышло кисло.

– Давно не виделись.

Она была в черной потертой куртке и темных джинсах. Волосы Сара укоротила до привычной длины и снова заплела их в растрепанную косу с торчащими неровными кончиками. Все казалось как никогда знакомым – и в то же время нет.

– Я бы помог, но... – Сказав это, я виновато поднял перебинтованную руку.

– Не волнуйся, – поспешила успокоить она, собирая коробки обратно. – Когда... когда я видела тебя в последний раз, ты вроде без травмы был. Что стряслось?

– Долгая история.

– И тем не менее поговорить нам надо.

Она предложила дойти до ее комнаты, и я молча повиновался. Там Сара водрузила тяжелую ношу на кровать. Тогда же я и решился спросить:

– Света ради, ты там арматуру перетаскиваешь?

– Книги.

– Ну разумеется, как я сразу не понял, – с иронией сказал я, оглядывая массивные и забитые книжные шкафы.

Я не бывал здесь с тех самых пор, как мы вернули Антареса на небеса. Ассисты убирались в каждой жилой комнате раз в три дня, так что никакой пыли скопиться не успело. Мне и раньше казалось, что обстановка Саре не подходила. Я ждал скорее спартанской простоты, ничего лишнего, ну максимум небольшая коллекция любимого оружия. Но вместо этого тут царил уют старины и выцветшей бумаги. Все эти карты, книги, засохшая мята в вазе... понятия не имею, как Сара могла сосуществовать с подобным.

Она молча перерезала канцелярским ножом скотч.

– Ты как?

– М? – протянула протекторша, на секунду отвлекаясь на меня. – Лучше, наверное. Хотя бы уже не овощ в кровати.

Сара хмыкнула, возвращаясь к своему занятию. Я же примерз к месту, пытаюсь свыкнуться с ее явным успехом в живой речи. По сравнению с прежним общением в стиле робота прогресс был грандиозен.

– Спасибо, – внезапно сказала она, замерев. – Что вытащил. Я знаю, это было сложно. Не всякий бы пошел на такое ради меня.

– Мы все в одной лодке, – спокойно ответил я. – Ты либо плохо думаешь о протекторах, либо принижаешь себя. К тому же ты сама звала меня.

Сара чуть повернулась ко мне, нахмурившись.

– Я плохо помню, что там происходило. Все такое смутное... я звала? И как ты услышал?

– Давай оставим разгадку этого на другой раз.

В ответ она устало улыбнулась. Я же прямо спросил:

– Почему ты блокировала эмоции?

Я ощутил волнение ее души. Она совершенно не умела скрывать чувств. Настолько от них отвыкла.

– Так проще, – пожалала плечами Сара, отходя к окну.

– Ты недоговариваешь. Такое с собой ради простоты не делают.

Мой взгляд метнулся к тумбочке – там я оставил кольцо-амулет, отбирающее у души эмоции. Но его на месте не оказалось. По спине пронесся холодок.

– Ты ведь не думаешь вновь надеть кольцо?

Сара к тому времени уже села в кресло, подтянула под себя ноги и смотрела на лес.

– Может, и думаю. Тебе-то какое дело?

– Я обещал помочь тебе с этим. Поэтому мне дело есть.

Я сел напротив. Нас разделял лишь столик с засохшей мятой.

– Тот амулет. Я изучил вопрос, это опасная штука. Подобные обязаны носить большинство звезд, с которыми произошел Коллапс. Те, которых мы называем пульсарами, магнитарами и прочими. Одних направляют в Люминарные легионы, другие становятся космоинквизиторами. Звезды уже так далеко зашли в развитии, что им становится опасно собирать яркие впечатления, усиливать свою душу, осколки могут треснуть и превратить эквилибрума во всесильное чудовище. Любой всплеск эмоций влечет за собой неконтролируемый выброс Света. В битвах это полезно, но в жизни... сплошная пустота. Под конец своего существования они выбирают судьбу живого бесчувственного оружия вместо участи разрушительного монстра. Сара, на кой черт ты использовала подобное?

Она промолчала, лишь взяла с подлокотника какую-то белую бумажку. Одного из ее журавликов. Сара задумчиво подергала его за крылья, и от этого зрелища у меня побежали мурашки.

– Зачем ты решила пытаться себя таким образом? – спросил я.

– Потому что так я становлюсь сильнее, – честно ответила она. Вновь печальная усмешка. – Потому что не боюсь, не думаю о себе. А ведь именно это и нужно Свету.

– Свет никогда и никого не принуждает к самоистязанию.

– Как раз это он и делает. Макс, вся философия Света крутится вокруг простой истины: развивайся, укрепляй себя, и он выведет тебя

к судьбе, при которой ты ему наиболее полезен. И именно там ты обрешь свое счастье. У всех нас предопределенный Светом путь. Ему во служение.

– Ты говоришь так, словно у Света есть разум, – нахмурился я, делая небрежный жест рукой. – Будто он какое-то подобие бога, управляющего нами по своей прихоти.

– А с чего ты взял, что это не так? Почему ты думаешь, что Свет – всего лишь генерируемая нами сила, созидаящая и разрушающая? Почему считаешь, что за это Свет ничего не просит в ответ?

Я задумчиво уставился на пол.

– Потому что ответа нам все равно никто не даст.

Сара кивнула.

– Мы обучены умирать, когда-то я тебе об этом уже говорила. Причем самим Светом. Но ведь именно он несет жизнь, тепло, добро. Он приносит мир. Может, не для нас, но для многих других. Потому я служу Свету так преданно, насколько могу.

Меня начало пробирать легкое раздражение от этой фанатичности. Кажется, я даже вспомнил, чем меня бесила старая Сара.

– Но ты ведь теряешь себя. Сара, мне известно про твоего отца, что он стал падшим. – От этих слов протекторша помрачнела. – Но ведь ты не такая! Ты не слабая, ты не сбежишь, раз настолько веришь в наше дело. В жизни есть столько вещей, которые...

– У меня ничего не осталось кроме Света, – твердо сказала она, глядя прямо мне в глаза. – Ничего и никого. Уже давно.

Она бросила мне журавлика. Я поймал его и прочитал надпись на боку «986 – Ламия Казвини».

Внутри все свернулось в ком.

– Ты их считаешь. Каждого.

– Да, и не только близких. Знакомые протекторы, адъюты, приземленные, которых не спасла. Мне хотелось стать сильнее ради них всех, чтобы защитить. Не быть настолько слабой. – Сара со вздохом притянула к себе небольшую коробку, стоявшую между креслом и окном. – Когда Грей убил Маркуса... что у меня оставалось, кроме Света? В долгосрочной перспективе. Все вокруг погибали. Тогда я правда думала: а может, сбежать? Думала намного чаще, когда все вокруг начали шептаться о моем отце – такая интересная новость! Я

испугалась этих мыслей, соблазнов. А чувства, они... – ее лицо искажилось, будто от глубокого смятения, – ранят. Тем самым делая меня никудышной. Но, не имея чувств, я не боюсь, не сомневаюсь в себе. И так обретаю силу. Ты ее видел. Так что да, Макс. Быть живым оружием мне проще. Во всех смыслах.

Я вспоминал ее монструозную квинтэссенцию, порождаемую загубленными эмоциями. Об этой силе она говорила? Или о стойкости и слепой верности всем постулатам Света? Глядя на Сару сейчас, я видел и ощущал стену апатии, которая не сходила ни на секунду, даже если ее душа и выдавала иные недолгие эмоции. Но апатия не была прежней пустотой. Сейчас протекторша попросту утратила ориентиры и не видела смысла ни в чем. Особенно в своем существовании.

За пределами бесчувственного вакуума смысла так и не нашла.

И тем не менее...

– И тем не менее кольцо ты до сих пор не надела обратно.

Сара вздрогнула, как от хлопка. Затем открыла крышку коробки и начала перебирать содержимое.

– Пустым оружием быть проще, – продолжил я. – Но ты и сама знаешь, что все пережитые эмоции стоят того, чтобы с трудом зарабатывать каждую из них.

Из коробки она достала несколько книг. Верхний – учебник по физике. Сара разглядывала его с легкой улыбкой ностальгии.

– Это то немногое, что осталось у меня от брата. А еще записка, написанная им перед пропажей, – сказала она и выудила из страниц открытку.

Я взял ее и удивленно взглянул на затертую бумагу. Там был нарисован маяк в поле. Тот самый, красно-белый, ставший Центром души Сары. А на обратной стороне надпись:

«Однажды мы увидим мир».

– Когда он исчез, мать выбросила все его вещи, чтобы не горевать. Но она все равно плакала. Сначала погиб отец, затем Томас... Она говорила, что он умер, но я думаю, Томас не выдержал ее нападок и сбежал. Все в моей семье сбежали, как видишь. В минуты слабости. Но я не допущу, чтобы это коснулось и меня.

– Мы поможем, – уверенно сказал я. – Отложи пока кольцо. Дай нам шанс. Тебе не нужно больше прятаться.

– А ты, Макс? Как долго собираешься скрывать себя?

Она медленно встала и присела на столик передо мной, взглянула в мое потрясенное лицо, внимательно всматриваясь в каждую его точку.

– Я знаю, кто ты.

– Ты о чем? Я...

– Не притворяйся. Ты пронес меня сквозь собственную душу, забыл? Я знаю, что ты не хотел бы, но я видела. В зеркалах. И тебя самого в Парарбисе. Там ты был правильным.

Она протянула руки к моей шее, от прикосновения я напрягся как от раскаленной стали.

– Позволишь?

Я дышал часто и глубоко, сердце взволнованно билось. Мое молчание она приняла за согласие. Вытаскивая амулет из-под толстовки, Сара кончиками пальцев коснулась кожи. Костры в ее душе погасли, оставив беспросветную ночь и терпкий запах горелых поленьев. Луны в этом мире не было. Лишь чернота внизу и крошки вспыхнувших звезд.

Она сняла подвеску. И продолжила смотреть на меня. Не как на что-то неведомое, неправильное, не как на человека с отклонениями. Сара глядела с таким же спокойным любопытством, как и раньше. А я... мне вдруг стало так легко.

– Ты сын Антареса, – нарушила молчание она. – Всегда понимала, что с тобой что-то не так.

– Если тебе станет проще, то я и сам не знал этого, пока не нашел оболочку Антареса.

Перебирая меж пальцев звезду, Сара ухмыльнулась.

– И с тех пор скрывался. Кто еще из наших знает?

– Стефан. Ламия тоже знала.

– А звезды?

– Теперь про меня известно бóльшему количеству, чем надо. Просвещены единицы, но они воспользуются этим против Антареса. Другие не знают, куда меня деть.

– И что думаешь сам?

Я помедлил с ответом, наблюдая за подвеской в ее руках.

– Что я устал в одиночку тащить это на себе. Не могу больше притворяться, что я такой, а на самом деле другой, кивать и соглашаться, просто делать так, как нужно. Они все пытаются превратить меня в кого-то иного, решить за меня, к какой из сторон я больше отношусь. К звезде или к приземленному.

– «И я понял, что человек на самом деле не един, но двоичен»^[8], – отчужденно произнесла Сара и на мой молчаливый вопрос добавила: – Это Стивенсон. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

– О, так одна моя сторона зло, а вторая – добро? – уточнил я, откидываясь на спинку кресла.

– Нет, одно не может жить без другого. Каждая из сторон важна, Макс. Ведь каждая – это ты.

Протянув мне подвеску обратно, Сара сказала:

– И потому прятаться от всех необязательно. Защита Антареса – это не все. Ты тоже важен.

Это было самым удивительным, что я слышал от нее. Когда-то она была готова пожертвовать не только собой, но и другими, лишь бы спасти Антареса. Бесчувственная Сара, все во имя Света.

– Ты вытащил меня из Параорбиса. Макс, ты единственный, кто сделал для меня так много. Это большая жертва. Знаю, что мы не очень ладили. Я не была хороша в общении. Но если тебе тяжело, пожалуйста, поделись со мной всем, что у тебя накопилось. Пока мне вновь не стало все равно.

Она терпеливо ждала, когда я все обдумаю и решусь.

– Только не говори никому.

– Ради Антареса?

– Ради меня.

Это далось нелегко. Как будто пришлось отдирать от себя куски. Воспоминания о моих силах, увиденных душах, болезненном преображении, Антаресе до его исчезновения и после. О всей жизни. Я не знал, почему доверял Саре как близкому другу, с которым провел долгое время. Раньше бы даже рта не раскрыл, но теперь был готов выдать абсолютно все. Она бы не подвела. Никогда.

И я начал с самого начала.

Глава XXXII

Под куполом мироздания

Свистел ветер, внизу проносились километры заснеженных долин. Снег и лед, кажущийся голубым и абсолютно нетронутым. Люди сюда просто так попасть не могли – к югу от всего, в стороне от полюса недоступности Антарктиды.

Стефан стоял у самого борта ладьи и глядел в темноту сумерек. В конце лета солнца тут было не видеть, лишь скромное зарево света на горизонте да еле освещенные, скованные зверским холодом пространства. Незримый барьер не позволял температуре опускаться ниже десятка градусов даже на открытой палубе, но Стеф все равно кутался в форму. Не так давно они пролетали мимо огромных айсбергов, омываемых мрачными волнами. Ледяная торжественная тишина. Кто-то из протекторов даже оживился, пытаясь рассмотреть пингинов на каменистом берегу. Но океан уже давно скрылся, ладья вскоре должна была достигнуть места назначения.

– И почему заоблачникам нравится вращаться в таких холодных местах? – вздохнула Рамона, озвучивая мысль всех протекторов. Она, как и Стефан, облокотилась о борт, только с более унылым видом. – Нет бы выбрать замечательный тропический остров с белым песком, где растут кокосы размером с голову. Или юг Франции, где погода уж точно не попытается нас убить. Экваториальцы вообще знают, как прекрасно в Ницце? Я уверена, им бы понравилось. А нам бы всем не помешал легкий отпуск.

– Мы не на отдыхе, – резко напомнил Коул. – А на важном задании. Веди себя соответствующе. Ты и так уже выступила перед Альдебараном.

– Вот тебе отпуск нужен в первую очередь, – отметила Сара, стоявшая тут же.

Стефан, как всегда, не мог с ней не согласиться. Коул даже не вставал с тех пор, как они отчалили от Соларума, – все сидел на лавке, прислонившись к стене, дрожа и покрываясь ледяным потом. Словно его лихорадило от морской болезни, хотя при столь мягчайшем передвижении ее просто не могло быть. Змееносца определенно нужно

было оставить отдыхать, но тот не хотел пускать на самотек столь важное дело. Стефа интересовало, каким же сбродом он их всех считал и почему не мог доверить руководство протекторами Ханне или Паскалю. Нет, Коул вместе с остальными сел на ладью, прибывшую прямо из Аргентиона. И теперь страдал.

Сара приблизилась к Стефу и положила руки на борт, устало глядя вдаль.

– Звезды, ну и цирк, – фыркнула она. – Это все пахнет дурно.

– Да ладно, – отмахнулся он. – Всего лишь конец света. По крайней мере, мы будем первыми протекторами, которых уволили с должности. Типа, «простите, ребята, ваши услуги больше не требуются, планета закрывается».

– «Мы передадим ваше резюме на альфу Центавра».

Стефан лукаво вскинул брови, уловив от Сары попытку в юмор.

– Поздравляю, теперь ты настоящий мальчик, а не полено.

– Иди ты.

Он усмехнулся, да и она едва скрыла улыбку. Стеф до сих пор не понимал, откуда в протекторше такие изменения и что думать о них. С одной стороны, они не слишком ему нравились: Стефан привык к жесткой Саре, Саре-кремню, Саре Я-Сломаю-Тебе-Хребет-Если-Ослушаешься-Устава, Саре, от которой всегда знаешь, чего ожидать. Но с другой...

– Рад, что ты снова с нами. Без тебя здравый смысл в компании сократился ровно в половину. Остальную пытался заглушить Дан, но мы держали оборону.

Сара опустила плечи.

– Еще было бы к чему возвращаться. После сегодняшнего собрания ничего прежним уже не будет.

Оставив ее созерцать виды, Стефан отправился на поиски Макса. Тот сидел с Фри как можно дальше от всех. Они о чем-то тихо переговаривались и выглядели хмурыми, словно крепко кому-то задолжали. Завидев Стефа, оба резко замолчали.

– Что, секретничаете, как лучшие подружки? – поинтересовался он.

– Пытаемся понять, как быть дальше, – ответила Фри, ежась и обхватывая руками колени. – Что нам делать, если Землю признают непригодной?

– Из-за одного только Грея? Брось, он не настолько важен, как хочет казаться.

Стеф сел напротив и устало сгорбился.

– Да и если мы с ним разберемся, то, возможно, будет шанс задобрить космических ублюдков.

– И у тебя есть план? – кисло спросил Макс.

– Конечно, нет, блин, зачем мне план, я что, настолько на дегенерата похож? Все решаем по ситуации.

– Потрясающе.

– А ты думал. Кстати, Макс, эфирное стекло не забыл? – Стрелец кивнул. Они хотели в случае чего продемонстрировать эквилибрумам, что Грею оно зачем-то требовалось. Возможно, это бы как-то помогло. Стефан сообщил: – Я обсудил с Коулом. Он говорит, предыдущий посол мало распространялся, но заявлял, что это оружие редко используется, эквилибрумам вреда не причиняет. Сказал что-то про сбор энергии. Изучи это, когда вернемся в Соларум.

На лице Фри отразилась смятение, было видно, как сильно ее тревожило положение дел. Стефан, разумеется, тоже волновался, но, к собственному удивлению, поддаваться панике не хотел. Сначала требовалось понять обстановку целиком.

– Мы выберемся, – сказал он Фри. – Как и всегда до этого. Слышишь? Все будет хорошо.

– Обещаешь?

– Знаешь, обещать такое трудно, но я приложу все усилия.

– Стефан обещает приложить к чему-то усилия, – Макс язвительно рассмеялся. – Вот уж правда конец света.

От взаимных колкостей их отвлек Сириус. Тот молча вышел откуда-то изнутри корабля и легко прошествовал к самому носу палубы, вглядываясь в горизонт. Чем светлее становилось небо, тем сильнее мрачнел Стефан.

Все протекторы подтянулись к Сириусу, чтобы взглянуть на Дом Терры, который большинство видели впервые. Он появился резко, как будто вырвался из марева. Дерево, накрытое голубоватым куполом. Гигантское и белое. Дух захватило даже у Стефа. Древо Мироздания, километры корней раскинулись во все стороны. Взгляд скользил по сияющему стволу все выше и выше, буквально к самым небесам, в которых растворялись раскидистые голые ветви, казалось,

обхватившие полмира. Они исчезали в небосводе, переплетались со звездами. И мерцали. Будто бы вся полусфера держалась на дереве. Стефан бы не удивился. Дерево стояло тут миллионы лет и могло не просто подпирать собой облака, испещрить корнями всю долину, но и дотянуться до каждой точки на Земле.

– Я думала, оно... Меньше... – выдохнула Фри.

– Было бы странно, будь оно другим, – ответила Ханна. – Это место силы, которое заоблачники возвели, принеся жизнь на нашу планету. Без этого тебе ни терраформирования, ни столкновения аминокислот, белков и прочего необходимого для возникновения приземленных.

– А Центр? Он внутри Древа?

– Под ним. Среди корней.

Сириус обернулся к протекторам и заносчиво заявил, оглядев каждого:

– От грядущей встречи зависит судьба жизни на Терре. Кто-то скажет, что она уже предрешена, но есть шанс на благосклонное решение инквизиторов. Запомните, вы должны молчать. Здесь каждое слово может переломить ход событий. Даже если вам очень захочется объяснить свою точку зрения, лучше запечатайте уста. Инквизиторов это не проймет. Их не продавит ни жалость, ни доводы о миллиардах душ приземленных.

– Тогда что же их волнует? – хмуро спросил Максимус.

– Здравие Света, конечно же. И его будущее. В котором вам, возможно, места больше не найдется. Если все обернется так, то вы примете вашу судьбу без нареканий. – Сириус нервно потупил взор. – В любом случае выбора у вас не будет.

– Воодушевляюще, блин, – буркнул Стеф.

Никто его недовольство не поддержал. Даже Дан. После того как он едва не пристрелил Тисуса, Стеф предпочитал его не трогать. Волк в последнее время выглядел так, что это казалось правильным решением. Макс, Сара и Коул тоже смотрелись как жертвы душевных травм. Ханна слишком спокойная для бунта, Фри растерялась, а Рамона, видно, предпочла держать рот на замке чисто из принципа. Скорее всего, Паскаль мог бы вставить свое веское поганое словцо, да вот только его оставили следить за Соларумом. Стефан впервые жалел, что его не было рядом, – он испытывал к Скорпиону практически

нежные братские чувства, когда при появлении общего врага им удавалось вместе его поносить.

А в итоге Стеф чувствовал, что остался единственным несогласным с происходящим, закипающим от предчувствия мерзости заоблачных натур. Таких надменных и холодных, которым плевать на приземленных. Эти черты приперлись решать судьбу Земли, словно она являлась их собственностью.

Стефан понял, что соврал Фри. Ничем хорошим это закончиться не могло.

* * *

Ранее в Доме Терры я, естественно, не бывал, а потому с удивлением смотрел на его тяжелую архитектуру с хрупкими стеклянными куполами. Он примыкал прямо к титаническому стволу Древа. Стены – лишь условности, их испещряли корни размером с многоэтажку. Дом порос лесом. Температура над куполом была намного ниже нуля, но внутри оказалось тепло, здесь цвели и пахли черные деревья с фиолетовым отблеском в ветвях. Дом Терры из белого камня гармонично и величественно расположился среди природных пейзажей, словно единое целое с ними. На Лунный Дом совсем не похоже, здесь чувствовалась жизнь – в каждом окне и знамени Света. Откуда-то даже насвистывали птицы.

Сириус приказал нам ждать в коридорах, пока Коула представят прибывшим эквилибрумам как нашего Смотрителя. После долгих уговоров он разрешил Рамоне и Ханне последовать за ним – те пообещали, что не дадут ему свалиться прямо перед Альдебараном.

В итоге мы остались впятером.

– Не знаю, как вы, – взял слово Стефан, закуривая, – а мне интересно, как наш чумной будет говорить перед высшими силами Вселенной в таком состоянии. Лучшая репрезентация здоровья зараженной планеты.

– Язык бы тебе оторвать, – бросила ему Сара.

– Уже не раз пытались. Однажды даже успешно.

Вздыхнув, я отошел к просторному открытому окну, с которого прекрасно виднелся пирс. Там стояли четыре ладьи – одна темная, три

светлые. С одной из них как раз спускалось несколько эквилибрумов. Я склонил голову к плечу, разглядывая их. Тянувшаяся позади пара – какие-то блеклые, словно пыль или разводы на стекле, такие серые и незапоминающиеся. Будто слуги, хотя я не помнил, чтобы они были эквилибрумам свойственны. А впереди бодрой походкой шествовал звезда желтого спектра. Ветер трепал его темный грубый плащ. Эквилибрум обернулся к своей свите и затем поднял голову к Дому Терры, тогда я отметил, что глаза его сияли белым. На пару секунд мне даже показалось, что он замер, разглядывая нас.

– Это ведь не инквизитор, верно? – спросил я, привлекая внимание остальных.

Стефан оттеснил меня, упершись локтем о подоконник. Выдохнув дым, сказал:

– В рот мне ноги. Паладин!

– Десятый, – кивнул Дан, впервые подав голос. – При желтом-то спектре. А это уже о многом говорит. Гесцил Костолом ат Диарат, Кровнорожденный.

– Костолом? – переспросил я. – У них одно спектральное имя чуднее другого.

Стефан саркастично прищурился.

– Ты не забывай, что у нас в команде имеется огрызок славянского имени и люди, которых зовут как коня и картошку.

– У тебя вообще последняя буква имени под диван закатилась, – парировал Дан, скрестив руки.

– Что здесь делает Паладин? – удивился я.

– Следует протоколу, – раздалось позади.

Дэлэрша только что вышла из соседнего коридора, естественно, услышав все, о чем мы говорили. Стоило Лэстраде появиться, как все резко напряглись. Будто по нам волна ударила, предупреждая быть начеку и, если что, начать бой. Заведомо проигрышный. Я однажды победил ее, но лишь силами Антареса. Дэлара первичного монохрома нам бы и впятером не удалось завалить.

Поразившись нашей реакции, Лэстрада замерла. Оглядела нас и расхохоталась.

– Расслабьтесь, приземленные, здесь нейтральная территория. Да и тратить на вас чернь я бы не стала.

– О да, теперь я спокоен, вот спасибо, – сплюнул Стеф, как бы невзначай положив руку на кобуру.

– Ну, как говорится, можешь трястись от каждого луча, дело твое. При светлом Паладине мои руки тем более связаны.

Она привалилась спиной к стене напротив нас, вытащила золотой кинжал и принялась крутить его в руках.

– Давно не виделись, кстати. Как-то вы изменились. Похудели, что ли.

– А мы сталкивались? – уточнил Водолей. – Прости, но твою рожу я бы запомнил.

– Это Лэстрада, – пояснил я, предостерегающе косясь в ее сторону.

– И не говорите только, что я плохо выполняла работу посла Света.

Стеф, Фри и Сара, для кого информация была новой, побледнели.

– Ты же сдохла, – потрясенно выдала Сара.

Стефан вообще издал смешок.

– Вот это да. Типа... да ладно. Нет, я знал, что вы, заоблачники, как паразиты – всё не помираете и не помираете, – но ведь не настолько же!

– Вижу, вы огорчены. – Лэстрада дернула плечом. – Ну и пожалуйста.

– Что ты вообще здесь делаешь? – вмешалась Фри.

– Следую за Мастером, разумеется. – Лэстрада ткнула ножом в сторону, куда удалились остальные наши. – Он здесь. Отчасти – ради спасения вашей мелкой планеты.

– Как великодушно. – Дан поморщился. – А в остальном – ради личных интересов?

– Очевидно же.

– Какое ему вообще дело до Земли? – резко спросил Стефан. – Вы, темные, только разрушаете.

– Золотце, ты и раньше не выглядел умным, а теперь совсем огорчаешь. Мастер Ранорий – темный посол на Terre. Естественно, он волнуется за нее. Как и о своих вложениях.

Она лукаво переводила взор с меня на Дана.

– Ну как, Индивидуум все еще не осознал положение вещей?

Сара быстро переняла инициативу.

– Ладно послы Магистратов, это их юрисдикция, но Паладины? С какой целью они здесь?

– Один Паладин. Без темного. Терра по большей части принадлежит Свету, и ему же иметь больше голосов в поставленном вопросе. – Лэстрада изящно развела руками. – А в столь серьезных темах, как Зеленый мор... Охо-хо, друзья-приземленные, Паладин необходим. Вы не знали?

По нашим либо смущенным, либо агрессивным взглядам она все поняла и округлила глаза.

– Вездесущая Тьма, они так и не сказали вам, что происходит? Хотя бы понимаете, насколько Мор опасен? Звезды вас настолько ни во что не ставят?

Я больше не мог выносить ее. Кивнув, сказал остальным:

– Идемте отсюда. Узнаем на собрании.

Никто перечить не стал. Я выдохнул, только когда мы оказались достаточно далеко от нее.

– Вот дрянь, – выругался я, бредя по коридору, в широкие окна которого упорно лезли ветви деревьев.

– Не могу поверить, что она все еще жива, – прорычал Стефан, дергаясь от злобы. – Дранные дэлары. Нет ничего хуже них.

– Есть много чего хуже, – глухо произнес Дан.

– Возможно! Но этих тварей нужно убивать, всех до единого. Меня выворачивает от того, что приходится просто стоять рядом с ними, вы вообще видели, как она на нас смотрела? Просто мерзость. А тебе разве нормально?

– Конечно, нет.

– Эй, что с тобой? – забеспокоился я, заметив, что Фри отстала от нас и остановилась.

Она нервно глядела в пол, переминаясь с ноги на ногу, явно чем-то встревоженная. Фри всегда была как на ладони и не могла скрыть от меня эмоций.

– Все нормально? – спросил Стефан, направившись к ней. – Это из-за дэларши?..

– Нет, – выдавила она, закачав головой. – Я... это... мне нужно поговорить с Ханной.

– Что случилось?

Стеф попытался подойти ближе.

– Не надо. – Фри отступила, в смятении оглядываясь. – Мне просто... Не опекай меня. Я... – Она наконец посмотрела ему в лицо. – Скоро вернусь.

– Вообще ничего не понял, – признался я, как только Фри скрылась.

Водолей уныло глядел ей вслед.

– Нам лучше не расходиться, – заметила Сара. – Здесь дэлары, Паладин, инквизиторы и одному Свету известно кто еще. Насколько же этот Мор страшный, а?

– С уверенностью можно сказать только, что это уже случилось, – нахмурился Стефан, поворачиваясь обратно к нам. – По трепу Альдебарана и Сириуса это можно было понять. Раз уж их система так отточена...

– Но где это происходило? – Я скептически глянул на них. – На других планетах с приземленными? Они же есть, правильно?

Дан уклончиво пожал плечами.

– Нам мало говорят об этом. Но глупо предполагать, что мы «одни во Вселенной».

– Да, – кивнул Стефан. – Раз они возвели здесь Древо Мироздания, то явно такая рассада была у них не одна. Мы – не случайность. А звездное творение. И больше нам знать не дают.

Я лишь чертыхнулся.

– Ненавижу их недомолвки. Если они создали всю жизнь на Земле, то значит, мы им нужны. Не просто же так заоблачники расселяют на планетах миллиарды душ. Но потом они же считают приземленных бестолковым биомусором. Нами пренебрегают, готовы в расход пустить при каком-то Море!

– Ты задаешь слишком много вопросов, – покачала головой Сара.

– А мне кажется, что мало. Почему тут вообще никто ничем не интересуется?

– А что нам это даст? Что, хочешь докопаться до злого вселенского заговора? Натянуть шапочку из фольги? Макс, иногда лучше заткнуться и не спрашивать, особенно когда ответов нам все равно не получить. Думаешь, ты первый такой умник за тысячелетия протекторства? Спешу огорчить, ты даже не самый мозговитый из них!

Я некоторое время смотрел на нее, пока не выдал слегка оскорбленное:

– Ай.

Мы вышли к большому открытому балкону, откуда был прекрасный вид на мрачные снежные дали и размытую оранжевую полоску на горизонте. По другую сторону от нее и над нашими головами обитала космическая ночь. Виднелись и ладьи, и часть леса, и огромные корни, превращавшиеся в потоки синего света около земли. Я дышал свежим легким воздухом, вкусным, словно летний фрукт, и поглощал глазами окружение.

– Знаете, – сказал я, – если нам и суждено будет умереть, то мы хотя бы будем рядом. Я рад, что успел познакомиться с вами.

– А говорят, романтика умерла, – фыркнул Стефан.

– Ломаешь момент.

– Прости. Хочешь, поплачем в обнимку?

– Давайте оставим тему Мора, – попросил Дан. – Пожалуйста. Нам об этом придется слушать несколько часов.

– Да, а то ты уже сесть начал.

– Что?! – с ужасом воскликнул он, тут же начав ощупывать волосы, словно мог таким образом проверить цвет. – Где?!

– Вон, сбоку прядь. А ты не замечал? – Стеф прищурился, с едким удовлетворением наблюдая, как Дан не глядя попытался вырвать поседевшие. – Это я называю мгновенной кармой, ископаемое.

– Черт-черт-черт... – приговаривал Дан. – Это все стресс...

– Или возраст, – невинно заметил я. – Ты уже давно не мальчик, будем откровенны.

Сара молча смотрела на мучения Дана и на то, как мы глумимся над ним, и, судя по выражению лица, жалела, что вернулась из Параорбиса.

– Милые барышни, давайте вы отложите рыдания и заботу о красоте до возвращения в Соларум. Лучше расскажите мне про Грея и перевод, из-за которого умерла Ламия.

От этой темы Дану стало только хуже, он немедленно сник. Иногда что-то добавлял в мой рассказ, но как-то вяло. Мы успели пройти половину балкона, когда я закончил излагать наши злоключения с переводом.

– Думаю, ответ был совсем рядом, – вздохнул я, сложив руки за спиной. – Мы правда могли узнать, чем Грей стал и как его одолеть.

– Шакара так хотела показать его Ранорию, что вовремя не заметила опасности, – задумчиво произнесла Сара. – Подлетела к солнцу слишком близко и опалилась.

– Да она просто вконец поехала кукухой, зачем красивые слова, – встрял Стефан. – Помрет, как жила – оставив нам тонну дерьма. И напоследок умудрилась превзойти себя в этом, только лишь добавив вселенского масштаба, ну молодец. Хотя простой человек.

Я не мог с ним не согласиться.

– Знаете, а я вот думал... Она ведь правда лишь человек. Да, гениальная, да, дальновидная. Но приземленная. Зачем она вообще сдалась дэларам? Я не верю, что они в собственных разработках не достигали тех же результатов, что и она. Не похож Ранорий на того, кто стал бы вкладывать даже малейшие ресурсы в развлечения опальной протекторши, не будь они ценными для него самого.

– Ну и что, что приземленная. Она же умная и все такое. – Стеф развел руками, словно бы доходчиво все объяснил. – Разве души в этом не равны? Для влияния на масштабные вещи. Да и с чего тебе знать, как бы повел себя Ранорий? Может, он дофига любопытный или тоже с сорванным чердаком.

– Нет, – уперся я. – Вряд ли.

Ранорий погубил предыдущую Верховную, каким-то образом столкнув ее крейсер за горизонт, проделал множество манипуляций, чтобы добраться до Антареса, и лишь по счастливому стечению обстоятельств его план провалился. Кто знает, что еще он проделывал на периферии нашего приземленного внимания?

А еще я беспокоился о том, что же он сделает со мной и Даном. Мы не успели поймать Грея до установленного срока. Черт, даже не видели его. Я слишком надолго застрял по ту сторону облаков, а падший вообще затаился на все это время. У нас не было и шанса. Возможно, мы упустили последнюю возможность хоть на что-то повлиять...

– А что написала Ламия на доске? – спросила Сара. – «Смиранные глаза»? А в оригинале как звучит?

– Трэтмар сервас.

– Странно, что она могла найти в этом? Почему ее так зацепило смирение в глазах?

– Потому что это не только смирение, приземленная, – раздался чужой голос.

Я немедленно обернулся к окну позади нас. Там был Паладин.

Гесцил сидел на подоконнике. Выглядел он расслабленно, одной рукой облокотившись о колено и уперев вторую в бок. Паладин лукаво улыбался.

– На родном языке оно используется и в переносном значении. Вам было бы хорошо об этом знать, берясь за столь неоднозначные вещи.

Гесцил лучезарно оскалился, сделавшись похожим на модель с гляцевых обложек, и встал. Достаточно крепкий и коренастый, не тонкий, как Сириус, не амбал, как Альдебаран. Простая стройная фигура бойца, подпоясанная широким ремнем. Желтые блестящие волосы в легком беспорядке, на мягком лице бородка-эспаньолка.

Ветер трепал его темный плащ, сапоги звучно выстукивали по стальному полу. На груди герб, скорее всего генума – щит со звездой Света. Вообще, Гесцил производил неприятное впечатление эдакого горделивого пижона, с которым мог бы посоперничать Дан, будь он в форме.

И все же мы в почтении склонили головы с приветствием, к которому редко прибегали: скрестили ладони у грудины. Сначала отточенными движениями и без малейшего промедления это сделала Сара, а за ней неуверенно подтянулись мы все. В присутствии Паладина у меня быстрее застучало сердце.

За Гесцилом через проход на балкон из коридора медленно последовали те двое блеклых. Вблизи они представляли собой еще более странное зрелище. Одежда самая простая, бледных серых оттенков, как их кожа и волосы. Глаза заволкло безжизненной пеленой. Мне все еще казалось, что оба были покрыты легким слоем пыли, точно вещи с чердака. На их шеях, щиколотках, запястьях и талиях едва виднелись эллипсы света. На лбу у каждого горел символ – перечеркнутый крестом круг.

– Вам разве в данный момент не полагается общаться с префектом и послами? – прямолинейно спросила Сара.

– Возможно. А вам всем, как мне думается, полагается быть более учтивыми с Паладином Света и не давать ему наставления, не так ли?

Стефан ответил за всех:

– Обычно да, но наша планета, по ходу, скоро развалится, и мы тоже вместе с ней, так что уже без разницы.

– Честно, – заметил Гесцил, сложив руки за спиной и вышагивая в нашу сторону. – Так вы и есть те приземленные, которые уничтожают чудовищ Тьмы ради спасения светлых душ? – Сара попыталась сказать что-то, но он щелкнул пальцами и просиял: – Люмен-протекторы! Да, столько шума из ничего, но похвально.

– Эй, мы тут вообще-то на этой работе умираем! – огрызнулся Стеф.

– Как и мы все. – Паладин расплылся в улыбке. – Все мы умираем за Свет. Такова наша общая судьба, протекторы, и это нас с вами роднит: и приземленных, и звезд. Примите свой путь и любите его во всех проявлениях, как проповедуют нам анимусы.

– Любить свою скорую смерть? – уточнил я. – Или все-таки шансы у нас есть?

– Посмотрим. Верно?

Поскольку из-за сияния зрачков Гесцила было не различить, я не понял, что он обращался к персоне за моей спиной. Оттуда раздался низкий знакомый голос:

– То доподлинно известно лишь Армиллярным плитам. Но я оцениваю шансы как допустимые.

Ранорий как раз выходил на балкон вместе с Лэстрадой, следующей за ним пружинистым шагом. Радужный Гесцил двинулся навстречу, уже протягивая руку темному, словно старому другу.

– Тан Ранорий!

Тот мягко остановился, сложив руки в замок. Качнулись полы золотого плаща. Глаза в прорезях маски блеснули холодом.

– Воздержусь от приветствий. Буду признателен, если вы не станете подходить ближе.

Гесцил замер метрах в пяти. Он продолжал улыбаться, но теперь на лице образовалась корка льда.

– Темный инженер, как всегда, радушен и прозорлив.

– При всем уважении, мы здесь собрались не ради братания и эмоций. Я не приемлю подобные отношения и в обычное время, а сейчас они тем более неуместны.

– И совершенно не занудлив, – вздохнул Гесцил.

Ранорий быстро скользнул по нам взглядом, отчего у меня органы свернулись в горошину, а заметив блеклых эквилибрумов, сощурил глаза.

– Гало-плененные. Светлые или темные?

– Это звезды. Остальное я не вправе разглашать.

Я удивленно повернулся к молчаливым эквилибрамам. Гало-пленение было карой, о которой упоминалось в паре инфор. Душа остается в теле, слышит и видит абсолютно все, но не владеет ни силами, ни собственной оболочкой, даже речь отнималась. Заперты внутри себя. Навсегда. Я не знал, что плененных заставляли прислуживать, хотя это было бы логично.

Теперь мне стало понятнее, зачем Поллукс так старался от него избавиться, хотя все еще не было ясно, почему гало-пленение стояло на нем лишь частично. Интересно, сколько времени он пребывал без половины своих сил?

Тем временем Ранорий качнул головой.

– Использование гало-плененных. Как безвкусно и варварски.

– Может быть, зато они прекрасно и с первого раза исполняют все, что я приказываю. А твоя спутница имеет характер и не будет столь же полезной.

Лэстрада растянула губы в хищной ухмылке, но не проронила ни слова.

– Она преданна мне по своей воле, а не потому, что ей приказали, – спокойно заметил Ранорий. – А вы со своими бездумными фактотумами жалки. Таков ваш Свет: вы каждого пристраиваете на требуемое какой-то высшей силе место, говорите о судьбе, о подчинении, о полной отдаче Вселенной. Мы же даем поиск и выбор. Свет проявляет жестокость, делая рабами собственных детей.

– Возможно. Зато мы всегда четко знаем, где границы, которые не стоит переступать. Да, протекторы?

Я встрепенулся, наткнувшись на светящийся взор Гесцила. Даже без зрачков в глазах его ощущались напряжение и угроза.

– Думаешь, на меня как-то повлияет мнение приземленных? – прогудел Ранорий. – Тогда они должны быть хоть сколько-то равными нам, а это не так, и ты это знаешь. Они все как один, никто не выделяется. Выполняют свою черную работу и живут бессмысленно

нелепые короткие жизни впустую. Не внушай им надежд. Это очередная жестокость – уверить их, что они что-то значат.

– Закрой гребаную пасть.

Я с удивлением понял, что говорил не Стефан, Ранория Незабвенного попытался заткнуть Дан. Он словно пытался взором прожечь в темном дыру.

Ранория нисколько ни тронуло его неуважение, и он прохладно, но с чувством ответил:

– Я прав. И твоя реакция лишь подтверждает это, протектор. Пыль, возомнившая себя равной эквилибрумам, идущая на любые подлости и унижающая себя, лишь бы сохранить те незначительные и жалкие дары, которые тебе бросил Свет. И, как истинный его сын, принимаешь такую судьбу. Кто не правит своей жизнью, тот не имеет права запомниться хоть кому-то. У таких, как ты, нет воли. Ты инструмент. Просто еще одно звено в цепи, настолько неуникальное, что его можно заменить в любой момент.

– Мы...

– Мы, мы, мы – вот слова раба Света. В тебе нет «я», ты один из мириад. Вы послушно составляете единое целое, но сдыхаете в одиночестве, обманутые и преданные своими покровителями. Это и твоя судьба, протектор, ты к ней так яростно стремишься в этой смешной попытке отдать свою жизнь забвению. А потому мне даже нет смысла запоминать твое имя.

Никто не успел остановить Дана – мы и не думали, что он может что-то выкинуть. Наш вечно стойкий Дан. Он бросился на Ранория, на ходу создавая шпагу. Темный, вне сомнений, видел ее, он мог отступить, отразить, сделать что угодно, но он хладнокровно стоял, даже когда острие замерло неподалеку от его глаза.

Я полностью оледенел, глядя на золотой трезубец, упершийся Дану в грудь. Лэстрада вовремя вклинилась меж ними двумя, остановив протектора. Если бы не она, Дан бы обязательно дотянулся, но теперь он замер, с гневом вбирая воздух.

– Я мог бы убить инженера Тьмы, – сплюнул он, тяжело дыша. – Это бы в мгновение сделало меня более известным, не так ли?

– Возможно, – согласился Ранорий, все так же высоко держа голову. – Но ты не смог. Зато я зарублю тебя прямо здесь, и больше никто не вспомнит об очередном приземленном.

У меня пересохло во рту. Я нервно переглянулся с остальными, они тоже ничего не понимали, ошарашенно следя за происходящим. Дан и сам сбавил пыл, отступив.

Гесцил зацокал языком.

– Плохо, очень, – с укором сказал он Дану. – Примум, ты мог хотя бы подождать, пока мы выйдем с нейтральной территории. За попытку убить дэлара тебя бы никто не осудил, наоборот, с почестями бы похоронили после кончины, следующей за таким отважным, но все же безрассудным поступком со стороны протектора. Но здесь, на месте примирения, заключали пакты перед лицом Вселенной...

Дан напряженно смотрел на него, ожидая продолжения, но вместо Гесцила заговорил Ранорий, как только Лэстрада убрала оружие и встала рядом со своим Мастером:

– Ты оскорбил меня на священной территории, приземленный, – властно рокотал он. Под ногами его расплзалась квинтэссенция черных шипастых лоз, изгибающихся острыми углами. – Неуважительно отнесся, атаковал, пытался убить. Что за такое полагается, Паладин Света?

– Казнь. Но я верю, что в твоей черной душе сохранились крохи сострадания, а потому ты выберешь поединок.

Ранорий провел ладонями по воздуху, создавая короткое золотое копьё, одинаково острое с каждой стороны и оплетенное лозами.

– О, это не сострадание. Я заберу твою душу и ненависть, протектор. И никогда о них не забуду в награду за твою безрассудную отвагу. Буду единственным, кто останется помнить. Я пронесу их в себе до самого конца.

Дан продолжал дрожать, но не от страха. Я чувствовал ярость: жгучую и пробирающую, как солнечное пламя.

Он был готов, целиком и полностью.

Глава XXXIII

Жизнь в тени черных ворот

Фри едва успела отбежать на достаточное расстояние от друзей, прежде чем пузырь энергии, разрывавший ее изнутри, лопнул. Ноги ее дрогнули, а деревья, что лезли в окна случайного коридора, вдруг принялись яростно расти.

– Ох, нет, пожалуйста! – на грани от того, чтобы расплакаться, взмолилась она, протягивая к ним руки.

Казалось, от этого их рост лишь усилился, пол под ногами хрустнул, из него начали вырываться корни. Фри глядела на все это с неммым ужасом, а после обернулась на громкий треск: ствол дерева проломил кусок стены, и тяжелые камни посыпались на пол.

Фри охнула и рефлекторно подалась к ним, сжав кулаки. И тогда падение замедлилось. Сердце девушки остановилось, она в оцепенении переводила взгляд с рук на булыжники, как те падают словно через жидкую смолу. Она не понимала, что делает, но изо всех сил пыталась сохранить свое состояние, лишь бы камни приземлились как можно тише. Когда последний булыжник глухо стукнулся об пол, Фри шумно выдохнула, ощущая сердечную дробь в горле. Из глаз скользнули слезы. Сразу после этого пол под камнями стал покрываться сажей, точно они были раскаленными. Протекторша взволнованно оглянулась, надеясь, что никто не сбежит на шум, и бросилась дальше по коридору, одному из множества пересекавших Дом Терры.

Все они могли вести лишь в одно место.

Когда закончился камень и начался лес, Фри запрокинула голову к не постижимо далекой верхушке дерева. Ее скрывали размашистые ветви, с которых звезды стекали, будто дождевые капли. Они скользили вниз и растворялись в свободном полете. Прямо перед Фри вытянулся необъятный ствол Древа Мироздания. Его окружали редкие деревья, где-то местами под наросшим мхом виднелся каменный пол. Природа словно отторгала Дом Терры, доминировала над всем рукотворным. Все светилось и искрило, било ярой жизненной силой, Фри чувствовала ее каждой клеткой тела. Она шла сквозь высокую

серебряную траву, от которой откалывался свет и бабочками улетал в небо.

У самого основания Древа, над его могучими корнями, ярко сияла фиолетовая впадина. От ее света кожу покалывало даже на столь почтительном расстоянии, а в воздухе пахло чистой заряженной энергией. *Кордо Космо* на магнификуме, или Сердце Мира на привычном. То, что до сих пор питало Землю, позволяя людям не просто жить, а существовать в относительном спокойствии, не замечая космической бойни. Оно создало все условия для жизни на планете, оно связало воедино правильные элементы, будто программа запустило все нужные процессы и поддерживало их как миллионы лет назад, так и до сего момента. Его свет трещинами впивался в Древо, испещрял его и бился как самое настоящее сердце. Фри была готова поклясться, что слышала глухой, пробирающий стук.

Она подошла как можно ближе, замороженная этим безусловно красивым маленьким ядерным реактором. Выждав пару секунд, словно спрашивая у него разрешения, Фри стала обходить ствол по кругу. Настил был установлен над исполинскими корнями, так что пройти они не мешали. Девушка по опыту Лунного Дома знала, что Центр ум хранилища должен находиться в самом приметном и значимом месте. И раз здесь же росло и Древо, которое, как думалось Фри, она бы не обошла и за полчаса, Центр ум был просто обязан находиться неподалеку.

И пока она усердно вглядывалась в тщетной попытке увидеть хоть что-то похожее на сияющий пруд, нога зацепилась за корень мелкого дерева, и Фри с руганью полетела вперед. Когда покрытые мхом тонкие отростки корней проломилась и внизу осталась пустота, протекторша даже испугалась. Провал оказался неглубоким, Фри кубарем прокатилась метр и уперлась лицом во влажную почву.

– Твою ж... – прошипела она, потирая ушибленное плечо и оглядываясь.

В полу был спуск, прямо меж двух корней – совсем узкий проем. Похоже, сюда так давно никто не приходил, что он даже зарос. Фри смотрела на зияющую черную дыру – целую пещеру, уходящую куда-то вглубь Древа. Оттуда надувало прохладным ветром.

Фри была готова поклясться, что шла в темноту уже минут десять и ничего не менялось. Фонарь-солнце освещал унылое круглое

пространство из сплетенных ветвей, а светящийся проход за спиной уже был почти не виден. Фри боялась, только дурак бы оставался спокоен. Ей даже приходило на ум, что ее силы могли вновь пробудиться когда не надо, создать взрыв и Древо бы просто обрушилось на нее, раздавив в мясную кашу. А потом и вся планета завянет, и люди не смогут выжить. Фри с ужасом представляла себе апокалиптические картины, где все превращается в один большой атомный гриб из-за ее случайного чиха. Стиснув челюсти и замотав головой, протекторша отогнала страшные мысли.

«Решаем проблемы по одной, решаем по одной», – повторяла она про себя.

Фри так крепко зажмурилась в попытке успокоиться, что вскрикнула, когда не нашла под ногой опоры. Лишь чудом ей удалось ухватиться рукой за корень и устоять на обрыве.

Окинув огромный зал глазами, Фри только и смогла, что удивленно вздохнуть.

Все по-прежнему тонуло в темноте, но теперь то тут, то там горели синие наросты света. Особенно под куполообразным потолком, как и с ветвей на поверхности, с него скользили звезды. А далеко внизу нашелся не просто сияющий белизной пруд – целое маленькое озеро, над которым тихо и плавно вращались большие продолговатые булыжники, напоминающие куски скал.

В пустоте обрыва появилась первая синеватая ступенька, ярко мерцающая в темноте. Протекторша опасливо поставила на нее ногу, все еще не выпуская корня из рук. Затем возникла вторая ступень, за ней и третья. Фри медленно и осторожно прошла десятки до самого дна, на которое она спрыгнула с таким облегчением, что была готова целовать черный камень. От высоты ее мутило.

Переведя дух, Фри наконец оказалась возле кромки озера. Оно переливалось холодными вспышками и редкими протуберанцами. Будто бы плазменная поверхность белой звезды.

Скинув мундир, пояс и сапоги, Фри решила дальше не раздеваться и зашла в неизвестное вещество прямо в брюках и рубаше. Как и в доме Нерман, жидкость была ледяной. Но в этот раз что-то показалось иным. С первого же шага Фри ощутила, как в нее ворвалась чужая энергия, такая сильная и бойкая. Думалось, она могла разорвать тело приземленного, если задержаться тут надолго. Потому

Фри решила не мешкать и уверенно пошла вперед сквозь ледяные воды, в самом глубоком месте едва достающие ей до шеи.

Вдохнув и выдохнув напоследок, Фри легла на поверхность. Проведя руками по гудящей плазме, она полностью обратилась к чувствам. Ей казалось, что ее оплетают тысячи нитей паутины, они проникали под кожу, сплетались с ее эфиром, подпитывая его. От этого внутри разгоралось непривычное тепло, отталкивающее холод.

Задержав взгляд на размытом потолке, свисающих корнях и капающих звездах, Фри спокойно возвала к окружающей энергии, связалась с ней. По крайней мере, предположила, что та была не против откликнуться. Нет, серьезно, почему бездумная энергия, принадлежащая целой планете, созданная совершенно другой душой, не могла быть столь любезной и оказать небольшую услугу? Да, технически Фри обворовывала Терру, где бы тот сейчас ни был, но это была абсолютно его вина, сам не уследил!

Она вытянула левую руку, разрисованную столь большим количеством меток от запястья до самого плеча, что каждая из них была совсем крохотной. Раньше бы Фри ни в жизни не подумала делать столь гигантскую телесную манипуляцию. Да что она, даже Стеф бы раз пять обдумал такое. Чем больше меток, тем больше расходуемой энергии, тем больше нужно удерживать в голове. Но самое страшное – требовалось перейти на второй уровень влияния на Вселенную. Две орбиты. Их делили по масштабу затрачиваемой энергии и количеству меток. В Соларуме такое творили редко. В лучшем случае это бы просто не сработало, а в худшем... ну, смерть тоже была не самым плохим вариантом из возможных. Но сейчас Фри купалась в огромной эфирной батарее, а что до поставленной цели, то она почти вся заключалась в словах обряда, в этой длинной формуле. Остаток – стремление и мотивация, а этого у девушки было полно. Она молилась своим странным необъяснимым силам, призывая на помощь в создании манипуляции. Не переставала просить их, даже когда произносила слова, которые заучивала целую неделю, повторяя каждую часть на протяжении множества часов. Половина слов была на магнификуме, это означало, что обряд был не просто древним – он был *чертовски* священным и явно не предназначался для протекторов.

Манипуляционный круг перед ее ладонью разрастался. Метки соскальзывали с руки, перетекая в него. Связанных уравнениями

символов в центре круга становилось больше. Вспыхнула вторая орбита, по кольцу которой скользили вспомогательные круги с метками. Все росло и ширилось до внушающих опасение масштабов. Перед глазами Фри вертелось, сверкало и настырно гудело. Потoki эфира сквозили через тело прямо к синим меткам. Обряд заряжался, готовился вот-вот исполниться. Или же погубить Фри прямо в центре жизни на Земле.

«Не такое уж и плохое место для смерти», – заключила она, договорив последнее слово, а после сжала кулак.

Манипуляция ярко вспыхнула и погасла, а за ней и весь свет, и даже тепло внутри.

Фри съежилась, с ужасом поняв, что напортачила даже тут. Но затем ее лицо обдало сухим жарким воздухом, и она подняла веки.

Манипуляция сработала, но девушка до сих пор не была уверена, правильно ли, а потому только раскрыла рот от изумления

На нее обрушилась тяжелая атмосфера, от которой все тело покрылось гусиной кожей. Ноги по щиколотку утонули в алом песке. Он был повсюду. Впереди склоны и ухабы, из них вырывались черные скалы, загибающиеся арками и острыми когтями. Небо совершенно чуждое, черное и бархатистое, а среди пролитых на него звезд сияло семь небольших лун. Они бледным светом озаряли красную пустыню, бескрайнюю и совершенно одинокую. По ней гулял сильный горячий ветер, метавший брызги песка во все стороны. Фри озиралась и даже сделала несколько шагов вперед. Неужели все пошло не по плану? Или было неправильным с самого начала? Ее занесло куда-то. К черту на рога, на чужую планету. Фри была на грани от того, чтобы завывать в безысходности.

Глупая, глупая, глупая...

Ветер резко усилился. Вскинув голову, Фри потрясенно разглядывала черное облако, стремительно образовавшееся на горизонте и ворвавшееся в долину. Оно скользило по песку, туманом заполняло большую низину. Протекторше даже показалось, что у облака имелись руки, которыми оно медленно хваталось за скалы. Песок мешал смотреть, Фри закрыла глаза и загородила лицо руками от ветра, остервенело трепавшего ее одежду и волосы. Он становился все жарче, а затем вдруг успокоился. Тогда же раздался утробный шум, напоминающий сиплое дыхание, но такое громкое и нерасторопное,

что колени подкосились. Фри во все глаза уставилась перед собой и отступила на полшага, изо всех сил заставляя себя не дрожать.

Перед ней возникла плотная стена черного тумана. Облако, газ или чем бы оно ни являлось продолжало держаться за скалы, точно зафиксировавшись. Из глубины дымных всполохов на девушку взирали три красных огня. Именно что взирали, она чувствовала это всем нутром.

Туман, огромной массой заполнивший долину, возвышался над Фри, как башни Соларума. И, похоже, терпеливо ждал.

– А ты... – выдавила она не своим голосом, – ты довольно живое, правильно я понимаю?

Из тумана вновь раздалось шумное горячее дыхание. Возможно, он решил, что Фри уже все достаточно обдумала, и опрокинулся на нее столь стремительно, что она даже испугаться не успела. Ее окутала жаркая чернота, озаряемая алыми нитями. Вихри метали Фри из стороны в сторону, она шла вперед, согнувшись, по-прежнему закрывая лицо от песка и ветра. Звуки стали больше походить на эхо, до нее даже долетали голоса. Сотни и сотни, бессвязная река шепота. И обрывки тел и движений среди всполохов тумана. Это могли быть те, кого здесь искали. Или кто искал. И потерялся. Заблудился на веки вечные. В записях об обряде предупреждали о возможностях такого, а потому Фри заволновалась не на шутку.

– Хранители, – маниакально повторяла она раз за разом, вспоминая черно-белый образ. – Хранители. Мне нужны Хранители.

Реки лепета становились громче и отчаяннее, они потоками ветра сбивали с ног.

– Пожалуйста, – умоляла Фри, затравленно оглядываясь и понимая, что наверняка останется здесь навсегда.

Внезапно один голос отделился от других.

– А ведь это вполне возможно.

– Тут терялись и более подготовленные души.

– Где-то здесь продолжает бродить дэлар Френпир Ломающий Грани, пытавшийся лишь в последний раз поговорить со своим сопряженным, отправившимся по дальнейшему пути.

– Ах, если бы только Мост Душ, по которому ты прошла, соединял мир живых и мертвых! Френпир вот об этом не знал. Какая жалость, что он застрял здесь из-за такой мелочи.

– Или светлая орнега Тримо ад Хад, которая просто хотела найти хоть кого-то из своего прошлого, вернувшись из сомниума, занявшего почти десять эр Генезисов.

– Ух! Надо было конкретнее ставить задачу!

– Наверное, обиднее всего звезде Овелизару Ветроглазому ат Вермор – он-то вообще хотел поговорить с целой Вселенной, уверенный, что такому важному, великому и светлюбивому Верховному она уж точно ответит!

– Но не судьба!

– Да, Судьбу тоже было бы сложно призвать. И нас очень непросто.

– Но мы здесь.

– Мы всегда с тобой.

– Всегда с каждым из вас.

От их раскатистого смеха загрохотало пространство, хотя Фри была уверена, что он звучит исключительно в ее в голове. Она различила в мечущемся пыльном дыме фигуры. Они не просто проглядывали сквозь него, тела сплетались из черных лоскутов, пока не обрели четкую твердую форму, несомненно внушительную и пугающую своей прямоотой.

Фри внезапно поняла, что не продумала последующих действий. Она вообще не особо верила, что ее планы приведут к таким весомым результатам, – просто делала, и все. И вот теперь этот сон, обрывки мифического прошлого предстали перед ней. Одинаковые, как две капли воды, отраженные друг в друге. Они улыбались, конечно же, улыбались. И совсем недобро, будто только и ждали, чтобы наброситься.

Фри вдруг захотелось сбежать. Она поняла, что допустила ошибку. Кого она вообще призвала, что это за монстры? Что за силы? Нет, к этой стороне реальности и вселенских законов она совершенно не была готова.

– Поздно, – вдруг сказал тот, у которого черная половина находилась справа. – Мы уже тут.

– Строго говоря, мы всегда здесь были, – с довольством подтвердил другой.

– Как и в любом ином месте.

– И сейчас.

– В любом из времен.

Они стали обходить ее с двух сторон, медленно и смакуя, не сводя глаз с остолбеневшей Фри.

– Но ты доказала искренность своих намерений.

– Мы оценили.

– Потому появились лично.

– Похоже, что пришло время.

– Вы что, – наконец выдохнула она, – ждали меня?

– Мы же дали слово! – хором воскликнули они.

Фри пыталась собрать пазлы рухнувшего мира обратно в цельную картину.

– Я раньше вас встречала.

– Можно сказать и так.

Эхо голосов на фоне стало настырнее.

– Вы – Хранители.

Те переглянулись.

– Хранители. Спутники. Пророки. Вездесущие. Черно-Белые. Для каждого мы разные. Но для тебя – да, мы Хранители.

– И для чего же ты призвала нас, девочка?

Фри зажмурилась от порывов ветра и грома голосов.

– Мне нужны ответы! Что вы сделали со мной?!

– Мы? – усмехнулся один.

– С тобой? – казалось, оскорбился второй.

– Совершенно ничего дурного, мы лишь не дали тебе попасть под опасные взоры раньше времени.

– Сколько бы хаоса ты могла принести, ужас!

– Вы лишили меня памяти! – воскликнула Фри, заставляя себя открыть глаза. – Вы лишили меня всего!

И вновь Хранители расхохотались.

– Мы таким не занимаемся.

– Другие – да. Но лишение памяти – не наш метод. Мы в основном лишь подталкиваем, понимаешь? Помогаем душам определиться с выбором.

– Но в итоге выбор целиком и полностью принадлежит душе.

– Мы не отбираем память. Но иногда защищаем.

– Как тебя.

– Все, что произошло после нас, – уже другая история.

– Расскажите, – потребовала она. – Все, черт вас дери! Кто вы такие?! Зачем пришли в мою жизнь?!

Их тела и коварные взгляды растворились в тумане, а голоса заглушали остальное эхо:

– Милая девочка, мы никогда из нее и не уходили.

– Мы часть любой жизни.

– Любой смерти.

– Любого решения!

– Мы едины и разделены, похожи и различны. Разве ты не видишь?

– Мы одно.

– Но все зависит от взгляда.

– От восприятия.

– От души, которая к нам обращается.

– И мы безотрывно наблюдаем за всеми. Каждую секунду.

– Каждый миг.

– Помогаем всем вам двигаться дальше, выбирать, проживать свои жизни.

Один из Хранителей наконец отразился в красных огнях, безотрывно наблюдая за Фри.

– А что касается тебя... Мы рады, что ты наконец начала задавать вопросы.

– Близится финал нашего дела, – вторил ему другой с противоположной стороны.

– Мы так долго к этому шли, вместе со всеми душами.

– Осталось немного.

– И ты важна для нас, – сказали они вместе. – Всегда была. С самой первой секунды мы тебя охраняли. Ты выступишь роль. И все закончится. Раз и навсегда.

У Фри сдавило горло. Она с трудом верила в происходящее.

– Тогда объясните. Перестаньте ходить вокруг, просто расскажите мне обо всем! Что было со мной до протекторства? Зачем вы дали мне эти силы?

Стоило ей сказать это, как дым расплзся в стороны, точно его сдуло, и Фри под ноги упал ярчайший желтый свет. Девушка изумленно выдохнула, сделав шаг по траве, проросшей сквозь алый песок. Здесь пахло летом, недавно прошедшим дождем, от которого

даже не успел просохнуть асфальт. Частокол невысокого белого забора с бордовой калиткой. Фри трясущейся рукой отворила ее, нетвердыми шагами бредя по разбитой каменной дорожке. Уютный охристый дом со старыми желобами и слегка облезлым фасадом. Протекторша в непонимании оглядывалась, вдыхала сильнейшие запахи и с болью в сердце понимала: отчего-то все кажется знакомым. Давно ускользнувшим сном, забытым лицом.

– Не уходи далеко от дома! – раздался со стороны сада женский голос.

Все внутри Фри сжалось.

– Мама?..

Она с трудом подавила в себе отчаянное желание броситься туда, увидеть утраченную часть себя. Но затем из-за угла дома показалась небольшая детская фигурка. Девочка – пухлая и совсем маленькая, ей можно было дать не больше четырех лет. Она держала небольшой букет нарциссов.

Фри потрясенно осознала, что смотрела на себя.

Девочка подбежала к дубу и вдруг остановилась, смотря на что-то у корней. Ее плечи напряглись, нарциссы завяли. Выронив цветы, маленькая Фри подобрала предмет и подняла голову к ветвям. Протекторша же медленно приблизилась на достаточное расстояние, чтобы увидеть птицу в маленьких ручках. Простой коричневый воробей. Определенно мертвый. Фри напряженно наблюдала, как девочка аккуратно накрыла его ладонью, точно пытаюсь обогреть, закрыла глаза, поджала губы, казалось, решая в голове сложнейшую задачку.

Крылья птицы забились. Маленькая Фри радостно позволила ей взлететь и восхищенно наблюдала за ее полетом на фоне ясного голубого неба.

Голоса Хранителей раздались неожиданно, словно пошедший посреди лета снег. Двое возникли по обе стороны от дерева.

– Столь юна, а уже проявляет силы.

– Она привлечет внимание.

Девочка с испугом обернулась, таращась на них. Тогда-то Фри и заметила странную деталь. Глаза ребенка были серыми, как дым из трубы, а не сиреневыми, как сейчас.

Хранители с интересом пожирали ее – настоящую – взглядом.

- Это в последний раз.
- Больше никогда.
- Доведем дело до конца.

Стена черного тумана вновь окутала Фри, навсегда отбирая у нее старую жизнь и солнечный день. Она тянула к нему руки, пыталась прорваться обратно, но вдруг коснулась чего-то твердого и холодного. Среди дыма и красных огней возникли ворота ее души. Фри немедленно отскочила. Позади раздался рык. Там – еще один обрывок прошлого до протекторства, лесная тропинка и сплит, взорвавшийся искрами, прямо как и на недавнем задании с Павлом.

Это случилось и раньше.

- Мы не давали тебе силы, – сказал Хранитель.
- Мы лишь наблюдали, слегка направляли.
- Ты могла пострадать, согласишься.
- Но когда к тебе потянулась Тьма в лице сплитов, ох...
- Мы не могли рисковать тобой.

На гигантских воротах возник призрачный отблеск черно-белых цепей, так же стремительно опавших.

Хранители встали по обе стороны от ворот, привалившись к ним плечами.

– Мы просто на время лишили тебя сил. Пока бы ты не вернулась в мир Эквilibриса.

– Пока бы ты не разобралась во всем.

Песок задрожал, как от землетрясения, мир вокруг раскалывался.

Тот, что был справа, нежно провел черной рукой по воротам.

– Гортрас сам освободил тебя. Он и не догадывается, как теперь близок к своим целям.

– Финал всего.

Фри в непонимании переводила взгляд с одного на другого. Они же молчали, не замечая общих разрушений, и ждали ее слов.

– Откуда во мне такие способности? Что они вообще такое?

– Неправильный вопрос, – ответили они хором.

– Что я такое?

Тогда же посторонние шумы стихли, земля успокоилась и даже туман замер.

В этой тишине улыбки Хранителей стали шире.

– Ты – начало и конец. Ты – итог всему. Ты – новый круг.

И вместо разъяснений взмахнули руками, указывая на ворота и как бы приглашая взглянуть на них вблизи.

«Фри...» – раздалось у нее в голове, вновь как при первом пробуждении среди протекторов.

Имя повторялось и повторялось, на последнем звуке голос слегка стихал.

Она не чувствовала под собой ног, но все равно сделала шаг вперед. Тонкие письмена на магнификуме, узоры, напоминающие звезды, и идеально черная поверхность возникли перед ее глазами. Как и всегда, ворота тяжело давили одной только тенью. И чем дальше Фри всматривалась в них, тем труднее было оторвать глаза. Камень, настолько темный и гладкий, что походил на зеркало.

«Фри...»

Девушка неожиданно поняла, что не отражалась в нем. Как только эта мысль дошла до нее, в глубине ворот появились фигуры. Они все множились и множились...

– Ты сама должна понять, чем владеешь, – сказал ей Хранитель.

– Вспомнить, как этим управлять.

– И как быть собой.

– Ради всех нас.

Люди в отражении были молодыми, многие из них выглядели странно. Совершенно разные типы одежды, у кого-то кожа казалась пятнистой, у другой местами покрывалась перьями, на третьих мерцали фиолетовые полосы. Различное телосложение, характер. Но все они требовательно взирали на Фри, взглядами притягивая к себе, пока в конце концов перед ней не возникла последняя. Того же возраста и роста, что и она сама, с блеклыми темными глазами. Черные волосы облаками спадали на простое белое платье. Фри завороченно рассматривала ее, с тревогой отмечая, насколько же была схожа с незнакомкой.

«Фри... Фри...» – все настойчивее, но едва уловимо шептали голоса.

Она, колеблясь, потянулась ладонями к камню для уверенности, что проклятые ворота надежно закрыты, но вдруг отражение схватило ее за запястья и с силой дернуло на себя.

Тогда голоса стали ясными и четкими. И Фри услышала, как громовой раскат:

Фриальмавет.

Руки Фри по локоть погрузились в ледяной камень, оказавшись на той стороне. Она пыталась вырваться, но черноволосая держала крепко, никак не меняя отсутствующего выражения лица. Ее пальцы до боли впивались в кожу.

«*Тэсмагдум эдео хабес реремо*», – грохотал настойчивый многоголосый шепот.

Фри удалось освободиться. Она едва не упала на землю, но устояла и теперь яростно вбирала в себя воздух, пытаясь унять взволнованное сердце. Запястья по-прежнему обжигал холод. Вскинув руки, протекторша обнаружила, что теперь их украшали наручи цвета белого золота. Начищенные до блеска. Их окольцовывал узор орбит, горевших цветами глубокого космоса и звездных вспышек. По ним кружили очертания спутников и планет.

– Протекторам ведь свойственно кровное оружие, – тихо сказал ей Хранитель над самым ухом.

Фри отскочила в сторону и спиной налетела на второго. Тот положил руки ей на плечи.

– Твое оружие – это защита, – вкрадчиво сообщил он. – Это – часть тебя.

– Часть, что упорядочит твою Энергию, пока ты сама на это не способна.

Фри медленно повернулась. Теперь Хранитель казался выше, не физически, но духовно. Объятый черным туманом, он приподнял к себе ее лицо за подбородок. От этого касания девушка вздрогнула.

– Все пойдет своим чередом. Событие к событию.

– Мы проследим. Как и всегда.

– Приведи нас к концу.

Хранитель с силой толкнул ее, сбил с ног. Фри ожидала удара, но вместо этого песок под ней провалился, она летела вниз, все быстрее и быстрее.

В конце ее ждал Центр Терры. Дернувшись, словно действительно упала, Фри подняла светящиеся волны. В попытке отдышаться она слишком поздно заметила, что те не прекращались.

Тень, выросшая над ней, сильной хваткой сдавила горло, холодное лезвие скользнуло по подбородку.

Жидкость казалась не такой ледяной, как прикосновение бледных пальцев. И глаза, страшные глаза, полные зеленых радужек, за которыми испуганная Фри с трудом узнала Грея.

Он казался осунувшимся, едва дышал. И почти благоговейно выдохнул:

– Ты так долго ускользала. – Грей крепче сдвинул горло. – И осталась одна. Я искал тебя.

Кривая улыбка скользнула по потрескавшимся губам.

– С твоей помощью. Теперь. Мы целый мир перевернем.

Глава XXXIV

Друг за друга

Я тряс Сару за плечо, вырывая ее из транса.

– Приведи остальных, – сказал я, ловя потрясенный взгляд. – Быстрее!

Она вмиг собралась и, понимаяюще кивнув, со всех ног бросилась внутрь Дома Терры.

– Это дерьмо префект не остановит, – волновался Стефан. – Даже Паладин уже все подтвердил...

– Плевать! – Я сжал челюсти и подался к Гесцилу. – Так нельзя! Дэллар его убьет!

– Понимаю, протектор, и всей душой сочувствую, – сказал он, смиренно сложив руки. – Но твой друг нарушил древнее соглашение. Я бессилён перед правилами и традициями.

В отчаянии я обернулся к Дану, который спокойно отвел шпагу в сторону.

– Дан, прошу, не надо...

– Ты сам слышал. Либо это, либо казнь.

– Почему ты так спокоен, черт тебя дери?! Это не игра!

Дан повернулся ко мне вполоборота. От печальной улыбки меня бросило в дрожь.

– Это неплохое место для смерти. Рядом с друзьями. Я рад, что вы будете здесь до конца.

– Ты что такое несешь?..

Я хотел подойти к нему, но меня отеснил Гесцил. Он придержал меня за плечо, тихо сказав на ухо:

– Дай ему сохранить мужество. Умереть с честью – единственная привилегия, которая у него осталась.

Я едва не послал его куда подальше, но вовремя стиснул челюсти, вспомнив, кто он, а кто я, и затравленно уставился на Ранория, отошедшего подальше. За ним тянулась квинтэссенция, испускавшая блеклую ржавую ауру.

– Правила тебе известны, протектор?

– Подозреваю, что их нет, – ответил Дан, пальцем проверяя лезвие на остроту.

Шпага, как всегда, была изящной, украшенной рыжеватыми розами, но я впервые заметил на дужке шипы.

– Один на один до самой смерти, – пророкотал Ранорий.

Протектор усмехнулся:

– Да меня одного для тебя хватит, прошу. Не свались за минуту.

Я укоризненно обернулся к Стефу, на что тот отмахнулся:

– Даже не знаю, где он такого набрался.

Первый удар смотрелся мощным, Дан устоял на ногах лишь благодаря десятилетиям тренировок. Он успел выхватить из-за пояса кинжал, с двух орудий отражая атаку Ранория. Когда лезвия столкнулись, раздался оглушительный лязг. Затем еще и еще. Каждый удар Ранория был тяжелым и зубодробящим, никак не сочетающимся с его худобой. Темный казался мне ветром, настоящей черно-золотой бурей, от которой я с ужасом не мог оторвать глаз. Он жалел свои силы, в этом не было и тени сомнений. Даже когда он насел на Дана с квинтэссенцией, едва не обхватившей того за ноги. И даже когда рука его наполнилась мгливой чернью, от удара которой растворился добрый метр стены. Ранорий не относился к происходящему серьезно.

Он не был противником. Он был стихией, неумолимой, неостановимой. Дан ничего не мог ему противопоставить. Протектор лишь отбивался, с трудом парировал и уворачивался. Будь при нем метка транзита, он мог бы сделать хоть что-то, а не терпеть удар за ударом, от которых у меня все внутри замирало.

– Почему Дан не отвечает квинтэссенцией? – побледнел Стефан. – Он не пользуется эфиром!

Ответа не было. Имелись только волны Тьмы и лозы, медленно заполнявшие балкон.

Когда Дан хотел вновь отпрыгнуть, черные путы наконец схватили его за ногу, впившись до крови, и он грохнулся на пол. Ранорий замахнулся, грозный будто рок. Протектор успел сорвать с пояса желтую сферу и бросил ее под ноги дэлару. Светозарный огонь вырвался наружу, пожирая сталь и камень. Он развеял тени лоз, вынудил Ранория отступить и закрыть глаза рукой.

Дан тем временем вскочил, припав на поврежденную ногу.

– Давай же, – взмолился я, изо всех сил веря в чудо.

Ранорий обрушился с новой силой.

Каждый раз Дан отбивал лезвие в последний момент. Ни один шаг, выпад или парирование не было случайным – даже в суматохе сражения он не терял самоконтроля. Но травма его подводила. Он запыхался, не мог как следует отбежать.

Тогда-то все и переломилось.

Дан наконец опрокинул на Ранория свою квинтэссенцию. Вокруг всколыхнулись огромные волны цвета ярчайшего закатного солнца. Настоящий морской вал, шипящий огненной энергией. Ранорий и шага в сторону не сделал, наблюдая за атакой Дана. Волна накрыла его с головой, и на секунду во мне встрепенулась надежда.

Настоящий взрыв из черных лоз разорвал квинтэссенцию Дана в клочья. Сияние померкло, не продержалось и пяти секунд. Для Дана это было смехотворно. Осталось лишь одно черное месиво, колючее и искривленное. Ранорий стремительно вырвался из него. Протектор впервые пропустил удар – сильный и рубящий. Он задел его левую руку, оставив на полу широкую дугу кровавых брызг.

Стеф едва слышно охнул, а я не мог и звука выдавить, глядя, как выбитый у Дана кинжал отлетел на несколько метров в сторону и лязгнул об пол. Второй удар – и шпага рассыпалась искрами. От плеча до живота Дана вспыхнула длинная рана, кровь пропитала рубаху, замыгала мундир. Волка отбросило волной черни.

Огонь мелкими кострами трещал повсюду, дэлар медленно повернулся к сопернику. Он даже не был утомлен битвой. Овеянный темными всполохами Ранорий сделал шаг к Дану. Ленты каскадного плаща метались на ветру, к ногам тянулась шипастая квинтэссенция. Желтые отблески угрожающе искажали маску, превращали ее в нечто уродливое и пугающее.

Дан повторно призвал свои силы. Солнечные волны дернулись ввысь, но в них было меньше четкости, чем раньше. Рваные, словно сотканые из ускользящего дыма. Квинтэссенция начала разрушаться еще до того, как столкнулась с Ранорием. Стоило дэлару надавить, как волны Дана рассыпались, словно никогда не были угрозой, убивающей девиантных сплитов.

Протектор сник, иступленно смотря на черного монстра, нависшего над ним.

Я ломанулся вперед, как только Ранорий занес оружие, на этот раз в финальной атаке. В моей голове ни одной мысли не было, лишь рефлекс. Стеф что-то крикнул, но я уже ворвался в поединок, отгораживая Дана.

В голове яростно долбило.

Я не знал, что делаю. Просто чувствовал. Чувствовал душой и телом.

Пальцы стиснули твердое древко, возникшее прямо из воздуха и голубых искр. Удар Ранория с мощью и лязгом обрушился на мое копьё. Я сжал зубы от боли, прокатившейся по травмированной руке. Стоило дэлару ослабить давление, как я стремительно отбил атаку, заставляя его уйти в сторону.

– Макс... – изумленно выдал Дан, валяясь где-то позади.

Едва спал адреналин, я перевел взгляд на оружие. И обомлел. Это было копьё Антареса с тремя лезвиями, разве что как будто потрескавшееся. Теперь я крепко держал его в своих руках.

Отвлечься в такой момент было самой страшной ошибкой. Лоза обхватила меня за щиколотку, не давая и шагу сделать. Ранорий без особого труда за пару ударов испарил мое кровное оружие, заявив:

– Двое так двое.

Атака была обрушена прямо на грудь. Такой страшный удар не оставил бы от меня ничего, даже звездных останков. Но кто-то оказался быстрее, выскочил в полуметре передо мной.

Раздался хруст, и золотое лезвие прорвало синюю форму. Оно дотянулось до меня, уже сменив направление, полоснуло бок и ребра.

Все замерло, включая время. Квинтэссенция Ранория медленно испарялась. Я тарасился на дрожащего Коула, под ноги которого лились струи крови. Он медленно и хрипя положил руку на древко копьё. Ранорий, словно бы оценивая обстановку, выждал пару секунд, прежде чем вырвать лезвие из протектора. Того потянуло вперед, ноги больше не держали. Пока Коул глухо падал, дэлар развеял оружие, приняв гордую стойку.

Змееносец не шевелился. В ушах нарастал звон. Лужи крови расплзались, а я видел перед собой лишь умирающих в Лунном Доме Стефа, Пабло, Сару, атакованную Гортрасом, и Ламию, мертвой лежащую среди стеллажей.

Он меня спас. И Дана. Закрыл собой...

Где-то на фоне выругался Стефан, Гесцил задал вопрос, в остальном все оставалось тихо. Даже Ранорий не считал нужным разбивать молчание.

Его разрушил громкий бас Альдебарана:

– Бездна Обливиона! – Он стремительно вырвался к нам вместе с Сириусом и протекторами. – Что вы себе позволяете?!

Подоспевшая Ханна, задержав потрясенный взор на Коуле, поспешила к израненному Дану, все еще лежащему на полу.

– Мы всего лишь соблюдали древние правила, луц, – сухо ответил ему Ранорий, не отворачивая головы от тела. – Смерть за нападение на месте перемирия, того требует от нас честь и закон.

– За нападение протектора?! – ярился Альдебаран, даже не пытаясь себя сдерживать. – Он бы и так вам ничего не сделал! А кровью вы еще больше осквернили священное место! И это перед прибытием инквизиторов!

– Я отстаивал себя.

– И в итоге убил не того. – Стефан прошипел это со всей доступной ненавистью, сжав кулаки.

К удивлению, Ранорий его не проигнорировал:

– Одной отнятой жизни достаточно на этот раз.

– Да уж, – подал голос Гесцил, разглядывая текущую кровь. Он дружелюбно улыбнулся нам. – Но бой был на удивление славным.

От негодования я уже почти высказал ему непоправимое, как вдруг из-за спин раздались отчаянные возгласы:

– Отойдите! Пропустите меня!

Рамона прорвалась к телу Коула, замерла всего на секунду при виде него и упала на колени, став взволнованно осматривать.

– Все кончено, – скорбно произнес я, отворачиваясь. – Он мертв.

– Мертв, мертв... – затрещал Сириус. – Как мы могли допустить такое здесь?! Как мы это объясним? Это тонны бюрократической волокиты!

– Лучше бы тебе завалить хлебало и не трепаться сейчас об этом, – прорычал Стефан.

– Как ты смеешь так ко мне обращаться?!

Тем временем Рамона, напрягшись, перевернула Коула лицом к небу. Его золотистые глаза мертво уставились вдаль. В приоткрытом рту виднелись зубы, окрашенные кровью.

– Дайте места, – приказала Рыбы и положила голову Коула себе на колени. – Все будет хорошо, да.

– Рамона... – Сара попыталась коснуться ее плеча, но та отдернулась.

– Нет, просто дайте ему время. Он придет в себя.

От такого заявления удивились все. На общее смятение Рамона затрясла головой.

– Коул вернется. У него метка Хтеабиона.

Альдебаран нахмурился:

– Хтеабион ад Канопус?

Рамона кивнула и вновь обратилась к трупам. Услышав это, Гесцил раскатисто рассмеялся:

– Чудно! Вот и проблема сама собой решилась. Все стороны разойдутся в мире.

– Это не смешно, светлейший, – кисло упрекнул его Альдебаран.

– Нет, – подтвердил Ранорий. – Но протектору крупно повезло. Метками бессмертия владеют от силы шестеро известных планетаров по обе стороны. Я представить не могу, какими ухищрениями протектор заполучил подобную в свое распоряжение, но у Вселенной странное чувство юмора.

– У них должны быть условия единственной возможной причины смерти, ведь абсолютного бессмертия нет и быть не может, – заметил Сириус. – У каждого носителя подобной метки. Какая у Змееносца?

– Даже если бы я знала, все равно бы не сказала, – бросила ему Рамона.

Меня пробрало почти до тошноты. Шея одеревенела настолько, что я с трудом обернулся к Стефану. Он все еще глядел на Коула, лицо ничего не выражало.

– Бессмертие, – прошептал я. – У него тоже. Стеф, что...

– Он будет жить, – резко перебил Водолей. – Отлично.

– Давайте пока оставим протекторов, им нужно прийти в себя, – предложил Гесцил, подойдя к Альдебарану. – А нам есть что обсудить.

Тот нехотя кивнул.

– Вы, как всегда, правы, луц. – Его мрачный взгляд скользнул к двум темным. – Я надеюсь, что и тан Ранорий в этот раз присоединится к нам. Во избежание новых кровопролитий.

– Понимаю! Я и сам готов кого-нибудь пырнуть за бокал кармина! – рассмеялся Гесцил, хлопнув префекта по спине, при этом махнув одному из своих слуг. – Займись этим. И все-таки как удачно, что я был самым ближайшим и незанятым из всех Паладинов, хотя вынужден отвечать за военный кризис с дэларами! Приятная передышка, знаете ли. А я думал, тут будет скучно!

Эквилибрумы удалились, а мы стояли в гробовом молчании. Нарушал его лишь кряхтящий Дан, который пытался подняться.

– Как много времени это займет? – спросил я у Рамоны.

– Когда как, милый. Обычно минут десять-пятнадцать. Иногда дольше.

– Откуда у него такая метка? – Сара осторожно присела рядом с Рыбами. – Я ни разу не слышала, что Коул таким владеет.

– Он не любил об этом распространяться, – хмыкнула Рамона. – Для него это не самая приятная история из его жизни.

– Не самая приятная? – Ханна наконец оторвалась от беглого осмотра Дана и приблизилась. – Это великолепная метка! Вот почему он такой старый, верно?

– Отчасти. Не забывай, что он прекрасный воин, ко всему прочему.

Я сосредоточенно наблюдал за телом. Помимо видения душ и блуждания по ним, мне удавалось ощутить издалека мощные эмоции и силу эфира. Но жизнь без телесного контакта я не чувствовал. Оттого дернувшаяся рука Змееносца стала неожиданностью и для меня.

– Живой, – облегченно выпалила Сара.

Коул вздрогнул, глаза расширились. Они слепо бегали, пока протектор силился вдохнуть.

– Все хорошо... – Рамона мягко рассмеялась. – Хорошо.

Но что-то было не в порядке. Змееносец изогнулся, как от резкой боли, и нездорово раскашлялся, оставляя на Рамоне красные брызги. Сапоги скользили по кровавой луже, смешивая ее с пылью раздробленных камней.

Наконец его до жути вытаращенные глаза нашли Рамону. Он обхватил ее за шею, белая перчатка, впитавшая кровь, размазывала красные пятна по челюсти протекторши.

– Уведи меня... – сипло выдавил он сквозь стиснутые зубы, притягивая Рамону к себе. – Сейчас же!

Закряхтев от боли, Коул, казалось, был готов вот-вот потерять сознание.

– Ему надо обратно на ладью, – встрепенулась Ханна, помогая поднять Змееносца.

Рыбы тряхнула головой.

– Нет! Это небезопасно!

– Небезопасно?! Нам нужно ввести его в стазис, если раны все еще...

– Я сказала – нет! – рявкнула Рамона. Она затравленно оглядела нас. – Вылечите Дана и Максимуса. Коула оставьте мне. Все будет хорошо.

Стоило Ханне отпустить Коула, как он повис на Рамоне.

– Я помогу, – сказал Стефан и занял место Девы.

– Не...

– Мне плевать, дотащим его куда надо, – огрызнулся он.

Замогильный стон Змееносца заставил Рамону не тратить время на ругань. Пока они ковыляли к коридору, Дан уже смог встать на ноги, опираясь о Ханну. Я оглядел его плачевный вид. С него продолжала стекать кровь, особенно с руки – там удар пришелся ровно на внутренний сгиб локтя. Дан даже не пытался ею пошевелить. Растрепанный, он еле подволакивал ногу. Форма изодрана, оценить навскидку серьезность самой огромной раны я даже не смог. Но Дан был на ногах, хоть и плох. А значит, пациент будет жить.

– Макс, – обратилась ко мне Ханна, серьезно хмурия брови. – Тебе тоже надо на ладью.

– Зачем?..

– У тебя бок пробит.

Только сейчас я об этом вспомнил – и внутри что-то лопнуло. Немедленно пришла жгучая боль, на которую я просто не обращал внимания. От прикосновения стало только хуже. Я поморщился и закивал.

– Хорошо, идем.

Уже у самой ладьи Сара остановила меня. Дождавшись, пока Дан с Ханной скроются, она сказала, что видела копьё Антареса. Я предположил, что это из-за слияния с его душой. О более глубинных смыслах сходства кровного оружия мне думать не хотелось.

– Это первый раз, когда ты смог создать кровное оружие?

Я кивнул.

– Особо о нем не думал. Оружие же появляется не сразу, а в первые годы. Все говорили, мол, просто жди, момент сам настанет. И вот... Честно, не думал, что оно будет таким... и появится вот так.

Сара потупила глаза.

– Я не знаю, что происходит с Даном. Тебе умирать не следовало. Но это было храбро.

Я удивленно заморгал, на что она саркастично улыбнулась.

– Ну, до того момента, когда тебя вывели из боя за пару ударов, как тряпку.

– Я поддался.

Сара, словно поверив, с состраданием похлопала меня по плечу.

– Не знаю, кто научил тебя такой потрясающей технике, но в следующий раз ее не используй.

Она удалилась, сказав, что хочет разузнать по поводу Коула и прибытия инквизиторов.

Я поднялся на ладью и прошел по коридорам в сторону лазарета, ориентируясь по мелким указателям. Зажимая кровоточащий бок, я продолжал обдумывать произошедшее, взвешивать и разбирать. Из открытой двери доносились тихие голоса. Стоило мне заглянуть в палату, как ровно в этот же самый момент Дан подался к Ханне и поцеловал ее. Я, естественно, оторопел от такого, тут же отшатнулся и, не придумав ничего лучше за добрую пару секунд, громко топнул по каменной плитке. Да-да, мне снова пришлось стать разрушителем уединения, но я растерялся.

К тому же мне хватило ума остаться стоять на месте, и Ханна пригласила меня зайти. Я шагнул внутрь и замер на пороге. Дан сидел на кушетке, здоровой рукой держась за рану на груди, а Ханна принялась шарить по шкафам в поисках нужных препаратов.

– Что за идиоты, – причитала она. – Вам что, пять лет? Вас буквально нельзя оставить без присмотра, чтобы вы не попытались с собой покончить.

– Мы просто выясняли отношения с дэларом, – усмехнулся довольный Дан. – Уж слишком он мерзкий. Да, Макси- мус?

Меня накрывала злоба. Он выглядел... почти как раньше. Такой же сияющий и добродушный.

– Что ты там устроил?

– Я? – Дан опешил от моего гнева. – Ты сам все видел.

– Твою мать, тебя спровоцировать ничего не может! А тут ты еще и сдохнуть задумал!

– Если и так, это только мое дело.

– Ты совсем рехнулся? Ты ноешь о том, как необходимо остаться в памяти остальных! Быть важным! Быть значимым! И ты так просто подставился, чтобы впустую сдохнуть?!

– Меня бы запомнили как верного долгу протектора. Это лучшее, на что я могу надеяться.

Я с размаху врезал ему по челюсти. Меня обдало морским ветром, внезапно шумным и тревожным. Здесь надвигалась буря, даже небо стало мрачнее обычного – непроглядно черный купол. Я успел увидеть розы, оранжевыми фонарями освещающие берег. Теперь они больше походили на колючий кустарник. Порывы ветра терзали пылающие бутоны, отрывая лепестки и унося их в темноту. Мне стало не по себе, я впитал его чувства: холодно и одиноко. И безумно стыдно. Дан был на какой-то хрупкой грани, о которой я начал догадываться лишь сейчас.

Он и правда был не против смерти. Он считал, что смерть от рук дэлара – не самая плохая из возможных.

– Это не ты, – злился я. – Я тебя не узнаю. Ты не тот Дан. Ты какая-то бесхребетная скулящая тварь! Таким ты хочешь запомниться, а? Бледной тенью себя былого?! Получил очередную душевную травму – и решил, что все, пожил? – Я толкнул его в плечо. – Тогда лучше тихо самоубейся, раз вытерпеть не можешь, чем творить такую безумную херь!

Он покачнулся. Как оказалось, силы я не рассчитал. С трудом снова приняв сидячее положение, Дан сплюнул на ладонь сколотый зуб и рассмеялся. Мое негодование вмиг погасло, мы с Ханной молча внимали хохоту Волка.

– Наш Макс становится более жестким! – Сияя, он оглянулся на Ханну. – Растет!

– Вот об этом я говорю! Черти! А ну живо расселись по углам. – Она зло полыхнула на меня глазами. – Быстро, я сказала!

Я плюхнулся на другой край длинной кушетки, полностью растерянный.

Ханна тем временем осматривала лицо Дана и причитала, что теперь еще и премоляр наращивать. Она приказала ему снять верх формы. Его ранения больше заслуживали скорейшего вмешательства, чем моя гудящая «царапина», коей нарекла ее Дева.

Одежда Волка превратилась в кровавую труху. Вероятно, он уже привык к ранениям, оттого не обращал особого внимания на травмы. Оружие Ранория перерубило кусок толстого рабочего пояса и мундир. Весь перед рубахи пропитался кровью. Дан осторожно снял ее, открывая гору уродливых шрамов. Как при таком их количестве он умудрился ни разу не обезобразить лицо, я понятия не имел. Повсюду полосы и отметины от когтей и клыков, пятна, где от тела точно отрывали целые лоскуты, как на левом боку. На плече кожа срослась некрасивой паутиной, точно от ожога. В районе лопаток как будто взорвали петарду. Такое чувство, что Дан побывал в адской мясорубке: его били, кусали, резали, вырывали из него куски. Но даже теперь, когда его пересекал длинный глубокий порез с топорщащимися краями, из которого не переставала сочиться кровь, протектор улыбался, хоть и криво – из-за боли.

Он заметил, как я бегаю по нему взглядом, и усмехнулся:

– Да, я знаю, что неотразим, спасибо, что оценил.

– Ты вообще из Лазарета раньше не вылезал?

– С давних пор он у нас редкий клиент, предпочитает лечиться на месте и покрываться шрамами, – ответила за него Ханна, обрабатывая рану на руке. – Но не менее пяти раз в год проводит в постельном режиме.

– Ну, ты преувеличиваешь... – вступился Дан.

– Мне документы с записями поднять?

– С тобой спорить вообще невозможно, всегда запрещенные приемы.

Ханна горделиво улыбнулась и сказала мне:

– Однажды он каким-то образом получил открытый перелом ноги болторезом.

– Перестань разглашать конфиденциальную информацию, это же врачебная тайна!

– Солнце, я и не давала клятву Гиппократу.

Он поворчал, а когда Ханна, закончив заматывать его руку, снова вернулась к шкафам, с потерянными видом уставился в пол.

– Макс, – тихо сказал Дан. – Зачем ты это сделал?

Я не понял, и тогда он добавил:

– Ты не был обязан защищать меня.

Задержав на нем долгий оценивающий взор, я наконец вздохнул и произнес:

– Потому что ты мой друг, кретин покалеченный. Даже если у тебя отключило мозги, это не значит, что и у других тоже. Ты ради меня ходил на базу падших, потом вырвал у метеороидов Грея, спас от опыта гребаной Шакары. И это только начало списка. Я за тобой хоть в Обливион.

Тот некоторое время обдумывал мои слова и только после этого благодарно кивнул.

Глава XXXV

Враг в каждом

Я быстро шел среди обвитой золотистым плющом колоннады, потирая покалывающий бок. Ханна обработала рану, обезболила и перед наложением бинтов поставила ткани в стазис, чтобы они не кровоточили, но и не начали заживать как следует до встречи с кометами. Шрамы – безусловно круто и мужественно, но пока что копить их в большом количестве у меня желания не было.

– Макс! – Сара спешила ко мне от другого входа. – Инквизиторы прибыли!

– Ты их видела? – встревожился я. – Сколько их?

– Не знаю, луцы Гесцил и Альдебаран вместе с другими эквилибрумами пошли их встречать. Альдебаран сказал привести Смотрителя.

Я почувал недоброе. Коул сто процентов был не в состоянии вести диалог. Для него просто стоять прямо и не харкать кровью уже казалось непосильным.

– Приведу Рамону, – кивнул я. – А ты не видела Фри?

Сара покачала головой. Я нахмурился: странно, ее не было на балконе с другими. Решив, что это пока что меньшая из наших проблем, я направился в указанное Сарой место. К основанию Древа Мироздания.

На выходе к окружавшему его леску и серебристому полю я встретил Стефа. Тот подпирал спиной каменную арку и нервно курил.

– Они там. – Стеф коротко кивнул в сторону нескольких деревьев.

– А ты почему не с ними?

Он отвернулся и сложил руки на груди.

– Не знаю. Не хочу.

Я понимал, что тянуть и тревожить его не стоило, особенно сейчас, когда совершенно ничего не понятно. Но все же настоял:

– Пошли, нам надо привести Рамону к инквизиторам. Один я ее от Коула не оторву.

Стеф неохотно подчинился, затушив окурок сапогом. Вид у него был чертовски мрачный.

Коул сидел сторбившись на высоком корне, громко и сипло дыша. Рамона была рядом, положив руку ему на спину, и что-то успокаивающе говорила. Завидев нас, она скинула капюшон. Я сообщил о прибытии инквизиторов.

– Черт, – выругался Коул. – Я не могу...

– Я их встречу, – заверила его Рамона. – Все будет в порядке, обещаю лишний раз не открывать рот, если тебе так будет спокойнее, дорогой.

Она поднялась, но Змееносец схватил ее за локоть, так и не подняв головы.

– Прошу, не задерживайся. Не знаю, сколько я еще...

Рамона побледнела. На секунду мне даже показалось, что на ее лице отразилось омерзение.

– Ты выдержишь.

Я вопросительно оглядывал их. Коула снова лихорадило, сильнее, чем прежде. Это и раньше казалось странным, но теперь...

– Давайте уже начистоту: что тут происходит? – спросил Стефан.

– Не сейчас, – ответила Рамона.

– Да он выглядит, как будто у него грипп, малярия и туберкулез разом уже больше месяца! Разве что кровью не блюет. Это ненормально, Коул, ты... твою мать, выкладывай.

– Потом, – с трудом выдохнул тот. – В Соларуме.

Чертыхнувшись, Стефан подступился к нему.

– Ну нет! Ты мне должен. Почему ты никогда не...

Коул напрягся и посмотрел на Водолея. Стефа переклинило.

– В Соларуме. Обещаю.

Глаза Коула стали почти полностью белыми, лишь черные точки зрачков. Никакой радужки. По нашим испуганным лицам он понял: что-то не так. И отвернулся, корчась от боли.

– Коул... – начал я, но остановился от громкого звука.

В стороне с протяжным скрипом рухнуло дерево. За ним следующее.

Мы встрепенулись, Рамона достала клинок.

Следом за этим потянулся странный туман. Все, как описывали Фри и Стефан: с неправильными белыми тенями. Глаза с трудом фокусировались на пространстве у его границ, оно дробилось на осколки, отражающиеся друг в друге.

Лоскуты тумана казались живыми, они медленно тянулись к траве и кустам, а касаясь их – разрушали. Дышать стало тяжелее, атмосфера давила. В ушах грохотали барабаны. Я отступил от тумана, как вдруг за спиной раздался голос:

– Столько знакомых лиц...

Я обернулся и уставился в уродливые глаза Грея. Он стоял так близко, что мог коснуться меня, даже убить. Но Грей не двигался, с удовольствием поглощая мое потрясение.

– Рамона. – Он повернулся к бывшей наставнице. Движение показалось слишком резким. – Сколько лет. Я скучал. Иногда. Вспоминал о тебе, знаешь. И ты так сильно помогаешь в моем трудном деле. Я благодарен тебе всей душой! Как ты?

Рыбы стояла в оборонительной стойке, не давая себя обмануть, стараясь держать в поле зрения и его, и туман. Заметив это, Грей рассмеялся.

– Ох, Рамона, ты же не настолько глупа, чтобы подумать, что какое-то мерцающее серебро спасет тебя от распада?

Грохотнул выстрел, голова Грея дернулась вправо, он чудом устоял на ногах. Стеф даже не успел опустить пистолет, когда на наших глазах падший коснулся дыры на виске, из которой даже и капли крови не пролилось.

– Больно! – сказал Грей, просто констатируя факт. Стефан испуганно напрягся. – Стефано-Стефано-Стефано... ничему тебя жизнь не учит, да? Ты... Да-да, ты не перестаешь меня удивлять. И раздражать. Не знаю, одно из двух или всё вместе. Как твой бок? Мне казалось, что ты умер в тот раз. Как и в прошлый. Все никак не сдохнешь, отчаянный святоша.

– Чего тебе надо? – спросил я.

Мне с трудом удавалось держать себя в руках. Все-таки его простреленная голова была эффектным предупреждением. Туман угрожающе остановился чуть поодаль от нас.

– А разве мы не можем поговорить? – спросил он. – Как старые друзья. Мы столько с вами пережили. А я просто шел мимо, думал, вы будете мне рады.

На мое изумление Грей оскалился.

– О, неужели тебе страшно? Протектор боится.

– Что с тобой сделали? – выдавил я, отстраняясь.

Он был неправильным, все нутро ныло от этого чувства. Все, чего я хотел, – не касаться его и не видеть души.

– Простые мелочи. – Грей равнодушно дернул плечами. – Шакара... Ах, бедная Шакара. Она просто хотела спасти меня. И, как видишь, отлично справилась. Открыла мне глаза. А он направил.

– Он? – непонимающе переспросила Рамона.

В ответ падший с улыбкой постучал пальцем о пробитый висок, точно это могло все объяснить.

– Он сказал, что настало время. Я наконец освободился. И мир закончится здесь.

Грей выудил из-за пояса нож из эфирного стекла. Оно наполнилось странной фиолетовой энергией.

– В принципе, я тут почти со всем закончил, – сообщил он. – Забрал все, что нужно. Осталась еще пара приготовлений.

Он заметил, как я опасливо уставился на нож, и рассмеялся:

– Нет-нет, что ты, я не собираюсь вас убивать. Зачем? Я бы хотел, чтобы вы оценили финал. Я так долго готовился, правда!

Коул поднялся, тяжело опираясь о ствол дерева.

– Как ты здесь вообще оказался? Что ты задумал, черт тебя дери...

Грей пришел в полный восторг и восхищенно воскликнул:

– Коул! Я тебя и не заметил. Как же ты отвратительно смотришься, друг.

– Я тебе не друг, дрянь...

– Да? А кажется, ты пытался убедить меня в обратном когда-то.

Он сделал шаг в сторону Коула, при этом обращаясь к Рамоне:

– Помнишь? Когда вы заявляли, что мне все приснилось в бреду. Меня выпотрошили, вырвали душу.

Коул зло стиснул кору.

– Не смей.

– Не смей что? Порочить тебя, светлейший Смотритель? Ты ведь не говоришь им, боишься. – Он указал на Стефа: – И ему даже не рассказал? Как некрасиво! А может, покажешь сейчас?

– Грей, прекрати! – рявкнула на него Рамона, подавшись вперед.

Падший махнул в ее сторону ножом, и путь протекторше преградила стена тумана. Она собиралась во что-то до одури пугающее.

– Рамона, от тебя я такого, конечно, не ожидал! – упрекнул Грей. – Он же манипулировал тобой, заставил врать. Опозорил! А все ради чего? Чтобы его облик остался безупречным? – Он снова повернулся к тяжело дышащему Коулу и ткнул его пальцем в грудь, как какую-то диковину. – Ты ведь безупречный, а?

Коул злился, происходило что-то плохое, намного хуже, чем все остальное. Из горла Змееносца раздался утробный рык, глаза заволокло пеленой. Грей усмехнулся и влепил Коулу пощечину.

– Ну давай! – подначивал он. – Давай, покажи, насколько ты светлый!

– Порву, – в гневе выдал Коул непривычным басом.

– Я не сомневаюсь! Не сдерживай себя!

После второй пощечины Коул схватил Грея за руку так сильно, что та хрустнула и согнулась под неправильным углом. Змееносец оскалится, как животное, среди зубов прорезались клыки.

Грей только радостно хохотал.

– Не приближайтесь к нему! – крикнула нам Рамона.

Но отступить было некуда. Грей обернулся.

– Оставляю это вам! Надеюсь, заоблачным шишкам представление понравится.

И просто исчез. Как и половина тумана. Но та живая дрянь, преградившая Рамоне путь, осталась. Вновь все, как и описывал Стеф: взгляд не фокусировался. Неправильное для мира создание. Искаженное на множество осколков, с едва видимыми конечностями и изломанными костями внутри. Полное сгустков зеленых нитей.

Оно подалось к коридорам, оставив нас разбираться с другой проблемой.

В нос влетел сильный запах гнили. На землю пролилась бледная жижа.

– Это... – выпалил Стефан, дрожа. – Быть не может...

Пространство наполнил яростный вой сплита. Я видел это десятки раз. Обращение кандидата в монстра.

– Держитесь подальше, – вновь предостерегла Рамона, держа клинок перед собой.

Коул согнулся, его придавливало белой жижей. Черная маска-череп раздирала ткани лица в мясо. Из прорезей на нас глядели пять белых гневных глаз. Он щелкал мощными челюстями, разрывая

собственные щеки. Из искажившегося позвоночника вырывались шипы.

– Он белый... – ужаснулся я. – Почему...

– Иди предупреди остальных о зеленой твари! – приказала мне Рамона. – Мы задержим его.

– Задержим?! – воскликнул Стефан. – Он же монстр!

– Мы не сможем его убить! Серебро не возьмет. Его нужно обездвижить, пока Коул не придет в себя!

То, что было Коулом, исчезло. Осталась поганая огромная тварь высотой метра в три и длиной в шесть от пасти до хвоста. Она перестала биться в судорогах обращения и теперь, резко обернувшись к нам и щелкнув черными клыками, была готова убивать.

У ног Рамоны вырвались алые каменные руки квинтэссенции, устремившиеся к сплиту. Они с грохотом падали на землю, но сплит ловкой ящерицей уворачивался от каждой. Тварь скользнула вперед и вот уже возвысилась над Стефаном, опершись на две задние пары лап, а свободной нанесла оглушительный удар. Водолей закрылся ветвистой квинтэссенцией, но черные когти разрубили ее и с такой силой полоснули по Стефу, что его снарядам отбросило в серебряную траву. На земле остались брызги крови.

– Беги! – крикнула мне Рамона, и я попятился.

Из земли лезли все новые красные руки, Стеф не поднимался. Я хотел им помочь, но Стефан – бессмертный, а Рамона – сильнейшая из нас. Кто-то должен был помочь остальным. И этим кем-то пришлось стать мне.

Я погнался за ускользнувшей сущностью, шел по оставленному следу разрушений и ввевшихся в камень колец. Настигнуть ее удалось лишь у выхода к причалам. Не тратя времени, я вскинул лук и пустил стрелу. Она попала точно в центр существа и мгновенно растворилась. Но чего-то мне все же удалось добиться – существо замерло. И повернулось. Исходящие от монстра пульсации разрушали пол и стены, рядом с которыми тот находился.

Как только он медленно подался вперед, меня охватила паника. Стефа при столкновении с таким смогла отбить только Рамона. А я? Что мог я без оружия? Я лихорадочно перебирал варианты, отступая и отбрасывая бесполезный лук.

Это была мирная вылазка, я не взял с собой ничего, кроме...

Сердце грохотнуло. Я вытащил эфирное стекло. Абсурдная мысль, абсолютно безумная. Даже мерцающее серебро не работало. Но Стеф же сказал, что стекло использовали в обрядах, а Грей его выкрал. Оно было важно в происходящем!

Чем ближе подбиралась тварь, тем сильнее покалывало кожу от кровоточащих язв. Она была в метре от меня, когда на руках проступила кровь. Атака монстра была стремительной, я полоснул по конечности и отскочил. Нулевой эффект.

Дерьмо.

В отчаянной попытке я призвал светозарный огонь в руки и метнул его во врага. Тот вновь даже не заметил, продолжив беспрепятственно приближаться.

Я крепко сжал зубы, не зная, что еще делать. Но, опустив глаза, увидел, что эфирное стекло жадно впитывало в себя мой огонь, наливаясь ярким голубым светом. Задаваться вопросами времени не было. При новой атаке я увернулся и со всей силы воткнул нож в тело противника.

Тогда что-то наконец произошло.

Пока по моему лицу стекала кровь, застилавшая глаза, создание отшатнулось, поглотив весь заряд светозарного огня. Оно странно свистело, было видно, что голубой свет, набивший ее грудь, вызывал яростную боль. Существо металось, шипело.

И тут его пробилось сквозь длинное лезвие меча, пылающее фиолетовой энергией. Монстр не растворил его – наоборот, он стал иссушаться, разваливаться, пока даже пыль не превратилась в ничто.

От внезапной слабости подогнулись ноги. Сквозь кровавую пелену мутно проглядывал меч из стекла, определенно эфирного. Он позвякивал в руках эквилибрума, полностью закованного в латы. Я поднял отяжелевшую голову и увидел толпу заоблачников, впереди которых стояли трое в масках.

Голос инквизитора был бесстрастным и мощным, но слегка приглушенным из-за металла.

– Многообещающее начало, – провозгласил он.

Глава XXXVI

Среди серебряных трав и пролитой крови

Фри очнулась на берегу озера, в голове страшно гудело, словно там обосновался целый рой озлобленных ос. Шипя, она пошевелилась, пытаясь собрать себя из осколков памяти. Стоило вновь увидеть горящие зеленые глаза, как девушка тут же пришла в себя и села, глядя на свои руки.

Наручи были при ней.

Фри попыталась их снять, но мгновенно вспомнила слова Хранителей. По их заверениям, наручи – ее кровное оружие. От этого Фри стало только гаже. Она всегда мечтала призывать его, но только не так. Не в столь непонятной ситуации. Но если это кровное оружие, то значит, что и испарить его – тоже дело несложное. У других ведь получалось, верно?

«Поделись своей силой, иначе я убью всех, кто пришел с тобой».

Фри содрогнулась, ее едва не стошнило. Грей не блефовал, она ни минуты в этом не сомневалась. Он смеялся ей в лицо, скалился.

«Это происходит так долго, что он уже устал. Я устал. Раз за разом, раз за разом...»

Девушка поднялась на нетвердые ноги.

«Сталкиваемся и разлетаемся в бесконечности вариаций...»

Подобрав с камней сюртук и пояс, Фри дрожащими руками принялась одеваться.

«Я устал гоняться за тобой...»

Лестница все еще была на месте.

«Устал скитаться в вечности...»

Фри грохнулась на колени. Голова кружилась, и страшно мутило.

«Мне больно находиться здесь, так больно! И все из-за тебя!»

Ступенька за ступенькой.

«Но если я тебя убью, ничего ведь не изменится, так? Ты единственная, кого нельзя поглотить».

Шаг за шагом. Фри даже не потрудилась включить фонарь. Просто шла на далекий свет.

«Дрянь. Если бы я только мог... Я близок. Ближе, чем когда-либо».

Впереди блеснула трещина прохода.

«Мы закончим это вместе. Как и начали».

Выбравшись из оврага, Фри снова упала, трясущимися руками упершись в землю, отчаянно сжимая ее до боли в пальцах. Ей хотелось расплакаться.

«Смотри широко на гаснущий мир. Смотри на то, как он обратится мной».

Почему было так страшно? Глаза Грея выгрызали ей душу, пожирали все то, чем она являлась. Такое она чувствовала лишь в подвале Универсариума, когда пришло видение с воротами.

– Что я наделала? – потрясенно шептала она.

Грей сунул нож ей в руки, порезав ладонь. Заставил использовать Энергию. И она это сделала, наполнила лезвие темно-пурпурным мерцанием. Волны озера метались, как при шторме, а затем пришла темнота.

Фриальмавет.

Нет, ей не почудилось, они правда так ее называли. Всю жизнь, что Фри себя помнила, она ни минуты не сомневалась, что имя ей навеялось, пришло откуда-то свыше. Она была уверена, что оно связано со свободой от прошлой жизни, смотрелось так логично и красиво.

Но Фри просто не расслышала до конца. Выходило так, да?

И откуда это имя? Что оно значило? И для кого?

Фри не знала, сколько времени провела без сознания. Рана на руке продолжала болеть. Внезапно протекторша почувствовала к ней и к себе такое омерзение, что засыпала порез кометной пылью, даже не думая о новом заметном шраме. Лишь бы гудение прекратилось.

«Слабая и бесполезная...» – в отчаянии думала она.

До крови закусив щеку, Фри заставила себя встать. Все еще не зная, что конкретно она натворила и что это за собой повлечет, девушка решила найти остальных, предупредить их. Она сделала несколько нетвердых шагов и увидела поваленные деревья и разъеденную землю. Значит, Грей был здесь.

Фри почувствовала недоброе. Пройдя еще немного, она остановилась. Сначала увидела кровь в серебристой траве. А затем – тело протектора.

Сердце резко оборвалось вниз. Ноги едва гнулись. Руки оледенели, этот холод распространился по венам все выше и выше, выдавливал любую мысль из головы.

Она уже заранее чувствовала, что это был Стефан. И, уверившись в этом, протекторша осела рядом с ним. Ее пробил озноб, она не могла оторвать взора от страшных глубоких ран. Что-то разодрало форму у шеи, вспоролло мясо на горле до самых костей. Бледное лицо Стефа покрывалось брызгами еще не запекшейся крови. Фри коснулась остывающей щеки.

Это все походило на страшный сон. Так не должно было случиться, только не подобным образом.

И вдруг что-то в ней надломилось, громко лопнула последняя струна. Все превратилось в удушливый и кислый комок, намертво сдавивший горло.

Стиснув зубы, Фри уткнулась лбом в грудь Стефа и содрогнулась от слез. Снова смерть. Все они уходили. И каждый раз – безумно больно для Фри.

Она попыталась использовать эфир. Ей же удавалось воскресить птицу в детстве, почему бы не оживить целого человека? Вот только поганые силы все еще не желали слушаться, когда Фри этого хотела. От этого она возненавидела их еще сильнее.

– Бесполезная...

Стеф был прав, когда назвал ее так давным-давно.

Фри не могла выносить вида друга, чей взгляд намертво застыл в пустоте. Отвернувшись, она обхватила руками колени и стала покачиваться, словно ребенок. Слезы не останавливались, Фри тихо всхлипывала. Спрятав лицо, тонула в горе.

Зачем ей вообще эти силы, если она не могла спасти даже близких ей людей?..

Фри показалось, что она столько не успела сказать Стефу. Все ведь только-только стало хорошо, разве нет? Нужно было мириться раньше. Нужно было быть умнее. Просто сообразить, что протекторы долго не живут и все может закончиться... так.

«Почему он оказался здесь? Где остальные? Почему не спасли? Почему-почему-почему...»

Слез становилось все больше.

Фри не знала, сколько прошло времени. Мышцы уже затекли, но плакать она не переставала. Нужно было идти, отыскать других. Но у нее не осталось сил.

Чья-то рука осторожно коснулась ее плеча.

Фри вскрикнула от испуга и с разворота треснула Стефа по лицу. Тот, охнув, откинулся на спину, зажимая глаз. Протекторша ошалело вскочила, тыкая в него пальцем.

– Ты... Ты!..

– Черт, больно! – отозвался он, садясь и ощупывая скулу.

– Ты жив! – Фри с трудом смогла выдать даже такую связную мысль.

Стефан помедлил. Она не могла оторваться от залитой кровью формы и разорванного воротника. Рана исчезла. Фри затрясло.

– Это же не я, а ты сам... – вдруг поняла она.

– Не надо было тебе это, конечно, видеть, – отозвался он, помрачнев.

Воздуха в груди не хватало, легкие были готовы лопнуть от волнения. Но, поймав усталый взгляд Стефа, Фри снова присела рядом, ошеломленно разглядывая его, точно видела в первый раз. Он сильно смутился, но взгляда не отвел.

– Ты из-за меня, что ли, редела?

– Ты был мертв... Ты... Ты...

Стефан вдруг сделался виноватым. Фри хотелось так много сказать, но вместо этого она с облегчением подалась вперед и крепко стиснула Водолея в объятиях. Тот сначала замер и, только пересилив себя, обнял ее в ответ, аккуратно, точно держал в руках хрупкую реликвию.

– Что произошло? – спросила она.

– История долгая и неинтересная.

Стефан осторожно отстранил Фри и с задумчивым видом произнес:

– Хотя теперь она кажется мне яснее.

– Стеф, ты умер! У тебя глотка была разорвана и срослась!

– Ага, опять придумывать объяснения, откуда столько крови.

– Расскажи все.

– Ты разочаруешься во мне. Уродливый дар.

– Не носи бред, я хочу знать! – потребовала она и, как только он отвел глаза, надавила: – Стефан, ты можешь мне доверять. Я обещаю, что буду молчать и приму все как есть.

Что-то в ее тоне заставило Стефа траурно вздохнуть и достать пачку сигарет.

– Ладно. Давай предположим, что я так долго протянул на нашей работе не из-за фантастических навыков и красивых глаз...

Глава XXXVII

Милосердие

– Коул и Рамона не смогут отчитаться, – устало сообщил я Сириусу.

– Я могу, – вступилась Ханна, предотвращая недовольство посла. Она как раз возвратилась с ладьи, убедив Дана остаться отдыхать – при помощи черной магии, не иначе.

Сириусу ее кандидатура не шибко нравилась. Он вообще был на взводе после произошедшего и не прекращал зло дышать и смотреть на всех как на вселенскую ошибку.

– Хорошо. Но веди себя почтительно, примум, и, умоляю, не доведи это собрание до еще одной катастрофы. – Сириус отвернулся и страдальчески закрыл лицо ладонью. – Хотя куда уж хуже! Ох, Всепроникающий Свет, за что мне все это...

Обычно спокойная и беспристрастная Ханна сейчас смотрелась скорее утомленной мученицей. Когда они ушли, я обернулся к проходу, из которого как раз вышли Стефан и Фри.

– Ого, смотрите ужасно, – сказал я, оглядывая их.

– Ты вообще на беженца похож, – процедил Стефан.

Мы остановились друг напротив друга, оценивая травмы. Судя по тому, сколько крови было вокруг разорванного воротника, Стефу как минимум вскрыли горло. Фри выглядела так, будто ей требовалась пара кружек кофе после бессонной недели. Синие волосы в полном беспорядке, сюртук в грязи, сучках и местами почему-то искрил светом. Что до меня, то форма покрывалась крохотными дырками, на руках и лице краснели ссадины, откуда-то со скулы вообще оторвался небольшой слой кожи. Словом, все мы выглядели поганно.

– Надеюсь, что не развалюсь на куски после того существа. Что с Коулом и Рамоной?

– Меня вывели из строя раньше, чем я успел оценить обстановку, – кисло отозвался Стеф, потирая бок. – Предполагаю, что Рамона загнала ублюдка куда-то и держит его. Либо он ее убил и радостно скачет по Дому Терры в поисках... фиг знает чего.

Я устало вздохнул:

– Нам стоит разбираться с этим?

– Хрен там.

Меня это полностью устраивало.

Фри вопросов не задавала, оттого я решил, что либо Стефан ей рассказал о своем даре и Коуле, либо она ушла в себя и пыталась внутренне перезагрузиться.

– А тебя где носило? – обратился я к ней.

– Да где я только не была, – разбито отозвалась она.

На этой ноте мы подошли к воротам.

Под потолком зала протянулась красивая ветвь Древа, стены и окна покрывал плющ, из-за серебра казавшийся стальным. Здесь в нише стоял алтарь памяти, на котором безмятежные лица громоздились друг на друге на многие метры вверх. К нему примыкала полукруглая лестница, где обычно сидели молящиеся. На ее ступенях разместились инквизиторы – и вовсе не для обращения к пребывающим в сомниуме или к Вселенной.

При виде них я испытывал странное благоговение. Фигуры, совмещающие массивность с изяществом, что были на порядок выше обычных эквилибрумов. Они не походили на живых существ. Полное отсутствие эмоций сбивало меня с толку. Словно стоишь перед статуей из льда. Все трое носили богатые, плотные и темные накидки с широкими сверкающими воротниками. Подолы накидок больше напоминали оживший космос. Все, что выглядывало из-под них, было заковано в покрытые узорами доспехи, подчеркивающие худощавость находящихся внутри тел, настоящее произведение военного искусства. У двух инквизиторов, сидящих ниже, они отливали бронзой, у третьего – белизной. Латы казались элегантным панцирем, каждая их часть надежно и без прорех примыкала к другой. Даже искусные гравированные шлемы будто не имели ни единой щели, кроме черных провалов глаз, и были единым куском металла. На каждой маске изображалось лицо, повторенное на щеках уменьшенными копиями. Возможно, это были портреты инквизиторов. В таком случае одна из них определенно была женщиной, ее личины исказила гримаса смеха, а сосед с массивным подбородком носил глубокое отчаяние. Маска главаря не выражала ничего. Спокойные, равнодушные и тонкие черты.

Мы держались поодаль, пока инквизиторы в гробовом молчании выслушивали Ханну и Сириуса. Сбоку от них стоял Альдебаран, а в стороне выжидал Ранорий. Остальные прибывшие с Паладином и инквизиторами рассредоточились по залу, внимательно наблюдая за происходящим.

– Мне не по себе от инквизиторов, – шепнула Фри. – Их опасаются даже звезды. Кто они вообще такие?

– Высшая звездная эволюция, – так же тихо ответил я, чуть наклонившись. – Одна из. Обычно сильнее прочих.

– Не просто сильнее, примум, – сказал Гесцил, внезапно оказавшийся рядом. – Даже я бы не решился вступать с ними в честную схватку. Как хорошо, что такого случая никогда не представится.

Он лениво отпивал какую-то мерцающую жижу из бокала, поглядывая на инквизиторов, которые даже ни разу не пошевелились.

– Светлейшие космоинквизиторы. Магна Бенамора Храбрейшая, магн Элпут Блуждающий и высший магн Оверин Светоносный ат Джиззе. – Паладин указал на белого инквизитора. – Он был рожден прямо перед эрой Последних Верховных-Императоров, когда заканчивалось правление династии генума Джиззе, а вместе с этим и правление династий в принципе. Оверин должен был стать Верховным-Императором после отца, являясь единственным ребенком. Но отец никак не умирал, а наследник – не просто бравый военный, политик и временами даже поэт – за долгую жизнь успел вобрать в свою душу столь огромное количество мощнейших воспоминаний, что на грани раскола распираемой души его эфир сделал «бах». – Для пущего эффекта он резко раскрыл ладонь. – Знаете, что значит достигнуть Коллапса, а, протекторы?

– Стать чем-то, что не может существовать в социуме, луц, – сосредоточенно ответила Сара, до этого тихо стоявшая позади нас. – Звезда взрывается, принимая новую форму. Таким звездам на Терре есть отдельные названия, но у вас они становятся космоинквизиторами. И, по сути, рабами самих себя. Их души производят так много неконтролируемого эфира, что он разрушает все вокруг. Достигших Коллапса звезд и дэларов, еще пригодных для службы Армиям, ограждают от любых ощущений доспехом. Тот глушит эмоции до нуля. Они ничего не испытывают, ничего не

чувствуют. Их новые воспоминания абсолютно пусты и серы. Душа больше не растет, лишь отдает все, что накопила за целую жизнь. Эти эквилибрумы яростно тлеют внутри собственной стальной тюрьмы.

– А ты хорошо изучила вопрос, – одобрительно улыбнулся ей Гесцил. – Да, ты права. Жизнь у них незавидная.

– А если снять доспехи? – спросил Стефан.

– О, Вселенная и Материя, нет! Это защищает нас всех. И позволяет им вести хоть какую-то осмысленную жизнь, полезную для Света и общества. Поверь, примум, ты бы не хотел видеть их без лат.

– Абсорбционная сталь, – продолжила делиться знаниями Сара, поравнявшись с нами. – Ее куют в недрах умирающих звезд и дэларов, чьи хозяева давно мертвы. При этом небесное тело должно быть за чертой войдового разрыва, поглощаемое Обливионом. Опасная миссия. Но того стоит, правда? – Она колко посмотрела на Гесцила. – В конце концов, это ваша плата за звание сильнейшей расы. Если вы не умираете в бою, редко получаете спокойную смерть. Эквилибрумы либо растворяются в Обливионе черной дырой, либо... – Сара кивнула на инквизиторов, – не живут вовсе.

Гесцил несколько затянул вдумчивое молчание.

– У вас, похоже, отличная коллекция информации в Архиве, – одобрил он. – Что ж, у Вселенной на каждого имеется план. А мы корректируем его по мере возможностей.

– И что? – вступился я. – Инквизиторы будут зачищать нашу планету от любой жизни?

– Нет. Они карают лишь за пособничество Тьме, преступления против Света. Они – высший суд. Бесстрастные и логичные – это прекрасные качества для судей, верно? Они стражи Света. А сейчас ему угрожает опасность. – Гесцил снова отпил и добродушно добавил: – Прямо с этой маленькой планеты. И теперь они вынесут вердикт.

Я вопросительно покосился на него, но Паладин полностью переключил свое внимание на инквизиторов.

Сириус как раз закончил в сотый раз оправдываться и говорить, что ничего не предвещало беды. Первой его прервала Бенамора. Голос ее был красив, но из-за лат звучал как из звенящей стальной трубы. Подобно другим инквизиторам, он ничего не выражал:

– Прежде чем мы продолжим, примумы. Почему здесь нет Терры ад Солнце?

– Это не совсем в нашей власти, – уклончиво сообщил ей Сириус, разводя руками.

– Он должен быть изолирован, – вступился басовитый Элпут. – Хранилище Терры повреждено Мором. Это повлияет на его эфир и душу.

– И сам Солнце Синеокий не присутствует на собрании, это вопиющее нарушение.

– Светлейшая магна, – с почтением подступился к ней Альдебаран, сложив ладони на груди. – Солнце – мой доверенный, он выполняет задание в интересах префектуры Кальцеон. Он не смог прибыть, потому я, как префект Кальцеона, решил заменить его, полностью понимая чрезвычайность ситуации. Что касается Терры, то не все так просто. Даже если бы мы и могли призвать его, планетар бы нас проигнорировал. Он в преступном списке префектуры и находится в розыске.

Казалось, Элпут слегка дернулся. А может, то ветер двинул полы его накидки.

– Планетар, которому вверили Древо Мироздания и души приземленных, – отступник?

– Не совсем отступник, но дела это не упрощает, магн.

– Неслыханно. – Слово грозovým раскатом отскочило от стен.

Звякнули латы Оверина. Он сложил руки в замок и впервые заговорил:

– Это не важно. Луц Альдебаран, мы благодарны за честность. Решить судьбу хранилища Терры и мира приземленных можно и без отсутствующих.

Он выдержал паузу, тяжелую и гнетущую.

– Мы не будем тянуть. Зеленый мор зашел слишком далеко.

– Он поглощает почву и растения, воду и живых существ, – добавила Бенамора. – Он окреп так, что встретил нас у причалов. Здесь, у Центра Терры и Древа мироздания. В самом защищенном месте планеты.

– Мы не можем это игнорировать, – подтвердил Элпут.

Ранорий попросил слова. Оверин сухо кивнул, и темный вышел в центр.

– Магны, – с присущей ему деловой строгостью начал дэлар. – Мы и раньше останавливали Зеленый мор, его появление – не приговор. Смею заметить, что последние два появления, происходившие на подконтрольных Тьме планетах, были нейтрализованы. При помощи наработок нашего инженерного корпуса. Мы можем помочь и тут.

– Пускай в обычной жизни мы и враги, темный, – ответил ему Элпут, – мы благодарны за предложение помощи. Но, выслушав обо всем, что здесь происходило, о каждой ошибке и разрушенном месте, мы не можем просто ждать, когда грань будет пересечена.

Бенамора согласно взмахнула рукой.

– Мы не можем допустить повторения былых катастроф. Зеленый мор – страшная угроза не только для Света, но и для Тьмы, поэтому и существует общий пакт, которому мы и следуем. За последние восемьдесят тысяч Гenezисов он возникал пятьсот восемнадцать раз, считая этот. Каждый раз – на планете с приземленными, от одного-единственного распространителя.

– Нам удавалось предотвращать разрушение целой планеты. – Оверин наконец вступил в разговор. Он молчал дольше остальных, точно берег каждую мысль. – Но тогда распространителя удавалось уничтожить на ранних этапах. Сейчас же все иначе.

Альдебаран несогласно покачал головой:

– Магн, Древо еще не поражено...

– Префект, здесь был войд, – отрезал белый инквизитор. – Я убил его прямо перед вами. И кстати об этом.

Я покрылся льдом, поняв, что он смотрел прямо на меня.

– Подойди, протектор.

Мне хотелось раствориться в воздухе, быть незаметнее мертвой мухи за оконной рамой, но инквизиторы ждали. Я подошел, отметив, как перекосило Сириуса. Конечно же, он боялся, что суперсильные эквилибрумы раскроют во мне полужезду.

Оверин склонил ко мне свои равнодушные лица.

– Ты противостоял войду, люмен-протектор. Это заслуживает похвалы.

– Спасибо, – неуверенно ответил я, скорее подразумевая вопрос.

– Откуда у тебя эфирное стекло?

Я заколебался, но честно признался, что оно хранилось у нас в Соларуме.

– И как ты догадался использовать его против войда? Такие знания до протекторов не доходят. И, что более важно, как ты смог его зарядить светозарным огнем?

Пока я не ляпнул лишнего от волнения, за меня вступился нервный Сириус:

– Светлейший магн, это я посоветовал им использовать эфирное стекло для защиты от Мора и сам же его зарядил. Принимая во внимание опасность, это показалось мне...

– Ты доверил столь важную реликвию приземленным? – Элпут повернулся к нему, заставив Сириуса заткнуться. Никакой угрозы, только факт. – Это нарушение правил.

– Я всецело осознаю свои ошибки и прошу за них прощения. – Звезда поклонился инквизитору.

Трое выдержали новую паузу, словно бы мысленно переговариваясь.

– В подобной ситуации мы можем закрыть на это глаза, примум. Ты действовал из светлых побуждений.

Сириус, казалось, был готов испустить дух от облегчения. Оверин же продолжил:

– Однако эфирное стекло необходимо изъять. Мы не можем позволить ему пропасть вместе с планетой.

Когда Ранорий вновь вступил в разговор, я почти испытал к нему симпатию.

– Луцы, это преждевременно. Да, войд был здесь, но мы все еще можем поймать распространителя до того, как...

– До того как Зеленый мор перебросится на соседние планеты? – уточнила Бенамора. – До того как он разрушит эту планетарную систему, пойдет по галактике, по всей ветви, по целой префектуре? Вы юны, тан Ранорий, вы не помните полностью аннигилированной префектуры Сагетта, самой плодородной и значимой для обеих Армий из-за самой крупной Колыбели и залежей ртутного льда. Вы не были свидетелем того, как Пятое Зеленое Поветрие обращало души эквилибрумов в новых распространителей, убивая даже наших Паладинов. Вы не видели, как ревет и стонет распадающееся небесное тело, как гудит материя, обращенная в ничто. Зеленый мор –

вселенский потрошитель, душегуб и единственный общий враг. Вы должны это понимать.

– Пускай и так, – согласился Ранорий. – Но вам не обязательно становиться его пособниками и в страхе уничтожать планету с почти десятком миллиардов душ раньше времени.

Пол едва ощутимо тряхнуло. Оверин поднялся, блестящий и величественный.

– Мы ничего не боимся.

Он медленно двинулся к Ранорию, казалось, за ним тянулись время и материя.

– Мы защищаем не только Свет, но и даже вас, темных. Мы наблюдали достаточно гибнущих миров, чтобы перестать легкомысленно относиться к Морю.

– Светлейшие, – обратил на себя внимание Гесцил, убирая энерглас. – Как бы прискорбно ни было сообщать, но новости неутешительные: только что Обливион обрушился еще на три области Терры. Естественно, без жертв не обошлось.

Это известие забило последний гвоздь.

Меня пробрало до самых костей. Прежде чем Оверин продолжил подкреплять свое решение новыми фактами, я подступился почти вплотную к нему, игнорируя страх и здравый смысл.

– Магн, умоляю вас, – в сердцах выпалил я гиганту, больше напоминающему монумент, – дайте нам еще времени! Мы закончим дело, выследим распространителя, только не приводите указ в исполнение!

Оверин долго молчал.

– Нет. Распространитель уже набрался сил, его не остановим даже мы. Если бы он лишился сил и Мора внутри себя – тогда для вас бы еще был шанс. Но все зашло слишком далеко. Полная аннигиляция планеты, со всеми возможно пораженными душами – единственный шанс уничтожить зло. Отправить вас, приземленных, по дальнейшему пути сейчас, не отдавая Обливиону, – милосердие. – Из-за его сухого монотонного голоса эти слова прозвучали совсем не искренне.

Он обернулся к Гесцилу и протекторам.

– Приказ об аннигиляции вступит в силу через наом с этого момента. Рекомендую успеть предупредить местные поселения эквилибрумов и эвакуировать всех, кто еще этого не сделал. Закончите

дела, которые у вас остались. К началу аннигиляции никого, кроме приземленных, на Терре оставаться не должно.

Остальные инквизиторы встали. Тогда же Оверин подвел леденящий душу итог:

– Таково наше решение в этом вопросе.

* * *

Мы садились обратно на ладью в гробовом молчании. Никакие слова не могли нам помочь. Все было сказано, и отнюдь не нами.

«Рано или поздно приходит битва, в которой нам не победить, – скорбным тоном сообщил нам Альдебаран. – Мне жаль вас и всех, кто исчезнет в один миг. Но это будет не больно, я обещаю. Вы отправитесь по дальнейшему пути, а не в Обливион. Я бы хотел, чтобы хотя бы протекторов было позволено перенести в безопасное место, но таков закон, а опасность слишком велика. Вы должны понять это, как воины Света. И принять».

Мы не приняли. Это было просто невозможно – о чем он думал, говоря подобную чушь нам в лицо?!

Лицемерные ублюдки, в гневе думал я. Они все.

Эфирное стекло у меня забрали, ничего против Грея у нас не осталось. Этого он хотел? Показать инквизиторам запущенность ситуации? Добиться разрушения целой планеты, на которой и сам живет? Я не мог в это поверить, слишком хлипкие мотивы. Да, он ненавидел Тьму и Свет, но что должно было повлиять на падшего, чтобы стать проводником *такого*? И как до столь чего-то страшного смогла докопаться Шакара?

Только я вспомнил о ней, как перед темной ладьей показался плащ Ранория. Я решительно подошел к нему.

– Помогите нам, – потребовал я. Он холодно и свысока смотрел на меня. – Тебе же нужен Индивидуум! Так помогите поймать его, мы не смогли сами, он слишком силен, нам не справиться без посторонней помощи!

Его молчание было подобно густому мраку.

– Тогда вы слабы, – ответил Ранорий. – Вы не справились, и это только ваши проблемы. Вы не заслуживаете жизни. Как и сам

Индивидуум в нынешнем его виде. Я предупреждал вас.

Стоило ему начать взбираться по трапу, как я, сжав кулаки, рассерженно воскликнул:

– Ты презираешь приземленных! Тогда почему так пристально следил за Террой, почему поддерживал Шакару?! Она не умнее тебя и вашего инженерного корпуса! Она всего лишь приземленная, которая знала немного больше нас!

Он замер, а я ступил на одну ступеньку и яростно добавил:

– Ты знаешь, кто я. И ты никак не воспользовался этим, хотя мог. Сначала тебе был нужен Антарес, потом – нет. Требовалась Шакара, но ты от нее отказался. Ты хотел получить Индивидуума, но передумал. Что тобой вообще движет?!

– Ты мне скажи, – ответил он, обернувшись. Глаза Ранория были широко распахнуты и напоминали черные дыры. – Нет. Сейчас ты не сможешь. В данный момент тебе нужно думать о близящемся конце.

– В Обливион конец! Если у Вселенной на каждого имеется свой план...

– Вселенная давно мертва.

Я потрясенно замер.

– Забудь обо всем, что тебе говорят фанатики и фаталисты, открой наконец глаза. Ничего над нами нет. Всем так хочется верить в планы, заговоры, богов, судьбу, лишь бы оправдать свои поступки волей высших сил. Так страшно признавать, что всем правит хаос. Черный, бездонный, вечный и кричащий. Хаос управляет миром, и ничто иное. Это самое пугающее. Быть свободным в этом хаосе.

Ранорий сложил руки за спиной.

– Пойми, кто ты есть без оков, навешанных на тебя верой в предопределение, Вселенную и авторитеты. И сопротивляйся дороге, которую они назвали твоей судьбой. Не проси о помощи, помни, что ты один. Борись за свою жизнь, иначе она ничего не стоит.

Отвернувшись, Ранорий поднялся на палубу и, задержавшись на секунду, посмотрел в свой небольшой энерглас и бросил мне через плечо:

– Приземленные слабы. Но изредка, когда они сами того хотят, из них рождается что-то большее.

подавив гнев и досаду, я вернулся к нашей ладье. У меня больше не было сил ни на что.

Атмосфера была как на поминках. Никто так ничего и не сказал, все пережевывали мысли в одиночку. Краем глаза я заметил в самой дальней части Рамону. Коул сидел рядом с ней, уронив голову на ее плечо, возможно, без сознания. После случившегося при виде него к горлу подкатывала тошнота. Я не знал, как теперь к нему обращаться, как просто смотреть в глаза.

Хотя эта проблема вскоре должна была решиться сама собой.

Опершись о борт, я опустил плечи, наконец ощутив всю тяжесть и боль прошедшего дня.

Вспыхнули паруса.

– Эй, протектор! – окликнул меня проходящий по причалу Гесцил, помахав. – Ты ведь Максимус, правильно?

– Чего вам?

– Мы так и не договорили тогда.

Ладья медленно сдвинулась с места.

– Тот язык образовался в Гевельской планетарной системе, а конкретно на Царре, – громко и быстро говорил он, чтобы я успел услышать. – Тамошние эквilibрумы приписывали конкретные качества природным явлениям. *Трэтмар* – плотные скопления облаков, закрывающие весь небосвод. Они же смиренные. Не знаю, зачем это вам теперь, но всегда пожалуйста!

Облака...

Под нами снова проносились снежные просторы. Такие прекрасные. Я впитывал их в себя, как будто не мог напиться, и выдохнул, казалось, все негодование и злобу. Без них у меня ничего не осталось.

Глава XXVIII

Гниение старых ран

– Наом – это чуть больше четырех дней, – сказал нам Стефан, когда мы сидели на огромных ступенях перед выходом в синий лес. Он даже не переоделся, а уже нашел где-то бутылку виски и время от времени прикладывался к ней, никому не предлагая. – Часов сто, если быть точным. А если еще точнее, то у нас уже вшивые девяносто пять.

– Это нельзя так оставлять, – качал головой Дан, вновь помрачнев.

– У нас отняли даже эфирное стекло, – напомнила ему Сара, подпирая голову кулаком. – Не хочу быть пессимисткой, но это полная задница.

Фри нервно перебирала синие пряди.

– Эквilibriumы уже покидают Землю. Они бросают нас.

– Ну и пусть катятся, понаехали, – выплюнул Стефан.

Дан резко поднялся на ноги.

– Я не могу, – потерянно выдохнул он и задрал голову к небу. – Это не должно закончиться просто вот так! Мы даже не сражались, у нас не было шанса отстоять себя!

– За несправедливость жизни! – Стеф вскинул бутылку в тосте и немедленно ее опрокинул. – Ну порем и порем, чего ныть уже.

– Стеф... – начал я.

– Что? Я неправильно переживаю? Ох, золотко, все еще хочешь поплакать в обнимку?

Он бросил бутылку вниз по лестнице, и та громко разбилась на яркие осколки.

– Тысячами лет тут корячились, а они просто закрывают лавочку, – процедил Водолей. – Не, ну а что, у них таких планет, как наша, судя по всему, дофига и больше. Просто минус плантация. – Тут он оглянулся на нас. – На самом деле все вполне предсказуемо. Мы живем в мире, где существуют гребаные темные материи-шматерии, ионы, квазары, абсолютные пустоты, кротовые норы, сталкивающиеся галактики, черные дыры, вокруг одной из которых мы сами несемся какие-то миллионы километров в секунду на своем бульжнике, и в этой мешанине всего непонятного и невообразимого Вселенная сама

собой может схлопнуться в любую секунду, а мы даже и не поймем, что умерли и почему это случилось. Даже сраные звезды не поймут, чтоб их.

– Ты это вообще к чему? – устало уточнил я.

– Есть время жить, а есть время умирать. И оба случая приходят, когда не ждешь.

Дан ушел, заявив, что ему нужно подумать. Еще через некоторое время удалилась Сара, а за ней и Фри. Мы со Стефом остались одни, ни о чем не говоря, просто смотрели на лес и слушали стрекот насекомых. Даже это вгоняло в апатию.

Наконец Стефан выдал:

– Раз уж мы на грани финального апокалипсиса и судного дня, можно тебя кое о чем попросить? Как друга.

Он поднял на меня серьезный взгляд.

– Мне нужны твои звездные способности.

* * *

Я постучал в дверь кабинета Смотрителя. Приглашение войти раздалось не сразу.

Коул сидел за столом в темноте, освещаемой лишь витражом с созвездиями и статуей Верховного. Я задержал взгляд на Антаресе и только затем подошел ближе, оставляя дверь едва приоткрытой. Змееносец выглядел плохо. Лучше, чем на ладье, но все еще болезненно. Даже с пары метров от него, как обычно, несло терпким парфюмом.

– Максимус? – сипло выронил он, напрягаясь, чтобы принять хоть сколько-то прямую осанку. – Что ты здесь делаешь?

– Где Рамона?

– Она... с Сириусом и остальными. Обсуждают встречу с инквизиторами. А ты почему не там?

Я медленно проходил вдоль шкафов с инфорами.

– Зачем ты пришел? – прямо спросил он.

– Думаю, тебе надо объясниться.

– Какой смысл? Мы все скоро умрем. Можно мы не будем вскрывать эти раны и просто доживем то, что нам осталось?

– Нет. Нельзя.

Встав напротив, я с сожалением оглядел его.

– Коул, мы заслуживаем правды. Ты был сплитом. – На этом Коул потер лоб, как будто ударила мигрень. Я пытался подобрать хоть одно правильное слово, более аккуратное, но наружу вышла правда: – Ты чудовище.

– Замолчи! – воскликнул он, треснув кулаком по столу так, что с него упали бумаги. – Ты ничего не знаешь...

– Мы это видели. Ты хоть помнишь, что убил Стефа? А если об этом узнают остальные? Если я покажу звездам срез воспоминания? Или не звездам. Протекторам. Как они на тебя посмотрят?

Он тревожно уставился на меня. Я двинулся к двери.

– Может, скоро и конец, но мы заслужили правду, Смотритель.

– Нет, постой!

Коул вскочил и подошел ко мне, в мольбе протягивая руки. Змееносцу было панически страшно, и я не думал, что когда-либо увижу его таким. И от этого стало только хуже.

– Не говори им, – едва дыша выронил он. – Прошу. Это подорвет все. Я... я... мне сложно так жить, Макс, но это не моя вина. Просто не могу ничего изменить, но верен Свету и делаю все возможное. Если ты сохранишь это в тайне, я буду у тебя в вечном долгу.

Я задержался, оценивая его просьбу. Едва кивнув, протянул свои руки к нему и как бы в поддержке коснулся пальцев. Встав на мосту его души посреди черных вод, из которых торчали сотни белых рук, в свете гигантской луны на горизонте, я на мгновение замер. Здесь летали едва сияющие белизной бабочки. Все они несли чувства: тлен, стыд и скорбь, такую необъятную, что ее хватило бы на всех. И страх. Змееносец давился им, усердно скрывая за маской уверенности, не просто ради себя, но и ради нас всех.

Кто-то был обязан ее носить.

А я должен был идти навстречу луне. Дотронуться до нее. И узреть.

Коул почувствовал неладное, когда я потрясенно вытаращился на него. Он потянул руки на себя, но я крепко впился в правую, скрытую перчаткой.

– Звезды, что ты натворил... – выдавил я дрожащим голосом. – Коул, ты... Ты предал Рамону, предал Стефана... Он... он верил тебе

все это время.

Змееносец в ужасе побледнел.

– Ты подставил каждого из них, всех, кому был дорог.

Теперь я ощущал как никогда явственно. Всегда присутствующий душок гнили, скрытый за плотным слоем духов. Я потянул на себя перчатку. Она слезла с противным склизким чавканьем.

С его обезображенной ладони капала тягучая бледная гниль. Коул отшатнулся, словно остался полностью нагим.

– Ты не... – теряя последнее самообладание, пролепетал он.

– Ты заставил Рамону взять вину на себя, после того как напал на Грея, – не переставал давить я, вколачивая в него каждое слово. – Ты сказал, что других белых сплитов не было. Сказал, что у Стефана порченные воспоминания, что это всё падшие подстроили. Ты все знал. Подопытные Шакары уже не были людьми. Это были монстры. Такие же, как и ты.

Я был полностью опустошен и из последних сил вымолвил:

– Коул, ты правда чудовище.

Он хотел мне ответить, но тут дверь открылась с таким грохотом, что ее чуть не снесло с петель. Стефан слышал все до последнего слова.

Водолей бросился на Коула, повалил на спину с таким бешенством, будто хотел впиться в глотку зубами.

Змееносец пропустил несколько мощных ударов, прежде чем опомнился и столкнул с себя противника. Оба вскочили, сцепились вновь, пока Стефан не опрокинул Коула на столик с книгами. Тот с треском раскололся.

– Сука! – в ярости орал Водолей, за грудки притягивая к себе Коула. – Лицо отгрызу, мразь!

Я схватил его сзади и попытался оттащить.

– Убью! – кричал Стефан, брызжа слюной, впечатывая Змееносца в стену.

– Не так! – воскликнул я, уворачиваясь от его локтей. – Надо рассказать другим, должен быть суд...

И все-таки мне прилетело в висок. Я пошатнулся, перестав понимать, где верх и низ, где право и лево. Лишь вопли на фоне и грохот мебели. На кружащемся полу огнями сверкали осколки и кровь.

Сверкнула квинтэссенция Коула. Белые руки оттеснили Стефа, но ненадолго. В конце концов Стефан прорвался и вновь замахнулся. Змееносец обманным маневром ушел вниз, ударил по правому боку. Не так сильно, как мог бы. Но это вдруг полностью остановило Стефа. То было так неожиданно, что даже сам Водолей, казалось, не поверил. Он отступил на подкашивающихся ногах, изо всех сил держась за ушибленное место. Изо рта и носа потекла кровь. Лицо исказилось болью и непониманием. Стефан в последний раз задержал на Коуле озлобленный взгляд, а после рухнул среди обломков.

* * *

Я не отходил Стефа все последующие двенадцать часов, ровно как Фри, Дан и Сара. Это далось тяжело, особенно потому, что ответов не было. Протектора долго обрабатывали кометы, теперь его положили в отдельную палату. Под конец к нам вышла Ханна, принеся с собой тяжелые и затхлые, мрачные чувства. Она не стала долго тянуть, рассказала все как есть.

Был полностью уничтожен правый дуговой эфирный поток. Вне сомнений, это последствия стычки с войдом, когда Стефа пробили насквозь. Протектор не приходил в Лазарет проверяться, как того требовала Ханна, не чувствовал недуга. А если и ощущал, то не придавал тому значения.

– Его же просто ударили, – отрешенно говорил я, все еще не до конца веря в происходящее. – И он упал...

– Это была последняя струна потока, – пояснила мне Ханна. – Она бы ни за что не порвалась в связке с другими, но в данной ситуации даже простой толчок решил дело.

– И-и что? – Фри в панике смотрела то на меня, то на Ханну. – Кометы же все поправили, да?

– Нет, – с тяжестью в голосе ответила Ханна. – Кометы лечат плоть, связывают эфирные потоки с ней. Но сами потоки они спасти не могут. Даже эквилибрумы в сражениях редко их травмируют, этого нельзя сделать ни серебром, ни золотом. Когда страдает такой серьезный поток, как дуговой, им проще отпустить себя в сомниум. Так они лечат душу. У нас... у нас же подобной привилегии нет.

Фри ошарашенно застыла. Чертыхнувшись, Дан спросил:

– И что это значит для него?

Ханна дернула плечом.

– Скоро атрофируется большая часть тела. Ткани уже не обновляются. Они просто стремительно отмирают.

– Мы можем что-нибудь сделать? – уточнил я.

– Только облегчить страдания, – ответила Ханна посреди полнейшей тишины. Скорбно оглядев нас, она добавила: – Но нам всем осталось недолго. Потому так даже и лучше. Побудьте с ним. И друг с другом. Давайте проведем сутки достойно.

Она ушла, а мы просидели возле Стефа еще несколько часов, пока он наконец не пришел в себя.

Смотрелся он еще хуже, чем когда валялся в Лунном доме со вспоротым легким. Протектор моментально хрипло и болезненно закашлялся, попросил воды. И третьим делом Стеф обругал всех эквилибрумов до сотого колена, что удивительно, ведь я ждал, что оскорблять он начнет прежде всего остального.

К информации о своем состоянии он отнесся по-странному стоически, лишь отпустил пару черных шуток.

– Давайте не удивляться тому, что мы полностью бессильны в любом поставленном вопросе, ничего нового, – сипел он. – А это... просто вишенка на торте из дерьма. Мгновенная карма. Нельзя было просто получить конец света, надо еще пострадать напоследок.

– Мы что-нибудь придумаем, – заверил его Дан. Он изо всех сил пытался надеть ободряющую маску, но в конце концов сдался. – Никуда ты от нас не денешься.

– Ага, умник, давай не надорвись.

– Ты постоянно выживал, – с жаром напомнила ему Сара. – Даже при зачистке сплитов после Хиросимы. Звезды, мы и на Ближний Восток таскались, и во Вьетнам. Средиземноморская котловина, Марсельская, те десятиметровые сплиты в Кейптауне. Черт, Стефан, ты пережил это все! Ты не умрешь от такого недоразумения.

– Недоразумение в том, что я выживал во все описанные тобой разы. – Стефан вновь поморщился от боли. – Завещаю сделать из моего праха куличики.

Вскоре Стеф сам предложил нам разойтись. Большинство были на ногах без сна уже сутки, а то и больше. Спать в сложившихся

обстоятельствах никто не мог, но отдых был необходим. Предложением не воспользовался только я, достаточно бодрый из-за звездной половины, и Фри, которая сидела как громом пораженная. Она так ничего и не сказала.

Лишь через десять минут я понял, почему Стеф всех разогнал – он чувствовал, что умирает. Когда это случилось – абсолютно тихо и незаметно, – я с тревогой покосился на Фри. Но она даже не переменялась в лице.

В предсмертной агонии Стефан зажимал в руке свои старые треснувшие часы. Он никогда их не оставлял.

Фри вылетела наружу, метнулась к концу коридора. Я настиг ее, когда она, тяжело дыша, привалилась к стене.

– Не могу, не могу! – в надрыве выпалила протекторша. – Я же должна быть там, рядом с ним, а я не могу смотреть...

– Это тяжело, – согласился я. – Пожалуйста, думай о том, что из нас он самый защищенный от смерти. Еще есть время на...

– Ты ведь видел, как Стефан умирал раньше?

– Да.

Фри затравленно покачала головой.

– И ведь никогда не было так плохо, верно?

Она читала меня так же легко, как и я ее, раскусила бы ложь.

– Стеф всегда возвращался целым.

Его душа, как мне было известно, залечивала смертельные телесные раны. Но сама себя восстановить не могла.

Фри трясло, она подавленно уставилась на свои ладони.

– Я не знаю, как помочь ему. Почему я не могу?

Мне хотелось сказать ей хотя бы одно правильное слово, ведь Фри ни в коем случае не должна была взваливать случившееся на себя. Но в нашу тишину вклинились голоса из-за поворота – кто-то шел к нам.

– Прошу, подумай! – Ханна едва заставляла себя говорить тихо. – Нельзя сдаваться!

– Я всегда любил твой оптимизм, – отвечал Дан.

– Лечению поддается все! Даже самые страшные из случаев! Нужно копаться, изучать, искать выход...

Я с удивлением отметил, в каком она отчаянии.

– Почему ты так спокоен? – не понимала Ханна.

Дан невесело хмыкнул.

– Порой души необходимо отпускать. Хотя бы из сострадания к ним. А попытки вернуть все как было лишь причиняют вред другим. Поверь, я уже научен этим. Смерть в данном случае – лучший из исходов. Я думаю... остальные согласились бы со мной.

Сказанное им повергло меня в шок настолько, что я даже не успел остановить Фри – она в злобе шагнула вперед.

– Да как ты можешь нести такое?! – закричала подруга. Я успел выглянуть и увидеть изумление на лицах протекторов. – Он же твой друг! И он не умрет! Черт, что с тобой не так?!

Фри легко позволила увести ее оттуда обратно к палате Стефана. Мы не говорили, не верили, что Дан вообще мог думать о таком.

В комнате перед кроватью стоял Коул.

– Все хорошо, – тихо произнес он при виде нас, успокаивающе скидывая руку.

– Проваливай! – разозлился я.

Змееносец перевел взгляд на Стефа и досадливо свел брови.

– Я просто хочу с ним поговорить.

Во мне все кипело, но он выглядел так жалко, пытался сохранить остатки былой невозмутимости. Я медленно сел в кресло, Фри примостилась в соседнее, намертво вцепившись в Змееносца предупредительным взором. Лицо Коулу подлечили, оно не выглядело опухшим, но левая половина все равно пестрела синяками, на губе ссадина. Костяшки открытой руки все еще краснели.

Стефан пришел в себя, когда протектор вновь обернулся к нему. Если бы взглядом можно было убивать, то Коул прямо сейчас взорвался бы на такие мелкие куски, что его останки окрасили бы все стены.

– Ты заслуживаешь правды, – сказал Коул. – Хотя бы под конец.

Стеф ничего не ответил, только глазами прожигал в протекторе дыру. Змееносец сел на стул, поправляя темно-болотный плащ.

– Белые сплиты были, – начал за него Стеф. – Шакара их сделала.

Коул кивнул.

– И тебя?

– Нет. Мне повезло отдельно. – Коул неуверенно провел ладонью по волосам. – Я такой уже несколько веков.

– Как белые сплиты могут существовать? – спросила Фри. Звучала она до смерти усталой. – Сплитов создает только Тьма. Это

всем известно. Светлые бы не пошли на такое...

– Душевные расколы бывают с двух сторон, – ответил я. – Это логично, если подумать. Другой вопрос в том, что темные изначально выпустили к нам полностью темных существ, а не перерожденных людей. наших сплитов уже создала Шакара для продолжения нашей протекторской миссии. Она не делала светлых кандидатов, не отделяла Тьму от души. – Я мрачно вздохнул. – И звезды нам сказали, что иного положения вещей быть не может. Лишь Тьма порочна и поглощает чужие души. Но теперь мы знаем, что на это способен и Свет.

Мы устали на отрешенного Коула.

– Да. Такова суть вещей.

– Но как Свет может быть таким уродливым? – ужаснулась Фри. – Это же Свет!

– Раскол души уродлив на любой стороне. Он не видит ни войны, ни чести. – Коул нервозно поджал губы. – Только голод.

– Что с тобой произошло? – спросил я напрямик. – Почему ты остаешься в сознании? Как ты таким...

– Нет... – с трудом выдал из себя Стефан, ни секунды не гася злобы. – Сначала расскажи... другое.

Ему было совсем плохо, он даже отодрать голову от подушки не мог. Только через силу вбирал в себя воздух.

– Твоя метка. – Эти слова упали на Коула гранитной плитой. – Ты никогда не говорил об этом мне. Вообще никогда... И знал, что я такой же. Рассказывай, чтоб тебя. Сейчас.

Коул все метался, не зная, как подступиться.

– Ты точно хочешь, чтобы они... – указал он на нас с Фри.

– Да.

Тогда Змееносец зашел с самого далека. С небольшой рыбацкой деревушки в Эссексе, где он должен был прожить всю жизнь со своей женой, зарабатывая человеческим трудом, ловя рыбу, как и его отец, дед, прадед и все остальные. Простое ремесло. Планы нарушил разгоревшийся в душе Коула Свет. Ему тогда было двадцать четыре года. Началось его обучение. Но семью он не оставил.

– Правила не запрещают навещать родных, – с грустью усмехнулся он. – При условии, что ты возвращаешься в Соларум и делаешь свою работу. Многие пользуются этой лазейкой, пока семья

сама не начнет тебя забывать. Сколько протекторов сломались об это. Но оставить Элену я тогда был не в силах.

Уже через год он стал Змееносцем. И постигал мир дальше.

– Я когда-то познакомил тебя с Меркурием, – сказал Коул Стефу. – И не ты один с ним играл в «мерцания» на всякую мелочь. Я ему часто проигрывал небольшие заряды памяти в ценсумах. Любил, знаешь, играть без серьезных ставок, просто развлечение. Но в один из вечеров, после большой поставки в «Белый луч», Меркурий принес странные вещи. Помню, как мы играли на линзы, сквозь которые можно было видеть реальные эмоции душ. Тот кон я продул. А потом он бросил на стол сверток. Не сказал даже, что в нем, только намекнул, что мне, как приземленному с короткой жизнью, это понравится. У Вселенной и Судьбы отвратительное чувство юмора. Именно сверток мне и удалось выиграть. Я никогда не договаривался с хозяином метки, даже не был с ним знаком. В свертке был контракт – стекло с его кровью и частью эфира. Мне лишь нужно было добавить то же от себя. – Взгляд Коула, устремленный куда-то в пустоту, отяжелел. – Я был молод. Кто не захочет бессмертия? Звезды живут вне сомниумов миллионы лет, значит, это возможно и не запрещено. Более того – это нормально. К тому же я не знал, на что меня обрек Меркурий, не предупредив о некоторых деталях контракта. И я подписал. И с тех пор воскресал после каждой смерти.

– У тебя были дети, – прошипел Стефан, давясь от боли.

– Аррон и Магда родились через год после этого. Примерно тогда же по мою душу пришел хозяин метки – Хтеабиион ад Канопус.

Как оказалось, планетар был не в восторге, что его метка оказалась в использовании у приземленного. «Белый луч» обманом получил несколько контрактов для высокопоставленных звезд. У тех заряд метки через какое-то время бы выгорел, но на протекторе закрепился намертво. И такой тип выкорчевать можно было лишь смертью, которую метка, собственно, и предотвращала.

– Ему не было дела, – тихо проговорил Коул, хмурясь. Я ощутил кислую тоску в его душе. – Вообще. У него просто имелись принципы, и даже то, что меня подставили, для гребаного планетара роли не играло. Он был медиком. Душевным. Хтеабиион знал, как быстро разрушить душу и повредить ее достаточно сильно, чтобы случился раскол. Его метка лечила только плоть, но не эфир. Так он надеялся,

что меня со временем убьют свои же. Будут пытаться снова и снова. И он уничтожил в моей душе эссенцию, выделяющую те самые крохи темного эфира. Они ведь нужны нам, потому что протекторы все еще приземленные, хоть и отмечены Светом, и без толики Тьмы – мы сломаемся и сами станем сплитами. В людях всегда обязаны присутствовать оба эфира. Но без той жалкой части Тьмы я стал, – он показательно сжал руку в перчатке, – таким.

Без темной стороны человеческая половина не превратилась бы в сплита, но из-за звездного Света внутри Коул сохранял рассудок. Хтеабион этого и не учел: он думал, что создаст безвозвратного монстра, не зная, что Коул уже стал протектором и принял в себя эфир звезд, которым Тьма для существования не нужна. Человеческая и небесная часть, Змееносца сотворили из него диковинное существо. Аномального сплита, способного как обращаться в тварь, так и возвращаться в человеческую, здравомыслящую форму. Мне было легко в это поверить, ведь я сам когда-то подвергся расколу и мог слабо, но контролировать себя. Звездные гены спасли разум.

– Признаюсь, я задумывался о смерти. Я и сейчас частенько о ней думаю. Жить так непросто. Это убивает морально. Оно сидит внутри меня и холодом скребется, выгрызает все, до чего может дотянуться. – Змееносец судорожно сглотнул. – И никогда не оставляет. Никогда. Хуже всего сны – полностью пустые, только скрежет зубов. Голодный и мерзкий. Он преследует меня и в те дни, когда приходится идти на охоту за темными сплитами, где запах Тьмы сильнее. От голода сшибает с ног.

Коул сторбился, потирал руки и, больше не стесняясь, вываливал все как есть:

– Да, смерть казалась заманчивой. Я чувствовал себя одиноко и неправильно. Не должен протектор быть таким. Никто вообще не должен, это неестественно. Но не знаю, смогли бы протекторы меня прикончить, а неубиваемый белый сплит, который способен запустить новую цепочку кандидатов, мог осложнить жизнь всем. Потому я держался не только ради себя. Ради всех. Скрываться не составляло труда – все защитные системы Соларума заточены на предупреждения о Тьме, так что ее полное отсутствие во мне не заметили. Некоторое время монструозная сторона разрывала меня, пока я не понял, что, поддерживая часть своего тела, например руку, в таком...

непрезентабельном состоянии, я могу намного дольше сохранять трезвость рассудка. А проблему голода я решил охотой. Мне хочется поглощать темный эфир. Он не приживается, но на какое-то время позволяет вернуться в норму.

– Ты уходишь раз в сезон, – догадался я. – Выходит, не просто пострелять уток.

– Нет. Рядом с тем местом небольшая котловина. Когда я чувствую, что голод давит так сильно, что уже не слышу собственных мыслей, отправляюсь туда. Остаюсь в этой котловине и теряю себя на неделю или две. Я не питаюсь душами здоровых приземленных. Я охочусь на темных сплитов. Почти не помню, как это происходит, но рано или поздно прихожу в норму. И иду дальше.

Образ двух гниющих чудовищ, дерущих друг друга на куски, вызывал дрожь. Отвратительное видение. Если Коула с ума сводил темный эфир, то он сам должен был привлекать внимание сотен черных сплитов. Похоже, благодаря своей метке ему удавалось выживать даже там.

– Вы видели, что со мной происходило в последние месяцы, когда обстоятельства не давали мне отпустить себя. Оно подавляет, калечит физически. Но вы даже не представляете, насколько это страшно: срываться, отдавать себя в плен чудовищу. Становиться им. Сходить с ума от голода. И не знать, очнешься ли на этот раз.

Он был искренен, полностью загнан своим положением в угол. Коул оставался заложником, но выживал как мог, минимизируя последствия обращений.

Стефан не испытывал к нему и толики сострадания. Он продолжал давить:

– Дети.

Глаза Коула поблекли.

– Аррон умер в шесть. Я часто навещал их и приглядывал. Протекторство показало мне уродливую сторону мира. Мне казалось, что Тьма повсюду, сплиты и кандидаты за каждым углом. Я не мог бросить семью в этой черноте. Постоянно наблюдая, как беспричинно погибают другие люди, нельзя выбросить из головы, что подобное случится и с теми, кто тебе дорог. И оно случилось. Я не мог быть с ними неотлучно, но и мое частое присутствие сделало свое дело.

Сплиты тянулись к Свету, и, когда Аррон один забежал слишком далеко в лес, его схватили. А меня там не было.

Он умолк. Утоп в давящих воспоминаниях. Наверняка Коул тысячи раз проматывал в голове иные сюжеты, в каждом из которых он спасал сына. Ровно так же, как представлял жестокую смерть ребенка.

– А дочь?.. – не унимался Стефан.

Его маниакальная упертость тревожила. Даже Фри неуверенно поглядывала на Водолея.

– Магде и Элене больше нельзя было там жить, – ровным голосом продолжил Коул. – Точнее, я не мог оставить их в том месте. Потому переселил обеих на юг Франции, подальше от Англии. И ушел из их жизни. Они забыли меня, а я больше не возвращался.

Тишина продлилась недолго.

– Когда ты понял, что Магда такая же, как и ты?

Я вытаращился на них обоих, чувствуя, как волосы на затылке зашевелились. Коул отнесся к вопросу Стефана спокойно. Он его ждал.

– Через восемь лет. У Магды была чахотка. Я все еще наблюдал за ними издали, но к тому времени – редко. Когда мне стало обо всем известно, то я немедленно пришел. В моих же силах было вылечить ее от простых приземленных недугов. Но когда я вошел в дом, она уже была мертва. Помню, как стоял там, не понимая, кто я есть и что я есть. Тогда ничего смысла не имело. Передо мной лежал мой мертвый ребенок. Уже второй, к которому я не успел вовремя. – Его губы тронула едва заметная горестная улыбка. – Но Магда вернулась. Все еще больная, ведь свойства метки не лечат от хвори. Я помог ей манипуляциями. Она меня не узнала. Как и в те редкие разы после, в течение всей ее жизни. Кроме последнего... Магда покинула этот мир только в старости. Ей было сто пять лет. Тело уже не могло поддерживать жизнь, она умирала раз за разом, пока смерть не выпала на минуту ее рождения. Тогда об этой особенности я, конечно, знать не мог. Это выяснили ее дети и внуки. А я понял, что эфир протекторов, даже с их необычными свойствами, как и эфир звезд в генах, передается по наследству.

Стефан шумно вдыхал воздух, отравляя ненавистью комнату. Видя это, Змееносец натянул блеклую улыбку чуть шире.

– Ты не первый из нашего рода, кто побывал в Соларуме. Я следил за ними. За каждым из вас. Видел, как некоторые наследовали все

свойства эфира, видел, как моя кровь доживала до внушительных лет, а потом умирала в муках. У каждого роковое время было своим. Я наблюдал, как они мигрировали в Италию, прошли до Венеции, обосновались там, крепили и жили, неся в себе странный, непонятный им дар. Сначала Харрис, потом Бастьен, Леду, Марино, Кавалли с их часовой лавкой – и вот, наконец, Феррари. Иногда в моих потомках, даже не связанных с даром, Свет горел достаточно сильно, чтобы пробить морок или даже вспыхнуть. До тебя здесь было пять адъютантов. Я поддерживал каждого, ведь был за них в ответе. Особенно близок оказался с теми, кто стал протектором. Блез – Летучая Рыба и Виттория – Паруса. Они были такими замечательными... действительно светлые души. Им повезло чуть больше: у них не было твоего дара. Но на тебе, Стефан, все остановится. Больше никого не осталось.

Я переводил изумленный взгляд с одного на другого. Конечно, я и раньше замечал сходство их внешности, только слепой бы не заметил. Прямые черные волосы, янтарный или золотистый оттенок глаз, бледнота, правильные черты лица. Опять же я на собственном примере знал: звездный эфир силен даже при передаче через гены. Преемственность прорывалась из глубины веков. Но я и подумать не мог, что здесь скрывалось подобное.

Стефан молчал, а потому Коул продолжил:

– Я сразу взял тебя под крыло. Видел, как трудно тебе адаптироваться. Ты не знал о своих способностях или не верил в них. Я дождался, когда ты сам расскажешь мне о даре, а потом поддерживал как мог. Ты стал хорошим человеком и протектором. Это не моя заслуга, а полностью твоя. Но я все равно был горд.

– И что же случилось, Коул? – ядовито спросил Стеф. – Давай... не вешай мне лапшу на уши. Договаривай... Как ты начал срывать.

Об этом Коулу, казалось, говорить было почти так же трудно, как и о смерти детей. Сплит иногда вырывался, хотя Змееносцу удавалось оказываться при этом в незаметных местах. Но однажды он перетруился ровно так же, как и сейчас. И сорвался во время охоты, на которой был с Рамоной и Греем. Рыбам удалось обездвижить Коула, но он успел разодрать новобранцу грудь и практически вырвал оттуда душу. Грей выжил только благодаря Рамоне.

– Она предложила взять вину на себя, – потупившись, вымолвил Змееносец. – Но не думала, что я подтвержу столь длинный срок ее ссылки. Иного выхода не было, такое судится по высшей строгости. Но под конец она не вернулась. Думаю, Рамона боялась меня. Или ей было отвратительно находиться со мной рядом. Я потерял и ее.

– А падшие, а? – Стефан холодно прищурился. – Когда я застрелил двенадцать человек и еще одного у входа. Ты тогда был главным, ты проводил расследование... Ты всегда был рядом... Просил не рассказывать другим о даре... Говорил, что он уродливый, что другие не примут меня... Я всегда тебе верил. Ты просматривал мою память. Ты сказал, что подопытные все еще были людьми... Ты оправдывал меня перед протекторами... хотя они требовали моей казни... Ты оправдывал меня перед послом и эквилибрамами... ты... ты оставил меня жить с этим...

– В тех обстоятельствах я был вынужден и не мог поступить иначе. Если бы информация о белых сплитах подтвердилась, все начали бы искать...

– И вышли бы на тебя.

– Иного выхода не было.

– Ты... не... сказал мне об этом, кусок дерьма. Ты мог... И я бы понял. Но ты убеждал меня, как и все... что я – чудовище и трус, что я – палач собственных друзей. Ты... бросил меня. А я тебе поверил. Всегда верил, как никому другому...

– Стефан, я не жду, что ты простишь меня. Я знаю, что заставил тебя чувствовать...

Змееносец осекся от внезапного хохота Стефа, которым тот давился, но не мог остановиться. Это выглядело так жутко, что Фри сжала меня за локоть, в трепете наблюдая за Водолеем.

– Ты... знаешь?! – клокотал он. – Ты?!

– Я искренне сожалею, что не рассказывал о себе. О том, что тебе пришлось пережить. Стеф, если есть хоть что-то, что я...

Стефан заставил себя привстать на локтях. Это было медленное, тяжелое движение. Его трясло, на бледной коже проступил пот. Но взгляд был ясен и полон чистой ненависти.

– Если ты еще хоть раз ко мне подойдешь... – со свистом выдавливал он сквозь стиснутые от натуги челюсти. – Я клянусь... слышишь меня, гнида... я выполню обещание и отгрызу твоё сраное

лицо... выдавлю глаза и закопаю тебя так глубоко, чтобы ты никогда не выбрался... чтобы ты давился землей, подыхал и подыхал, пока заоблачники не уничтожат всех нас.

Учитывая, как изможденно он упал обратно, угроза звучала так себе. Но она все равно возымела должный эффект: Коул медленно встал и двинулся к выходу.

– Прежде чем ты расскажешь остальным, дай мне уйти, – сказал он на прощание с пустотой в голосе. – Я отправлюсь в котловину. Будет справедливым встретить конец в той форме, которая мне больше всего подходит... – Коул отвернулся. – Мне правда жаль.

Глава XXXIX

Останься со мной

Меня снова клонило в сон. От формы тянуло гнилью, душ не помешал бы. Я вполне мог позволить себе такую роскошь. Ведь у нас остались целые сутки.

Зайдя за чаем в небольшую кухню тринадцатого этажа, где протекторы могли что-нибудь по-быстрому себе приготовить, не спускаясь в общую трапезную, я обнаружил там Паскаля. Он сидел за столом в потемках, границы которых нарушал лишь блеклый огненный светильник у плиты. За другими столами не нашлось никого.

Паскаль, вразвалку сидящий на диванчике, оторвал взгляд от пола и перевел его на меня. Немного подумав, кивнул на место напротив. Я подчинился. Это было странно: мы не особо общались, но и неприязни между нами не было. Все, что было до отправления Антареса на небеса, осталось там же, претензий друг к другу у нас не имелось. Как и общих тем для разговора. По крайней мере, пока не наступил конец света.

– Двадцать три часа, – прогудел он, наливая пойло из фляжки в один из стаканов. – Я иногда пытался убить целые сутки. До тошноты длинный срок. Думал я тогда. А сейчас – что-то жалкое и короткое. Секунда.

– Даже секунда может изменить все.

– Она и изменила. Какая-то из этих сотен миллионов.

Паскаль пододвинул стакан мне. Я принял без всяких возражений и отпил горько-терпкую жидкость.

– Ты с охоты? – прищурился Скорпион, глотая сразу из фляги. Взгляд его казался мутным.

– Кто-то должен, – кивнул я. – Мы же не рассказали адъютам о решении инквизиторов. Нельзя останавливать охоту.

– Даже после того как звезды оставили нас.

– Люди не виноваты в этом. Они не заслужили Обливиона. Я готов биться за каждую из душ, только бы им дали отправиться по дальнейшему пути. Это шанс хоть на что-то.

Я не рассказал ему всего. Сегодня была не только охота. Я хотел оказаться в толпе, послушать реку голосов, смех, гудки машин, увидеть бездумно торопящихся куда-то людей, не видящих ничего, кроме собственного мира. И закатное небо над головой – чистое и далекое, яростно догорающее в последний раз.

По обезображенному лицу Паскаля скользнула ухмылка.

– Ты хороший протектор, Максимус. Побольше бы таких, кто ценит это дело. Жаль, что все закончится вот так.

Он тяжело сгорбился над столом. Я только сейчас заметил, что Паскаль себя подзапустил: на лице щетина, а волосы сально кудрявились. Странно, я думал, что они у него прямые.

– Это был наш дом, – сказал протектор. – Все, что у нас было, и все, что осталось. Это место, где мы обрели себя, получили цель и какие-то ответы на вечные вопросы. Я никогда его не презирал, хоть и пытался. И теперь оно исчезнет во тьме. Как и все человечество, тысячи лет эволюции и прогресса. Полный крах. Столько великого пропадет: все идеи, философии. Памятники культуры, которые должны были пережить вечность. Ты видел картины Вермеера? – Я неуверенно качнул головой, но Паскаля это не смутило. – Он за свою жизнь и полсотни картин не написал, а выразил так много. Я видел его полотна и в Дрездене, и в Амстердаме, и в остальных галереях. Как много их было... почему просто не сделать единый склад искусства одного творца? Чтобы проследить весь его путь в одном месте и времени. Похоже на душу, думаю.

Впервые Паскаль при мне был настолько общительным и вдохновленным. Он продолжал говорить о Гойе и «Мрачных картинах», «Демонах» Врубеля, гротескных и длинных фигурах Эль Греко и о многих других художниках, о которых я либо слышал мельком, либо не знал вовсе. Но это не мешало мне понимающе кивать, иногда отхлебывая из стакана. Душа Паскаля сияла, освещала окружающую темень. И это было красиво.

Пожалуй, я даже понял, как Ханна смогла терпеть этого сухаря многие годы. Паскаль просто очень хорошо притворялся. Как и мы все.

Я осмелел и спросил его о ней. Раньше Паскаля и Ханну часто можно было найти рядом друг с другом, но с недавних пор все немного поменялось. Паскаль задумался и спокойно ответил:

– Все в порядке. Ханна всегда была мне дорогим другом. – Он сделал глоток с кислой миной. – Но все равно не понимаю, что она нашла в этом кретине с одной рабочей извилиной.

После недолгой беседы о пустом Скорпион задал вопрос о переводе текстов Шакары. Честно, я даже позабыл о них. А Гесцил как раз дал подсказку.

– Облака? – нахмурился он.

– Ага. Хотя сейчас уже не знаю, как это нам поможет. Перевода нет. Только за вчера были аннигилированы еще пять мест...

– Ламия считала это важным. Она абсолютно точно была чокнутой. Но дело свое знала. Какого цвета облака?

– Белые? – неуверенно уточнил я.

– А ты смотрел, какого цвета они на той планете? – спросил Скорпион, глядя на меня как на идиота.

– Вообще-то нет.

– Так займись этим! Звезды, у тебя двадцать три часа, потрать их хоть на что-то полезное.

На выходе до меня донесся его скорбный тихий голос. Паскаль что-то напевал.

* * *

Фри сидела в кресле, подобрав под себя ноги, и напряженно взирала в проекционное окно, за которым не переставал барабанить дождь. Ей казалось, что он отсчитывал время – быстро утекающее и мимолетное, не дающее за себя ухватиться.

Только когда Стефан едва слышно захрипел, девушка встрепенулась и подалась к нему.

– Хочешь, налью воды? Или еще обезболивающего?

– Не надо, – сипло прошептал он. – Ничего уже не помогает.

Стеф выглядел ужасно. Неестественно бледный, но не как заоблачники, а болезненно. Он вздрагивал от озноба, дергался, свистящее дыхание вырывалось изо рта. Думалось, каждый вздох дается ему с огромным усилием, словно Стефан наполнял тугие мехи. Зрачки метались под полуопущенными веками, которые он время от времени резко открывал.

Фри было тяжело видеть Стефа таким, ведь это она повела его на то задание с войдом. А теперь не знала, как ему помочь.

– Прости меня.

– За что ты извиняешься? Ты... ты ничего не сделала.

Фри хотела возразить, но не нашла в себе сил.

– Я так устал... – выдохнул Стеф.

– Как давно ты спал?

– Не знаю. День. Может, два.

– Сколько?! Тебе необходимо отдохнуть. Хочешь, я принесу снотворное?..

– Нет. Только не его.

– Но...

– Фри, они не знают, как меня вылечить. – Стеф перевел на нее убитый взор, мутный, как запотевшее окно. – Это все... бессмысленно, понимаешь? Это конец.

– Ты что такое говоришь? – похолодела она. – Ты еще жив! Кометы и Ханна работают над...

Он еле заметно качнул головой. Даже это далось ему с трудом.

– Это произошло уже пять раз за сутки.

Мурашки пробежали по спине Фри. Она с трепетом внимала шепчущему Водолею.

– Оно... происходит все чаще. Так всегда погибали мои родственники. От серьезной болезни или старости. Когда тело уже не жизнеспособно и ты умираешь... раз за разом. И в один момент смерть выпадет на то самое время.

Его голос дрогнул, и Фри вдруг с изумлением осознала, что это вовсе не боль. То, как он сжимал одеяло слабевшими руками, как сбивались слова, как умоляюще смотрели в пустоту глаза... Стефан до ужаса боялся грядущего.

– Я боюсь уснуть и не проснуться, – сквозь стиснутые зубы говорил он, морщась. – А время на моей родине скоро наступит. Я не хочу... не хочу умирать насовсем. Не так. Это ведь бессмысленно и жалко. Пока я здесь, даже с гребаным концом света еще есть какой-то шанс... но на той стороне его не будет.

– Я бы хотела тебе помочь. – Ее голос дрогнул. – Если бы только я знала как... Но я опять бесполезна...

– Ты не бесполезная.

– Ты сам меня так назвал. – Фри даже не стала сдерживать грустную улыбку, кажущуюся столь дикой в тот момент. – Когда я пришла к тебе тогда, давно. Ты совсем этого не помнишь после того, как отдал Поллуксу десять лет памяти?

– Помню вечер. Сам разговор – плохо.

А вот Фри помнила его отлично. Даже спустя столько времени она прогоняла в мыслях услышанное тем днем, ведь оно, по сути, создало ее нынешнюю, следовало по пятам и кололо всякий раз, вызывая еще больше неуверенности в себе.

– Я пришла к тебе, чтобы поддержать, – скорбно донеслось от Фри, снова отвернувшейся к дождю за окном. – Тебя только отпустили из суда с оправданием, после двух недель в карцере.

Там было темно, в его комнате, но Фри смогла разглядеть сквозь открывшуюся щель, что Стефан замазывал стену серой краской. Раньше на ней были изображения соборов, удивительно воздушные и подробно нарисованные. Но протектор решил уничтожить свою работу, а Фри отвлекла его от дела. Он смотрел на нее так холодно, будто она провинилась перед ним. Этого Фри от Стефа не ожидала.

– Ты вышел. В краске, в пятнах, совсем убитый.

– Фри...

– А потом, когда я попыталась хоть что-то сказать, ты... тебя словно подменили.

Протекторша почувствовала, как глаза защипало от слез. Стефан точно хотел отыгаться на ней за все случившееся с ним. Его обвинения были чертовски обидными до сих пор, даже сейчас, после того как между ними все вновь стало хорошо. Порой так бывает – когда слова годами дерут душу на части, не теряя силы. Ваяют из людей кого-то другого.

Стефан смотрел на нее будто в молчаливой просьбе не продолжать. Словно оно тоже его глодало.

– Ты тогда сказал мне... – Фри пришлось собраться с духом, чтобы воскресить эти слова. – Сказал, что ты не понимаешь, как я стала протектором. Звезды ошиблись. Что после всех моих тренировок ты уверен: я бесполезная жалкая обуза и буду лишь мешать другим, ведь сама защититься не смогу. Что я умру жестоко и болезненно, по глупости. Потому что слабая. Без способностей. Вкладывать в меня силы и ресурсы – бессмысленная трата времени. Здесь не нужен

калечный бестолковый протектор. Ты считал... считал, что я занимаю место «нормального» человека. И надеялся на скорейшее исправление этого.

Он сказал тогда намного больше, ядовитее, и каждая фраза ранила ее ножом. Фри доверяла Стефу и никогда бы не подумала, что он видит ее такой. Мусором со сломанной душой.

– Я сбежала, – подытожила она. – И возненавидела тебя. Я не думала, что суд так тебя изменит.

– Фри...

– Почему ты так поступил, Стефан? Мы же были друзьями! Зачем...

– Я за час до этого себе голову прострелил.

Фри потрясенно замерла.

– Суицид – прямая дорога в Обливион. Но тогда я нажрался и понял, что жить с произошедшим не смогу... Решение суда было... несправедливым. Я убил не просто людей. Протекторов. Друзей. Я нарушил самый главный закон этого места. Все это понимали. Я должен был понести наказание. За страх и слабость. И в итоге и то и другое помешало спустить курок в нужное время... – Теперь уже невпопад улыбался он, через силу и, скорее, от безысходности. – А так долго решался. В конце концов опоздал и просто загадил стены... – Стеф резко поморщился от боли, из глотки раздался хрип. – Сраный Коул... Все из-за...

– Почему ты не рассказал мне? – холодея, вымолвила Фри. – Я бы все поняла! Черт, кто-то должен был находиться с тобой рядом в тот момент! Стефан, я бы поддержала!

– Я же сказал: я хотел себя наказать. До твоего прихода только и успел очнуться, переодеться и умыться. И стал убираться. Запаниковал, что ты увидишь кровь на полу. Я... не должен был прогонять тебя так жестоко, но после мозговых травм всегда туго соображаю.

Слова застряли у Фри поперек горла. А Стеф продолжал, сбивчиво, торопливо, как в бреду:

– Мне стыдно. Я хотел тебя задеть. Давил на самое больное. Но перестарался. Это были мои тараканы, не твои... Я не должен был... Ты не бесполезная. Ты удивительная. Никто другой так бы не развился. Мы легко пользуемся эфиром, ты – нет. Но при этом сражаешься с

нами на равных и даже лучше. Фри, ты... характером сильнее всех этих идиотов... Сильнее, чем я... Прости меня... Прости...

Стеф дышал часто, задыхался. А затем изогнулся, тяжело застонав от боли.

Фри испуганно вскочила и бросилась к выходу.

– Приведу комету...

– Нет!

Она замерла в проходе, непонимающе глядя на обмякшего Стефа.

– Не оставляй меня одного... – тихо взмолился он в никуда. –

Пожалуйста.

Фри сделала шаг к Водолею.

– Я устал... Я так устал...

Взяв себя в руки, протекторша спросила:

– Хочешь, я останусь с тобой? Пока ты не уснешь.

Он поднял тяжелые веки и мутно посмотрел на нее, казалось бы, с искрой недоверия. Но в конце концов просто кивнул. Поколебавшись, Фри легла рядом с ним, по другую сторону от раны, и осторожно приобняла. Стефан показался ей таким ледяным, на коже выступал пот. Он без сил привалился головой на ее плечо, не переставая биться мелкой дрожью.

– Часы... – попросил Стеф.

На тумбе лежали две пары. Одни карманные и золотые, которые не шли. Другие наручные – с ними все было в порядке. Фри притянула к себе все и положила на одеяло. Стефан одеревенелой рукой сжал золотые насколько мог и оберегом прижал к груди.

– Сколько времени?

Взяв и посмотрев на вторые часы, Фри отчиталась:

– Без двадцати пяти шесть.

– Главное – пережить время...

– Эй, ты не умрешь, – Фри ободряюще сжала его предплечье. – Только не в мою смену, слышишь?

– Сейчас, возможно, нет... Но скоро.

– Не говори так.

– Фри, я покойник. Ты и сама уже поняла.

Это было сказано настолько твердо, что девушка не смогла спорить. Стефан смирился, несмотря на страх. Ему не нужна была ни жалость, ни убеждения. Лишь тот, кто останется с ним до конца.

– Вечность дала мне слишком много времени, – выронил Стефан. – А я его даже потратить правильно не смог.

– Прекрати себя хоронить! – с жаром воскликнула Фри.

– Надо было извиниться перед тобой намного раньше. Столько времени впустую...

Она лишь сильнее сжала челюсти. Протекторша с состраданием гладила его, вслушивалась в порывистое дыхание и думала, что Стеф уже заснул, когда тот едва слышно произнес:

– Я знаю... что это лишь из жалости. Как и все остальное, что вы делаете для меня. Я понимал всегда... и все равно спасибо... что осталась. За все.

– Что? – Фри удивленно посмотрела на Стефана. – Из какой жалости? Стеф, ты важен! Для всех нас! Для меня! Почему ты...

Она не договорила, подавив слова. Спор бы отнял у него силы, которых и без того осталось мало. Вместо этого она проглотила застрявший в горле комок, положила подбородок на макушку Водолея и спустя пару минут тихо замычала под нос. Мелодия не блистала чем-то выдающимся, казалась фальшивой из-за нервного дыхания. Фри надеялась, что это поможет Стефану успокоиться. Его дрожь постепенно спадала, он и вправду заснул. Вместе с этим по щекам Фри пробежали слезы, крупные и горькие. Она больше не могла сдерживаться, они застелили ей взор, но смахнуть не было сил. Их вообще ни на что не осталось. Ушло все: каждая эмоция и чувство. Место в груди занял ком душевной апатии. Фри лишь сильнее стиснула Стефана, когда через некоторое время его дыхание стихло настолько, что стало почти неразличимым.

Прошло так много времени, что она замерзла и смолкла. Фри и не заметила, когда сердце Стефана прекратило биться. В момент осознания ее захлестнул вакуум тишины, словно вода забила уши. Лишь тонкий комариный звон в голове. Фри затрясло.

Держа перед собой наручные часы и глядя на отметку в шесть часов, она не переставала думать обо всем ужасе творящегося. Это касалось не столько смерти, сколько полного непонимания: почему со Стефаном она одна? Где остальные? Как они могли найти дело важнее, чем быть с ним – здесь и сейчас? Почему Макс и Сара охотились, почему Дан успел похоронить друга? Почему никто, кроме нее, не пришел в момент, когда Стеф нуждался в других?

А если бы он не воскресал? Он бы умер, и никто об этом не узнал?

Фри давилась слезами, изредка всхлипывая, прижавшись к безвольной голове со сваявшимися черными волосами.

Шесть ноль один.

– Пожалуйста...

В шесть ноль три Стефан дрогнул, и Фри облегченно выдохнула. Он так и не проснулся. Ее трясло от бессилия и злобы на других. Оставалось так мало времени на все на свете, что Фри решила не молчать и скрепя сердце направилась к башням протекторов.

Глава XXXX

Последняя ночь на земле

Я проверил все, как и настоял Паскаль, даже сходил в Архив ради такого и заставил ассистов напрячься со столь сложным запросом.

Зеленые. Светло-зеленые с изумрудным отливом. Такими были облака на той планете. Прямо как изначальный цвет глаз Грея – это я выяснил по его снимкам еще времен протекторства.

Оказавшись в комнате, я первым делом потянулся сохранить последнюю память в мемориум. Я не знал, какой в этом теперь смысл, но по странной причине это приводило мысли в порядок и успокаивало. Будто все еще был смысл хоть в чем-то.

В дверь забарабанили как раз в тот момент, когда из глаза в линзу перетекали последние события минувших дней. Я распрямил затекшую спину, встал и впустил Фри. Ее зареванный вид потряс. Она никогда так не выглядела. И я даже не думал, что могла.

– Ты! – набросилась она, оттесняя и тыкая пальцем мне в грудь. – Где тебя носит, черт подери?! Ты... Почему ты...

Она не договорила, начав задыхаться и плакать. Сморгнув потрясение, я сделал шаг к Фри, и та моментально прижалась ко мне, не прекращая рыдать. Это длилось долго, а я молчал, просто давая подруге прийти в себя.

– Почему тебя не было рядом с ним? – спрашивала она, икая и отстраняясь. – Почему тебя не было рядом со мной? Я устала тащить это на себе! Тебя рядом нет, и Дана, и других. Я устала постоянно реветь и быть соплей, это же не я!

Протекторша закрыла лицо ладонями в тщетной попытке успокоиться.

– Я устала быть одна, – всхлипывала она.

Ее рукава скатились, блеснул металл. Я отодвинул ткань и увидел странный наруч, по которому скользили кольца орбит.

– А это что?

Она посмотрела на них и горько выдохнула.

– Макс, у тебя была тайна, которую ты никому не мог доверить, потому что боялся, что тебя сочтут неправильным? Даже близким

друзьям. – Фри говорила так, словно отрывала каждое слово от сердца. – У меня такая, кажется, есть. И я не знаю... не знаю, как рассказать! Но очень хочу. И боюсь, что ты и остальные больше не будете смотреть на меня как раньше. А это все давит изнутри, становится таким чертовски тяжелым. Как быть с таким дальше – неизвестно и страшно. Ты хоть когда-нибудь испытывал подобное?

Я медленно закрыл дверь и замер. Мне было известно, о чем она. Звезды, я чувствовал то же изо дня в день уже долгое время.

– Знаешь, это есть у всех. И почему-то мы держим такое в себе, боясь открыться другим, не понимая, что похожи. Это как собственная клетка. И мы носим ее с собой. Ты, я, Стефан, Сара... Даже Дан, я уверен. Почему-то мы все так уверились, что разберемся со своими проблемами в одиночку, – мол, другие не поймут и отвернутся. Но так только хуже. Если ты сам себя не понимаешь, то, может быть, это смогут сделать близкие тебе люди? Нам просто нужно разговаривать. От этого становится легче. Я понял это не так давно, поделившись всем с Сарой.

Фри молчала с вопросом на лице, на что я улыбнулся:

– И это помогло. Мне показалось, что с шеи петлю стянули. Так что, отвечая на твой вопрос... Если я расскажу о своей клетке, то тебе будет проще открыть мне свою?

Не сразу, но она кивнула. Я выдохнул для уверенности. Сняв с себя подвеску, увидел в зеркале позади Фри себя настоящего. Ее глаза изумленно округлились.

– Надо было давно тебе показать, – произнес я. – Но я тоже боялся, что ты не поймешь. Глупо, да? Ну вот он я. Полузвезда, получеловек, неполноценный с обеих сторон. Нет, это не последствия слияния с Антаресом. Оказалось, я такой с рождения.

Час с лишним мы стояли на балконе, Фри задавала вопросы, а я отвечал. На какие мог.

– Подожди, а как ты спишь? И что ешь? Вроде нормальную еду, я видела! А в туалет вообще ходишь? Что у тебя с органами, я слышала, что у эквилибрумов нет печени и остальной половины наших, а другая половина работает иначе!

– Давай хоть какие-то секреты за мной оставим.

Короче, вопросов накопилось немало, но, кажется, чем больше ответов было дано, тем легче мне становилось.

– А Антарес? Ты совсем его не видел после всего?

– Нет, – вздохнул я, разглядывая кроны деревьев. – Это неприятно. Хотелось бы знать, почему он так поступает. Но теперь, кажется, Антарес обо мне и не вспоминает. Он же звезда. Верховный. До сих пор не могу это в голове уложить даже спустя столько времени. В любом случае черт с ним. Больше это значения не имеет. Я рад, что успел открыться тебе перед тем, как все закончится.

Фри посмотрела вверх. Там как раз промелькнула короткая дуга метеора. Весь мир простирался перед нами, вся его бесконечность. Но он был закрыт. Свой конец мы встретим здесь.

– Как думаешь, им хоть когда-то было не все равно на нас? – спросила Фри, вглядываясь в звезды.

– Думаю, да. Зачем-то они нас всех создали.

– И в итоге оставили.

Я повернулся к ней.

– Ладно, твоя очередь. Последняя ночь на Земле. Поделись со мной.

Она уже было собралась это сделать, но заколебалась.

– Я не знаю, как начать и что вообще рассказывать. Я сама ничего не понимаю. Если бы ты сам все...

Тут Фри встрепенулась и протянула мне ладони.

– Ты же можешь! Макс, посмотри!

Меня слегка выбило из колеи. К подобным запросам я не привык. Но душа Фри была для меня приятным местом, потому я взял ее руки в свои.

Не думал даже, что все могло настолько поменяться.

Теперь среди свечей обитал кусачий мороз, от которого пол покрылся инеем. С неба, кружась, медленно падали крупные хлопья пепла. Словно где-то поблизости жгли горы бумаги. Я схватил пролетающий мимо подпаленный лист, взглянул на него и замер не дыша. Рисунок черно-белых глаз.

Эхом до меня донесся их хохот откуда-то из глубины сознания. Оторвавшись от бумаги, я узрел ворота. Теперь они казались еще массивнее и страшнее. Внушительная, недвижимая глыба, практически монолит. Я содрогнулся и отступил, боясь прикоснуться.

С листка на меня вырвались все воспоминания, клыками отрывавшие лоскуты от души Фри. Мертвые рыбы в море, деревья,

проходящие путь от голых ветвей до густой листвы за какие-то секунды, падающие стены зданий, коридоры, покрытые льдом. Страх и одиночество Фри пробивали меня насквозь сотней острых стрел. Ее поиски, больше напоминавшие вечный спуск во тьму по винтовой лестнице. В полном одиночестве, без нашей поддержки.

Черно-Белые, прошлое Фри, кровное оружие и цепи на воротах. Сила, которая взялась неизвестно откуда: странная, не поддающаяся логике. Осунувшееся лицо Грея, его десятки зрачков, пристально рассматривавшие ее с безумной смесью восхищения и жгучей ненависти. Эфирное стекло наполнилось энергией. Лезвие резануло по воздуху. За ним пришла ядовитая зелень. Она горела, металась, низвергая из себя уродливое, искаженное существо. Я его видел и не мог стоять спокойно под взором пустых глазниц. Скелет с птичьим черепом, как и в Параорбисе, – мерзкий и ужасный, сжирающий все эмоции, кроме дикого ужаса, схороненного где-то под замершим сердцем.

Череп приблизился. Я отнял руки от Фри и не мог отдышаться, пока не заметил, с каким оцепенением она на меня смотрит. Пытаюсь понять, как я взгляну на нее в ответ. Как прежде – или по-новому?

Соберись, соберись, черт тебя дернул! – гаркнул я на себя.

Я не должен был потерять ее. Но хруст костей твари все еще щелкал в ушах.

Оно стало ее частью. Немного, но все же.

– Эфирное стекло, – вырвалось у меня. – Оно важно. Когда Грей приказал, ты применила свою Энергию, чтобы наполнить стекло, да?

Фри кивнула, тогда я рассказал ей, как смог дать отпор войду. До этого ничего не происходило, но когда стекло наполнилось моим огнем, все изменилось.

– Инквизитор его убил. Меч из эфирного стекла тоже светился энергией, чуть светлее той, что ты отдала Грею. Получается, стекло обретает мощь, только впитав чужую силу.

Я задумчиво поднес кулак ко рту. И думал. Фри терпеливо ждала.

– Я должен взглянуть на записи, – взволновался я, возвращаясь в комнату. – Мы... мы просидели здесь несколько дней, без конца сокрушаясь, уходя в запой и страдая. Мы думали, что у нас нет выхода.

– Но ведь его нет...

– Фри, а что, если именно твоя Энергия сможет его убить?

Она застыла в дверном проеме. Ветер надувал шторы, развевал ее волосы.

– Может быть, неспроста ты получила ее, – продолжал я. – Может быть, именно для этого? Если Грей связан с Обливионом и войдами, а та фиолетовая Энергия разрушает их, то мы сможем его остановить! Нам лишь снова нужна твоя сила!

– Но у нас не осталось эфирного стекла.

– Тогда выпросим у звезд! Тех, что еще здесь. Мы убедим их. Если мы обезвредим распространителя, то Землю не нужно будет уничтожать! Оверин же сам сказал: если бы удалось отделить Грея от Мора, то нас оставили бы в покое!

Я уже дернулся к выходу, когда понял, что протекторша, понуриив голову, осталась на месте.

– Фри. – Я осторожно подошел к ней. – Мы разберемся с этим. Вообще со всем. Я тебе помогу, обещаю, ты можешь положиться на меня в любой момент. Ты и всегда могла вообще-то. – Она лишь кивнула. Закусив щеку, я договорил: – Ты зря считаешь себя бесполезной и проклятой. То, что я увидел, таковым не является. Мне жаль, что ты прошла через все это в одиночку. Представляю, как тяжело тебе было. Но ты справилась, и просто отлично. Оно тебя не сломало, понимаешь? Ты стойкая, храбрая душа. Сейчас все неясно, но мы пойдем, обязательно. Пока что, чем бы твои силы ни являлись, они выглядят как дар. И попали они в руки самому лучшему человеку, которому только могли.

– Правда разберемся?

– Душой клянусь.

* * *

Фри спешила обратно к Лазарету. После разговора с Максом ей стало лучше, правда. Но вместе с тем ее распирало, буквально протыкало изнутри от гнева. Это больше не была злость на себя, скорее на ситуацию, на все беды, обрушившиеся на их головы.

Они все еще могли не успеть спасти себя и Землю. Могли ошибиться с эфирным стеклом. Могли не вылечить Стефана, оставить его умирать раз за разом до рокового финала. И пока все это

происходит, у Фри имелись силы, способные справиться со всем. Они буквально были у нее в руках. Но подчиниться ей не хотели.

Она остановилась посреди коридора, освещенного бледным отблеском Земли. Эмоции лезли наружу, больше Фри сдерживаться не могла, все накопилось сверх меры и изливалось из нее. Но не через рыдания. Она закричала, громко, с гневом на весь несправедливый мир, загнавший ее и друзей в безвыходное положение. Казалось, только крик и мог помочь.

От злобы Энергия выбила все окна. Они взрывались фонтаном осколков, и треск оглушительным грохотом отскакивал от стен. Фри подалась к ним, вытянув руки, а затем случилось что-то странное, страннее всего того, что происходило с ней в последнее время.

Она увидела.

Казалось, через ее тело прошел легкий разряд тока, от которого по коже побежали мурашки. Особенно это было заметно в области наручей. Орбиты космоса на них засияли. Новая Энергия все еще бушевала внутри Фри, но, проходя через кровное оружие, вдруг успокаивалась. Фри видела перед руками призрачные манипуляционные круги и была готова поклясться, что они – лишь плод ее воображения. Те постоянно менялись, перед глазами возникали тысячи меток, даже Первородные – те раскалывались на свои интерпретации, более мелкие, с иными способностями, и каждая была готова объединиться с другими в большие, многоуровневые манипуляции, чтобы изменить зримую Вселенную. Фри никогда не была сильна в теории манипулирования, не записывала метки отдельно, чтобы запомнить их, как Стеф. Ей это просто не требовалось из-за слабого эфира. Но теперь, стоило возникнуть тому или иному символу – она уже знала не только его название, но и значение.

У Фри захватило дух. Она, как в трансе, стала подбирать нужные метки: ей требовалось только подумать об итоге, и те сами подстраивались. Осколки, замершие в воздухе, медленно потянулись обратно к окнам.

«Движение, точка прошлого, предыдущее состояние, объединение, укрепление...» – проносилось в голове вместе с траекториями события.

Она слышала легкий хруст стекла и перезвон перед тем, как все стихло. Ни одного осколка на полу не осталось, все они вернулись в

исходное положение: сквозь окна тянулись бледные солнечные лучи.

Только теперь Фри выдохнула и, подойдя к стеклам, коснулась холодной поверхности. Починка предметов – не самая простая манипуляция. Фри никогда в жизни не могла сделать ничего лучше защитного барьера, да и тот былдохлым, но теперь...

Теперь ей требовалось сделать намного больше.

До палат Лазарета она бежала, словно от этого зависела жизнь.

Стефан в это время спал, всячески хмурясь и вздрагивая, словно видел кошмар. Фри решила не будить его. Она все еще боялась напортачить, но если не попробовать, то все могло пойти прахом. Осторожно стянув одеяло, протекторша задрала больничную рубашку. На покрытом извилистыми шрамами теле была зафиксирована повязка с манипуляциями, которые хоть как-то сдерживали болезнь. Только начав снимать ее, Фри почувствовала знакомый душок гниения.

Он становился только сильнее. Грязные бинты спали, открывая почти почерневшую, гниющую плоть. Везде нарывы, отслаивающиеся ткани и гной. Вне сомнений, оно уже поразило органы. Это был стремительный, летальный процесс.

Фри заставила себя дышать и смотреть на месиво. Если бы Стефан не воскресал, то уже давно был бы мертв. Но удача не могла длиться вечно.

Девушка обратилась внутрь себя, вновь призвала Энергию, заставила ее бурлить и распалиться, проходить сквозь наручи. И начала сплести эфир.

* * *

Фри вышла в коридор на негнущихся ногах. Ей стало дурно. Вокруг еще витал гнилостный запах – он был привычен и знаком, но сейчас ощущался особенно отвратительным. Сердце бешено стучало, по коже бежал ледяной пот. Но она справилась.

Фри со всех ног направилась обратно к Максy, чтобы рассказать о случившемся и помочь с эфирным стеклом, но остановилась на повороте. Со стороны транзитной двери кто-то шел. Незнакомка, встревоженно оглядывавшая все вокруг, казавшаяся птицей в клетке. Она была лишней и чужой здесь.

Она была падшей.

Фри в панике отступила, уже начав прикидывать, сможет ли использовать Энергию для защиты или атаки, как вдруг падшая вскинула руки.

– Эй ты! – Голос ее звучал взволнованно. – Стой, не делай ничего! Клянусь, я тут с миром, можете меня хоть в камеру бросить, только позови главных!

Протекторша собралась с духом, ни на секунду не доверяя прибывшей.

– Ты же Карла, да? Как ты здесь оказалась? Ты прорвалась через дозорный пункт?

– Даже если и так! Черт тебя дери, пожалуйста, веди Смотрителя или посла, у нас мало времени! Шакара мертва!

Фри обомлела, а падшая загнанно съежилась.

– Он... Ранорий... Когда Шакара сломалась, он передал, что разберется с проблемой. Мы думали... он ее излечит. Ранорий просто пришел к ней, закрыл дверь. Когда он вышел, комната была заполнена Тьмой, она исходила от него. Он... черт, он сказал, что в ее разрушенной душе остались сведения о Грее. Ранорий передал мне их, заявил, что следующему выпадку Грея нельзя верить, что на самом деле он будет там, где все началось. А когда ушел, то Шакара была там... она...

Карла тряхнула головой.

– Если вы хотите спасти то, что у нас всех осталось, – то должны меня выслушать. Веди меня к остальным. До кары небесной уже недолго.

* * *

Я успел вернуться из Архива и уже некоторое время второпях искал нужные мне сведения в инфорах. Вскочив с места, чтобы взять книгу с тумбы, я замер, вдруг увидев в зеркале яркую алую точку. Она становилась шире и шире, пока не залила всю поверхность. Я изумленно приблизился, рассматривая красное мерцание и уже ощущая покалывание на коже.

В Соларуме загремели колокола.

Глава xxxxi

Шепот из бездны космических глубин

Зербраг поднял забрало шлема. По нагруднику его доспехов рваной дугой запеклись брызги золота. Широкое лунообразное лезвие длинной алебарды, вечно покрытое сажей, теперь было запачкано не только кровью дэларов, но и красной кровью планетаров, синей кровью орнега, густой мелкой пылью глобул. Терпкий и соленый вкус битвы еще чувствовался на языке, он песком скрипел на зубах, распалаял все нутро. Эфир кипел, пылал светозарный огонь под кожей. Зербраг ощущал биение обоих своих сердец: одно колотилось в груди, другое – в материи. Яростный безудержный стук барабанного боя жизни, восторжествовавшей над врагом.

Он вдохнул горячий воздух, показавшийся ему ледяным в сравнении с жаром в груди. Пахло пеплом и торжеством.

– Они почти не сопротивлялись, – хмуро отметил Виттарискат, пнув носком чью-то отрубленную часть головы. – Что вы думаете об этом?

– Я думаю... – в запале выдохнул Зербраг, оглядывая разрушенные и выжженные края рудника. – Жизнь все рассудила.

Битва оказалась быстрой и простой, до оскорбления никчемной. Казалось, всех этих темных можно было убить одной лишь центурией.

Эквилибрумы пронзали тела павших, добывая чудом уцелевших. Кто-то развеивался золотым дымом и отправлялся в сомниум, но плоти навсегда умерших оставалось много, ее накапливались целые горы.

– Сожгите, – приказал Зербраг. – Проследите, чтобы ни одна часть не осталась гнить в земле.

Виттарискат немедленно удалился, отдавая указания по зачистке своим подчиненным, а Паладин тем временем развеял кровное оружие и вытащил из рукава векторный транзит. Круглое устройство с мелкими шестернями и стрелками, оно переносило владельца в конкретное место, которое он отметил заранее на шкале временного горизонта и пространства. Была у транзита пара, и можно было перемещаться от одного к другому. Так Зербраг собирался призвать Юферу из тихого места, когда все уляжется. Он не думал делать что-

либо без нее, присутствие фактотума было чрезвычайно важным. Мысль о потере новообретенных воспоминаний злила и тревожила его. Оставалось, как всегда, лишь полагаться на память Юферии.

Так он думал, пока не замер в тени купола, казавшегося величественным монументом. Столь простое сооружение, лишь скромные образы проступающих колонн и стены цельного темного камня. Из мрачного, беспросветного прохода надувало холодом и пылью древности. Зербраг лишь ступил ногой на широкие потрескавшиеся ступени, как почувствовал дрожь в руках и коленях, неизвестно чем вызванную. И благоговейный трепет. Он ощущался всего секунду, как яркая вспышка во тьме, но память о нем инеем покрыла душу.

Никто из солдат не заметил, как большой темный проход поглотил Зербрага, он растворился в нем, как капля в ночном океане. Паладин медленно двигался по скудно освещенному залу, шаги и тихий стук лат звучали подобно грому в этой чистой нетронутой тишине. Тогда-то Зербраг заметил, что внешние звуки сюда никак не проникали. Само пространство казалось огромным, оценить его реальные размеры во мраке было трудно.

А еще оно вызывало странное чувство знакомого, будто Зербраг уже проходил точно так однажды. Тропа повторения, *репетмемория*. Но он быстро отринул эту мысль как нелепую и не заслуживающую внимания. И бросил взгляд на стены, залитые тенями. Там обнаружилось множество примитивных барельефов, расколотых и разрушенных. Они изображали эквилибрумов, некие мифические мотивы. Зербраг не мог даже предположить, какой префектуре или даже эре принадлежало искусство, – настолько уникальным и странным оно казалось. Но всего одного взгляда хватало, чтобы понять: это что-то древнее, мощное. У Зербрага захватило дух, когда он провел рукой по выпуклому лицу барельефа.

Алеа была права, он оказался в нужном времени и месте, здесь, на границе Вселенной, в сердце умирающей префектуры, где пустота изгрызла и истерзала материю, почти ничего от нее не оставив. Кроме купола. Это будоражило сознание.

Зербраг почувствовал напряжение, точно легкое дуновение ветра или настойчивый взгляд, потому обернулся к центру, самой мрачной точке всего сооружения. И замер.

Перед ним предстали черные каменные ворота. Паладин не мог четко объяснить себе, почему приблизился к ним, хотя все нутро внезапно и до хрипа завопило держаться подальше. Зербраг давно не испытывал такого мерзкого жалкого трепета и уж точно никогда не ощущал себя столь маленьким. Он. Второй паладин. Проживший почти три эры и убивавший противников много сильнее и страшнее самой бездны Обливиона. Его встревожили ворота, тяжело вздымавшиеся над ним на многие метры. Словно это не было предназначено для его глаз, ни один из образов выточенных черных звезд, ни одно из слов на магнификуме. Не место для эквилибрумов и для жизни в целом. Ни для чего в мире. Он совершал преступление, только глядя на эту мрачную реликвию.

Зербраг захотел съежиться, будто в раболепном страхе, – ужасный секундный порыв. Но звезда собрался и вернул самоконтроль. Рука уже была занесена, он хотел лишь коснуться.

Тогда же зал наполнил низкий и тихий, напоминающий шипение текучего песка голос, шепот из бездны.

– Оно не для тебя, эквилибрум.

Зербраг вздрогнул и оглянулся. Тени ожили. Они сползали вниз с черного потолка как разводы, заволакивали барельефы и пол, тяжелой завесой скрыли вход. Ткани тьмы окружали Второго паладина, стремясь к нему непрерывными потоками.

Огонь полыхнул на плечах Зербрага, распространился по рукам. Он не привык чувствовать, как сердце бьется от волнения у самой глотки, и сам этот факт беспокоил его сильнее угрозы. Воздух отяжелел, а пламя Зербрага с трудом горело, ему приходилось прикладывать для этого намного больше сил, чем обычно. Тьма гасила его, даже не стараясь. Подавляла. Сковывала. Он не мог и шагу ступить.

Зербраг лишь раз чувствовал такую устрашающую мощь, перед которой любой Свет был бессилен. Даже все тринадцать Паладинов разом не могли бы ей противостоять – что и говорить о нем одном? Он это понял еще тогда, в последние мгновения двадцать седьмой эры Коллапса, когда в Битве за Люксорус его разорвали на части темные Паладины. Они пришли вместе с ним – с их божеством. Созданием, которого боялся всякий светлый без исключения, о котором слагали сотни легенд, сплетая их с пугающей реальностью. Бессмертный

темный, так редко поднимающий свою голову и до недавнего времени считавшийся исчезнувшим призраком прошлого.

Пока тюрьма Антареса не дала трещину.

Среди рваных вихрей тьмы проступил образ в плотных черных одеждах и в белом платке, повязанном вокруг шеи.

– Зря ты пришел сюда, – бесстрастно произнес Гортрас, глядя на Зербрага бездонными черными глазами.

У звезды пересохло во рту. Он знал, что Антарес пленил темного на целых пять тысяч Генезисов, но после освобождения все было тихо. Гортрас никак не давал о себе знать, не повергал немислимые пространства в тишину вечной Тьмы, не испытывал сильнейших из темных Верховных, не разрушал миры, как в древних мифах или рассказах старых эквилибрумов. Будто затаился. И теперь появился перед Зербрагом лично.

Гортраса не трогало происходящее, он выглядел донельзя апатичным. Не таким его Зербраг представлял. Ему всегда виделся подлинный монстр, а не обычный эквилибрум с темными кругами под глазами, тихий и спокойный. Но в то же время Зербрагу казалось, что на него смотрела сама вечность.

– Ты силен, – отметил Гортрас. Говорил он медленно, взвешивая каждое слово. – Для звезды. Кто ты?

Зербраг не ответил. Не из-за страха. Он не верил, что его имя или должность что-то изменят. Не в этот раз.

Темный наклонил голову к плечу – медленное и плавное движение, хотя Зербраг ощущал это как сдвиг в мироздании.

– Ты Паладин, верно? Еще один из них. – Он вдохнул воздух, словно приносивался. – Это место помнит тебя. Ты уже осквернял его.

Зербраг до боли сжимал векторный транзит. Стоило нажать, и он бы переместился, но услышанное пригвоздило к месту.

– Я бы запомнил такое. – Паладин удивился, что звучал уверенно.

Гортрас пожал плечами и взглянул на ворота. Они холодили спину Зербрага.

– Еще не пришло время, эквилибрум, они не откроются.

– Ты все это время был здесь. Но даже не помог своему народу, когда мы убивали их?

– С чего ты взял, что это мой народ?

Гортрас медленно приближался. Зербраг хотел отступить, но позади были ворота, а они пугали его не меньше темного. И чем стремительнее сокращалось пространство для маневра, тем быстрее Паладин терял самообладание.

– А ты убил их, – молвил Гортрас. – Всех до единого. И сделал правильную вещь. Вы жертвуете собой и убиваете. Такие, как ты, – убийцы и разрушители миров. Да, я чувствую тех, кто похож на меня.

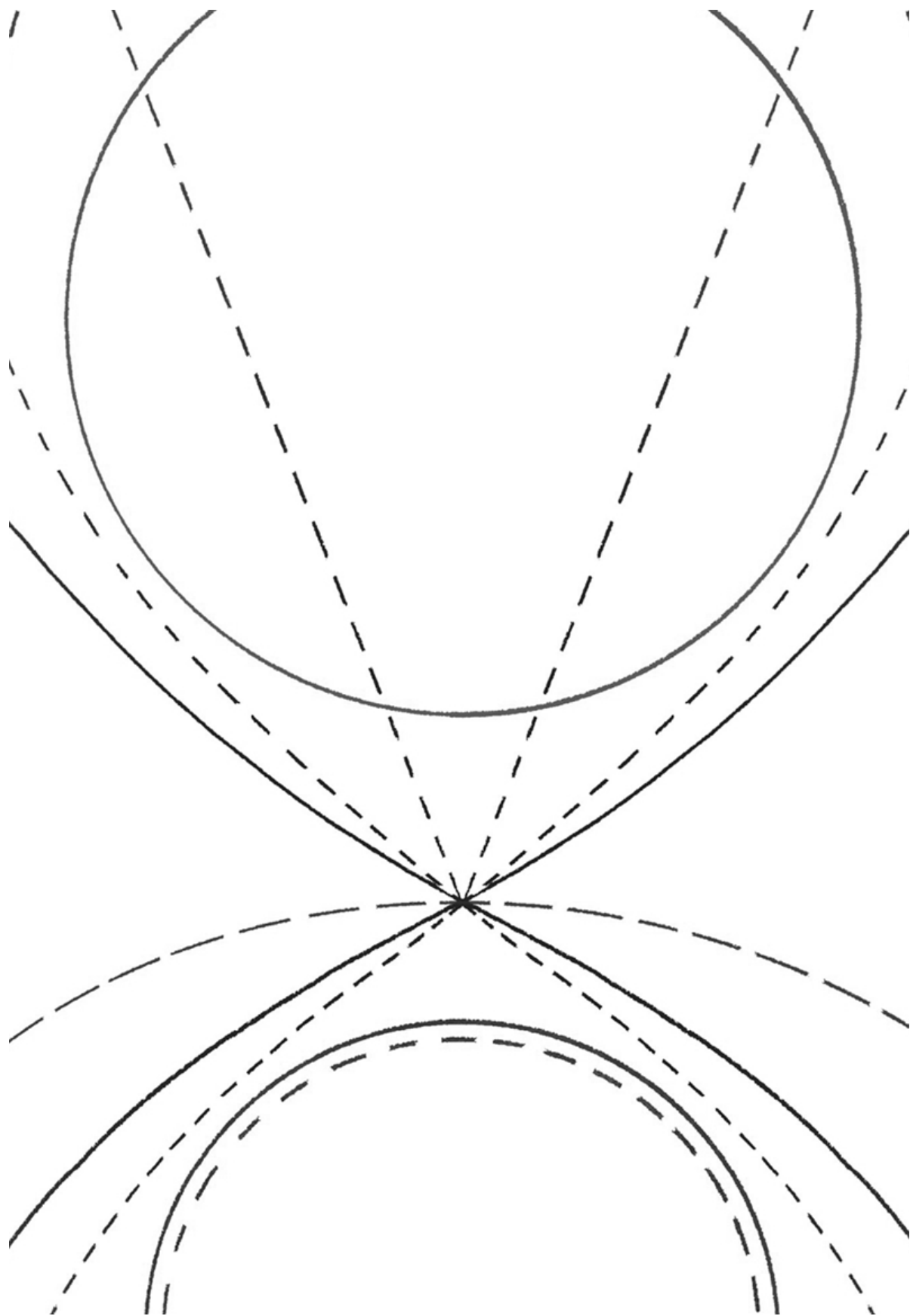
– Не сравнивай меня с собой! – вскипел Зербраг, голос его предательски дрогнул. Между ними оставалось меньше полутора метров. – Ты – монстр!

– Все мы монстры. Пока бьемся о створки ворот, губим чужие души и скитаемся в бесконечности, в процессе непрерывного умирания.

Черные глаза вонзились в душу Зербрага, впитали ее в себя.

– Спасибо, эквилибрум. – Каждое его слово гудящей волной сотрясало воздух. – Ты приблизил конец еще немного. Скоро наступит время Принципиума. И ты ощутишь его. С той стороны дальнейшего пути.

Зербраг в ужасе попятился, когда Тьма обрушилась на него, сдавила со всех сторон. Ему хотелось кричать, но она заткнула рот и заполнила легкие водными потоками. Он успел запустить транзит, исступленно глядя в черную космическую бездну и чувствуя, как тело распадается на части.



Часть IV
И вечно в поисках себя

Глава XXXXII

Забытая партия

Поднять веки удалось не с первого раза, даже, наверное, не с пятого. А открыв, я не сразу смог что-то разглядеть. Взгляд фокусировался медленно, точно бы приходилось смотреть через мутное бутылочное дно.

Сперва я разглядел потолок – он казался дальше, чем был на самом деле, весь в светящихся многогранниках, что-то вроде сот. Зачем-то начав считать их, я наконец схватился за мысль, что такого в Соларуме не было, и резко сел.

Зря.

В голове загудело и зазвенело, будто в ней опрокинули коробку с посудой. Тело неохотно откликалось даже на предполагаемое лишнее движение, поддавалось неповоротливо и тяжело. Решив не торопиться, я оценил обстановку.

В полу была круглая полусфера, достаточно просторная, чтобы спать в ней. Вместо подушек или одеял – странная упругая мягкая масса, отдающая теплом. Сначала я подумал, что не до конца проснулся, а потому для верности потрогал рукой. Это и вправду оказался дым – скользивший, вихрившийся и плотный. Выходило, что спать мне пришлось на облаке.

Я кое-как выбрался оттуда, и хорошо, что с первой попытки. В голове мутнело, все вокруг воспринималось тупо и не сразу. Хрупкие лучи света просачивались сквозь большое овальное окно, едва задернутое шторами. Я уже протянул руку, чтобы коснуться их, но стоило ткани шелохнуться, тут же отпрянул назад. В щелях виднелось темное небо. И, судя по обилию звезд, – не наше.

В стороне серебряными вставками сверкал мой мундир, сложенный на столе. Я медленно подобрал его со смутным чувством и огляделся. Это не походило на спальню, обживаемую на постоянной основе. Даже запахов никаких, лишних вещей тем более. Стены покрывали прямые геометрические узоры, серебряные ромбы и линии. Смотрелось... не знаю... богато? Хотя я понятия не имел, как такие прилагательные применять в отношении заоблачников.

И тогда наконец в голове щелкнула еще одна мысль.

Меня опять похитили.

Я заволновался, сердце мгновенно рухнуло к полу от воспоминаний о Зербраге. Комната сузилась до размеров каморки.

Но, вопреки ожиданиям, стоило мне коснуться гладкой поверхности двери, в которой ручки даже не предполагалось, как она разлетелась на мерцающие частицы, открыв проход, а когда я вышел, так же тихо собралась обратно.

Все еще сбитый с толку и встревоженный, я двинулся по бледному холлу. Эхо шагов едва отлетало от стен. Следующая комната тоже открылась сама собой. Странно: если меня похитили, то почему позволяли шастать где попало?

Я оглядел небольшой рабочий кабинет. Он казался мрачным, свет шел лишь от проекций, развернутых рядом со столом, в красивой и витой бронзовой оправе. Судя по всему, кто-то совсем недавно сидел здесь и заполнял документы. Подойдя ближе, я попытался вчитаться в них, но столкнулся с проблемой, о которой когда-то слышал от Ламии. Мы, протекторы, хорошо и незаметно для себя переводили почти все языки эквилибрумов на слух – простая работа эфира. Но вот большая часть их письменности давалась со скрипом. Пробежавшись по строчкам, казавшимся гурьбой кругов и ломаных линий, я кое-как вырвал из заголовка «Лучезарная» и «пятого легиона». Смыслы накатывали волнами, будто ухватился за старое воспоминание.

На стенах висело несколько картин. Я даже подошел вплотную, чтобы разглядеть и понять: мне не показалось. словно сплетение дыма, подробные и невероятно проработанные, они выглядели объемными. Почти не было сомнений, что пейзаж был окном в другой мир, не ограниченным рамой и полоской морского горизонта. Но вот от взгляда некой звезды желтого спектра, обитавшей на соседней картине, мне стало тревожно. Она стояла по пояс в серебряных травах, под красным небом, и спокойно смотрела на зрителя. Думалось, трава вот-вот зашевелится от ветра, волнами скользящего по полю, а сама звезда вскинет голову или отведет глаза, но все оставалось замершим.

Я обернулся, чтобы выйти и продолжить изучение соседних комнат, но тут же замер, обнаружив в дверном проеме фигуру, бесшумно следившую за мной оттуда. В серебряных глазах блеснул интерес.

– Не мог усидеть на месте?

Под взором Антареса я не сразу вспомнил, как дышать. А как говорить – забыл тем более. Он перевел внимание на мои руки. Рукава рубахи оказались закатаны, чему ранее я не придал значения.

– Может, расскажешь, откуда и зачем у тебя появилась точка горизонта? Собрался странствовать в нашем мире? – Антарес пытливо склонил голову к плечу. – Или ты уже?

– Это вроде как не запрещено, – ответил я, неловко натягивая мундир.

Он молчал, я тоже слов не находил. Даже взглянуть на него не был способен.

Не так я себе представлял новую встречу.

– Я вернулся совсем недавно, – спокойно начал Антарес. – Из мест настолько далеких, чтобы сообщения туда приходили либо с задержкой, либо мгновенной доставкой затрачивая огромные ресурсы.

– И что, Верховный не может требовать, чтобы почту ему доставляли немедленно?

– Верховный не может требовать. Верховный должен служить. Если это не в интересах Света и светлых душ, я не имею права на расточительство и решения, в которых замешана личная выгода.

Будучи родом с Земли, выросший в человеческих понятиях и ценностях, я не особо понимал его. Как и то, куда Антарес клонил.

– В одной из новостей, в той объемной выдержке, было описание ситуации с Террой. Поэтому я узнал обо всем так поздно.

Чувство недоброго сгустилось в груди.

– Зачем я здесь?

– Ты здесь, потому что я нарушаю обет, данный в Зеркальном Шпиле при становлении Верховным. Иду против закона в личных интересах.

– Мне нужно назад.

– Нет, – отрезал он и на мой удивленный взор добавил строго, стальным безапелляционным тоном, который я от него десяток лет не слышал: – На Терру ты не вернешься.

И вышел. Придя в себя, я бросился следом.

– Подожди! – выпалил я, следуя за Антаресом. Темная накидка лежала на его плечах. – Так нельзя!

– Инквизиторы вынесли решение. Терра будет аннигилирована в ближайшее время.

– Да, меньше суток! И ты...

– Я не могу тебя там оставить.

Я замедлил шаг.

– А мама?

Теперь уже остановился он.

– Она приземленная, – с пустотой в голосе вымолвил эквилибрум. – Как бы я ни хотел, но для нее спасение невозможно. Но не для тебя.

– А другие протекторы?! Ты же Верховный, почему ты просто...

– Да. Но в отношении Зеленого моря меня сдерживают условия пакта. Темную Верховную тоже. После событий прошлого, когда Верховные вмешивались, гнули свою линию и искали выгоду для Армий, становилось только хуже. При Море грызня между Светом и Тьмой недопустима. Победителем оттуда выйдет только сам Мор. Было решено оставить все на попечении бесстрастных космоинквизиторов, способных руководствоваться лишь логикой в работе с вражеской стороной. Уже спасая тебя одного, я иду против их корпуса и своих клятв, понимаешь? Они не могут допустить возможных распространителей, а ты, как мне доложили, вошел в контакт с войдом. Максимус, даже тебя спрятать от них будет трудно.

Он снова двинулся вперед, уводя меня в соседнюю просторную комнату, похожую на библиотеку. Я взглянул в одно из широких круглых окон, медленно подходя к нему.

– Где мы вообще?

– У меня дома, – сообщил мне Антарес. – На Элдании. Префектура Омегард, если тебе станет понятнее.

Понятнее стало, только когда я вышел на балкон. В местном ветре сплетались странные ноты одновременно легкого летнего воздуха и чего-то приятно-терпкого. Внизу под нами протянулся полис. Высокие здания были редки, но они смотрелись массивными стенами. Плотные мерцающие улочки пересекало множество мелких рек, возле них фонарями протянулись полные света кристаллы. Небо казалось ночным, едва заволоченным фиолетовой дымкой, одну пятую занимало перекошенное набок кольцо, внутри которого находилась алая звезда. Ее наполовину закрывал дэлар.

– Люксорус, – сказал Антарес, вставая рядом. – Центр Света.

Из его души едва сочилась тревога. Удивительно, что Антарес не уследил за этим и позволил мне почувствовать. Я наконец оглядел его. Осанка, и до этого идеально прямая, теперь смотрелась величественнее. Антарес изменился. Стал намного опрятнее, мощнее духовно, сам его облик мог внушать опасение. Но не мне. Я все еще видел знакомую тяжесть в серебряных глазах.

– Ты долго был в отъезде?

– Нет. Но там многое оказалось непросто. И Зеленый мор ничего не делает проще.

Он вернулся в комнату.

– Я прибыл с предельных префектур буквально несколько зомов назад, и тогда же мне все доложили в полном объеме. Я еще не знаю, что с тобой делать дальше, но главное – ты в безопасности.

– Как неудобно, – тихо процедил я.

Антарес обернулся с мрачным вопросом в глазах. Пересилив себя, я пояснил:

– Неудобно тебе со мной. Опять я причиняю проблемы своим существованием.

– Не понимаю, о чем ты.

– Все ты понимаешь. Я вообще появляться не должен был, особенно таким. Я знаю, что не найду себе места ни среди приземленных, ни среди эквилибрумов. И для тебя это создает особенную проблему. Но просто... тебя так долго не было в моей жизни, затем ты на миг появился и снова исчез. И после этого приходишь и заявляешь, что дом для меня закрыт навсегда.

Антарес устало заключил:

– Кажется, нам необходим разговор.

Он кивнул на соседний стол, мы сели напротив друг друга. Проведя рукой по каменной поверхности, Антарес вызвал огромную световую проекцию чего-то похожего на объемную многогранную геометрическую фигуру.

– Умеешь играть в конфронтации?

Я покачал головой, Антарес вздохнул:

– Жаль, замечательная древняя игра. Ладно, пускай будет что-то попроще.

После очередного взмаха на столе возникли шахматы.

– Их раньше тут не было, – сказал Антарес. – Я добавил в список после возвращения, когда восстановил жилище. Все-таки это простая земная игра, известная лишь увлекающимся тематикой.

– Мне кажется, мы такое уже проходили, – тонко намекнул я. – Я тебя в жизни не обыграю, да и практики мало.

– Да, но Анна же тебя учила. Вы часто с ней играли.

Слова застряли в горле при упоминании мамы. Я не помнил об этом. Наверное, воспоминания уничтожились, как и большая часть памяти в третьем осколке. Антарес заметил, как я растерялся, – он-то знал, что происходило с моей душой, лучше кого бы то ни было, – и добавил:

– Знаешь, я вообще был единственным, кто мог ее обыграть.

Антарес подобрал своего белого короля и вдумчиво посмотрел на него.

– Анна играла отлично. Насколько знаю, ее учил отец, это одни из самых светлых ее воспоминаний. Когда мы были адъютами, она меня избегала долгое время. Я ведь со своей сломанной душой едва мог пару слов выговорить. На одной из общих канцелярских работ Анна подходила к людям из нашего отряда, предлагала поиграть. Все отказывались, говорили, что она опять всех с пустыми карманами оставит, смысла с ней играть даже нет. Я вызвался. Твоя мама была скептически, но, наверное, ей было слишком скучно. И явно не ожидала, что я разобью ее так быстро. Началась следующая партия, Анна не могла поверить и даже принять самого факта возможности моей победы, для нее это было унижительно. Вокруг нас собралась толпа, все удивлялись, что какой-то «контуженый» побил местного чемпиона. Почему-то называли меня «человеком дождя». На втором круге она долго думала над своими ходами, заметила, что я не допускал ошибок. Но я ей поддался. Адъюты сочли первую партию просто случайностью, но не она. Анна знала. Я понял это, когда пожал ей руку. В каком-то роде она была даже благодарна.

Он сделал первый ход ферзевой пешкой. Я неуверенно потянулся к коню.

– А через какое-то время Анна застала меня в комнате отдыха. Она просто положила передо мной доску, расставила фигуры и начала. И говорила. Обо всем и ни о чем, рассуждала на разные темы, которые

ее тогда волновали. Моего участия в разговоре не требовалось, я лишь играл. И слушал.

Мы продолжали партию, я старался оттягивать ходы, потому как в последний раз играл давно, а вот Антарес делал их стремительно, словно уже просчитал все на десять шагов вперед, куда больше сосредоточившись на истории.

– Мы собирались там почти каждый день после работы. В течение целых месяцев. Я всегда ждал ее, мне были дороги эти моменты, они казались единственным упорядоченным и ясным отрезком дня, когда все остальное время мелькало как в тумане. Она проигрывала раз за разом, но принимала это, продолжая играть и говорить. Победить меня честно ей удалось лишь раза три. Постепенно я начал ей отвечать, хоть одним словом. В конце концов наши встречи переросли в полноценные разговоры. – Антарес усмехнулся. – Как-то потом Анна призналась мне, что через эти партии пыталась поднять меня со дна. Решила, что раз мне нравятся шахматы, то так будет проще пробудить мой интерес. А мне они не то чтобы нравились. Мне нравилась она. – Он сделал очень каверзный ход. – Когда ты подрос, Анна играла с тобой, учила техникам, атакам и ловушкам.

Я увел ладью от съедения пешкой.

– Я не помню об этом. Думаю, я на самом деле очень многое забыл.

– Ты записываешь воспоминания в мемориум, который я тебе подарил?

– Да. Постоянно.

– Хорошо. Это многих успокаивает. Я подумал, что и тебе поможет не беспокоиться за новые возможные пробелы в памяти. Только не переусердствуй с эмоциями. Чем больше слоев воспоминания ты вкладываешь в мемориум, тем слабее вырабатываемый им Свет в твоей душе. Тем более не складывай туда абсолютно все.

Я отвел взгляд, ведь делал именно так, как не надо было. Почти каждый день садился и записывал в мемориум все произошедшее, даже самое бессмысленное. Я боялся, что если не стану этого делать, то однажды, потеряв себя снова, буду вынужден опять начинать все сначала. А так я оставлял себе запасной план. Как всегда.

– А ты его используешь?

– Да. Но сохраняю лишь самое ценное.

Антарес съел очередную фигуру. Глядя на это, я сказал:

– Я все еще не знаю, кем стал. Это волнует меня намного больше утраченного.

Его рука замерла над полем. Только сейчас я заметил на коже бледные следы, напоминающие сплетение нитей.

– Альдебаран передавал мне, что твое обучение проходит неплохо.

– Если ты о теории, то у меня уже уши от нее вянут. А вот с проявлением сил все отвратительно. Неправильная из меня звезда выходит. Сириус мне уже об этом доходчиво сообщил.

Взгляд Антареса отяжелел.

– Не справляешься с огнем?

– Вообще ни с чем. Только раз смог призвать кровное оружие и квинтэссенцию.

А еще я успел заложить тебя и себя Зербрагу.

Я замялся.

– Мне хотелось спросить об этом у тебя. Но ты исчез так надолго. Я думал... нет, не важно.

– Если начал, то договаривай.

– Я думал, что ты меня стыдишься.

– С чего ты взял? – удивился Антарес. – Всепроникающий Свет, почему я должен тебя стыдиться?

– Потому что другие эквилибрумы считают такого, как я, мерзостью. – Я наконец-то смог съесть его коня. – Я для них что-то неправильное, выродок.

– Кто тебе такое сказал?

– А разве это не так?

Ответ он дал не сразу:

– Ты что-то новое. А новое всегда пугает. Есть эквилибрумы, которые даже обычных звездных детей считают неприемлемыми. Максимус, я тебя никогда не стыдился и не забывал.

– Тогда почему ты ни разу не обратился ко мне за все это время?

– Не так уж много его и прошло.

– Полтора года.

– Но это... – Антарес осекся и мгновенно все понял. – Точно. Восприятие времени у нас разное. Полтора земных года в масштабах

моей жизни искажаются. Я не учел этого.

Он поставил мне мат. Мы молча смотрели на поле, словно пытаюсь найти в нем ответы на незаданные вопросы, пока Антарес не произнес:

– Дела сейчас идут скверно. Я едва нахожу время, чтобы отдохнуть. Возложенные на меня обязанности не дают выдохнуть. То я необходим на передовой, то должен решать назревающий конфликт между префектурами. Если бы Паладины не разбирали половину всех накопленных дел, я вряд ли бы мог даже спать.

– Я понимаю, но...

Тут он посуровел.

– Максимус, я – Верховный, единственное мое предназначение – служить Свету. И ты должен это понимать и принимать. В таком мире все живут. Наш долг – находиться на том месте, где мы более всего полезны Свету. Выполнять возложенные им обязательства. Никаких сантиментов. Мне жаль, что ты через все это проходишь, но я полагаюсь на твою стойкость и разумность в сложившихся обстоятельствах. Я существую в иных парадигмах и временных реалиях и просто не могу быть с тобой постоянно.

Сморгнув потрясение и виновато кивнув, я почувствовал себя глупым нытиком. С самого же начала было понятно: Антарес в ответе за всех нас. Думать иначе – просто эгоистично.

– Но я мог уделить тебе хотя бы зом, – внезапно добавил Антарес. – Так было бы честно.

Мне показалось, что последнее он сказал с потаенной горечью, хотя голос был тверд.

– Но это не решает того, что я паршивый сын для такого, как ты. Я лишь недочеловек, а ты – Верховный.

– Нет. Мы с тобой нечто большее.

Антарес поднялся. В одной из соседних комнат обнаружилась целая галерея зеркал. Каждое отражало иное место. Антарес подошел к самому темному и прошел прямо сквозь стекло, увлекая меня за собой.

Глава XXXXIII

Часть всего

– Здесь посторонних нет, – сказал мне Антарес, не оборачиваясь. – Ты можешь не скрываться. Если хочешь, конечно.

Я замер, обдумывая предложение. И, глядя ему вслед, медленно снял с себя подвеску. Без нее, как всегда, стало легче.

Антарес уверенно шагал вперед, а я не отставал, попутно изучая темное и величественное место, в котором мы оказались. Сплошные стены с пустыми нишами и колонны, изредка сменяющиеся бледными лампами и призрачным светом высокого потолка.

– Где мы? – тихо спросил я. Казалось, что повышенный тон будет звучать непочтительно.

Антарес молчал, пока не дошел до круглого зала, где по центру пола был размещен герб генума Анимера – глаз внутри звезды Света. Все вокруг вспыхнуло мягким сиянием.

– Это некрополь нашего генума, – смиренно произнес он, глядя перед собой.

На постаменте возникла статуя из голубого света. Статуя Антареса. Большая и по-королевски возвышенная. Эквilibrium вздохнул.

– Статую поставили здесь после Битвы за Люксорус. Она мне не особо понравилась, если честно. Я тут вышел слишком суровым, не находишь?

Я слушал его вполуха, глядя, как повсюду загорались все новые и новые образы. Они заполняли этажи, каждую выемку в стенах до самого потолка. Кто-то стоял один, иные – парами. Прямые, гордые и будто бы живые. Звезды прошлого смотрели на нас застывшими глазами.

– Твой генум, – эхом раздался позади голос Антареса, выводя из ступора. – Твоя семья. С каждым из них ты связан кровными узами.

Я судорожно выдохнул, ощутив покалывание во всем теле. Шаг, другой. Я медленно брел между поколениями звезд. Их было так много – сотни и сотни. Статуи заполняли коридоры со всех сторон, и не было им конца.

– Анимера – магно-генум, что значит один из древнейших, корнями уходящий к одному из четырех генумов-основателей, – говорил Антарес, оставаясь на месте. Слова мощным эхом раскатывались по некрополю. – Мы восходим к Приме – потомкам Баэрдода Путеводного. Мы стали отдельным родом при втором Верховном, еще в эру Рабства. Нашей основной силой всегда являлась способность воспринимать души: ощущать эмоции, душевные Центры и память. В самых различных проявлениях. Мы никогда не могли влиять на внутренние миры душ. Анимера – исключительно созерцатели. «*Видим суть*» – таков наш девиз. Мы были анимусами и собирали память для Анимериума, изучали души для Юниверсариума. Мы воевали. И были шпионами на благо Светлой армии. Мы всегда требовались Свету. Каждый из нас оказывался важен.

Слова отдавались внутри барабанным боем. Под их весом я ощущал себя крошечным. Мне так хотелось исчезнуть. Но вместо этого я продолжал затравленно смотреть на статуи, пока не нашел глазами его – Антареса.

Он спокойно выдержал мой взгляд и вскинул голову.

– Так что ты думаешь об этом, Максимус?

– Я... Мне здесь нет места.

– Пока нет.

– Пока? – оторопел я.

Антарес сложил руки за спиной и направился в другой проход.

– Ты несешь в себе наш дар. Как и я, как и каждая из звезд вокруг нас. Посмотрим, как все сложится в бу- дущем.

– Но я же полукровка. – Я с трудом поспевал за ним. – Я не как вы.

– Ты – мой сын, – настойчиво отрезал он. – И ты – часть генума. Разве ты не видишь чужие души при касании?

Он замедлился и указал на одну из статуй. Тонкий мужчина с грубым лицом, волосы завязаны в хвост. Левую щеку искажал шрам. Почему-то даже в статуе звезда был запечатлен хмурым, точно остался недоволен всем вокруг и на дальнейшем пути.

– Яаронес Пронзающий, – пояснил Антарес. Взгляд его ожесточился. – Великий стратег. Отец Бетельгейзе. Мне он приходился двоюродным дядей. Нас связывали кровные узы, потому ему пришлось взять меня на попечение. Идея Яаронесу не нравилась, и он

не забывал каждый раз напоминать мне об этом. Даже когда отдал меня на воспитание в Белзирак – Арктуру, Омере и их детям.

Антарес указал дальше. Там стояла пара. Низкая щуплая звезда с прямым каре, в богато расшитом, но строгом платье, а рядом эквилибрум в военной форме, держащий руки на эфесе большого меча. Лицо строгое, отчужденное, с легкой щетиной и коротко стриженными волосами. Чем дальше я вглядывался в его острые и худые черты, тем сильнее билось сердце. Внешнее сходство со мной и Антаресом было очевидным.

– Твои прабабушка и прадедушка, – пояснил Антарес. Он слегка улыбнулся, заметив мое потрясение. – Версалам Внушающая и Эвернетус Белое Пламя. Она – эфиророжденная, а он – кровнорожденный. Эвернетус был правой рукой тогдашнего Восьмого паладина и возглавлял один из его легионов. Примус-легат. Или генерал, если тебе так проще. А она – известная сказительница историй. Некоторые ее имаго-полотна до сих пор стоят целое состояние.

Мы шли, а Антарес продолжал короткие рассказы. Шере Гнетущая – была префектом Кальцеона, расширившая префектуру при очередной гражданской войне. Гагеферес Яркая Пыль – возглавлял гильдию инженеров Люксоруса при Верховном Ганистане Мирном. Леорус Ясноокий – высший анимус, постигший все Тринадцать Благ на службе в Анимериуме. Мидабере Буйный Ветер – талантливая создательница метеороидов-колоссов, в одиночку управлявшая ими в Падучих войнах и крушившая вражеские барьеры и манипуляции. Натарес Потерянный – известный философ, в эру Грома и Войны проживший почти всю жизнь в одиночестве на заброшенной планете, так и оставшись в голубом спектре. Там он создал свой монументальный труд «О памяти высших сфер», где разобрал все отношения и связи между одной-единственной душой и *Прима Космо* – целым миром и Вселенной на протяжении всего ее существования.

– А она? – перебил я, задержавшись возле одной из статуй. – Выглядит моложе остальных.

Антарес остановился и окинул взглядом юную девушку. Считай, еще ребенок. Хрупкая, в просторной угловатой накидке с прорезями для рук, которые она изящно сцепила замком. Пышные волнистые волосы доходили до поясницы, мягкое лицо озаряла улыбка. Звезда

выглядела такой кроткой, даже робеющей, будто наше внимание могло ее смутить.

– Это Целатезе.

– Без спектрального имени?

– Без. – Он покачал головой. – Старшая сестра моего отца. Она не успела поместить эфирное сердце в хранилище, настолько была юна. Спектральное имя получают хотя бы за какие-то деяния, а Целатезе, увы, ничего не добились.

– Что с ней случилось?

Антарес спокойно пожал плечами.

– Война.

В конце коридора возвышались две статуи, перед которыми Антарес и замер. Он молчал некоторое время, хмуро вглядываясь в лица, будто даже не зная, что тут еще можно сказать, но все же нарушил тишину и вымолвил:

– Мои родители.

С затаенным дыханием я вгляделся в звезд. До меня наконец дошло, что они – не просто какие-то заоблачники. Мои дедушка и бабушка. Ноги стали ватными. У меня никогда не имелось близких родственников, кроме отца и мамы. С ее стороны были какие-то дальние, о которых я не имел ни малейшего понятия, но она могла раз в год поздравить их с днем рождения или Ханукой, хотя сама не была религиозна ни в коей мере, как и ее родители. При затяжных разговорах с ними по телефону она закатывала глаза и корчила мне рожи, будто готова повеситься. Родственников отца я тем более не знал и привык считать, что мы одни такие в целом мире – есть только друг у друга. «Клан Луцемов» – так шутила мама еще до того, как наша семья развалилась. И тогда нас стало еще меньше.

Теперь слова застревали в глотке. Все вокруг были на моем месте, хоть отчасти видели внутренние миры. Ощущали всё то же, что и я. Этот шлейф душ, отправившихся по дальнейшему пути. Он тянулся в бездну времен, в бесконечность Вселенной и ее историй. Генум, служивший Свету едва ли не с начала всего. Задолго до рождения Земли и даже Солнечной системы. И я был с ним связан.

Дрожь оборвалась, как только Антарес положил руку мне на плечо.

Я вернулся к скульптурам. Пара. Мужчина, высок и статен, в строгой накидке и плотно застегнутом мундире. Внешне было еще больше сходства со мной и Антаресом. От эквилибрума нам досталась форма лица: скулы, нос, подбородок. Вся острота. Правый глаз крестом пересекали два шрама, напоминая звезду Света и герб генума. Заоблачник добродушно улыбался. Волосы пышные и растрепанные – прямая противоположность тому, как их приглаживал Антарес. От милостивой женщины к нам перешла манера ухмыляться, да и другие мелкие черты проглядывались. Мне было так странно понимать, что от матери у меня не было совершенно ничего, но следы этой звезды, призрака, я носил на собственном лице.

– Вестус Ярый Глаз, – поведал мне Антарес. – Он был Третьим паладином при Юнир Победоносной. Именно Юнир как Верховная дала мне имя. – Он мягко усмехнулся, словно от ностальгии, на мгновение став похожим на свою мать. – Великолепная, сильнейшая душа. Она была лучшей Верховной, чем я, это точно.

– А что до нее? – спросил я, кивая на мать Антареса.

Он слегка задумался.

– Селера Звонкая. Она работала в заповедниках, собирала генетический код живых организмов для возможности переселения в иные места, если их родным землям грозила опасность.

– Ты их хорошо знал?

– Совсем нет. Помню лишь обрывки. Хотя и их я, вероятно, выдумал. Возможно, многое стерлось за все Генезисы моего существования – сгорело еще во времена рекрутства вместе с эфиром. Родители погибли, когда мне было всего лет десять, если использовать времяисчисление Терры.

– Дай угадаю: десять лет для звезды – очень мало?

– Кровнорожденные совсем дети в таком возрасте, даже не ходят и не говорят, – кивнул он. – Я был столь юн, без знаний и ответов. И так и не успел поговорить ни с кем из них.

– Может, еще будет шанс? – спросил я, попытавшись приободрить. – Знаешь, я тоже думал, что никогда тебя больше не увижу.

– Нет, Максимум, здесь так не выйдет.

Антарес мрачнел.

– У меня остались лишь истории о них. Я всегда жил рассказами, каким великим был мой отец. Что я не чета ему. Возможно, тебе знакомо это чувство? Он был Третьим паладином – для меня же мифическим героем. А мать... – В его руке появился стальной диск. – Оставила мне это.

Проведя пальцами по плоскости, Антарес воспроизвел записанное на нем пение. Меня пробрало до дрожи, настолько голос его матери был мелодичен, проливаясь в самую душу. Звучало как колыбельная. Что-то о перьях и закатном солнце. Этот мотив я слышал в душе Антареса – его издавали грани каменных крыльев.

– Однажды она погрузилась в долгий сомниум. Родители были едва знакомы, но отец прождал ее сто девяносто три генезиса. Потом в сомниум отправился он. Они ловили друг друга на недолгое время, их жизненные пути редко пересекались. Им повезло лишь под конец. Они любили друг друга, и это практически все, что я знаю о них. Хотя бы в этом можно быть твердо уверенным. Ведь без такой крепкой связи мое существование оказалось бы невозможным. Я никогда не знал их по-настоящему. Как и кого-либо из Анимеры. Только Яронес и Бетельгейзе. А теперь лишь мы с ней вдвоем. И ты. Все остальные – давным-давно в этом некрополе. Мы – лишь отблеск бывшего величия. Но я бы хотел знать их. – Он со вздохом поднял взгляд на родителей. – Конечно бы хотел. Тогда расспросил бы обо всем. Я остался один. И приходил сюда всю свою жизнь, сидел перед родителями в попытке получить ответы.

Пение прервалось.

– Я понимаю тебя, как никто. Ты думаешь, что остался в одиночестве, никем не принятый и не понятый. Даже собой. Не знаешь, кто ты есть. И всем на тебя все равно, даже ближайшему родственнику.

У меня пересохло во рту. Я хотел ответить, но осекся – Антарес протянул руку.

И снова его мир – алое и желтое солнце в закате, стеклянные крылья рвутся ввысь из бесконечного моря, отливающего сотнями искр. И маковый островок, на котором теперь росло два дерева – зеленый клен и дуб с рубиновой листвой.

Внезапно я понял: теперь здесь ощущалось присутствие мамы. Так ясно и четко, будто она стояла прямо передо мной. В груди

зацемило от неожиданности, больше похожей на удар в лицо. Но Антарес не дал мне долго ностальгировать по дому и опустил в одно из своих мрачных воспоминаний.

Это была ночь с тремя полумесяцами в небе. Большой дом на возвышении и темный лес вокруг. Среди вытянутой острой листвы вились редкие светящиеся насекомые, но они никак не спасали от мрака. Мальчик, тихо выбравшийся с черного входа, меньше всего беспокоился о темноте. Как только он повернулся, я остолбенел и вытаращился на свой детский образ. Нет, не мой. Антареса. Мальчишка лет двенадцати на человеческий лад, но на самом деле почти достигший половины Генезиса. Тощий и щуплый, с расхристанной копной ярко-голубых волос и блестящими серебряными глазами.

Антарес кротко обернулся на дом, и в тот же самый миг на меня рухнула неподъемная, раздавливающая тяжесть. Я даже у взрослых людей редко встречал настолько сильную меланхолию. А тут – ребенок. Пускай и звезда.

Он бросился сквозь лес, даже не смотря, куда бежит. Ветки хрустели под ногами, сердце барабанило в ушах. По щекам Антареса катились слезы – они сияли и искрами срывались прочь, настолько рьяно он ломился сквозь заросли в неизвестное.

Впереди показалось озеро, Антарес рухнул на колени перед ним, уперся руками в кромку воды. Уставившись в отражение, он замер и снова вспомнил образы отца, рассказы о нем.

«Вестус Ярый Глаз был великим! Тебе обещана грандиозная судьба, Антарес».

«Ты его потомок, мы многого ждем от тебя».

«Твой Свет должен быть поистине силен!»

Но Света не было до сих пор. Поллукс и Альдебаран давно начали проявлять светозарный огонь, а он?

Он, сын знаменитого Третьего паладина?

Ни на что не годный, так про него говорил Яронес при каждой встрече.

«Если бы не приказ Верховной, я даже в Белзираке тебя бы не отвел. Оставил бы где-нибудь на волю Вселенной. Так что будь благодарен луцу Арктуру за его добросердечность».

«Вырождение генума. Ты – свидетельство нашего заката».

«Хорошо, что Вестус погиб так рано. Ему было бы стыдно за тебя».

Антарес зажал рот рукой, как только плечи задрожали. Но рыдания вырвались наружу, прокатились по всему озеру.

Одни ждали от Антареса великих свершений, другие уже разочаровались. Третьи смеялись как над кровнорожденным без сил. Он не воевал, не делал ничего полезного для Света, как учила Армия. Антарес просто рос и существовал здесь, на отшибе Вселенной. Маленький и незначительный, отвратительно слабый.

Родители не успели объяснить ему, как и зачем он живет.

Ради чего рожден.

Мальчик чувствовал, что так быть не должно, раз он родился в генуме. Зачем же тогда он появился на свет таким путем? Рядом с ним должны были находиться души, которые поддержат и примут таким, какой он есть: загнанным и бесполезным. Но у Антареса не было никого. Только непонимание, кем он являлся и в чем смысл такой жизни.

Он ненавидел себя. Не понимал себя.

Урод. Он просто-напросто урод, не способный оправдать ожиданий. Недостойный своего отца.

Руки, погруженные в воду, яростно дрожали, сияющие слезы непрерывно капали под громкие всхлипы. Рыдания жгли изнутри, разрывали на части.

– Ты один из детей Арктура? – донесся резкий голос.

Антарес вздрогнул и обернулся. Совсем рядом стоял незнакомец. Он прибыл к Арктуру пару местных дней назад. Какой-то важный эквилибрум. Рыжеволосый, с редкими алыми прядями. Видно, после следующего сомниума перейдет в последний спектр. Тело звезды скрывалось под серебряным плащом, но даже так было заметно, какой он худой и поджарый. Сухость в его взгляде насторожила Антареса. Он чувствовал себя мошкой, увязнувшей в древесной смоле.

– Нет, – все так же спокойно сказал эквилибрум, просто констатируя факт. – Ты не похож на Арктура. На другого. У Вестуса был отпрыск. Он твой отец, так ведь?

Антарес коротко кивнул, боясь открыть рот, чтобы не разрыдаться снова, и начал стыдливо утирать слезы.

Он чувствовал себя униженным. Его застали в таком положении, и ладно бы Поллукс – тот бы просто посмеялся. Нет, его подловила высокопоставленная душа. Можно ли было казаться еще более жалким, чем сейчас?

Незнакомец прищурился и отвернулся к озеру, с которого подуло ледяным ветром.

– Всей душой выражаю сочувствие насчет его смерти. И его сопряженной.

Антарес никак не ожидал таких слов, потому в изумлении ловил каждое.

– Вестус был превосходным воином. Выскачка, но таланта это не отняло. Он бы мог еще многое сделать для Армии. Но, похоже, исчерпал время, которое ему отвела вечность.

Эквилибрум подошел ближе к Антаресу. За все время их разговора звезда так и не выразил ни одной эмоции, продолжая сдержанно смотреть на мальчишку сверху вниз.

– Мне быгодились таланты твоего генума. С Яаронесом я категорически не способен работать и даже находиться в пределах одной планеты.

– Он отвратителен, – процедил Антарес, с обидой уставившись в воду.

– Что ж, мы уже хоть в чем-то согласны, это радует. Как тебя зовут?

– Антарес.

– Антарес... – повторил эквилибрум, словно пытаюсь распробовать имя на вкус. – Могло быть хуже. Ты – сын Вестуса Ярого Глаза, бывшего Третьего паладина Света. Силы генумов передаются по наследству. Твои уже начали проявляться?

– Не совсем... – Антарес сконфузился и утер глаза рукавом. – Светозарный огонь...

– Мне все равно на огонь. Что насчет восприятия душ?

– Тоже нет.

– Допустим. Иногда способность генума возникает после полутора Генезисов от рождения. Так что подождем. Ты мне годишься, Антарес. С тобой я возвышу Свет.

Антаресу хотелось сказать, чтобы эквилибрум не обманывался, не возлагал на него никаких надежд. Но вместо этого сжал кулаки и

молча наблюдал за удаляющимся незнакомцем.

– Когда подрастешь и откроешь способность, – бросил тот через плечо, – стань рекрутом вместе со всеми, а после подпишись на долгосрочную службу. Скажи своему командиру, что ты под протекцией Паладина – Зербрага Знаменосного. Я буду ждать тебя в своем легионе, Антарес ат Анимера.

Голос Зербрага продолжал гулять в моей голове, даже когда воспоминание оборвалось, и я вновь смотрел в глаза Антареса – все такие же печальные и понимающие.

Он снял с лацкана крохотную булавку с гербом генума – глаз внутри звезды. Зрачок располагался на сапфировом фоне.

– Это носил мой отец, так говорил Яронес, когда передал ее мне. Наверное, это было самым теплым жестом ко мне с его стороны.

Антарес просто приколот булавку мне на грудь рядом со знаком Стрельца.

– Я тоже был совсем один в своем роде. И подобно тебе не понимал, кто я и зачем таким родился. Думалось, что уж лучше появиться на свет эфиророжденным – сразу взрослым, с чистого листа и без бремени, возложенного на меня древним геномом. Но у Вселенной на каждого имеется план. Всем было плевать на меня. И я ухватился за первую попавшуюся возможность стать хоть кем-то. Не за счет отца, а сам по себе. Антарес ат Анимера... – Эквilibрум хмыкнул. – Неправильная душа меня признала. Но у тебя не только эти мертвые статуи. У тебя есть я. А ты – у меня. Пускай ты все еще не нашел себя до конца, это никогда не изменит главного. Я и раньше тебе говорил, и останусь тверд в своих словах: ты – не ошибка, не случайность, не безликое и бессмысленное нечто, каким я сам себя считал в начале пути. Ты – часть меня и генума. Часть всего этого. Ты важен мне. И ты никогда не будешь один, Максимус ат Анимера.

Меня раздробило на части.

Я хотел просто ответить – что-нибудь воодушевляющее, но все казалось таким плоским. Незначительным. Вместо этого в приступе благодарности я обхватил его за шею. Антарес, похоже, такого не ожидал, но спустя пару секунд расслабился и крепко обнял в ответ.

На какой-то кратчайший миг показалось, что все вернулось на лет тринадцать назад. Что я снова подрался в школе, а Антарес – просто мой обычный отец, который меня всецело принимает.

– Прости, – торопливо выдал я, отходя и на всякий случай проводя рукой по глазам, боясь, что покажу Антаресу свое расшатанное состояние. – Я не хотел... То есть хотел, но...

– Все в порядке, – кивнул он.

– Просто до сих пор не знаю, как ко всему этому, – я красноречиво указал на него, – относиться.

– Относись проще.

– Это ты тут существо, которому сотни миллионов лет! Тебе легче говорить!

– Не моя вина, что вы за декаду успеваете сорок раз переосмыслить жизнь, огорчиться во всем и поймать пятнадцать возрастных кризисов. Вы все усложняете.

– У нас всего восемьдесят лет в запасе, за которые надо успеть все подряд, звучит уже достаточно сложно!

Мы оба рассмеялись с этого бреда.

Я вновь поглядел на статуи.

– Что такое Зеленый мор? Можешь рассказать конкретнее?

– Сложная тема, – уклончиво сказал Антарес. – Особенно потому, что мы сами до конца его не изучили. Думаю, ты уже и так понял, что Мор связан с Обливионом. Другие его проявления хоть как-то упорядочены: войдовые разрывы, червоточины, черные дыры, границы материальной Вселенной. Но Зеленый мор – выжирающий все хаос. Он как пожар, только намного страшнее. Нам неизвестно, из-за чего он появляется и почему лишь на планетах с приземленными. В один момент среди них возникает распространитель, в кратчайшие сроки аннигилирующий части планеты и души. Он набирается сил, а загубив планету целиком, создает еще один войдовый разрыв. Эквilibriumы, чьи хранилища были поглощены или чьи души входили в контакт с Мором, могут стать дальнейшими распространителями. Мор захватывает их разум, правит ими. До меня инквизиция постоянно сбрасывала таких эквilibriumов в дыры и червоточины, как и всех самых опасных преступников. Но пораженные Мором рано или поздно каким-то образом возвращались, продолжая нести его дальше. Я же озаботился проблемой сильнее прочих. – Антарес смотрел прямо в лица родителей. – Правдами и неправдами я смог договориться с одним из предыдущих Верховных Тьмы, убедил его, что это в наших

общих интересах. Я отдал приказ создать паноптикумы для удержания эквилибрумов-распространителей. Там они ничего не могут сделать.

– Я слышал, что все-таки спасти планету можно.

– Да, но на самых ранних этапах, когда первый распространитель не так силен и не прячется.

– Но мы знаем, кто это! И даже сможем его найти!

Антарес покачал головой и отвернулся.

– Нет. Вы его не убьете. Слишком поздно.

– Нам всего лишь нужно эфирное стекло.

– Откуда ты вообще о нем узнал? – Антарес напрягся.

– В Соларум поставляются не только исторические хроники. Я уже знаю, что оно поглощает энергию. И им можно сразить войда. Антарес, пожалуйста, нам нужен всего лишь какой-нибудь нож.

– В любом случае я не могу тебя отпустить. Ты погибнешь. А я и так достаточно уз Ноэ оборвал.

– Но...

– Максимус, они – просто приземленные! Они и так живут до смешного мало. Я достаточно прожил среди них, наблюдал все своими глазами.

– И что теперь? Бросать всех? Не давать шанса на рождение новых душ и поколений?! Как ты можешь так говорить, ты же сам видишь души, знаешь, как они важны! Даже у приземленных!

– В том и дело. Единственное, на что они могут надеяться, – не попасть в Обливион после смерти. Я как Верховный и как часть Анимеры не могу этого допустить. Души приземленных нужно спасти, даже таким способом.

Он хотел двинуться дальше, но я схватил его за локоть.

– Ты был неправ, – скрепя сердце сказал я. – Да, я до сих пор себя не принял. Но есть души, которые уже приняли меня со всеми моими недостатками, и им все равно, что я неполноценный. Их не волнует, что ты – мой отец. Зато их беспокоит, где я, что со мной, сколько еще сплитов нужно убить за неделю и как вместе откосить от работы. По-своему странные, прямо как я сам. И они там. На Земле. Или Терре, называй как хочешь.

Я отпустил Антареса, продолжая говорить в его спину, кажущуюся непробиваемой стеной:

– Они такие же, не отличаются от нас, хотя ты этого и не способен осознать. И они дороги мне так же, как и я тебе, понимаешь? Я не могу их бросить, не могу отсиживаться тут, зная, что они отправятся по дальнейшему пути ни за что. Пускай они и всего лишь приземленные, как ты выразился.

Он наконец повернулся. Я достал фотографию, взятую у Дана, и, оторвав четверть, протянул кусочек ему.

– Может, я не знаю, зачем родился и кто я на самом деле. Но я твердо уверен, что мое место – там. Среди тех, кто меня принял. Так что, Антарес, прошу. Я должен хотя бы попытаться побороться за это место. Оно ведь дорого и тебе.

Антарес долго разглядывал фотографию себя и мамы, атмосфера становилась все тяжелее.

– В крайнем случае попробуй вырвать меня перед полной аннигиляцией, – попытался подбодрить я. – Если я еще буду жив. Но пока у нас есть время, я не могу тратить его здесь. В твоём мире я – никто. Но на Терре я – на своем месте. Там самом, где полезнее всего Свету.

– И когда ты успел так повзрослеть? – невесело усмехнулся эквилибрум.

– Это значит «да»?

Антарес качнул головой, пряча изображение в карман.

– Эфирное стекло – очень редкий материал. Я все еще не понимаю, как оно оказалось у вас на планете. – Он потянулся за пояс и вытащил оттуда знакомый нож. – На самом деле я глазам не поверил, когда Гесцил мне его отдал.

Я взволнованно взял переданное мне оружие. По лицу Антареса казалось, что клинок весил тяжелее всех его бед.

– Я дам тебе ключ-метку. В ней будет достаточно эфира, чтобы ты смог вернуться сюда через зеркальный транзит. – Он помедлил. – Я бы хотел пойти с тобой и помочь, но одно мое появление на пораженной Мором планете вызовет скандал со стороны не только корпуса инквизиторов, но и темных. Наши отношения с их Магистратом и без того ужасные, но после моего возвращения и вовсе заставляют тосковать об иных временах.

Антарес мягко сжал мое плечо.

– Будь полезен Свету. Я рад, что ты обрел цели. И они достойные.
Держись за них, хорошо?

– Я тебя не подведу, – пообещал я.

– Знаю. Я никогда в тебе не сомневался, Максимус.

Глава XXXXIV

Доверие с запахом горячей плоти

Зербрага носило по темным водам, он едва смог открыть глаза и увидеть лучи бледного света – такого далекого, но близкого душе. Свет зывал к нему, как и многие разы до этого, требовал верности и покорности, а Зербраг был готов отдать ему всего себя. Но Тьма поглощала, метала из стороны в сторону, создавала в его мыслях монстров – ужасных и до безумия пугающих. В конце концов все они становились им – темным божеством с бездонными глазами. И воротами. Они всегда находились за спиной Зербрага и сводили его с ума одним существованием. Он боялся оглянуться – и лучше бы умер, отправился в Обливион, только бы больше не видеть наглухо закрытых створок.

Он был должен. Обязан.

Зербраг открыл глаза и шумно вздохнул. От него отпрянули несколько комет, настолько внезапно он сел и заметался.

– Луц Зербраг, успокойтесь, все хорошо!

– Он здесь! – кричал он, как умалишенный, лихорадочно оглядывая лазарет. Яркий свет смешивал краски и вызывал боль. – Нет! Он погубит всех! Не дайте ему...

Зербраг хотел встать, он был готов насильно расталкивать комет, но откуда-то возникло голубое лицо с белыми полосками, знакомое ему в другой жизни. Эфемерное наваждение. Планетарша с силой придавила его обратно к койке из плотного дыма.

– Луц...

– Он идет! Нам нужно бежать!

– Луц, придите в себя! – строго осадил ее. – Вы в безопасности, в столице Роштамма!

– Слишком близко! – вопил он, вырываясь. – Он найдет меня! Найдет!..

Зербраг уперся правой ногой в дым, но за секунду до зубодробящей боли понял: что-то не так. По телу пронесся жар, его тряхнуло. От болезненной волны разум Зербрага предпринял робкую попытку собраться.

Нога ниже колена полностью отсутствовала, половина туловища яростно болела. Зербраг дергался, оглядывался как в помешательстве и дышал так, что ребра были готовы треснуть. Он поймал настойчивый взгляд красных глаз, и в его голове резко щелкнуло.

– Юферия? – поразился звезда, словно не видел ее множество эпох. Он запустил руку в ее волосы и придвинул к себе, разглядывая лицо. – Это ты... преданная Юферия...

– Луц, все хорошо, – строгим и уверенным тоном заявила она, продолжая держать его за плечи. – Вы выжили. Скоро кометы залечат ваши раны. А пока вам нужно отдохнуть.

– Нет-нет-нет! На это нет времени!

– Это единственное, на что оно у вас есть. Вам требуется восстановить ногу, а это займет...

Зербраг с силой отстранил ее и неуклюже сел на краю койки. Тело протестующе заныло от боли. Жалкий кусок плоти.

Трясущимися ладонями Паладин закрыл лицо, боясь надолго опускать веки и видеть темноту. Она следила за ним даже оттуда.

– Луц, я нашла вас в месте, которое вы отметили векторным транзитом для чрезвычайной ситуации, – отчитывалась Юферия. – Вам очень, очень повезло. Вы отделались лишь потерей конечности.

– Что... что стало с...

– Треть легиона убита Тьмой. В одно мгновение. На тех плитах разбился Эквilibрис, Тьма полностью перевесила и уничтожила Свет...

Он не слушал, да и любые звуки доносились как через стену. В мыслях Зербраг по-прежнему стоял перед входом в мрачное строение.

– Она предупреждала меня...

– Кто? – не поняла Юферия.

– Имперум. Эстесса. Она пыталась... а я не послушал, я слушал Алею...

Зербраг в гневе закусил губу. По подбородку побежала кровь.

– Луц... – Планетарша потрясенно приблизилась.

– Вон, – прорычал он, вскипая. – Все вон! Мне нужно связаться с ней.

– Вы не в себе...

– Ты слышала меня! – рявкнул Зербраг. Огонь заметался под его кожей, пугая Юферию.

Она нехотя подчинилась. Когда эквilibrium остался один на один с собственными мыслями и клипсой, отданной Юферией, он изо всех сил постарался собраться, но тщетно. Его продолжало колотить до дрожи. Унизительное, но сильное желание спрятаться и сжаться в каком-нибудь углу поработало. Ему мешало лишь отсутствие ноги.

Трясущиеся пальцы еле зафиксировали клипсу на раковине уха. От одной мысли Зербрага вокруг его головы образовались сияющие кольца и орбиты с информацией, быстро сменяющейся перед глазами. Вызов в межпространстве, связывающий столь далекие друг от друга точки, стремительно и в большом объеме выжигал эфир; разумнее было бы послать весть. Но Паладину требовалось услышать все лично. Звонящая тишина изводила его, а когда раздался голос Алеи ат Рух, он вздрогнул.

– Я не думала, что ты захочешь вновь обратиться ко мне так скоро.

Молчание.

– Зербраг?

– Ты обманула меня, – выдавил тот севшим голосом. – Ты... соврала...

– Прости? – не поняла она.

– Ты предрекала мне ответы здесь. – Зербраг давился словами, с шипением вытягивая каждое сквозь плотно сжатые челюсти. – На этом тартском Вселенной забытом клочке материи! Обливион тебя поглотит, ты сказала мне подчиниться Паладинам и их решению... Ты уничтожила меня, ты тартская...

Алеа наконец пришла в себя и твердо заявила:

– Ты помешался.

– Ты предала меня!

– Зербраг, зачем ты отправился туда? О чем ты говоришь? Я говорила тебе: сделай все возможное, чтобы избежать ссылки!

– Ты врешь!

– Я хоть раз врала тебе до этого?

Слова застряли на полпути. Зербраг в ужасе застыл.

– Нет, этого не может быть, ты же говорила...

– Я тебе сказала сразу, что меня в жизни так не тревожили образы на черте горизонта будущего! А ты заверил, что у тебя есть план, как избежать воли Паладинов.

– Но я не...

– Разберись с собой, Зербраг. – Алеа помедлила и с тоской добавила: – Я не знаю, что с тобой произошло и с чем ты столкнулся, но мне жаль. Я лишь надеюсь, что ты найдешь в себе силы сражаться с этим и идти дальше.

– Алеа...

Она отключилась, оставив Зербрага в тишине.

Вскоре вернулись кометы. За все это время он ни разу не пошевелился и даже не отрывал взгляда от стены. Паладин пытался, как обычно, разложить информацию, продумать ходы. Но основа, на которой он так уверенно и твердо стоял всю жизнь, внезапно рухнула, уводя его мысли лишь к одному пути. Ему требовалась помощь.

– Мне нужно идти, – сказал Зербраг.

– Сейчас это невозможно, – заявила желтоволосая комета из ониксового камня. – Нам нужно...

– Просто поставьте мне протез.

Ее передернуло, от волос оторвался ворох искр.

– Что вы несете? – поразила вторая. – Зербраг, мы уже проложили вектор восстановления; его можно пресечь, лишь уничтожив эфирный поток! Тогда, даже если вы захотите, плоть не вырастет до вашего возвращения из следующего сомниума! Возможно, вы Генезисы проходите с ним!

– Плевать! – рассерженно рявкнул он, разгораясь сильнее. – Достаньте мне протез, любой рабочий, не нужно идеальный! Я, Зербраг Прожигающий, Второй паладин, магн-легат, приказываю вам. Иначе от ваших небесных тел не останется даже пепла.

Кометы, как и весь Свет, знали, на что он способен, потому резко стушевались и торопливо пообещали исполнить его волю в кратчайшие сроки. Они исчезли, и на смену им пришла Юферия. Она с непониманием взирала на Зербрага.

– Луц, во имя Света, что вы делаете? Одумайтесь, к чему такая спешка? Протез – это же совершенно крайняя мера!

– Верно, – хрипло отозвался он, сникнув. – Крайняя. Я должен узнать правду. Не могу ждать.

– Пожалуйста...

– Юферия, я видел такое, что тебе и не снилось.

Она хотела что-то добавить, но Зербраг потянулся к ней, мягко положил руки на плечи.

– Ты ведь знаешь, что память меня подводит, верно?

– Потому вы и сделали меня своим помощником.

– Мой верный-верный фактотум, преданная, любимая Юферия, – с чувством произнес он. Руки скользнули выше, коснулись щек. Маленькая, абсолютно незаменимая планетарша. – Я верю тебе, как себе.

– И я ценю это, луц! Для меня честь помогать вам.

– Знаю. Никогда не говорил, но я так благодарен тебе за помощь. Но ты и это понимаешь, да?

– Разумеется.

– Ты запоминаешь все, чтобы моя память не исказилась. Частые сражения разрушают ее, выжигают мою жизнь.

– Вы не единственный, кто страдает этим недугом...

– Такой позор для Паладина... постоянная потеря памяти. Никто и никогда не должен узнать об этом, ведь я – столп Света. Я обязан быть идеалом духовной стойкости и силы, ничто не может вызывать в этом сомнений. Абсолютный контроль души, эмоций... Но чем дальше, тем скорее опадает моя память, словно крепость из песка...

– Луц, мы со всем справимся.

– Ты ведь тоже слышала, как Алеа сказала мне отправиться сюда?

– Да, – уверенно кивнула Юферия. – Она велела вам не бояться и что здесь вы отыщете ответы!

– Точно?

– Луц, когда моя память вас подводила?

Зербраг едва вспомнил, как дышать. Он закрыл глаза, чувствуя на них жжение.

– Милая Юферия...

Она опешила, увидев, как Паладин выдавил из себя улыбку. Ее взгляд тревожно замер.

– Зербраг...

– Я всегда верил тебе. Опирался на тебя. Так сильно. Ты служила мне верой и правдой, и я никогда этого не забуду.

Он держал ее голову в своих ладонях, запоминая каждую черту и надеясь, что это лицо никогда не выветрится из его памяти.

– Что вы...

– Но больше я не могу тебе доверять. Не после такого. Кому я вообще могу верить, если не тебе? Что у меня осталось? Ты подвела меня.

Юферия взволнованно округлила глаза, сжала его запястья.

– Твоя память правда идеальна. А значит, ты соврала. Или они подобралась к тебе через меня, а ты о том не ведаешь. И это намного опаснее. Я слишком доверился тебе. Ты могла меня погубить. Я изначально должен был полагаться только на себя. Я допустил ошибку.

– Что?! – ужаснулась она. – Зербраг, я...

– А ошибок я не прощаю, – с болью в голосе сказал эквилибрум, крепче сжав ее голову. – Даже себе самому. Незаменимая Юферия.

Он делал это сотни раз, потому легко смог и в этот. В руках полыхнуло сильнейшее, всепоглощающее светозарное пламя.

В воздухе застыли короткий крик и запах горелой плоти.

Глава XXXXV

Если сегодня закончится время

– Ты где был? – воскликнула Фри, вылавливая меня в коридоре. – Макс, тут такое!

Я боялся, что, как и в прошлое мое попадание за небеса, на Земле пройдет слишком много времени. Но Антарес заверил, что раз на мне есть точка горизонта, то расхождения во времени быть не должно. К тому же он использовал свой необъятный эфир ради моего мгновенного транзита обратно.

Фри изложила мне ситуацию с объявившейся Карлой. Сейчас ту отправили в карцер и пытались оградить от радикальной ненависти Паскаля ко всему темному. В это же время произошли три большие аннигиляции: в Египте, Испании и на юге Мексики. Как минимум в одном месте было огромное количество жертв. Протекторы незамедлительно выдвигались в аннигилированные места.

– Карла сказала, что это отвлекающий маневр, – сообщила Фри, когда мы спешили по пятому этажу. – Сам Грей направляется в другое место.

– Кто отдал приказ отправляться в те места? Коул?

– Нет, он так и не вернулся. Рамона молчит. Пока место Смотрителя занял Паскаль, Сара заступает лишь завтра.

Ну еще бы, конечно, это мог быть только Паскаль.

Возле нужной камеры собралась небольшая толпа.

– Она – военная преступница, предавшая Свет! – негодовал Паскаль, который уже был во всеоружии. – Ей нельзя верить.

– И я по тебе скучала, – утомленно отозвалась Карла из камеры.

– Не смей со мной говорить, – прорычал тот. – Скажи спасибо, что у нас другие проблемы и тобой некогда заниматься.

Он развернулся и наткнулся на нас. Взгляд похолодел.

– Только не говорите, что будете ее слушать.

– Чтобы понять, врет она или нет, выслушать все же надо, – заметила Фри. – Знаешь, это упрощает дела и решает конфликты. Можешь попробовать ради интереса хоть раз.

Скорпион брезгливо поморщился.

– Делайте что хотите, я вас предупредил. Мы попробуем спасти кого еще можно. А вы... не знаю. Надеюсь, что эта гадина не заведет вас в Обливион.

Когда он ушел, я обернулся к стоящим возле камеры Саре, Дану и Рамоне.

– Так вы, может, хотите узнать, как остановить Индивидуума? – поинтересовалась Карла. – Я совершенно ни на что не намекаю, но у нас осталось буквально часов пятна- дцать.

– Давай выкладывай, что передал тебе темный, – приказала Сара.

– Ого, не очень-то вежливо. – Падшая встала. – Вообще-то у меня сделка.

– Сделка? – Дан определенно не поверил своим ушам. – Ты еще имеешь совесть торговаться в такой момент?

– Ага. Слушайте, я много чего неприятного делала в своей жизни, но я не монстр. Вы сами это знаете. Все, чего я хочу, – восстановиться на должности протектора без обнуления. Если вам так необходимо – найдите иной способ, как заглушить во мне Тьму. Но основной массив памяти не трогайте.

Это произвело на всех должный эффект. Я опомнился первым.

– погоди, но ты же буквально стала падшей, лишь бы не быть протектором!

– Я не хотела быть падшей. Грей не оставил мне выбора.

– Что? – Сара с недоверием прищурилась. – Ты убила протектора и трех адьютов, когда вас застали во время кражи!

– Да, я была с ними в отряде, когда мы заметили Грея. Вы же знаете его – самая хитрая мразь из всех. А в тот момент еще и планировал отомстить всему Соларуму. За несколько дней до этого на тренировке он слегка ранил меня, а оказалось, что навязал в мой эфир манипуляцию Доминума. Я не знаю, где он ее добыл, скорее всего, выкупил у «Белого луча». В общем, он прикончил Маркуса на войне, а затем вернулся в Соларум, чтобы забрать вещи со склада. Мигом нашел меня.

– Хочешь сказать, он заставил тебя убить других? – спросила Рамона.

– Именно это он и сделал. – Карла кисло улыбнулась и отвела взгляд. – Грей вынудил меня идти с ним на выход, чтобы я в случае чего стала его живым щитом. А когда эта дрянь освободила меня,

дороги назад уже не было. Я запаниковала. Да и вы бы мне не поверили, слишком громкое дело.

– Думаешь, мы тебе сейчас поверим? – жестко спросила Сара. – Все это время...

– Да мне плевать, что ты обо мне думаешь, рыжая. Я сказала все как есть, мне нет смысла врать. Особенно сейчас, когда мы все на смертном одре. Соглашайтесь на мои условия, и давайте разнесем Грею хлебало.

Дан мрачно глянул на нас.

– Паскалю это не понравится.

– Милый, ему и мясо не нравится, когда оно не рыба, – просветила его Рамона и улыбнулась Карле. – Ладно, золотко, встанешь в наши ряды. А теперь, будь добра, расскажи, как убить моего бывшего ученика.

Карла кивнула и передала все, что ей сообщил Ранорий. Шакара пыталась проделать с Греем то же, что и когда-то с Тисусом, но усовершенствовав опыт. Она поняла, что тело может жить отдельно от души, если та совсем близко, и при этом стать сильнее и неуязвимее.

– Шакара каким-то образом разделила его осколки, оставив между ними связь. У Грея внутри сохранился разум, но Ранорий сказал, что эта часть сейчас больше пребывает скорее в мертвом состоянии, чем в живом. Я не поняла, что это значит, но вы тут умники. Остальные два осколка Шакара распределила в предметы, как и душу Тисуса – в дерево. Ранорий сказал, что Грей может перемещаться от осколка к осколку.

– Так вот как он исчезал так быстро! – поразился я.

– Макс, подожди радоваться, это ж полный бред, – вступилась Сара. – Раздробить душу? Вытащить два осколка? Оставить между всеми тремя связи? И нет фатального раскола? Это невозможно!

– Черт, да ты вообще Грея видела?! – вспыхнула Карла. – О каком фатальном расколе ты говоришь? Грей и есть раскол!

– То, что с ним происходит, правда нормальным не назовешь, – тихо подтвердила Фри.

Она это видела. Я это видел. Что-то повлияло на Грея, обратило его в монстра намного хуже сплита. Я был готов поверить, что опыт пошел не по плану.

Карла твердо глядела на нас.

– Ранорий сказал, что нужно вернуть часть Грея с мертвой стороны. И уничтожить предметы с осколками. Все части души должны быть помещены обратно внутрь оболочки. Ну а еще он передал это. Сказал, что дает на время.

Карла вытащила на обозрение эфирное стекло. Это был скорее кинжал, такой же рубленый, но длиннее ножа. От него исходила Тьма.

– И все-то твой темный знает, – процедил Дан. – Я поверить не могу, что мы готовы ему довериться.

– А у нас выбора нет, – сказал я. – У нас есть только пятнадцать часов. Карла, еще раз, куда направился Грей и что он собирается делать?

– Делать он явно ничего хорошего не будет. Ранорий сказал, что после обманок Грей отправится туда, где все началось.

– Началось что? Аннигиляции? – уточнила Фри.

Карла только пожала плечами. Пока остальные предполагали, я задумался.

Начало всего. Грей говорил о каком-то грандиозном представлении. Значит, место должно быть огромным и значимым. Что это? Соларум? Его место рождения? Та железная дорога из воспоминаний, где Грей столкнулся с Черно-Белыми?

«И мир закончится здесь», – раздался в голове его голос.

– Древо Мироздания, – выдавил я, повергая всех в тишину. – Там, где все началось. Вся жизнь, которую он теперь пытается уничтожить, зародилась именно у Древа.

– Макс, если ты ошибаешься... – начал Дан.

– Я не ошибаюсь. Грей любит эпатаж. Мы должны идти туда, все, кто остался.

Я достал эфирное стекло, отданное Антаресом, и, поймав удивленный взгляд Фри, спросил у нее:

– Ты же справишься? У нас есть шанс. И другого не будет.

Она неуверенно кивнула.

Мы оставили Карлу в карцере на всякий случай. Прежде чем идти куда-то, я решил зайти в Лазарет. Мало ли, мы могли не вернуться, потому я должен был проведать Стефа. Так было честно.

И, скажем прямо, я очень удивился, когда нос к носу столкнулся с ним в дверях палаты.

– Что там опять случилось, пока я дрях? – немедленно спросил он.

Из-за спины Стефа доносилась ругань Ханна, твердившей, что ему нельзя подниматься и даже внезапное исцеление – не повод геройствовать. Я и сам потребовал у друга объяснений его отличного вида. Он буквально выглядел здоровее, чем до болезни! Стефан признался, что ничего не знает. Просто уснул, а проснувшись, понял, что все прекрасно, весь недуг сошел на нет.

– Не знаю, кто над этим поработал, но вряд ли сама Вселенная снизошла до чуда, – выдал он.

Как только Стефан и Ханна услышали о сведениях от Карлы, то немедля загорелись желанием идти с нами. И даже вдвоем с Девой мы не смогли переубедить Стефа.

– Да хрен там я останусь здесь отсиживаться! Я этому ублюдку глаза вырву и сожрать заставлю!

Рамона, Сара, Фри и Дан уже собирались в оружейной.

– Дан, – обратилась Рыбы к бывшему ученику, пока я набирал стрелы в колчан. – Послушай. Перед тем как мы уйдем, я хотела бы объясниться. Знаю, для тебя был тяжел мой уход, но...

– Не нужно оправдываться, – оборвал он, выбирая стекла с манипуляциями. – Особенно передо мной. Ты делала что требовалось и работала так, как тебе удобно. Я не должен был так себя вести.

Рамона изумилась.

– В конце концов, – спокойно добавил Дан, обернувшись к ней, – все мы имеем право на взаимопонимание и прощение, верно?

– Верно! Милый, обещаю, отныне я постараюсь чаще вникать в дела Соларума. И если тебе потребуется помощь, только свистни, хорошо?

Он поблагодарил ее и продолжил собираться. Нечто в нем изменилось, и я никак не мог понять что. Дан казался мне цельным. После всего, что с ним происходило, после всех потрясений, метаний и черной депрессии. С ним вдруг все стало хорошо, точно бы он освободился.

Дан закатал рукава рубахи, чтобы проверить метки, и я увидел на его правой руке сплетение бледных пурпурных нитей. Когда я спросил его об этом, то протектор неловко ухмыльнулся.

– Да странная и безумная ночь была. Это сопряжение.

– Стой, так вы с Ханной слили души? – поразился я, оглядываясь на Деву, собирающуюся вместе с Сарой в другом конце оружейной. – Зачем?

– Это нужно было сделать уже давным-давно. Да и что нам терять? Если сегодня закончится время. У нас хотя бы будет шанс найти друг друга на той стороне дальнейшего пути. Куда бы он нас ни привел.

Получалось, Антарес тоже как-то успел создать сопряжение между душами себя и мамы, я же видел такие нити на его руке и образы ее души во внутреннем мире звезды. От этого мне стало теплее. Он правда ее не забывал.

Закончив с рабочим поясом, Дан замер.

– Не помню, когда ощущал подобную опасность за все годы протекторства. Ни мировые войны, ни попадание заоблачников на Землю, ни тем более котловины не заставляли меня испытывать столько безысходности перед грядущим. Там что-то страшнее Тьмы, настолько ужасное, что его боятся обе стороны. Расщепляющее пространство и души. И мы собираемся противостоять этому. Приземленные. Снова идем наперекор вселенской логике, как и с Антаресом. Мы опять должны жертвовать собой. И никогда прежде я не был настолько готов. – Он вздохнул. – Макс, если мы... если мы сможем, если мы выживем, то я должен буду перед вами объясниться. За все те месяцы, которые...

– Не стоит. – Я хлопнул его по лопатке так, что Дан вздрогнул. – Как ты и сказал Рамоне, все заслуживают понимания. Главное, что сейчас тебе лучше.

Он виновато улыбнулся.

– Да. Да, наверное, ты прав.

Нас отвлек вошедший в оружейную Стефан. Он как раз заканчивал застегивать пуговицы на мундире и исподлобья оглядел нас.

– Че такие мрачные? Кто-то помер, что ли?

Все потрясенно уставились на Водолея. Лишь Фри улыбалась. Тогда я все понял. Стеф был прав: Вселенная не снизошла бы до чуда. Но кто-то другой – вполне мог.

– Если нет, – продолжил тот, – то давайте наконец-то раз в жизни соберемся и нормально выполним нашу гребаную работу.

– Если кто-то умрет, другой в пекло не бросается, – произнесла Сара старую протекторскую поговорку.

– И продолжает жить ради других, – договорил я.

Вскоре встал вопрос, как мы попадем к Древу. Туда не вели транзиты, добраться можно было только на ладье. Я уже хотел было вызваться попробовать управлять машиной, оставленной у Соларума после того, как мы вернулись со встречи с инквизиторами. На самом деле меня манила и будоражила одна только мысль об этом. Но мои мечты разбила Рамона. Как оказалось, у нее была настоящая практика в прошлом: как сильнейшего протектора, ее тестировали почти на всем, и к авиации у Рыб тоже прикипела душа.

Ну и пожалуйста, бросил я про себя.

Спускаясь с лестницы к синему лесу, я шел позади товарищей и решил напоследок оглянуться на Соларум. И остолбенел, увидев Сириуса, стоящего на верхней ступеньке. Он с прищуром взирал на нас.

– На это нет времени! – воскликнул я, сразу обрывая все его негодования. – Мы сделаем что должно, раз вы не хотите нам помогать! – Взгляд Сириуса посуровел. – Приземленные тоже на что-то способны. Хотя бы на попытку защитить свой дом.

Он долго рассматривал меня сверху вниз, прежде чем спокойно ответить:

– Вам нельзя хоть как-то соприкоснуться с Зеленым мором, таково указание инквизиторов. А мне был отдан приказ покинуть Терру. Я обязан выполнить его. – Он поднял голову, бросая взор на протекторов, идущих прочь. – Ведь мне есть куда пойти. Вам – нет. – И, разворачиваясь обратно к воротам, бросил: – Я ничего не видел.

Я потрясенно наблюдал за Сириусом, пока он не скрылся за массивными стенами, и только затем опомнился, посеменив за остальными. Когда все собрались на палубе, а сама ладья тронулась, мы молча смотрели на удаляющийся Соларум. Каждого охватило волнение, мы знали, что, возможно, видим это место и друг друга в последний раз. Нас было вполне достаточно. Пусть другие пока помогают приземленным в местах аннигиляций.

– Всем умирать не нужно, – сказала Сара, точно прочитав мои мысли. Ее слова показались каплями, разбившимися о пол в полной тишине.

Она крепко сжала меня за плечо, пытаясь сдержать трепет. Ей это давалось с трудом.

– Даже если мы растворимся в Обливионе? – спросил я.

– Наши имена никогда не забудут, – ответила Ханна, глядя на бесстрастного Дана.

– Главное, что жизнь для других продолжится. – Он помрачнел. – Жизнь без пустоты.

Стефан пристально поглядел сначала на него, потом на меня.

– Это так вдохновляюще, что меня сейчас стошнит.

– Опять ты все портишь! – воскликнул я.

– Я так проникаюсь моментом.

Фри треснула его по локтю и спросила у нас:

– Мы ведь не опоздаем, верно?

– Будем надеяться, что окажемся первыми, – кивнул Дан. – Встретим с распростертыми объятиями.

Лететь было чуть больше часа – в атмосфере планеты высокие скорости запрещены, слишком высок шанс соскользнуть с захваченных струн Света и вывалиться за горизонт. Все разбрелись кто куда, глядя на стремительно мелькающие километры воды. Я забился в угол, подозвав к себе Фри.

– Ранорий считает, что часть души Грея скорее по ту сторону жизни, я правильно понял? – Я разложил на каменной поверхности пола оружие из эфирного стекла. Одно пустое, другое полное Тьмы. – Я знаю, что он имел в виду.

И кратко поведал ей о своих похождениях в Параорбисе и о том, что видел там и Грея, и скелет с птичьим черепом.

– Вот почему он был там, – произнес я, вращая в руках пустой нож. – Он мертв наполовину. И его притянуло к Саре. Вопрос на миллион: как нам туда вновь попасть? Мне пришлось преодолеть, наверное, половину космоса, чтобы выйти на Храм Силентиума. И то они приняли меня лишь из-за подчиненного Поллукса.

Фри сначала нахмурилась, но тут же резко оживилась, едва сдерживаясь от волнения.

– Я знаю, знаю! Через обряд, который я использовала для поиска Хранителей!

Я восхищенно выдохнул. Это уже половина дела. Как только я протянул ей нож, запал Фри потух.

– Я бы наполнил его одним только своим огнем, если бы это подошло, – виновато сказал я. – Но, похоже, Свет не до конца убивает этих монстров. Для завершения дела нужна другая сила. Твоя.

Фри неуверенно коснулась пальцами стекла, такого хрупкого с виду. Девушка зажмурилась, а я смотрел, как Энергия наполняет мрачное нутро лезвия, точно разводы краски в воде. Нож едва мерцал темно-фиолетовым светом, разнося вокруг себя крупички звездной пыли. Я поблагодарил Фри и подобрал черный нож.

– Не пойму, зачем Ранорий отдал нам его таким. Если до конца не сработал Свет, то и Тьма не справится. Он же имел дело с Зеленым мором и войдами, должен знать.

– Я вообще этому хмырю не доверяю, – призналась Фри. – Так и ждешь подставы.

– Я тоже. И все же он помогает нам. Даже если и из собственной выгоды.

Хотя говорил, что мы этого не заслуживаем.

Я в одиночестве ковырялся со стеклом до самой Антарктиды. Только когда горизонт посветлел, а ветер стал приносить редкий снег, я опомнился и вскинул голову.

– При Грее должна быть как минимум одна часть отделенной души, так сказал Ранорий, – объяснял я друзьям, излагая план. – Вы должны ее найти и отнять.

– Мы? – удивленно переспросил Стефан. – А ты что делать будешь?

Я потупил взгляд, глядя на черный кинжал.

– Мы с Фри отправимся в Параорбис, мир между жизнью и смертью. Туда провалился разум Грея. Он сейчас на грани реальностей. Скорее всего, именно это и повлияло на него, каким-то образом сделав распространителем. Мы вынудим его остановиться. Если нет, то постараемся прикончить.

– Нет! – встрепенулся он. – Вы не можете просто...

– Стефан, – перебила Фри, решительно смотря на него, – сейчас нигде не безопасно. Как ты и сказал, мы должны делать нашу работу, чего бы нам это ни стоило. Верно?

Стефан хотел ответить, но не смог, с мрачным видом стиснув зубы. Я подал ему фиолетовый нож.

– Выживи. Ты это умеешь лучше других. – Как только он взял оружие, я обратился к остальным: – Держитесь ближе к Стефу, прокладывайте дорогу к Грею. Что бы гад ни делал, не давайте ему продохнуть.

– Так точно, начальник, – фыркнул Дан.

Я тоже усмехнулся. Не привык чувствовать такую ответственность за всех.

Древо Мироздания с гулом возникло за моей спиной. Исполин, вросший и в землю, и в небо.

Дом Терры смотрелся еще более одиноким, чем был при нашем предыдущем визите. Тихое пустынное место. Сегодня здесь даже птицы не пели. Шаги оглушительно раздавались в коридорах. Мы петляли меж проходов, уверенно двигаясь к центру.

Ветер шумел в кронах и высокой серебряной траве. *Кордо Космо* сияло в Древе бешеной энергией жизни. Мы были одни.

– Его еще нет, – потерянно выдала Ханна. – Почему?

– Нужно ловить момент, – предложила Фри. – Пока что мы с Максом можем достать его через Параорбис. Не допустим, чтобы он успел выкинуть что-нибудь.

Я закивал, но все равно ощущал тревогу. Что-то не складывалось. Понимание этого дошло до меня лишь сейчас, когда я оказался в знакомом месте, рядом с рухнувшим деревом, основание которого изъел неправильный туман.

– В тот раз он появился как из-под земли. Ранорий же передал, что оболочка Грея перемещается между осколков, так?

– Ну да, – подтвердил Дан. – Значит, он спрятал тут один.

– Нет-нет, подожди... – Я отвернулся и прошуршал несколько шагов по траве, продолжая думать. – Откуда ему было здесь взяться изначально? Транзиты сюда не пробиваются, способ один – ладья.

– Его кто-то привез? – предположила Рамона, закидывая меч на плечо.

У меня екнуло в сердце. Все вдруг стало ясно.

– Да, – севшим голосом сказал я, обернувшись. – Рамона... это же была ты! Грей благодарил тебя за помощь!

– Что?! – Она округлила глаза. – Как ты смеешь?! Я бы никогда не...

– Не специально! Прошу, Рамона, скажи, что ты оставила подвеску с глазом в Соларуме.

Под напряженным взглядом толпы Рыбы побледнела как смерть. Она разомкнула губы и выдохнула:

– О нет...

И выудила из кармана украшение, блеснувшее зеленой искрой.

– Черт! – во весь голос выругался Стефан, оскалившись.

У меня барабанило в ушах. Я вырвал подвеску. С самого начала она казалась мне неправильной, это пчелиное жужжание в голове... оно не привиделось. Взывали мои силы. Я закрыл глаза, впившись пальцами в металл. Это не плоть, не человеческое тело. Предмет требовалось пробить, чтобы увидеть душу Грея.

Под черными тучами гремели раскаты грома, зеленые молнии били в пустынную землю, разжигая такие же зеленые костры. Среди града пепла к небу тянулись лестницы, а вдали мрачнел монумент из сплетенных скелетов. Похолодев, я понял, что чего-то не хватало. Исчез тот самый, с птичьей головой.

Я затылком ощутил пристальный взгляд и ледяную волну. Меня пробрало. Я не хотел оборачиваться и видеть бездну. Она ведь могла заглянуть в меня в ответ. Дрожа, я пересилил страх и открыл глаза.

Неправильный туман тянулся сквозь растительность, поглощал ее и подбирался к нам.

– Началось, – выпалил я, выхватывая лук. – Смотрите в оба!

– Незачем так бояться меня, Максимус, – донесся голос Грея, казалось, отовсюду. – Я не причиню вреда. Скорее, наоборот. Я желаю вам лишь блага.

– Нам-то? – огрызнулся Стефан, создавая щит. – Ага, так я тебе, говнюк поехавший, и поверил!

– Я давно всех простил, как ты еще не понял? Все наши старые ссоры – такие незначительные. Там, где мы все окажемся, они не будут иметь смысла.

Образ Грея промелькнул в тумане – такой же зыбкий и бесплотный, источающий зеленые нити. На человека он уже мало тянул.

– Я просто хочу освободить вас, всех людей. От Тьмы, от Света. От распрей и войны. Такова моя благодать.

Он не мигая смотрел прямо на нас и был абсолютно, полностью и бесповоротно серьезен.

– Мы сольемся в одно. Как было раньше. До того как всех нас насильно разделили еще на заре всего. До Света, до Тьмы. До уродливого, сломанного порождения, которое они нарекли Вселенной. Мы вновь станем истинной прекрасной формой. Бесконечны и неразрывны. Мы будем едины.

Не дождавшись нашего ответа, Грей развернулся и направился к Древу.

– Мы должны остановить его, – вспыхнул Дан, уже готовый податься к врагу даже сквозь туман.

Я бросил ему подвеску с глазом.

– Тогда займитесь этим.

Последнее мгновение. Дальше – черта невозврата.

Перед самым Древом вспыхнул большой полый зеленый круг. В руке Грея блеснул нож из эфирного стекла, горящий Энергией Фри.

Я потянул подругу в сторону. Мы должны были идти к Центруму, оставляя эту битву на друзей. Я верил им. Они не могли не справиться.

Нож вспорол пустоту внутри круга, словно материальную ткань. То, что потянулось оттуда, не поддавалось описанию, я просто не мог сконцентрировать ни взгляд, ни сознание, все больше наполняясь ужасом от увиденного.

Туман валил клубами, плотной стеной заволакивая зал. В нем с ледяным молчанием восставали войды. Исказившийся голос Грея наполнял зал грохочущим хаосом:

– *Мы снова будем едины.*

Глава XXXXVI

Меж двух миров

Мы неслись сквозь черный тоннель, фонарь-солнце едва поспевал за нами. Все гудело: земля, воздух, само пространство. Позади доносился страшный грохот, словно бы рушились стены.

– Мор погубит Древо! – испугалась Фри, косясь на сыплющийся потолок. – Если он уничтожит Сердце Мира...

– Мы справимся! – заявил я. – Сдохнем, но сделаем!

Тут Фри застыла.

– Макс... Хранители... когда я была там, на этом Мосте Душ, они упомянули, что он не связывает мир живых и мертвых. – Она с ужасом сжалась. – Черт! Макс, прости, я... забыла... о черт, нет... что же мы?..

– Параорбис – еще не мир мертвых, – встряхнул я ее. – Еще не там, но уже не здесь, как сказали в Силентиуме. А даже если я не прав, мы обязаны. Мы должны предпринять хоть что-то.

Она с трудом кивнула и продолжила бежать вперед.

Я не упал в пропасть только благодаря Фри, вовремя оттянувшей меня за пояс. Она двинулась вперед, создавая синеватые ступени. Внизу клубилось сияющее белым светом озеро. Достигнув низа, Фри вбежала в него по колено, обернулась и протянула мне руки.

– Ну же!

Я испытывал легкий дискомфорт от холода, вне сомнений, показавшегося бы мне убийственным, будь тело человеческим. Фри дрожала, я мог только лишь посочувствовать ей. Погрузившись в вещество по шею, протекторша заставила меня лечь на спину вместе с ней. Она стиснула мою ладонь, впуская в свою трепещущую душу. Вторую руку выставила вперед, с нее срывались едва зримые кольца манипуляционного круга. Он ширился, пока с губ Фри слетали слова обряда – сложного и требующего всей отдачи. Фри справилась с ним блестяще. В конце концов круг поглотил нас целиком.

Небо заволокло черными тучами, ветви Древа тонули в них, озаряемые зелеными молниями.

Рамона распалила свою квинтэссенцию во всю мощь, Стеф никогда не видел у нее такой: не только множество огромных каменных рук, но и возвышающаяся над ними каменная статуя на шарнирах, утопающая в земле по пояс. Все грохотало, воздух стремительно исчезал, глаза слезились от невыносимого вида Зеленого моря. Рамона широкими взмахами меча направляла удары квинтэссенции, хоть как-то отгоняя туман. Он прорывался стремительно, дробя алые каменные руки и проделывая в них огромные бреши.

– Она не сможет держаться вечно! – орал Дан, едва слышимый из-за общего грохота и воя ветра, засасываемого войдами.

Свет Рамоны был воистину силен. Достаточно, чтобы выиграть им минут пять в таком темпе, но не более. После она выгорит – и им крышка.

Стефан чертыхнулся и посмотрел на эфирное стекло.

– Ранорий сказал, что мы должны вернуть все части души в тело ублюдка?! И это все остановит?!

– И?!

– У меня идея! Давай штуку сюда!

Дан посмотрел, как Стефан швырнул подвеску на землю, и спросил:

– Хочешь делать манипуляцию?! Какую?! Ты хоть...

Стеф с силой ударил ножом по глазу. Грянула зеленая вспышка.

– Хорошо, так тоже можно! – оценил Дан.

Весь мир столь страшно взвыл, что лучше было бы умереть, чем выносить этот звук, пробирающий до самой души, взламывающий и стирающий ее в пыль. Рамона дрогнула, допустив дыру в барьере. На помощь немедленно пришла Ханна, создавшая на месте разрыва солнечные деревья. Стеф напрягся. Дева намного слабее Рамоны, она не могла вынести и пары минут такого.

За барьером творился настоящий ад. Войды замерли и ждали, зато туман стал подобен пожарищу, он метался и пожирал каждый атом, в голодном безумии прорываясь к протекторам. Но не это казалось самым страшным. Древо Мироздания, наполненное эфирами светлых

и темных, отчаянно сопротивлялось Мору, но он уже терзал кору, прогрызая путь к Сердцу.

– Какова вероятность, что вторая вещь прямо сейчас у него?! – крикнул Стеф.

– Я не знаю!

Где-то там стоял Грей. Стеф был уверен, что различал его среди грома и вихрей, он просто смотрел на них, ничего не делая. Так близко и так бесконечно далеко.

– Дерьмо-дерьмо-дерьмо... – лихорадочно повторял Стефан.

Его трясло. Он не хотел умирать. Протектор не знал, сможет ли воскреснуть после столкновения с Обливионом, до этого ему удавалось избегать подобного.

Стеф мог просто отдать эфирное стекло Дану. Или Саре. Они – герои. Не он. Давно уже не он. Палач и трус.

«Нет. Не Палач».

Протектор до боли обхватил рукоять ножа. Он слишком часто убегал от ответственности, слишком долго давился миром, в который его погрузил Коул. Макс поручил Стефу эту миссию, потому что искренне верил в него.

– Засранец, – выругался он и крикнул Дану: – Проверим! Мы прорвемся! Прикрывай!

– Мы не можем! – опешил Волк. – Это...

– Вечно жить хочешь?!

Дан разбито уставился вперед, на Грея.

– Давайте! – с натугой воскликнула Ханна. – Я проложу путь как смогу!

– Я тоже! – вставила Сара, беря меч покрепче. На ее лице уже кровоточили ссадины. – Сделайте это!

Стефан ощутил душастый прилив благодарности.

– Вперед!

Рамона разомкнула барьер, и туман Мора с ревом прорвался внутрь.

* * *

Фри стойко встретила черное облако, пролившее свое тело в низину алой пустыни. Макс же приоткрыл рот от изумления – протекторша не могла поверить, что после всего увиденного его еще могло что-то удивить.

Стена дыма вцепилась лапами в скалы, остановилась перед протекторами, требовательно смотря на них тремя фонарями глаз.

– Не думай о Грее, – наставляла Фри. – Думай о той твари с птичьим черепом. Думай только о ней и ни о чем другом.

Макс сильнее сжал ее руку.

Они должны были встретить это вместе.

Облако упало на них, отделив от всех миров: видимых и невидимых, от каждой души и даже мысли. Оно схоронило протекторов внутри себя, среди ветров и песков, в поисках врага, страшнее которого у них еще не было.

* * *

Квинтэссенция Сары пала быстрее, чем Стеф ожидал. Протекторша была второй по способностям после Рамоны, ее силы всегда внушали ужас своей мощью. Но именно сегодня тени дали сбой, они даже не захотели формироваться. Рукав Сары покрылся дырами от соприкосновения с туманом, кожа залилась кровью. Квинтэссенция Рамоны алой стеной прихлопнула брешь.

– Простите! – выдавила Сара, испаряя меч и хватаясь за раненую руку. – Я не знаю, что...

– Отойди в безопасное место! – приказал Стеф.

Ханна уже выдыхалась. Ее деревья прорывались вперед, сплетаясь ветвями, расталкивая войдов. Древесина постоянно истончалась и обновлялась, но процесс замедлялся с каждой секундой. Стефан увидел на ее запотевшем от натуги лице смутное непонимание и растерянность, словно бы она теряла ощущение происходящего даже в столь серьезный момент. Явные призраки начала выгорания эфира – воспоминание за воспоминанием.

Грей все еще был чертовски недосягаем.

– Двигаем! – крикнул Стефан Дану.

Он ждал, что тот откажется, вновь испугается, но Волк был решителен как никогда.

– Иду за тобой!

Стеф решительно двинулся вперед, с тяжестью преодолевая каждый метр под давлением Мора, отгораживая себя и Дана слоями голубых ветвей. Это была его душа, искажавшая реальность. И Мор поглощал ее, как огонь бумагу. Все тело гудело, по лицу бежала горячая кровь. Стефан сжал челюсти, ощущая ее и во рту.

Он чувствовал, как покалывает не только лицо, но и тело. Его квинтэссенция была защитной, не особо способной на атаку. Выдерживать ее долго казалось невыносимым – однажды при удержании той перед толпой сплитов Стеф уничтожил себе не менее трех лет памяти.

Сейчас воспоминания казались ему рудиментом. Главное, чтобы барьер устоял.

Туман бушевал вокруг, земля дрожала. Ничего не видно, лишь клочки ветвей, чернота, серость и зелень, сплошное взбешенное месиво. Стеф чувствовал, как кровь струями текла по коже. Он ничего не видел. Совсем ничего. Но протектор упорно двигался вперед, слыша лишь биение сердца в голове. Даже если он прольет всю кровь и рассыплется в пыль по пути. Он должен.

Перед ним возник зеленый круг, зависший в воздухе, под самым Сердцем Мира.

Зеленые глаза Грея вспыхнули.

– Сопротивляетесь... – Он улыбался. Урод, спокойно стоящий посреди армии войдов и хаоса сгорающей планеты. – Что вы сделали с моим осколком?

– Дан! – воскликнул Стефан, чувствуя, как что-то в глотке лопнуло.

Тот и сам был весь в крови, полы мундира растворялись. Он бросился на Грея, почему-то вооруженный не кровным оружием, а обычным серебряным клинком. Когда падший отскочил, Стеф повалил того на землю, моментально получив удар в лицо. Левую щеку страшно обожгло, словно ее пробили лезвием. Осталась дыра. Водолея отбросило, он из последних сил держал остатки квинтэссенции. Мысли путались.

Вокруг возникали желтые обрывки души Ханны. Она подбиралась ближе, не позволяя Мору растворить протекторов.

Дан сражался с Греем, замахивался и нападал, отступал и парировал. Дрался так яростно, не замечая никого и ничего кругом. Он нанес колющий удар, но падший успел закрыться ножом, раздался лязг. Что-то блеснуло на его руке. Взгляд Стефа намертво приковался к вывалившемуся из рукава кресту и четкам, обмотанным вокруг запястья.

Вот оно.

Грей с силой полоснул Дана по сгибу руки. Удар, второй. Грей рассек воздух ножом, пробивая защиту Дана, направляя лезвие прямо в лицо. А тот и не шелохнулся. Стеф вновь обрушился на хохочущего Грея и придавил того к земле, втыкая нож в горло врага, лишь бы не слышать клекота.

Позади раздался крик боли, яростный и дикий. Дан рухнул на колени. Он изо всех сил зажимал руками правый глаз, продолжая истошно стенать. Меж пальцев с силой струилась кровь.

* * *

Во все стороны расходились белые дороги, тянущиеся через ярчайший космос. Я даже не задумывался о них, просто чувствовал, ведь шел этим путем уже множество раз.

Мне и в голову не приходило, что придется возвращаться сюда, вновь подставляться опасности. Когда впереди возникли рассыпающиеся серые земли с треском зеленых костров, я впервые оглянулся на Фри. Ее вид меня удивил.

– Что? – выдохнула она, хмурясь.

– Нет, – качнул головой я. – Все хорошо.

Сара видела меня настоящего в Параорбисе. Возможно, то же произошло с Фри, или так на нее влияла Энергия. Волосы ее почернели, сверкая пурпурным отливом. Черты лица побледнели и заострились, вместо веснушек – искры. Сиреневые глаза приобрели насыщенный темно-фиолетовый оттенок.

Я притворился, что все хорошо. Странный вид Фри – последнее, о чем сейчас стоило заботиться.

Низкий утробный гул, откалывающий от нас мелкую пыль, напомнил об этом.

Никакой души Сары. Лишь Грей.

Мы двигались меж костров и лестниц, я опасливо оглядывался в поисках мерзких статуй, сжимая черный кинжал.

Фри задержала взгляд на небе и белых планетах.

– Он здесь. Я чувствую его повсюду.

– Не отходи далеко.

– Макс...

Ближайший к ней костер вспыхнул адским пламенем, девушку отбросило мощным ударом. Я обернулся, чувствуя слабость в ногах при виде восстающего чудища. Зеленый огонь пылал на его изломанных, неправильно сращенных костях. Мерзкое создание, противоестественное всему. Оно с хрустом распрямило неровные плечи и резко повернулось ко мне. Черные глазницы по-прежнему пусты, они поглощали материю и души, приковывали к себе. Глядя в них, я слышал крики, доносящиеся из глубин эпох и Гenezисов. Это были вопли страданий, вечной боли, на которую жизнь обрекла сама себя, появившись на свет. А бездна глазниц обещала покой.

«Мы вернемся назад, – шептал в голове блаженный голос Грея. – Все будет как прежде. Мы будем бесконечны!»

Тварь возвысилась надо мной на добрых четыре метра. Каждое движение неправильно и стремительно, так себя не вело ни одно живое существо. Монстр хрустел, постукивал костями. На миг он заинтересовался мной, но стоило отступить на шаг, как скелет направился к Фри.

Я быстро выбежал наперерез, преграждая ему путь.

– Ну, давай!

Рубанув по вытянутой пятерне, я мало чего добился. Существо даже не заметило. Равно как и моей попытки опалить его светозарным огнем.

Меня отшвырнуло куда подальше, я прокатился пару метров, выронив кинжал.

В голове помутнело. Откуда-то звучали возгласы Фри. Она звала меня. Грохот шагов, дрожь мира. Земля распадалась на куски. Я с трудом привстал. От Фри отделилась короткая вспышка Энергии. Костяная тварь зашипела, но не остановилась.

Отыскав глазами кинжал, лежащий в канаве, я заметил в нем сиреневую искру. Маленький сияющий уголек во Тьме.

– Макс! – кричала Фри, вновь защищаясь.

Чудище наседало, костры горели все яростнее.

Я снова заставил светозарный огонь наполнить руки, и кинжал впитал его в себя, делая невиданное. Тьма и Свет, всегда крушащие все при столкновении... сливались. Это было невозможно. Так не могло быть, это шло против Эквилибриса, против всей Бесконечной войны. Но вот я смотрел на сиреневое лезвие – и не мог ничего ему противопоставить.

Вопль Фри выдернул меня из размышлений. Я бросился ей на выручку, распаяясь все сильнее. Монстр одной рукой прижал ее к земле с такой силой, словно мог вот-вот раздавить. Он нагнулся, дугой натягивая острый позвоночник. В глазницах впервые вспыхнули зеленые огни, они заполнили полую трещину во лбу.

«Стань мной», – гудело существо голосом Грея.

Я рубанул по ключицам, скелет отшатнулся. От его визга заложило уши. Не успел я опомниться, как меня уже стиснула пылающая рука. Она сжимала крепко, лишая воздуха, практически дробя кости в труху. Монстр поднес меня к своим огромным глазницам. Гудение усилилось, от моего тела отрывались целые слои, безболезненно обращая его в прах.

«Растворись во мне, приземленный».

Пламя ревело, как и ширящиеся в глазницах искры.

Кинжал вонзился ровно в трещину меж ними.

Раздался оглушительный грохот.

* * *

Казалось, что давление Мора ослабло. Но недостаточно, чтобы продохнуть. Красные стены Рамоны прорвались сквозь туман, вместе с ними пришли и солнечные кроны. Ханна влетела в Грея, отдирая его от Стефана. Водолей поперхнулся кровью, пытаясь вдохнуть полной грудью, но воздуха было так мало, а легкие горели. Ничего не видно. Все красное и зеленое, красное и зеленое...

Стеф разглядел грани воткнутого в землю ножа. Каждая часть тела болела, словно мышцы отслаивались друг от друга. Так хотелось отступить, сдаться.

Пересилив себя, он встал.

Рука. Крест.

Грей терял терпение. Войды подались к Стефу, но деревья Ханна задержали их на пару секунд. Дева надела на падшего со своим кровным клинком, держась на издыхании, продираясь сквозь рушащуюся память. Она отбросила Грея к самому Древу. Тот тяжело ударился о ствол спиной, а Ханна с силой пригвоздила его к коре, пронзив живот насквозь. Падший даже звука не выронил. Он наотмашь ударил ножом, отбрасывая протекторшу.

Она падала, прочерчивая в воздухе кровавый след, брызжущий из горла.

Стефан с немим ужасом смотрел, как Дева рухнула среди остатков серебряной травы, под искрами гаснущей квинтэссенции.

Грей был в восторге ровно до того момента, как Стефан схватил его за ладонь и с силой дернул на себя. Протектора пронзило дичайшей болью. Из кожи падшего вырвались нити, они впились в руку Стефа, на глазах разрушая плоть.

«Не вырвешься, гнида», – думал он, ведь если бы только открыл рот, то заорал бы от боли.

Стеф со всей дури рубанул ножом по запястью Грея. Лезвие прошло легко, как нагретая сталь сквозь воск, отсекая руку, разбрасывая бусины четок.

Клинок Ханна растворился, освобождая падшего.

На этом Стеф больше не мог сдерживаться, он отшатнулся и упал, крича и зажимая растворяющуюся конечность. Процесс было не остановить, остатки кисти страшно жгло, мясо и кости обращались в ничто. Стефан орал, пока не охрип, уткнувшись лбом в землю перед собой и ослепнув от слез.

Мелькнуло черно-золотое пятно, сапоги шуршали по мелким камням. Эквilibrium поднял нож.

– Жалкое зрелище, – бросил Ранорий, ударив по кресту.

Глава XXXXVII

Продолжение жизни

– Остановилось, – с робкой надеждой вымолвила Фри. – Больше не гремит.

Я помог ей встать на ноги, но и сам чуть не свалился. Противная слабость после Параорбиса путала и мысли, и движения, болело все вплоть до самых мелких мышц. Фри морщилась при каждом шаге.

– Нам словно по девяносто лет, – выдала она, цепляясь за меня.

– Если вся жизнь будет в подобном ключе, то хочу остановиться на тридцати.

Мы чудом поднялись, преодолели темный тоннель, придерживая друг друга. В ушах не прекращала барабанить кровь. Я все еще до конца не осознал, что мы сделали, вместо этого я думал об остальных. Что бы ни произошло, они справились.

Выйдя под свет Древа, мы увидели почти что голую поляну. Зеленый мор уничтожил не только растения и землю, но и большую часть стен зала. Даже само Древо местами истлело.

И тишина. Звонящая, нетронутая. Ни ветра, ни разговоров. Лишь пепел падал с небес, укрывая изъеденную землю серым ковром.

Что-то стряслось. Я уверился в этом, упорно ковыляя вперед, придерживая рукой болящие ребра. За облезшим корнем в воздухе все еще висел зеленый круг, в опасной близости от *Кордо Космо*, но он не источал ни тумана, ни войдов. Под ним была расставлена большая черная манипуляция, в которую вонзили четыре метровых иглы из эфирного стекла.

Я медленно обвел взглядом остальную поляну, холодея все сильнее. Теперь мне стала ясна причина тишины. Ничто другое не имело право на существование.

* * *

Полностью целым из этой битвы не вышел никто из протекторов. Мы с Фри едва стоять могли, на других вообще было страшно

смотреть. Перепачканные кровью, с прожженной формой и сходящей мелкими кусками кожей. Легче всех, наверное, отделалась Сара. Фри, теперь как единственная из нас обладавшая базовыми навыками лекарства, перевязала ей правую руку, с открытыми ранами от плеча до локтя. Сара ни слова не выронила, отрешенно смотрела куда-то вдаль с виноватым видом. Рамону на ладью затащили без сознания. Как мне сказали, она сражалась до последнего и все это время заставляла эфир работать на полную. Я надеялся, что до страшного не дошло и ее воспоминания не начали выгорать. В любом случае, после такого реабилитация могла занять месяцы.

Стефан походил на кусок мяса, на нем едва можно было найти живое место. В щеке дыра размером с монету, все лицо в кровоточащих ссадинах, штанина на голени прогорела, там кожа сошла до мышц. В бою с Греем он лишился левой кисти и теперь сидел на полу, упершись спиной в борт, и с убитым видом потирал криво забинтованную культю.

И Дан. Подобно Саре, он до сих пор не проронил ни слова, даже не шипел от боли, когда Фри с трепетом обрабатывала самую худшую из его ран, забинтовывая половину лица, закрывая место, где когда-то был глаз. Одного он лишился, а второй полностью потух, словно душа внутри исчезла.

Именно он принес Ханну на ладью, укрыл ее своим мундиром, оставив на полу под стеклянным навесом. На ее светлых волосах бурыми сгустками запеклась кровь. От души Дана ничего не исходило, даже горя. Один пробирающий холод, кажущийся мне клубами сухого льда. Я даже подумать не мог о том, чтобы коснуться друга, увидеть его внутренний мир. То, что там сейчас происходило, было ужаснее всех случившихся наяву бед.

Ранорий взошел за нами, волоча связанного Грея. Теперь падший страдал, как и обычные люди. Те раны, что не успели зарости во время Зеленого мора, Фри засыпала кометной пылью. Я бы хотел, чтобы мы бросили его подышать с пробитым животом, и допускал, что у падшего имелось внутреннее кровотечение, которое всего-то нужно оставить без внимания. Но мы должны были притащить его в Соларум, показать остальным.

– Инквизиторов я вызвал зом назад, – хладно сообщил Ранорий, швыряя Грея на палубу так, что тот сильно приложился челюстью. От

падения поднялись вихри пепла. – Они уже на пути сюда.

– Ты знал... – выдал я, с трудом отрываясь от скамьи. Мне показалось, что вместе с движением оторвалось и несколько жизненно важных органов. – С самого начала...

Он с невозмутимым видом глядел на меня сверху вниз.

– Ты был готов. – Я заставил себя выпрямиться перед ним. – Ты знал, что он окажется здесь, потому что мы притащим его за собой. Ты знал, что Грей оставит у себя один из осколков, а не бросит его где-нибудь, как путь к отступлению. И ты знал, что он откроет тот проход. Откуда?

– Потому что так должно было случиться, – ответил дэлар после недолгого молчания. – Мы свободны, но в хаосе переменных существуют константы. И это – одна из них.

– Ты...

– Вы спасли свою планету, приземленный. Отделались малой кровью.

– Еще не факт, что инквизиторы передумают.

– Передумают, – уверенно заявил Ранорий. – Я это гарантирую.

Он вызвался управлять ладьей, чтобы доставить нас в Соларум, – все-таки Рамона была не в состоянии. Услышав это, Стефан наконец пришел в себя.

– Дэлар? – возмутился он, вставая с титаническим трудом. Фри помогла ему. – В Соларуме? Это не...

– Меня пустят. – Ранорий повернулся к нам спиной. – Если хотите, чтобы все произошедшее здесь имело значение.

Дэлар было направился внутрь ладьи, но, проходя мимо тела Ханны, вдруг задержался. Он встал перед ней, рассматривая какое-то время, а после осторожно потянулся к голове протекторши, явно намереваясь опустить ткань с лица.

Откуда-то немедля выскочил Дан, схватил Ранория за шею и яростно впечатал в стену. В горло темного вдавился нож.

– Только посмей тронуть ее, и я тебе душу выгрызу.

– Ты не смог убить меня в прошлый раз, что изменится в этот? – спокойно поинтересовался Ранорий, даже не сопротивляясь.

Дан гневно оскалился, как животное, и выпалил:

– Почему ты пришел так поздно?! Тварь, если у тебя уже был план, если ты уже обо всем знал... – Он дышал часто и глубоко,

задыхаясь от ненависти. Из пореза на шее дэлара побежала струйка золотой крови. – Ты бросил нас как пушечное мясо, ты позволил ей умереть!

Дан ждал ответа. Дэлар помедлил и сказал единственное, чего никто из нас не ожидал:

– Мне жаль.

Это произвело на Дана эффект взорвавшейся бомбы. Он изумленно попятился, плечи затряслись.

– Мне не нужна твоя жалость. Мне от тебя ничего не нужно, гребаный ты кусок дерьма!

Ранорий потер шею, бесстрастно поглядел на кровь, размазанную по черной перчатке.

– Ее душа достойна памяти. – Взгляд гадюкой скользнул к Дану. – А твоя?

Я и Стефан еле удержали друга, вновь бросившегося на Ранория со вскинутым ножом.

– Хватит! – воскликнул я, оттаскивая Дана. – Он единственный, кто знает, как удержать ту дрянь перед Сердцем Мира!

– Плевать на мир! – орал тот. – В Обливион всё! Всех вас!

В чувство нас привел хриплый смех Грея. Тот по-прежнему валялся на полу и наблюдал за нами. Правый глаз стал нормальным, второй все еще состоял из одних лишь радужек, напоминая зеленые пчелиные соты.

– Ты поздно это понял, – выдавил он. – Но я рад, что хоть кого-то смог убедить.

Вид у Дана был такой, словно он намерен бить ножом лицо Грея, пока голова не распадется кашей. Он в ярости бросился в его сторону, и мы снова стали оттаскивать его. В этот раз помогать пришлось даже Фри и Саре. Дан рвался, свирепо кричал и был невероятно силен в гневе. Мы, покалеченные, вчетвером пытались не дать другу дойти до страшного.

– Дан, прекрати! – крикнула Фри.

– Так он легко отделается, – выпалила Сара.

Стоило Дану перестать вырываться и чуть прийти в себя, как Стеф оставил друга и с ноги врезал падшему по челюсти. Тот откатился, проклиная всех нас и гогоча.

– Я не меньше тебя хочу ему кишки выпустить и повесить его на них же, – сказал Стефан, изо всех сил стараясь успокоить Волка, глядящего на падшего, как натравленная бойцовская собака. – Но мы должны показать его инквизиторам живого, доказать, что говнюк больше не распространитель. А потом сможем запытать его как угодно, я даже помогу тебе его потрошить, если захочешь.

– Он снова это сделал, – в надрыве сказал Дан, не отрываясь от Грея. – Тем же способом. Он отнял у меня всех.

Стефан сник.

– За Маркуса он тоже ответит. Дан, я клянусь. Только подожди немного.

Секунды, которые он обдумывал свои следующие действия, тянулись до жути долго. Мы медленно отпустили его. Наконец Дан отдал Стефу нож и, не проронив ни слова, пошатываясь, скрылся.

* * *

Они вернулись в Соларум под звон колоколов, возвещавших беду. Беда эта заключалась в дэларе, находящемся на борту ладьи. Когда судно встало возле портала Соларума, их уже ждали те, кто возвратился с одного из мест аннигиляций. В том числе Паскаль, возглавлявший отряд. Он был потрясен увиденным, как и все прочие на земле. Дан первым спустился с Ханной на руках и под пристальными взорами понес ее сквозь толпу и лес в Соларум. Стефан пнул Грея по трапу вниз, тот тяжело грохнулся у ног Скорпиона.

Водолей спустился следом, чувствуя себя до смерти избитым. Казалось, что другие шарахались в сторону от одного его вида, настолько гадко он выглядел.

– Мы сделали что должно, – едва слышно выдал он Паскалю, просто потому что не мог говорить громче.

Тот, все еще смотрящий Дану вслед, склонил голову.

– Стефан вообще полудохлый, – шепнул кто-то.

– Похоже, отвлекал врага тем, что позволял себя потрошить.

– А ну завалились! – раздался рассерженный возглас Сары. Она стояла на трапе с перевязанной кровавыми бинтами рукой, и ее глаза метали молнии в протекторов. – Не смейте так о нем говорить,

слышите? Стефан спас ваши шкуры, пока вы, тряпки, подчинившись судьбе, работали в безопасном месте! Да десяток ваших хлипких душ его не стоит! Именно Стеф вел нас вперед сквозь Мор, он свалил Грея, добил его и лишился при этом руки! Он едва жизнь не отдал, как и мы все, так что, если кто-то выдаст в его сторону хоть слово, потеряет память в таком количестве, что забудет, как рот открывать. Это я вам гарантирую как Смотритель, заступающий на должность через пару часов. Поняли меня?!

Земля уходила у Стефа из-под ног. Он прижимал к себе пылающий обрубок, когда кто-то легонько хлопнул по спине. То была протекторша под созвездием Северной Короны.

– Тебе нужно в Лазарет, – тихо сказала она, с чуть виноватым видом бросив взгляд на его культию.

Стефан удивленно уставился на нее и оббежал глазами толпу. Настрой протекторов менялся. Они и сами были поражены услышанным, несколько даже с почтением кивнули.

– Молодец, – донеслось откуда-то.

– Спасибо, Водолей.

Им не было стыдно за ранее сказанное. Но они признавали его победу как должно, ведь знали, насколько те важны и редки не только для протекторов, но и для всего человечества. Пока Стеф как в трансе шагал за Северной Коронай, люди касались его, чтобы поддержать и подбодрить. Это казалось сном.

– Что здесь делает дэлар? – негодовал Паскаль где-то позади.

– Он встретится с инквизиторами, – вступился за него Макс. – И уйдет.

– Если он...

– Мне нет дела ни до тебя, приземленный, ни до вашего уютного домика, – заявил Ранорий. – Я хочу до конца разобраться со статусом Терры, а после исчезну, как последний луч во Тьме.

В Лазарете Стефан и вовсе отключился, как только ему выдали желанное обезболивающее. Он блаженствовал, ничего не чувствуя, полностью отдав себя на попечение двух бледных комет.

В течение нескольких часов мелкие раны затянулись почти полностью, ногу и облезлую кожу слегка подлечили, пораженные органы тоже, а дыру в щеке заклеили, чтобы плоть медленно регенерировала за сутки.

Вот с рукой дела обстояли намного хуже.

Фри просунулась за ширму как раз в тот момент, когда Стеф, уже переодетый, хмуро разглядывал вновь забинтованный обрубок.

– Других тоже лечат, – сообщила она. – Вроде все хорошо, но Дан...

– Глаз не вернуть, – досадливо отозвался Водолей. – Восстановлению не подлежит.

Фри подавленно кивнула.

– У потерянного глаза навсегда рвется эфирная струна. Даже если его и воссоздать, в мире Эквilibриса он станет искажать воспоминания, эфир ослабеет. Дан просто сражаться не сможет. Будь он эквilibриумом, помогли бы сомниум и полное обновление оболочки. Но мы люди. Я, конечно, могла бы попробовать помочь ему, но он сейчас в таком состоянии...

– О чем ты? Как бы ты ему помогла?

Взгляд Фри упал на бинты Водолея.

– Рада, что с тобой все хорошо.

– Не очень, – мрачно признался он, все еще осматривая культю. – Обычно как: теряешь конечность, а кометы задают вектор регенерации. Сначала тянется кость, за ней мышцы, потом кожа. В утиле сидишь месяц или около того. Но кометы не могут восстановить плоть без эфирных потоков, а их рушит что? Правильно, сраный Обливион.

Фри приблизилась и осторожно взялась за травмированную руку.

– Не смогут воссоздать?

– Буду протектором-инвалидом. Физическим. Умственных у нас и так полно. Попрошу серебряный крюк поставить, думаю, мне пойдет.

Плечи Фри опустились. Стефан видел, насколько она устала, и не хотел огорчать сильнее.

– Все время шутишь на мрачные темы, – произнесла она. – Это спасает тебя, да?

«Меня спасаешь ты».

– Слушай, – вдруг вырвалось у него. – Я все хотел...

– Не будешь ты калечным, – вздохнула она, накрыв ладонью место среза. – Я попробую вернуть поток, чтобы кометы сделали свое дело. Надеюсь, хуже не станет.

С ее пальцев сорвались фиолетовые огни.

Сириус носился повсюду, опрашивая нас о произошедшем. Он волновался и хлопотал так, словно от этого зависела лично его жизнь. Под конец звезда стал совершенно невыносимым. Я с трудом слушал его треп и завидовал выдержке Ранория, не обращавшего ни на что внимания, точно слон, не замечавший муравьиной возни.

В какой-то момент мы потеряли темного, но быстро нашли внизу, в центре атриума. Он стоял посреди карты Земли и пристально смотрел наверх, разглядывая живой витраж.

– Старая светлая обитель Терры, – задумчиво протянул он. – Столько времени прошло, а она все такая же.

Сначала я удивился, но вовремя вспомнил, что Ранорий – посол Магистрата Тьмы на Терре и, вероятно, так или иначе хоть раз попадал в Соларум, возможно, даже при его строительстве.

Инквизитор был один, прибыл через портал Соларума за лесом – возник из света и вихрей стекла. Это был Оверин, великолепный и тонкий, все в той же светлой броне и с нейтральным выражением лиц на масках.

Он не проронил ни слова, ожидая от нас объяснений с высоты своего почтенного роста. Ранорий показал ему Грея, сидящего на коленях.

– Магн Оверин. Как я и говорил, спасти Терру еще возможно.

– Тан Ранорий, вам ведь известно, что осталось всего половина зома?

Около часа, – нервно подумал я.

– Известно. Также мне известно, что вы можете прервать уничтожение планеты, когда пожелаете.

– Откуда мне знать, что это и правда распространитель?

В ответ на это Сара за волосы оттянула безвольную голову Грея, заставив того посмотреть на инквизитора. Падший выругался на нее, но жмуриться не стал, показывая свой проклятый глаз.

Оверин молчал, тогда же Ранорий протянул ему стеклянную коробку с пробитыми амулетами.

– Его душа снова в оболочке целиком, – сухо сообщил темный, давая инквизитору изучить предметы. – Каждый раз условия

возникновения распространителя различны. Стоит лишь устранить раскол.

– Не могу этого отрицать.

– Так вы оставите Терру, светлейший? – встрепенулся Сириус.

– Что насчет войдового разрыва? Вы сказали, что он уже произошел.

– Верно, – подтвердил Ранорий. – Но, как и на приземленных планетах под протекцией Тьмы, где были отмечены последние проявления Мора, мы смогли вовремя его запечатать путем манипуляции стазиса и воздействием эфирного стекла.

– Его требуется неоднократно заряжать, – напомнил инквизитор. – Это не панацея. Разрыв не уничтожить.

– Да, магн. Требуется постоянное наблюдение. А заниматься этим, как видите, могу лишь я. Это наша инженерная гильдия создала данный способ, за собой мы его хотим и оставить. Приземленные планеты – важная часть мироустройства, у нас и у вас нет роскоши терять любую из них. Сейчас, когда Зеленый мор остановлен, удержание разрыва может быть легко реализовано. Терра продолжит жить как раньше, если только за сдерживающей манипуляцией будет проводиться должный уход. А потому я требую одобрить мое ходатайство на расширение влияния Тьмы на Терре до сорока процентов.

– Что ты себе позволяешь?! – возмутился Сириус. – Не бывать тому! Это светлая планета!

– Никто у вас ее и не отбирает, – сухо ответил Ранорий. – Но раз уж мы теперь так неразрывно связаны и Тьма поддерживает жизнь и безопасность, то я считаю это справедливой платой за все издержки. В ином случае – кто знает, когда манипуляция даст сбой. Верно, посол Света?

– Мы никогда...

– Я передам это в отдел по делам приземленных планет, – спокойно сказал Оверин, возвращая коробку Ранорию. – Как высший магн-инквизитор и воин Света я не одобряю подобного, но понимаю, что ваше прошение имеет смысл. Как и шантаж. Полагаю, при удачном для вас исходе вы и дальше продолжите сдерживать войдовый разрыв на Терре.

– Всенепременно, – заверил его Ранорий, передавая амулеты Саре.

– А что с ним? – спросил инквизитор, указав на Грея, злобно сверкавшего на нас глазами.

– В живых мы его не оставим, – с жаром заявил я. – Если хотите, можете его забрать.

– Нет. Казните его. Теперь, когда распространитель обезврежен, он бессилен. В таком виде они долго и не живут.

– Это мы еще посмотрим, – едко усмехнулся Грей.

Я треснул его по затылку.

– Если на этом все, то я доложу о случившемся в корпус космоинквизиторов. – Оверин отвернулся и пошел обратно к гудящему portalу. – Уничтожение мы остановим. Я не обещаю, что решение окончательное. Будут проверки. Но пока аннигиляция Терры отложена на неопределенный срок. Об изменении дальнейшего статуса вы узнаете в скором времени. Цените оставленные вам жизни.

Сразу после его ухода я и еще несколько протекторов, стоявших позади, издали победный клич, кто-то даже бросился обниматься.

Мы справились! Мы будем жить! Земля тоже!

Грея поволокли в карцер, а Ранорий направился к ладье. Ему еще нужно было вернуться на свой крейсер. Тут меня подбило спросить у него:

– Так Грей тебе не нужен? Ты же хотел его заполучить.

Дэлар задержался и чуть повернул голову.

– Не вижу ни единой причины, зачем это жалкое посредственное создание могло бы мне понадобиться.

Я посчитал это странным, но раз теперь вся опасность миновала, думать об Индивидууме больше не стоило. Потому я проследил за отплытием судна и уже пошел к лесу, когда понял, что Сара осталась на месте. Ветер, поднявшийся от ладьи, шумел в плотных кронах, трепал косу протекторши. Она словно приросла к земле, вытаскивая из коробки разорванную нить четок, на которой остался всего десяток коричневых бусин, и покореженный крест. Я спросил, все ли хорошо.

Сара на меня не взглянула, продолжив удрученно изучать крест.

– Когда суд над Греем? – поинтересовалась она севшим голосом.

– Все хотят его устроить как можно быстрее. Но решать тебе. Ты теперь Смотрительница.

– Пойдем. Поговорим с ним.

Уже в Соларуме Сара попросила стражников-адьютов на время уйти от камеры Грея.

– Вы что собрались делать? – спросила Фри, выходя из-за угла в сопровождении Стефана.

– А вы тут откуда? – вопросом на вопрос ответил я.

Оказывается, Фри по просьбе Лазарета должна была проверить ранения Грея. Кометы брезговали к нему подходить. Они вообще были своенравными существами, все пять, проживающие в Соларуме. Поссорься с каждой – и лечись сам народной медициной.

– Не то чтобы это меня прельщало, – скривилась протекторша, – но рук в Лазарете теперь не хватает... Вы решили дела с инквизиторами?

Пока я рассказывал ей последние новости, Сара не сдержалась и открыла дверь камеры. Нам пришлось быстро следовать за ней. Стеф остался снаружи – охранять вход.

Грей сидел в углу, побитый и грязный, с запекшейся кровью на лице и одежде. Едва живой, больше походя на кучу мусора. Похоже, он нас ждал, с болью улыбаясь, как старым друзьям.

– Что, пришел мой смертный час? Надеюсь, все пройдет быстро.

– После всего, что ты натворил... – вспыхнула Сара, казалось, находясь на тонкой грани от страшного. Тон ее, обычно твердый, заметно дрожал. – После убийств стольких приземленных, протекторов, после попытки уничтожить свой родной дом... зачем ты это сделал? Почему?

– Я уже говорил, – пожал плечами падший, зажимая чуть кровоточащий обрубок. Тот не до конца залечили. – Я ненавижу обе стороны. Мы ведь никогда не были врагами друг другу. Точнее, нас такими заставили стать. Не будь Света и Тьмы, души не погибали бы, не было бы боли и страданий. Лайле бы не пришлось умирать, спасая тебя, понимаешь? Даже Маркуса и Ханну не постигла бы такая скорбная участь.

– Ну ты и ублюдок, – прорычал я, едва сдерживаясь от светозарного огня. – Спокойной смерти мы тебе не предоставим.

– О, да? Ну, не все свершается как мы хотим. Буду довольствоваться и малым. – Грей откинул голову к стене, испарив весь задор и став таким усталым. – Моя миссия окончена, Шакара мертва. Я здесь лишний и смиренно приму смерть. Знаете, а Шакаре

ведь было проще бросить меня умирать. Но нет, в ней проявилась жалость. Это качество никогда ей не было к лицу. За него она и поплатилась. Не надо было ей спасать меня от смерти погаными опытами.

Я ощутил холодок и хотел было спросить об этом подробнее, но он продолжил:

– Кстати! Я слышал, Карла решила вновь стать одной из вас? Какое разочарование. Она подавала такие надежды, все-то из нее надо было тянуть клешнями. Но, видно, она слишком ручная собака. Вы всех здесь хорошо обрабатываете, промываете мозги каждому, кто хоть немного думает иначе. Меняете человека до основания. – Тут он повернулся к Фри. – Да, Фри? Или как там тебя звали раньше? Карлу тоже так отделаете?

Фри резко побледнела. В непонимании она попыталась спросить:

– О чем...

– Откуда это у тебя? – требовательно спросила Сара, показывая крест. – И хоть раз в своей поганой жизни не лги. Иначе я отрежу от тебя куски, прикажу кометам быстро и криво залечить и буду рубить снова и снова, пока не сдохнешь.

Грей был впечатлен.

– Малышка Сара стала кровожадной, да? А что не так с крестом?

– Повторю вопрос еще раз...

– Знаешь, я ведь не всегда был таким. – Падший пренебрежительно откинулся к стене и уставился в потолок. – Все мы были другими. У меня тоже были родители, как и у каждого из вас. Только я обладал большим потенциалом. Иногда мне казалось, что мне судьбой было предназначено стать падшим. Побег – наше семейное дело. Вам же известно, что эфир передается по наследству? Если у родителя он был сильным, то, скорее всего, и у ребенка разовьется.

– Ты к чему это все сейчас несешь? – процедил я.

– Я к тому, Максимус, что, если бы мой отец не понял, как тут ужасно, меня бы не было на свете. Он должен был стать люмен-протектором, но сбежал еще до посвящения. К падшим не примкнул, скрывался до самой смерти. Пока его не сожрали сплиты. Грустная история, да? Это все я узнал уже здесь, как следует зарывшись в документы. Отец умудрился сидеть тихо целых двенадцать лет, даже детей завел. Кто из вас еще может надеяться на такое, а? Но я свою

семью ненавидел. Каждый день выворачивал меня наизнанку. Я задыхался. Хуже всего – мать. После смерти отца колотила меня как одержимая, даже что-то об голову разбила. – Он указал на пересекавший левую бровь шрам, а поглядев на замершую Сару, усмехнулся. – Хорошо, что она сдохла.

Сара сначала попятилась, затем вырвалась в коридор, будто из горящего здания.

– Стой! – Я успел нагнать ее только у подхода к транзитным кругам. – Что это вообще было?

– Мне нужно в канцелярию, – сдавленно выдохнула она, дрожа.

Я не протестовал. Фри и Стефан следовали за нами.

Сара зарылась в документы и пластины со сведениями об адъютах и протекторах, лихорадочно перебирая их здоровой рукой. Ее трясло настолько, что все валилось на пол.

– Не спеши, дай помогу, – настоял я, пытаюсь хоть как-то ее успокоить.

– Где-то здесь, – стуча зубами от волнения, выдала она. – Документы беглых падших.

– Вот этот – Фарадея. – Стеф подал обнаруженную пластину.

Сара незамедлительно разместила ее на проекционном столе, выводя сведения о Грее, когда тот еще был в составе протекторов. Перед нами вспыхнул его образ, сейчас кажущийся противоестественным в сине-серебряном мундире. Юноша выглядел намного спокойнее, никакой жестокости в лице.

– Грей Альберт Фарадей, – читал я. – Родился в тысяча девятьсот пятнадцатом, Квебек, Канада. Родители предположительно убиты сплитами. Вспышка Света произошла в тысяча девятьсот тридцать шестом, на момент становления люмен-протектором под знаком Гепарда ему было двадцать два года.

– Нет, неправильно, – вдруг сказала Сара, вцепившись рукой в стол.

– Тут так написано.

– Оно врет! И его облик...

– Грея до нашего с тобой появления в Соларуме едва не сожрал сплит, – мрачно напомнил Стефан, указывая на один из пунктов в деле. – Тут сказано, что это Рамона его покромсала, но на самом деле

ему пытались выдрать душу. Он посидел после этого. Просто посмотри на более старое фото.

Сара немедля ушла в самый низ документа и замерла.

– О звезды... – вырвалось у нее.

Первый день в Соларуме. Он даже снял твидовую кепку ради фото, демонстрируя копну рыжеватых волос оттенка бледной ржавчины.

Сара зажала рот рукой и осела на одну из коробок.

– Это же он... как я раньше... он стал совсем другим...

Я уже догадывался. Истории... ну слишком схожи. Но до последнего надеялся, что падшие, наплодившие потомство в виде новых протекторов, – более частое явление, чем мне казалось. Я с трудом выдохнул.

– Четки же принадлежали твоему брату, верно?

Сара яростно закивала.

– Я так мало помнила о нем. Мне было восемь, когда он пропал после того, как мать ему лицо рассекла. А ему – шестнадцать. Он изменился, я даже не связала... Жестокий и отвратительный. – Она ошалело посмотрела на меня с застывшими слезами. – Фарадей... он любил читать об ученых, про элементарную физику, хотел больше знать о мире. Томас...

Мы со Стефом настороженно переглянулись. Что теперь это для нас всех значило – непонятно.

– Он знал о тебе, – высказался Стеф. – Сам намекал. И не сказал же ничего. Почему?

– Не знаю, – бросила Сара, утирая глаза. – Черт побери, за что мне все это?..

– И что будем делать дальше?

На пол громко упала пластина. Хлопнув дверью, Фри выбежала так быстро, что мы не успели ничего спросить. По лицу Стефа скользнула тень, он подобрал пластину и вернул ее на стол. Я повернулся к Саре, нагнулся и взял ее за руку.

Поле, лес и маяк все еще дремали во тьме, но в небе загоралось все больше звезд.

– Спросим у него, – настоял я. – Вытрясем все перед казнью. Я понимаю, как тебе больно, но это больше не твой брат. Это чудовище, изуродованное нашим миром.

Сара поникла.

– Я...

– Твою мать, – прошипел Стефан, в панике вчитываясь в текст. – Макс!

Оторвавшись от Сары, я встал рядом с Водолеем, бегая глазами по строкам. С каждой новой биение сердца учащалось, пока то не рухнуло вниз.

Этого только сейчас не хватало.

– Так вы...

– Я не знал, – выдохнул он. – Нет, скорее всего, знал, но не помнил из-за Поллукса. Он мне столько лет памяти выжег! Черт! Фри же не хотела лезть в свои документы!

– Грей ее подбил, – понял я. – Он специально проговорился. Отыщи ее, пока она не натворила дел.

* * *

– Почему ты не говорил? – спросила Сара, на этот раз стоя перед прозрачной стеной камеры.

– А что бы это изменило? – фыркнул Грей, прижимая к себе культю. – Мы стали бы семьей? Обнялись бы, рассказали друг другу милые секреты? Сара, этот мир не для кровных уз. Он полон смерти и горя. Ты меня не узнала. Это задело меня. Выходило, что я стал слишком другим человеком, чтобы быть частью прошлой жизни. То, что наш папаша своим эфиром укрепил наши души, чтоб мы оба стали протекторами, еще ничего не значило.

– Ты пытался убить меня, – с ядом бросила она, скрепя зубы. – Все эти годы.

– А ты охотилась за мной. Эквилибрис во всей его красе.

Он с трудом поднялся. Ноги его подводили.

– Ну так что? – Грей уперся здоровой рукой в стену прямо перед нами. – Надеюсь, эта правда тебя утешит и будет греть долгими ночами, когда я наконец сдохну. Скоро там суд? Кстати, на этот раз от Круга Тринадцати будет хотя бы половина?

Он рассмеялся собственной остроте. Я в злобе поморщился, но Сара осталась хладнокровной.

– Суда не будет.

– Не по правилам, – отметил Грей. – Решение о казни выносит Круг Тринадцати полным доступным составом.

– И казни не будет.

– погоди, что? – Я непонимающе заморгал. – Как мы тогда его накажем?

Сара утомленно вздохнула:

– Как ты верно подметил, Грей, наши ряды поредели. Особенно благодаря тебе. – Она удовлетворенно прищурилась, когда его задор мгновенно спал. – Да-да. Ты все правильно понял.

– Ты не посмеешь, – прошипел он.

– Я Смотритель. И решение об обнулении могу выносить в одиночку.

– Сара, нет, – взволновался я. – Это неправильно!

– Он послужит Свету в наказание за все совершённые злодеяния, – непреклонно ответила она. – И умрет за него, вновь став люмен-протектором.

– Отправь меня на казнь! – зло рявкнул Грей.

– Это слишком просто. И милосердно. Ты так долго убежал от участия в Войне, презирал нас. Теперь же забудешь себя полностью. Мы воспитаем из тебя кого-то другого.

Она не сдержалась и злорадно улыбнулась ему.

– Наслаждайся последними часами, проведенными со своей жалкой личностью. К тебе немедленно будет приставлена стража. Нет, не думай, что мы тебя боимся. Но... вдруг ты невзначай сделаешь что-то с собой до обнуления? Мы ведь не хотим, правда? Мы позаботимся о тебе, обещаю.

– Нет! Мразь, ты не посмеешь! Вернись!..

Грей еще долго в ярости вопил и бил кулаком о стену – даже когда мы ушли, я продолжал слышать эхо его отчаяния.

Глава XXXXVIII

Неверная память

Был ранний душный вечер, и тяжелые тучи закрыли небо. Вскоре должен был пойти дождь, но пока ветер гонял пыль по асфальту, ровным газонам и черепичным крышам частных домов. Фри стояла перед одним из таких: не отличавшимся от других ничем, но в то же время привлекавшим внимание странной теплой аурой. Желтый свет ламп вытекал из широкого окна. Золотистый и мягкий, он так и манил. Но Фри не решалась открыть бордовую калитку.

Она знала, что Стефан пришел, даже не обернувшись, лишь заслышав шаги. Указав на окно, за которым виднелась ужинающая семья, Фри тихо произнесла:

– Во главе стола мой отец. А рядом с ним мама. Сегодня к ним приехала моя младшая сестра. Привезла двух детей. У меня, оказывается, есть племянники. День открытий. Стеф, это ведь моя семья. Они живы.

Водолей замер позади. Боялся приблизиться.

– Фри, я...

– Вы лгали мне. – Голос ее был натянут. – Все время ввали в лицо. Стефан, ты тоже. Так что будь честен со мной хотя бы раз.

Стоило ей обернуться, как он растерялся.

– Ты говорил, что не знал обо мне ничего до протекторства, – выпалила Фри, сжимая кулаки. – Почему ты не сказал? Я думала... думала, мы друзья.

– Фри, я не помнил из-за Поллукса. Если бы я только знал, то обязательно...

– Как удобно! – злилась она. – Ты мог бы сказать мне это раньше! В самом начале! Но ни одна чертова душа в Соларуме ни разу даже не заикнулась!

Вдали прокатился гром. Стефан опустошенно развел руками.

– Ты знаешь правила. Ты и сама их выполняла. Мы не имеем права говорить обнуленным душам, через что они прошли. Я успел прочитать твое дело. Фри, ты три раза пыталась сбежать и вернуться домой.

– Да, но...

– Ты не хотела быть протектором. Мне неприятно говорить об этом, особенно тебе. Но мы все в одной лодке. И на всех одни правила. Мне жаль, что тебя лишили ценностей предыдущей жизни и дали новые, верные и единственные для Света. Это мерзкий способ. Но другого пути ни у кого из нас нет.

Фри быстро зашагала прочь. Казалось, еще немного – и она взорвется от усталости и безнадёги посреди пустой улицы.

– погоди!

Стефан стоял всего в паре метров от нее. Покалеченный и избитый, с дурацким пластырем на щеке. Темные пятна под глазами казались больше обычного, ссадины алыми линиями разметались по лицу. После сражения Стеф смотрелся обессиленным и слегка – всего чуточку – жалким.

– Вы лишили меня прошлого, а я верила вам... – дрожащим голосом заговорила Фри. В груди начало предательски сжиматься. – Верила и никогда бы не подумала, что вы сделали бы со мной такое. Павел вынес тот приказ. Как я теперь...

– Протекторы не смогли бы поступить иначе, – глухо и смиренно отозвался Стефан, констатируя неприятную правду. – Павел вряд ли хотел идти на такое, его вынудил закон. Его наверняка мучила совесть, он старался за тобой приглядывать. Павел тобой всегда дорожил. Фри, клянусь... я правда не помнил. Если бы все было иначе, то...

– То что? Ты бы мне все тут же рассказал?

Он подступил на шаг, а Фри поспешила отпрянуть.

– Я думала, что прошлое навсегда утрачено. А теперь не знаю, кто я такая. Что я такое. – Она яростно вскинула глаза на Стефа. – А ты знаешь? Ты видел те записи, да? Как меня зовут на самом деле?! Ну давай, скажи!

– Мне все равно. Какая мне разница, кем ты была до этого? Почему меня это должно касаться?

– Да тебе на всех плевать! – надрывно закричала она. – Верно, тебя это не касается! Никогда и ничего не заботило, кроме себя! Тебе ни до кого нет дела!

Он сник, словно ему вlepили затрещину. Не моргая смотрел на Фри. А после спокойно выдал простую и очевидную для всех, кроме нее, истину:

– До тебя мне есть дело. Больше, чем до кого бы то ни было.

Казалось, остановился ветер, движение планеты и небесных сфер. Лишь Стефан продолжал двигаться, колебаться. Он потупил взгляд в сторону, от напряжения схватился за затылок.

– Я не знаю, что тебе делать с этим. Но ты просила быть честным, правда ведь?

Земля вновь заскрежетала вокруг своей оси.

– Почему? – спросила Фри, продолжая затравленно пялиться на Стефа.

– Потому что я идиот и что-то разглядел в тебе еще при твоём первом появлении в Соларуме? Потому что у тебя хватило неосторожности простить меня после всего мною сказанного и сделанного? Потому что ты мила, отважна, решительна, жизнелюбива и зачем-то так чертовски добра, даже ко мне? Потому что ты видишь хорошее в тех душах, которые того вовсе не заслуживают, и убеждаешь их, что это хорошее, возможно – только возможно, – реально?

Он затряс головой, словно пытаясь выбросить оттуда видения и мечты, которым до этого верил, и отрешенно посмотрел на травмированную руку. Листва ближайших кленов яростно зашелестела от ветра, разнося густой травянистый запах.

– Я... знаю, что тебе это не нужно. Некстати маяться с таким, как я, быть рядом с Палачом. Со мной сложно: я грубый, мерзкий, раздражительный. В конце концов, я старый. Черт, да я застал времена, когда в моде были клеш... Но не в этом дело. Ты можешь это из головы выбросить, со мной все будет нормально. Но я хотел, чтобы ты знала: раз ты можешь воспринимать меня любым – что годы назад, что сейчас, – то мне тем более все равно на твои перемены. Кем ты была, кем будешь. Каким бы путем ты ни пошла, что бы ни выбрала... ты можешь рассчитывать на мою полную поддержку. Я всегда буду следовать за тобой.

Стефан едва успел договорить, как Фри, под весом всего за сутки произошедшего, узнанного и с таким трудом принятого, упала на колени. Ком в горле растворился, сил не было ни на крики, ни на слезы. Фри выплакала все до последней капли уже давно. Она шарила пальцами по земле, точно в попытке собрать осколки вновь разбитой личности, при этом не узнавая себя ни в одном из фрагментов.

Стеф зашаркал по асфальту. Сначала осторожно, будто боясь нарушить границы Фри, но затем приблизился, сел рядом, вплотную, и прижал к себе, хоть без одной кисти и вышло слегка неловко.

Фри с отрешением слушала, как быстро и взволнованно бьется его сердце. Как стук колес старого локомотива. Даже препараты Лазарета не смогли полностью отбить ни запаха сигаретного дыма, ни резкой вони чертова растворителя, который он использовал в работе с красками.

Стефан начал отстраняться.

– Послушай, я...

Фри подалась к нему и обхватила за шею, уткнувшись носом в плечо. Стеф замер, оторопев, но вновь сомкнул руки за ее спиной. Он поддерживал, как и обещал.

– Пойдем, Фри, – тихо сказал Стефан спустя минуту. – Нам пора домой.

* * *

Я вылез на крышу тем же путем, которым мы пользовались на дне рождения Дана. Вновь вышло неграциозно, в этот раз – из-за гудящего от боли тела. Мышцы до сих пор будто отходили от долгой заморозки; мысли, впрочем, тоже. Но мне остро требовались свежий воздух и одиночество. В комнате бы меня нашли, в лесу, скорее всего, тоже – но какой идиот пойдет на крышу?

Устроившись на самом краю и свесив ноги над пропастью, я лег спиной на ровный каменный скат. Спину приятно холодило. Даже это казалось огромной наградой за все пережитое. Минувшие события все еще не утрамбовались в голове до конца. Обливион, Грей и Сара, инквизиторы, прошлое Фри, Ханна... Образы вновь опрокинулись на меня. Я так устал. Просто-напросто устал...

Не знаю, сколько я продремал там, но разбудил меня внезапный и отчетливый звук шагов. Громкий стальной лязг. Шум доносился из-за ближайшей башни. Начав обходить ее с тревогой на сердце, я увидел тень и отступил, панически сникнув.

– Вот так встреча, а? – бросил мне Поллукс.

Следом за ним шел Зербраг.

Сердце грохнуло в горле, я на одних рефлексах отпрянул еще дальше и стиснул в руках кровное оружие. Сдержать силы вновь не вышло, и светозарный огонь полыхнул на лезвии копья.

Поллукс изумленно расхохотался.

– Да ты не шутишь! Только посмотрите, какой воинственный и храбрый полуприземленный.

– Что вам от меня надо?! – выдавил я, лихорадочно пытаюсь прикинуть, как сбежать и позвать на помощь. О сражении не могло быть и речи – они бы раскатали меня за пару секунд.

Зербраг отстранил Поллукса, снова раздался стальной и тяжелый стук. Паладин тяжело прихрамывал на правую ногу. Сначала показалось, что это кусок серебряного доспеха из множества пластин, но затем я понял: у него появился протез.

– Оно прямо как у Антареса, – обомлел Зербраг, в неверии глядя на копьё и приблизившись.

– Не подходи.

– Мне нужна твоя помощь.

Я потрясенно замер, словно напоролся на стену. Мне послышалось. Определенно. Но его пронзительный взгляд говорил сам за себя. И лишь теперь я заметил.

Раньше Зербраг внешне был неприступен и холоден, а сейчас с него будто содрали кожу, обнажили каждую эмоцию, так легко мне доступную. Почему он в этот раз казался другим? Куда пропала броня равнодушия и железной уверенности? Она тяжело отвалилась, пластина за пластиной, оставляя неприкрытую, сочащуюся отчаянием и болью суть. Откуда такая затравленность в душе и глубине впалых глаз?

– Что? – Я все равно не верил ушам. – Какая, черт тебя дери, помощь?!

– Ты... Ты сын Антареса. Ты тоже часть Анимеры. Ты видишь души? Тебе досталась эта способность?

Я хотел сказать «нет» и абсолютно точно бы так и сделал, но в последнюю секунду увидел, что протянутые ко мне руки дрожат.

– Да. – Ответ раздался раньше, чем я как следует подумал.

Зербраг шумно и облегченно выдохнул.

– Но это не значит, что я буду тебе помогать, – быстро добавил я. – Ты пытал меня, хотел убить Антареса, строишь против него планы. –

Мой взгляд скользнул к Поллуксу, скучающе стоявшему возле стены. – А ты? Как ты можешь помогать ему до сих пор?! Разве не он тебя пленил?!

– Я душа деловая, смотрю на выгоды будущего, а не на разногласия прошлого. К тому же – разве это помощь? Я просто предоставил способ добраться до тебя с использованием твоей же крови, которой пролилось достаточно, – фыркнул он. – На самом деле я здесь скорее по другому поводу, но сначала договори с так низко павшим Паладином.

– Закрой рот, Чернолюб! – в ярости одернул Зербраг, словно был готов спалить его прямо здесь. Повернувшись ко мне, он вмиг успокоился и взмолился: – Прошу! Я не могу пойти к Бетельгейзе и тем более к Антаресу!

– Я не буду доставать для тебя секреты из чужих душ!

– Загляни в мою!

И вновь я оторопел, изумленно вытаращившись на Зербрага.

– Умоляю, – хрипло выдыхал он. – Мне не к кому больше обратиться.

– Зачем это тебе? – непонимающе спросил я, опуская копьё. – Это какая-то ловушка, чтобы утащить меня за небеса и использовать? Я же могу столько увидеть...

– Я должен знать правду! Я больше не понимаю, что истинно, а что нет! Моя жизнь лжива, она обманывает меня самого!

Когда он снова подступил, я не стал отходить.

– Пожалуйста, – выдал он в отчаянии. – Помоги мне. Я не останусь в долгу.

– Ты сказал, что я выродок и неполноценный урод.

– Да.

– Почему я должен хотя бы думать о помощи тебе?

– У тебя нет причин. Я не менял мнения и продолжаю считать такого, как ты, неправильным.

– Тогда...

– Но то, что ты увидишь, может перевернуть все. Это не причинит вреда, но прояснит для нас картину мира. Она станет цельнее. Возможно... жизнь обманывает не меня одного, понимаешь?

Я не понимал. И продолжал его ненавидеть и даже подумать не мог о доверии. Но все же решил для себя, что как минимум попытаться

изучить врага Антареса – уже неплохо для начала. Потому развеял копье.

– На что я должен обращать внимание?

– Моя память непостоянна, я многое забываю или помню не так, как было. Это несвойственно душе Паладина – я не болен и тем более не тратил воспоминания попусту. Я долго пытался выяснить причину такого дефекта, но полагал, что подвержен пагубной аномалии – случайная ошибка Вселенной, одна из многих, которыми страдают те или иные души. Но после случившегося... я больше так не думаю. Сможешь изучить эти провалы?

Я кивнул, а Зербраг немедля поинтересовался:

– Какое условие для твоего психодара Анимеры? Как ты его призываешь? Тебе требуется моя кровь? Соглашение?

– Нет, лишь касание.

Напрягся даже Поллукс.

– У тебя такое сильное проявление? – спросил он, изогнув бровь.

– Это опасно, – нахмурился Зербраг.

– Тебе нужна моя помощь или нет?

Я замялся перед тем, как коснуться его протянутых ладоней с длинными узловатыми пальцами. Все еще не было уверенности, что это правильный поступок. Но я провалился в темноту.

Удушливый запах горелого мяса – вот что пришло первым. Он выбивал слезы из глаз, прилипал к глотке и мерзким привкусом растворялся на языке. Я стоял на обугленных руинах древнего строения, разруха тянулась во все стороны и уходила до горизонта. Там, в самом центре, осталась высокая стена с выбитыми окнами. Чем ближе к ней, тем больше разбросано костей – все они были серебряными с синими прожилками, в остатках мяса и крови звезд. Их набрался целый холм. А над ним – обугленное тело с распростертыми крыльями из лезвий. Труп словно упал с черного неба и запутался в веревках, тянущихся откуда-то сверху, и теперь больше походил на марионетку или уродливую анатомическую инсталляцию в музее. Черты лица не определить, их исказило угольной коркой. Я снова пересилил себя, мне до смерти не хотелось трогать подобный Центр. От него веяло арктическим холодом и паленым смрадом.

Вихрь образов сбил меня с ног и бураном унес вглубь памяти Зербрага. Я смотрел широко открытыми глазами, впитывал и постигал,

едва ли помня о себе самом. Обращаться к сокровенным и потаенным воспоминаниям не было сил – я бы истощил себя, опускаясь на такую глубину. Но Зербраг, к удивлению, услужливо поднял большую часть. Он просто их отпустил.

И я внимал. Каждому из них.

Бесконечные стеллажи архива разведчиков, в окна которого прорывалось алое мерцание ближайшей туманности.

Гарь повсюду, она впитывалась в кожу и скрежетала на зубах. Кости дробились, и мясо сторало. Сражение звезд со звездами, Свет шел на Свет. Тройственная гражданская война. Зербраг участвовал в ней. Три кандидата в Верховные. Один на грани Коллапса, вторая слишком юна, третий слишком честолюбив. Армия раскололась.

Полис из синего камня под двумя палящими солнцами, и взрыв в самом его сердце. Повсюду руины и смрад обугленной плоти. При финальных переговорах Первый паладин не выдержал и достиг Коллапса. То, чем он стал – пылающая алая тварь, монструм, – закрыла собой почерневшие небеса.

Зербрага наградили люминарной нитью за победу над чудищем. Каждый ее стежок с болью впивался в душу, расширяя ее, позволяя нести все больше эфира.

– *Они заметили тебя,* – сообщил Зербрагу довольный голос. – *Старайся не быть таким угрюмым, когда будешь говорить со Вторым паладином.*

Вестус Светлое Сердце.

Они оба стояли в Зеркальном Шпиле, смотрели на Люксорус под светом Баэрдода, полностью закрывшего свой черный спутник. Я, затаив дыхание, уставился на деда. Спокойный и улыбчивый, как и статуя в некрополе. Его глаза устало сверкали.

– *Мы почти достигли мира в Свете. Надолго ли – пока неясно. Лишь Вселенная знает. Но мы можем надеяться. В бойне сияет надежда.*

Меня пробрало, как от легкого удара током. Пока я пытался понять, что произошло, буря уже неслась куда-то дальше. Все больше крови и звона оружия. Долгие погружения в сомниум, теплота и бессознательность состояния. Зербрага никогда никто не ждал на стороне живых, редкие души говорили с ним перед алтарем памяти, потому почти всегда он оставался один на один с тишиной. Там, в

бессознательном, Зербраг ценил голос фактотума. Прелестные рассказы маленькой планетарши. Каждый раз при возвращении мир казался ему холоднее. Верховные и эпохи уходили, как и все вокруг, времена тяжело сменялись на дугах Армилярных плит. Оставались война и ненависть к Тьме. Центурион, глава Совета провинции, глава префектуры, примус-легат, магн-легат, Паладин.

Ощущение неправильности росло.

Зербраг становился забывчив, он не понимал, когда успел сжечь так много эфира. Но слабости показать не мог. Он требовался Свету сильным и уверенным. А ему самому были необходимы верные подчиненные. Паладин окружал себя ими, принуждал клясться душой, делался их Доминумом. Только так он мог не сомневаться в их преданности при неверной памяти. Сжигал лица провинившихся, заставлял их отвечать за ошибки, как и он сам раз за разом. Зербраг порабощал солдат цепенящим страхом.

Бесконечные поиски в космической черноте. Шелест стальных пластин скрижали. Зербраг искал древнее и утраченное, по заветам давно покойной и дорогой ему души. Он был готов на все, на любую жестокость, лишь бы исполнить обет и возвеличить Свет. Ничего важнее не существовало, и это касалось не только Зербрага. Системы и плиты, грани горизонтов, руины давно почивших полисов. Иногда что-то обнаруживалось, но оно казалось таким незначительным. Бесплезным. И, глядя на безжизненные пустоши глазами Зербрага, я снова ощущал настойчивое покалывание. На его память налипли розоватые пятна, мерзкие пузырящиеся сгустки.

Лишь теперь я их заметил и больше не упустил.

С ним всегда находилась кудрявая планетарша Юферия. Она была памятью Зербрага, его неочевидной опорой. Незаметная и преданная. Ее образ тоже вонял гарью.

Сомниум за сомниумом. Зербрага глодали воспоминания, связанные с Кетесом Ищущим, его мастером, вдохновением, отправившимся на важные поиски и не вернувшимся с них.

– *Мы возвысим Свет. Мы пойдем, кто мы и откуда. Найдем нашу родину во что бы то ни стало! Зербраг, ты поможешь мне?*

Они поклялись на крови, что однажды отыщут древнее наследие. Поймут, откуда пришел Свет и что было в начале всего. Зербраг положил на это всю свою долгую и одинокую жизнь, построенную на

чужой мечте, и все бы отдал, только бы не расставаться с мастером в ссоре. Он не помнил их последнего разговора в точности. Зербраг готов был на любую жертву, чтобы сохранить сказанное в памяти. Я видел нечеткий образ звезды желтого спектра. Тот был заволочен все той же розовой дрянью.

Гудение нарастало с появлением Антареса. Маленький рыдающий мальчишка у озера превратился в тщедушного и хилого душой рекрута, а после – в изуродованного солдата. Бестолковая трата ресурсов. Зербраг щадил его лишь из-за неплохого тактического чутья и, разумеется, дара генума.

Я стоял рядом с Антаресом, видел ужас на его затравленном лице, когда Паладин дал ему новую должность. Пыточный отряд.

– У тебя лишь один талант, – бросил Антаресу Зербраг, едва достаивая взглядом. – Так используй его. Если от тебя и есть польза, то я потребую ее всю.

Дар Анимеры, дар созерцания душ, чистый и хрупкий. В Антаресе он открывался лишь при соприкосновении, но чужая душа при этом должна была испытывать сильные, с трудом сдерживаемые эмоции. А во время пыток кричали многие. Редкие темные могли оставаться бесстрастными, когда от них отрезали кусок за куском, а потом грубо сращивали ткани. Зербраг наблюдал за этим и был недоволен: Антарес мог куда лучше служить Свету, приносить ему больше пользы, если бы справился с собой и с большей охотой отдавался делу. Он узнавал ценные сведения, но делал это, словно бы преодолевая себя. Зербраг не мог понять: что за сантименты к темным, зачем эта жалость? Они были врагами, вырожденками Вселенной, заслуживающими лишь быть под властью Света, но так упорно избегающие этой участи.

Антарес тоже попадал в сомниум, но каждый раз покорно возвращался в строй. Что было причиной – смелость или глупость, – понять категорически трудно. В его глазах ширилась пустота.

Вряд ли бы Антаресу помогла люминарная нить, любые манипуляции потерпели бы крах. Такого, как он, не исправить, вырождение генума. Ни брони, ни квинтэссенции, одно кровное оружие. Антарес Преданный. Вечность не могла отпустить ему много времени. Он – несомненно, последний из Анимеры, с ним генум

должен был исчезнуть, затеряться в бесконечности, равно как и память о странниках, гуляющих по душам.

«Беспольный... Слабый...» – непрерывно шептал в моей голове голос Зербрага.

Паладин брал его в свои походы, держа дар Анимеры под рукой.

Меня передернуло. Антарес смотрел прямо на меня, без всяких эмоций. Лицо изувчено, выбитый глаз закрывала стальная пластина. От него несло невыразимой болью, он впитывал ее в себя, как губка, и выдавал втрое больше. Антареса покрыл толстый слой розовой мерзости. А он все смотрел и смотрел...

«Хилый... бестолковый... – продолжал Зербраг уже с явным трепетом. – Слабый... слабый, слабый, слабый!»

Каменная темнота окружала, я оказался в некоем подобии старого, испещренного резными узорами строения. Позади Антареса сгустилась темнота. Она все росла, становилась массивнее. Сердце сжалось, стоило мне понять, на что я смотрю.

Те самые чертовы ворота из души Фри. Я бы узнал их из миллиона. Мне стало нечем дышать. Ворота давили. Они, как и Антарес, заплывали пузырящейся жижой. Звезда двоился, троился в моих глазах ускользящим образом.

Зербраг предрекал Антаресу скорую смерть. Но подчиненный перешел в белый спектр и обрел имя Возносящийся. И больше никогда не падал.

Я постепенно вырывал себя из воспоминаний, как из затвердевшей смолы. Сердце долбило у самого горла. Антарес. Он правда был донельзя слаб. Но обрел пугающие, неестественные силы, от которых в дрожь бросало даже Светлую армию.

Все считали, что Зербраг награбил Антареса люминарной нитью, что исправила его душу и подарила те силы. Только Паладин никогда этого не делал. Об этом ему неоднократно напоминала Юферия.

Антарес справился сам. Хотя не совсем.

Он видел те ворота. Сталкивался с ними. Как они вообще могли быть реальными?! Они ведь только часть души Фри! Разве она встречала такие наяву?

Сильнейший Верховный Света. Мощнейшая звезда. Страшнейший Апогей.

Зербраг не помнил ворот в связке с Антаресом. Но совсем недавний их свежий образ, искалечивший душу Второго паладина, встревожил старые обрывки. Они тлели на дне все это время.

Кто он такой? – надрывно подумал я, вторя Зербрагу.

Паладин в самой глубине души боялся Антареса. Но больше страшился того, во что Верховный мог ввергнуть Свет.

Я тяжело дышал еще полминуты после возвращения в реальность. Голова кружилась. Зербраг терпеливо ждал, пока я не взял себя в руки и не произнес:

– Он не мог сам стать таким...

– Нет.

Я с трудом выдохнул.

– Что ты видел? – не выдержал Зербраг.

– Ты не забывал. Никогда. Кто-то или что-то влияло на твою память. – Я неуверенно опустил глаза. – Возможно, ты знал о возникновении силы Антареса. Как и о последнем разговоре с Кетесом...

Зербраг напрягся.

– Так ты хочешь сказать, что в мою память кто-то проникал?

– Она явно не в порядке. Я никогда такого не видел.

– Дар генума, – лениво бросил Поллукс.

Паладин выругался и резко обернулся к нему.

– Ты хоть представляешь, что все это для нас значит?!

– Если оно длится давно и не только с тобой, но жизни особо не мешает, то не вижу смысла тревожиться.

– Пустотелый, – прошипел Зербраг.

Он исчез в транзите, а я все переваривал узнанное. Антарес, вмешательство в память...

– Выглядишь так себе, шкет, – сообщил мне Поллукс. Я даже и не заметил, что он остался. – Вы тут вроде как спасли свою мелкую планету? Ну, похвально, наверное.

– Вали уже отсюда.

– Зачем так резко? – отозвался он, отворачиваясь и без всякого интереса оглядывая лес. – Знаешь, мелкий, в тебе правда есть потенциал. Небольшой, но чем богаты.

– Тебе я помогать точно не стану, даже не пытайся.

– Сдалась мне твоя помощь. А вот тебе моя – вполне.

Он встал передо мной, дождался, когда же я заставлю себя посмотреть ему в глаза.

– Я научу тебя, как быть звездой. – И, не давая мне слова вставить, добавил: – Эфир, светозарный огонь, оружие, эссенция, квинтэссенция и прочие радости жизни. Даже дар Анимеры. Не смотри на меня так, ты не мог его полностью изучить за такой смешной срок. Никто из генума тебе, видимо, помогать с этим не спешит, а я многое об Анимере знаю. Будет практика. Никакой тартской теории, которой тебя пичкают чуткие подчиненные Альдебарана.

Я был сбит с толку, и Поллукс это отлично видел, а потому заранее ответил на мой незаданный вопрос:

– Не думай, что во мне проснулась совесть, но я тебе задолжал чуть больше, чем ты мне, за тот казус с Зербрагом.

– Это при котором мне чуть не оторвали руку, пытались вспороть грудь и украсть душу?!

Звезда скривился и слегка нагнулся ко мне.

– Нежный лучик. Не преувеличивай. Если ты не поймешь себя, то будет хуже. Я знаю, ты уже не так давно здорово спалил местный приземленный полис. Ты хочешь проявить силы, а тебя учат скрывать и сдерживаться, да? А оно сжигает изнутри, – сказал Поллукс с удовлетворенным пониманием. – Так или иначе, предложение мое одноразовое. Если хочешь, можешь и дальше постигать свою природу через зубрежку интереснейших фактов. И в конце концов сгореть. А можешь ощутить на себе часть звездного рекрутства. То самое, которое каждый из нас проходил. Как и твой отец.

Я вздрогнул от его слов. До этого они, наверное, вдохновили бы меня. Но теперь я не знал, что думать об Антаресе. Сильнее, чем когда-либо. Когда-то он вызывал у меня и ненависть, и непонимание, и скорбь, и смятение.

Но еще никогда Антарес не заставлял меня так бояться.

– Тренироваться будем здесь?

– Решим. А пока разобрались с главным – с твоими целями и желаниями. Тебя ждут времена открытий. Надеюсь, ты в восторге, потому что я – не очень.

Возможно, я плохо подумал, соглашаясь на такое, – впрочем, как и всегда.

– Ты делаешь это не ради меня, – бросил я ему, когда Поллукс собрался уходить. – Ради Антареса, да?

– Пожалуй, я многое задолжал всему вашему тартскому генуму, – фыркнул он.

Погрузившись в собственную душу, я рванул по коридорам, всматривался в расколотые отражения, копался в памяти и искал там одну-единственную вещь. Она нашлась, когда в зеркале возникло наше первое путешествие к Древу Мироздания и встреча с инквизиторами. Из трещин в стекле вместо крови сочилась мерзкая розовая жижа.

Глава XXXXIX

Мортмемория

Зербраг лишь моргнул, и секунда растянулась в несколько вечностей.

Он не помнил, как оказался здесь, в коридоре собственного дома. Не в первый раз такое было; в ушах нарастал мерзкий писк, влекущий за собой и первые ноты тревоги.

Затхлый туман забытья подобрался опасно близко к Зербрагу – он сделал шаг, чтобы оторвать его вихри от мыслей.

Куда подевалась Юферия?

Объем тишины мешал Зербрагу передвигаться по дому, будто безмолвие меняло физические законы и становилось плотнее стен. Все ему казалось странным и мутным, каким-то несобренным: и изящные витиеватые столбики лестничных перил, и светляки мерцания под куполом атриума, даже галерея картин в коридоре левого крыла. И пыль, незаметно парившая в стрелах лучей света, – любая мелочь заставляла Зербрага замереть с безукоризненной пустотой в голове. Вот и кресло перед длинным окном, за которым пушились изогнутые спиралями ветви айриссов. На столе – стопки инфор. Юферия делала здесь заметки, облюбовав кресло, точно гнездышко. Как давно?..

Зербраг пытался поймать мысль, хоть какую-то, но каждая проворно ускользала в последний момент, такая же невозвратная, как и ход времени. Стук его шагов полнил молчание комнат и залов, где мягкая поступь сменялась стальным ударом о каменную кладку лестницы, и так до самого верха.

Зербраг опомнился лишь у своего кабинета, мрачным арочным порталом восставшего впереди. Он открыл было рот, чтобы окликнуть Юферию, но осекся в последний миг и пошатнулся, как от толчка. Ноздри захватил терпкий запах горелого, он черной гадкой копотью проступил на узорах памяти.

Та снова подводила Зербрага – от дробящего понимания этого он в отчаянии сжал край стола, в последний миг справившись с подступающим светозарным огнем и испугавшись резкого позыва. После Роштамма Паладин терял связь с душой, телом и мыслями.

Давал огню вольно проступать, как какой-нибудь необученный юнец-рекрут или – что еще хуже – эмоционально нестабильный индивид, каких Зербраг всегда презирал. Самоконтроль – вот что он ценил в сильных душах, недостижимый эталон лучших из лучших.

Последние события неуловимо сверкали, разбежавшись отдельными фразами, а Зербраг пытался собрать их воедино, никак не в силах прочесть изначальный смысл.

Сначала Чернолюб Поллукс, предавший не только Свет и генум, но и собственную душу, – он, продажный гад, смог помочь, но Зербрагу пришлось зажевать свою гордость. Затем – выродец Антареса. Что же... что мальчишка нашел? Подтвердил лишний раз, что память осыпалась палой листвой и сгнивала под ногами, пока Зербраг отчаянно пытался спасти Свет от монстров, порожденных им же. А затем, затем... Зербраг трепетно и не дыша выуживал воспоминания, точно они вот-вот сорвутся с крючка. Затем Лучезарная крепость. Там ряды усталых легионеров, смрад ран и крики пленного. Крепость держалась перед темным натиском под командованием Десятого паладина. Зербраг хотел встретиться с ним, но их пути разминулись. Он провел долгую беседу с примус-легатом, подконтрольным Гесцилу, узнал о волнах Темной армии, их попытках разрушить близлежащие опорные пункты. А дальше?

Дальше...

Он не помнил.

Зербраг обнаружил себя здесь.

Не в первый раз такое происходило, и всегда его окатывало постыдным замешательством, как и в любой другой случай, когда предметы меняли законное положение, память жонглировала лицами встречных душ, а сам Зербраг оказывался не там, где надо, видя позади себя в воспоминаниях черную выгоревшую долину. Когда такое случалось, он подзывал Юферию, и она мгновенно успокаивала его своим чудесным мягким голосом, отчитывалась о последних действиях, словах и быстро напоминала о дальнейших планах. Она умела успокоить и направить его стремления и взор в нужное русло. Юферия выводила Зербрага в резкую ясность мира, никогда, никогда не позволяя ему отстать и затеряться во мгле непонимания.

Ох, милая Юферия...

И тогда взгляд, кочующий в лабиринте рабочих принадлежностей, споткнулся о центр стола. Темная квадратная подставка с алыми вензелями и круглой выемкой, а в ней – гладкий шар-накопитель, внутри которого вился и искрился свет.

Зербраг поднял накопитель, хмуро его рассматривая, силясь вспомнить, что это и откуда. Секретари бы предупредили, иные бы не проникли в кабинет. Рядом с подставкой покоилась записка, в которой не без удивления Паладин опознал собственный острый почерк.

«Верить, открывать, вспоминать».

Девиз разведчиков, который направлял Зербрага в первые Генезисы его жизни.

Он сам это здесь оставил. И забыл? Забыл без Юферии? Сомнения впились в него острейшими клыками. И так все будет теперь? Вечные напоминания самому себе из прошлого, вести ушедших времен?

Зербраг долго думал, вглядываясь в плавные завитки света внутри накопителя. Память. Его память. В конце концов он позволил свету в шаре пролиться в его ладонь, впитаться в жилы.

И тогда в его проеденную временем душу ворвались прохладные ручьи воспоминаний.

Они просачивались внутрь. Зербраг закрыл глаза, устало привалившись плечом к стене, не ощущая более ничего вокруг.

Он вспоминал. Увидел длинные, давящие мраком коридоры Лучезарной крепости так ясно и четко, точно стоял с поднятыми веками.

Зербраг никого с собой не брал и прибыл один в крепость, зависшую в космическом пространстве и исторгавшую световые стены куда хватало глаз. Сражения за нее велись в пятидесяти семи местных системах и еще не вошли в разрушительную стадию. Здесь же пока было относительно спокойно, Тьма только недавно подобралась вплотную к крепости.

Протез продолжал раздражающе и тяжело стучать об пол, но Зербраг терпел, хромая вперед. Он не нашел времени заменить его на что-то более удобное и подходящее, но собирался в будущем. Все-таки с этим куском стали ему предстояло жить.

Крики раздались еще на подходе. Навевало воспоминания.

Полутьма окутывала помещение, и лишь из глубокой ямы просачивалось бледное мерцание. Гесцил стоял на помосте. Снизу вновь раздался надрывный вопль. Тогда же Десятый паладин отвлекся на стук и обернулся. Его светящиеся глаза восхищенно округлились.

«Я его не застал, я не говорил с Гесцилом в крепости, – потрясенно осознал Зербраг в настоящем. – Я помню все иначе?»

– Луц Зербраг! Я вас совсем не ждал! Вы же должны быть в Роштамме, разве нет?

– Я там уже закончил, – сухо бросил Зербраг, подойдя к яме.

Гесцил проследил за его взглядом и ухмыльнулся, вальяжно облокотившись о перила.

– Это недавно пойманный опцион темного легиона, – с удовольствием пояснил он, вздыхая. – Уже третий наом пытаемся вытащить из него хоть какую-то информацию, а он все держится, представляете? Даже несмотря на такую большую зеркальную темницу.

Ее простор и вправду поражал. Там внизу на полу корчился дэлар вторичного монохрома. Одетый лишь по пояс, верх покрывали кровоточащие золотом раны. Их не могла оставить зеркальная темница – видно, Гесцил приказал пролить кровь для привлечения тенебрусов, темной вариации люминосов, бездумных духов, блуждающей манипуляции Вселенной. Обычно эти мелкие вездесущие твари были безобидны, разве что поедали любой обнаруженный светлый или темный эфир. Но стоило заточить их в зеркалах, лишить питания, погрузив в свет или в темноту на долгое время, и они превращались в голодных чудовищ.

Дэлар находился посреди выставленных в круг высоких зеркал. Было их не меньше двадцати. Бесконечные зеркальные коридоры. Темный снова изогнулся и завопил. В зеркалах отражался только он, но пол по ту сторону был залит дрожащими тенями. Тенебрусы впивались в душу эквилибрума, пожирали эфир. Темница позволяла им проникать в память, исказить ее. Твари грызли дэлара в каждом его воспоминании, и боль отражалась в реальности.

Это могло продолжаться целыми талидонами, а порой и Генезисами – зависело лишь от силы души.

Гесцил кивнул на ногу Зербрага:

– А вам идет, луц. Вполне в вашем стиле.

Он подступил всего на шаг, но тут Зербраг вскинул на него руку. Золотистый наруч вспыхнул, от него отделились толстые иглы, завращавшиеся вокруг запястья.

– Что вы...

– Не строй из себя дурака, стой на месте. Один шаг – и отправишься в сомниум. Если не по дальнейшему пути.

– Вы пронесли с собой оружие из мрачного золота? – потрясенно проговорил Гесцил. – Зачем?!

Их разделял десяток метров, Зербраг молился, чтобы этого было достаточно.

– Луц, как же так, что я...

– Каждый генум обязан отчитываться о способностях всех рожденных в нем. За вами пристально следят. И ты, Гесцил Костолом. Везде прописано, что тебе для влияния на память требуется не просто касание, но и зрительный контакт. Ты всегда пытался пожимать руки словно из вежливости. Отводил внимание, будто хочешь невзначай использовать дар. Естественно, никто не решался на такое, и все верили, что избежали опасности попасть под твой психодар. Всем ведь известно, что Десятому паладину нужно одно касание, для того чтобы ворваться в чужую память. Но у тебя иное проявление. Я так понимаю, нужно лишь стоять достаточно близко, верно?

– Что вы говорите? – встревожился Гесцил. – Чтобы я обманул Магистрат?!

– Я все знаю, тартский ты ублюдок, – прорычал Зербраг. – Я не должен был оказаться в Роштамме. Ты меня туда отправил, изменил в моей памяти предсказание Алеи.

Гесцил примерз к месту, пораженный услышанным. Так искренне, честно. Но затем вымолвил:

– А вы долго не догадывались, что ваша память изъедена насквозь.

Зербраг едва подавил желание прострелить ему голову.

– Зачем?

Снизу закричал дэлар.

– Потому что вы важны, луц! – честно ответил Десятый. – Вы важны для итога! Вы не должны были пропасть в древнем наследии, не должны были постичь Анимеру, Антареса, ведь еще слишком рано! Вы пришли в этот мир для другого!

– Какое право ты имеешь решать, для чего я рожден?!

– Но ведь и вы так уверенно готовы решать все за целый Свет! – Гесцил развел руками. – Итог один. Для всех. Он фиксирован и неизменен. Нам лишь остается двигаться по линии горизонта. И мы, Диарат, помогаем душам выйти к нему.

Он говорил это с таким чувством, что Зербраг на секунду обомлел.

– Верный Свету Диарат, – произнес он, все больше понимая. – Вечно в главных событиях. Амбициозные карьеристы. Кто-то из вас постоянно был Паладином или в Магистрате, но Верховных из Диарата не было. Вы просто стояли рядом с верхушкой правления... – Он напрягся от ухмылки Гесцила. – Как давно вы это делаете?

– Лишь Вселенной известно. Так делали моя мать, и мой дед, и прадед...

– Почему я не должен помнить об Антаресе?! Куда вы ведете Свет?! Отвечай!

– Тише, тише, луц! Успокойтесь. Мы же здесь не враги, мы на одной стороне.

Толстая игла просвистела рядом с его ухом.

– Чего вы добиваетесь? – в ярости прошипел Зербраг.

– Мы просто следуем указам свыше, – ответил Гесцил. – Как Провидцы скажут, так мы и поступим. Все на благо Света.

– Провидцы? Обливион тебя поглотит, о ком ты?

Десятый пожал плечами.

– Я не вправе рассказывать вам. Я лишь направляю. Но однажды вы все узнаете. В самом конце. Там, где мы все сойдемся в единой фиксированной точке. Финал близок, так считают Провидцы, – с чувством говорил он под вопли пленника. – Все ради благополучия каждой из душ. Провидцы не позволяли вам оступиться, принять знания, для которых еще не время. В конце концов, насколько мне известно, вы должны были погибнуть, если бы отправились в тот поход, который предложил вам Кетес Ищущий.

Зербраг застыл. Гесцил, заметив его потрясение, удивился:

– О, так что-то в памяти у вас осталось? Ладно, думаю, спустя столько времени вы заслужили знать, что Кетес сказал вам, куда направлялся. А как же иначе, вы были так ему дороги. Вы должны

были отправиться с ним. И умереть. А мы спасли вас! Потому что вы важны!

– Я должен был?..

– Ему полагалось отправиться туда. А вам – своей дорогой.

– Но горизонт будущего один и неизменен, – с тихой злобой выплевывал эквилибрум. – А вы его, получается, изменили. Если я должен был умереть с ним. – Гесцил открыл было рот, но Зербраг воскликнул: – Так, может, финал и не фиксирован вовсе?! Может, есть вариации и иные пути для каждого из нас?! Но вы... вы, тартские дети, ведете нас к бездне. Как можно влиять на все души разом? Убеждать всех в едином горизонте будущего! К чему мы должны прийти, что за итог, о котором говорят твои Провидцы?!

– Вы все узнаете в свое время. Мы проследим. И они тоже.

Зербрага трясло от ненависти и ярости. Весь мир разом рухнул.

– Вероятно, – вдумчиво добавил Гесцил, потирая подбородок, – то, что вы обо всем узнали именно сейчас, тоже их воля. Вы должны были пройти через Роштамм. Что вы там увидели?

Сердце Второго оборвалось.

– Я ее покарал... – выдохнул он. – Она меня не предавала. Ты и в ее памяти копался.

– Вы про вашего фактотума? О, я слышал, но даже не удивился. Такой уж у вас строгий и склонный к наказаниям нрав! – Тут Десятый прищурился. – Кстати, Зербраг. А как вы, собственно, обо мне догадались?

– Не твое дело.

– Анимера, да? – Гесцил понимающе хмыкнул. – Только они могли заметить наше влияние в чужих душах. Наши генумы одни из старейших, отражение друг друга. Они ходят по душам и созерцают, а мы ходим и меняем. Как удобно, что Анимеры осталось так мало. – Он задумался, уставившись в сторону. – Никто не может нам помешать и не задает вопросов вот уже как несколько эр. Но я никогда не поверю, что вы обратились за помощью к Бетельгейзе и тем более к Антаресу. Кто это был?

Зербраг молчал. Тогда Гесцил сделал шаг вперед.

– Ну если вы не хотите говорить, то я...

– Не приближайся.

– Вы же не станете меня убивать. Все уже смирились, как жестоко вы сжигаете своих подчиненных, ведь имеете на то право. Но убийство Паладина? Будут вопросы!

При следующем его движении Зербраг выстрелил снова. Мигнул яркий желтый огонь, и золото исчезло.

Зато Гесцил оказался прямо перед Зербрагом, стискивая его вытянутое запястье. Он смотрел на него белыми звездами глаз и выглядел таким спокойным и безмятежным.

– И чего вы ждали? Второй паладин пришел ко мне столь глупо и открыто, вооружившись простым оружием из мрачного золота? В чем план?

Зербраг с холодом замер, будто его погрузили в стазис, и вдруг ощутил тончайшее давление внутри себя, осторожные, еле заметные касания другой души.

Они подавили первую же мысль распалить пламя.

– Ничего? – Изящная бровь Гесцила разочарованно скользнула вверх. – Вы действительно заявили ко мне так глупо и наивно? Зербраг, я был о вас лучшего мнения. Что же с вашим разумом сотворил Роштамм?

Гесцил копался в душе Зербрага, нагло глядя в лицо, а тот не мог ничего поделать, словно все силы в мгновение оставили его.

– Если вам будет проще, то мы и так знали о сыне Антареса. Это не только ваша ценная фигура.

Гесцил фривольно перебрал еще несколько воспоминаний, пока Зербрага накрывала апатия столь черная, что за ней терялся любой свет.

– Я спалю тебя и твою душу, – ответил он бездумно, без всякой малой эмоции. – А Магистрат обо всем узнает, не сомневайся.

– Вы так думаете? – рассмеялся Гесцил. – И еще ничего не поняли? Как быстро они обратятся против вас, Зербраг, когда вы станете врагом всего Света?

– Вы не станете так делать. Я же важен.

– Не важнее судьбы всех душ! Итог один, и он – наша единственная надежда на всеобщее спасение. Потерять вас будет трагедией. Но вы в каком-то роде правы. Возможно, существуют иные ветви горизонта будущего. И план можно корректировать по ходу дела. Этим мы и занимаемся. И делаем историю цикличной.

Зербраг нахмурился, пытаясь понять, к чему последняя фраза, а затем тихо сказал:

– Тамалекрон. Под предводительством Паладина из Диарата весь генум Тамалекрон был уничтожен. Их назвали предателями и заговорщиками против Верховного-Императора. Вы... вы не могли влиять на них, верно? Их даром была коллективная память всего рода. Они всегда знали о вашем вмешательстве.

– Диарат силен и многочислен, пятый после Белзирака. Если мы заставили Свет увидеть врага во всем древнем и почтенном генуме, то что будет с вами, таким одиноким и противоречивым, а, луц?

Сама материя начала дрожать, время трещало по швам.

Гесцил только покачал головой, будто ему и вправду было жаль. Что-то исчезло прямо внутри души Зербрага. Он не мог вспомнить что. Без этой части внутри обосновалась пропасть, и она все ширилась.

– Я действую так неаккуратно, чтобы унять ваше любопытство, каково это – попасть под психодар Диарата, – вещал Гесцил. – А рассказываю все, чтобы унять свое. Мне было интересно, как же вы среагируете на информацию. Но не бойтесь, я все приберу в вашей душе, не останется ни одной лишней мысли. Как и всегда.

Что-то еще смыло вязкой волной.

– Глупо и наивно, – повторил Десятый. Его зубы блеснули почти так же ярко, как и глаза. – Вы наконец догадались обо всем, но как же поздно для вас. Всепроникающий Свет, как же Тьма расколола вашу душу... Мне жаль, буду честен. Печально, что вы столь постыдно угаснете на глазах всей Светлой армии...

Зербраг терял связь с реальностью, отчаянно за нее цеплялся, но не мог всплыть, барахтаясь на дне.

На фоне продолжал кричать плененный дэлар.

И тогда он открыл глаза в кабинете, потрясенно оглядывая его, как в первый раз.

Воспоминания продолжали просачиваться в душу бледными ручьями, оседали внутри. Зербраг помнил. Теперь помнил все, что Гесцил стер и заменил.

Он с трудом подавил безумный порыв моментально спрятать эти воспоминания, они казались бесценным, страшным даром. Никто не должен был узнать о таком сокровище.

Накопитель вселил ему и другую информацию, удаленную заранее. Все, что произошло в этом кабинете перед посещением Лучезарной крепости, когда лучший анимолог Люксоруса прибыл...

И тут Зербраг согнулся от резкой боли в груди и голове, пронзившей его насквозь ударом копья. Он охнул скорее от неожиданности, чем от долбящего рваного ощущения. Давление в ушах нарастало, и писк сменился грохотом сердца.

Мир обратился чернотой, уничтожив кабинет, время и материю. В ней остались лишь сжавшийся в боли Зербраг и чей-то размытый образ. Пока Паладин, пытаясь осознать происходящее, даже не был в силах разогнуться или зафиксировать взгляд на фигуре, та лениво его оглядывала.

– Мне бы хотелось присутствовать лично, а не связываться с тобой так. Хотя все же стоило оставить тебя без ответов, но я стою тут и наслаждаюсь моментом, – гадко усмехнулся Поллукс, манерно разводя руками. – Да, я тоже не идеален и душой бываю слаб, но кто из нас нет?

Зербраг попытался выдать слова, но они потерялись по дороге.

– О нет, подожди, тебе нужны силы, в твоём-то состоянии они точно пригодятся! – не затыкался предатель, и голос его казался Зербрагу самой худшей пыткой из всех возможных.

– Что ты... зачем... – Жалкие ошметки вопросов достигли пункта назначения.

– Не все так сразу! Как интересно ты придумал, я оценил идею: пригласить потрясающего мастера-анимолога, чтобы он аккуратнейшим образом настроил для тебя запись памяти в накопитель и заставил забыть об этом. Внушил потребность идти в пасть к хищнику без задней мысли. Столкнуться с геномом, который буквально в глазах носит метку о том, что к ним можно подходить, лишь трижды подумав и лучше передумав! Да, извини, я подсмотрел в запись памяти, прежде чем ее доработать, – опять же, ничего не мог с собой поделать, – вздохнул он, как бы оправдываясь. Где-то в мутноте силуэта мигнули оранжевые огни глаз. – Но сама идея – мое уважение. Гесцил не заметил, что ты делаешь копию памяти, и ляпнул лишнего. А ты смог вспомнить все им уничтоженное! Изящный план, я бы поаплодировал. Но не буду.

Зербраг чуть не оступился, ноги согнулись и еле держали. Он наконец смог приложить достаточно усилий, чтобы с трудом сдвинуть заиндевевшую шею и поднять лицо к Поллуксу для прямого, ненавидящего взгляда. Тот оскалился в отвратительной довольной усмешке.

Рыжий выродок.

– Это зрелище почти что стоило всех эпох скитаний.

– Что ты натворил? – выдавил Зербраг, с болью оторвав каждый звук.

– Мне просто интересно, через какое унижение тебе пришлось пройти, чтобы обратиться ко мне. – Поллукс оскалился шире, довольный тем, как Зербрага тряхнуло при усилившейся боли. – Знаешь, я все гадал, когда ты вернешься. Я преданно ждал. Признаюсь, бывали у меня подлые мысли уничтожить твоё небесное тело каким-нибудь хитроумным способом и немислимыми ресурсами, пока ты в сомниуме, чтобы точно не допустить твоего возвращения ради чистоты самой Вселенной, но это было бы слишком уж просто, верно? Да и неинтересно. Впрочем, всю эру, которую ты отсыпался, у меня имелись другие дела. А потом ты вернулся, и я возликовал. Но ещё отраднее было понимать, что ты, пробыв так долго в сомниуме, растерял не только свои легионы, но и верные души, всю поддержку былых времен. Ты – одинокий осколок прошлого. При всей своей непогрешимой чистоте ты готов достигать поставленных благородных целей любыми способами, да? Даже заходя в серую зону. Другого выхода ведь не было. Скажем, покупка лампы от якобы Маяка, ведущего к Аларонему у подконтрольных мне душ. Я уже тогда подумал, что с этим делать, но жизнь и дальше продолжила ставить тебя в безвыходное положение. Когда ты было подумал, что наконец-то сможешь встать во главе Света, вернулся Антарес.

Зербраг расплывчато наблюдал, как Поллукс встал так близко, что его лицо можно было схватить и сжечь до черной воронки.

– И ты пришел ко мне лично, – со сладчайшим удовольствием продолжал Поллукс, пользуясь абсолютной беспомощностью Паладина. – Я был так счастлив, будто встретил старого друга. – Он вдумчиво постучал пальцем по подбородку и медленно протянул: – «Приведи мне протектора, и я сниму с тебя остатки гало-пленения». Славная сделка. Вернуть мне то, чего я был лишен большую часть

жизни. Но в своей гордыне ты правда думал, что этих эпох будет достаточно, чтобы забыть? – И вновь гадкий смешок. – Видно, Роштамм и вправду над тобой неплохо поработал, потому что удалось забыть о прошлом лишь тебе. Но не кори себя, ошибку ты допустил не когда начал заключать со мной сделки и решил, что я буду благодарно пресмыкаться перед тобой после возвращенных сил, или когда вообще вновь связался со мной. – Взгляд его резко ожесточился. – Ты ее допустил, когда не отправился по дальнейшему пути после Битвы за Люксорус. Что привело нас сюда.

– Что ты сделал?! – выпалил Зербраг, подавшись к Поллуксу, но ощущая на ногах кандалы.

Поллукс глядел на него как на причудливое неведомое создание, с любопытством и неверием.

– Я возвратил долг. Ты считал, что одной лишь свободы от тебя мне будет достаточно? Я научился с этим жить давным-давно. Возможно, другие бы смягчились к раздорам прошлого. Видит Свет, за такой чудовищный срок многие становятся совсем другими душами. И я действительно не тот, каким был в твоём легионе или когда ты разрушил Седьмой Элизиум. О-о, я стал куда большим. Ты видишь меня мелким контрабандистом, но я – Мастер механизмов «Белого луча». Похоже, будучи в сомниуме, ты не слышал, как сильно мы поднялись и имеем доступ ко всему, о чем только можно помыслить. Даже к душе Второго паладина.

– Я вернул тебе спектр... вернул тартское сопряжение...

– Ты вернул то, что отнял. Но вернуть разрушенное не в силах.

Поллукс отвернулся, обдав Зербрага ворохом оранжевых искр.

– Знаешь, всегда считал любопытным, как много у нас понятий памяти: для каждого из видов есть отдельное слово. Фантасмемория, амаремемория, алтумемория, космоемория... С этим всем куда больше приходится иметь дело Мастернице душ, чем мне, скромному Мастеру механизмов. Но порой они помогают в работе. Как сейчас.

Он стоял полубоком, с тоской глядя на черное кольцо – единственное, которое Поллукс носил. Слова его упали душевной тьмой на и без того беспроядную чернь.

– Я подкупаю любого, а к неподкупным подступаю иначе. Следить за тобой было сложно, но, как видишь, возможно. Ты так испугался Диарата, что после беседы с сыном Антареса вообще забыл

о какой-либо другой опасности помимо них! Досадно. Для тебя. Настолько не оглядываться, не видеть, как за тобой наблюдают, – ошибка дилетанта, но уж точно не Паладина, как думаешь? И когда я узнал о ведущейся записи памяти ради ловушки для Гесцила, увидел этот красивый блестящий шарик, дожидаящийся тебя, подумал: сейчас или никогда. Ты в таком состоянии и мгlistую чернь бы проглотил, не заметив. Но я был куда более милосерден. Я всего лишь добавил в накопитель небольшой душевный недуг. Так что не удивляйся, когда обнаружишь в себе мортмеморию.

Зербраг замер, вытаращившись на Поллукса, едва различая его голос сквозь стук в ушах.

– Красивое название, да? Мертвая память, воспоминания, которых лишился и никогда не вернешь вновь. Страшно, когда она становится болезнью – стремительно уходишь, капля за каплей. Воспоминания просто сгорают, бессмысленно и жалко. Даже у обычных эквилибрумов такое смотрится неправильно; что и говорить о Паладине. – Поллукс вновь оказался рядом, нагнулся к скрюченному от боли Зербрагу и горячо произнес: – Похоже, твою память корректировал Диарат, да так часто, что даже ты заметил. Но теперь это будет не просто случайное забывание время от времени. Ты исчезнешь. Сгубить тебя быстро и собственноручно, конечно, заманчиво, но смотреть, как ты сам так жалко и постыдно разрушишь себя в попытках исцелиться за столь короткий оставшийся тебе срок... Вселенная и материя, я буду ждать представления, когда ты полетишь вниз по карьерной лестнице, оказавшись по силе ниже последнего магистрама. Великий и страшный Зербраг Прожигающий, герой нескольких войн, который с трудом вспоминает, как снять с себя сапог.

Что-то едва зашевелилось в Зербраге, неугасающая воля к сопротивлению. Он вскинул яростный взгляд на довольного Поллукса, обратившегося тенью.

– Ты хоть понимаешь, что натворил?.. Ты видел, что делает Диарат, видел разрушения Антареса...

– Ни Диарат, ни Антарес не мои проблемы.

– Только я могу с этим справиться! – из последних сил кричал Зербраг на грани отчаяния. – Я! Кто-то должен остановить их! Я пытаюсь спасти всех, всю эту Вселенную...

– Пусть Вселенная горит в огне, – бросил Поллукс. Он вытянулся, возвысился над Зербрагом, холодно смотря на него с непостижимой высоты. – Диарат, Антарес, Паладины, Свет, Тьма – разбирайтесь с этим сами. Пусть все сражаются, пусть все бурлит и полыхает. Так всегда было, так всегда будет. Оно разрешится. Но без твоего участия. Ты пытался выяснить, почему так много забываешь, но теперь, без фактотума и больной мортмеморией, просто испаришься. Ты полагал, что сыграешь в этом какую-то важную роль, объявишь войну Диарату, станешь Верховным, докажешь всем опасность Антареса, но правда в том, что ты и сам забудешь, кто такой Зербраг. Если не начнешь разбрасываться эфиром, то сможешь протянуть подольше, но на твоём месте я бы не задерживался и сдох побыстрее. Пусть Вселенная горит в огне, – повторил он тихим, закипающим голосом. – Если такова цена моим стремлениям, то пусть.

Тут Зербраг не сдержался и хрипло рассмеялся, чем ввел Поллукса в замешательство.

– Твои стремления... твои... и какие они, Поллукс? – Паладин тяжело осел на колени, хватаясь за распираемую болью грудь. – Ты... пошедший за Тьмой предатель. И даже хуже, даже дальше... Думаешь, обрек меня на страшную кару? – Зербраг не сдержался и горько усмехнулся, качнув головой. – Ты, прошедший в поисках той черной дряни целую эру. Да, я узнал про твои дела... Ты еще веришь, что сможешь все вернуть как было. Пустотелый дурень. По крайней мере, я смогу хоть что-то еще сделать. А ты, даже с сопряжением, будешь скитаться до конца жизни.

Рука с кольцом обратилась в кулак. Поллукс поморщился. Голова его была так далеко от Зербрага, что скрылась за темнотой, в которой ярким пламенем горели оранжевые глаза.

– Ты мог столького добиться, – не унимался Зербраг. – Но всего одна душа сбила тебя с пути, обрекла на мрак...

– Будто бы и ты сам не всю жизнь в поисках из-за другой души, тартский лицемер. Да, я тоже многое узнал про тебя, времени было полно.

Зербраг не слушал, он от боли поморщился.

– Та краткая ошибка стоила целой эры в изгнании?

– Она стоила всего.

– И ты выбрал мечь за все, что с тобой случилось... Антарес и Альдебаран ее заслужили. Они тоже причастны.

Поллукс растворялся во тьме, из неясного образа доносился ледяной голос:

– Ты сломал каждого из нас. Но больше никого и никогда не уничтожишь в попытке спасти общее.

– Ты даже не представляешь, на что обрек себя и прочих! – в гневе орал Зербраг, вновь обретая голос, вырывая из себя в воздух алое пламя. – Моя память способна всех спасти, ты уничтожил не только меня!

Поллукс уже исчез, а Зербраг горел, разгорался, и ревело пламя, но в какой-то миг все красное исчезло.

И мир стал чернотой.

Глава I

Шаг в пустоту

Поминальная служба по Ханне прошла на следующий день после сражения у Древа Мироздания. Ее, как и всех протекторов, кремировали, а урну с прахом упокоили в свечных горах среди предыдущих носителей знака Девы. Стефан видел Дана издалека. Он хотел как-то подбодрить его, но не знал как.

И даже не поверил сам себе, когда после церемонии сказал ему:

– Это не поможет, но, если нужно будет проветриться, отвлечься, там, да даже надраться или что-то вроде того, можешь ко мне обратиться.

Дан, который до этого стоял в полнейшей прострации, медленно, словно сквозь вязкое месиво, перевел на него потухший взор. Слегка нахмурился, как будто не узнавал. Стефу стало не по себе от бинтов на его лице. Да и от всего вида товарища.

– К тебе? – тупо уточнил он, словно его эфир прекратил переводить Стефана.

– Я помогу чем смогу, только скажи. Остальные тоже рядом. Ты не забывай об этом.

– Да, вы рядом. Нужно будет... отдохнуть всем вместе. Как раньше. Или лучше.

– Звучит как план.

Дан медленно кивнул, снова отводя взгляд.

– Ты спас меня.

– Да? – слегка удивился Стефан. – Когда?

– Грей заколол бы меня. Все должно было закончиться там.

Стеф стиснул челюсти, вспомнив, как сбил Грея с ног. Дан отделался лишь потерей глаза.

– Все бы закончилось там... – повторил он.

Волк было отвернулся в сторону выхода, но на пару секунд заколебался.

– Спасибо, Стефан. – Уже направляясь к коридорам, едва слышно добавил: – Ты очень хороший друг.

Стеф сомневался в этом. Но он все же попытался им быть хоть раз в жизни, однако знал, что его предложение останется пустым звуком. Дан всегда был таким. Один на один с горем. Словно хотел утопиться в нем целиком.

Стефану самому было гадко. Он все думал, что мог как-то спасти и Ханну, будь он сильнее или осмотрительнее. Нельзя было допускать ее одну к Грею. А теперь она умерла, откололся еще один старый протектор. Поколения, пришедшего в Соларум до Стефа, становилось все меньше. А ведь он и сам был старым в сравнении с другими, и эта мысль огрела его по голове тупым ударом.

Все уже давно разошлись, лишь Паскаль остался сидеть у статуи Девы и, кажется, пил. Стефан отошел как можно дальше, в другой конец зала, вдыхал благовония и молча рассматривал урны. Он даже не заметил, как оказался напротив Цефея. Здесь был похоронен Лука, которого Шакара обратила в белого сплита. До этого Стеф никогда не задерживался тут, проскальзывал на грани бега, но теперь не мог отступить и внимал тишине.

Фри тихо приблизилась. Ему думалось, что она и не уходила, следила за ним издали. Стефану все еще было непривычно видеть ее без покрашенных волос.

«И все-таки я старая не была ошибкой» – так Фри объяснила свое возвращение к прежнему виду.

Стеф продолжил взирать на Цефея.

– Я только сегодня наконец осознал. До конца. Их уже было не спасти. Они не были людьми. Их души раскололись еще до того, как я пришел. Всего лишь сплиты и кандидаты.

Он озвучил главное. Это стало реальностью. Теперь, перед монументом, что-то в нем резко щелкнуло, подобно вспышке. Стефан шумно выдохнул и произнес, чувствуя беспредельное облегчение:

– Я не убивал ни приземленных, ни друзей. Я просто делал свою работу. Я не Палач.

В тот же миг с его плеч будто бы спали многотонные камни. Он так привык к ним за эти годы, что пошатнулся, колени дрогнули. Все внутри бурлило, но не от злобы и раздражения, пожиравших его столько времени. Стеф опустил голову и не сдержал усмешки. Его душа горела, испепеляя всю накопившуюся вину, мрак и стыд. Он закрыл глаза рукой, почувствовав накатившие слезы. Грудь распирало

от счастья – такого сильного и безудержного, от которого хотелось кричать и смеяться. Еще никогда в жизни Стефан не чувствовал настолько сильного умиротворения с самим собой, столько света, бьющего через край. И от этого он задыхался.

Прошло с полминуты. Протектор старательно утер глаза, и стоило ему убрать руку от лица, как Фри обняла его за шею. Стеф крепко обхватил ее в ответ.

– Все теперь будет хорошо, – пообещала она.

Они вышли прочь из Усыпальницы. Стеф ощущал себя так легко и воздушно, что даже не пытался сдерживать глупой улыбки. Но это волшебное состояние не могло заставить его изменить себе, поэтому он закурил, слегка негодуя от неудобства выполнения столь простых действий одной рукой.

Стефан не сразу понял, что Фри придерживала его за локоть. Отчего-то по телу побежали мурашки.

Он выдохнул дым и неловко почесал затылок, поняв, что они с Фри вообще не обсуждали произошедшего между ними. Стеф тогда наговорил преступно много, да так, что по-хорошему ему вообще не следовало появляться в Соларуме ближайший десяток лет, а то и бессрочно. Сейчас он вспоминал, как почувствовал притяжение к Фри давно, в самый первый месяц ее пребывания в Соларуме. А потом случилась база падших. И годы одиночества. Стефан даже думать перестал о возможности поговорить с Фри как раньше.

Он потратил слишком много времени.

– Это... – неуверенно начал Стефан, отводя глаза в сторону. – Я тут подумал...

Фри вопросительно посмотрела на него, и Стеф покраснел. Убивать сплитов и воскресать раз за разом казалось намного проще.

– Хочешь куда-нибудь сходить?

– Как простые люди? – уточнила протекторша, похоже, ни капли не смутившись. – Не на охоту?

– Ну, вроде того... Нет, не на охоту, конечно! Там выставка одна открылась, может, тебе было бы интересно посмотреть на нее.

«Дебил, зачем ты тащишь ее на эти хреновы картины?! Она же таким не увлекается, не вовлекай ее в своих тупых кубистов!»

Стеф хотел удавиться от стыда и полного отсутствия фантазии. Он нервно выкинул окурок в окно и даже слегка ему позавидовал.

– Вдвоем? – спросила Фри.

– Вдвоем, да! Если у тебя, конечно, есть время и желание. Я все пойму, мы тут все занятые, просто... ну вдруг...

– Да, – улыбнулась она. – Давай сходим. Вдвоем.

Протектор даже остановился посреди коридора и недоверчиво переспросил:

– Да?

– Да.

– Да... – Он снова не сдержал глупой улыбки, заставив Фри рассмеяться.

Они брели дальше, обсуждая вещи, не связанные с Соларумом, дошли до балкона, где Фри села на парапет. Пока она оглядывалась на далекую Землю, Стеф снова заколебался и сказал:

– Я постараюсь стать лучше. Как раньше. Знаю, сейчас я не подарок и...

Фри обернулась к нему и только качнула головой.

– Не надо как раньше. Двигайся дальше. Ты вредный, ворчливый злыдень. И таким нам всем нужен больше.

– Ты меня только что и оскорбила, и похвалила, это как работает? – спросил он, в шутку хватаясь за сердце, будто его ранили.

– Просто будь тем, кем тебе искренне хочется. А я приму тебя любым.

В груди разгорался жар благодарности, Стеф не сдержался и усмехнулся.

Он лишь успел облокотиться о парапет, когда понял, что Фри наклонилась к нему. Он кожей почувствовал ее дыхание, все внутри него похолодело, мышцы лица обратились гранитом. Она коснулась пальцами его щеки и повернула лицом к себе. Стеф оцепенел, сердце пропустило пару ударов, а Фри чуть притянула его ближе и поцеловала. Все длилось не дольше нескольких секунд, за которые Стефан намертво забыл, как мыслить и двигаться.

Вспышка, одно яркое мгновение.

Новое воспоминание, безудержно мощное и сильное.

Он никогда не думал, что окажется на этом месте.

В ушах грохотало. Чуть отстранившись, Стефан так изумленно смотрел на нее, что вызвал тихий произвольный смех. Фри все еще держала его за воротник формы, взгляд слегка потускнел.

– Все ведь могло быть хорошо с самого начала. Здесь... здесь нельзя тратить время впустую. Однажды его может просто не остаться.

Стефан не знал, что ответить, все еще не мог вспомнить как. Тогда же Фри вновь вскинула на него глаза и улыbnулась.

– Давай сходим на твою выставку. И еще много куда. Хорошо? Пока можем. Пока у нас есть время.

Стеф почувствовал, как внутри потеплело и затрепетало. Снова непривычно. Но бесконечно светло.

– Тогда не будем откладывать.

* * *

После похорон Ханны я чувствовал себя разбитым. Все, чего мне хотелось, – уйти в сон на неделю, забыться. А проснувшись, увидеть, что все в порядке, ничего не изменилось.

Но это были лишь нелепые фантазии. В тот момент я даже не подозревал насколько.

Сразу после Усыпальницы я ушел к Лазарету. Ада как раз вернулась из своего ежегодного осмотра кометами и настаивала на том, чтобы мы все, кто сражался с Греем, каждый день обследовались. Как обычно, я стал искать ее между палат, и все они, к моему удивлению, оказывались пусты. Лишь в последней лежал пациент, о котором я, если честно, забыл.

Вряд ли много кто посещал Тисуса после обращения. Тьму вытащили из его дерева, говорили, что со временем он, возможно, даже сможет прийти в себя. Но пока что протектора держали под строгим надзором и световым барьером, подальше от Паскаля.

Задержавшись на входе, я решил войти. Даже его койка была накрыта мерцающим куполом, только бы не дать Тьме прорваться.

– Кто там? – булькнул Тисус.

Я приблизился. Оба его глаза все еще были черны.

– А... ты...

Голос чуть живой. Кожа местами источала черную гниль, рот разорван, с левой стороны торчали мелкие клыки. На лбу дугой проступала кость.

– Мне сказали, ты поправишься, – выдал я. – Рад, что ты жив.

– Не лги, не унижай себя, – прошелестел он, едва перекатывая слова на языке. – Вы... справились?..

Я рассказал о финальном решении инквизиторов. Тогда же Тисуса начало лихорадить.

– Живы будем... да... Но не Ламия...

– Мы многих потеряли за это время. Грей за все ответит. Он даже тебя подставил, проник к нам через амулет.

Протектор дергано зашевелился. Его голова тяжело повернулась в мою сторону.

– Я хотел узнать правду... блокнот... Ламия раскусила его... она знала... знала.

– Так Грей ее за это убил? Она могла раскрыть его состояние?

– В нагрудном кармане...

Не сразу поняв, чего Тисус от меня хотел, я полез в тумбочку, где все еще лежала его покрытая усохшей гнилью одежда. В кармане кофты нашелся грязный лист, вырванный из блокнота с записями дат и времени. По рукам пробежала дрожь.

– Кто-то в течение года взламывал обнаружение Тьмы в Соларуме? Зачем?

– Она его вычислила... – едва слышно хрипел Тисус. – Давно подозревала... Тот ее опыт со сплитом... Ламия была с ним слишком осторожна, знала, что не из-за сплита сработала тревога... Тогда и поняла... Все пути пересеклись... Трэтмар сервас...

– К чему ты ведешь? – напрягся я.

– Макс! – воскликнула вошедшая Аданная. – К нему нельзя, дай Тисусу отдохнуть!

– Но...

– Придешь на обследование попозже. А пока сходи в техотдел. Тебя искала Кимико.

Это удивило меня сильнее, чем слова Тисуса. Обычно Козерог никого не искала, а наоборот, пыталась от всех отделаться.

Техотдел был обширным кластером помещений, занимавших часть восьмого и девятого этажей. Тут всегда пахло стальной стружкой, паленым, а еще кофе, который литрами глушили местные работники. В техотделе работал десяток адъютов и значились три протектора, одним из которых была Кимико Сано – королева этого серебряного царства.

Я как раз обнаружил ее сидящей за чертежами, с закинутыми на стол ногами. Там же покоилась дюжина давно не мытых кружек. Где-то жужжал сварочный аппарат, но даже так Кимико услышала мои шаги и требовательно повернулась. Она всегда выглядела подобным образом – словно ты не только ей должен, но и достал заранее, до первого слова и даже встречи. Подтянутая коренастая азиатка с черным каре. На голове грязная кепка-восьмиклинка.

– Тебя только за смертью посылать, – бросила она, туша едва закуренную сигарету в забитой пепельнице.

– Это что, такое срочное дело?

– Нет. Подождет до Рождества Христова и Сатурналий. А ты как думаешь, гений?

Я устало вспомнил, почему мы редко общались.

Убрав чертеж в тубус, Кимико откашлялась и направилась к складским полкам возле окна.

– Ну что, всех на этот раз заборол? – без интереса спросила она, роясь в бумагах. – Что ни год, то опять какая-то дрянь. Паскаль еще по этим аннигиляциям загонял... Слушай, Луцем, ты так к нам перевестись не думаешь?

– Да как-то пока нет.

– Чего так? У нас тут условия вполне себе.

– Ты мне при прошлой встрече грозила глаза выжечь.

– Да? Ну, значит, заслужил. Да где же... а, вот куда его закинули.

Она вытащила пачку документов на скрепке и протянула мне. Коснувшись ее пальцев, я увидел в душе улицу, окруженную непроходимыми стенами обугленных домов, тянущихся к небу. В центре кирпичную кладку взрывом прорывали большие искривленные скрипки. Многие смотрелись гротескно и неправильно, струны у большинства надорваны, а с оставшихся срывалась едва слышимая и чуть фальшивая мелодия.

– На, занеси потом кофейка за труд, – хмыкнула Кимико.

– Что это? – оторопел я, пролистывая бумаги.

– А ты не знаешь? Ламия сказала тебе отдать, как машина закончит с переводом. Она втянула меня во все это в день своей смерти.

У меня сердце остановилось.

– Перевод?... Так она отдала вам копию? Почему так долго?

– Много хочешь, это тебе не час работы. Даже месяц для почти мертвого языка, к тому же сплетенного с другими, – уже круто. Мы вообще тут молодцы.

– Да! Да, огромное вам спасибо! – Я смотрел на документы как на чудо, но в то же время ощущал, что ничем хорошим это не кончится. – А оригинал остался?

Кимико отдала мне и его за обещание, что я буду носить ей кофе из ее любимого заведения в Нидерландах целый месяц. Стоило мне запереться в комнате, погрузившись в чтение и работу, как я понял, что не хочу открывать для себя эту дверь – ведь все уже позади, какая разница? Ламия умерла, Шакара тоже, Грей пойман.

Мне стоило отпустить. Но я продолжил, зарылся там на часы. И с каждым новым становилось только хуже.

Выложив рядом оригинал, а также перевод Ламии и Дана, я стал сравнивать версии.

Там были расхождения. Они просто противоречили друг другу.

Я погружался в «Индивидуума», вычитывал новые факты и уже вскоре пришел к выводу, бьющему в самое больное место. Описываемые Шакарой факты об Индивидууме в переводе из техотдела шли вразрез с природой Грея, которую мы наблюдали вживую.

Сначала я посчитал машинный перевод ошибкой, ведь видел, когда проверял, – облака на той планете зеленые. Они должны были быть такими. Я в отчаянии отрицал все до последнего, пока не вспомнил описание Гесцила. Не просто облака, а плотные тучи. Я специально перепроверил с нужным уточнением и увидел, как те, закрыв все чуждое небо, меняли цвет с зеленого на более темный, с отливом морской волны.

– Нет-нет-нет, – шептал я.

«Вознесение» – этот опыт упоминался в документах. Шакара проводила его ровно один раз. Не на Грее. Лишь когда поймала меня. Все сводилось к нему.

«Вознесение», ошибки перевода, целый год кто-то обманывал охранные системы.

Трэтмар сервас...

Как только последний кусочек пазла встал на место, меня пронзило. Комната словно наполнилась водой, в ушах остался тонкий

комариный звон.

Нет...

* * *

Я знал, где найду его. Там он раньше прыгал с плиты Соларума вниз. Теперь же Дан, открыв урну с прахом Ханны, развеял его по ветру над Землей.

– Она не хотела оставаться в Усыпальнице, – поведал мне протектор бесцветным голосом, пока ветер трепал его одежду. – Там нет солнца, один свечной дым. Ни воды, ни растений.

Хотел бы я сказать ему, как мне жаль, но такое всегда кажется глупым и пустым. Общее горе не опишешь словами, а личное горе – тем более.

Он поставил урну возле каменной стелы и убито взглянул на руку с отметками сопряжения.

– Как будто половина меня исчезла. Там глухо и никого нет. Ханна ушла вперед. Но однажды я вновь ее найду. На любом из дальнейших путей.

И сразу же уставился вниз. В бездну.

– Сейчас мой последний шанс оставить все как есть. Один шаг в пустоту.

Мне требовалось дать ему пережить горе. Я должен был помочь другу.

Должен был помочь еще давно.

Но я не увидел.

– Я тебя оставил.

Дан повернулся ко мне. Повязки ему, похоже, давно не меняли, на них местами темнели бурые пятна. Оставшийся бирюзовый глаз едва ли что-то выражал.

– Прости, – вырвалось у меня. – Тебе была нужна помощь.

– Никто в этом не виноват. С самого начала. Просто множество мелких ошибок, допущенных разными людьми. Цепь событий. Последствия. Я пытался исправить их как мог.

Он медленно подошел, встал в каком-то метре, глядя на озеро.

Собравшись с духом, я сказал:

– Грей – не Индивидуум. В работах Шакары описывалось два опыта, которые она начала после возвращения Антареса за небеса. Шакара называла Грея Лазарем. Другой опыт. Второй, менее важный, по ее мнению, чем Индивидуум. Его покалечил Гортрас, он умирал... Ты в переводе местами менял его на Индивидуума, чтобы мы решили, что описанные Шакарой характеристики принадлежат исключительно Грею, а не кому-то еще. Я думал, что это опечатки в твоём переводе. Хотел думать.

Он молчал.

– Трэтмар сервас. Дан, это не «смиранные глаза».

– Я знаю, – кивнул протектор. – «Трэтмар» имеет несколько значений.

– И одно из них – «голубой с зеленым оттенком». Как бирюза.

Ветер налетел с удвоенной силой, позади страшно заскрежетали стволы редких деревьев. Я обернулся к ним всего на миг.

Дан сделал точный выпад ножом в бок. Внутри с болью раздался мерзкий хруст. Из меня вырвался вопль, затерявшийся в ветре. Ноги подкосились и больше не слушались, в глазах рябило. Я тяжело рухнул, вообще мало что соображая и стискивая траву меж пальцев, не понимая, почему она в крови.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – твердил Дан. – Правда не хотел, я бы все отдал, чтобы оно пошло иначе.

Он судорожно внимал моим хрипам.

– Ты не умрешь. Звезды не погибают от ран, нанесенных мерцающим серебром. Мне сказали, что манипуляция в ноже тебя просто обездвижит на достаточное время. Я бы никогда не причинил тебе смертельного вреда. Просто так ты не сможешь помешать мне.

Я поднял на него испуганный взор, практически не различая образы.

– Я знаю, кто ты, – сказал Дан со сталью в голосе, звенящей от горечи. – Почему, Макс? Почему я узнаю это не от тебя, а от темного посла, который должен быть мне врагом? И ведь Фри, Стеф, да даже Сара – все они знали! Почему я единственный, кто не заслужил доверия?

Я едва мог привстать на локтях. Даже это огнем отдавалось во всем теле.

– Индивидуум – не Грей... Индивидуум – то, что получилось из «Вознесения». – Я стиснул челюсти от новой пламенной волны в ребрах. – Это ты.

Протектор попятился, точно я нанес ему удар.

– Почему ты не пошел к нам?..

– Потому что вы меня оставили! – в отчаянии ошетинился он. – Вы не видели, что со мной происходит, всем было плевать! Все то время, что я мучился! Когда тело ломало, кромсало на куски! И после, когда эта дрянь постоянно из меня вырывалась! – Дан изо всех сил сжал кулаки. С лезвия ножа до сих пор капала кровь. – Вы бы сочли меня за монстра и уничтожили. Я не хотел такой смерти. Я... – Он сорвался и заорал: – Я столько сделал для Света! Для приземленных, для всех вас! Разве я заслужил такое?! Сдохнуть как чудовище! Запомниться только этим! Я не мог!..

– Мы бы...

– Нет! Нет, Макс, вы бы не помогли мне! Никогда бы не смогли, потому что это место не помогает таким, как я, оно их уничтожает, не признаёт, считает главными врагами, которых стоит убивать еще на подступах! Тебя чуть не убили только за то, что ты был сплитом! А я!.. Я... – Он задыхался и в безысходности оскалился, схватившись рукой за волосы. – Я до конца верил, что могу все исправить. Шакара обещала, когда пришла ко мне, предлагая помощь. Надо было сразу понять, что она продолжит опыт. Но что мне еще оставалось?! Даже после ее смерти мне казалось, что я смогу. Все наладится. Что вы поможете мне. Я так надеялся...

Дан сморгнул, и я увидел в его глазу отблеск горячей манипуляции, стоящей прямо на душе.

– Я так устал прятаться, – выдохнул он дрожащим голосом. – Не знаю, как ты это выдерживаешь.

От его руки отделилось несколько меток, тогда же сломалась и манипуляция. Пятна на повязке стали золотыми. Я потрясенно взирал на изменившийся облик друга. Кожа посерела, как бледный пепел, волосы поседели, а подняв веко, Дан с болью уставился на меня золотым глазом с черным белком.

– Вселенная наказала меня. Я верил до последнего, а она сыграла со мной такую шутку. Отобрала у меня Ханну, травмировала. Нам всё воздается по заслугам. И я никогда не был исключением.

Я пытался подползти к нему, чувствуя разгорающийся гнев.

– Ты выбрал Шакару вместо нас...

– Протекторы бы меня убили. Ты знаешь Паскаля и других. Им было бы плевать на...

– И поэтому ты убил Ламию?!

Он замер.

– Ее не должно было быть там. Все должно было пойти иначе... Грей начал меня шантажировать, заставил притащить амулет на склад, чтобы переместиться туда. А она появилась там... Это все ошибка.

– И Нерман ты тоже убил? – сплюнул я. – Аннигиляция в Монсисе... Ее смерть оправдала бы пропажу метки... у дэларов их не бывает...

– Нет. Грей сделал это без моего ведома. Он посчитал, что такое решение по объяснению пропажи метки меня «подбодрит». Хотел вознаградить за то, что я выброю черни покалечил Шакару и дал ему свободу.

Он отвернулся и подошел к самому краю.

– Я стал таким из-за тебя. Потому что, как всегда, хотел помочь. И сделал бы это еще раз, не задумавшись. Мне жаль. Мне так жаль. Максимус, если ты...

Я сильнее вцепился в траву, вырывая ее клоками из земли. Она сгорала от светозарного огня. Меня жгло изнутри, я с натугой пытался добраться до Дана.

– Нет, – с тихим гневом выпалил я. – Ты, мать твою, ошибся. Не все заслуживают понимания и прощения. После всего того, что ты сделал... Дан... – Я, кряхтя, пододвинулся еще ближе. Руки раскалились голубым светом, лицо горело. – Ты должен был рассказать. О себе. О Грее. Ты сделал неправильный выбор, и даже смерть Ханны – твоя вина.

– Я знаю, – глухо отозвался он. – И мне придется с этим жить.

– Жить?! И как ты это видишь?

– Ранорий Незабвенный предложил мне протекцию. Я отправляюсь к нему. Здесь мне больше нет места.

Дан оглянулся. Столько горя в нем не чувствовалось даже на похоронах Ханны.

– Ранорий всегда знал, кто я. С самого начала ему было понятно, что все закончится именно так, но он давал мне выбор до последнего,

пока его не осталось.

– Ты предал всех нас. Ты жить не заслуживаешь.

– Я пытался умереть. Но, видимо, Вселенная все еще имеет на меня планы. Если я просто умру, то это обесценит отнятые мною жизни. Я не хочу погибать никем. Не стану очередным сломанным звеном в цепи. Ранорий даст мне иную судьбу. Там... Там я буду хоть кем-то. И, возможно, смогу все исправить. Я родился человеком. Но человеком погибать не обязан.

Он выудил из кармана механизм, подобный карманным часам. Такой же был и у Габииума. Дан щелкнул, раздалось тиканье. Вдохнув поглубже, он с тоской обернулся к башням Соларума и смиренно произнес:

– Вот и все, да? В последний раз. Знаю, что ты этого не сделаешь, но... но скажи всем, что я ценил каждую секунду, проведенную с ними. Как бы плохо ни было. Все эти годы... были светлейшими в моей жизни. И других у меня не будет. Спасибо, что вы стали частью моей души. Спасибо, что был моим другом, Максимус.

– Дан! – заорал я, но было поздно.

Он исчез под вой ветра. Я тяжело дышал от боли и досады, глядя на угасающий в руках огонь, и просто сдался, упав лицом в холодную траву.

Глава LI

Исход всех минувших эр

Бетельгейзе подпирала голову ладонью и смотрела на проекционные листы, которые закрывали всю поверхность ее стола, имевшего форму полумесяца. Глядела на них, но не трогала – и делала это с таким удрученным видом, будто любой мог вспыхнуть от одного касания. В голове ворочались мысли настолько тяжелые, что они могли бы обзавестись собственной гравитацией. Развернувшийся перед ней информационный хаос намертво затягивал, глуша секретарей на фоне. Они будто находились даже не в этой реальности.

– Сообщения приходят отовсюду, – чуть взволнованно вещал один. – Из областей с первого по седьмое Мировые кольца, отдаленных провинций, даже из предельных префектур доходят сигналы, хоть и с задержкой. Пока мы отвлеклись на Лучезарную крепость и конфликт в префектуре Баура...

Бетельгейзе откинулась на спинку кресла, взгляд все еще был прикован к документам. Тогда же слово взял Паутерлис – Третий паладин, единственный, кто лично пришел к ней выразить беспокойство. Внушительный и сияющий благородством, но такой бесконечно усталый, он стоял перед Бетельгейзе, как несгибаемое под гнетом ветра дерево.

– Префекты и Имперумы пострадавших пространств пытаются мобилизовать войска для обороны.

– Пытаются, – хмуро подтвердила Бетельгейзе.

Ее рука все-таки сдвинула один из листов.

– Монархи из Бездомных сфер и оптимы Лоскутного края и Многоликого океана более своенравны. Они же исключения в Армии Света. – Лицо ее ожесточилось. – Я всегда говорила, что нужно зачищать и адаптировать все, что выбивается из общей системы правления. Это сеет раздор среди нас во время наступления врага. Мы позволили им иметь войска, которые, повинуюсь какому-то мелкому местному правителю, могут ослушаться приказа Магистрата.

– Они ослушались Магистрата, потому что тот призывает к бездействию, а эти мелкие правители хотят сохранить свои земли, –

напомнил ей Паутерлис с излишней строгостью. Он нахмурился, отчего паутина тонких морщин на его лице стала лишь заметнее, напоминая о тяготах и невероятном количестве прожитого времени. – А это и земли Света тоже.

– Я знаю. – Она поморщилась, с болью признавая и принимая действительность. – Что... что говорят в народе?

– Недоумевают, так мне доложили секретари. Души шепчутся там и тут. Здесь, в центральном кластере префектур, плохо видно происходящее во внешних кольцах, в Верхней и Нижней полусфере, но они знают. В последних сводках «Путеводного гласа» Велрик ад Карштай снова глумится над молчанием правящей верхушки. Говорит, что все были поражены возвращением Антареса – чем-то, что для многих новых поколений уже стало мифом, равноценным чудесам и победе. Теперь, когда темные начали массивное наступление, все стоят с открытыми ртами в ожидании тех самых чудес. А в них летит лишь пепел. – Он пожал плечами. – Где-то там же была потешная карикатурка на закрытых от народа Паладинов. Но вы, Бетельгейзе, вышли чудесно.

При всем желании Бетельгейзе не смогла скрыть сквозящего презрения, хоть очень старалась.

– Вы могли бы намекнуть «Гласу» и прочим изданиям... – осторожно начал было второй секретарь.

– Мы не будем усиливать цензуру и душить новостных вестников, – сразу отрезала она. – Каждый раз, когда это начинается, остановиться невозможно. И это первый шаг, сигнал, что в обществе не все в порядке. Вы, Паутерлис, можете это подтвердить, ведь помните, как это было при Верховных, сменивших Антареса. В какой мрак все погрузи-лось.

– Я помню. Как и некоторые из времен до прихода Антареса. Впрочем, Магистрат, правящие палаты и иные Паладины могут иметь другое мнение.

– Запрет слова – первая искра в пламени краха империи.

– Только мы не империя, Бетельгейзе. Мы – Армия.

Бетельгейзе спокойно принимала давление Паутерлиса, питая к великому эквилибруму огромное уважение и зная, что оно было взаимным. Потому-то он и пришел к ней, старейший из всех Паладинов.

Она запустила руку в карман, ощущая там два холодных стальных диска, маленьких и легких, но казалось, под их весом проломилась бы земная твердь. Темное гадкое чувство скользнуло в душу Бетельгейзе, настойчивый голос Паутерлиса словно бы отдалялся.

– Я уже видел это, светлейшая. Когда все очевидно катится в бездну, а души шепчутся все сильнее...

– Они могут нагнетать, – вступился первый секретарь, неожиданно осмелев.

– Это паттерн, – опроверг его Паладин. – Каждый раз оно происходит одинаково. Так же пришла и Слепая война, которой я, к сожалению, был свидетелем.

Бетельгейзе сильнее сжала стальные диски.

– Тогда вы знаете, что если Вселенная уготовила нам новую Великую войну, то избежать ее невозможно. Только принять и жить с ней столько, сколько ей потребуется.

При упоминании страшной связки слов «великая» и «война» секретари с тревогой стихли. Вероятно, молились Вселенной, одной из первородных меток или еще чему, что было одобрено Светлой армией. Паутерлис же остался тверд и постучал пальцами по листам на столе Бетельгейзе.

– У нас есть Антарес. Простые души правы, как правы и эзотерики со сказителями горизонтов, как и каждый, кто с почтением или страхом относится к нашему Верховному. Правы и наглые вестники. Антарес Непогасимый – символ и чудо. Он – миф о победе и торжестве Света, миф, каким была наша Армия в его правлении, последний ее взлет перед последующим стабильным падением в темную бездну мрака и разобщенности. Сейчас мы на грани коллапса и, не приведи Свет, новой Великой войны. И именно в этот самый момент Антарес Непогасимый воскрес, после того как считался мертвым ужасающе долгое время. Он действительно сказка, история и легенда, воскресший из небытия, победоносный символ. И сейчас он не реагирует ни на что.

– Я знаю, – хмуро ответила ему Бетельгейзе, отворачиваясь к окну.

– Тогда вы должны выяснить, почему Антарес бездействует. Вы – его геном, его кровь. Я не сведущ в делах генумов, но что-то это же должно значить?

Диски с болью впились в кожу Бетельгейзе.

Вскоре она отправила запрос на встречу с Антаресом и меньше всего ожидала получить столь быстрый ответ от его секретарей, к тому же срок стоял лишь через половину цебера. Обычно все тянулось намного дольше ввиду занятости Верховного, чьего появления с уверенностью можно было ожидать лишь на самых важных заседаниях, среди прочих должностных и высокопоставленных лиц. О беседе один на один речи почти и быть не могло.

И тем не менее Бетельгейзе ее получила, прямо у Верховного дома.

В жилище Антареса ее встретил бездушный ассист. Внутри было темно, едва горели слабые лампы, да и то казалось, что оставлены они случайно. Бетельгейзе медленно ступала, настороженно осматривая холодное пространство, остановившись лишь перед входом в залу, откуда пылью пробивалось слабое мерцание. Его создавала бледная проекция карты Вселенной. Внутри – центральный кластер префектур, или, как его звали в народе еще с эры Зарождения, Прималис. Его опоясывали семь толстых внешних Мировых колец-слоев, носивших имена мифических колоссов, а на самом краю всей монументальной сферы – корка из рассыпающихся предельных префектур, разрываемых пустотой, находившихся так далеко, что свет их нынешних звезд никогда бы и ни за какое время не достиг Люксоруса. Шар делился на Верхнюю и Нижнюю полусферы относительно Великого Центрама и находящихся в нем Армилярных плит. Карту испещряли кольца контуров и делений, огромное множество швов, которыми пространство точно насильно было стянуто для ориентирования. Масштаб был малым, и все равно изображение разросло от пола до потолка.

Бетельгейзе сразу отметила легкое захламление: накопители, инфоры и проекционные листы неряшливо раскинуты по столам и полу, по любым поверхностям, даже удивительно, что ассисты их не собрали. Видимо, их отсюда прогоняли. Антарес сидел на кушетке и сгорбившись разглядывал карту Вселенной. Бетельгейзе вдруг обнаружила ясное сходство между ним и ее отцом, Яронесом: такая же сосредоточенная тяжесть и отвлеченность, попытка осмыслить все проблемы разом, а взгляд такой, словно мыслями он находился далеко-далеко отсюда. Впрочем, в Антаресе было больше отсутствия и даже

тоски и не имелось жесткости, которой изобиловал Яаронес. Бетельгейзе вновь тронули беспокойные мысли, что подобное отражалось на всей Анимере, а значит, и на ней самой.

– Через три зома я должен быть на собрании Магистрата по вопросу Лучезарной крепости, – ровно произнес он, так и не подняв взгляда на пришедшую. – Затем я отбываю в Мавру к Скорбному пределу, чтобы обсудить с местным префектом последствия вторжения темных. А потом – дальше. Не имею понятия, когда вновь окажусь свободен, а потому, к сожалению, не могу выделить тебе много времени.

Прозвучало слегка виновато; впрочем, по виду Антареса сказать, что он и в самом деле сожалеет, было нельзя.

– Спасибо, что согласился принять, – кивнула Бетельгейзе.

И прежде чем она успела начать разговор, ради которого пришла, Антарес спросил:

– Я слышал о недавнем случае в Роштамме. Что там произошло?

Тратить и без того малое время на обсуждение дел предельной умирающей префектуры было преступным расточительством, но Бетельгейзе решила уступить интересу Антареса, чтобы расположить его к беседе.

– До нас пока мало что дошло. Говорят, Эквилибрис в Роштамме нарушился на семьдесят процентов в пользу Тьмы. Нам до сих пор неизвестно, откуда взялся столь огромный массив темного эфира в той бедной на материю префектуре. Люминарная стража изучает вопрос.

– Там же был Зербраг, верно?

– Верно.

– И?..

Бетельгейзе бросило в холод, когда она столкнулась с возвратившимся Вторым паладином. Ее обеспокоил даже не протез, из-за которого Зербраг тяжело и с глухим лязганьем хромал, а само состояние звезды. Она никогда в жизни не видела его таким, ей достаточно было поймать его взгляд, чтобы понять: он утратил контроль.

И это встревожило даже Бетельгейзе.

До нее дошли слухи, что случившееся ударило по рассудку Зербрага и он сжег фактотума. Многие знали о его специфическом видении справедливости и наказаниях за проступки в подконтрольных

ему войсках, но то другое, там это разрешалось древними законами. Если ты дал клятву своему главнокомандующему, объявил его своим Доминумом – то делать нечего. Но непотребное отношение к фактотумам и тем более их убийство карались. Дисциплинарное собрание не могло обойти даже Паладина, хотя Бетельгейзе с раздражением понимала, что Зербрагу удастся выскользнуть и здесь. Его последователи до сих пор встречались в любом из слоев Светлой армии.

– Пока его сложно разговорить, – лаконично прояснила Бетельгейзе. – Но он обязательно расскажет нам все, что там видел.

– Хорошо. А что насчет Терры?

– Терры?.. – Звезда даже не сразу поняла, о чем речь. – Ты о Зеленом море?

Сначала ей показался странным интерес Антареса в отношении мелкой населенной планеты, пускай и пережившей настоящую катастрофу, но тут она вспомнила, что именно оттуда Антарес вернулся после стольких Генезисов забвения.

– Я виделась с Альдебараном наом назад, он отчитался, что обстановка на ней обнадеживающая.

– Обнадеживающая, значит, темный инженерный корпус и вправду справился?

Удивительной была его осведомленность в такие кратчайшие сроки.

– Да. Это, разумеется, удар по стороне Света, но планете, насколько мне известно, ничего не угрожает. Хотя корпус инквизиторов все равно объявил карантин на талидон, а потому эквилибрумы временно были вынуждены покинуть пределы планеты. Любое их пребывание на Терре, за исключением прямых приказов Армии, незаконно. За самой планетой будет вестись пристальное и постоянное наблюдение.

– И с приземленными все будет в порядке?

– Да. Должно быть.

– Отлично. Хорошие новости.

Бетельгейзе с сомнением косилась на него из-за столь странной реакции и даже... облегчения? Она погладила шрамы на левой кисти, решаясь больше не тянуть.

– Антарес, что ты собираешься делать дальше?

– С чем именно?

– С темной агрессией. Светлая армия прекратила отвечать на их провокации. Все думают, что это стратегия Магистрата и Паладинов, но я не смогу долго притворяться. Приказ шел от тебя. Лишь защищаться, но не контратаковать. Но ты не можешь не понимать, что мы на грани Великой войны! Эфиры не в балансе. Они сеют Тьму, мы же не перебиваем ее Светом. Это происходило так долго, в самых разных частях космоса, и никто не замечал, как запущен процесс, пока оно не стало очевидным для всех. – Она старалась отбросить гадкие видения, но не могла: все увиденное на полях битв за долгие Генезисы стояло перед глазами. – Мы на грани слома Эквilibриса, Антарес. Я не верю злым языкам, которые утверждают, что все происходит из-за тебя, – не выйдет создать такого разрушения за те несколько эллеров, которые ты вновь с нами. Здесь требовались эпохи...

– Эпохи упадка, которые последовали за моим исчезновением, – отсутствующе подтвердил Антарес. – Слабые Верховные, и все – по разным причинам. Нерешительность Паладинов и Магистрата. Попытки подавлять свободу слова и глупые законы. Я давно ознакомился со всем произошедшим в мое отсутствие. И теперь мы стоим здесь – на краю обрыва, в финале, когда дальше некуда бежать и остается лишь пожинать плоды ошибок.

Он медленно поднялся, обошел сияющую сферу, так и не оторвав от нее взгляда. Бетельгейзе вдруг сильно возмутило его отсутствующее спокойствие.

– Вот. – Она резко протянула ему диски.

Антарес перенял их, хмуро разглядывая черный и белый кружки, перечеркнутые зелеными трещинами. Пока Антарес отвлекся, Бетельгейзе отошла к окну и чуть отстранила шторы, почти полностью скрывавшие свет. Далекие алые лучи Баэрдоды упали в мрачную комнату.

– Это прислали адепты меток Света и Тьмы, прямо из Храмов Ордума и Верума. Остальные одиннадцать еще молчат, и, слава Свету, молчит Храм Силентиума, но все уже говорит само за себя. Великая война не приходит неожиданно. Великая война – это повсеместный и долговременный слом Эквilibриса в каждой части Вселенной. Он ощущается на всех уровнях реальности и материи, Храмы это чувствуют задолго до простых душ. Только этим и могло закончиться

после всех эпох тихого угасания Света. Великие войны приходят не чаще, чем раз в эру, и перемалывают Армии и территории, сам уклад жизни. После них все меняется, как прежде ничего не будет. – Бетельгейзе ожесточенно обернулась к Антаресу. – Мы обязаны это остановить. Ты вернулся в этот Генезис, в этот момент, чтобы предотвратить страшное. Свет обязан вновь разгореться, как в те времена, когда ты был Верховным, до Битвы за Люксорус.

Она пылала, верила всей душой. Бетельгейзе не была свидетельницей Великих войн, что накатывали на Вселенную страшными волнами, поглощающими бессчетное число душ. За двадцать восемь эр Бесконечной войны Света и Тьмы Великие войны случались пятнадцать раз. В хоть сколько-то стабильном мире не оставалась ни одна префектура.

Пространство трещало везде, и латали его пролитой кровью.

Но Великие войны, как и войны поменьше, короткими вспышками разгорающиеся там и тут на карте космической вечности, являлись лишь следствием. Корень зла же был в долгом и плановом нарушении Эквilibриса.

Война – главный уравниватель, лезвием косящий излишки эфира там, где в мирное время с этой задачей не справились Армии.

Чтобы этого не случилось, требовалось делать свой ход, принимать удары от вражеской стороны и вовремя отвечать им равноценным выпадом. Ход за ходом, ход за ходом, по спирали в бесконечность времен, так творилась жизнь в горниле вселенского порядка.

Проблема была лишь в том, что Тьма сделала свой ход, много ходов, и каждый из них в красках был описан в документах, градом заваливших стол Бетельгейзе, кричавших и подающих исступленные сигналы. А Свет не отвечал, усугубляя положение, оттягивая тетиву конфликта все сильнее.

И, как точно отмечали смелые вестники в своих сводках и эквilibрумы во власти, тихо переговариваясь за закрытыми дверьми, острее всего это началось с возвращения Антареса. Он просто не реагировал на провокации, делая катастрофу все очевиднее и реальнее даже для самых непрозорливых масс общества.

Но все продолжали верить в него. И ждали чуда.

– Так что ты намерен делать? – повторила вопрос Бетельгейзе, прямо смотря на Верховного.

Он сжал диски в кулак.

– Свет возвысится, – тихо заверил Антарес. – Это я могу тебе обещать.

– Здесь недостаточно обещаний. Антарес, мир уже давно не тот, каким ты его покинул. Души напуганы и встревожены, они жили в упадке целую эру после тебя, они пропитались страхом и готовы вспыхнуть от одного неверного действия! Они знают, что страшное приближается, оно катилось к нам целыми Генезисами и магнориумами. – Она заставила себя говорить тверже. – И, если ты этого не остановишь, никто не остановит. Антарес, почему ты закрылся от своего народа?

Он перевел пронзительный взор на Бетельгейзе, заставив ее на миг пожалеть об этом. Паладина физически придавило к земле.

– Скажи, что ты видишь? – спросил он, кивая на шар.

– Карту территорий Тьмы и Света.

Смахнув пару символов, витающих по экватору шара, Антарес уничтожил все определения и контуры. Ни одного символа. Космос в чистейшем проявлении.

– А теперь?

Он выжидающе перебирал диски в руке, их лязг стал единственным звуком, оглушительно заполнявшим воздух. Задержав на Верховном подозрительный взор, Бетельгейзе подошла ближе, долго рассматривала безмерное пространство, сжатое в ужасающе плотный шар. Она все смотрела и смотрела, пытаясь выцепить подвох.

– Этого не увидеть с нашего положения, – подсказал Антарес. – Только в таком масштабе.

– Вселенная как она есть.

– Да. И посмотри, в каком она состоянии.

Бетельгейзе ожесточенно повернулась к нему.

– Какое это вообще имеет дело к надвигающейся войне?

– Прямое.

Он указал на карту и произнес с внезапным жаром:

– Посмотри на материю. Смотри!

Но Бетельгейзе в упор не понимала, что так беспокоило Антареса, ведь Вселенная не меняла своего облика целыми эрами. И все же...

она знала, что изменения постоянны, хоть и малозаметны.

– Что происходит с материей? – прямо спросил Верховный.

– Раньше ее было больше.

Молчание Антареса казалось проникновенным, как холод некрополя. Всю меланхолию смыло, он сверлил Бетельгейзе глазами, словно пытаясь прорваться к ее душе. А она осматривала целый мир. Материя во Вселенной представляла из себя сеть – огромную, разветвленную, нити тянулись к узлам, а из них вырывались другие. Говорили, раньше Вселенная выглядела иначе, плотнее. До того как появились войдовые разрывы, пустота в материи. Именно ее пятна бессчетным числом брызг самых разных размеров расширили Вселенную, придавая ей вид сети.

– Материя разобщается. – Антарес обошел шар и встал по другую его сторону. – Это древний процесс, и все мы о нем ведаем. Вселенная неминуемо расширяется, вдавливаясь в Пустотный предел на самых границах, радиус которого, если верить Юниверсариуму, когда-то был намного больше. Мы окружены его сферой, при приближении к которому самые малые элементарные частицы аннигилируются. Расширение происходит из-за Обливиона. Он не только окружает нас – он опухолями возникает внутри. Зеленый мор все чаще зарождается на населенных приземленными планетах, пустота появляется одновременно везде, в каждой части Вселенной, где-то быстрее, где-то медленнее, отдаляя материю друг от друга, разнося системы, галактики и целые префектуры все дальше и дальше. Бытие расплзается во все стороны, пока все однажды не разлетится в пыль.

Бетельгейзе отмахнулась от недоброго чувства, каждый раз накрывающего ее при обсуждении теории Принципиума и Вечного забвения Вселенной.

– Все должно умирать, – сказала она. – И ничто не должно пребывать в стазисе. Попытки сохранить Вселенную в стабильности даже теоретически повлекли бы ее крах.

– Должно умирать. Но не обязано так быстро и именно сейчас.

Шар внезапно исчез, Бетельгейзе и Антарес смотрели прямо друг на друга. Он вновь укутался в скорбный вид, тяжкий и смиренный.

– Вселенная была на своем пике в пятнадцатой эре. С тех самых пор мы наблюдаем за ее медленным и неотвратимым умиранием. Это тяжело признать, но ты права: все конечно. И тем не менее она может

прожить еще очень, очень долго, жить после нас, после всего, что мы создали. Если мы постараемся сохранить оставшееся. Но Великие войны уничтожают значительную часть материи, и раз за разом все больше.

С каждым словом, набирающим силу, Антарес все очевиднее становился для Бетельгейзе тем самым символом и мифом, в котором нуждалась Армия Света.

– Я знаю, что все надеются на мои силы. И сам верю, что они были даны мне для спасения Света, иначе не могло и быть. Но вместе с тем я знаю, что мы не перенесем новой Великой войны.

– Ты поэтому приказал не отвечать на атаки Тьмы?! – всплеснула руками Бетельгейзе. – Предлагаешь совсем не воевать с Темной армией? Это лишь скорее уничтожит Эквilibрис! *Они* нас уничтожат!

Его недолгое молчание насторожило ее, в комнату будто задул морозный ветер.

– Скажи, Бетельгейзе, ты мне веришь?

Раньше Бетельгейзе даже представить бы не смогла, что окажется здесь, разговаривая с Антаресом, смерть которого никогда до конца не признавала и была готова отдать собственную душу, только бы вернуть его ради всеобщего блага.

Ради этого Бетельгейзе смотрела в бездну Обливиона.

– Я верю тебе настолько, что, если ты скажешь мне идти в пустоту, потому что там нас ждет Утопиум и вечные реки дурмана, – я пойду.

Впервые с их встречи его губы тронула едва заметная улыбка.

– Спасибо. Я благодарен судьбе, что мы связаны кровью. Без тебя все это бы смотрелось куда сложнее. – Антарес вряд ли заметил, как округлились ее глаза. – Тогда я попрошу тебя поверить мне еще немного. Все, что я делаю, – на благо не столько Армии Света, но его народа. Я не допущу новой Великой войны, что может стать последней. Но здесь, на самом сломе Эквilibриса, нас ждет исход всех минувших эр.

Глава ЛII

Больше никогда

«Я посвятил всю свою жизнь Свету и не знаю, заслуживаю ли ее теперь. Но иногда мне кажется, что я всегда оставался во мраке. Том самом, из которого не смог выбраться в детстве. Возможно, он настиг меня, обратил все, что было для меня ценно, в пыль. То, кем я был, что делал, каждая жертва – все это теперь не важно, верно? Все перечеркнуто. Хотел бы я иметь смелость покончить со всем, но подобная смерть тоже не выход. Мне нужно найти способ умереть героем в глазах друзей. Я должен погибнуть за Свет. Это единственный шанс, при котором моя жизнь будет хоть чего-то стоить. Мелко и жалко – но за ту сторону, за которую я всегда воевал вместе с остальными. За сторону, которая важна им. Не так страшна смерть, как правда, способная открыться протекторам. Это все ведь не моя вина. Они увидят во мне монстра. Я так боюсь обнаружить ненависть в их глазах. Но даже если Ханна нашла в себе силы простить такого, как я, вероятно, они найдутся и у меня? Перед самым концом. Я больше не вынесу этого. Оно съедает меня изнутри. Нет, не мрак меня уничтожил. Я сам себя убил. В тот самый момент, когда из собственной гордыни и отчаяния решил, что стать прежним еще возможно. Во что бы то ни стало. Словно бы исцеление оправдало кровь на моих руках. Я правда стал чудовищем. Что же я делаю? Свет, почему ты от меня отвернулся...»

Это были записи, обнаруженные в комнате Дана. Не прощальная записка – скорее, оправдание перед тем, кем он был и кого потерял. Множество записок вырисовывали вопль отчаяния. Вопль, обращенный в пустоту.

С его ухода прошло две недели.

Мы были ровно на том же месте, где Дан развеял прах Ханны.

– Дан стал таким, потому что спас меня. Еще давно, когда нас схватили падшие на их базе. Шакара пыталась провести надо мной операцию «Вознесение», хотела увидеть, что произойдет, соедини она эссенцию звезды и дэлага в одном теле. Те части души, что определяют расовые различия производимого эфира. Теперь я это

знаю благодаря ее документам. Дан тогда вытащил меня в последнюю секунду, но, как оказалось, подставился сам. И его душа стала видоизменяться под дэлар. Тогда к нему пришла Шакара и предложила помощь. Судя по ее последним записям, вот-вот должно было завершиться полное обращение. Возможно, в битве с Ранорием Дан истратил последний запас Света. Он теперь не наполовину эквилибрум, а целиком дэлар. В этом его уникальность. Шакара предрекала, что он потеряет кровное оружие, квинтэссенцию, метку. В конце концов – себя. Дан, как и я, мучился, когда перевоплощался. Проходил через те же стадии, но большее. Я не видел этого, потому что сам был не в состоянии, а другие думали, что Дана ссылают из Соларума за проколы или что он в долгом накопленном отпуске. А он был у падших, обращался. Дан доверился Шакаре из отчаяния. Боялся, что мы всё узнаем. Дан так страшился пасть в наших глазах, что пал сам. Приземленный, ставший полноценным дэларом. Венец творения Шакары. Он пытался продолжать жить нормально, убеждал себя, что есть шанс спастись, – стоит только следовать советам падших. Шакара поставила ему манипуляцию на душу, чтобы мы ничего не заметили. Ему пришлось обманом делать себя невидимым для Соларума. Хотя всего одной ошибки хватило, чтобы Ламия заметила и начала копать. Ламия никогда не ошибалась. Она бы не допустила неправильного содержания сплита. А Дан, похоже, на какой-то момент потерял контроль в Соларуме. Он зашел так далеко, что просто не мог остановиться. Признание поражения значило бы, что смерти друзей были напрасными. Пострадали не только Ламия и Нерман. Он также понимал, что Тисус вышел на его след, потому хотел заставить его замолчать. – Я перевел дух. – И только сейчас мне стало понятно: Шакара хотела передать документы именно мне, потому что я был там, на «Вознесении». Вместе с ним. Она постоянно говорила, что он помог мне. Твердила об ошибке. Он же был моим другом. По ее мнению, я был обязан догадаться.

Я больше не знал, что добавить. Слова казались бессмысленными. У меня не было сил ни на что с того дня. Я до сих пор даже ходить мог с трудом, только с костылем – мышцы будто задеревенели и плохо слушались. Аданная грозила еще месяцем на восстановление перелома ребер и очищение после пакостной манипуляции, но Сириус давал надежду на пару недель за счет звездной регенерации.

Сара привела меня сюда. Сказала, что постоянно торчать в душевной комнате вредно. Теперь она сидела у самого края обрыва и рвала траву.

– А Грей? Как он смог обратиться в такое чудище?

– В записях говорится лишь, что Шакара, спасая его от смерти, разделила осколки. Опыт, подобный тому, что она сделала с Тисусом, только лучше. Так Грей стал неуязвимым. Но она не думала про Зеленый мор и тем более Обливион. В ее записях вообще нет ничего про это.

– Начал проявлять все это после ее слома?

– Похоже. Я так и не понял, кто свел ее с ума – Дан или Грей. И вряд ли мы теперь что-то узнаем после обнуления. – Я нахмурился. – И все-таки это было ошибкой. Никто его не примет. Все Грея ненавидят.

– Пусть, – слегка ожесточилась она.

Я не стал переубеждать ее дальше. А какой смысл? Грея уже обнулили. Совершенно новый человек. На словах. А на деле я не мог видеть в нем никого другого, кроме жалкой уродливой твари.

– Возле Древа я не смогла ничем помочь. – Сара все развивала старую тему. – Возможно, мне бы удалось спасти Ханну. Я слышала, как Дан говорил с тобой в оружейной. Он хотел признаться в том, что с ним стало. Будь Ханна в живых, он бы не сорвался. Я даже не думала, что так ослабла.

– Ты больше не та, что раньше, – отозвался я, глядя в черноту космоса. – Твое кольцо. Оно же из абсорбционной стали, как и доспехи инквизиторов. Благодаря ему ты впитывала эмоции, но не отдавала и не пропускала через себя. Копила Свет. Подавляла в себе чувства, создавала из них чудовищ. Ты хотела стать сильнее таким образом. Но теперь нужно искать силу в другом.

Сара спокойно выслушала меня и покосилась на кольцо в ладони.

– Можешь надеть его обратно, если хочешь. – Я плотнее закутался в куртку, спрятав руки в карманах. – Это твой выбор. Мы здесь все взрослые свободные личности. Но мой тебе совет: оставь эту дрянь. Живи ради себя, а не ради ожиданий Света.

– А если я не знаю как?

– Ищи способы. А мы поможем. Только попроси.

Сжав кулак, Сара выждала минуту, смиряясь со всем. Я надеялся, что она выбросит кольцо в океан, но та просто сунула его в карман брюк.

Я ничего не почувствовал, даже досады. Хотя должен был.

Внутри души я все еще бродил меж зеркал, некоторые из них продолжали кровоточить. В отражении больше не было человеческого облика, лишь настоящий – самый правильный. Когда я обнаружил это, то нашел и проход к Центру.

Я равнодушно оглядел его. Книга на постаменте – большая и тяжелая, исписанная нечитаемым языком. Моя память и жизнь. Под ногами валялись мятые грязные листы. Я коснулся шершавых страниц книги, осторожно провел пальцами по символам. В самом конце писания расплзлись большие черные кляксы. Пятна отпечатались глубоко в душе, и я не знал, как их вывести.

Вскоре пришли Стефан и Фри.

Все были подавлены. Казалось, что над Соларумом впервые за всю его историю сгустились непроглядные тучи. Как дальше жить – мы не знали. Но были обязаны.

И мы должны были поговорить.

– Дан обратился к Шакаре не потому, что это проще, – сказал я, все еще не смотря ни на кого. – Страшно было ступать на любой из путей. Но он боялся, что мы не пойдем. Боялся открыться другим. И предпочел быть один.

– И где мы теперь, – бросил Стефан. – И где он. Хочешь, чтобы мы его поняли и простили? После всего...

– Нет. Разумеется, это невозможно. Дан предал не Свет, а нас и в первую очередь себя. Я никогда его не прощу. Я... – следующие слова дались тяжелее прочих, – сделаю все, чтобы он не смог нам навредить, если однажды вернется. Но мы тоже предали его. Нужно было интересоваться им, не бросать во темноте. Но мы так боялись его неприятия, что сами от него и закрылись. Все всегда говорили, что он сам хорошо переживает горе, не нужно ему помогать. Мы бросили его. И потеряли.

Я оглянулся на друзей. Тех, что у меня еще остались.

– Больше никаких тайн и секретов. Слышите? Даже если вы считаете себя неправильными, думаете, что вы монстры, которых нельзя принять. Монстров здесь нет. Только сломанные души. Только

мы с вами. Больше никого. Мы не должны бросать друг друга и допускать подобное снова.

Фри присела рядом с Сарой, а Стефан встал позади меня.

– И что теперь? – спросил он.

Я снял звезду-подвеску и вобрал в грудь побольше воздуха. Передо мной тянулась граница мира. Манящая, неизведанная и свободная.

Так вот что видел Дан, делая шаг в пустоту, промелькнуло в голове.

Внизу тяжело и величественно кружился мир, не так давно спасенный нами. Он даже не подозревал о том.

– Ничего как прежде уже не будет. Больше никогда.

– Да, – сказала Фри. – Но мы все еще здесь. Помни об этом.

Ее слова пустили во мне трещину.

Запрокинув голову к звездам, я подумал, что Ранорий, возможно, был прав, назвав мир хаосом. И если Вселенная действительно мертва как сознание, мы предоставлены сами себе и только себе. Мы были вольны выбирать из всего бесконечного многообразия поступков и дорог.

– Буду, – тихо пообещал я. – Всегда.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ТОМА

Термины

Абсорбционная сталь – сталь, поглощающая эмоции и чувства, снижающая выработку *эфира* в *душах*.

Адьют – человек без морока на службе у *Соларума*. Обычно таким людям предлагают контракт на пятнадцать лет взамен на защиту и большую зарплату. Если адьюту удастся выжить по истечении срока, то он отправляется на безбедную пенсию, до самой смерти защищаемый Соларумом.

Аларонем – утерянный первый полис всех светлых существ.

Анимезис – основное религиозное учение обеих *Армий*. Делится на множество конфессий.

Анимериум – эзотерическая организация последователей *анимезиса*, специализируется на сборе коллективной памяти, связи *душ* и Вселенной.

Анимус – служитель *Анимериума*.

Апогей – высшая точка силы *звезд* и *дэларов*, выброс всех запасов *светозарного огня* или *мглистой черни*. В таком состоянии *душа* становится крайне разрушительной, в половине случаев – неуправляемой. Почти всегда после Апогея телесная оболочка распадается, а ослабевшая душа попадает в *сомниум* или умирает.

Апогей-посвящение – обряд, когда *люмен-протектор* официально вступает в должность и подселяет частицу *звездного Света* в свою *душу*.

Аргентион – самое большое из поселений светлых *эквilibрумов* на Земле.

Армия – то же, что и Империя. Есть лишь Армия Света и Армия Тьмы.

Ассист – бездушный дух-помощник, созданный для того, чтобы служить.

«Белый луч» – подпольная организация, предоставляющая незаконные услуги и контрабандные товары обеим *Армиям*.

Бесконечная война – главный и вечный конфликт между Светом и Тьмой, финала у которого не должно быть ради равновесия Вселенной.

Битва за Люксорус – битва, при которой Темной *армией* был разрушен *Люксорус*. После нее пропал Антарес Непогасимый, а Свет пришел в упадок. С тех пор обе Армии находились в стадии холодной войны. Битва завершила эру Коллапса, начав нынешнюю, пока не названную.

Блуждающая манипуляция – случайная *манипуляция* Вселенной, не сотворенная конкретной *душой*.

Вавилон (от «Вавилонское столпотворение») – главная канцелярия *Соларума*, располагающаяся на первом этаже.

Великий Пустотный Предел – условная граница Вселенной.

Великий Центр – центр Вселенной, где находятся *Временны́е Армилярные плиты*.

Верховный – предводитель *Армии*, сильнейшая звезда или *дэлар* из ныне живущих.

Верховный-Император – титул, используемый в прошлом, когда власть над Светом или Тьмой передавалась в рамках династии одного *генума*.

Войд – существо, проявление *Обливиона*.

Войдовый разрыв – место, полное *Обливиона*. Как правило, материя в таком месте аннигилируется.

Временной горизонт – линия времени. Делится на горизонт будущего, прошлого и точку горизонта – настоящее.

Временны́е Армилярные плиты – объект в самом центре Вселенной, от которого отсчитывается все время.

Генезис – отрезок времени, примерно равный 13 тысячам земных лет.

Генум – род звезд или *дэларов*. Существуют обычные генумы и магно-генумы, внутри которых передается видоизменяющийся дар. Большая часть магно-генумов уходит корнями к эре Зарождения и четырем первородным генумам.

Дальнейший путь – обозначение места, в которое попадает *душа* после смерти.

Девиантный сплит – *сплит*, которому удалось прожить достаточно долго, чтобы обрести несвойственные обычным сплитам особенности и видоизмененный облик, что часто связано с худшими сторонами его *души* при жизни.

Дозорный пункт – место, откуда *адъюты* следят за уровнем Тьмы. Существует в каждом населенном пункте.

Доминум – тип *манипуляций*, когда одна *душа* управляет другой тем или иным образом. Такого «хозяина» тоже называют Доминумом.

Дом Терры – строение, возведенное на Земле вокруг *Центрума эфира*. Находится в Антарктике.

Древо Мироздания – мировое древо, соединяющее небеса и землю. Оно может расти лишь на планете с приземленными и охраняет *Кордо Космо*.

Душа – совокупность воспоминаний, делающая индивида личностью. На основе накопленной памяти и эмоций душа вырабатывает *эфир*.

Дэлар – сильнейшая и высшая раса Тьмы.

Заоблачник – пренебрежительное обращение к *эквilibriumу*.

Звезда – сильнейшая и высшая раса Света.

Зеленый мор – буйное и неконтролируемое распространение *Обливиона*.

Зеркальная темница – пытка, при которой *душа* помещенного в зеркальную темницу медленно пожирается.

Зеркальный Шпиль – главное здание Белой крепости, располагается в столице Света – *Люксорусе*. В нем проводит заседания *Магистрат* Света.

Имаго – временная копия индивида, действующая отдельно от него, имеющая свою волю, но полностью подконтрольная ему.

Имперум – сосредоточение Света или Тьмы в префектуре, считается священной *душой* и представителем той или иной силы в материальной реальности. Имперум управляет префектурой наравне с *префектом*, ответственен за ее духовное благосостояние. В то время как префекта назначает *Магистрат*, Имперум – выходец из главного в префектуре *генума*. Чем мощнее Имперум, тем больше *эфира* на его территории. Он никогда не сражается, может лишь придавать сил отдельным душам и даже целым легионам.

Кальцеон – *префектура* Вселенной, принадлежащая к *Прималису*. В ней находится Земля.

Кандидат – *приземленный* с *расколом* в *душе*, еще не преобразившийся в *сплита*.

Квинтэссенция – уникальное проявление души, воздействующее на реальный мир. Окрашена аурой души, у дэларов и звезд к ней примешиваются *мглистая чернь* или частицы *светозарного огня*.

Коллапс – эволюционный этап сильнейших звезд и дэларов, когда душа больше не может сдерживать мощь вырабатываемого воспоминаниями *эфира*. Если ничего не предпринять, такие души раскалываются, обращаясь в недолго живущее, но разрушительное чудовище.

Комета – раса *эквilibрум* со свойством врачевания. Состоят из камня и света, способны мгновенно перемещаться на видимое расстояние.

Кордо Космо (также Сердце Мира) – объект, порожденный светлыми и темными, создающий *приземленных* и адаптирующий планетарные условия под них.

Космоинквизитор – состояние души после *Коллапса*, одна из финальных форм эволюции звезд и дэларов. Души инквизиторов находятся на грани *раскола*, чему препятствуют доспехи из *абсорбционной стали*, в которые те навсегда заточены. Инквизиторы не испытывают эмоций, а новые воспоминания – стерильны и почти не вырабатывают *эфира*. Зона их ответственности – вопросы на грани Света и Тьмы, когда следует взаимодействовать с врагом, руководствуясь лишь логикой и холодным расчетом, а не чувствами.

Котловина – огороженная область, заполненная *сплитами* и Тьмой.

Кровное оружие – оружие, которое способны создавать только *звезды* и *дэлары* на основе своей души.

Кровнорожденный – эквilibрум, рожденный в *генуме* от союза двух душ.

Круг Тринадцати – тринадцать главных *люмен-протекторов*, ходящих под зодиакальными созвездиями.

Лунный Дом – строение, возведенное на Луне вокруг *Центрума* ее *эфира*.

Луц – уважительное обращение к *звездам*.

Лучезарная крепость – одна из крепостей на границе *Прималиса*, создающая светлый барьер от массивных темных легионов и их военных машин, чтобы не подпустить их к столичному полису.

Люксорус – главный полис *Армии Света*, столица.

Люмен-протектор – человек с достаточно светлой для принятия звездного Света *душой*. Протекторы – охотники на *сплитов* и защитники человечества перед лицом всего темного на Земле.

Люминарная нить – собранный *Имперумами* префектур Свет, превращенный в нити. Ими сшивают осколки *души*, чтобы она могла вместить в себя больше сильных воспоминаний без угрозы *раскола*. Темным аналогом является тенебральная нить.

Люминосы – мелкие духи Света, подобные животным. Питаются *эфиром*, за что некоторыми воспринимаются как паразиты. Темный аналог – *тенебрусы*.

Магистрат – главный правящий орган власти в каждой *Армии*, состоящий из тысячи сильнейших *душ*.

Магн – обращение к духовенству / приставка ко многим должностям, указывающая на их наивысший чин.

Магнификум – первый язык *эквilibрумов*, древнейший. От него пошли все иные. Не переводим *душой*, один из немногих, которые необходимо учить.

Магн-легат – высший армейский чин.

Манипуляция – способ воздействия на Вселенную при помощи *эфира*. Часто вспомогательными средствами являются уравнения из *меток*.

Мглистая чернь – особая энергия *дэларов*, порождаемая их небесным телом.

Мемориум – прибор, в который можно поместить слои воспоминаний или их целиком для сохранности.

Мерцающее серебро – материал, убивающий темных.

Метеороид – оживленные при помощи *эфира* существа-стражи из камня или стали.

Метка – символ, несущий в себе определенные силы влияющие на мир.

Мировое кольцо – условное разделение Вселенной. Всего существует семь колец, которые слой за слоем оборачивают *Прималис*, расположенный в центре Вселенной. Каждое кольцо названо в честь одного из мифических колоссов и делится на верхнюю и нижнюю полусферы.

Монохром – шкала силы *дэларов*.

Монсис – одно из поселений светлых *эквilibрумов* на Земле.

Монструм – душа с нетипичными изменениями или *расколом*.

Морок – блок на восприятии *приземленных*, заставляющий их не замечать мир Света и Тьмы.

Мортмемория – название для «мертвой памяти». Воспоминания, которые утрачены без возможности их восстановить.

Мрачное золото – материал, убивающий светлых.

Небула – светлая раса *эквilibрумов*, духи туманностей. Состоят из пыли и света, способны менять облик. Навсегда связаны со своим Роем.

Обливион – пустота и забвение.

Обнуление – уничтожение всей памяти.

Омний – элемент, сплав Света и Тьмы, образуемый в местах битв. Способен заменить *эфир* при *манипуляциях*, позволяя не расплачиваться за них собственной *душой* и воспоминаниями. Из-за этого уникального свойства крайне ценится обеими *Армиями*.

Орнега – раса *эквilibрумов*, *душами* связанных со спутниками планет. Одна из двух рас, рождаемая с *метками* и способная как постоянно пользоваться их силами, так и даровать эти способности другим душам на время.

Осколок души – каждая *душа* делится на три осколка, один из которых носит в себе разум.

Падший – *протектор-дезертир*.

Паладин – сильнейшая верхушка *Магистрата*, в прямом подчинении у *Верховного*. Всего их тринадцать.

Параорбис – одна из прослоек реальностей, через которую проходят *души* между жизнью и *дальнейшим путем*.

Патрон – звезда или *дэлар* своей планетарной системы. Все ее *эквilibрумы* находятся под влиянием патрона и являются его *фактотумами*.

Планетар – раса *эквilibрумов*, *душами* связанных с планетами. Одна из двух рас, рождаемая с *метками* и способная как постоянно пользоваться своими силами, так и даровать их другим душам на время.

Праетер – единица измерения энергии *эфира*, а также главная вселенская валюта. Так, всю *душу* можно оценить или целиком расщепить на праетеры и расплачиваться ею.

Префект – главное лицо в управлении *префектурой* наравне с *Имперумом*. Глава министров и Совета префектуры, ответственный за его формирование и работу. В отличие от имперума, занят материальным благосостоянием префектуры, следит за порядком и всеми происходящими в ней процессами, отчитываясь напрямую *Магистрату*.

Префектура – сектор космоса со своим местным управлением в лице советов, *префекта* и *Имперума* со стороны Тьмы и Света. Делится на провинции.

Приземленный – так эквилибрумы называют людей. Самая слабая разумная раса, не видящая мир Света и Тьмы.

Прималис – центральный кластер *префектур*.

Прима-окулум – духовенство, высшие *анимусы*, постигшие Тринадцать Благ.

Примум – общее уважительное обращение.

Принципиум – конец Вселенной, к которому, согласно мифам и легендам, она должна прийти.

Протектор – см. *люмен-протектор*.

Психодар – специфический дар, влияющий на реальность, которым владеет *душа*.

Раскол – серьезная травма *души*, когда *осколки* теряют связь друг с другом.

Рекрут – *эквилибрумы* являются рекрутами первой *Генезис* жизни, постигая мир, свои силы, все науки и учась сражаться.

Репетмемория – воспоминание, будто вновь повторяемое в реальности.

Светозарный огонь – особая сила *звезд*, порождаемая их небесным телом.

Сердце Мира – см. *Кордо Космо*.

Соларум – штаб *люмен-протекторов*. Витает высоко в небе над экватором, ровно напротив солнца.

Сомниум – состояние, в которое впадает *эквилибрум* при смерти телесной оболочки. Его *душа* отправляется в хранилище, где бессознательно восстанавливается долгое время, а после возрождается при одном из следующих *Торжеств Генезиса*.

Сопряжение душ – слияние двух близких *душ*, неразрывная связь.

Спектр – шкала силы звезд.

Спектральное имя / Монохромное имя – второе имя звезды или дэлаара, связанное с их деяниями и характеристиками. Сменяется при переходе в новый монохром или спектр. За жизнь обычно накапливается пять имен, но может дойти и до десятка в зависимости от обстоятельств.

Сплит – человек, ставший чудовищем из-за раскола в душе.

Тарт – ругательство.

Тенебрион – главный полис Армии Тьмы, столица.

Тенебрус – см. Люминоссы.

Терра – так эквилибрумы называют Землю.

Торжество Генезиса – начало нового Генезиса, при наступлении которого рождаются эквилибрумы и возвращаются попавшие в сомниум.

Фамилия – группы, в которые вступают эквилибрумы, близкие по мыслям и духу. Их члены делят невзгоды, помогают и поддерживают друг друга. В отличие от гenums, фамилии объединяются не по родству.

Транзит – способ перемещения.

Узы Ноэ – кровное родство эквилибрумов.

Фактотум – эквилибрум, подконтрольный своему патрону. Отношения «патрон – фактотум» происходят в границах одной планетарной системы. Вместе они сильнее и их небесные тела находятся под большей защитой. Фактотум имеет право покинуть систему, если его не устраивает патрон.

Фантасмемория – название для ложных воспоминаний о событиях, которых либо не происходило в реальности, либо они происходили иначе.

Хранилище эфира – небесное тело эквилибрума. Там хранится его эфирное сердце и рождается основная часть эфира.

Ценсум – небольшой стеклянный шар для хранения праэтеров.

Центрум – центр эфира, находящийся на небесном теле.

Эквилибрис – равновесие между Светом и Тьмой, пронизывающее все и вся.

Эквилибрум – любая из рас, рожденная прямоком из Света или Тьмы.

Эссенция – субстанция, пропитывающая душу. Именно она определяет принадлежность к расе.

Эфир – энергия, порождаемая *душой*. Позволяет влиять на Вселенную.

Эфирное сердце – орган *эквilibriumов*, находящийся в хранилище *эфира*, соединяющий с ним *душу*.

Эфирное стекло – стекло, поглощающее *эфир*, *мглистую чернь* и *светозарный огонь*.

Эфиророжденный – *звезда* или *дэлар*, рожденный из Света или Тьмы.

Юниверсариум – научный центр.

Временные единицы (в пересчете на земные величины)

Секунда

Свегида ~ 100 секунд

Зом ~ полутора часов

Наом ~ четыре дня

Цебер ~ полутора месяцев

Эллер ~ полгода

Талидон ~ 10 лет

Мерион ~ 100 лет

Векада ~ десятая часть от Генезиса

Демада ~ половина от Генезиса

Генезис ~ 13 тысяч лет

Генезиум ~ 100 Генезисов

Магнориум ~ 10 000 Генезисов

Эры

Существует 29 эр, считая нулевую и нынешнюю, с самого зарождения до сего момента. Они одинаково расцениваются и называются в обеих Армиях, в то время как делящие их эпохи могут обозначаться по-разному.

0. Нулевая эра
1. Эра Зарождения
2. Эра Рабства
3. Эра Скитаний
4. Эра Нового начала
5. Эра Грома и войны
6. Эра Мифов
7. Эра Пожирателей
8. Эра Потерянных душ
9. Эра Безупречности
10. Эра Падения
11. Эра Темного бога
12. Эра Конца бесконечности
13. Эра Раскола
14. Эра Бездны и предела
15. Эра Вселенской тишины
16. Эра Слияний
17. Эра Благодати
18. Эра Последних императоров
19. Эра Восьмого сумеречного похода
20. Эра Серости
21. Эра Кризиса горизонта
22. Эра Искателей
23. Эра Войдов
24. Эра Вырождения
25. Эра Грез
26. Эра Конфронтаций
27. Эра Коллапса

28. Наша эра. Пока не названная

Персонажи

ЛЮДИ

Аданная Турай (Ада) – протекторша под знаком Рака. Ада более прочих погружена в медицинские манипуляции, а также является монструмом. Когда-то подселенная в ее душу эссенция кометы не только позволила ей исцелять других при помощи своего эфира, но и исказила облик.

Грей Фарадей – падший, был протектором под знаком Гепарда. Ушел из Соларума во время Второй мировой. Седой, большое самомнение, нелюбовь не только к Свету, но временами и к Тьме.

Дан Вуйцик – один из самых старых протекторов, знак Волка. Бывший наставник Максимуса. Помог Максимусу избежать суда и обнуления. Известен своей импульсивностью, педантизмом, обаятельностью и очарованием (по версии самого Дана).

Йорген – падший, созвездие Кота. Из-за раннего апогей-посвящения остался навсегда в подростковом возрасте.

Карла Эстебан – падшая, созвездие Прометея. Покинула Соларум вместе с Греем.

Кимико Сано – протекторша под знаком Козерога. Нелюдимая глава техотдела, прямолинейная и временами грубая.

Коул Харрис – почти самый старый протектор. Змееносец. Негласный лидер Соларума, заступающий на должность Смотрителя в чужой срок, если того требуют обстоятельства. Его сложно вывести из себя, всегда спокоен и логичен. Коулу доверяют все без исключения за его долгую и безукоризненную службу, а также за открытость к каждому из протекторов. Известен любовью к охоте и китайской культуре.

Ламия Казвини – протекторша под знаком Близнецов. Пытливая и интересующаяся, вместе с Весами работает в манипуляционном отделе. Зациклена на своих разработках и влиянии заоблачного мира на мир человеческий настолько, что постоянно забывает о сне и еде.

Максимус Луцем – протектор под знаком Стрельца. Во время событий с возвращением Антареса за небеса потерял треть памяти. Полузвезда, способен создавать светозарный огонь и видеть чужие души при касании.

Маркус Айхенвальд – бывший протектор под знаком Ориона. Был лучшим другом Дана и наставником Сары. Погиб от рук Грея.

Павел Крылов – протектор под знаком Тельца. Из-за инцидента со светозарным огнем у него изуродована половина лица и нет глаза, а неправильная манипуляция лишила его восприимчивости к боли, потому Павел часто калечится, того не замечая. Несмотря на свой грозный вид, крайне добродушный и открытый человек, слегка наивный, всегда готовый подставить плечо поддержки. Бывший наставник Фри.

Паскаль Фавро – протектор под знаком Скорпиона. Один из самых преданных делу и закону протекторов, прирожденный управляющий, жесткий, опытный и требовательный. Учитывая ошибки прошлого, считает, что любое проявление Тьмы обязано быть уничтожено. Порой эта позиция превращается в манию. Несмотря на временами вздорный характер, ему можно доверить абсолютно любое задание. Будучи Смотрителем, приговорил Максимуса к обнулению за его связь с Тьмой.

Рамона да Коста – протекторша под знаком Рыб. Сильнейшая из ныне живущих протекторов. Была отлучена от Соларума на семь лет за инцидент, при котором чуть не погиб Грей (еще до его ухода к падшим), но по истечении срока Рамона так и не вернулась в Соларум, продолжив выполнять свой долг на отдалении. Бывшая наставница Дана, Маркуса и Грея.

Сара Грант – протекторша под знаком Льва. Самый ответственный протектор из всех. Кажется, что она почти не испытывает эмоций: долг перед Светом и Устав стоят для нее превыше всего. Работа – смысл ее жизни. Сара готова исполнить любой приказ беспрекословно. За свою принципиальность, непреклонность и холодность со всеми протекторами без исключения получила кличку Железная дева.

Стефано Феррари (Стеф, Стефан) – протектор под знаком Водолея. За спиной его называют Палачом из-за преступлений

прошлого. Нелюдимый и язвительный, старается как можно меньше участвовать в делах Соларума.

Тисус – протектор под знаком Весов, самый старый из всех, был еще в первой сотне. Никогда не покидает Соларума. Тисус является главой Манипуляционной и вполне мог бы быть первым среди протекторов, но он слишком нелюдим.

Фри – протекторша под знаком Овна. Наставница Максимуса, которая помогла ему бежать от обнуления. Фри не помнит своего настоящего имени, как и ничего о своей жизни до протекторства, память была уничтожена при столкновении со сплитами. Являясь одной из Круга Тринадцати, она хуже других использует звездный Свет, но компенсирует это пробивным характером и трудолюбием.

Ханна Йоргенсен – протекторша под знаком Девы. Лучший лекарь из протекторов. Близкая подруга Паскаля, пытающаяся вправить ему мозги, когда нужно. Ханна принципиальна и порой жестка, но всегда готова прийти другим на помощь.

Шакара – падшая, была в первой сотне протекторов, ходила под знаком Сокола. Шакара – ученая, сосредоточившаяся на Свете и Тьме в телах приземленных. Ради опытов, расходящихся не только с человеческой моралью, но и с моралью эквилибрумов, ушла от протекторов.

ЭКВИЛИБРУМЫ

Алеа Памятная ат Рух – сказительница временного горизонта. Генум Рух благодаря своему психодару способен заглядывать в будущее и достаточно четко трактовать его. Алеа – доверенная Зербрага, к которой он обращается перед важными решениями.

Альдебаран Стойкий ат Белзирак – префект Кальцеона, в который входит и Солнечная система. Уважаемый воин, бывший подчиненный Зербрага Прожигającego и старый друг Антареса Непогасимого.

Антарес Непогасимый ат Анимера – Верховный Света, сильнейший из всех. Долгое время считался погибшим после Битвы за Люксорус

Баэрдод Путеводный ат Прима – первый Верховный Света. Пытался связать свой народ с Тьмой и познать природу еще не изученной Вселенной. Был убит Ноэ. Основатель первой ветви магно-генумов, чьи психодары базируются на взаимодействии с чужими телами и душами.

Бетельгейзе Хранящая ат Анимера – Первый паладин Света.

Вестус Ярый Глаз ат Анимера – бывший Третий паладин и отец Антареса, погибший вскоре после его рождения.

Габиум Тихий Луч – доверенный Альдебарана, которого тот принял в круг ближайших помощников за свое спасение.

Гесцил Костолом ат Диарат – звезда желтого спектра, Десятый паладин.

Девронис Странница ат Прима – одна из Верховных Света древности. Создала первые Универсариумы, посвятила всю жизнь изучению Вселенной и происходящих в ней процессов.

Зербраг Прожигающий – Второй паладин Света. Известный и старый военачальник, недавно вернувшийся из долгого сомниума.

Зерин Пепел ат Левераль – Верховный-Император, устроивший геноцид генума Тамалекрон в начале эры Последних Императоров.

Йадесцил Искроликий ат Диарат – был Паладином при Зерине Пепле, возглавлял геноцид генума Тамалекрон по его приказу.

Кальбадден Пекло – звезда красного спектра, Пятый паладин.

Кетес Ищущий – известный разведчик, ныне покойный. Искал утраченное наследие Света, основываясь на мифах и легендах, из-за чего получил прозвище Искатель сказок. Был наставником Зербрага.

Лаэрт Покоритель ат Прима – сын Баэрдода Путеводного. При помощи дара генума поработил всех темных эквилибрумов на целую эру, создав Империю Света.

Луна ан Солнце – орнега, работавшая в «Белом луче» и выкравшая оттуда осколок Антареса. Именно она ввела Максимуса в поиски Верховного.

Лэстрада Туманная – дэларша, скрывавшаяся в оболочке Меморы Восходящей по приказу некоего Мастера. Пыталась отыскать осколки Антареса, наблюдая за Максимумом, но была им же и повержена.

Малеанора Прозревшая ат Вермор – основательница второй ветви магно-генумов, самой немногочисленной, чьи психодары

базируются на взаимодействии с временным горизонтом.

Мемора Восходящая – звезда голубого спектра, многообещающая душа, отмеченная вышестоящими чинами. За свои достижения продвигалась по службе и была направлена послом Магистрата Света на Землю.

Меркурий ад Солнце – планетар, фактотум Солнца, ныне работает на «Белый луч».

Нейфомена Гремящая – Седьмой паладин, звезда оранжевого спектра.

Нерман ад Тенемад – планетарша, лекарь, специализирующаяся на душах. Живет в поселении на Терре, уйдя в отпуск после долгой службы. Позволила Дану пользоваться своей меткой мгновенного транзита.

Нест Хрупкий – Верховный до первого избрания Антареса. Почти довел Свет до еще одного Великого раскола.

Ноэ Презренная ат Апостат – дэларша, дочь Ревершиля Падшего, убившая Баэрдоду Путеводного из кровной мести.

Обервеза – наместница третьего Храма Силентиума.

Оверин Светоносный ат Джиззе – космоинквизитор, древний эквilibрум. На нем остановилось правление Верховных-Императоров Джиззе, так как Оверин не смог принять титул из-за Коллапса души.

Оттана Устремленная – бывшая Верховная Света, почившая не так давно. Известна своей политикой спасения светлых душ и избегания прямых конфронтаций с Тьмой.

Паутерлис Знаменосный – Третий паладин, старый, уважаемый эквilibрум.

Поллукс Опаленный – звезда, военный преступник, один из основателей «Белого луча», Мастер механизмов. Генум Белзирак, в котором Поллукс был рожден, отрекся от него. Из-за пленения потерял психодар.

Ранорий Незабвенный – глава одного из темных военных инженерных корпусов, посол Магистрата Тьмы на Земле. Как рожденный в префектуре Мавры, придерживается ее обычаев и скрывает свой телесный облик.

Ревершиль Падший ат Апостат – дэлар, первый предводитель Тьмы. Был казнен Баэрдодом Путеводным за преступление.

Селера Звонкая атре Анимера – мать Антареса, сопряженная Вестуса Ярого Глаза, погибшая вместе с ним.

Сириус Верный Дух – звезда голубого спектра, доверенный Альдебарана.

Тамиклан Строитель ат Энебалеа – основатель третьей ветви магно-генумов, чьи психодары базируются на взаимодействии с материальным окружающим миром.

Тараре Дикая Пропась – звезда желтого спектра, служащая в «Белом луче». Является главой земного отделения.

Тарт Расколота – опальная Верховная прошлого, сошедшая с ума после раскола души. Тарт губила собственный народ и была свергнута им же. Считалась сильнейшей звездой до Антареса Непогасимого.

Тесавема Бравая ат Тамалекрон – Пятый паладин при Верховном-Императоре Зерине Пепле. Считалось, что она замышляла его свержение, из-за чего тот, убив ее, начал геноцид всего Тамалекрона.

Эстесса ат Ятджой – Имперум префектуры Роштамм.

Юферия ад Зербраг – фактотум Зербрага Прожигającego, его незаменимая помощница. Ее меткой является абсолютная память.

Яронес Пронзающий ат Анимера – отец Бетельгейзе, когда-то воспитывал Антареса. Оба вспоминают о нем как о деспотичной, холодной душе.

Язетейя Двоящийся ат Хелесис – основатель четвертой ветви магно-генумов, чьи психодары базируются на взаимодействии исключительно с собственной душой и телом.

ИНЫЕ СУЩНОСТИ

Гортрас – темный, согласно легендам, живший с зарождения всего. Способен влиять на всю Тьму, а также сознания темных эквилибрумов. Его силы считаются аномально мощными, вселяющими страх в любую светлую душу. Гортрас был пленен Антаресом после Битвы за Люксорус.

Черно-Белые – двухцветные существа, буквальное отражение друг друга. Они способны влиять на любые сознания и души вне

зависимости от сил оных. Появляются где угодно и когда угодно по личному желанию, преследуя известные им одним цели.

notes

Примечания

1

Познай самого себя (*лат.*).

2

А это уж точно не была работа протекторов.

3

1 наом – ок. 4 дней.

4

1 цебер – ок. полутора месяцев.

5

1 эллер – полгода.

6

1 зом – ок. 1,5 часов.

7

1 талидон – ок. 10 лет.

Пер. Ирины Гуровой.